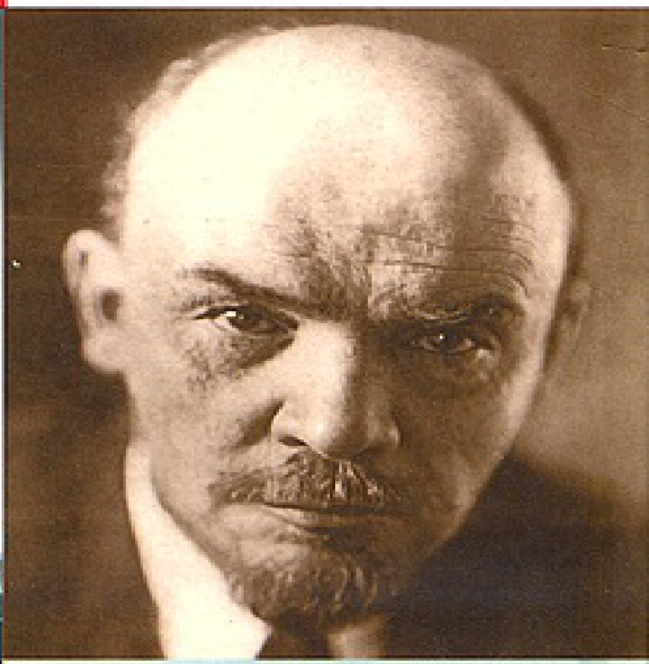
ЛЕНИН

Роберт Пейн

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Изданная в Великобритании в 1964 году, эта книга, переведенная на многие языки, до сих пор является одной из самых популярных биографий В. И. Ленина за рубежом. Свою главную задачу Р. Пейн видел в том, чтобы написать историю «сломленного, измученного, невероятно щедро одаренного природой человека, единственного в своем роде, которого без колебаний можно назвать политическим гением». Удалось ли автору достичь цели? Теперь, с выходом книги на русском языке, судить об этом может не только зарубежный, но и отечественный читатель. В творческом наследии Р. Пейна немало и других интересных биографий. Эта книга — дебют Роберта Пейна в России. Книга иллюстрирована черно-белыми фотографиями.

- Пейн Роберт
  - От редакции
  - Введение
  - Предтеча
  - «Университеты» революционера
  - Глухие годы
  - Перед бурей
  - Завоевание власти
  - Лед сломан
  - Долгая агония
  - Основные даты жизни и деятельности В. И. Ленина[63]
  - Литература
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58

- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63

Пейн Роберт
Ленин: Жизнь и смерть

Жизнь замечательных людей ®

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

От редакции

Поразительно, но факт: ни в советские, ни в послесоветские времена биографии Ленина в серии «ЖЗЛ» не было. Два Наполеона, три Некрасова, четыре Пушкина (без учета павленковских изданий) и… ни одного Ленина. Каталог серии «ЖЗЛ» в именном указателе своих героев упоминает о Владимире Ильиче исключительно в связи с малым жанром (коротенькие очерки и эссе в сборниках М. Горького, А. Луначарского и К. Паустовского). Не густо для вождя трудящихся и основателя Советского государства. С отсутствием Грибоедова, Врубеля, Булгакова, Петрова-Водкина до недавнего времени еще можно было как-то примириться, следуя поговорке: досадно — да ладно… Но — Ленин! Как ни крути, налицо библиографический парадокс.

Каждый волен интерпретировать этот парадокс по-своему. На наш взгляд, все достаточно просто. Долгое время лениниана подразумевала высшую меру издательской ответственности (увы, не только и не столько перед читателями), затем данную тематику, напротив, обуяла лихорадка утрированной безответственности: уж если ваять, то либо в бронзе либо из экскремента (ничего не поделаешь — особенности национальной историографии в перестроечный период). Такова в общих чертах диалектика конъюнктуры, уберегшая поочередно Ленина от «ЖЗЛ» и «ЖЗЛ» от Ленина. Как бы то ни было, непреложным является тот факт, что недостатка в авторских заявках на написание ленинской биографии для серии «ЖЗЛ» редакция никогда не испытывала (последняя из них, кстати, весьма заманчивая в коммерческом смысле, датируется временем, когда настоящая книга уже версталась), но в том-то и суть, что уже на стадии заявок практически всегда отчетливо прослеживались две взаимоисключающие авторские установки: либо укутать своего героя «как мимозу в ботаническом саду», либо «раздеть до костей».

Затеяв нешуточное дело по переводу и подготовке к изданию (впервые на русском языке) книги Роберта Пейна о Ленине, редакция серии «ЖЗЛ» с самого начала отдавала себе отчет в том, что данная публикация может вызвать определенное недоумение и ряд вопросов со стороны наших читателей. Постараемся a priori их сформулировать и прояснить, насколько это возможно,

позицию издательства.

Вопрос первый. Не лучше ли было отдать предпочтение не иностранцу, а кому-нибудь из отечественных авторов? — На него, как кажется, мы уже ответили. К сказанному выше добавим лишь, что в стране, где левое и правое пока только учатся сосуществовать безболезненно и на благо целого, где Ленин — это, что там ни говори, родное (со знаком минус ли, плюс ли — но в любом случае, родное и очень живое — оттого-то все больше не минусы и плюсы, а только минусы или только плюсы да еще почти всегда вопиюще жирно прописанные), вряд ли в скором времени появится сколько-нибудь объективная биография советского вождя. Остается лишь надеяться и ждать.

Вопрос второй. Если речь идет об объективности, то разве может ее гарантировать перо иностранного автора? — Конечно же, нет. Книга Р. Пейна — это взгляд на российские события извне, взгляд типично западный. Облик Ленина, каким его рисует автор, в известном смысле хрестоматиен, но хрестоматиен, если так можно выразиться, на западный манер (кстати, живем и думаем мы сегодня тоже все больше на западный манер — хорошо это или плохо — одному Богу известно). Популярность данного труда за рубежом, его многочисленные переиздания и переводы, а также растаскивание на цитаты у нас в печати и на телевидении — все это и побудило редакцию издать наконец его полностью.

Вопрос третий. Поскольку пейновская биография Ленина впервые была издана в 1964 году, не устарела ли она и не нуждается ли в серьезном комментировании?

Безусловно, после ее выхода в свет появилось целое море новых исследований и публикаций, которых автор не мог учесть. Безусловно и то, что в ней содержится большое количество спорных, а иногда и откровенно ошибочных положений (автор недостаточно критично отнесся к ряду документов и мемуарных свидетельств). Но попытка развернутого комментирования повлекла бы за собой в данном случае рождение на свет еще как минимум такого же по объему тома. Как говорил знаменитый английский премьер, «правда настолько драгоценна, что ее постоянно сопровождает эскорт лжи». С этим, увы, приходится мириться. Читатель же серии «ЖЗЛ», как правило, высоко эрудирован и отлично подготовлен, в чем нас постоянно убеждает редакционная почта.

С Робертом Пейном можно спорить и не соглашаться, но в чем его никак нельзя обвинить, так это в недооценке роли Ленина во всемирно-исторических судьбах. Вот лишь несколько цитат: «Пожалуй, ни одному смертному до него не удавалось настолько

преобразить облик России, как, впрочем, и всего мира. След, оставленный им в мировой истории, неизмеримо ощутимей наследия, скажем, Александра Македонского, Тамерлана или Наполеона». «Его фантастическая воля была тем рычагом, с помощью которого он намеревался вывести Землю на новую орбиту, облюбованную и заданную им самим, и он рванул рычаг с такой силой, что до сих пор содрогаются земные недра». Свою главную задачу автор видел в том, чтобы написать историю «сломленного, измученного, невероятно щедро одаренного природой человека, единственного в своем роде, которого без колебаний можно назвать политическим гением». Удалось ли Р. Пейну достичь цели? Теперь, с выходом книги на русском языке, судить об этом может не только зарубежный, но и отечественный читатель.

Данная биография была полностью готова к сдаче в типографию, когда центральные российские газеты, следуя давнему апрельскому обычаю, вновь обратились к ленинской теме. Всерьез порадовала «Литературная газета».[1] Материалы, данные под рубрикой «Спор-клуб», право, стоят того, чтобы их прочитать полностью. Особенно это касается интервью писателя, ректора Литературного института, С. Есина. С любезного разрешения автора позволим себе процитировать небольшой его фрагмент, показавшийся нам особенно актуальным в русле нашего разговора с читателем.

«— Почему на Западе к фигуре Ленина относятся с куда большей… ну, скажем так — толерантностью, нежели у нас?

— Я полагаю, что главное, почему Запад относится к Ленину несколько по-другому, чем его родной «Восток», связано с чувством, если хотите, неожиданным, а именно с религиозностью. Этот самый безбожник, атеист освободил волю человека, расковал его социальную предопределенность, пытался, в библейском смысле, нарисовать на Земле некую идею братства… Я, конечно, ушел в сложную сферу, и мне сейчас же напомнят о письмах Ленина относительно террора против представителей православного духовенства, и не только православного… А я вспомню Великую французскую революцию и ее отношение к религии. Все революции одинаково относятся к надстроечным явлениям. Я начну размышлять по поводу того, что даже письменные угрозы — это еще не распоряжения к действию. Что скорее всего это простая угроза, а дальше уже начинаются действия аппарата, который еще недавно ходил в церковь и молился. На Западе эти моменты просто рассматриваются через призму всей мировой культуры и всего мирового революционного движения. У нас же болят отдельные язвы.

Для нас Ленин — это еще наш соотечественник, он еще очень близкий, он чуть ли не из астраханских прасолов, его отец даже не потомственный дворянин, а просто какой-то самоучка… А Запада это уже миф, это уже где-то рядом с Магометом, Буддой, Аристотелем, Наполеоном. И с точки зрения мифотворчества — это уже одна компания…

Если ракете придать определенную сверхскорость, она может улететь за границы системы. То же самое и миф. Когда он заведен, он уже вне человеческих рук, он начинает действовать как какая-то иная справедливость…»

Введение

Мученикам

Призрак бродит по планете, призрак Ленина. Пожалуй, ни одному смертному до него не удавалось настолько преобразить облик России, как, впрочем, и всего мира. След, оставленный им в мировой истории, неизмеримо ощутимей наследия, скажем, Александра Македонского, Тамерлана или Наполеона, — он один сумел изменить ход истории. То, что сейчас обозначают словом «коммунизм», — творение его мысли, дитя его плодовитого ума, выпестованное им за долгие годы изгнания. Его фанатическая воля была тем рычагом, с помощью которого он намеревался вывести Землю на новую орбиту, облюбованную и заданную исключительно им самим, и он рванул рычаг с такой силой, что до сих пор содрогаются земные недра.

Для того чтобы понять, что такое коммунизм, необходимо поближе узнать этого человека, проникнуть в его внутренний мир, только таким образом можно найти объяснение тому, как в глубинах его ума родилась эта теория с присущими ей догмами. Без него не было бы русской революции. Он называл себя марксистом, на деле же перекраивал и переиначивал Маркса, как ему было угодно для достижения собственной цели. В нем было больше от средневекового владыки, чем от Маркса.

Разумеется, жизнь такого человека, снискавшего себе столь громкую известность в мировой истории, не могла не обрасти легендами. Самая незамысловатая из них повествует о том, как сын бедного школьного учителя на заре своей юности посвятил себя революционной деятельности, за что был брошен в тюрьму и приговорен к изнурительным каторжным работам в глухой Сибири, где его наверняка ждала неминуемая гибель. Но ему удалось бежать из России; в Европе, будучи в изгнании, он испытывал тяжкую нужду и лишения, и так было до тех пор, пока он не вернулся в 1917 году в Петроград, чтобы возглавить вооруженное восстание рабочих против царя. После этого он жил тихо и скромно, этаким философом-отшельником, правил страной как справедливый, обожаемый всеми своими верноподданными правитель, пока не умер в 1924 году от кровоизлияния в мозг. Он олицетворял собой вершину русского гения, был чисто русского происхождения, без капли инородной

крови, и одаренность его по природе своей была чисто русского характера.

Как мы расскажем далее, этот мифический образ не имеет ничего общего с подлинным Лениным. На самом деле он был сыном не бедного школьного учителя, а инспектора народных училищ огромной губернии, дворянина, которого величали не иначе, как «ваше превосходительство». Да, Ленин был арестован и сослан в Сибирь. Но жил он там в достатке, тишине и уединении, столь необходимых ему для занятий. К нему никто не применял никаких насильственных мер, более того, ему даже было позволено иметь при себе огнестрельное оружие. Да и в Европе он жил с комфортом, как и подобно среднему буржуа; там он успел спустить три весьма крупных состояния, которые в разное время сами плыли ему в руки. Как всякий обыкновенный человек, он имел любовниц и далеко не всегда соответствовал образу затворника-мыслителя. По возвращении в Петроград он завоевал власть, в чем ему очень помогли Троцкий, вооруженные отряды рабочих, матросы Балтийского флота и солдаты местного гарнизона. Царя свергли задолго до этого. Да, кстати: в нем не было ни капли русской крови. Умер он от яда, который ему был введен по распоряжению Сталина.[2]

Это был человек, ошеломлявший своей энергией, целеустремленностью, прямолинейностью, — при том, что ему также были свойственны сильнейшие внутренние переживания, бури чувств. Он постоянно страдал от нервного истощения и был подвержен приступам помрачения сознания, и в такие моменты он был словно одержим духом разрушения. Были вещи, которые ему дано было видеть, как ясновидцу, даже в темноте, но было и много такого, чего он не мог различить и в ярком свете дня. Например, он понимал, что многие институты общественной власти не облегчали, а, наоборот, усугубляли угнетенное положение большинства человечества; он видел их порочность и знал, как легко будет срубить это гнилое дерево. Однако институты власти, созданные им самим и пришедшие на смену старым, оказались такими же порочными и вредоносными для людей. Ленин был человеком, который искренне верил, что рожден с единственным предназначением — сделать жизнь всех людей на Земле счастливей, но в конце своего пути он вполне мог бы сказать словами Шигалева, одного из действующих лиц книги Достоевского «Бесы»: «Я запутался в собственных данных, и мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу. Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом». И когда, лежа на смертном одре, умирающий, он просил трудящихся России простить его за все

содеянное им зло, — именно в тот момент своей жизни он был действительно велик.

На страницах своей книги я предпринял попытку провести грань между Лениным-легендой и Лениным-человеком, каким он был наяву, живым, одушевленным. Мне хотелось представить себе, как он ходил, как он смеялся, что он говорил, когда бывал раскрепощен, не загонял себя насильно в жесткие рамки; как, каким путем ему в голову приходили немыслимые фанатические догмы, которые в определенный период истории могли расшатать мировые устои. Я хотел проникнуть в глубины его души в тот момент, когда он готов был решиться на самые отчаянные из своих предприятий, и подсмотреть, не было ли в нем страха. Кроме того, мне было любопытно разобраться в его отношениях с женщинами — из тех, кто серьезно вошел в его жизнь. И еще мне хотелось знать — способен ли он был на долгую и прочную дружбу с мужчинами. Особый интерес у меня вызывали его записи в блокнотах; из них создается представление, как рождались его мысли. Я умышленно привожу достаточно длинные выдержки из его работ, считая, что это позволит услышать его живой голос. Главным источником в работе над книгой для меня служили его работы, вошедшие в Полное собрание сочинений, а также воспоминания людей, знавших его лично; что касается Сталина, то поскольку он ничтожно мало участвовал в эпопее, связанной с жизнью Ленина, я не стал уделять ему слишком много внимания, — в этом не было необходимости. Он в повествовании действует за сценой.

Бывает, очень не просто отделить человека от легенды, уж слишком тесно переплетается явь с вымыслом. Ленин и сам отлично понимал, что отчасти сделался легендой. Это был человек, в котором были заложены огромные возможности, как в благих делах, так и в неблагих; в нем был источник такой энергии, что даже после его смерти людям казалось, будто он продолжает излучать ту же силу, лежа в мавзолее. А в остальном это история сломленного, измученного, невероятно щедро одаренного природой человека, единственного в своем роде, которого без колебаний можно назвать политическим гением.

Роберт Пейн

Предтеча

Наше дело — страстное,[3] полное, повсеместное и беспосчадное разрушение.[4]

С. Г. Нечаев. Катехизис революционера

Арестант, представший перед московским судом 20 января 1873 года, никак не соответствовал сложившемуся в обществе образу революционера. Он был маленький, коренастый, — одним словом, самой заурядной внешности. Лицо у него было длинное, смуглое, нос широкий и плоский, густые темные волосы и колючие голубые глазки. Видно было, что он истощен и держится только нервным напряжением. О его похождениях рассказывали самые невероятные истории, большую часть из которых придумал он сам. Но те из них, что и впрямь с ним случались, действительно поражали воображение. На судебные заседания он являлся в черном пиджаке и грязном жилете, вел себя вызывающе, демонстрируя свое презрение к закону; судей редко удостаивал своим вниманием и с отсутствующим выражением лица грыз ногти. Один из репортеров, освещавших процесс в прессе, с недоумением писал, что самое необычайное в подсудимом то, что ничего необычайного в нем нет. Но суд трепетал перед ним, хотя подсудимому было всего 24 года.

Имя подсудимого было Сергей Геннадиевич Нечаев. Теперь оно почти забыто. Мало кто читает его работы; да и в России XIX века он был известен, пожалуй, лишь небольшому кругу студентов. А между тем это был человек, который усилиями собственного ума, без чьего бы то ни было участия, выбил на скрижалях истории заповеди, ставшие непреложным законом для всякого революционера, своего рода руководством к действию с таковыми последствиями, что в конце концов содрогнулся весь мир. Нечаев был из тех, кого русский писатель Н. Г. Чернышевский называл «двигателем двигателей». Он первый расшатал камень, и лавина тронулась.

Непонятно, как из среды, взрастившей и воспитавшей Нечаева, мог появиться человек, которого со временем убоится сам царь. Нечаев родился 20 сентября 1847 года в Иванове. В то

время это был небольшой городок. В нем развивалась текстильная промышленность, но он скорее походил на разросшуюся деревню. Только позже Иваново станет Иваново-Вознесенском, крупным промышленным городом. Отец Нечаева держал постоялый двор, занимался мелкой торговлей, ремеслом и вообще был мастер на все руки. Женившись на дочери маляра из Костромы, он вошел в дело своего тестя. Как мастер он был весьма популярен среди населявшего Кострому мелкопоместного дворянства, его приглашали в особняки расписывать стены и украшать зады к предстоящим торжествам. Он слыл настоящим умельцем и был нарасхват.

Самые ранние годы своей жизни Нечаев провел в семье своей матери в Костроме. И хотя это была уже середина XIX века, Кострома еще сохраняла облик великолепного старинного, богатого города. В Костроме верность царю впитывали с молоком матери. Верноподданные с колыбели знали, что над ними всеми есть царь-батюшка, который правит строго, но милостиво, и что власть его простирается далече-далече, до самых пределов его империи. Такого в Иванове уже не было; верность царскому дому была поколеблена недовольством народа, испытывавшим на себе весь гнет промышленной революции. Кострома же все еще оставалась городом с картинки, писанной декорацией к исторической пьесе: вся в церквях с куполами-луковками и за крепостной стеной с башнями. А в Иванове работали фабрики, день и ночь гудели ткацкие станки, и созревал рабочий класс, недовольный жалкой оплатой своего труда. Этот город был взаправдашний, в нем бурлила жизнь, у людей были натянуты нервы, — там было все всерьез. Детство Нечаева проходило попеременно то в Костроме, то в Иванове.

Тем временем отец Нечаева пошел в гору и стал работать художником-декоратором в костромском театре, посещаемом местной знатью. Иногда мальчику поручали исполнение какой-нибудь роли. Позже вспоминали, что игра он хорошо. Правда, голос у него был резковат, но зато он отлично чувствовал драматические моменты. Годы спустя, разрабатывая теорию революционной стратегии, он писал: «Это пока только пролог. Давайте же, друзья, сыграем его так, чтобы приблизилось действие самой пьесы».

Когда Нечаев сидел на скамье подсудимых в московском суде, первый акт пьесы уже был отыгран. Невзирая на то, что за всю свою жизнь он совершил всего одно убийство, да и то бессмысленное, пощады он не ждал. Формально его судили за убийство молодого человека, студента, звали которого Иван Иванов. Но и сам Нечаев, и суд понимали, что на деле его судят

не за это преступление — истинная его вина вообще не подлежала обсуждению. А виноват он был в том, что нашел ключик от заветного ларца, в котором хранилось всесильное зелье, яд, грозивший погибелью целому государству.

Он это знал, и судьи прекрасно понимали, что он это знает. Ежедневно царю доставлялись протоколы суда, в которых до мельчайших подробностей фиксировалось все, что происходило во время слушания дела. Царь внимательнейшим образом изучал эти документы вместе с прилагаемыми к ним рапортами майора, командовавшего взводом охраны, приставленной к заключенному. Нечаев между тем куражился в суде. Чтобы показать, как надоела ему судебная процедура, он мог, сбросив оцепенение, вдруг вскочить и, засунув руки в карманы, начать выкрикивать своим пронзительным голосом прямо в зал: «Я не признаю суд! Не признаю царя! Не признаю законы!» Председательствовавшему всякий раз приходилось призывать его к порядку. Нечаев замолкал и принимался поверх голов что-то рассматривать, как будто искал знакомых; а то просто сидел, громко барабаня пальцами по барьеру. В детстве его немножко учили музыке; известно, что он неплохо игра на флейте. Однажды, когда Нечаева допрашивал судья, он, словно потеряв ощущение реальности, начал изображать пианиста, барабаня по барьеру обеими руками.

В этих нечаевских «приступах безумия» была своя тактика. Он намеренно провоцировал суд, играя роль этакого преданного делу революционера, которому ненавистны законы, судьи, все правовые институты. Обвиняемые в убийстве редко выказывают ледяное безразличие по отношению к тем, кто их обвиняет. Нечаев же обладал стальными нервами. Он всячески старался создать впечатление невиновного человека, противостоящего государственной власти, за то и судимого. Таково было его изначальное намерение. Главным своим оружием он избрал презрение.

Дело, по которому он был привлечен к суду, имело крайне омерзительный характер. Нечаев выдавал себя за руководителя организации революционеров, насчитывавшей по всей России четыре миллиона сообщников. На деле же ему подчинялись три или четыре небольших кружка заговорщиков. Самой многочисленной была группа в Петербурге, состоявшая из студентов. Еще была группа в Москве, а также в Туле, где находились Императорские оружейные заводы. Так что общее количество его сообщников вряд ли превышало три или четыре сотни человек. Нечаев соблюдал строжайшую конспирацию и действовал под разными именами: то он бывал Иваном

Петровым, то Иваном Павловым, Дмитрием Федоровым, капитаном Паниным, а иной раз даже специальным агентом 2664. Под этими именами он сновал от кружка к кружку, собирал взносы с заговорщиков, сочинял тексты прокламаций, их он намеревался пустить в ход в будущем, составлял списки важных государственных чиновников, заочно приговоренных революционерами к смертной казни, а также писал листовки, которые подчиненные ему студенты расклеивали на досках объявлений в своих учебных заведениях. Правда, эти листовки то и дело срывали неохваченные Нечаевым студенты или полиция. Всякий раз, заявляясь в кружок, Нечаев говорил, что страшно спешит, у него совсем мало времени, так как его на важное заседание Центрального исполнительного комитета, которое вот-вот откроется где-то очень, очень далеко.

Иван Иванов принадлежал к небольшой группе нечаевских последователей из числа студентов Петровского сельскохозяйственного училища в Москве. Однажды Нечаев велел ему расклеить листовки на стенах студенческой столовой. Листовки имели откровенно подстрекательский характер. Они были озаглавлены так: «От тех, кто объединен, тем, кто разъединен». Иванов, однако же, отказался. было это в ноябре 1869 года.

— Говорю вам, речь идет о поручении нашего общества, — сказал Нечаев. — Вы что, не подчиняетесь обществу?

— Я отказываюсь подчиняться обществу, которое приказывает совершать явно бессмысленные, глупейшие поступки.

— Итак, вы отказываетесь подчиниться обществу?

— Да, если оно глупо поступает.

Нечаев замолчал, озадаченный неповиновением студента, но не стал применять к нему никаких карательных мер. Он исчез из Москвы и, по всей вероятности, провел две недели в Туле, где в ту пору вовсю шла подготовка к захвату Императорских оружейных заводов. Когда Нечаев вернулся в Москву, у него созрел план расправы с непокорным студентом. Иванова надлежало убить, — неповиновение обществу было равносильно предательству. Члены тайного кружка провели заседание; на нем отсутствовавший Иванов был, согласно установленному ритуалу, торжественно приговорен к смертной казни. Договорились, что Иванова заманят в один из гротов, находившихся в парке при Петровском училище, якобы для того, чтобы он осмотрел спрятанный там печатный станок, поскольку он-де разбирался в таких вещах. Сопровождать его туда должен был Николаев, студент из кружка.

Нечаев ждал их в гроте. При нем были револьвер и длинная веревка. Кроме него, там были еще два студента, Кузнецов и

Успенский, и пожилой писатель Иван Прыжов, за год до этого опубликовавший книгу «История кабаков в России в связи с историей русского народа». Прыжов не был признанным писателем и бедствовал. Видимо, поэтому его перу принадлежит и книга об истории нищенства в России. Придя в условленное место, Иванов с Николаевым проникли в грот, где стояла кромешная тьма. Нечаев не мог в темноте различить, кто из них Иванов, а кто Николаев, и накинулся на Николаева, пытаясь его задушить. Однако поняв, что ошибся, он схватил Иванова, но тот вырвался и с воплями выбежал из грота. Нечаев догнал его, повалил на землю, и между ними началась драка. Во время этой схватки Иванов прокусил Нечаеву большой палец на руке. След от этого укуса остался у Нечаева на всю жизнь. В конце концов Нечаев убил Иванова выстрелом в затылок. Затем тело поволокли к пруду, что был неподалеку. Нечаев обшарил карманы убитого, но ничего криминального не обнаружил. В какой-то момент им почудилось, что Иванов дернулся. Скорее всего, это была предсмертная конвульсия, на всякий случай Нечаев сделал еще один выстрел в затылок покойника. Тем временем три других «конспиратора» совершенно обезумели от происшедшего. Они метались, не зная, куда бежать. Нечаев и Николаев привязали к ногам и к шее трупа тяжелые камни и бросили тело в воду. Оно сразу пошло ко дну. Нечаев на этом не остановился. Ни с того ни с сего он вдруг толкнул Николаева в пруд. Что это было? Сознательное действие, имевшее определенную цель, или бессмысленный поступок, вызванный нервным перенапряжением? Во всяком случае, когда Николаев выбрался из пруда, он не решился выяснить это у Нечаева.

Совершив убийство, «конспираторы» отправились на квартиру к Кузнецову. Там Николаев высушил свою одежду, а Нечаеву перевязали кровоточащую рану на руке. На следующий день Нечаев отбыл в Петербург, а еще через три дня в пруду был обнаружен всплывший труп.

Поначалу полиция предположила, что это обычное, бытовое убийство. Стали допрашивать одного за другим друзей погибшего студента и постепенно докопались до сути. Так стало известно о существовании тайного общества, возглавляемого какими-то загадочными агентами, неизвестно откуда возникающими и непонятно куда исчезающими. В одной московской книжной лавке полицией были найдены бумаги, в которых речь шла о каком-то огромном заговоре, будто бы опутавшем Россию вдоль и поперек. След привел в Петербург, а затем в Тулу. Больше всего, пожалуй, полицию обеспокоил план захвата Императорских оружейных заводов. Как далеко зашли организаторы заговора в

своих планах, полиции установить не удалось. Но им было ясно, что с рабочими связь налажена, и они только ждали сигнала от вожака революционеров. Документы, найденные в книжной лавке, содержали открытую угрозу режиму; из них следовало, что революция может совершиться в любой момент. В процессе изучения собранного материала, а также анализа показаний арестованных студентов полиция пришла к выводу, что за всеми этими тайными агентами, создававшими революционные кружки, раздававшими поручения, собиравшими взносы, стоял всего один-единственный человек, который постоянно менял свое имя и облик. А через несколько дней стало известно и его настоящее имя. Вот тогда услышали о Нечаеве. было отдано распоряжение схватить его, но он бесследно исчез, хотя к тому времени он уже вернулся из Петербурга и преспокойно жил в Москве. Ему удалось сплотить вокруг себя небольшую группу единомышленников, которые помогали ему. В январе, переодевшись в женское платье, он бежал из России, тайно перейдя границу.

Всего по делу Нечаева было арестовано сто пятьдесят два человека. Считалось, что они причастны к убийству Иванова и состоят в тайном обществе, главой которого является Нечаев; было ясно, что власть свою над ними он утверждал с помощью мошеннических приемов и прямого деспотизма. Из числа арестованных семьдесят семь человек были привлечены к суду. Им инкриминировалось участие в заговоре с целью свержения правительства. В основном это были студенты, юноши и девушки, едва достигшие двадцати лет и чуть постарше. Но были и люди в годах, такие, как Прыжов, стихийные радикалы, ничего не смыслившие ни в конспирации, ни в дисциплине. Пожалуй, никто из обвиняемых, за исключением Николаева, Успенского, Кузнецова и Прыжова, которые действительно приложили руку к убийству Иванова, настоящими революционерами, фанатически преданными своему делу, считаться не могли. Процесс получил широкий отклик в обществе и был известен как «Дело нечаевцев». Фактически судили Нечаева, но на скамье подсудимых он отсутствовал.

Царская полиция пребывала в полной уверенности, что Иванов был убит в безобразной драке, возникшей в результате ссоры, а ссоры не редкость в студенческой среде. Следствию так и не удалось узнать подлинные обстоятельства случившегося, поскольку каждый из четырех обвиняемых предлагал свою версию, стараясь как можно больше обелить себя и предстать почти совсем невиновным. На взгляд судей, гораздо важнее оказались документы, обнаруженные в книжной лавке. Было

очевидно, что их автор — человек, изучивший до тонкостей машину государственной власти со всеми присущими ей слабостями, безотносительно к какой-либо отдельной стране, — ведь государственная власть вообще уязвима. Этот человек с холодным рассудком и жгучей ненавистью в душе всерьез размышлял о том, как можно с помощью небольшой кучки целеустремленных и преданных революции людей свергнуть любое, какое угодно правительство.

Среди этих писаний особо выделялся документ, который справедливо сочли наиболее опасным с точки зрения таящейся в нем разрушительной силы. Он был написан по-русски, но латинскими буквами и зашифрован. Заголовок гласил: «Катехизис революционера».

Необходимо полностью привести здесь текст этого документа, так как в нем Нечаев предстает перед нами как создатель революционной доктрины, явившейся вершиной его, нечаевской, мысли.

Катехизис революционера[5]

Отношение революционера к самому себе

§ 1. Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией.

§ 2. Он в глубине своего сусчества, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованым миром и со всеми законами, приличиями, обсчепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него — враг беспосчадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить.

§ 3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирной науки, предоставляя ее будусчим поколениям. Он знает только одну науку, науку разрушения. Для этого, и только для этого, он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй медицину. Для этого изучает он дено и носчно живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоясчаго обсчественаго строя, во всех возможных слоях. Цель же одна — наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганаго строя.

§ 4. Он презирает обсчественное мнение. Он презирает и

ненавидит во всех ея побуждениях и проявлениях нынешнюю обсчественую нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции.

Безнравственно и преступно все, что мешает ему.

§ 5. Революционер — человек обреченый. Беспосчадный для государства и вообсче для всего сословно-образованаго обсчества, он и от них не должен ждать для себя никакой посчады. Между ними и им сусчествует тайна или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежныя, изнеживаюсчия чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революциона-го дела. Для него сусчествует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Дено и носчно должна быть у него одна мысль, одна цель — беспосчадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ея достижению.

§ 7. Природа настоясчаго революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженость и увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мсче-ние. Революционерная страсть, став в нем обьщеностью, ежеминутностью, должна соединиться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личныя, а то, что предписывает ему обсчий интерес революции.

Отношение революционера к товарисчам по революции

§ 8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционым делом, как и он сам. Мера дружбы, предано-сти и прочих обязаностей в отношении к такому товарисчу определяется единствено степенью полезности в деле все-разрушительной практической революции.

§ 9. О солидарности революционеров и говорить нечего. В ней вся сила революционаго дела. Товарисчи-революционеры, стоясчие на одинаковой степени революционаго понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупныя дела вместе и решать их единодушно. В исполнении таким образом

решенаго плана, каждый должен расчитывать, по возможности, на себя. В выполнении ряда разрушительных действий каждый должен делать сам и прибегать к совету и помосчи товарисчей только тогда, когда это для успеха необходимо.

§ 10. У каждаго товарисча должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьяго разрядов, то есть не совсем посвясченых. На них он должен смотреть, как на часть обсчаго революционаго капитала, отданаго в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит, как на капитал, обрече-ный на трату для торжества революционаго дела. Только как на такой капитал, которым он сам и один, без согласия всего товарисчества вполне посвясченых, распоряжаться не может.

§ll. Когда товарисч попадает в беду, решая вопрос спасать его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользою революционаго дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товарисчем — с одной стороны и с другой — трату революционых сил, потребных на его избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить.

Отношение революционера к обсчеству

§ 12. Принятие новаго члена, заявившего себя не на словах, а на деле, в товарисчество не может быть решено иначе, как единодушно.

§ 13. Революционер вступает в государственый, сословный и так называемый образованый мир и живет в нем с велю[6] его полнейшаго, скорейшаго разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого либо человека, принадлежасчаго к этому миру, в котором — все и все должны быт ему равно ненавистны.

Тем хуже для него, если у него есть в нем родственыя, дружеския или любовныя отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку.

§ 14. С целью беспосчаднаго разрушения революционер может, и даже часто должен, жить в обсчестве, притворяясь совсем не тем, что он есть. Революционеры должны проникнуть всюду, во все слои высшия и средния, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военый, в литературу, в третье отделение и даже в зимний дворец.

§ 15. Все это поганое обсчество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория — неотлагаемо осужденых на смерть. Да будет составлен товарисчеством список таких осужденых по порядку их относительной зловредности Я успеха революционаго дела, так чтобы преди-дусчие нумера убрались прежде последуюсчих.

§ 16. При составлении такого списка и доя установления вышереченаго порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товарисчестве или в народе.

Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и кремего (? — О. Н.) полезными, способствуя к возбуждению народнаго бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционаго дела. Итак прежде всего должны быть уничтожены люди, особено вредные доя революционой организации, и такие, внезапная и насильственая смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу.

§ 17. Вторая категория должна состоять имено из тех людей, которым даруют только времено жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратима-го бунта.

§ 18. К третьей категории принадлежит множество высо-копоставленых скотов и личностей, не отличаюсчихся ни особеным умом, и энергиею, но пользуюсчихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями; опутать их, сбить их с толку, и, овладев, по возможности, их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатство и сила сделаются таким образом неис-тосчимой сокровисчницей и сильною помосчью для разных революционых предприятий.

§ 19. Четвертая категория состоит из государственых честолюбцев и либералов с разными отенками. С ними можно конспирировать по их програмам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибрать их в руки, овладеть всеми тайнами, скомпрометировать до нельзя, так чтоб возврат был для них невозможен, и их руками и мутить государство.

§ 20. Пятая категория — доктринеры, конспираторы и революционеры в праздно-глаголюсчих кружках и на бумаге.

Их надо беспрестано толкать и тянуть вперед, в практичныя головоломныя заявления, результатом которых будет безследная гибель большинства и настоясчая революционая выработка немногих.

§ 21. Шестая и важная категория — женсчины, которых

должно разделить на три главных разряда.

Одне — пустыя, обезсмысленыя и бездумныя, которыми можно пользоваться, как третьею и четвертою категориею мужчин.

Другие — горячие, преданыя, способныя, но не наши, потому что не доработались есче до настоясчаго безфразнаго и фактического революционаго понимания. Их должно употреблять, как мужчин пятой категории.

Наконец, женсчины совсем наши, то есть вполне посвя-сченыя и принявшия всецело нашу програму. Они нам то-варисчи. Мы должны смотреть на них, как на драгоценнейшее сокровисче наше, без помосчи которых нам обойтись невозможно.

Отношение товарисчества к народу

§ 22. У товарисчества ведь[7] другой цели, кроме полней-шаго освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но, убежденые в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушаюсчей народной революции, товарисчество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобсчению тех бед и тех зол, которые должны вывесть, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному возстанию.

§ 23. Под революциею народною товарисчество разумеет не регламентированое движение по западному классическому образу — движение, которое, всегда останавливаяс с уважением перед собственостию и перед традициями обсчест-веных порядков так называемой цивилизации и нравствено-сти, до сих пор ограничивалось везде низвержением одной политической формы для замесчения ее другою и стремилось сосдать так называемое революционое государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственость и истребит все государственыя традиции, порядки и класы Росии.

§ 24. Товарисчество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будусчая организация без сомнения выработывается из народнаго движения и жизни. Но это — дело будусчих поколений. Наше дело — страстное, полное, повсеместное и беспосчадное разрушение.

§ 25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственой силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего,

что прямо или косвено связано с государством: против дворянства, чиновничества, против попов, против гилдейскаго мира и против кулака мироеда. Соединимся с лихим разбойничим миром, этим истиным и единстве-ным революционером в Росии.

§ 26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушаюсчую силу — вот наша организация, конспирация, задача.

Таков он был, «Катехизис революционера», имевший большое будущее; документ этот оставит глубокий след в мировой истории, — его прочтет Ленин, и с той поры нечаевские откровения глубоко западут в его душу. Как и Нечаев, Ленин был более сосредоточен на мысли о разрушении — страшном, полном, повсеместном и беспощадном, — построение нового мира не так его заботило. Как и Нечаев, Ленин был глубоко убежден в том, что всю государственную власть следует отдать в руки промышленного пролетариата, руководимого кучкой преданных делу революционеров; остальные же классы должны быть попросту уничтожены, отменены. Разумеется, «под редакцией» Ленина «Катехизис…» претерпит определенную правку, — он будет втиснут в сухие догмы марксистской философии, но главные его принципы, составлявшие суть нечаевской доктрины, лягут в основу ленинских идей, станут для Ленина непреложными в его политической деятельности. Один из персонажей романа Ф. М. Достоевского «Бесы» увлеченно вслух мечтает «уравнять горы». У героя русского классика была только мечта. Нечаев же лаконично, четко и без всяких там эмоций пишет инструкцию, как этот процесс уравнивания надлежит осуществить на деле. Ленин его и осуществил.

Нельзя считать Нечаева первым, кто призывал к уничтожению всей цивилизации. Уже древние пророки призывали огонь небесный, дабы он поглотил Землю. А сравнительно недавно, в XVIII веке, вожаки крестьянских восстаний подстрекали народ разрушать города, чтобы от них не осталось камня на камне. Мишле, французский историк XIX века, молил Бога превратить города в леса, а людей — в лесных обитателей; и тогда, по прошествии веков, размышлял он, в этих грубых дикарях, даст Бог, произойдет перемена, они очистятся от скверны порока и зла и вновь почуют тягу к цивилизованной жизни. Надо сказать, что весь XIX век был одержим романтической мечтой об уничтожении цивилизации. Например, Роберт Луис Стивенсон мечтал о том дне, когда он услышит грохот и треск рушащихся в пламени городов. Ему просто-напросто наскучила бесконечно долгая и однообразная викторианская эпоха. Но все это были пустые

вымыслы, мечтания. Нечаев же был тот, кто сказал: «Это возможно».

Он сумел с незаурядной прозорливостью показать, как небольшая кучка заговорщиков может, расшатав изнутри государственную власть, взять ее в свои руки. Однако с точки зрения революционных идеалов частенько методы убеждения, к которым он прибегал, носили весьма сомнительный характер. В нем сочетались жестокость и коварство; он был способен на нечистоплотные поступки, на мошенничество. В 1869 году, когда после недолгого оживления революционная активность среди петербургского студенчества пошла на убыль, он вдруг решил, что его жизни угрожает опасность и потому самое время бежать за границу. Но просто так взять и исчезнуть — было не в его правилах. Он должен был уйти в ореоле славы, оставив легенду, будто бы его арестовали и бросили в тюрьму, но он оттуда бежал. Для этого он прибегнул к очень нехитрой уловке. Он послал молодой девушке, студентке, одной из своих страстных поклонниц, два письма, справедливо полагая, что она обязательно сообщит их содержание друзьям. Письма были не подписаны и помещались в одном конверте. Первое было такое: «Сегодня утром, когда я шла по Васильевскому острову, со мной поравнялась тюремная карета, проезжавшая мимо. В это время из окошка высунулась рука, и я услышала приятный голос, который мог принадлежать только хорошему человеку: «Если вы студентка, отошлите это по адресу, который прилагается». Я чувствую свои долгом выполнить то, о чем меня просят. Уничтожьте эту записку, чтобы мой почерк не узнали».

Второе письмо было нацарапано карандашом, и по почерку можно было безошибочно определить руку Нечаева. Он писал: «Меня везут в крепость. Не отчаивайтесь, дорогие товарищи. Сохраняйте веру в меня, и давайте надеяться, что мы снова будем вместе».

Вера Засулич была не из тех, кого легко можно было провести, но и она поверила в подлинность обоих писем. Ничего неправдоподобного в них не было; немного настораживало слово «крепость», но ведь это могла быть Петропавловская крепость, стоявшая на правом берегу реки Невы прямо напротив Зимнего дворца. Возможно, Нечаев имел в виду именно ее. А это была самая жуткая тюрьма в России, в которой содержались наиболее опасные государственные преступники.

Через Веру Засулич новость об аресте Нечаева стала известна революционерам Санкт-Петербурга; оттуда она перенеслась в Москву. Но вдруг распространился совершенно иной слух. Нечаев совершил феерический побег из Петропавловской крепости, и

кто-то уже видел его в Киеве.

Миф о неуловимом Нечаеве открывал первую страницу российского революционного эпоса. Другой легендарной личностью среди русских студентов стала Вера Засулич. 24 января 1878 года она совершила покушение на генерала Трепова, петербурского градоначальника. Засулич явилась к нему в дом на Гороховой и выстрелила в генерала во время приема им посетителей. Трепов был серьезно ранен. Ее арестовали, судили, но, к общему удивлению и на удивление самой обвиняемой, она была оправдана. После этого Засулич бежала за границу, где позже познакомилась с молодым Лениным, была членом редакции газеты «Искра». Она была фактически непосредственным звеном, соединившим Нечаева с Лениным. Однако и помимо нее таких звеньев было немало.

После убийства Иванова Нечаев бежал из России. Он жил эмигрантом в Швейцарии, Франции и Англии; ему удалось втереться в доверие к старому анархисту Михаилу Бакунину, у которого он обманом вымогал деньги. Нечаев выдавал себя за главаря многочисленной революционной организации; лгал, что на его счет вот-вот какой-то богач из русской знати должен перевести огромные средства. Он печатал революционные бюллетени; похитил дневники Бакунина, которые тот никому не показывал. Он возымел такую же власть и над дочерью Александра Герцена, заставив ее вскорости рисовать фальшивые деньги (она была талантливой художницей), поскольку Нечаев намеревался наводнить всю Россию сторублевыми фальшивыми банкнотами. Ничего из этого не вышло. Окончательно обнищав, он скрывался в маленьких швейцарских деревеньках, зарабатывая себе на жизнь тем, что иногда рисовал вывески, которые ему заказывали местные лавочники. Тем временем царская тайная полиция уже взяла его след. В конце концов 14 августа 1872 года он был схвачен в ресторанчике в Цюрихе. Власти Швейцарии, уведомленные о том, что он разыскивается в связи с убийством, не чинили препятствий к вывозу его из страны. Нечаева судили, и он был приговорен к двадцати годам каторги в Сибири.

Однако царь счел этот приговор слишком мягким для Нечаева. Государь уже понимал, сколько взрывоопасной силы заключено в этом маленьком, тщедушном бунтаре; он видел в нем пороховую бочку, которую следовало хранить в наглухо запечатанном месте. Поэтому царь повелел упрятать Нечаева в суровый Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где он должен был содержаться до конца своих дней. Здесь был когда-то заточен, а затем убит по воле Петра Великого его сын царевич Алексей.

Нечаев стал человеком без имени и фамилии. Он назывался: «арестант из камеры номер пять». Ему разрешалось читать, и ежедневно его выводили на прогулку в поросший травкой тюремный дворик. Когда он возвращался в камеру, его всякий раз приковывали к железной кровати. Каждую неделю царю отправляли донесения, в которых сообщали о том, как ведет себя заключенный. Вот, например, отчет от 23 февраля 1873 года: «Арестант из камеры номер пять Алексеевского равелина с 16 по 23 февраля вел себя тихо. Сейчас он читает «Военную газету» за 1871 год; обычно находится в веселом расположении духа. Исключение составляет 19 февраля, первый день Поста. Когда ему подали постную пищу, он сказал: «Я не верю в Бога и не верю в пост. Поэтому дайте мне полную тарелку мяса и миску супа, и я буду доволен». 21 февраля без конца ходил взад-вперед по камере, хватался руками за голову, все думал о чем-то и лег спать только в половине второго ночи».

Так проходили его дни в тесной камере, отделенной от всего мира толстыми тюремными стенами. Он без устали мерил шагами свое узилище, словно испытывал силы в бесконечном поединке с незримым врагом. Нечаев объявил, что собирается написать историю царизма, и требовал новые и новые книги для чтения. В каждой книге он оставлял свои послания товарищам по тюрьме — еле заметные на глаз шифровки, ведь после него книги переходили в другие камеры, к другим читателям тюремной библиотеки.

Его замысел оставался прежним. Он будет биться с царем до победного конца. Он будет использовать все средства, все лазейки — прошибать стены, расшатывать прутья тюремных решеток. Когда Бакунин узнал об аресте Нечаева, он заметил: «Внутренний голос мне подсказывает, что Нечаев, который теперь безвозвратно потерян, — а он и сам наверняка это понимает, — на сей раз сумеет призвать из глубин своего существа, хаотичного, изломанного, но никогда не низкого, все свое мужество и стойкость, чтобы погибнуть, как подобает герою».

Нечаев умер, как и предсказывал Бакунин. Не дрогнул, не сдался. Он написал письмо царю собственной кровью. Он вел странные переговоры с начальником тюрьмы, обещая тому изложить методы государственного правления в России, которые избавили бы страну от угрозы революции. Однажды к нему в камеру пожаловал генерал. Нечаев встретил его пощечиной, но его не наказали за это. Постепенно, час за часом, день за днем, месяц за месяцем он добился того, что склонил охрану на свою сторону. Он так лихо обработал охранников, что мог, сидя в камере, беспрепятственно связываться с «Народной волей»,

хорошо слаженной, ловко действующей террористической организацией, готовившей покушение на царя. Был даже такой момент, когда члены «Народной воли» всерьез подумывали, не бросить ли им все силы на освобождение из тюрьмы Нечаева, вместо того, чтобы убивать царя. Все эти планы живо обсуждались в переписке, осуществляемой с помощью охранников; Нечаев так же серьезно им ответил, что предпочел бы своему освобождению убийство царя. Он предложил сразу после совершения акта цареубийства издать тайный указ, якобы от имени Святейшего синода, который оповещал бы всех священников земли русской, что новый царь страдает «помутнением рассудка», и потому им следует тайно творить особую молитву. А для того чтобы «указ» стал немедленно известен всему русскому народу, Нечаев посоветовал закончить его таким предостережением: «Тайну сию не должно передавать кому бы то ни было».

Острый ум, коварство, демоническая энергия и выносливость — вот качества, которые присутствовали у него с избытком. Он выдавал себя за особу, близкую к правящей династии, многозначительно намекая на свое царское происхождение, и почти убедил своих стражей в том, что может унаследовать трон, которого лишили царевича Алексея, законного, но несостоявшегося наследника Петра Великого. Нечаев был подобен молодому льву, яростно раскачивающему клетку; он наводил ужас на всякого, кто хоть раз видел его. Тщедушный телом, он пугал внутренней своей мощью.

Царь Александр II был убит заговорщиками «Народной воли» 1 марта 1881 года на набережной Екатерининского канала.

Для Нечаева этот день стал началом конца. Александр II был сравнительно мягким монархом. Его преемник, узнавший вскоре о связи Нечаева с «Народной волей», был беспощаден. Те из охранников, кто передавал письма Нечаева и заговорщиков, были арестованы и осуждены. Нечаев лишился всех своих привилегий; никто с ним не разговаривал, он влачил свои дни в могильной тишине. Его перевели в камеру номер один, где он был полностью изолирован. Он страдал от туберкулеза, падучей и цинги. Он почти помешался, его преследовали галлюцинации. Ему давали хлеб с водой, немного супа, полбутылки молока и один лимон в день. Ему было предоставлено единственное право — бесследно кануть в вечность. Уготованное ему наказание было нечто иное, как «страстное, полное… и беспосчадное» уничтожение.

22 ноября 1882 года потрясенный стражник вызвал в камеру Нечаева тюремного врача. Тот с опаской переступил порог, его встретила гробовая тишина. В углу лежал мертвый Нечаев. Врач тут же составил рапорт начальнику тюрьмы: «Имею честь

сообщить, что узник из камеры номер один Алексеевского равелина умер ноября двадцать первого около двух часов ночи. Смерть последовала в результате падучей, осложненной цингой».

Известие о смерти Нечаева долго держали в тайне. Но среди уцелевших членов «Народной воли» память о нем была жива. Они помнили «Катехизис революционера» и беспримерную отвагу и мужество человека, наводившего такой ужас на государственную власть, что он сделался «личным» узником самого царя. Они даже простили ему бессмысленное, ничем не оправданное убийство Иванова, совершенное им день в день за тринадцать лет до его собственной смерти. Для народовольцев это был герой, революционер, не знавший компромиссов, образец великолепного самообладания, мудрый, все постигший вожак. Он для них стал легендой. Этот шантажист, вымогатель, лжец, совратитель, убийца — был прощен; ему были отпущены все грехи за то, что он умел быть безгранично отважным.

Достоевский в «Бесах» нарисовал жутковатый портрет этого политического авантюриста. В своих записных книжках Достоевский не раз возвращался к теме «нечаевского чудовища», одержимого ненасытной жаждой разрушения во вселенском масштабе.

О том, насколько глубоким было влияние Нечаева на Ленина, мы можем судить по его поступкам, по образу его мыслей и даже по оборотам его речи. В течение многих и многих лет Ленин изучал нечаевское наследие и так проникся его духом, что порой ощущал себя почти что Нечаевым. От своих близких друзей и соратников он никогда не скрывал, как многим он обязан Нечаеву и его идеям. В беседах с Владимиром Бонч-Бруевичем, тогда управделами Совета Народных Комиссаров, другом и спутником его жизни, Ленин часто называл Нечаева «титаном революции», его восхищало, что Нечаев «умел свои мысли облачить в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятные на всю жизнь». Бонч-Бруевич так передает одну из своих бесед с Лениным, произошедшую вскоре после того, как тот пришел к власти: «Владимир Ильич нередко заявлял о том, что какой ловкий трюк проделали реакционеры с Нечаевым, с легкой руки Достоевского и его омерзительного романа «Бесы», когда даже революционная среда стала относиться отрицательно к Нечаеву, совершенно забывая, что этот титан революции обладал такой силой воли, таким энтузиазмом, что и в Петропавловской крепости, сидя в невероятных условиях, сумел повлиять даже на окружающих его солдат таким образом, что они всецело ему подчинялись. «Совершенно забывают, — говорил Владимир Ильич, — что Нечаев обладал особым талантом организатора,

умением всюду устанавливать особые навыки конспиративной работы, умел свои мысли облачить в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятные на всю жизнь. Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке, когда на вопрос: «Кого же надо уничтожить из царствующего дома?», Нечаев дает точный ответ: «Всю большую ектению». Ведь это сформулировано так просто и ясно, что понятно для каждого человека, жившего в то время в России, когда православие господствовало, когда огромное большинство так или иначе, по тем или другим причинам, бывали в церкви, и все знали, что на великой, на большой ектении вспоминается весь царствующий дом, все члены дома Романовых. Кого же уничтожить из них? — спросит себя самый простой читатель. — Да весь дом Романовых, — должен он был дать себе ответ. Ведь это просто до гениальности! Нечаев должен быть весь издан. Необходимо изучить, дознаться, что он писал, где он писал, расшифровать все его псевдонимы, собрать воедино и все напечатать», — неоднократно говорил Владимир Ильич».

«Университеты» революционера

— Однако позвольте, — заговорил Николаи Петрович. — Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете… Да ведь надобно же и строить.

— Это уже не наше дело… Сперва нужно место расчистить.

И. С. Тургенев. Отцы и дети

Фамильное древо

Незадолго до смерти Ленину предложили заполнить анкету, одну из тех, что во множестве циркулировали тогда по кабинетам Кремля. В графе «имя деда» он написал: «Не знаю». Ленин был, наверное, вправе безразлично относиться к собственным корням, но что можно Ленину, недопустимо для его биографа. Любой человек продолжает жизнь своих предков; все, что в нем есть, заложено ими, он — составное своей родословной. Бывает так, что нам многое открывается в человеке лишь после того, как мы узнаем, кто были его предки. Мы увидим дальше, что происхождение Ленина в значительной мере объясняет его индивидуальность, дает возможность понять, как удалось состояться столь титанической и грозной личности.

В городских архивах Астрахани сохранились два документа, содержащие записи, в которых упоминается фамилия Ульяновых. Один из них — разрешение, выданное астраханской губернской управой некоему Алексею Смирнову на право владения «здоровой девкой» Александрой Ульяновой, получившей вольную и переходящей в его руки. Это вовсе не означало, что он брал ее в качестве наложницы. Таким языком составлялись в то время все чиновничьи бумаги.

Просто Алексею Смирнову понадобилась в доме девушка, помощница по хозяйству, а потому он был готов заплатить за нее выкуп и дать ей кров.

Об Алексее Смирнове мало что известно. В документе названа его должность: староста. По всей вероятности, он был

человеком со средствами и пользовался влиянием. Что касается Александры Ульяновой, то ей дается только определение: «здоровая девка»; из этого можно заключить, что ей было лет пятнадцать — двадцать. Еще мы знаем дату ее освобождения от крепостной зависимости. Вот, пожалуй, и все. Правда, есть еще один факт, и немаловажный. Дело в том, что между семьями Смирновых и Ульяновых уже до того существовали брачные связи. Известно, что примерно в 1812 году Николай Васильевич Ульянов сочетался браком с Анной, дочерью Алексея Смирнова. Данные переписи населения, также обнаруженные в астраханских городских архивах, содержат следующие сведения: по состоянию на 29 января 1835 года Николай Васильевич Ульянов, семидесяти лет от роду, живет с женой Анной Алексеевной Ульяновой; они имеют четверых детей: Василия, тринадцати лет, Марию, двенадцати лет, Федосью, десяти лет, и трехлетнего Илью. Далее нам сообщают, что жили они в собственном двухэтажном полукаменном доме под номером девять на Казачьей улице. В 1935 году дом этот еще стоял. Он был большой, просторный. Из других источников мы узнаем, что Николай Ульянов зарабатывал на жизнь портняжным ремеслом и что умер он в бедности. Фамилия «Ульянов» не сразу закрепилась за ним. Иногда его именовали «Ульяниным». Так, например, в церковных книгах мы находим запись о том, что у Николая Васильевича Ульянина 14 июля 1831 года родился сын Илья. Заметим, что рожденный от Николая сын впоследствии произведет на свет Владимира Ильича Ульянова, но тот изберет себе совсем другую фамилию.

Есть некоторая загадка в происхождении этой другой фамилии. Хотя, кто знает, может быть, «Ленин» есть всего-навсего принятое в семье шутливое производное от «Ульянин».

Вообще фамилии «Ульяновы» и «Смирновы» были широко распространены среди поволжских чувашей, чьи предки с незапамятных времен кочевали вдоль Волги. Это были мирные кочевники, говорившие на языке финно-угорской группы. Были они низкорослы, коренасты, рыжеволосы; имели желтоватый оттенок кожи, широкие скулы и раскосые глаза с резко очерченной линией век. Они не помнили своей истории и подчинялись примитивным законам примитивного общества. Средой их обитания были глухие, заболоченные берега Волги и заросшие лесами ее притоки. Здесь они и селились, подальше от основных центров цивилизации. Татарское иго их миновало, — они ушли в леса, что их и спасло. Но при Екатерине Великой земли Поволжья были освоены; царица раздала земельные наделы своим фаворитам, и миролюбивые чуваши оказались крепостными рабами русских помещиков. До закрепощения они

возделывали землю, рубили лес, пасли скот, разводили пчел и добывали мед, охотились. Воинов среди них было мало. При хозяевах их жизнь коренным образом изменилась: кто-то стал слугами в барских домах, кто-то обрабатывал помещичью землю. Их свободной, вольной жизни в племенах пришел конец. Чувашей лишили их языческих богов, которым они поклонялись, и теперь вместо шаманов они получили православных священников с их богом. Родной язык они утратили. У них отняли чувашские имена, а взамен стали называть русскими именами, например, Ульянами, — по роду занятий (в данном случае от «улей»); отсюда фамилия — Ульянов. Фамилия «Смирнов» происходит от слова «смиренный», то есть послушный, покорный. Ведь только такими желали видеть своих крепостных рабов, поволжских чувашей, их хозяева помещики. Но не тут-то было. Оказалось, что чуваши вовсе не были ни смиренными, ни послушными.

Еще задолго до екатерининских времен жившие по берегам Волги мордовские и чувашские племена познали на себе гнет иноземного владычества. В 1552 году при Иване Грозном была завоевана Казань, столица татарского ханства. Через сто лет русские построили Симбирск, крепость доя защиты от татарских набегов. Однако иноземное владычество, будь то татарское или русское, не сломило независимый характер местных племен; их не так-то просто было подчинить своей воле. Это особенно ярко показал Пугачевский бунт, в котором чуваши проявили себя наиболее свирепо. В их душах тлел непокорный пламень, они жаждали возмездия. «Жгите, грабьте, разрушайте! — бросил клич Пугачев. — Хватайте дворян, сделавших вас холопами, вешайте их, не оставляя никого в живых!» Восстание было подавлено, а доля крепостного крестьянина стала еще горше.

Крепостная зависимость передавалась по наследству. Избавиться от нее можно было только с помощью побега или, что бывало крайне редко, выкупа. Следовательно, есть основания полагать, что Александра Ульянова происходила из семьи потомственных крепостных крестьян. В рабство попадали целые семьи, и оно становилось уделом всех без исключения потомков. Если Александра была крепостной, то и Николай Ульянов в определенное время своей жизни не миновал той же участи. Скромный портной из Астрахани, уже в преклонном возрасте взявший себе жену, должно быть, познал, что такое рабство. Несомненно, и дети его, и внуки тоже знали, что это такое, — не на собственном опыте, а скорее всего на уровне подсознания, в глубинах своего существа.

Ульяновы поселились в Астрахани, потому что это был крупный город и оживленный порт, где на всякого хорошего

мастера независимо от его происхождения имелся спрос и где можно было выбиться в люди. Хотя Астрахань уже давно была завоевана Россией и входила в состав Российской империи, в то время, то есть в начале XIX века, она совершенно не была похожа на русский город. Здесь еще слишком сильно ощущался Восток, с его базарами, мечетями, с кривыми, узкими, вьющимися улочками, где в долгие, знойные месяцы лета люди утопали по щиколотку в пыли. Таких городов было сколько угодно в Афганистане и даже в Китае, и Астрахань, будучи типичным восточным городом, очень неохотно расставалась со своим прошлым. Чего только не повидал город со времени своего основания — его перестраивал Тамерлан, потом в нем правил татарский хан, Стенька Разин брал город приступом, а Петр I превратил в свой форпост, когда воевал с Персией. Присутствие русских правителей выдавали лишь купола церквей да несколько государственных административных зданий. Здесь по-прежнему кипела своя, особая жизнь, это была граница с Востоком, который контролировал торговый путь из прикаспийских стран через море в низовья Волги, и влияние России в этом регионе какое-то время было не более чем видимостью.

Нам не так много известно о Николае Ульянове, зато у нас значительно больше сведений о его старшем сыне Василии, который после смерти Николая в 1838 году заменил осиротевшей семье отца. Тогда Василию было шестнадцать лет, а Илье семь. Портной не оставил после себя никаких средств, и семья была на грани нищеты. Неизвестно, что их ожидало бы, но Василий возложил на свои плечи все заботы о родных. Он устроился в контору и на свое жалованье содержал мать, сестер и брата. Василий принадлежал к разряду тех жертвенных натур, которые видят смысл жизни в служении близким. Он мечтал стать учителем и собрался было поступать в университет, но понял, что для него это невозможно. Смирившись со своей судьбой, он стал лелеять мечту о том, что по крайней мере младшему брату удастся осуществить то, что не вышло у него. Он хотел, чтобы Илья получил образование. И брат оправдал его надежды. Он прекрасно учился, был умным, воспитанным и добрым мальчиком. У него была хорошая голова, и он отличался блестящими способностями к математике. В возрасте тринадцати-четырнадцати лет он уже помогал семье, зарабатывая уроками математики. Так братья разделили между собой обязанности: Василий был образцовым добытчиком и кормильцем в семье, а Илья был образцовым студентом. Пройдут годы, и Илья найдет простые слова, определившие его отношения с братом, и в этих словах будет все сказано: «Брат был мне вместо отца».

Тем не менее, при всей необычайной самоотверженности старшего брата, Илья никогда не получил бы высшего образования, не имей он поддержки со стороны Попечительского совета. После гимназии он горел желанием поступить в Казанский университет, чтобы изучать математику и физику; курс этих наук читал профессор Николай Лобачевский, создатель неевклидовой геометрии. Но возникло препятствие: в 1848 году прием в университет, где должно было обучаться всего пятьсот сорок студентов, был ограничен и к тому же конкурс на получение стипендии от Его Императорского Величества сильно ужесточен. Однако Илья имел прекрасный аттестат, и тогда директор гимназии написал ректору Казанского университета длинное письмо, в котором настоятельно просил зачислить юного Илью Ульянова в число студентов. «Без стипендии, — писал он, — этот поразительно одаренный мальчик не сможет закончить образования, так как он сирота и совершенно не имеет на это средств».

С 1850 по 1854 год Илья учился на факультете естественных наук Казанского университета. Он носил голубую форму с блестящими золотыми пуговицами, фуражку с кокардой и коротенькую шпагу на левом боку. В университете были установлены жесткие, суровые правила, которым студенты должны были подчиняться. Их тяготу ощутил на себе молодой граф Лев Толстой, поступивший в то же учебное заведение несколькими годами раньше, чтобы изучать юриспруденцию. Невзлюбив царившие порядки, он вскоре покинул университет. Илья Ульянов, будучи стипендиатом Его Императорского Величества, должен был неукоснительно подчиняться дисциплине как никто другой. Это делало его мишенью для насмешек со стороны студентов из состоятельных семей. К тому же он не любил играть в карты, не волочился за девушками и не сорил деньгами, ибо у него их просто не было. Он жил как монах, покорно соблюдая нелепые предписания, словно только для того и был рожден, чтобы вечно повиноваться. Его ничуть не интересовала студенческая жизнь, заманчивая и интересная вне стен университета. Все его помыслы были сосредоточены на занятиях и получении ученой степени, — ведь это открыло бы ему дорогу к педагогической деятельности.

В те времена университетские порядки мало чем отличались от казарменных. Ректором университета обычно был кто-нибудь из известных ученых. Но над ним стоял куратор, назначенный самим царем. В его обязанности входило смотреть за тем, чтобы процесс обучения шел по-военному организованно и четко, чтобы все ходили навытяжку, как на параде, и постоянно

демонстрировали свою лояльность. За нарушения наказывали нещадно. Горе было студенту, не удостоившему проходившего мимо генерала приветствием сообразно его чину. А приветствовать генерала надо было таким манером: прежде всего следовало откинуть мантию с левого плеча, обнажив эфес шпаги; затем вытянуть левую руку вдоль туловища по линии бокового шва брючины и, наконец, дотронуться двумя пальцами правой руки до фуражки. Эти театральные штучки ничуть не раздражали Илью Ульянова. Он всей душой был предан царю и выполнял требуемые ритуальные действия с предельной точностью. За все время обучения в университете он не имел ни одной плохой оценки и по окончании был удостоен самых высших похвал. 7 мая 1855 года он получил свое первое назначение — преподавателя математики в дворянском институте в городе Пензе, что находился приблизительно в пятистах верстах от Казани. Кроме того, по рекомендации профессора Лобачевского он выполнял обязанности руководителя метеорологической станции. Кто знает, может, он так и закончил бы свою жизнь скромным учителем математики в провинциальном городе, если бы не его дружба с семьей Веретенниковых. Они-то и посоветовали ему жениться. Иван Дмитриевич Веретенников был инспектором института, в котором учительствовал Илья Ульянов. Его жена Анна была в высшей степени культурной женщиной, читала с одинаковой легкостью книги на немецком и французском языках. У нее была сестра Мария, еще незамужняя. Их познакомили, и Илья Ульянов, которому в ту пору было тридцать два года, женился на Марии Бланк. Большую часть своей молодой жизни невеста провела в имении отца недалеко от Казани.

Сохранилась их свадебная фотография. Марию Ульянову можно назвать довольно интересной женщиной, — в ней было что-то значительное. Не худенькая, с высокой талией; на ней вышитое платье. Особой красотой она не отличалась, — женщины ее типа становятся красивыми с годами. В ее лице читаются упорство, живой ум и веселый нрав. Видно, что она была человеком с сильным характером и при случае могла постоять за себя, чего бы это ей ни стоило. В отличие от Марии облик Ильи Ульянова говорит лишь о его добродушии и мягкости характера. У него уже заметны сильные залысины, он гладко выбрит; лицо плоское, глубоко посаженные глаза, широкий нос, большой, добрый рот. Он смотрит на мир с ласковым удивлением и интересом, и еще — с великодушием и снисходительностью. Это был человек абсолютно достойный, тонкий, мыслящий, временами импульсивный, подверженный резким сменам в настроении. Такими бывают молодые священники или настоящие

педагоги, по призванию своему решившие отдать всю жизнь делу воспитания юных поколений. Помимо этой свадебной фотографии сохранились еще несколько его портретов. Но здесь он уже отрастил бороду; волосы на голове зачесаны назад так, что лоб его кажется неестественно большим и странно непропорциональным, и это вместе с большой седеющей бородой придает его лицу выражение дикой исступленности, что было совершенно несвойственно его натуре.

С легкой руки Веретенниковых брак получился счастливый. Илья Николаевич называл свою жену на английский манер — Мэри или Мери, что тогда было в моде; такое звучание ему больше нравилось, чем имя «Мария», которым она была крещена. До последнего дня его жизни она любила его беззаветной любовью, и даже в какой-то степени преклонялась перед ним. В нем было столько нежности, великодушия и терпения.

Его женитьба совпала с новым назначением. Он был переведен в Нижний Новгород, значительно более крупный и колоритный, нежели Пенза. Супруги поселились во флигеле при гимназии. Их жизнь протекала в покое и комфорте, как и подобало в те времена жить семье, принадлежавшей к средней буржуазии. Вечерами они собирались в гостиной и пели под аккомпанемент на рояле или играли в карты; посещали театр, ходили в гости к коллегам, принимали их у себя. Мария заботилась о муже, занималась пением, ухаживала за цветами в саду, активно участвовала в жизни местного общества, — словом, полностью реализовала себя. Единственное, что омрачало ее существование, — она скучала без мужа, когда ему приходилось по выходным дням отлучаться из дома, чтобы подтянуть по своему предмету какого-нибудь неуспевающего ученика. Это было спокойное, размеренное существование. В Москве или в Петербурге такой образ жизни сочли бы безнадежно провинциальным. Так оно и было, но в России больше, чем в любой другой стране, провинция служила той сокровищницей, из которой вышли лучшие умы и таланты. Пишущая братия могла сколько угодно рассуждать о невыносимой скуке провинциальной жизни, но на самом деле в крупных губернских центрах зрела интеллектуальная мощь, кипела своя культурная жизнь. Илья Николаевич прекрасно сознавал, что как педагог он обязан всячески развивать и поощрять культурные начинания в своем городе. Постепенно он стал проявлять большие способности в административной деятельности. Это было отмечено, и местное начальство решило подыскать ему должность, где его таланты могли бы проявиться в полную меру.

От брака Марии и Ильи Ульяновых родилось шестеро детей.

В 1864 году родилась Анна, двумя годами позже — Александр. Затем в течение четырех лет у них детей не было, после чего на свет появился Владимир, а вслед за ним — Ольга, в 1871 году, и Дмитрий — в 1874-м. Снова четырехлетний перерыв, и появляется еще одна дочь, Мария. Младенец Николай, родившийся в 1873 году, прожил всего несколько недель. Доведись Илье Николаевичу, верному слуге царя-государя, узнать, что все оставшиеся в живых дети уйдут в революцию, он бы неминуемо сошел с ума.

До некоторого времени мы имели весьма скудные сведения о семье Марии Бланк. Советские идеологи окружили родословную Ленина по материнской линии плотной завесой тайны, имея на то соответствующие причины. Теперь-то все разъяснилось. То, что Илье Николаевичу со временем было даровано потомственное дворянство, — он имел чин действительного статского советника и пользовался соответствующими привилегиями и почестями, а также правом занимать высокие должности, — это, как считала коммунистическая верхушка, было еще полбеды. В конце концов, выйдя из низов, он сам пробил себе дорогу в жизни, неустанно трудясь на ниве просвещения, и был заслуженно вознагражден. Получалось, что он был достойным отцом великого сына. Что же касается семейства матери Ленина, то оно никак не соответствовало коммунистическим стандартам. Такая родня Ленину была ни к чему. Как-никак они владели землей, крестьянами, жили в достатке.

О семье Бланков еще не все известно, загадки остаются. Но что касается личности Александра Дмитриевича Бланка, когда-то юного студента санкт-петербургской Медико-хирургической академии, куда он поступил в 1818 году, тут никаких загадок нет. Через шесть лет, по окончании Академии, он был отправлен работать врачом в Смоленскую губернию, потом в Пермь, а оттуда — на оружейные заводы в город Златоуст, на Урал. Бланк происходил из семьи немецких колонистов, из числа тех, кто был приглашен в Россию Екатериной Великой; тогда им было предложено селиться в низовьях Волги. Было это в 1762 году. Немецкие поселения должны были служить барьером на пути татар, временами вторгавшихся в пределы России. По сложившемуся обычаю молодежь из немецких семей женилась и выходила замуж, выбирая себе пару из среды таких же немцев-колонистов. Александр Бланк, не будучи исключением, взял себе в жены девушку-немку, Анну Ивановну Гросхопф. Гросхопфы принадлежали к сословию средней городской буржуазии. Это было почтенное, зажиточное семейство, культурное, разумное, способное к коммерческому делу. Брат Анны Карл достиг

должности вице-президента торговой компании, занимавшейся экспортом. Другой брат, Густав, стал таможенным инспектором в Риге. Все в доме Гросхопфов говорили на трех языках: русском, немецком и шведском, а на шведском потому, что мать их была шведкой. В девичестве ее звали Анна Карловна Остедт.

В 1847 году Александр Бланк, который в ту пору уже был в зрелом возрасте, решил бросить врачебную практику и, поселившись в деревне, сделаться обыкновенным помещиком. Он был человеком неуемного нрава, решительным и самовольным. Деятельность уездного врача его, видимо, сковывала, не давала простора его энергии. У Бланка было шесть детей: сын Дмитрий и пять дочерей — Анна, Любовь, Екатерина, Мария и Софья. И вот он с женой и детьми осел наконец в деревне Кокушкино, в собственном имении, занимавшем около тысячи десятин земли на берегу реки Ушны. Имение его находилось в пятидесяти километрах от Казани. Он был истый волжанин; здесь он прожил до конца своих дней, здесь и умер.

Хотя Бланк и был врачом, но есть предположение, что он не очень-то доверял медицине, а больше верил в волшебные свойства воды. В его представлении вода целебно воздействовала на организм и излечивала от болезней, будучи применяема как внутренне, так и наружно. Он даже написал книгу на этот предмет со странным названием: «Как живешь, тем и исцеляйся». В ней он описывал благотворное воздействие на организм ванн, душа и вод из артезианских колодцев. Конечно, он был немножко чудак, но его идеи не были оригинальны. Он жил в эпоху, когда многие вдруг заговорили о воде и ее чудодейственных качествах. И все же его можно назвать оригиналом, потому что он все свои опыты доводил до крайности. Например, он приказывал дочерям закутываться на ночь во влажные простыни, «чтобы укреплять нервы». Он заставлял их зимой и летом носить ситцевые платья с короткими рукавами и низким вырезом у шеи и строго-настрого запретил им пить чай и кофе, считал и то и другое ядом.

Опасные эксперименты с влажными обертываниями обошлись без дурных последствий. Ни одна из его дочерей не умерла от воспаления легких. Напротив, в каждой из них проявилась в дальнейшем личность, и, между прочим, достаточно привлекательная внешне. Анна, как уже говорилось выше, стала женой Веретенникова. Любовь вышла замуж за Ардашева, имевшего отношение к аристократии. Софья была замужем за неким Лавровым, крупным помещиком Ставропольской губернии. Екатерина стала женой учителя по фамилии Залежский. Мария была одной из младших дочерей Александра Бланка, его любимицей. Он потерял жену и, возможно, хотел подольше

подержать рядом с собой последнюю, еще незамужнюю дочь.

Это были трудные времена для помещиков в России. Освобождение крестьян, которое произошло в 1861 году, не принесло радости ни тем ни другим. И помещики, и крестьяне считали, что их обманули. Согласно «Акту об освобождении» крестьяне получали в свое пользование наделы из помещичьих земель, но должны были платить за них бывшим землевладельцам. Поместье Бланка было урезано, цена на землю снижена; он потерял мельницу и примерно двести десятин земли. Но даже за вычетом этих потерь он остался владельцем приличной доли недвижимости; в его распоряжении были слуги, кареты с лошадьми. Иногда он вдруг вспоминал, что когда-то занимался врачебной практикой, и тогда он посещал своих приболевших крестьян и лечил их. В 1873 году он умер в своем имении Кокушкино, прожив здесь барином чуть не треть жизни. По понятиям того времени его владения были скромны в сравнении с поместьями, насчитывавшими по четверть миллиона десятин, — а такие, как известно, в Поволжье встречались. Но его имения вполне хватало для того, чтобы ему и всей его семье жилось в нем безбедно и вольготно.

В те годы Василий Ульянов уже был вполне обеспеченным человеком, — он имел хорошую должность в одной из торговых фирм Астрахани. Если Илье нужны были в долг деньги, ему стоило только заикнуться, и брат Василий был к его услугам. До нас дошло изображение Василия на фотокарточке. Он сидит в небрежной позе в кресле, подчеркнуто элегантно одетый, на губах его играет загадочная полуулыбка. Но что особенно поражает нас в этом портрете, так это его невероятное сходство с племянником — Лениным.

Итак, известно, что с одной стороны семья Ленина ведет свое происхождение от немцев и шведов — коммерсантов, людей степенных и деловых, типичных представителей класса буржуазии; и от помещиков, владевших землями и крепостными. С другой стороны родового древа — дикие чуваши, жившие племенным строем, а потом при Екатерине Великой попавшие в крепостную зависимость. От своих тевтонских и скандинавских предков Ленин унаследовал железную волю и безжалостную методичность. От чувашских предков — неистовость и раскосые глаза.

В нем текла кровь немца, шведа, чуваша. В нем не было ни капли русской крови.

Дворянское гнездо

В 1870 году Симбирск был тихим, сонным городком на берегу реки, с населением в пятьдесят тысяч человек, жившим вдали от событий своего времени, на окраине истории. В Симбирске не было железной дороги, а сообщение по Волге осуществлялось только во время навигации. И хотя это был губернский город, он был больше похож на разросшуюся деревню, в которой дома лепились по склонам крутых холмов. Местные богатеи и дворянство жили в районе, именуемом Венец, расположенном на самом высоком холме, господствовавшем над городом. По склонам холмов строили себе дома купцы, а внизу, у подножий, ютился простой люд, беднота. На Венце воздух был чище, и оттуда открывались великолепные виды на окрестные равнины и просторы Волги. Зимой Волгу сковывало толстым слоем льда, а весной холмы становились белоснежными — это цвели сады, спускавшиеся к самой воде.

Жители Симбирска считали свой город одним из самых красивых в России, и они были правы. Летняя пыль и даже случавшиеся пыльные бури были не в счет. Да и осенние дожди, превращавшие улицы в месиво из грязи, были делом привычным. В городе не было промышленных предприятий, и дышалось в нем легко. Летом окрестные поля были похожи на бескрайнее море, и оттуда неслись песни крестьян, которые косили сочную, благоухающую траву и складывали ее в стога. Затерянный среди полей и пастбищ городок, тем не менее, в провинции пользовался славой, и по праву. Обитатели Симбирска гордились тем, что в их городе родился Н. М. Карамзин, известный историк и писатель. Его огромная библиотека была передана в дар городу и помещалась в красивом здании в районе Венца. Из семьи симбирского купца вышел писатель И. А. Гончаров, создатель знаменитого образа Обломова. Здесь Гончаров недолгое время служил секретарем при губернаторе. Среди прочих известных лиц следует упомянуть А. Д. Протопопова, министра внутренних дел при последнем царе, который также был уроженцем Симбирска и при случае не забывал осыпать родной город милостями весьма опасного свойства. Но главное, чем славен был Симбирск среди других городов на Волге, — своими ежегодными конными ярмарками. По сему случаю со всех сторон сюда съезжался народ, и целую неделю никто не работал, потому что для всех это был большой праздник. В этом городе люди умели жить в свое удовольствие.

Илья Николаевич приехал в Симбирск в сентябре 1869 года с женой и двумя детьми, Анной и Александром. К этому времени он уже был инспектором училищ. Сначала они сняли флигель в доме на улице Стрелецкой. Там 22 апреля 1870 года родился

Владимир. Лишь в 1878 году Ульяновы сумели купить себе дом. Он был расположен на Московской улице. Илья Николаевич в ту пору занимал должность директора народных училищ Симбирской губернии.

Дом на Московской улице сохранился до сих пор. Теперь это мемориальный музей, в котором комнаты и обстановка воссозданы в том виде, в каком они были, когда Ленин жил здесь в детстве. Это большой деревянный дом. Видно, что он был построен людьми, нутром понимавшими, как надо работать с деревом. Все в доме говорит о том, что здесь жили люди, принадлежавшие если не к высшему, то во всяком случае к хорошему среднему слою городской буржуазии, и жили они в комфорте, как приличествовало людям их класса. Комнаты нижнего этажа больше и просторнее, чем наверху. В гостиной до сих пор стоит старомодный рояль с партитурой оперы Беллини «Пуритане», раскрытой на странице, где обозначена музыкальная пауза. Эта комната сияет зеркалами, канделябрами; на полу огромный турецкий ковер, и кругом изящная мебель красного дерева, украшенная тонкой резьбой. У стены — пальмы в кадках. Мария Александровна обожала всякие растения и цветы. В гостиную выходил кабинет отца, весь в книжных полках. Здесь напротив окна стоял письменный стол, а у стены — черная, обтянутая кожей кушетка, на которой Илья Николаевич иногда дремал. Кабинет и гостиная были оклеены обоями пастельного желтоватого тона. Через коридор располагалась родительская спальня, тоже внушительных размеров. В комнатах нижнего этажа было много места, они были обставлены красиво, с комфортом, и залиты светом.

Наверху находились детские. У Александра, Анны и Владимира были свои отдельные комнаты, остальные дети жили в общей детской. Здесь низкие потолки, стены оклеены яркими обоями. Стены в комнате Владимира завешаны географическими картами, а в детской для младших стены украшали вырезанные детьми картинки. Няня, Варвара Григорьевна, жила в небольшой комнатке во флигеле. Она пришла в дом, когда родился Владимир.

В саду росли яблони и вишневые деревья, там все утопало в цветах. Садоводство было страстью Марии Александровны; сад был ее стихией. Большую часть работы в нем она выполняла сама, но ей помогали дети и домашние слуги. Садовника она не держала, однако весной и осенью нанимала человека для того, чтобы вскопать землю вокруг яблонь и произвести другую тяжелую работу. В длинные летние вечера детям поручали носить воду из колодца и поливать клумбы с цветами. Пускались в ход

все емкости, которые можно было заполнить водой. Дети носились по саду, к колодцу и обратно, а Мария Александровна руководила процессом поливки, как командир, возглавляющий ход кампании по спасению гибнущих от зноя обожаемых ею цветов.

В саду созревало такое обилие фруктов и всевозможных ягод, что этого урожая хватало семье с лихвой. Было заведено жесткое правило: незрелые плоды нельзя было срывать и есть. Детям разрешалось лакомиться только уже упавшими яблоками; что касается вишни, малины и клубники, то их ягоды можно было есть только спелые, снятые с кустов. Мария Александровна самаопределяла, какую ягодку уже можно «щипать», а какую нет. Илья Николаевич особенно любил вишни. Поэтому в доме был установлен порядок — не трогать три прекрасных вишневых дерева, росших вокруг беседки, где летними вечерами они все пили чай, до 20 июля. Это были его именины. В тот день в торжественной обстановке с этих деревьев наконец снимали урожай.

Фруктовый сад переходил в обыкновенный сад, тоже не маленький; здесь находилась площадка для игр. Играли в крокет. Тут же были устроены огромные качели. Илья Николаевич увлекался крокетом и любил устраивать матчи между детьми. Сад окружал забор, и в нем была калитка, через которую дети бегали кататься на коньках по замерзшей речке Свияге, а летом они в ней купались. В семье царили мир и лад.

Александр был тихим, сдержанным юношей. Даже в детстве его отличало какое-то особое, сосредоточенное выражение лица, как будто он о чем-то постоянно думал, старался понять что-то сложное для него. По натуре он был абсолютно кроток, незлобив, простодушен. Его можно было назвать привлекательным: правильные черты тонкого лица, красиво очерченный рот, прекрасные глаза. За ним водилось одно страстное увлечение — он любил выпиливать из дерева разные штучки и даже кое-что из мебели. Изделия своих рук он с удовольствием раздаривал. В возрасте восьми или девяти лет он научился играть в шахматы и проявил в этом невероятные способности. Он даже обыгрывал своего отца, который считался серьезным шахматистом. С раннего детства в нем отмечали благородную осанку; он красиво двигался, и во всех его проявлениях ощущались утонченность, изящество. Он был из тех исключительных детей, от которых ждут в дальнейшем необыкновенных успехов, блестящего будущего во всех начинаниях; такие люди благодаря своим душевным качествам и уму призваны быть украшением человечества на любом избранном ими поприще.

В отличие от Александра Владимир был непослушный, своевольный, шумливый, вспыльчивый. Он поздно научился ходить и часто падал. Упав, он плакал и кричал во все горло. Владимир был подвержен вспышкам ярости, которые часто заканчивались злой выходкой. Его сестра Анна вспоминала, что он любил ломать игрушки. Однажды на его день рождения няня подарила ему тройку из папье-маше. Схватив подарок, он убежал. Когда его нашли, он, спрятавшись за дверью, хладнокровно, методично, старательно откручивал у лошадей ножку за ножкой. В пять лет Анна подарила ему линейку. Он тут же исчез, а вернувшись, подошел к сестре и показал ей куски сломанной линейки. «Как это случилось?» — спросила она. «Я ее сломал», — сказал он, поднял ногу и показал, как он переломил линейку о коленку. Однажды ему подарили коноплянку в клетке. Птичка у него не выжила. В его приступах ярости было какое-то исступление, неистовость, будто в него вселялся злой дух разрушения. Поэтому он чаще, чем другие дети, подвергался обычному в семье наказанию, — его сажали в черное кожаное кресло в кабинете отца, и он должен был смирно в нем сидеть, пока не простят. Наказание он сносил легко, потому что сразу сворачивался в кресле калачиком и засыпал.

Владимир был такой полный, что его прозвали «бочонком». Падал он часто оттого, что у него голова была несоразмерно велика по отношению к его росту. В нем не было ни изящества, ни грации, так украшавших Анну и Александра, которые были на несколько лет старше, а потому вправе были его воспитывать и им руководить. Он испытывал к ним смешанные чувства. С одной стороны, он противился их воле, не желал их покровительства и вместе с тем нежно их любил. Перед Александром он буквально преклонялся. Случалось, что он, будучи ребенком, не понимал, как надо себя вести в какой-то ситуации. Тогда он говорил: «Я буду делать то же, что Саша». Он подражал Александру во всем, вплоть до мелочей. Например, если его спрашивали, в какую игру он будет играть или с чем он будет есть кашу, с молоком или с маслом, он первым делом смотрел на Александра и тогда отвечал. Александр видел, что младший брат все у него перенимает, и поддразнивал его: нарочно тянул с ответом, с легким лукавством наблюдая за Владимиром, как будто сам не знал, с чем ему хочется есть кашу, с маслом или с молоком.

Они были разные. Александр был честным до щепетильности. Что касается Владимира… Ему было восемь лет, когда отец взял его и старших детей с собой в Казань, чтобы затем побывать в Кокушкине и погостить у одной из родных теток. Это было их первое путешествие в те края. Дети затеяли игру, и Владимир

нечаянно толкнул стол; графин, стоявший на столе, упал и разбился. Вошла тетя и спросила, кто это сделал. Дети отвечали, что они не виноваты. Владимир тоже отнекивался. Прошло несколько месяцев, и однажды, когда мама укладывала его в постель, он вдруг разразился слезами. Успокоившись, Владимир признался, что графин разбил он.

Владимир рос беспокойным, каверзным, и за это мать и сестра Анна его часто бранили. Как самый сообразительный, он делал уроки быстрее всех и тут же принимался мешать младшим. Он начинал валять дурака, громко кричал, приставал и отвлекал от занятий и наконец так их донимал, что они звали мать. Особенно ему нравилось изводить Дмитрия, который был на четыре года моложе его. Тот был молчаливый, робкий, впечатлительный мальчик. Кто не знает песенку про бедного маленького козлика, которого съели волки, и от него остались рожки да ножки? Дмитрий пел ее, еле сдерживая слезы, но он стыдился этого и изо всех сил старался допеть песенку до конца. Пока он пел, Владимир строил жуткие гримасы и кричал ему в ухо: «А потом огромные плохие волки взяли и съели его! Остались бабушке рожки да ножки!!»

Но Володя мог быть и веселым, забавным, трогательным. Из сестер он выделял Ольгу, к которой был нежно привязан. Ольга, самая миловидная в семье, была моложе его на полтора года. Они с Владимиром могли часами сидеть вместе, тихо читать детские книжки или играть на рояле. Ольга любила заниматься музыкой и с большим старанием и подолгу разучивала гаммы, а он говорил ей: «Твоя епитимья!»

Как-то семейство плыло на пароходе в Казань. Вдруг Владимир как закричит.

— Нельзя так кричать на пароходе, — сказала ему мама.

— Почему нельзя? — ответил он. — Ведь пароход же кричит!

Подобные истории из детства Ленина еще долгие годы после его смерти вспоминали и записывали пережившие его брат и сестры. Из их описаний мы узнаём, что он был полный, круглолицый, рыжеватый мальчик, очень смышленый, быстро соображающий, способный на дерзкие выходки. А в общем он мало чем отличался от тысяч и тысяч других таких же мальчишек.

Но время шло, и с годами Владимир все больше и больше попадал под влияние старшего брата. Александр был спокойным, выдержанным юношей, незлобивым и добрым по натуре. Отец часто бывал в отъезде — инспектировал губернские училища и мог отсутствовать по два-три месяца. Тогда Александр становился за старшего в семье. «Большое значение имел… для маленького Володи пример отца, матери и особенно старшего брата Саши, —

вспоминала Анна. — Саша был на редкость серьезный, вдумчивый и строго относящийся к своим обязанностям мальчик. Он отличался также не только твердым, но и справедливым, чутким и ласковым характером и пользовался большой любовью всех младших».

Александр был твердо убежден в том, что люди должны с добром относиться друг к другу; он считал даже невинную шутку в адрес другого человека недопустимой. Он уважал людей, кем бы они ни были. В ранней юности он выработал собственный философский взгляд на жизнь; он считал, что человечество нуждается в абсолютной доброте и великодушии, ибо жизнь сама по себе слишком драгоценный дар, который оценить дано лишь при условии, если люди будут великодушны друг к другу. Он был начитан в вопросах просвещения и имел свою теорию. Он полагал, что учение открывает людям двери в мир, и каждый поэтому обязан приложить усилия к тому, чтобы шире распахнулись эти двери. Учение, следовательно, должно стать для человека основной задачей его жизни, требующей целеустремленности и самоотречения; ради этого надо идти на все, даже если ценой будет собственная жизнь. Эти мысли ему были внушены его отцом, который не щадил живота своего на ниве просвещения, открывая все новые и новые школы. На церемониях торжественного открытия Илья Николаевич произносил речи, призывая публику пробудиться и приобщиться к знаниям. Он говорил, что только образование может дать толчок развитию отсталой российской провинции, вывести ее из спячки.

Когда Александру было двенадцать-тринадцать лет, он решил стать зоологом, и Владимир готов был последовать его примеру. Он наблюдал за опытами, которые проводил Александр, исследуя природные явления, читал те же книги, что и старший брат. Комната Александра была забита литературой по естественной истории, философии, техническим наукам, а также учебниками иностранных языков. Но тут было еще много всяких других интересных вещей: сачки для ловли бабочек, лабораторное оборудование для опытов, стеклянные трубки, альбомы с засушенными листьями и банки с образцами органической природы, добытыми из реки Свияги. Братья были настолько поглощены своими занятиями, что когда кто-нибудь из шумной компании гостивших у них двоюродных братьев и сестер вторгался к ним в комнату, они категорически заявляли: «Осчастливьте нас своим отсутствием».

Разумеется, они не все свое время посвящали увлечению зоологией и другими науками. Братья любили продолжительные

прогулки по окрестным полям и лесам. Владимир был заядлый рыболов. Однажды он услышал, что в заводи у реки Свияги водятся карпы, и отправился туда на разведку. Высматривая в глубине карпа, он нагнулся, не удержался и упал в воду, головой вниз. Дно было илистое, он стал увязать и утонул бы, если бы поблизости не оказался рабочий с фабрики, стоявший на берегу реки. Тот вовремя подоспел ему на помощь. После этого случая Владимиру было запрещено бегать на речку летом. Позволялось только зимой, когда речка покрывалась льдом. Анна впоследствии вспоминала лихие проделки своих братьев, когда они, надев коньки, съезжали на лед Свияги с таких круч, что даже ребятня на санках не решалась на такое. У зрителей, глядевших на братьев, дух захватывало. Анна описывала, как они, выбрав самый крутой спуск, неслись вниз, сначала почти сложившись пополам, а затем, набрав скорость, начинали постепенно выпрямляться, и когда коньки наконец касались льда, смельчаки еще долго скользили по гладкой поверхности катка, в который превращалась Свияга зимой. Александр был высокий и сухощавый; Владимир плотный и приземистый. Он катался на коньках лучше Александра. Оба были не из робкого десятка.

Владимира приняли в гимназию, когда ему было девять с половиной лет, осенью 1879 года. Ничего необычного в том, что он так поздно пошел учиться, не было. С детьми занимались родители, и регулярно в дом приходили учителя давать им уроки, или дети сами ходили к преподавателям. Весь год, перед тем как пойти в гимназию, Владимир каждое утро занимался с учительницей женского приходского училища, готовившей его к вступительным экзаменам. Он с удовольствием посещал ее уроки, и все отмечали, что он был послушным и признательным учеником. В гимназии он носил голубую форму, в какой тогда ходили все гимназисты. Учение давалось ему легко; он умел внимательно слушать и ловил новый материал буквально на лету. Поэтому дома ему не надо было зубрить домашние задания. Он учился лучше всех в классе и, конечно, сознавал свое превосходство над товарищами. В семье существовала такая традиция: когда Илья Николаевич бывал дома, то дети, вернувшись из гимназии, должны были, заглянув к нему в кабинет, объявить, какие отметки они в тот день получили. Обычно Владимир пробегал мимо отцовского кабинета, на ходу выкрикивая: «Греческий — отлично, немецкий — отлично, алгебра — отлично!» — и тут же мчался наверх, к себе в комнату. Довольные, Илья Николаевич с женой улыбались, переглядываясь между собой. Им нравилось, как этот крепыш с копной каштановых волос, выбивающихся из-под фуражки, изо дня в

день, проносясь мимо них, радостно сообщает о своих успехах. Правда, иногда Илья Николаевич задумывался: а не слишком ли легко его сыну все дается? Он видел, что Владимир становится заносчивым. Блестящие способности сына и легкость, с какой он постигал знания, беспокоили отца. Илья Николаевич считал, что человек выковывается в труде, и не представлял себе, что выйдет из его сына, если тот не найдет себе настоящего, трудного дела.

От матери Владимир унаследовал методичность; от отца неутолимое стремление вырваться вперед, быть лучше всех.

Младший брат Дмитрий, мягкосердечный и ласковый мальчик, когда вырос, стал врачом. Наблюдая в детстве своего брата, он всегда удивлялся тому, как не задумываясь, почти механически Владимир расправлялся с любой темой сочинения или с четвертной работой. Никогда не отступая от этого правила, он делал так: сначала вчетверо складывал лист бумаги и на отрезанной четвертушке составлял план сочинения с введением и заключением; затем брал еще один лист бумаги, складывал его пополам в длину и на левых полосах его набрасывал черновик, проставляя буквы греческого алфавита и цифры согласно уже составленному плану. Правые полосы листа пока оставались чистыми. На них он позже вносил дополнения, пояснения, поправки, а также ссылки на использованную литературу. Постепенно правая полоса первоначального черновика заполнялась. Это то, что следовало учесть, когда работа будет переписываться набело. Таким образом, левая часть являлась своеобразным «скелетом» сочинения, а правая — «плотью», тем, чем должен был обрасти «скелет». Владимир четко заполнял выстроенную им конструкцию, а затем брал чистые листы бумаги и писал все сочинение начерно, карандашом. Только после этого он переписывал готовый, отработанный текст чернилами в тетрадь. И всегда железная логическая последовательность, и все те же пять этапов, которые должны были вместить в себя процесс развития темы от начала до конца. Этим методом он пользовался всю жизнь. Точно так же он писал свои книги.

И еще Дмитрий вспоминал, что Владимир всегда писал черновики только карандашом. При этом карандаш был остро-остро отточен. Владимир затачивал карандаши с любовью и старанием, чтобы буковки выходили изящные, тоненько-тоненько выписанные. Он не терпел тупых карандашей. Кончики грифеля у карандашей, которыми он писал, были острые, как иголки; Чуть грифель притуплялся — такой карандаш уже не годился, и Владимир снова принимался его затачивать. Он был непревзойденный мастер затачивать карандаши. Привычку эту он сохранил на всю жизнь.

В отличие от Александра в гимназии он не проявил никакого интереса к естественным наукам. Зато он с удовольствием изучал иностранные языки; они его завораживали. Он занимался русским, церковно-славянским, греческим, латынью, немецким и французским языками. Это было книжное знание: он читал на языках. Позже, когда ему довелось жить во Франции и Германии, к своему удивлению он обнаружил, что совсем не владеет разговорными навыками — не понимает устной речи и не может говорить ни по-французски, ни по-немецки. Вполне возможно, что его мать редко говорила дома на родном языке, или вообще никогда. Латынь приводила Владимира в восхищение. Он любил тяжеловесность этого языка, мускулистое построение его грамматических конструкций. Но самые яркие впечатления в его увлечении языками подарил ему греческий. Он с восторженным удивлением осваивал его структуру и тончайшие языковые нюансы. Однако его раздражали темпы преподавания иностранных языков в гимназии. У него не хватало терпения без конца долбить одно и то же. Однажды он сказал сестре Анне: «Восемь лет учить язык! Что за глупость! Если захотеть, его можно выучить за два года!»

Уже в гимназии в нем проявились педагогические наклонности. Он любил опекать слабых учеников, охотно писал за них сочинения, а на переменах с готовностью помогал решать трудные задачи, переводил отрывки с греческого и латыни, объяснял трудные теоремы. Он был счастлив, когда его подопечный с его помощью получал хорошую оценку.

Вспоминая гимназическую юность Владимира, Анна склонна была рисовать все в розовом свете. Она писала: «…с младших классов шел он лучшим учеником». Действительно, он пользовался своего рода популярностью среди учеников, был их признанным лидером в играх и в учении. Но есть свидетельства, позволяющие считать, что Анна сильно сгустила розовые краски. В школьных коллективах умники редко пользуются товарищеской любовью. Тем более что Владимир был дерзким, прямолинейным. Он мог обидеть человека презрительным замечанием; у него были острый язык и привычка говорить колкости. К тому же он прекрасно сознавал свое интеллектуальное превосходство и всегда пользовался случаем лишний раз это подтвердить, чтобы ни у кого из его товарищей по гимназии не оставалось ни капли в том сомнения.

Ему трудно было подобрать себе приятелей. Директор гимназии в своем рекомендательном письме ректору Казанского университета, в который Владимир собирался поступать после окончания гимназии, писал: «У него подчеркнутое стремление к

уединению и замкнутости; он старается избегать общения с соучениками и во внеурочное время сторонится даже своих приятелей из числа лучших учеников». В целом директор высоко оценивал способности Владимира, расхваливал его на все лады, но между строк читается озабоченность тем, что юноше не хватает гуманности, что он эгоцентричен.

Случай с преподавателем французского языка, французом, осевшим в России после брака с местной помещицей, это подтверждает. Владимир доводил француза с холодной методичностью, хотя единственное, что можно было поставить в вину учителю, так это его нервозность, вполне естественную для европейца, оказавшегося в непонятном ему обществе в забытой Богом российской провинции. Месье Пор элегантно одевался, был по-французски экспансивен, обаятелен; он умел пленять учеников. По-русски он говорил с чудовищным акцентом. Владимир откровенно, в лицо издевался над ним, передразнивал его манеры, речь, его привычку бегать жаловаться к директору гимназии по малейшему поводу. А рассердить месье Пора было легко. Владимир объявил войну французу. Зрелище было отвратительное, потому что все преимущества, казалось, были на стороне ученика, у которого отец — директор всех губернских народных училищ, а сам он — любимец директора гимназии. Месье Пор тем не менее заявил, что ученику, позволяющему себе постоянное неповиновение воле учителя и грубые проделки, выходящие за рамки приличий, ставить отличные отметки по поведению нельзя, это не соответствует действительности. Месье Пор настаивал на том, чтобы Владимиру снизили оценку по поведению. Но, как и следовало ожидать, положение отца сыграло свою роль, и оценка не была снижена. Однако директор гимназии вынужден был поставить Илью Николаевича в известность о случившемся. Отец вызвал Владимира к себе. В кабинете Ильи Николаевича между отцом и сыном произошел серьезный разговор. Илья Николаевич не скрывал своего неудовольствия. Он отругал Владимира, и тот обещал, что больше никогда не допустит неуважительного отношения к преподавателю французского. Как раз в это время приехала Анна из Петербурга, где она училась на педагога. Илья Николаевич, вопреки своему правилу переживать неприятности про себя, рассказал, ей о том, что произошло. Нет, он не всегда мог гордиться своим сыном. Поводов для огорчения хватало. Владимир никогда не приглашал домой товарищей по гимназии, в нем было слишком много дерзости и самовольства, это, по мнению отца, опытного педагога, могло сильно навредить сыну в будущем.

Вероятно, инцидент сильно подействовал на Владимира, потому что в том же году было замечено, что его характер стал получше. Проявилось это в истории с одним простым чувашем, получившим русскую фамилию Охотников (от слова «охотник»). Охотников учил чувашских мальчиков, но ему хотелось поступить в университет. Греческий и латынь он знал еле-еле, да и в русском был не силен. Между тем латынь и греческий были обязательными предметами при поступлении в университет. Инспектор чувашских школ Яковлев высказал предположение, что если Владимира попросить позаниматься с чувашем, в некотором роде его соплеменником, то он может согласиться. Яковлев был близким другом семьи Ульяновых, к его словам прислушивались. Это был последний год Владимира в гимназии, и ему приходилось особенно много заниматься. Тем не менее педагогическая жилка в нем сработала, и он взялся готовить Охотникова в университет. Как и его отец, он был врожденным педагогом. Александр был другой: он предпочитал сам учиться. Преподавательская стезя его не манила.

Но и Владимир производил впечатление человека, для которого учение было главным, его острый, ненасытный ум жаждал новых и новых знаний. Он беспрерывно читал. Все девять месяцев учебного года, за исключением Рождественской недели и десяти дней Пасхальных каникул, Владимир жил, окунувшись с головой в учебу, поглощая книгу за книгой. Но когда наступали летние каникулы, он превращался совсем в другого человека. В эти долгие, вольные летние месяцы он, как деревенский помещик-аристократ, предавался всевозможным удовольствиям на лоне природы в своем родовом имении.

Каждое лето Ульяновы проводили в имении Бланков, в Кокушкине. Они закрывали свой дом в Симбирске и погружались всей семьей на пароход, курсирующий по Волге. Плыли до Казани, где останавливались на ночлег у Веретенниковых, а утром следующего дня, набившись в экипажи вместе со всеми детьми, с вещами, плетеными корзинами, полными провизии, с хохотом и криками трогались в деревню. Заботы учебного года оставались позади, забывались на целое лето. Впереди их ждали золотые денечки блаженства и покоя, такие светлые и долгие, что незаметно было, когда кончается день и начинается другой. А потом, в воспоминаниях, прошедшее лето представлялось одним бесконечным счастливым-счастливым днем.

Летом они словно переселялись в рай. Здесь у них было все, о чем могут только мечтать дети. Грезы детей Ульяновых сбывались в Кокушкине. Огромный дом с колоннами и с двумя террасами, выходившими на реку Ушну, был в их распоряжении. Берега реки

поросли лесом и кустарниками, а вдаль уходили бескрайние пшеничные поля. Дети пользовались полной свободой — они могли охотиться в лесу, плавать в реке, кататься на лодке. В лесах водились медведи, в кустах прыгали зайцы, и иногда слышался вой волков. Бывало, забредя в чащу, мальчики встречали мирно пасущегося лося. На реке была пристань с тремя лодками. Вообще, чего тут только не было — и конюшни, и каретный сарай, скотный двор, длинная липовая аллея, и другая, березовая, и маленькая деревушка, в которой жили крестьяне. Тут было все, чему полагалось быть в настоящей помещичьей усадьбе. Хотя, надо сказать, по тем временам Кокушкино не считалось очень крупным поместьем. По соседству находились владения богатых купцов, превышавшие размеры Кокушкина во много раз. Дед купил землю, когда она еще была дешевая, и толково устроился на новом месте. Он даже возвел еще один флигель, который, хотя и назывался крылом главного дома, фактически был отдельным строением. Всего разных построек, больших и малых, стоявших на территории усадьбы, включая конюшни, каретный сарай и крестьянские избы, было не менее пятидесяти.

Во время летних каникул в обоих господских домах, возвышавшихся над рекой, кипела жизнь. Между ними постоянно шло движение: дети сновали туда и обратно, из дома в дом. Дом поменьше притягивал их тем, что там находился большой зал для бильярда, служивший молодежи своего рода клубом. Здесь они собирались, строили планы на предстоящий день, играли в бильярд. Здесь все вместе искали укрытия во время летних гроз. Ночь они проводили в большом доме. Комнаты в малом отводились под спальни для наезжавших гостей. В Кокушкине Илья Николаевич размещался в кабинете тестя, сплошь уставленном книжными шкафами. Мария Александровна и ее сестра Анна, мать детей Веретенниковых, занимали угловую комнату. Владимир с двоюродным братом Николаем Веретенниковым или в комнате рядом с кабинетом. Комнаты были просторные и выходили окнами в сад, на цветочные клумбы. Мария Александровна много сил отдавала саду, и немудрено, что цветы, произраставшие на ее клумбах, славились на всю округу.

Владимир научился плавать в реке Ушне. Поначалу, когда он был еще маленький, он плескался на мелких местах, но в десять-одиннадцать лет мог уже переплывать на другой берег реки. Он научился прекрасно грести, и поэтому в доме никто не волновался, если он брал лодку и уплывал на весь день. В семье было три лодки — две небольшие, а третья побольше, как баркас. Летние достижения Владимира не ограничивались только тем,

что он научился великолепно плавать и грести. Позже вспоминали, что он проявлял себя как непревзойденный грибник. В этом деле у него был настоящий талант. Грибов было множество, самых разных видов, и шляпки были всевозможных цветов: бронзовые, розоватые, белоснежные, зеленые, желтые, всякие. Тут росли маслята, до которых были большие охотники черные жуки; и подберезовики со шляпками шоколадного цвета. Владимир умел распознать любой гриб и считался крупным специалистом по части грибных мест; он примечал, какие грибы где любят расти. Уже в Горках, когда Ленин, удалясь от всех дел, доживал последний год своей жизни, рано состарившийся, сраженный болезнью мозга, он часто бродил по лесу, собирая грибы. Это было его любимое занятие.

Во время летних каникул, в те блаженные дни его детства в душе Владимира наступал полный покой. Он наслаждался жизнью, радовался благам долгого, щедрого лета. Все это впоследствии ярко всплывет в его памяти: как он ходил за грибами и ягодами, катался на лодке, рылся в книгах в дедушкиной библиотеке, охотился в густых, как джунгли, лесах; он вспоминал свои беседы с кучером Ефимом и мальчиком, прислуживавшим в господском доме, звали которого Роман. Так протекали день за днем. Омрачить существование здесь могла только скука. Но И. С. Тургенев справедливо писал, что русский сельский барин только хорошеет в своей скуке, как гриб, поджаривающийся в сметане. Это было как раз то самое состояние, в каком пребывал и Владимир летом в Кокушкине. Можно сказать, это была не жизнь, а настоящее блаженство. Другое дело зимой — тогда все менялось, и в усадьбе поселялось уныние.

На именины отца, 20 июля, обязательно устраивали фейерверк. В этот день со всей округи, из отдаленных мест, съезжались знакомые и родственники поздравить Илью Николаевича и засвидетельствовать ему почтение. Имя «Илья» происходит от библейского «Илай». В русском народе бытовало поверье, что в Ильин день сам Илья-пророк разъезжает по небу в колеснице. В их представлении святой Илья был восприемником Перуна, божества, которому поклонялись древние славяне. Как Перун, он якобы мог насылать на людей войны, гром и гнев небесный. Поэтому чтобы задобрить его, сельчане в тот день устраивали кулачные бои. Много лет спустя, когда Владимир уже был убежденным атеистом и революционером, одержимым идеей разрушить монархию, преданным слугой которой был Илья Николаевич, он не забывал отмечать день святого Ильи-пророка и всегда посылал своей матери по такому случаю особенно

трогательное письмецо.

В Кокушкине у господ не было серьезных проблем с крестьянами. До конца своих дней Ленин будет вспоминать безоблачную пастораль летнего отдыха во время каникул с теплым чувством. «Нет ничего прекраснее Кокушкина», — писал он впоследствии. Путешествуя по Италии, он как-то в разговоре заметил, что даже Капри уступает в красоте этой русской деревне. Воспоминания о жизни в имении не оставляли его никогда. Хозяевами его до самой Октябрьской революции так и были все пять дочерей Александра Бланка. Каждая из них владела пятой частью земли.

Как и во время учебы, в Кокушкине Володя жадно накидывался на книги, погружаясь в чтение классической литературы, в том числе русских классиков. Он обожал Пушкина — это был его любимый поэт; отдавал должное романам Тургенева. Больше всего ему нравился его роман «Дворянское гнездо». Впервые Владимир прочитал Тургенева, когда ему было тринадцать лет, но и потом, в зрелом возрасте, он не раз возвращался к произведениям любимого автора.

«Отцы и дети» не случайно взбудоражили воображение впечатлительного гимназиста. На вопрос: что такое нигилист? — Аркадий, друг Базарова, благоговеющий перед ним, отвечает: «Нигилист — это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип».

«Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным, — промолвил Базаров. — В теперешнее время полезнее всего отрицание — мы отрицаем.

— Всё?

— Всё.

— Как? Не только искусство, поэзию… но и… страшно вымолвить…

— Всё, — с невыразимым спокойствием повторил Базаров.

Павел Петрович уставился на него. Он этого не ожидал, а Аркадий даже покраснел от удовольствия.

— Однако позвольте, — заговорил Николай Петрович. — Вы всё отрицаете, или, выражаясь точнее, вы всё разрушаете… Да ведь надобно же и строить.

— Это уже не наше дело… Сперва нужно место расчистить».

Спустя несколько лет те же самые мысли выразит в «Катехизисе революционера» Нечаев, а за ним — Владимир Ульянов. Романтика нигилизма была соблазном и до них. Мефистофель Гёте недаром был так уверен в силе своего

красноречия. Но в 80-х годах XIX века она стала восприниматься острее, стала ближе. Нигилизм с невероятной мощью захватывал души людей. Юный гимназист, коротающий школьные каникулы в родовом имении, с замиранием сердца читал роман про Базарова и плакал над его печальной судьбой, а потом, как ни в чем не бывало, мчался купаться на речку или в сад, помогать маменьке высаживать в аккуратно возделанные клумбы георгины, настурции и резеду.

Литературный вкус Владимира сформировался еще когда он учился в гимназии. Пушкина, Толстого, Тургенева он перечитывал по нескольку раз. Пройдет много лет, и его сестра Анна будет вспоминать, что именно отец советовал им читать революционно направленные произведения Добролюбова, и, если ей верить, гуляя с детьми на природе, он будто бы пел революционные песни. Но это просто легенда, созданная для того, чтобы объяснить, как сформировались революционные наклонности детей Ульяновых. Илья Николаевич был либералом, которого глубоко волновали благополучие и дальнейшая судьба детей во вверенных ему учебных заведениях. Ему не пристало помышлять о социальной революции. Более того, он гордился почестями, которыми его удостаивала монархия; он был примерным прихожанином церкви и считал своей обязанностью следить, чтобы в каждой гимназии изучали Закон Божий. Он был благонадежен, и никаких антигосударственных помыслов не вынашивал. Его дети, пока он был жив, разделяли его мировоззрение — да иначе и быть не могло, — он всегда служил для них примером.

Лето 1885 года было последним в его жизни. К тому времени Илья Николаевич отметил уже двадцатипятилетие своей служебной деятельности на посту чиновника Министерства просвещения. Люди его положения после двадцати пяти лет службы обычно уходили в отставку. Но Илья Николаевич был на прекрасном счету и поэтому рассчитывал, что сможет и дальше работать в том же качестве с тем же жалованьем. Но все было не так просто. Сначала его оставили в должности на один год. Потом еще на четыре года. В конце октября] 885 года, накануне тридцатилетии службы, Илья Николаевич написан прошение в учебный округ об оставлении на службе еще на пять лет. Попечитель П. Н. Масленников знал, что кое-кто в губернии недолюбливает директора народных училищ, и рекомендовал министру Делянову оставить симбирского директора на службе лишь «до 1 июня 1887 года». Илья Николаевич ждал ответа.

Наступило Рождество. Все дети, кроме Александра, были дома. Александр находился в Петербурге, он там учился. Его

ждали на Рождественские каникулы, но он отказался приехать, объяснив это тем, что не смеет вводить своих близких в расходы, поскольку длинное путешествие из Петербурга в Симбирск обойдется слишком дорого. Поступок был совершенно в его духе. Ежемесячно отец посылал ему на прожитие сорок рублей. Но Александр был бережлив, и ему удавалось сократить расходы до тридцати рублей в месяц. Приехав домой в начале летних каникул 1885 года, он, ни слова не говоря, вернул Илье Николаевичу сэкономленные деньги. Илья Николаевич отчитал его, сказав, что не к лицу сыну действительного статского советника вести образ жизни нищего студента и морить себя голодом, — ведь деньги в семье есть, и его никто не ограничивает в средствах. Александр промолчал. У него были свои принципы, и брать у отца больше денег, чем ему было необходимо, он категорически отказался.

Однажды вечером во время Рождественских каникул Анна сидела у отца в кабинете и читала ему вслух газету. Вдруг она услышала, будто он что-то бормочет. Он лепетал нечто бессвязное. Она посмотрела на него, прислушалась и поняла, что он бредит. Он словно говорил на каком-то неведомом языке, в больном воображении пребывая где-то далеко-далеко, в ином мире. Но приступ миновал и вечером Илья Николаевич казался вполне здоровым.

На следующий день, 24 января, он все утро не выходил из своего кабинета. Там же он провел прошедшую ночь, как обычно, на своем черном кожаном диване. Он часто ночевал в кабинете. На этот раз он почти не спал и выглядел усталым и измученным. Тем не менее у него хватило сил посидеть над работой и коротко переговорить с коллегами, инспекторами Стржалковским и Яковлевым. Потом Илья Николаевич неожиданно появился на пороге столовой. Вид у него был напряженный, сосредоточенный. Он обвел комнату долгим взглядом, словно искал чего-то, и молча удалился, закрыв за собой дверь. Его жена позже говорила, что взгляд у него был человека, который со всем прощается.

Он умер в пять часов вечера, лежа на диване в кабинете. Мария Александровна находилась при нем. Перед его смертью к нему были вызваны Владимир и Анна, чтобы попрощаться и получить благословение. Но благословить он их не успел. Когда они подошли к умиравшему, он уже хрипел.

Владимир видел, как умер его отец. Ему тогда было пятнадцать лет. Минует двадцать лет, и он скажет кому-то из своих друзей: «Мне было шестнадцать лет, когда я покончил с религией».

За всю свою жизнь он трижды был свидетелем кончины

людей: он видел смерть отца, сестры Ольги и матери своей жены.

На похороны Ильи Николаевича съехались учителя и деятели просвещения со всей губернии. Его рождение было освящено пышной церемонией крещения в русской православной церкви в Астрахани, а смерть — торжественной заупокойной службой в православном храме города Симбирска. Газеты почтили его память некрологами, а на прощальной панихиде звучали речи, в которых его называли достойным членом общества, служившим на благо своего народа, проявившим на поприще образования беспримерное трудолюбие и рвение. Илья Николаевич был настоящим, глубоким гуманистом, человеком с доброй и тонкой душой и потому не нуждался в пустых и фальшивых посмертных панегириках. Его жизнь говорила сама за себя. Он не заслужил слов, сказанных Владимиром, правда много позже, в адрес чиновников, «которые понимают под «общественной полезностью» политическую апатию и раболепие перед правительством кнута». Эти слова он напишет в одной из своих работ.

Так скончался Илья Николаевич Ульянов, действительный статский советник, кавалер ордена Святого Владимира, потомственный дворянин, основавший чуть ли не полтысячи новых училищ, школ и гимназий. Даже в Москве и в Санкт-Петербурге газеты оповещали о его кончине.

Его вдове была назначена пенсия в размере одной тысячи двухсот рублей в год, что соответствует примерно восьми тысячам восьмистам долларов, если перевести на деньги нашего времени. Такую пенсию принято было назначать вдовам заслуженных людей, в чинах не ниже, чем генеральских.

Смерть героя

Когда семью постигает утрата, близкие по-разному переживают горе. Бывает так, что для кого-то эта смерть становится ударом на всю жизнь. Человек живет с этим горем до конца своих дней. Он продолжает обычное земное существование, женится, производит на свет и воспитывает детей, работает, продвигается по службе и как будто ничем не отличается от прочих людей. Обыкновенный человек, живет, как все. Но какая-то часть его души окаменела, отмерла. Боль перенесенной утраты не проходит со временем; наоборот, она сказывается чем дальше, тем острее. Потеря отца может иметь последствия, равносильные залпу шрапнелью: поражая главную цель, она ранит всех вокруг. Беда вырвала из жизни опору семьи, оставив глубокие рубцы в

душах детей.

Смерть Ильи Николаевича была неожиданной. Он умер в тот момент, когда дети особенно в нем нуждались. Александр был в Петербурге, где он изучал биологию в университете. Казалось бы, такой человек, как он, должен был воспринять это известие разумно и спокойно. Но на него смерть отца так подействовала, что он был близок к помешательству. Его сестра Анна в своих мемуарах вспоминает, что он был так убит горем, что на много дней забросил ученье и не мог ничем заниматься, а только ходил из угла в угол комнаты, как загнанный в клетку зверь. После этого он стал жестче, упрямей, решительней и из милейшего юноши с нежным сердцем превратился в существо с капризным, настойчивым характером, в этакого тихого деспота.

Перемена произошла и в характере Владимира, которому теперь пришлось вместо отца взять на себя роль старшего мужчины в доме. Когда через день после похорон Анна вернулась в Петербург, он, пятнадцатилетний мальчик, остался за главного в семье. На нем было все хозяйство в их симбирском доме. Теперь он вел дом, собирал официальные бумаги, необходимые, чтобы оформить пенсию за отца, следил за образованием младших детей. В промежутках между делами он продолжал готовить в университет Охотникова и упорно занимался в гимназии, где по-прежнему оставался лучшим учеником в классе. Это был чудовищно напряженный период в его жизни. Но не в его характере было предаваться горю, он еще самозабвеннее погружался в работу.

В тот год он особенно тесно подружился с Ольгой, своей младшей сестрой, которая быстро подрастала, обещая стать очаровательной барышней с независимым и слегка капризным характером. Анна была суровая по натуре и неулыбчивая, Ольга же, наоборот, смешлива. Она хорошо пела и играла на рояле, а в шахматных партиях иногда даже одерживала победу над братьями. Из всех детей она была самая музыкальная и способная к языкам. Она говорила по-немецки, по-французски, по-английски и по-шведски. Шведский она усвоила от матери и уже в восемнадцать лет неплохо им владела. Кроме всего прочего, она была самая красивая в семье. Ольга унаследовала от матери-немки правильные черты лица, но природе было угодно смягчить их, придать особую милоту. Владимир больше всего ценил ее ум, быстрый, неожиданный и оригинальный. Близкие говорили, что голова у Ольги отдыхает, только когда она спит.

Еще прошедшим летом Александр демонстрировал братьям и сестрам свой новый талант — как он умеет играть в шахматы и в бильярд одновременно. Не отрываясь от бильярдного стола,

орудуя кием, он выкрикивал очередной шахматный ход. Владимир был в полном восторге. Пройдет время, он и сам научится играть, не глядя на доску. Дмитрий вспоминал, что, когда Александр приезжал из Петербурга, каждый вечер после ужина Александр с Владимиром усаживались за шахматную доску. Они сидели друг против друга насупленные, страшно серьезные; играли молча, никогда не спорили друг с другом, не обменивались ни словом. По обыкновению они удалялись играть в маленькую комнату на нижнем этаже, окно которой выходило во двор. Однажды во двор забежала соседская девочка лет двенадцати. В окошке, забранном решеткой, она увидела двух молодых людей; они сидели неподвижно, наподобие каменных истуканов, и опустив головы. «Как арестанты за решеткой!» — закричала девочка и кинулась стремглав со двора. Александр и Владимир переглянулись и оба посмотрели ей вслед. А затем продолжили игру.

Как-то раз Мария Александровна послала за Владимиром. Он должен был помочь ей по хозяйству. «Я очень занят», — раздраженно отрезал Владимир. После смерти отца он снова стал грубым и непослушным, как до памятного инцидента из-за учителя французского языка. Но не успел он договорить, как Александр, вскочив, произнес: «Ты пойдешь и сделаешь то, о чем тебя просит мама, или я никогда больше не сяду играть с тобой в шахматы». Владимир покорно встал из-за стола и отправился помогать матери. И это был не единственный случай, когда в нем проявлялась беспредельная дерзость. Иногда он огрызался злобно, мрачно, по-хамски, ни с того ни с сего; в нем словно взыгрывал дух противоречия. Александра тревожил Владимир: он видел, как тот болезненно взрослеет. Владимиру отчаянно не хватало сильной отцовской руки, — уж слишком он был порывист, остер умом, прекрасно сознавал свою власть над другими и не терпел чужого мнения. Вернувшись в конце лета в Петербург, Александр с грустью сказал Анне: «Владимир несомненно талантлив, но мы с ним больше не понимаем друг друга». — «Почему он такой?» — спросила Анна. Ответа не последовало. Но было ясно: Владимиру пришла пора становиться взрослым, а этот период обычно связан с глубокими изменениями в душе человека. Он уже успел пережить горе и чувство одиночества, покинутости; в своем юном возрасте он уже прекрасно сознавал, что одарен блестящими умственными способностями; и в довершение всего постоянное соперничество с Александром, — этого было достаточно, чтобы вызвать резкую перемену во всем его существе. В его душе все время шла борьба двух начал — необузданного, дикого, унаследованного от

отцовских предков, кочевников-чувашей, и другого — цивилизованного, унаследованного от матери с ее немецко-скандинавским происхождением. До конца жизни эти два ярко выраженных и противоположных друг другу начала попеременно брали в нем верх; вспышки дикой ярости и необузданного самовольства сменялись ровным, разумным поведением цивилизованного человека.

Александр тоже переживал глубокие внутренние перемены. По натуре он был уравновешенный и спокойный, даже сдержанный, обладал блестящим умом, который использовал рационально, строго по назначению, занимаясь наукой. Большую часть времени он проводил за микроскопом, терпеливо наблюдая формы органической жизни и их изменения. Это был прирожденный ученый-исследователь; со временем он мог занять почетное место среди профессуры на одной из кафедр Санкт-Петербургского университета. Но случилось неожиданное. В течение каких-то нескольких месяцев он сделался рьяным революционером, одержимым целью убить царя и свергнуть существующий строй.

Как могло такое произойти, что могло заставить его проникнуться мыслью, будто цареубийство и есть его предназначение в жизни, даже если ему придется ею пожертвовать? Он тщательно скрывал свою причастность к революционным идеям; нигде, ни в его письмах, ни в его дневниках нет и намека на то, что он приобщился к революционной деятельности, забыв о науке. Известно, что он был страшно подавлен, когда вернулся в Петербург после смерти отца. В таком состоянии он мог легко попасть под чье-то влияние. Он был из тех людей, кто остро переживает чужую боль, и был способен на самопожертвование; это было поразительное качество в нем. Еще когда Александр был ребенком, заметили, что, если он брался за какое-то дело, он полностью ему отдавался, не щадя своих сил. В этом он отличался от Владимира, который умел рассчитывать свои усилия и предвидеть итог. В Александре были чистота и открытость, эти два совершенно обезоруживающие качества. В этом он был схож с Алешей Карамазовым из романа Достоевского, чистым отроком, который видел смысл жизни единственно в служении людям, в том, чтобы помогать им, изливая на них свет собственной святости. Оказывается, однако ж, что и Алеше не был заказан путь в террористы. За несколько месяцев до смерти Достоевский открыл Алексею Суворину, издателю своих сочинений, что намеревается написать новый роман, в котором Алеша должен выступить в роли цареубийцы. Соглашаясь с мнением Суворина, что в его

романе «Братья Карамазовы» много провидческого, Достоевский заявил, что работает над его продолжением, в котором Алеше придется покинуть место святого уединения. Погодите, стращал писатель, на этом дело не кончится! Уйдя из монастыря, Алеша присоединится к нигилистам… Бедный Алеша станет цареубийцей, он убьет царя!

До возвращения Александра в Петербург в сентябре 1886 года у него не было никаких связей с террористическими группами, да и вообще хорошо организованных групп такого рода в то время не существовало. «Народная воля» после ареста всех участников террористического акта, унесшего жизнь Александра II, была уничтожена. Но она осталась жить в легендах. Главные действующие лица, осуществившие покушение на царя, — Михайлов, Желябов, Софья Перовская и Гриневицкий стали мифическими персонажами ушедшей эпохи. Память о них в Петербурге была жива, и среди студентов университета находились такие, которые лелеяли мечту о продолжении дела, начатого их кумирами. Среди них был умиравший от чахотки двадцатитрехлетний фанатик, возомнивший себя преемником революционных традиций «Народной воли». Способностями организатора он не обладал, и потому ему удалось собрать вокруг себя лишь небольшую группу студентов, разделявших его воззрения. Звали этого человека Петр Шевырев. Голова его напоминала череп, обтянутый мертвенно-бледной кожей; лоб был высокий, глаза глубоко посаженные, подбородок маленький. В заговоре приняли участие около двадцати студентов, некоторые из них, как например, Андреюшкин, примкнули к Шевыреву под влиянием романтического порыва, в поисках остроты ощущений. Андреюшкин написал письмо другу в Харьков. Письмо это получилось своеобразным гимном, восхвалявшим терроризм, там были такие слова: «Если ты попросишь меня описать достоинства и значение Красного Террора, на это уйдут века, учитывая, что это мой конек, и это то, что поддерживает мою неприязнь к социал-демократам». Крамольное послание студента было перехвачено полицией в начале февраля 1887 года, но установить, кто был его отправителем, они смогли только 27 февраля. Убийство царя было намечено на 1 марта, и совершить его должны были Петр Шевырев, Александр Ульянов и еще несколько членов группы.

Студенты не прошли никакой школы. Они понятия не имели о дисциплине, которой должны подчиняться члены террористической группы. У них не было денег, не было организации, не было четкого плана, не было настоящего оружия. Средства на осуществление своего плана заговорщики выручили,

продав за сто рублей золотую медаль Александра, которой университет его удостоил за курсовую работу о пресноводных кольчатых червях. На эту сумму, сто рублей, им удалось приобрести два браунинга и собрать по частям три бомбы. Бомбами главным образом занимался Александр, почерпнувший сведения, как их сделать, из учебника, взятого в университетской библиотеке. Это были странные изделия. Вокруг цилиндрического контейнера, содержавшего динамит, были приделаны гильзы из-под дроби, начиненные стрихнином. Судя по всему, достать стрихнин заговорщикам ничего не стоило, потому что друг одного из них был аптекарем. Но с азотной кислотой, вызывающей взрывную реакцию, возникли затруднения. В конце концов ее сыскали в Вильно. Среди тех, кто был задействован в истории приобретения азотной кислоты, оказались два брата, Бронислав и Юзеф Пилсудские, студенты университета. Они не принадлежали к числу активных участников заговора, вероятно, даже не знали, для чего кислота предназначалась и что вообще готовилось. Примечательно, что впоследствии Юзефу Пилсудскому суждено было стать диктатором Польши, а брату Александра Владимиру — диктатором России.

Покушение на царя было запланировано на день, когда отмечалась годовщина гибели Александра II Отряд подрывников состоял из Андреюшкина и еще двух студентов. Царь любил ежедневно совершать прогулки. Обычно маршрут его пролегал по Невскому проспекту, который берет начало у Адмиралтейства и пересекает всю центральную часть Санкт-Петербурга. С 27 февраля заговорщики стали появляться на Невском, дабы ознакомиться с обстановкой на местности. Андреюшкин уже был на примете у полиции; его сразу узнали и установили постоянную слежку. Было слишком уж очевидно, что три приятеля студента затевают что-то недоброе, но задерживать их не стали. В полицейском рапорте сообщалось, что студенты вели себя странно и что с полудня до пяти вечера за ними велось наблюдение. В тот день, 27 февраля, царь не покидал Зимнего дворца. Не появился он и на следующий день, когда заговорщики снова «патрулировали» Невский. Настало 1 марта. Молодые люди опять возникли на проспекте. Андреюшкин держал в руках толстую книгу, а у его товарищей оттопыривались пальто. Это навело полицейских на мысль, что они что-то прятали под верхней одеждой. Все они тут же были задержаны. Полицейские первым делом осмотрели книгу. Это был медицинский словарь, вернее, обложка от него; внутри находилась картонная коробка, а в ней — бомба.

Один из студентов, Осипанов, выхватил пистолет и выстрелил в полицейского. Пистолет оказался неисправным. Единственно, для кого он мог представить опасность, так это для того, кто рискнул бы им всерьез воспользоваться. По непонятным причинам полицейские не стали обыскивать Осипанова. Отняв у него пистолет, они отвели его в участок. Уже в участке тот же Осипанов вытащил из кармана картонную коробку и швырнул ее на пол. Бомба не взорвалась. Полиции стало ясно, что в их руки попали желторотые горе-террористы.

Тем не менее царю был направлен рапорт, в котором полиция не упустила случая представить свои старания в самом выгодном для себя свете. Царь на полях рапорта написал: «На этот раз Бог Нас спас, но надолго ли?» Его Величество поздравил с успешным завершением дела как высших полицейских чинов, так и рядовых служак, сумевших быть на страже и действовать в подобной ситуации столь расторопно и разумно.

Двое из студентов оказались болтливы, и вскоре полиции стали известны все участники заговора, в том числе и Александр Ульянов. Полиция тут же направилась к нему в меблированные комнаты на Александровском проспекте, где он жил. Там они застали только Анну и арестовали ее. Александра они нашли в студенческом общежитии несколько часов спустя. В течение следующих дней было арестовано семьдесят четыре человека, включая друзей заговорщиков. Однако пятьдесят человек были вскоре освобождены за отсутствием улик. Шевыреву сначала посчастливилось ускользнуть от полиции. Он бежал в Ялту, но 7 марта все-таки был схвачен.

Весть об аресте Александра достигла Симбирска буквально через несколько дней. Кто-то сообщил об этом в письме к Вере Кашкадамовой, местной учительнице. Эта пожилая женщина была давнишним другом семьи Ульяновых, с тонким чувством такта. Как сообщить родным Александра страшное известие, чтобы оно не явилось слишком тяжким них ударом? Владимиру оставалось всего несколько недель до окончания гимназии. Он готовился к заключительным экзаменам. Вера Кашкадамова вызвала его к себе и показала ему письмо. Пока он его читал, она наблюдала за тем, как он воспримет известие. Мальчик не потерял самообладания, только с расстановкой произнес: «Дело серьезное, это может плохо кончиться для Саши». Он долго молчал, морща лоб. Потом отправился домой, чтобы сообщить обо всем матери. Через полчаса Мария Александровна уже была у Кашкадамовой. Она сказала: «Дайте мне письмо». Прочитав его, решила немедленно ехать в столицу. Она считала своим долгом сделать все, чтобы спасти сына. «Я поеду в Санкт-Петербург сегодня же, —

сказала она. — Пожалуйста, последите за детьми, пока меня не будет».

Мария Александровна отбыла в Петербург в тот же день. Предварительно она поручила Владимиру найти ей попутчика до Сызрани, где находилась ближайшая железнодорожная станция. От Симбирска до Сызрани было около двухсот километров, и обычно люди, отправляясь в дорогу, искали попутчиков, чтобы разделить между собой оплату за проезд в экипаже. Много лет спустя Крупская рассказала в своих воспоминаниях о том, как Владимир обошел всех местных «либералов» из числа друзей их дома с просьбой сопроводить Марию Александровну до Сызрани, но желающих не нашлось. Уже всем было известно, что она оказалась матерью двух арестованных террористов. Люди боялись, что их заподозрят в связях с ней. Он никогда, пишет Крупская, не простил им этого, и с тех пор он преисполнился ненавистью к либералам. «Он ста! больше думать, и произведения Чернышевского обрели для него новый смысл. Обнаружив «Капитал» Маркса среди книг Александра, он стал вчитываться в него, ища там ответы на свои вопросы. Раньше это произведение давалось ему с трудом, теперь же он набросился на него с жадностью».

Рассказ этот звучит не очень убедительно. За исключением этого отрывка из воспоминаний Крупской, ни в одном другом источнике нет ни слова о том, что Владимир, будучи гимназистом, увлекался чтением литературы революционного содержания. Этот интерес пробудился у него позже, когда он уже был в Казани. Именно тогда он ощутил весь груз поступка брата Александра на собственной судьбе. А в Симбирске у него и без того хватало забот. Ему надо было вести дом, заботиться о младших детях, давать уроки Охотникову, готовиться к выпускным экзаменам, до которых оставалось всего ничего.

В это время в Санкт-Петербурге Мария Александровна билась за жизнь сына. В столице у нее были родственники со стороны Бланков, занимавшие высокие посты, и потому она могла рассчитывать на то, что ее без промедления примут в соответствующих министерствах, учитывая к тому же ее положение вдовы действительного статского советника. С утра до вечера она совещалась с адвокатами и встречалась с высокопоставленными чиновниками. Она обратилась к царю с прошением разрешить ей свидание с сыном, и Александр II1 начертал на полях поданного ею прошения: «Я думаю, было бы разумно допустить ее повидаться с сыном, дабы она сама могла убедиться в том, что за «сокровище» ее сынок». Марию Александровну провели в камеру к Александру. Увидев мать, он

не выдержал и расплакался, но потом овладел собой. Казалось, он был охвачен каким-то странным безразличием к собственной судьбе, но духом не падал и был совершенно спокоен. Он не проявлял никакого раскаяния, так как не чувствовал за собой вины. Словно стремился всем своим видом сказать: «Да, я хотел убить царя, но попытка провалилась, и тут уж ничего не поделаешь».

Только пятнадцать человек из числа арестованных предстали перед судом. Девять из них были студентами Петербургского университета, один был семинарист, другой — аптекарь, и еще один был записан как мещанин. Среди арестованных были три женщины. В графе «род занятий» две значились как акушерки, а Анна Ульянова как учительница начальных классов.

Слушание дела проходило за закрытыми дверями. Состав присяжных был поименно назначен самим царем. Как знак великой милости Марии Александровне было дано разрешение присутствовать на процессе. В качестве свидетеля со стороны обвинения на суде выступил генерал от артиллерии, который дал свою профессиональную оценку огнестрельного оружия, найденного у обвиняемых. Он определил, что оба пистолета были непригодны для стрельбы, а динамит в бомбах не мог взорваться, поскольку взрывное устройство было слишком примитивным. Защита почему-то не воспользовалась случаем сыграть на поразительной неподготовленности и неопытности конспираторов. Адвокаты нажимали на то, что подсудимые — юные существа, попавшие под дурное влияние, и едва ли они соображали, что творили. Однако когда в конце заседания уже перед вынесением приговора обвиняемым было предоставлено последнее слово, каждый из них заявил, что прекрасно сознавал, на что идет. Только Шевырев попытался обелить себя, и понятно, ведь на нем лежала основная вина. Александр же, наоборот, делал все, чтобы взвалить общую вину на себя. Он шепнул Лукашевичу, одному из малозначительных участников заговора: «Если хочешь, вали все на меня!» Позже Анна говорила, что он был бы рад хоть двадцать раз быть повешенным, лишь бы помочь остальным.

Когда Александру было предоставлено слово, он произнес длинную речь. Пока он говорил, председатель суда несколько раз прерывал его, призывая не вдаваться в теоретические рассуждения, но Александр продолжал, не обращая на него внимания, «просвещать» судей, развивая перед ними теорию терроризма и неизбежности социализма. Он сказал, что еще в ранней юности существующие порядки вызывали в нем смутное недовольство, оно окрепло и получило подтверждение, когда он

наконец познал, что такое научный социализм, который с его точки зрения является единственной дорогой в будущее. «… Только после изучения общественных и экономических наук это убеждение в ненормальности существующего строя вполне во мне укрепилось и смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились для меня в строго научные и именно социалистические формы. Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно». Как профессор, вооруженный знаниями в области обществоведения, он терпеливо и последовательно вводил своих судей, словно новичков-студентов, в курс научной теории развития общества, объясняя им, что каждая страна развивается согласно определенным историческим законам; в своем развитии страны проходят определенные фазы, и в конце концов приходят к завершающей фазе исторического развития, — к такому общественному строю, которым и является социализм, и только социализм. <<Это есть неизбежный результат существующего строя и тех противоречий, которые в нем заключаются», — сказал он.

Александр заявил, что единственным средством борьбы для интеллигенции остается террор, поскольку все прочие формы борьбы бесполезны. Только с помощью террора люди завоюют себе право свободно мыслить в обществе, где свободное слово подавляется царской цензурой, где даже невольная мысль обречена, не будучи предварительно одобрена государственной властью. Вот его слова:

«Наша интеллигенция настолько слаба физически и неорганизованна, что в настоящее время не может вступать в открытую борьбу, и только в террористической форме может защищать свое право на мысль и на интеллектуальное участие в общественной жизни. Террор есть та форма борьбы, которая создана девятнадцатым столетием, есть та единственная форма защиты, к которой может прибегнуть меньшинство, сильное только духовной силой и сознанием своей правоты против сознания физической силы большинства. Русское общество как раз в таких условиях, что только в таких поединках с правительством оно может защищать свои права».

То, что Александр говорил, уже было сказано до него Нечаевым, Желябовым и, возможно, еще десятком им подобных, но Александр более ясно выражал свои мысли и явно превосходил их интеллектуальным уровнем. Его речь, поместившаяся на трех страничках убористо напечатанного текста, была логична, четко скомпонована, рассудочна, — без тени сантимента. Он никого не стремился разжалобить. Возможно, бесстрастность его речи привела в ужас Марию

Александровну, потому что она вдруг вскочила и поспешно вышла из зала суда. Александр продолжал говорить. Он полностью взял на себя вину попытки покушения на царя и не просил о пощаде. В заключение он сказал: «Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать…»

Если бы обвиняемые положились на милость судей и не были бы столь строптивы, кто знает, может, они отделались бы недолгими сроками тюремного заключения. Но тюрьма была не для Александра. Хотя прокурор дрогнул, видя, как он намеренно старается взять всю вину на себя. «Я полностью верю в искренность осужденного Ульянова, — провозгласил он. — Если он и погрешил против истины, так это в желании взвалить на свои плечи больший груз вины, чем было на самом деле».

Суд приговорил пятерых зачинщиков к смертной казни, остальные по большей части получили длительные сроки тюремного заключения. Бронислав Пилсудский был приговорен к пятнадцати годам каторжных работ в Сибири, а его брат всего лишь к ссылке на пять лет. В связи с полным отсутствием состава преступления Анна была освобождена через несколько дней после окончания процесса. Однако полиции было поручено держать ее под наблюдением.

В тюрьме Александр проявил ту же стойкость, что и на суде. Он не сломался. Единственное, о чем он попросил, — чтобы ему передали томик стихов Гейне. Кто-то из повидавших Александра в то время описывал его так: «…Потемневшее лицо, высокий лоб, нахмуренные брови и крепко сжатый рот». Такими словами скорее подобает описывать привидевшегося во сне покойника, между тем это был точный его портрет перед казнью.

20 мая Александр был повешен во дворе Шлиссельбургской крепости. Вместе с ним были повешены Шевырев, Андреюшкин, Генералов и Осипанов. Получив письмо матери, сообщавшей о гибели брата, Владимир потер рукой лоб и негромко произнес: «Мы пойдем другим путем».

Мария Александровна вернулась в Симбирск. Она была как-то странно спокойна. Старая няня, жившая в их доме, которая помнила детей Ульяновых еще с пеленок, так рассказывала о возвращении Марии Александровны: «Она не позвонила и не постучала в дверь, а тихо прошла через черный ход. Дети помоложе кинулись к ней, окружили ее, припали к своей маменьке. Я заметила, что она совсем стала седая». Еще несколько недель она оставалась с семьей в Симбирске. Затем,

собравшись с мыслями, она очень толково принялась за дело. Она не хотела оставаться в Симбирске, где все напоминало ей о смерти мужа, а теперь и о потере любимого сына. Мария Александровна продала дом вместе с мебелью, и семья навсегда покинула Симбирск.

Было незаметно, чтобы горе сильно подействовало на Владимира. Внешне он был спокоен. Он ни разу не заплакал и не изменил хотя бы ненадолго обычный распорядок своей жизни. Он продолжал так же прилежно заниматься, как и раньше; по-прежнему давал уроки Охотникову и следил за успеваемостью младших детей. 30 апреля, когда Александр еще находился в тюрьме, Владимир обратился к директору гимназии с официальным прошением следующего содержания: «Желая подвергнуться испытанию зрелости, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о допущении меня к оному». Он хлопотал о возможности, получив аттестат зрелости, затем поступить в университет. Его превосходительство Федор Керенский глубоко чтил и уважал покойного отца юноши. Теперь же, после всех бедствий в семье Ульяновых, на нем лежала ответственность за дальнейшую судьбу юноши. Он удовлетворил просьбу Владимира без колебаний. Владимир блестяще выдержал выпускные экзамены. Он получил пятерки, то есть высшие баллы, по Закону Божию, по латыни, древнегреческому языку, по французскому, немецкому, русскому и церковно-славянскому языкам, по математике, истории, физике и географии. Только за один предмет ему снизили оценку на балл: в его аттестате против слова «логика» стояла четверка.

Федор Керенский был добрейшей души человек, к тому же редкого обаяния. Он искренне был расположен к Владимиру и не преминул дать ему характеристику для поступления в университет, в которой в радужных красках расписывал достоинства своего ученика. Этот документ сохранился. Федор Михайлович писал:

«Очень способный, всегда аккуратный, усидчивый и старательный, Ульянов показал себя лучшим по всем предметам и по окончании учебного курса получил золотую медаль за успехи в усвоении знаний, за серьезное и внимательное отношение к работе и за благонравие.

Не было ни одного случая, когда Ульянов словом или делом вызвал бы непохвальное о себе мнение школьного начальства или педагогов.

Его умственное и нравственное воспитание всегда находилось под пристальным надзором сначала обоих родителей, а после смерти отца в 1886-ом году одной матери, которая

направила все свои силы и заботы на воспитание детей.

В основу его домашнего воспитания были положены религия и дисциплина, и плоды этого очевидны в поведении Ульянова.

Присматриваясь более внимательно к характеру Ульянова и его частной жизни, я имел возможность заметить его излишнюю склонность к уединению, замкнутость и нелюдимость, стремление избегать общения с товарищами, даже с лучшими из его соучеников, во внеурочные часы за. пределами школы.

Мать Ульянова намерена находиться при нем все время его обучения в университете».

Итак, имея на руках все необходимые бумаги — характеристику, данную директором гимназии, аттестат зрелости, метрическое свидетельство о времени рождения и крещения, формулярный список отца с перечислением его заслуг перед отечеством и две фотографические карточки, — Владимир подает прошение на имя ректора Казанского университета о зачислении его на первый курс юридического факультета. С точки зрения Федора Керенского выбор был неудачный. Он считал, что юноше следовало поступить на филологический факультет, где он изучал бы литературу и историю. И действительно, кончилось тем, что Владимир так за всю жизнь и не постиг историю и до конца дней своих был не в ладах с логикой.

На фото, отправленных в Казанский университет, он заснят в гимназической форме. На нас смотрит симпатичный, упитанный юноша с еще по-мальчишески открытым лицом. Его волосы гладко зачесаны назад, аккуратный покрой форменного сюртука создает впечатление стройности, подтянутости. Вы не заметите ни тени скорби на этом свежем, пухленьком, ясноглазом лице. У него полные губы, как у женщины. И лишь широкий, плоский нос и глаза — продолговатые и раскосые — выдают его финно-угорско-чувашское происхождение. В его взгляде читаются стремление скорее вступить в жизнь и незаурядный ум; по-видимому, он уже знает себе цену, и имеет на то основания.

И ничуть он не похож на человека, который потом, когда-нибудь, запустит в родной дом красного петуха, отчего заполыхает весь мир.

Молодой законник

Поступив в Казанский университет, Владимир Ульянов имел перед собой одну-единственную цель — стать юристом. У него и в мыслях не было сделаться революционером. Он не знался с революционно настроенной публикой, не читал книг революционного содержания. Он заявил своей сестре, и не только ей, что Александр пошел не тем путем; по его представлениям, если Россия и нуждалась в переменах, то осуществлять их следовало законодательным путем. Судьбу страны должны решать законники, а не революционеры.

Теперь, когда дом на Московской в Симбирске был продан, вся семья, за исключением Анны, последовала за Владимиром в Казань. Анна в это время жила в имении Кокушкино под надзором полиции. В Казани когда-то учился Илья Николаевич, так что в какой-то степени этот небольшой, но процветавший город не был им чужим. Казань была губернским центром, так сказать, столицей губернии, со своей епархией, во главе которой стоял архиепископ; здесь был военный гарнизон с расквартированным в нем армейским корпусом. На левом берегу Волги высились разрушавшиеся татарские мечети, а на правом — находился парк, имевший довольно неожиданное название: «Русская Швейцария». Ульяновы сняли квартиру на Первой горе, фешенебельной улице поблизости от университета.

Среди книг, прочитанных Владимиром тем летом, был роман Чернышевского «Что делать?». Автор написал его, когда как политический узник отбывал тюремное заключение в Петропавловской крепости. Этот роман, владевший умами трех поколений революционеров, в наши дни читать почти невозможно. Он слабый, композиционно разбросанный, в нем нет единого стержня, ход повествования то и дело прерывается, все это сбивает читателя с толку. Но главная идея есть, и вот какая: воспеть неких «новых людей», которым якобы предстоит построить новое общество, где каждый будет совершенно свободен. Вера Павловна, одна из героинь книги, видит во сне картину будущего: рабочие живут во дворцах из алюминия и стекла со скрытым освещением; в столовых у них столы с паровым подогревом, что избавляет их от услуг официантов; сельское хозяйство ведется на научной основе, благодаря чему наступает век изобилия. В этом раю работает только тот, кому хочется. Чернышевский рисует образы тех самых людей, которые должны приблизить этот земной рай. Один из них — Рахметов,

потомок знатного татарского рода, получивший в наследство четыреста душ крепостных и семь тысяч десятин земли. Он ведет суровый, аскетический образ жизни, сознательно подвергая себя лишениям и истязаниям, как бы готовясь к чему-то, а к чему — не сказано, но ясно, что это как-то связано с видениями социалистического рая.

Рахметов появляется в романе эпизодически, но истории о нем, которые рассказываются другими персонажами, красноречиво свидетельствуют о его особой роли в романе. Например, есть рассказ о том, как он, не отрываясь, читал в течение восьмидесяти двух часов, не смыкая глаз, причем первые две ночи он гнал от себя сон исключительно силой воли, а третью ночь продержался, выпив восемь чашек крепкого кофе. Чтобы укрепиться духом, он спал на гвоздях, жил строго по часам: столько-то времени он отводил на чтение, столько-то на помоешь другим людям. Он сам сформулировал критерии, которым должны были подчиняться три стороны его жизни — физическая, нравственная и умственная. Однако иногда он нарушал их с целью познания людей. Он был типичным ригористом, делал все всерьез. В какой-то момент он захотел стать пахарем и по-настоящему ходил за плутом; потом работал плотником. Путешествуя по Волге, он подружился с бурлаками и вошел в их артель. Он питался сырым мясом и отличался невероятной физической силой. Бурлаки его боготворили и даже прозвали «Никитушкой Ломовым», в память о легендарном бурлаке, известном на всю Волгу силаче. Однажды, как всегда, он внезапно исчез. Ходили слухи, что он странствует по Европе. Рассказывали, что, явившись к некоему величайшему из европейских мыслителей, он сказал: «У меня тридцать тысяч талеров; мне нужно только пять тысяч; остальные я прошу взять у меня». Философ, живший в нищете, был крайне удивлен и спросил, что побудило молодого русского сделать ему такое предложение. Рахметов лаконично ответил: «На издание сочинений». О дальнейших похождениях Рахметова читателю больше ничего не известно, кроме того, что он как будто намеревался осесть в Соединенных Штатах, стране, которая, по его словам, заслуживала более пристального изучения, чем любая другая.

Рахметову отводится всего несколько страниц в середине ужасно затянутого, скучнейшего романа, но тысячи и тысячи русских студентов упивались, читая эту главу, соответственно названную: «Особенный человек». Она была для них освежающим глотком молодого, пьянящего вина. Рахметов то и дело повторял: «я должен», «мне нужно». Он был одержим страстным желанием все познать и все испытать на себе, каких бы трудов и страданий

ему это ни стоило. В нем ощущалась огромная внутренняя потребность к деятельности, что-то мощное, неуемное, что сыщешь в очень немногих представителях рода человеческого. Он намеренно создавал себе суровую, тяжкую жизнь, и в этом он, можно сказать, достиг совершенства. «…Роскоши и прихоти — никакой; исключительно то, что нужно», — заявлял он. А вот слова самого Чернышевского: «Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли».

Нет ни малейшего сомнения в том, что Рахметов произвел самое сильное впечатление на Владимира. Юноша в течение многих и многих недель читал и перечитывал роман, мысленно прикидывая на себя образ молодого помещика с татарской кровью, единственной слабостью которого была любовь к хорошим сигарам. Он даже решил по примеру Рахметова научиться курить. Это ему понравилось. Он не слишком серьезно отнесся к предупреждению матери о том, что курение вредно для здоровья. Подобно Рахметову он мог бы ей ответить: «Без сигары не могу думать». Но зато следующий ее довод возымел свое действие. Мария Александровна заметила ему, что пока он сам не зарабатывает деньги, то вряд ли имеет право за ее счет позволять себе такую роскошь, как курение. Аргумент был неоспорим. Владимир бросил курить и больше никогда не имел этой привычки. Но в остальном он изо всех сил старался подражать Рахметову. В кармане он носил маленький альбом с приклеенными портретами любимых героев, где на первой страничке красовался портрет Чернышевского.

Владимир уже тогда осознал, какое влияние оказала на него книга Чернышевского. Годы спустя он признавался своей приятельнице, Цецилии Бобровской-Зеликсон:[8]«Это великая литература, потому что она учит, направляет и вдохновляет. Я перечитал роман целых пять раз за одно лето, и каждый раз находил в нем новые и полезные мысли».

В университете поначалу Владимир старался вести себя осмотрительно и благоразумно — понимал, что носит фамилию, которая из-за истории с Александром приобрела печальную известность. Он знал, что за ним пристально следят, и старался быть образцовым студентом. Кроме того, он обещал матери не привлекать к себе внимание со стороны университетского начальства. Но жизнь распорядилась по-своему, и вскоре все его намерения пошли прахом. Министр просвещения, считая университеты рассадниками инакомыслия и бунта, решил изгнать из университетов либерально настроенных профессоров и

распустить студенческие братства, по традиции объединявшие студентов — выходцев из одной губернии. По всей России среди студентов вспыхнуло недовольство. 16 декабря студенты Казанского университета собрались, чтобы выразить свой протест против введенных министром мер. На сходке была зачитана петиция. Составлена она была в самой почтительной форме. На сходке во множестве сновали тайные агенты полиции — им было поручено записывать фамилии присутствующих. Среди прочих ими был замечен и Владимир Ульянов. Донесли, что он стоял в самом первом ряду, мало того — со сжатыми кулаками. На сходке Владимир не произнес ни слова, но уже одно его присутствие расценили как своего рода подстрекательство к бунту. В ту же ночь он был арестован в числе тридцати девяти других студентов и доставлен в полицейский участок. Существует история, возможно, апокрифическая, будто по дороге в участок офицер полиции, обратившись к Владимиру, спросил его: «Что толку бунтовать, молодой человек? Разве вы не видите, что перед вами каменная стена?» — «Да, стена, — якобы ответил ему на это Владимир, — но она насквозь гнилая, ткни ее хорошенько, и она развалится».

В тюрьме его продержали несколько дней, из университета он был исключен. Так и закончилось его университетское образование, — через каких-нибудь три месяца после поступления в Казанский университет. Он был братом Александра Ульянова, а потому на особом счету у полиции. Дело не кончилось только исключением из университета; ему было предписано уехать из Казани. По просьбе матери Владимир получил разрешение поселиться в имении Кокушкино, где безвыездно жила находившаяся под наблюдением полиции его сестра Анна.

Как ни старался Владимир не привлекать к себе внимание университетского начальства, сыщики намеренно впутали его в историю и раздули дело. Несколько месяцев спустя, когда Владимир подал прошение о восстановлении его в университете, на стол ректора легло донесение полиции о преступной деятельности Владимира Ульянова. Документ этот мало убедителен; составителям его пришлось немало потрудиться, чтобы обосновать мотивы, по которым студент был взят под стражу. В нем говорилось:

«В течение недолгого пребывания в университете он был замечен в проявлениях скрытности, невнимательности и даже грубости. Еще дня за два до сходки подал повод подозревать его в подготовлении чего-то нехорошего: проводил время в курильной, беседуя с Зегрждой, Ладыгиным и другими, уходил домой и снова

возвращался, принося по просьбе других что-то с собой и вообще о чем-то шушукаясь; 4-го же декабря бросился в актовый зал в первой партии, и вместе с Полянским первыми неслись по коридору 2-го этажа. Ввиду исключительных обстоятельств, в которых находится семья Ульянова, такое отношение его на сходке дало повод инспекции считать его вполне способным к различного рода противозаконным и даже преступным демонстрациям».

Итак, Владимира объявили виновным, просто припомнив ему покойного брата. По-видимому, к аресту он отнесся философски. Проводя зиму в Кокушкине, он, как и минувшим летом, когда жил в Казани, жадно читал, заимствуя книги из окрестных библиотек. Ему регулярно приходили коробки с книгами из Казанского университета. Кроме того, в доме было полно журналов и книг, принадлежавших еще его деду, Александру Бланку. Многие десятилетия они собирали пыль в их домашней библиотеке. Владимиру присылали книги в таком количестве, что почтальон складывал их в корзину и потом доставлял по адресу. В той же корзине прочитанные книги увозились обратно на почту, а оттуда рассылались по адресам библиотек, из которых они были выписаны. С каждой почтой приходили и газеты.

В Кокушкино приехала и Мария Александровна, чтобы вести в доме хозяйство. Теперь это была поседевшая, грустная женщина, на которой тяжко отразились крушение надежд, связанных с ее детьми, и потери последних лет. Но никогда ни словом, ни видом своим она не позволила себе хоть чуточку дать им понять, что в чем-то их упрекает, винит. Арест Владимира и его исключение из университета явились для нее еще одним сокрушительным ударом в цепи тех, что выпали на ее долю за эти два года. Позже Владимир скажет: «Ее мужеству можно было только дивиться».

В ту зиму дни в занесенном снегом доме текли медленно, уныло. Мало кто к ним наведывался. Зато полицейский урядник навещал регулярно. В его обязанности входило следить, чтобы Анна и Владимир не замышляли никаких козней. Из Казани к ним приезжал двоюродный брат, Николай Веретенников. Иногда Владимир ходил на охоту, вернее, брал ружье под мышку и отправлялся бродить по лесу. Анна впоследствии вспоминала, что за всю зиму он ни разу не вернулся домой с добычей. В семье посмеивались над незадачливым охотником. Однажды, уже летом, Владимир взял с собой на охоту Николая. Вернувшись, он объявил, что видел в лесу зайца. «Я думаю, — сказала Анна, — это все тот же заяц, за которым ты гонялся всю зиму».

Из рассказов Анны следует, что Владимир, в отличие от своих

двух братьев, заядлых охотников и отличных стрелков, был начисто лишен охотничьего инстинкта. «У него не лежало сердце к охоте», — говорила Анна, вспоминая те времена. Много позже, когда Владимир был в ссылке в Сибири, его жена не переставала удивляться его странной привычке уходить в лес с ружьем и возвращаться с пустыми руками, без добычи. Как-то раз прямо на него выскочила лисица. Она была на расстоянии нескольких метров от него, но он не стал в нее стрелять. «Почему?» — спросили его, и он ответил: «Она такая красивая».

Спустя годы, описывая зиму их общей ссылки в деревне, Анна отмечала неприятное ощущение холода и какой-то пустоты в доме. Все это было похоже на дурной сон, из которого никак не вырваться. До сих пор им никогда не приходилось зимовать в усадьбе. Они наезжали в Кокушкино, чтобы провести здесь роскошное лето. Наливались хлеба, и яркий солнечный свет сочился сквозь пеструю зелень деревьев. А той зимой им слишком все напоминало об отце и брате, — казалось, их тени бродят по дому, рядом с живыми людьми.

Владимир не терял времени зря, постоянно занимался. С утра до ночи читал, помогал в учебе Дмитрию и Марии, играл в шахматы с Ольгой, вместе с сестрой Анной предавался воспоминаниям об Александре, совершал лыжные прогулки. Он ни в коем случае не желал впадать в отчаяние; более того, считал, что ему непременно позволят снова поступить в университет на следующий год. Социальные проблемы его не занимали, Маркса он не читал и был напрочь лишен чувства осторожности, свойственного настоящим заговорщикам, о чем свидетельствует описанный ниже случай.

Разумеется, Владимир не мог не знать, или хотя бы предполагать, что все его письма должна просматривать полиция. Тем не менее он написал длиннющее раздраженное письмо другу по гимназии, в котором рассказал о событиях, ставших причиной его исключения из университета. В нем он в намеренно оскорбительном, резком тоне высказывался в адрес профессуры и инспекторов этого учебного заведения. Видно, ему было необходимо излить накопившуюся в душе обиду. Анна, крайне озадаченная, внимательно наблюдала за братом, когда он писал это письмо, всецело поглощенный им. Дело в том, что вообще-то у него не было привычки писать кому-либо письма. Тем временем прибыла корзина со свежей почтой. Она мгновенно наполнилась прочитанными книгами и письмами, предназначенными для отправки. Владимир, довольный собой, бросил туда и свое письмо. Был вечер, детям пора было ложиться спать. На другой день утром корзину должны были увезти на почту.

Анна знала — да и как она могла не знать, — что однажды письмо, написанное глупым мальчишкой, студентом Петербургского университета, привело на эшафот их брата Александра. Поэтому она сочла уместным спросить, что Владимир написал в своем письме, — мол, ей это интересно, потому что он так увлеченно писал, так старался. Владимир пересказал ей содержание письма, и тут возник спор. Анна уверяла его в том, что он ставит под удар своего приятеля, подвергает его смертельной опасности. Многим революционным деятелям, соратникам Ленина и его противникам, позже пришлось неоднократно убеждаться в том, как нелегко было переспорить его, если у него уже созрело свое решение. Так было и на этот раз. Письмо написано, дело сделано, и ни слова он в нем не изменит. Он ходил взад-вперед по комнате, по памяти цитировал длинные отрывки из него, смакуя каждый ядовитый эпитет, с явным наслаждением припоминая наиболее хлесткие фразы. Это был, можно сказать, его первый опыт, — потом он будет писать много, бесконечно много таких писем, — дерзких, безжалостных, иногда глумливых, сочиненных в приступе холодной ярости. А тогда, впервые ощутив в себе способность уничтожить противника разящей силой своего слова, он ни за что не хотел сдаваться без боя. Спор у них вышел ожесточенный. Анна настаивала, он бешено сопротивлялся. Наконец, подумав, Владимир внял ее мольбам и с видимой неохотой извлек письмо из корзины. Несколько месяцев оно лежало у него на столе. Владимир время от времени его перечитывал, не скрывая злорадного удовольствия. Только весной он наконец-то, вволю насладившись своим творением, порвал его и выбросил.

С приходом весны обитатели Кокушкина освободились от ощущения затворнической жизни в забытой Богом глуши. Кругом пели птички, земля сделалась сочного, черного цвета, появились свежие, зеленые побеги, и только кое-где в канавах еще лежал талый снег. Усадьба пробудилась от зимнего сна. Владимир каждое утро складывал очередную стопку прочитанных книг в корзину и усаживался на лавочку под липой, в тень. Здесь, на свежем воздухе, он почти целыми днями читал. Ближе к вечеру семья обедала, после чего он отправлялся гулять в лес с Ольгой или с Анной. Бывало, он уходил на охоту или шел на реку плавать или кататься на лодке. Вернувшись, снова садился за книги и читал до ночи. Иногда к ним в гости приезжали родственники, дети Веретенниковых. Они были постарше Владимира, но в интеллектуальном развитии уступали своим двоюродным братьям и сестрам, ульяновской молодежи. Анна позже вспоминала, что им нелегко было соответствовать

Владимиру. «Они, хотя и более старшие, сильно пасовали перед метким словцом и лукавой усмешкой Володи», — писала она.

21 мая Владимир направил официальное прошение министру народного просвещения, испрашивая его позволения вернуться в университет. Полагая, что больше не состоит под наблюдением полиции в Кокушкине и может в любой момент переехать в Казань, он дал обратный адрес Веретенниковых, живших на Профессорской улице в Казани. Директор департамента народного просвещения затребовал письменный доклад о поведении молодого человека, но, даже не дочитав его до конца, начертал на полях: «Не брат ли он того самого Ульянова? Он ведь тоже из симбирской гимназии, не так ли? Об этом упоминается в конце страницы. Прошение его безусловно следует отклонить».

Проходило лето, Мария Александровна атаковала бесчисленными письмами Петербург, хлопоча о смягчении наказаний, обрушившихся на ее детей. Но все было безрезультатно. В сентябре Владимир направил еще одно прошение, на этот раз на имя министра внутренних дел. Владимир писал: «…Для поддержки своей семьи я имею настоятельнейшую надобность в получении высшего образования, а потому, не имея возможности получить его в России, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне отъезд за границу для поступления в заграничный университет». И это прошение было отклонено. Но власти пошли на некоторую уступку: ему было позволено выехать из Кокушкина и перебраться в Казань.

Семья снова оказалась в Казани. Опять они сняли квартиру на Первой горе, улице, петлявшей по склону холма. Балкон нависал над садом, разбитым на крутом спуске. По какой-то странной причуде в планировке дома весь первый этаж занимали кухни. Одна из них не использовалась, и Владимир превратил ее в кабинет, забив всю книгами. Здесь он почти весь день проводил за занятиями, отрываясь только для того, чтобы помочь Марии Александровне по дому или совершить очередной опустошительный набег в университетскую библиотеку.

Та осень осталась в его памяти на всю жизнь, потому что среди книг, прочитанных им тогда, был «Капитал» Маркса. Вот когда эта книга впервые попала в его руки.

День за днем он сидел в свой кухне затворником, погруженный в изучение этого увесистого, страшно многословного труда, перенасыщенного рассуждениями и выкладками.

Из него становилось ясно, что капитал есть самое настоящее дьявольское изобретение. Однако, объявляя его таковым, автор

одновременно возносил до небес буржуазную цивилизацию, основанием которой являлся капитал, и отдавал должное всем благам, что дарованы этой самой цивилизацией человеческому обществу.

Владимир был как раз в том возрасте, когда эта смесь в Марксовой теории — немецкого логического мышления и страстного мессианского порыва — не могла не взволновать его до крайности. И хотя он сам, по сути, был буржуа, поскольку жил на ренту, получаемую семьей с имения в Кокушкине (а также на пенсию матери), и при этом не имел никакого представления о том, что такое промышленный пролетариат, он тем не менее усвоил и принял теорию Маркса о прибавочной стоимости. Из Марксовой теории вытекало, что не кто иной, как пролетариат по праву должен быть владельцем прибавочной стоимости, которая до сей поры сосредоточивалась в руках капиталистов. Ему никогда не приходило в голову, ни тогда, ни позже, что теория Маркса сама по себе слишком проста и не может не вступать в острые противоречия со сложнейшим хитросплетением сил, движущих развитием индустриального общества. До конца своих дней Ленин серьезно считал, что нашел в Марксе этакого спасителя человечества, пророка, несущего людям высшую истину. Веру в Бога Владимир утратил, когда был казнен Александр. Прошло каких-то полтора года, и он нашел для себя новую религию.

Открыв Маркса и уверовав в его теорию, Владимир воспрял духом. Он словно витал в облаках. В своих мемуарах Анна повествует о том, как вечерами, спустившись к Владимиру в его кабинет-кухню, она выслушивала его восторженные, полные страсти речи, в которых он развивал перед ней новую, усвоенную им философию: «…Он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала. Помню его, как сейчас, сидящим на устланной газетами кухонной плите и усиленно жестикулирующим. От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам. Он и тогда уже умел убеждать и увлекать своим словом. И тогда не умел он, изучая что-нибудь, находя новые пути, не делиться этим с другими, не завербовывать себе сторонников».

К тому времени, когда Владимир открыл для себя Маркса, многих молодых людей, особенно в студенческой среде, Маркс ошеломил своей теорией. Они образовывали небольшие кружки, чтобы изучать его работы. И в Казани существовал такой кружок, созданный студентом Казанского университета Федосеевым.[9] Владимир о нем и не ведал, но даже если бы ему было известно

об этом кружке, вряд ли он рискнул бы примкнуть к нему из боязни быть замешанным в политику.[10]

Помимо Веретенниковых, в доме Ульяновых почти никто не бывал. За все время, проведенное в Казани, как вспоминает Анна, Владимир имел две тайные встречи с мало кому известными людьми, в прошлом революционерами: пожилой женщиной, бывшей участницей «Народной воли», и каким-то студентом. Нет сомнения в том, что Владимир, увлеченный Марксом, имел некоторые контакты со студенческими группами, изучавшими явления в жизни общества с позиций Маркса. Он даже познакомился с Федосеевым, но кружок Федосеева прекратил свое существование в июле 1889 года, все его участники были арестованы. Если бы в тот момент Владимир был в Казани, он вполне мог бы разделить их участь. Но так случилось, что он отсутствовал. Дело в том, что за несколько месяцев до этого Мария Александровна купила имение под Самарой, в двухстах километрах южнее Казани.[11] Новое имение предназначалось Владимиру. Она хотела, чтобы он остепенился, стал владельцем и хозяином собственной усадьбы и земли.

Больше всего на свете Мария Александровна боялась, что Владимир станет революционером, как его старший брат. Ей хотелось жить в мире и покое, чтобы ее не мучил страх, что в любую минуту в их дом может прийти полиция, забрать ее второго сына и бросить его в тюрьму или наказать еще суровее. Она знала о его увлечении марксизмом и тревожилась за него. Так возникла мысль о покупке имения. Владимир нехотя согласился, и земля была куплена. Это было крупное имение, расположенное километрах в пятидесяти восточнее Самары. Мария Александровна предложила семье переехать туда. По ее предположениям управлять имением и заниматься сельским хозяйством должны были Владимир и Марк Елизаров, жених Анны. По счастью, в Самаре не было университета. Место было подходящее; там можно было поселиться и мирно жить, позабыв о прошлом.

В распоряжении семьи оказалось более двухсот десятин земли. Тут были степные участки, лес, мельница, конюшни, озеро. Помещичий дом был скромным, роскошью и величиной не отличался. Поблизости находилась деревенька Алакаевка. За все эти владения Мария Александровна заплатила семь с половиной тысяч рублей — сумму, вырученную от продажи их дома в Симбирске. Купчая была оформлена Марком Елизаровым, уроженцем тех мест. Он вырос в одной из деревушек недалеко от Алакаевки. С Анной он познакомился в Петербурге, где учился в университете. Елизаров приятельствовал с Александром, но

близким его другом не был. Марк подкупал сердечностью и мягким характером. Мария Александровна любила Марка, доверяла ему и не могла дождаться свадьбы, которая должна была состояться некоторое время спустя в том же году. Больше всего ей нравилось в нем то, что он не проявлял ни малейшего интереса к политике. Бедная, откуда ей было знать, что и он станет революционером!

История имения была такова. Раньше оно было частью крупного земельного хозяйства, объединявшего несколько деревень. Хозяйство это принадлежало некоему Сибирякову, владельцу золотых приисков в Сибири. Разбогатев, он в 70-х годах загорелся идеей создать крупную ферму и внедрить на ней самые передовые для той эпохи технологии. Сибиряков закупал за границей паровые плуги, сооружал амбары, конюшни, скотные дворы из кирпича и глины и пытался учить крестьян, как надо возделывать землю, чтобы она давала хорошие урожаи. Он отличался добродушием, был не глуп, придерживался либеральных воззрений и сочувственно относился к политическим ссыльным. Интересно отметить, что в имении Сибирякова какое-то время жил известный писатель Глеб Успенский, посвятивший свое творчество описанию тяжкой доли крестьянской бедноты. Надо сказать, что именно местные деревушки и их обитатели дали ему богатую пищу для сочинений. А Сибиряков строил школы, нанимал на свои деньги учителей и следил за тем, чтобы крестьянские дети учились. Он тратил деньги щедрой рукой, даже слишком щедрой. Огромное сельскохозяйственное предприятие, созданное им, оказалось в конце концов убыточным, и ему пришлось мало-помалу сворачивать дело, распродавая землю. Задолго до того, как был продан последний надел земли, Сибиряков перебрался в Петербург.

Елизаров знал все лазейки в процедуре купли-продажи; ему удалось заключить сделку по выгодной цене. Ульяновы получили хорошую землю. В деревне жили восемьдесят четыре семьи, то есть около трехсот крестьян. У большинства из них были свои лошади и коровы, собственные дома. Поначалу Владимир всерьез взялся управлять деревенским хозяйством, но очень скоро выяснилось, что это ему совсем не по душе. Пришлось нанять управляющего. «С самого начала, — признавался он позже, — я понял, что ничего не получится. у меня с крестьянами сложились ненормальные отношения».

Семья же безоговорочно приняла новое место жительства и полюбила Алакаевку, так напоминавшую им Кокушкино. Здесь с полей к ним долетал свежий степной воздух, здесь были леса,

рощи. Длинный, нескладный барский дом стоял окруженный заросшим садом, границей которого служил вьющийся среди зелени ручей. В лесу было полно дикой малины. В Кокушкине река текла прямо перед домом, здесь же до озера надо было идти минут десять, если не больше. Долгими летними днями они плескались и плавали в озере. После стольких месяцев мытарств и скитаний семья вновь обрела желанный рай.

Каждый в этом раю выбрал себе приглянувшийся уголок и создал в нем собственный мирок. Ольга облюбовала лужайку под старым кленом, Анна — березовую аллею, Владимир — тенистое местечко под липами. Он смастерил себе стол и скамейку и проводил там многие часы: читал и делал записи в тетради своим мелким, бисерным, неразборчивым почерком. Но иногда ему приходилось отрываться от занятий, когда к нему прибегали младшие дети с просьбой проверить их летние задания. В доме у него была отдельная комната, но он бывал в ней редко — приходил туда, чтобы переночевать. Окна в его комнате были затянуты голубыми занавесками, чтобы не влетали комары и мухи. Вечером, когда темнело, они зажигали на веранде лампу, на свет которой слеталась вся мошкара. Считалось, что таким образом можно отвлечь насекомых, и они не проникнут в дом.

До трех часов дня Владимир сидел в саду, с головой погруженный в свои книги. Как правило, в три часа дня семья обедала. После этого он шел гулять или плавал, или подтягивался на брусьях, которые сам прибил рядом со своей «беседкой» под липами. Владимир учил младшего брата Дмитрия играть в шахматы, причем запрещал ему делать обратный ход, если тот ошибался; дотронулся до фигуры — значит, ход сделан. Дмитрий потом вспоминал, что для Владимира все удовольствие в шахматной игре заключалось в поисках выхода из казалось бы безвыходного положения, в котором он порой оказывался. Результат его не очень интересовал, — его не волновало, будет он победителем или проиграет. Однако он считался мастером в шахматной игре. Как-то Марк Елизаров устроил Владимиру заочный шахматный турнир по почте с Андреем Хардиным, известным в то время шахматистом. Турнир проходил с большим напряжением. Владимир партию проиграл, но на этом не остановился, все годы, что он жил в Самарской губернии, затеянный им поединок с самарским адвокатом Хардиным продолжался. Однажды Дмитрий высказал мысль, что в гимназиях вместо мертвых языков для тренировки памяти неплохо было бы учить играть в шахматы. На это Владимир ему ответил: «Ты должен понять, что шахматы всего-навсего игра, и к ней нельзя относиться слишком серьезно». Маркс — другое дело,

это действительно было единственное серьезное увлечение Владимира. Изучая различные стороны российского бытия, он пытался прямо или опосредованно применять к исследуемым проблемам теорию Маркса.

Днем семейство расходилось кто куда, у каждого было свое занятие. Вечером они собирались в тесной компании за длинным столом на веранде. Из погреба приносили бадью с холодным молоком, на стол подавали свежевыпеченный пшеничный хлеб. Время проходило либо в чтении, либо в пении, причем Владимир, бывало, поддразнивал певцов, на свой лад переиначивая слова, если песня ему казалась чересчур сентиментальной. Эту привычку он сохранил на всю жизнь. Была, например, песня о прекрасных глазках, грозивших кого-то погубить. Неизменно, когда исполнялся соответствующий куплет, он разражался хохотом, махал как бы в отчаянии руками и кричал: «Уже погиб, погиб совсем!»

Это были вечера, полные покоя и умиротворения. Любящая семья вся в сборе у огонька, а вокруг — мир, утонувший в сумраке ночи. Однажды, проникнувшись очарованием момента, Анна сочинила стихотворение, в котором описала семейный вечер на веранде.

Ночь давно уж, все-то дремлет,
Все кругом молчит.
Мрак ночной поля объемлет,
И деревня спит…
Под покровом темной тучки
Спряталась луна,
Нет и звездочек, порой лишь
Чуть блеснет одна.
В хуторке лишь, на крылечке,
Светит огонек,
И за чтением серьезный
Собрался кружок.
Все сидят, уткнувшись в книги,
Строго все молчат,
Хоть Манюшины глазенки
Больно спать хотят.
Хоть кружится, развлекая,
Неустанный рой —
Бабочек, букашек стая,
Что из тьмы ночной
Жадно так стремятся к свету,
Пляшут вкруг него.

Теплотой его согреты,
Мнят, что вновь вернулось лето,
Что идет тепло…

Стишок самый посредственный, тогда по всей России девушки баловались сочинительством подобного рода. Поэтическим дарованием Анна не отличалась. И все же эти строки сообщают нам некоторые сведения об интересующих нас людях. Становится, например, ясно, что навеяны они поэзией великого немецкого поэта Гейне, которому Анна сознательно подражает. Кроме того, мы узнаем, как ненавистна им всем мысль о предстоящей зиме, как страшит их перспектива застрять на зиму в деревне. В идиллической картине, нарисованной Анной, есть что-то очень немецкое: трогательный союз юных существ, склонившихся над книгами при свете огонька; ночная тишина, нарушаемая шелестом страниц; лица молодежи вдумчивы и чисты. Торжественным покоем веет от этой группы на портрете, явившемся воображению Анны. Вряд ли русские дети способны этак чинно, без шалостей, высидеть целый вечер, да еще со взрослыми. Сознавала это Мария Александровна или нет, но она передала свои врожденные черты детям.

Еще когда Ульяновы жили в Симбирске, по установившемуся правилу осенью, с листопадом, они возвращались из Кокушкина в город. Заведенный порядок решили продолжать и теперь, с приобретением новой усадьбы. Лето они должны были проводить в деревне, а на зиму перебираться в Самару.

Ульяновым подыскали большую квартиру на Воскресенской улице, и вся семья двинулась в незнакомую им Самару, оставив Алакаевку на попечение управляющего.

По-прежнему открытым оставался вопрос об образовании Владимира и его трудоустройстве, он не выходил из головы у Марии Александровны. Хозяина собственного имения из Владимира не получилось. Он мечтал о карьере юриста и знал, что в отдельных случаях студентам позволялось сдавать экстерном, не посещая обязательного курса университетских лекций. В ноябре он обратился к министру народного просвещения с просьбой разрешить ему держать экзамен на кандидата юридических наук экстерном при каком-либо высшем учебном заведении. Он писал: «… Имея полную возможность убедиться в громадной трудности, если не в невозможности, найти занятие человеку, не получившему специального образования… крайне нуждаясь в каком-либо занятии, которое дало бы мне возможность поддерживать своим трудом семью,

состоящую из престарелой матери и малолетних брата и сестры…» Престарелой Марию Александровну никак нельзя было назвать. Ей было пятьдесят четыре года, впереди у нее было еще почти тридцать лет жизни. Как бы то ни было, и это покорнейшее прошение постигла та же участь, что и предыдущие. Оно было отклонено. Уже начинало казаться, что Владимиру предстоит провести долгие годы «вечным студентом» — самоучкой, среди груды учебников и книг, в глухой провинции, без постоянного твердого заработка и без всякой надежды на лучшее будущее. Таких «вечных студентов» в России было пруд пруди. Но Владимир знал, что это не для него.

В мае следующего года Мария Александровна решила наконец взять дело в свои руки. «Как мать и вдова», она обратилась к министру просвещения. Начала она прошение с того, что перечислила заслуги покойного мужа перед отечеством, а далее посетовала на то, как больно ей видеть, что лучшие годы ее сына уходят впустую, а ведь он мог бы использовать их с толком. На ее прошение министр ответил благосклонно, и Владимиру было позволено сдавать экзамены при любом университете на его выбор. Владимир направил министру благодарственное письмо, в котором просил разрешения сдавать экзамены при Петербургском университете. Письмо он подписал так: «дворянин Владимир Ульянов». Он был вправе называть себя дворянином, что он и сделал дважды, в начале письма и в конце. Он знал, что письма от людей, жалованных этим званием или получивших его по наследству, непременно попадали в руки самого министра и предназначались для его личного рассмотрения. Примечательно, что, переписываясь с матерью, он неизменно писал на конверте: «Ее Превосходительству М. А. Ульяновой».

Получив разрешение, Владимир с головой окунулся в подготовку к экзаменам. Он непременно хотел сдать их с отличием. Одновременно с ним к экзаменам готовилась и Ольга, собравшаяся поступать в Гельсингфорсский университет на медицинский факультет. Она также трудилась, не щадя своих сил, хотя всегда училась блестяще, как Александр и Владимир, по окончании гимназии она получила золотую медаль. Ненасытная жажда знаний совмещалась в Ольге с веселостью нрава, не давая ей превратиться в «синий чулок». Но легкость характера ее имела свои границы. Ольга была одержима идеей служить на благо общества. Потому-то она и задумала стать врачом, чтобы лечить бедных. Но когда она узнала, что для поступления в Гельсингфорсский университет ей придется выучить финский язык, она оставила эту затею. А в России женщин на медицинский

факультет в то время еще не принимали. Тогда Ольга решила стать учительницей и записалась на женские Бестужевские курсы, где она хотела изучать физику и математику. Ольга приехала в Петербург, но уже с подорванным здоровьем: сказалось переутомление от занятий. Весной 1891 года она заразилась тифом. Владимир был в Петербурге, сдавал экзамены. Он отвез ее в больницу. Его привела в ужас грязь, которую он там увидел; он опасался, что в таких условиях Ольга не поправится. Так оно и случилось. Тиф осложнился стрептококковой инфекцией. Ольга уже умирала, когда Владимир сообщил матери о ее болезни. Мария Александровна успела к смертному одру своей дочери. Ольга скончалась 20 мая; в этот же день четырьмя годами раньше был казнен Александр.

Из семерых своих детей Мария Александровна уже потеряла троих. Осталось четверо. При ее жизни больше никто из них не умрет.

Смерть Ольги явилась для нее ударом, от которого она так никогда и не смогла оправиться. Сколько известно случаев, когда в большой семье вырастает ребенок, сверходаренный от природы и умом, и красотой. Остальные дети обожают его, по молчаливому соглашению уступая ему во всем первенство. Без зависти, как само собой разумеющееся, они сознают его исключительность и готовы оставаться в тени. В семье Ульяновых таких чудо-детей было двое: сильный духом, целеустремленный Александр и жизнелюбивая, жадная до знаний Ольга. Оба они словно были сделаны из особого, редкого материала, которого на других детей как бы не хватило. Анна, Мария и Дмитрий имели самые заурядные способности. А о Владимире знакомые говорили, что в Астрахани либо в каком другом городе на Волге в базарный день его в толпе и не приметишь, — так себе, обыкновенный парнишка из поволжских. Но в нем была железная, несокрушимая сила воли, и именно этим он отличался от прочих членов своей семьи.

Исключительно силой воли он заставил себя так вызубрить юриспруденцию, что, сдавая последний экзамен по праву в числе ста двадцати четырех студентов, он оказался по результатам впереди их всех. Было это в ноябре 1891 года. Если не считать десяти недель пребывания в стенах Казанского университета, все науки он постиг самостоятельно. Он был настоящий самоучка. Однако тут есть одно «но». Изучая теорию по книгам и учебникам, он был лишен возможности обсуждать пройденный материал с педагогами-профессорами. Владимир был напичкан фактами, но не всегда знал, что за ними кроются определенные причинно-следственные связи. Кроме того, как многие самоучки,

он был склонен переоценивать свои знания. Возвратившись в Самару, он занялся юридической практикой. Вот тут-то и выявилась его неподготовленность к работе адвоката.

Он проигрывал процессы один за другим. Кстати, в нескольких случаях ему пришлось защищать простых людей, из крестьянской и рабочей среды, и все они были признаны виновными. Значительно успешней он выступал на стороне обвинения.

Кто знает, может быть, среди пыльных архивов Сызранского суда сохранилось дело «Ульянов против Арефьева». Эти документы никогда не публиковались, но в своих воспоминаниях Дмитрий Ульянов довольно подробно описывает эпизод, ставший поводом для судебной тяжбы. Владимир и его зять Марк Елизаров отправились погостить у родного брата Марка, богатого сельчанина, жившего в деревне Бестужевке недалеко от Сызрани. Чтобы добраться до деревни, надо было попасть на противоположный берег Волги. Монополия на перевозку пассажиров через Волгу принадлежала купцу Арефьеву, владевшему небольшим пароходиком, тащившим на буксире баржу. На барже через реку переправляли телеги с лошадьми и скот. Владимиру не захотелось садиться на этот пароходик, и он уговорил подвернувшегося им лодочника отвезти их на другой берег. Арефьев в это время сидел на пристани, попивая чай из самовара. Он узнал Елизарова и принялся поначалу вполне благодушно того уговаривать: «Брось ты это, Марк Тимофеевич. Я плачу аренду за переправу и не позволю всяким лодочникам отбивать у меня хлеб. Греби назад, угощу чаем, и приятеля с собой захвати. Будет по-моему, я велел вашу лодку воротить», — вконец рассердившись, кричал он сидевшим в лодке.

Арефьев действительно заплатил большие деньги местному начальству, и переправа фактически принадлежала ему. Но существовал также закон, который запрещал кому-либо чинить препятствия пассажирам переправляться на другой берег иным способом. Владимиру этот закон был известен. Он убедил лодочника грести, не слушая купца. Они были на середине реки, когда пароходик их догнал. Лодку крюками подтянули к борту. Владимир тут же записал фамилии членов команды и объявил им, что они препятствуют его законному праву быть доставленным на противоположный берег и в случае судебного разбирательства они будут приговорены к тюремному заключению, без права заменить его штрафом. И точно, последовал долгий, утомительный судебный процесс, который Владимир вел с присущим ему упорством, регулярно совершая поездки из Самары в Сызрань на слушание дела в земском суде.

Защита Арефьева использовала всевозможные уловки и хитрости, чтобы затянуть дело. Даже Мария Александровна начала терять терпение. Она не одобряла упрямства своего сына и спрашивала его: стоит ли выигрыш в этом нелепом деле столь огромных нервных затрат и здоровья, которое он сам себе отравляет? Однако Владимир ясно дал ей понять, что ради защиты своих прав готов пойти на любые жертвы. Несколько месяцев длилась тяжба и наконец Владимир имел счастье лицезреть Арефьева за решеткой. Тому присудили месяц тюремного заключения.

Беспомощный в защите и сильный в атаке — это уже характеристика человека. И еще одно свойство, определявшее его как человека, проявилось в нем во время страшного голода, охватившего Поволжье в 1891 году. Повсюду в России создавались комитеты спасения голодающих, в районах бедствия открывали кухни, где раздавали населению бесплатную похлебку. Толстой и Чехов всем сердцем откликнулись на народную беду. Они посылали продукты в деревни и села, где особенно свирепствовал голод. Тысячи и тысячи людей последовали их примеру. В Самаре каждый, кому позволяли средства, оказывал посильную помощь страждущим от голода и всячески содействовал комитетам спасения. А вот Владимир не пожелал присоединить своих усилий к общему делу, наотрез отказавшись раздавать пищу в бесплатных кухнях и вообще участвовать в работе комитетов спасения. У Владимира была на это своя точка зрения — ее наверняка разделил бы с ним Нечаев. Владимир уже тогда считал, что какое бы бедствие ни постигло Россию, его должно только приветствовать, ведь оно приближало революцию. На редкость бездушная и жестокая философия, плод холодного ума, но на протяжении всей своей жизни он исповедовал ее с поразительным упорством.

Голод кончился, снова налились хлеба, а Владимир по-прежнему прозябал в должности помощника, этакого мальчика на посылках при известном адвокате в провинциальном городке, где скука душила обывателей, как сорняк душит пустырь. Оставаться в Самаре для Владимира значило обречь себя на медленную смерть в атмосфере, лишенной притока свежего воздуха. Но он вынужден был месяц за месяцем тянуть свою лямку, потому что не мог оставить мать и младших брата с сестрой, которым он заменил отца. Кроме того, он еще не терял надежды добиться успеха на юридическом поприще в качестве адвоката.

Шло время, он все серьезнее увлекался революционной литературой. Тогда в среде революционно настроенной публики в Самаре по рукам ходили рукописные экземпляры очерков Федосеева, а политические ссыльные зачитывались

«Коммунистическим манифестом» и «Капиталом» Маркса. И все же в Самаре отсутствовала почва, на которой могли бы пустить корни революционные ростки. Владимир решил попытать счастья в Санкт-Петербурге. Но прежде случилось вот что.

В ноябре 1892 года в журнале «Русская Мысль» был опубликован рассказ Чехова «Палата № 6». Это один из самых мрачных и сильных рассказов Чехова. Владимир прочел его вскоре после того, как журнал вышел из печати. В рассказе описывается жизнь российского захолустья. От маленького городишки, где расположена больница, являющаяся сценой действия описанной драмы, до ближайшей железнодорожной станции не менее двухсот верст. Местный почтмейстер живет исключительно воспоминаниями о далеких прошлых днях, когда он служил офицером на Кавказе. А врач больницы живет мечтой о том, что когда-нибудь встретит человека, с которым сможет общаться на одном с ним интеллектуальном уровне. Вечерами он сидит и читает, до трех часов утра, а через каждые полчаса наливает себе рюмку водки и закусывает ее соленым огурцом. Это терпеливый, добродушный человек, хотя и неважный врач. Он знает, что плохо лечит, что в больнице беспорядок, а он ничего с этим сделать не может. И вот однажды во флигеле, где содержатся душевнобольные, он случайно вступает в беседу с одним из пациентов. Пациент этот, Иван Громов, дворянского происхождения, из образованных, был когда-то судебным приставом и губернским секретарем, человеком солидным, зажиточным. Его отец, чиновник Громов, проживал на самой главной улице в собственном доме и имел двух сыновей. Но брат Ивана умер, и с тех пор на семью посыпались несчастья. После смерти сына отец был отдан под суд за растраты и подлоги и вскоре умер в тюремной больнице. Они лишились всего, и Ивану пришлось зарабатывать гроши, поддерживать мать. В конце концов он, страдающий манией преследования, совершенно выживший из ума человек, оказался в палате № 6. Он пребывает в постоянном напряжении: не его ли ищут? Временами он дрожит всем телом, словно его бьет лихорадка. А то вдруг начинает отчаянно кричать, что не хочет сходить с ума и как ему хочется жить.

И вот старый, спивающийся врач, мечтающий о встрече с человеком, с которым можно отвести душу, поговорить о высоком, находит в этом душевнобольном собеседника. Они говорят о смысле человеческой жизни, возводя обыденные вещи в материи вселенского значения. «Видите вы, например, как мужик бьет жену, — говорит душевнобольной. — Зачем вступаться? Пускай бьет, все равно оба помрут рано или поздно». Он

придерживается философии стоиков, которые исповедовали безразличие к богатству, презрение к жизни, страданиям и смерти. Оба они, врач и пациент, сходятся на мысли о тщетности любых усилий в этом мире. В конце концов врач тоже становится пациентом палаты № 6. Осознав случившееся, он кидается к окну и пытается выломать решетку, но, оглушенный ударом сторожа, падает без сознания. Когда он умирает, ему представляется стадо необыкновенно красивых и грациозных оленей, о которых он прочел в книге за день до смерти.

Владимир читал этот рассказ поздно ночью. В доме уже все спали. Ему пришло в голову, что история о враче написана специально для него, и мысль эта привела его в ужас. Ему тут же захотелось поделиться с кем-нибудь из родных, но он не решился их будить. В его памяти всплыли печальные события, обрушившиеся на его собственную семью: смерть отца, брата. Ему вспомнилась жуткая больница, в которой умерла Ольга. А он обречен влачить ужасающе пустое, бесцельное существование в провинциальной глуши. Он ощутил всю ничтожность земного бытия, бессмысленность человеческой жизни; мысль эта камнем обрушилась на его сознание. «Я был в ужасе, когда прочел рассказ, — сказал он на следующее утро. — Я не мог оставаться в комнате, мне просто хотелось встать и выйти. У меня было чувство, что я тоже заперт в палате № 6».

И это чувство он будет испытывать не раз на протяжении своей жизни. Причиной тому был, на наш взгляд, нигилизм. Он питал его, толкая на самые дерзкие и разрушительные эксперименты, и одновременно умерщвлял его душу, создавая в ней вакуум, в котором все ценности жизни сводились к нулю, согласно классическому уравнению: 0 = 0. Нигилизму он учился, конечно, не у Чехова, тот рассказ был совсем о другом. Нигилизмом был отравлен сам воздух тягостно бездеятельного, пустого и серенького существования в русской провинции. Владимир вдоволь надышался этим воздухом. Нигилизм проник в его душу еще сильнее, когда он прочел «Катехизис революционера» Нечаева. К отрицанию высших ценностей жизни привели его также личные неудачи: как адвокат он так и не состоялся. До конца дней его мучило ощущение пустоты человеческого существования.

…Месяцев восемь или девять еще оставался он в Самаре — его не отпускала Мария Александровна. Наконец Владимир все-таки решился перервать пуповину, связывавшую его с семьей, и направил свои стопы в Санкт-Петербург. Ему тогда было двадцать три года. Там, в Петербурге, началась для него новая жизнь, жизнь настоящего революционера.

в 90-х годах XIX века Санкт-Петербург отчасти напоминал человека, с трудом пробуждающегося после летаргического сна. 80-е годы, начало которых было омрачено убийством Александра II, стали временем глухой реакции. Было ощущение, что жизнь еле ползет, двигаясь вперед черепашьим шагом, без каких-либо событий и свершений. Советский историк М. Н. Покровский писал, что тот период ассоциировался в его сознании с тягучим, затянувшимся зевком. И вот наступило последнее десятилетие века, годы реакции уходили в прошлое. Общественная жизнь оживилась; промышленность успешно развивалась; усилился приток крестьян в города, где они нанимались рабочими на фабрики, заводы или в торговые компании; стремительно возрос национальный доход страны. Так что момент для революционных затей был не самый подходящий.

Владимир Ульянов приехал в Петербург, имея с собой стопку книг, цилиндр отца и его же сюртук, а также обещание матери высылать ему на содержание скромную сумму денег, отчисляемую из дохода с имения в Алакаевке. Кто-то из друзей семьи Ульяновых дал ему рекомендации для поступления на службу в качестве помощника к петербургскому адвокату Волкенштейну. Но работа у адвоката больших доходов не приносила. Он нашел жилье в меблированных комнатах, за которое платил пятнадцать рублей в месяц.

Днем он работал, вечера посвящал революционной деятельности.

Прошло всего шесть лет с той поры, когда он поступал в Казанский университет, но за это время он успел неузнаваемо измениться. В нем уже ничего не осталось от очаровательного юноши, каким он был запечатлен на фотографической карточке шестилетней давности. Теперь он выглядел чуть не вдвое старше. Он заметно облысел, по худому лицу пролегли морщины; у него появились аккуратно подстриженная бородка и усы. В революционных кружках он был известен как Николай Петрович. Но чаще его звали «старик». В серьезности он не уступал человеку средних лет и рассуждал так убежденно, с таким знанием дела, как будто у него за плечами была целая жизнь, отданная революционной борьбе. А ему было двадцать три года.

В то время в Петербурге, как и по всей России, существовали кружки, в которых изучали работы Маркса. Преимущественно такие кружки возникали в среде молодых юристов. Поэтому не случайно именно в «Юридическом Вестнике» то и дело появлялись длинные статьи, в которых авторы серьезно и

обстоятельно анализировали работы Маркса, проявляя глубокую осведомленность в данном предмете. О том, чтобы привлечь к изучению марксизма рабочие массы, речи еще не возникало. Только изредка кое-где собирались небольшие группки из рабочих, чтобы послушать, как толкует Маркса какой-нибудь новоиспеченный марксист. Между тем Владимир в ту раннюю пору его агитационной деятельности неустанно проводил мысль о том, что пока рабочие не проникнутся революционными идеями, а теоретики революции не вникнут в условия жизни рабочих, не поймут их настроений, нужд, не узнают их образа мыслей — революции не бывать. Теория не должна существовать в отрыве от практики, они должны идти рука об руку.

Первые несколько месяцев по приезде в Петербург прошли почти в вакууме, он продвигался на ощупь, не зная пути, сам искал контактов, учился, писал. Надежде Крупской он признавался, что почти все свободное время блуждал по улицам. Ему хотелось выйти на марксистов; встречи бывали, но редко. Появление человека из образованных среди рабочих наверняка вызвало бы подозрение у полиции, а сыщики были повсюду. Поэтому он надевал кепку и потертое пальтишко и бродил по пустынным улочкам в рабочих кварталах на Петербургской стороне и Васильевском острове. Его интересовало: каков прожиточный минимум рабочей семьи, как рабочие связаны между собой, какие условия необходимы, чтобы рабочие объявили забастовку и т. п. Сведения, которые удавалось собрать, он аккуратно заносил в тетради. Возможно, уже тогда он заметил, что за ним следят.

В это время Мария Александровна с двумя младшими детьми жила в Москве. Она решила уехать из Самары, порвать с провинциальной жизнью ради детей, которым хотела дать хорошее образование в Москве. Владимир приезжал к ним во время каникул. Однажды январским вечером он присутствовал на студенческом вечере. Перед студентами выступал Василий Воронцов, экономист и социолог, снискавший себе славу как автор книги «Судьба капитализма в России». Он был идеологом либеральных народников 80–90-х годов. Выражая взгляды своих единомышленников, Воронцов выступал за немедленное уничтожение капитализма в России, не дожидаясь, пока он пустит в стране глубокие корни. Подобно Чернышевскому, он видел будущее России в создании идеального крестьянского рая, а не в развитии крупной промышленности. Он горько сетовал по поводу того, что крестьяне стремятся в Москву и Петербург, где их смалывают жернова этих сатанинских мельниц, заводов и фабрик. Как и Маркс, только с других позиций, он выступал за свержение

существующего строя во имя построения идеального общества.

Билет на этот вечер чуть ли не в последний момент уступила Владимиру девушка, его знакомая по Самаре. Вечер проходил в трехкомнатной квартире на Бронной. По замыслу устроителей здесь должны были встретиться представители различных революционных групп, считающих себя противниками режима. Среди приглашенных был Виктор Чернов (впоследствии он станет одним из основателей партии социалистов-революционеров). Годы спустя он вспоминал, как на том вечере кто-то ему шепнул: «Взгляните на того паренька с лысиной. Личность весьма заметная, самый главный среди марксистов Петербурга». «Пареньком с лысиной» был не кто иной, как Владимир. Он нашел себе местечко у входа в комнату, где шло собрание, среди тех, кто должен был выступать перед публикой.

Главным оратором был объявлен Воронцов, которого все ласково называли «В.В.». Он пользовался глубоким уважением в студенческой среде, его книгами зачитывались, молодежь была склонна почитать его как пророка. Это был человек средних лет, плотного сложения, даже тучный; как и Владимир, он был лыс и тоже носил рыжую бородку. Владимир был знаком с работами Воронцова. Будучи еще в Самаре, он написал статью, в которой критиковал его взгляды.

Когда Воронцов поднялся, чтобы начать речь, аудитория тотчас смолкла. Для собравшихся он был не просто главный оратор на вечере; он уже стал для них легендарной личностью, живым воплощением русской революционной традиции. Случилось так, что Владимир не расслышал фамилию оратора. Но он с большим вниманием слушал Воронцова, делая пометки в блокноте, а когда тот закончил, обрушился на него с разгромной речью. Он нещадно раскритиковал «Народную волю» и разбил все попытки защитить идеи, которые она проповедовала. Виктор Чернов впоследствии вспоминал, что Владимир Ульянов напал на оппонента с такой неожиданной силой и убежденностью, словно ясно осознавал свое превосходство над ним; он говорил обоснованно, не глумился и, что особенно отмечал Чернов, не прибегал к бранным словам, без которых в дальнейшем он не мог обходиться. Когда, закончив речь, он сел, в зале послышался одобрительный гул.

Слушая выступление Владимира, Воронцов все больше и больше закипал. Он понимал, что его авторитет революционера поставлен под сомнение и надо отразить удар.

— Ваши аргументы все до одного бездоказательны, — заговорил он. — Ваши заявления лишены оснований. Скажите нам, какими вы располагаете данными, чтобы делать подобные

малоубедительные утверждения? Представьте нам анализ фактов, цифры. Я вправе этого от вас требовать. Я известен как автор исследований, опубликованных в печати. Могу ли я полюбопытствовать, автором каких работ являетесь вы?

Воронцов не спорил. Он был задет и давал волю своему оскорбленному самолюбию. Владимир, понимая, что противник повержен, возражал ему все уверенней. Он безжалостно разил его, отвечая на выпады едкими насмешками. Наблюдая этот турнир двух достойнейших, студенты были вне себя от восторга. Но в конце концов спор зашел в тупик, и все кончилось банальной словесной перепалкой и взаимными оскорблениями.

Немного погодя Владимир повернулся к сопровождавшей его девушке и спросил:

— Как фамилия того человека, с которым я спорил?

— Воронцов, кто же еще? Ты его просто взбесил!

— Воронцов? Что же ты раньше мне не сказала? Если бы я знал, ни за что не стал бы с ним спорить!

Вот такую историю рассказала Мария Голубева, его знакомая по Самаре. Вряд ли стоит так уж безоговорочно верить, будто Владимир не знал фамилии оратора. Он впервые выступал на политическом диспуте перед широкой аудиторией. До этого его опыт ограничивался участием в дискуссиях в небольших нелегальных кружках, когда он еще жил в Самаре. Думается, он прекрасно понимал, что в тот вечер произвел сильное впечатление на присутствовавших. Но и тайная полиция зря времени не теряла. В донесении, обнаруженном в государственных архивах сорок лет спустя, было записано, что на студенческой сходке выступил некто Ульянов (определенно брат того Ульянова, что был повешен), который подверг резкой критике писателя «В.В.».

Владимир вернулся в Санкт-Петербург, увенчанный лаврами победителя. Воронцов был повержен. Владимир сделался в некотором роде знаменитостью; с ним искали знакомства, приглашали на собрания революционеров-марксистов. Как-то на Масленицу он попал в дом, где собрались наиболее известные петербургские марксисты. Их пригласили для того, чтобы они познакомились с ним. И на этот раз он выступал резко, не щадил своих оппонентов. Речь шла о некоторых задачах, стоявших перед русскими марксистами. Кто-то заметил, что необходимо оказать поддержку комитету грамотности. Владимир на это бросил с презрением: «Ну что ж, кто хочет спасать отечество в комитете грамотности, мы им не мешаем».

В числе присутствовавших на собрании была миловидная молодая девушка невысокого роста. Ее звали Надежда Крупская.

У нее было белое, как будто изваянное из белоснежного мрамора личико с тонкими чертами лица, высокий лоб, полные губы и мягкая, округлая линия подбородка. В некотором роде чеховская героиня. Глаза ее смотрели по-детски прямо, смело, серьезно; весь ее облик говорил о том, что она человек мягкий, даже кроткий. Она носила черное и гладко зачесывала волосы назад, но, как ни старалась подражать современницам, посвятившим себя революции и на этом поприще утратившим свою женственность, ей это не удавалось — в ней еще было слишком много женского обаяния. Потом, с годами, она растолстеет, станет некрасивой. В юности она была прехорошенькая.

Как и Владимир, она происходила из дворянской среды: и отец, и мать ее были дворянами, но беспоместными. Отец Крупской предположительно мог принадлежать к роду князя Андрея Курбского, отважного боярина, прославившегося своей непокорностью в борьбе с самим Иваном Грозным. Это предположение строится на том, что дворянский герб рода Крупских имел поразительно много общего с гербом князя Курбского. Когда отец Крупской был молодым офицером, его послали на подавление польского восстания 1863 года. В отличие от большинства русских, принимавших участие в жестокой карательной экспедиции, он проявил терпимость к полякам и с тех пор стал питать к ним самые теплые чувства. Поэтому, получив предложение занять должность военного коменданта в польской провинции, он с радостью согласился. Либерал, которому была отвратительна жестокость в любых ее проявлениях, он вопреки своей должности ограждал население вверенной ему территории от жесткой политики насильственной русификации, проводимой Александром Н. Он был против притеснения евреев и запрещал расправы над провинившимися поляками без суда и следствия-. По его инициативе в этой польской провинции были построены школа и больница. Местное население уважало и любило его. Но нагрянул генерал с инспекцией, он счел, что комендант проявляет излишние симпатии к полякам, и велел его арестовать. Отца Крупской судили; основанием для обвинения было то, что он позволял себе говорить по-польски и не посещал церковь. Процесс был длительный, апелляция за апелляцией… Целых десять лет пережевывалось сфабрикованное дело, а тем временем семья все глубже погружалась в нищету. Отец Надежды был вынужден браться за любую работу: был страховым агентом, мелким служащим, контролером на фабрике; он мотался по разным городам России, ища заработка. Надежде было лет тринадцать-четырнадцать, когда он умер. Только перед самой смертью он

получил помилование. Ничего, кроме долгов, он семье не оставил.

В возрасте четырнадцати лет Надежда уже зарабатывала на жизнь себе и матери, давая уроки детям из соседних домов. Весь день она трудилась. С утра помогала матери обслуживать квартирантов, снимавших у них комнаты; ходила по урокам; писала адреса на конвертах для деловых писем, подрабатывая в разных конторах; вечерами она посещала вечерние занятия в гимназии. (Спустя четверть века ей, уже жене Ленина, снова придется надписывать адреса на фирменных конвертах, чтобы как-то свести концы с концами, только это будет уже в Швейцарии.)

Естественно, живя в таких стесненных условиях, Надежда стала задумываться над тем, что общество не выполняет свой долг перед бедными и обездоленными. Ей было чуть больше двадцати, когда она взялась за учебники по обществоведению. Вывод, к которому она пришла, был такой: если бы рабочие прочли эти книги, они вскоре смогли бы улучшить условия своего труда и жизни. Вот почему она была рада созданию комитета грамотности, возникшего стараниями кучки филантропов-благотворителей. В течение двух лет она посещала занятия в марксистском кружке. На собрании, где она впервые встретила Владимира, он произвел на нее двоякое впечатление. Услышав, с каким презрением он отозвался о деятельности комитета, она задумалась: а нет ли каких-то иных, более действенных форм борьбы с существующим положением вещей?

Шли месяцы, он все чаще появлялся в ее поле зрения. Однажды, когда они прогуливались вдоль набережной Невы, он рассказал ей о брате Александре и о последнем лете, которое он провел вместе с братом. Он вспоминал, как Александр, едва проснувшись с первыми лучами солнца, садился тотчас к микроскопу, изучая червей. «Я и представить себе не мог, что он станет революционером, — сказал ей Владимир. — Революционер не посвятит свою жизнь изучению червей под микроскопом». Владимир стал чаще с ней видеться. Ему импонировало, что она много знает о рабочем классе, сочувствует угнетенным. А она прислушивалась к его метким суждениям; ей нравились его одержимость и целеустремленность. Она по-матерински опекала его, заботилась о нем, никогда не смея оспаривать его политических взглядов; служила ему преданно и верно, помогала во всем, отвечала за него на письма, зашифровывала и расшифровывала секретные послания. До самого конца между ними существовала глубокая, нежная привязанность друг к другу.

Между тем число марксистских кружков росло. Работать

было трудно, более того — опасно. Владимир жил на квартире в Большом Казачьем переулке, недалеко от Фонтанки, в пятнадцати минутах ходьбы от центра города. Отправляясь к рабочим на нелегальную квартиру, он обычно выбирал окольный путь, чтобы избавиться от «хвостов». Рабочий из портовых доков, Владимир Князев, вспоминал, что Владимир Ульянов приходил на нелегальные собрания, полностью изменив свой облик. Он надвигал кепку низко на брови и поднимал воротник пальто так, чтобы не было видно нижней части лица. Князев вспоминал также, что Ульянов, который именовался тогда Николаем Петровичем, ходил в осеннем пальто даже летом. Вот как Князев описывает их знакомство.

— Здесь живет Князев?

— Да.

— А я — Николай Петрович.

— Мы вас ждем, — сказал я.

— Дело в том, что я не мог прийти прямым сообщением… Вот и задержался. Ну как, все налицо?

Руководитель кружка был больше похож на директора гимназии, чем на конспиратора. Вопросы, которые он задавал, были четко сформулированы, но и от рабочих он требовал, чтобы ему так же четко отвечали. Он помогал тем, кому было трудно постигать учение, и журил тех, кто спешил с ответом, как следует не подумав. Казалось, ДЛЯ него нет ничего неизвестного, все-то он знает. Он даже слегка подавлял своих подопечных холодной уверенностью в себе. Князев так описывает одно из занятий с «Николаем Петровичем»:

«Подойдя к собравшимся, он познакомился с ними, сел на указанное ему место и начал знакомить собрание с планом той работы, ДЛЯ которой мы все собрались. Речь его отличалась серьезностью, определенностью, обдуманностью и была как бы не терпящей возражений. Собравшиеся слушали его внимательно. Они отвечали на его вопросы: кто и где работает, на каком заводе, каково развитие рабочих завода, каковы их взгляды, способны ли они воспринимать социалистические идеи, что больше всего интересует рабочих, что они читают и т. д.

Главной мыслью Николая Петровича, как мы поняли, было то, что люди неясно представляют себе свои интересы, а главное, не умеют пользоваться тем, чем могли бы воспользоваться. Они не знают, что если бы они сумели объединиться, сплотиться, в них была бы такая сила, которая могла бы разрушить все препятствия к достижению лучшего. Приобретя знания, они смогли бы самостоятельно улучшить свое положение, вывести себя из рабского состояния и т. п.

Речь Николая Петровича продолжалась более двух часов; слушать его было легко, так как он все объяснял, что было непонятно. При сравнении его речи с речами других интеллигентов становилось ясно, что она была совсем иной, выделялась, и когда Николай Петрович ушел, назначив нам день следующего собрания, то собравшиеся стали спрашивать меня: «Кто это такой? Здорово говорит»».

Итак, «Николай Петрович» невидимкой колесил по городу, создавал ячейки из рабочих, по шесть человек в каждой, учил их, беседовал с ними, познавая их жизнь, вникал в их интересы, при этом оставался ДЛЯ них загадочной фигурой наподобие Нечаева. И возможно, Князев никогда не узнал бы его подлинного имени, если бы не случай. У Князева умерла бабушка, оставив ему небольшое наследство. Когда он стал искать адвоката, который помог бы ему оформить дело, Князеву посоветовали обратиться к помощнику присяжного поверенного некоему В. И. Ульянову. Что касается адреса адвоката, то Князеву велено было запомнить его на память, не записывая. Адрес был такой: Большой Казачий переулок, дом 7, квартира 13. Когда рабочий пришел по этому адресу, квартирная хозяйка сказала ему, что господин Ульянов еще не вернулся, но скоро будет, и разрешила ему подождать в его комнате. Комната оказалась маленькой, скромно меблированной. Там стояли диван, стол, комод и три-четыре стула. Долго ждать не пришлось. Вскоре появился адвокат. Скинув пальто, он проговорил: «А, вы уже ждете? Ну-с, одну минуточку: я сейчас переоденусь, и мы с вами займемся», — и исчез в соседней комнате. Рабочий с изумлением понял, что «Николай Петрович» и В. И. Ульянов одно и то же лицо. Князев так описывает Ленина в роли молодого петербургского адвоката:

«Пока я приходил в себя, передо мной появился переодетый в другую одежду Николай Петрович и, указывая на стул, обратился ко мне: «Вы расскажите все по порядку». Сев, я, как умел, начал рассказывать, а он, перебивая меня, требовал пояснений, как бы вытаскивая из меня один факт за другим. Узнав от меня, что бабушка моя умерла в услужении у одного генерала и что последний может присвоить наследство, хотя и имеет собственный каменный дом в три этажа, Николай Петрович потер руки и сказал с ударением на этих словах: «Ну что же, отберем дом, если выиграем. Затруднение лишь в том, что очень трудно отыскать посемейный список, так как покойная из крепостных». Сказав это, он взял бумагу и стал писать прошение для получения ревизских сказок.[12] Написав его, он указал мне, куда придется ходить, куда подавать, и велел по получении того или иного сообщения по делу прийти к нему.

— Ну а теперь перейдемте к другому вопросу. Как дело в кружках? Что на заводах? — стал расспрашивать меня Николай Петрович».

Владимир Князев был простой рабочий, ему не суждено было сыграть заметной роли в революционном движении. Еще один свидетель из тех лет — Иван Бабушкин, который был активным революционером, настоящим членом подполья. Это был человек неиссякаемой энергии. В течение многих лет он переправлял секретные документы через границу и кончил тем, что был расстрелян по приказу генерала Ренненкампфа, когда доставлял поезд с боеприпасами в Читу.

В этом забайкальском городе после московского вооруженного восстания 1905 года был создан Совет рабочих и крестьянских депутатов. Туда и должен был доставить свой груз Бабушкин, но был схвачен. В то время когда Иван Бабушкин вошел в марксистский кружок, он служил на военноморской базе в Кронштадте. Как и Князев, он занимался в кружке «Николая Петровича». Рассказывает Бабушкин: «Он никогда не заглядывал в бумажки и часто молчал, заставляя нас самих выбирать тему для обсуждения. А когда мы ему отвечали, он требовал, чтобы мы обосновывали свои доводы. Наши беседы проходили оживленно, были интересными. И конечно, мы постепенно учились выступать на публике. Нас поражала эрудиция лектора. Мы даже шутили между собой, что у него в голове так много мозгов, что волосам негде расти».

Бабушкин отмечал, что «Николай Петрович» буквально завалил его заданиями и у него почти не оставалось времени на работу. Его ящик с инструментами был забит клочками бумаги, на которых он записывал сведения об оплате и условиях труда, полученные им от рабочих, окружавших его в повседневной деятельности. Затем на очередном занятии кружка он делал сообщение на заданную тему. Владимир в то время проводил глубокое исследование состояния промышленного производства и положения рабочего класса в Петербурге, и понятно, что крайне нуждался в подобном материале, получая его от самих рабочих, из первых рук. На его основе он составлял статистические таблицы, чтобы позже использовать их в большой работе «Развитие капитализма в России».

А пока Владимир писал статьи, очерки. Наиболее значимая из них — работа, направленная против авторов журнала «Русское Богатство», выступавших с критикой марксистов. Это первое его произведение, написанное в манере, которая впоследствии станет характерной для его пера. Владимир начинает с того, что дает отповедь теоретикам, вольно или невольно искажавших идеи

Маркса. Затем приводит выдержки из публикаций, содержавших нападки на марксизм, и расправляется с ними, как кот с салом. Убедив читателя в абсурдности и беспочвенности критики марксизма, он переходит к главному: выхватывая из «Капитала» Маркса отдельные положения, он доказывает, что они-то и являются основой воззрений великого теоретика. Громя идеологического противника, Владимир не стесняется в средствах. В ход пущено все — и грубый немецкий юмор, и издевка, и даже заметное передергивание фактов.

Но самым главным его оружием был сарказм. Правда, здесь он оказался не к месту. Слишком легкой добычей для него оказались В. п. Воронцов и ему подобные. Получилось из пушки по воробьям. Брошюра называлась: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

«Поскребите «народного друга», и вы найдете буржуа», — пишет автор. Их аргументы, продолжает он, пустое, пошлое фразерство, жалкий ребяческий вздор, с которым даже глупо спорить. Таково его мнение. А между тем он спорит, и спорит яростно, и в конце приходит к выводу, что это даже на пользу дела, поскольку русские социалисты из этой полемики смогут извлечь для себя много поучительного.

Автор считает, что буржуазия двулична по своей природе; с одной стороны, она способствует прогрессу, с другой — она реакционна; она борется с засильем средневековых порядков, все еще опутывающих Россию, но одновременно стремится сама к господству. Развенчивая буржуазию, он приберегает особо едкие выражения для класса чиновников, приклеивая им ярлык: «кучка иудушек», скрывающая свои непомерные аппетиты под «фиговым листком фраз о любви к народу». Он пишет: «Рабочие должны знать, что без ниспровержения этих столпов реакции им не будет никакой возможности вести успешную борьбу с буржуазией, так как при существовании их русскому сельскому пролетариату, поддержка которого — необходимое условие победы рабочего класса, никогда не выйти из положения забитого, загнанного люда, способного только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу».

Под «сельским пролетариатом» он разумеет безземельное крестьянство. Еще долгие годы он будет жить этой мечтой о слиянии крестьянской бедноты с рабочим классом.

«Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — важный документ в истории русского коммунистического движения, но следует признать, что как раз критика «друзей народа» является слабым местом в работе. Зато та часть, где В. Ульянов, отбросив споры, открыто провозглашает

свои взгляды, убежденно и страстно отстаивает свою позицию, — ему удалась. В этих отрывках молодой, двадцатичетырехлетний автор заставляет свой голос звучать пророчески; он как бы зрит далеко вперед, за пределы настоящего; ему видится Россия в мировом масштабе, без дворян, чиновников, капиталистов, — страной, рабочий класс которой служит примером неисчисляемым миллионам трудящихся всего земного шара в общей борьбе за мировую революцию. В заключительной части, имевшей, с точки зрения автора, наиболее важное значение, он выделяет ключевые слова жирным шрифтом или курсивом. Приводим эти строки:

«На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

С рукописью ознакомились в революционных кругах, и было решено ее напечатать. Дело было поручено молодому инженеру Алексею Ганшину. В Юрьеве-Польском, городке, расположенном в ста шестидесяти километрах на северо-запад от Москвы, у Ганшина был знакомый рабочий типографии. Полный надежд, он отправился туда, но после длительных переговоров выяснилось, что напечатать работу невозможно. В конце концов ему пришлось купить пишущую машинку и литографский камень и с помощью друзей отпечатать несколько экземпляров, на что ушло немало времени. Ганшин взялся выполнять поручение в июне, и только в ноябре в Москве появилось несколько экземпляров брошюры, напечатанных на желтой бумаге. Их распространяли нелегально среди революционеров.

Зима была целиком посвящена Владимиром агитационной деятельности. Тогда повсюду стихийно возникали все новые и новые марксистские кружки, и число рабочих, вовлеченных в нелегальную сеть, росло. Прежде Владимир был кем-то вроде революционера-любителя. Теперь же он стал настоящим профессионалом-подпольщиком. Он устанавливал связи среди подпольщиков, придумывал секретные шифры, изобретал методы, с помощью которых заговорщики могли обманывать шпиков из

полиции. В рабочих районах он знал все проходные дворы и темные закоулки, куда полиция боялась сунуть нос. Революционеры были разбиты на ячейки по шесть человек в каждой. Ячейка была кружком, в котором изучали Маркса, и одновременно крепко спаянным ядром конспираторов, занимавшихся пропагандой революционных идей в среде рабочих. Ячейки были изолированы друг от друга, и только Владимир знал каждую из них. В случае, если бы его арестовали, эти группы распались бы. Ввиду этого было решено назначить ему заместителя. Выбор пал на Крупскую. Странно, но она не была на подозрении у полиции, хотя вела самую активную революционную деятельность.

Подпольные марксистские кружки в Петербурге практически были организованы по типу конспиративной сети, разработанной еще членами «Народной воли». Для Владимира образцом для подражания среди заговорщиков этой группы был Александр Михайлов, близкий друг Желябова, большого мастера без конца изобретать новые и новые способы конспирации. Владимир потребовал, чтобы все письменные сообщения, вне зависимости от их содержания, в обязательном порядке шифровались или были написаны невидимыми чернилами. Был еще такой способ конспирации: в какой-нибудь книге буквы помечались еле заметными точками, и читающий послание, следуя этим пометкам, складывал слова. Однажды Крупская с друзьями решила зашифровать текст целой книги, но у них ничего не вышло. Дойдя до половины, они решили попробовать расшифровать текст, но слова были слишком искажены, чтобы можно было что-то понять.

Подпольщикам нужны были средства, и немалые. Деньги требовались на то, чтобы печатать литературу революционного содержания, приобретать книги, а также, чтобы откупаться от полиции в случае необходимости. Первые два года своего пребывания в Санкт-Петербурге Владимир пользовался щедрой финансовой поддержкой Александры Калмыковой, женщины богатой, жены высокопоставленного правительственного чиновника. Она открыла на Литейном, одной из центральных улиц Санкт-Петербурга, книжный магазин, ставший частью маленькой книгоиздательской «империи», ей принадлежавшей. Типография печатала книги, выпускаемые в недорогом исполнении, которые предназначались для покупателей из народа. Как и ее близкая подруга Крупская, Калмыкова читала лекции рабочим. Если требовалось напечатать нелегальную литературу, эта женщина всегда оказывала помощь подпольщикам. Итак, к весне 1895 года марксисты создали свою

типографию и бесперебойно снабжали нелегальной литературой учащихся в марксистских кружках. Пришло время возводить фундамент партии.

В марте Владимир внезапно слег. Заболевание было достаточно серьезным, и его мать срочно приехала из Москвы.

У Владимира было воспаление легких. Он вроде бы быстро поправился, но силы еще долго не возвращались к нему. До болезни он вынашивал план съездить за границу, чтобы встретиться там с Плехановым и Аксельродом, двумя вождями социал-демократии, жившими в эмиграции в Швейцарии. Паспорт, помеченный 27 марта, был уже у него на руках, но выехать из России он смог только 7 мая. Худой, бледный, страдающий непонятной болезнью желудка, которая не поддавалась диагнозу врачей, все еще не окрепший после воспаления легких, он сел в берлинский поезд.

Из Зальцбурга, где ему предстояло сделать пересадку, он отправил письмо матери, в котором жаловался с оттенком комического замешательства, что к кому бы в поезде он ни обращался по-немецки, никто его не понимал. Да и сам он понимал немецкую речь с великим трудом, вернее, совсем не понимал. Он не мог разобрать даже простейших слов. Владимир писал, что попытался завязать разговор с кондуктором, но тот, по-видимому, ничего не понял и, все больше и больше раздражаясь оттого, что какой-то чудак-пассажир с рыжей бородкой бормочет ему что-то на непонятном языке, раскричался на него. Владимир был в недоумении. Тем не менее он решил, что главное — не падать духом, а развить разговорную речь, пускай даже ценой невероятного коверканья немецкого языка.

В Женеве Владимир встретился с Плехановым. Прошло уже двенадцать лет с тех пор, как Плеханов вместе с Аксельродом, Верой Засулич и другими основали группу «Освобождение труда». Их цель была — издавать книги и брошюры революционного содержания, распространение которых способствовало бы росту революционного сознания рабочего класса России. Сам Плеханов был из дворян, но с юности посвятил свою жизнь борьбе за освобождение трудящихся. Революционную деятельность он начинал в Петербурге. Ему было совершенно неведомо чувство страха. Он возглавлял демонстрации рабочих, открыто произносил зажигательные речи, бичующие царское правительство. Он всегда был впереди, на виду, но почему-то полиции никак не удавалось его схватить. В 1880 году, когда ему было двадцать три года, он все же был вынужден покинуть Россию. К тому времени он уже имел за плечами большой опыт революционера-борца. Владимир, познакомившись с ним, увидел

перед собой высокого, элегантного, безукоризненно одетого человека с черной острой бородкой и пышными усами. Он жил в вилле, выходившей на Женевское озеро, и писал книги по философии, об эстетике, о сущности и природе социализма.

Плеханова почитали как патриарха русского марксизма, и молодые революционеры-марксисты благоговели перед ним, но на деле к тому времени он уже отошел от активного участия в революционном движении. Группа «Освобождение труда» дышала на ладан, а Плеханов в своих выступлениях и статьях строил отдаленные планы грядущей революции, которой, судя по его представлениям, ранее чем через сотню лет и не суждено было свершиться. Владимиру он показался холодным и сухим. Он не шел на сближение, соблюдал определенную дистанцию в отношениях. Вместе с тем Владимир отметил его любезность и благорасположенность к нему. Плеханов прочел несколько статей молодого революционера; грубый, невыдержанный тон их покоробил его. Просмотрев одну из работ Владимира, он сказал: «Вы показываете буржуазии зад! — А затем добавил: — Мы же, наоборот, смотрим им прямо в лицо». Упрек был справедливый. И впредь Плеханова будет раздражать манера полемических статей Владимира, она будет казаться ему вульгарной, вздорной, злобной, оскорбительной.

Аксельрод был слеплен из более грубого материала, чем Плеханов. Разница между ними сразу же бросалась в глаза: утонченный, изысканный в своих вкусах Плеханов — и Аксельрод, похожий на косматого большого медведя. Плеханов сдержан, спокоен — Аксельрод от возбуждения бурлит, как котел. Они не уступали друг другу в интеллекте, оба были умны и образованы; во всех же прочих отношениях являли полную противоположность друг другу. Когда на следующий день после знакомства с Плехановым Владимир оказался в Цюрихе, Аксельрод встретил его как родного брата, которого не видел сто лет. Их разговор затянулся далеко за полночь; наутро они его продолжили, а там еще три дня подряд. Как и следовало ожидать, в Цюрихе было полно русских шпиков. Поэтому Аксельрод предложил Владимиру поехать за город, где они могли бы спокойно обсуждать свои дела, не опасаясь посторонних глаз и не привлекая к себе внимания. Целую неделю они бродили по окрестным холмам и говорили только об одном — о грядущей русской революции. И чем больше они говорили о ней, тем ближе и желанней она для них становилась. Лишь в единственном пункте взгляды Аксельрода расходились с позицией Владимира, и в этом он был тверд. В статьях Владимира часто доставалось либералам. Аксельрод, который своими корнями принадлежал к

«Народной воле», настаивал на том, что революционные партии любого толка должны выступать единым фронтом, ведь у них общая цель — свержение самодержавия. Он твердил, что, постоянно вздоря с другими партиями, делу не поможешь. Они ведь тоже стремятся создать в России социалистическое государство. Поддаваясь силе его убеждения, Владимир готов был с ним согласиться, но только на словах; в глубине души он многое не принимал. Однако когда Аксельрод высказал мысль о том, что пора объединить марксистские кружки в действенную политическую партию, Владимир принял это безоговорочно. Между ними было решено, что настало время издавать свой политический журнал, в котором должны будут также печататься статьи, написанные в России и тайно переправленные за границу. Кроме того, Владимир согласился поискать средства для помощи товарищам, жившим в эмиграции. Они расстались, как лучшие друзья. Аксельрод нашел, что молодой человек любезен и обходителен и обладает светлой головой.

Из Цюриха Владимир направился в Париж. Город поразил его своими размерами, широкими, великолепно освещенными улицами, бульварами, типично французской раскованностью и вообще непохожестью на респектабельный, суровый Санкт-Петербург. Жизнь в Париже была дешевая, меблированная комната обходилась ему в шесть, самое большее в десять франков в неделю. Он собирался задержаться здесь на месяц-другой, чтобы позаниматься. Четверть века прошло со времен Парижской Коммуны, но еще живы были очевидцы тех дней, и их рассказы звучали, как будто все это происходило всего неделю назад. Одним из них был Поль Лафарг, зять Маркса, который тихо жил со своей женой Лаурой в Пасси. Владимир не мог сдержать волнения в предвкушении встречи с ними. Он явился с цветами и долго говорил о приближающейся революции, живописал, как вечерами, после работы, трудящиеся Петербурга осваивают работы Карла Маркса.

— Вы хотите сказать, что рабочие читают Маркса? — словно не веря своим ушам, спросил Лафарг.

— Да, они его читают.

— Но понимают ли они его?

— Да, они его понимают.

— Боюсь, что вы заблуждаетесь, — ласково промолвил Лафарг. — Нет, они ничего не понимают. У нас во Франции после двадцатилетней пропаганды социализма все равно никто не смыслит в Марксе!

Около месяца Владимир просто гулял по Парижу. было лето, и у него вдруг пропала охота корпеть над книгами. Он бродил по

бульварам, рассматривал витрины магазинов, посетил кладбище Пер-Лашез, где были расстреляны коммунары. Он искал связей с французскими социалистами. Владимир изучал французский с детства, но, как и в случае с немецким языком, его плохо понимали, когда он говорил. Желудок у него все еще побаливал. Кто-то из знакомых рассказал ему о местечке в Швейцарии, где находились целебные источники, которые могли бы его излечить. И вот он снова в Швейцарии, с легким кошельком и в прекрасном настроении. Можно предположить, что на сей раз он забыл. о марксистских кружках, подпольных типографиях, суровых задачах, стоявших перед революционерами… Прожив на водах несколько дней, он отправляет письмо матери. В нем он сообщает, что превысил свои расходы и вряд ли проживет на оставшиеся деньги, а потому просит прислать еще сотню рублей, — из чего следует, что мать неоднократно поддерживала его средствами во время его путешествия.

В первых числах августа он переехал из Швейцарии в Германию. В Берлине он снял небольшую квартиру недалеко от Тиергартена. Врачи рекомендовали ему как можно больше купаться и плавать, и он каждое утро плавал в Шпрее, а остальное время дня проводил в Прусской государственной библиотеке. Бывало, что, устав от занятий, он гулял по улицам, прислушиваясь к звукам немецкой речи, покупал книги. Он накупил такое количество книг, что остался без денег, и ему снова пришлось ждать подмоги из России. Иногда вечерами он ходил в театр. Прежде чем пойти на «Ткачей» Гауптмана, он внимательно прочел пьесу в надежде на то, что после этого поймет речь актеров. Но и на этот раз воспринимать немецкий на слух для него оказалось непосильной задачей. Мария Александровна в своем письме намекнула ему, что не стоит спешить с возвращением. Возможно, ее предупредили об установленной за Владимиром слежке. Полиции действительно был известен каждый его шаг. «В гостях хорошо, а дома лучше», — ответил он ей ив середине сентября уже был в дороге. На границе весь его багаж был тщательно осмотрен полицией. Но они так и не добрались до печатного устройства и нелегальной литературы — чемодан имел двойное дно.

В Петербурге его спокойной жизни пришел конец. Он просто не знал, за что хвататься. Нахлынули дела, связанные с революционным подпольем; кроме того, необходимо было искать средства к существованию. Он никак не мог найти подходящую для себя квартиру. То и дело приходилось просить деньги у матери. Его родственники Ардашевы попытались привлечь его в качестве адвоката к делу о наследстве, но ничего из этого не

вышло.

В это время по Петербургу прокатилась волна стачек. Он с утра до ночи сочинял тексты листовок, следя за тем, чтобы они попали тем, для кого предназначались. Поддерживая постоянную связь с Плехановым и Аксельродом, он сообщал им о ходе стачечной борьбы рабочих. Свою информацию он вклеивал в книжные переплеты. В ответной почте приходили книги, которые ему приходилось рвать, чтобы извлечь из них письма. Владимир сетовал, что Аксельрод пользовался, по-видимому, слишком сильным клеем; обыкновенный крахмальный клей вполне сошел бы. Полиция ходила за ним буквально по пятам. Едва он выходил из дома, как тут же ему на глаза попадался шпик. Чтобы стряхнуть «хвост», он прыгал в пролетку и потом продолжал свой путь по безлюдной улице. Но и тут его подстерегал шпик. Они как тень следовали за ним, они были повсюду.

В это время он задумал выпускать газету для рабочих, печатать которую намеревался в бывшей нелегальной типографии «Народной воли». Газета должна была называться «Рабочее Дело». 20 декабря] 895 года первый выпуск газеты «Рабочее Дело» был готов, и его должны были отправлять в типографию. В тот вечер подпольщики собрались на квартире у Крупской, чтобы уточнить, будут ли какие изменения и поправки к тексту. Один экземпляр оттисков дали революционеру Анатолию Ванееву, другой остался у Крупской. Было решено, что Ванеев еще раз дома просмотрит его, а утром Крупская заберет у него оттиск. На следующее утро Ванеева в квартире не оказалось. Накануне же вечером полиция устроила облаву и многих ведших социал-демократов арестовала, в том числе и Владимира. На допросах он держался спокойно, отрицал свою причастность к социал-демократическому движению; когда его спросили, откуда у него нелегальная литература, он пожал плечами и ответил, что взял почитать в одном доме, а фамилию хозяина забыл.

Владимир был помещен в тесную, узкую камеру в доме предварительного заключения на Шпалерной. Там он проявил себя как примерный арестант. Внешне был послушен, дисциплинирован, услужлив. Зато внутри его буквально кипел вулкан энергии, — он продолжал активно работать на дело революции. С некоторым удивлением для себя он узнал, что ему позволяется брать книги для чтения из городских библиотек, и он заказывал их сотнями. В некоторых из них ему попадались тайные послания, зашифрованные известным ему способом: образующие слова были помечены малюсенькими точками. Владимир давно вынашивал идею написать большое исследование о развитии капитализма в России, и тут он взялся

за него по-настоящему. Его связь с внешним миром зависела и от того, дадут ли ему в ежедневном тюремном пайке молоко, ибо он делал так: писал на волю письмецо безобидного содержания, а между строк молоком вписывал слова тайного послания, ничего общего с самим текстом письма не имеющего. Читать такое письмо следовало над пламенем свечи, — буквы, написанные молоком, окрашивались в желтовато-коричневый цвет и проявлялись. Так тюремные послания доходили до друзей-конспираторов на волю. «Молочные чернильницы» он мастерил так: скатывал из хлеба шарики, полые внутри, и туда заливал молоко. Заметив, что тюремщик заглядывает в дверной глазок, он тотчас кидал шарики в рот. Однажды он написал на волю, что ему пришлось за один день съесть шесть «чернильниц». Свечи у него в камере не было, и тогда он изобрел другой способ расшифровки доходивших до него посланий: он держал письма над горячим кипятком. Все время, за исключением тех часов, что отводились для сна, он действовал, агитировал. Здесь, в тюрьме, он сочинил гневную прокламацию «К царскому правительству». Написанная в оригинале молоком, на воле она была размножена гектографом и разошлась в сотнях экземпляров. Полиция сбилась с ног, разыскивая автора прокламации. «Я в лучших условиях, чем другие, — писал он матери молоком между строк. — Меня взять не могут, все равно сижу».

В застенке он провел немногим более года. Тюрьма, как ни странно, пошла ему на пользу; он поправился, прибавил в весе. Чтобы держаться в форме, он прямо в камере занимался гимнастикой. Его самолюбию льстило то, что даже из-за тюремной решетки ему удавалось руководить революционным движением, водя за нос стражу. Ему больше повезло, чем некоторым из его соратников, схваченных одновременно с ним. Ванеев заболел туберкулезом, от которого так никогда и не излечился, а еще один революционер сошел с ума. Зимой в камерах стоял страшный холод, и большинство заключенных мерзли и не могли спать на холодных железных койках с жесткими соломенными матрасами, прикрывшись тонкими серыми одеялами, от которых разило дезинфекцией. Владимир подошел к проблеме сна в холодной камере так же продуманно, как и в случае с книгами и почтой-невидимкой. Каждый вечер, перед тем как лечь спать, он отжимался на полу по пятьдесят раз, доводя себя до изнеможения, чем очень развлекал стражу, наблюдавшую иногда за ним в дверной глазок. Те всё дивились и не могли понять, кому он молится и какой он веры, если отказался ходить на службы в тюремную часовню. После этих упражнений тепло разливалось по телу, и едва его голова

касалась койки, он сразу засыпал, несмотря на пронизывающий холод. Владимир не изводил себя горькими мыслями, которые обычно посещают очень многих арестантов длинными, бессонными ночами; не терзался жалостью к себе, ни в чем не раскаивался.

Как когда-то Нечаев, он, сидя за тюремной решеткой, вырос в заметную фигуру среди товарищей-революционеров. Этот небольшого роста человек, сидевший в 193-й камере, почитывавший книжки, игравший с хлебными шариками, приобрел такое влияние в революционной среде, о каком раньше и не мог мечтать. В подпольных кружках все еще продолжали называть его «Николаем Петровичем», или «К. Тулиным». Были у него еще псевдонимы, под покровом которых он надеялся уйти от вездесущего ока полиции. Через несколько лет он возьмет себе еще один псевдоним, и ему суждено будет запомниться человечеству надолго. Он будет приятен на слух ласкающей мягкостью звуков, являясь производным от женского имени. Но он совсем не будет вязаться с человеком, придумавшим его для себя, человеком, задавшимся одной единственной целью — свалить мир, из которого вышел сам.

Владимира Ульянова больше не было. Теперь был Ленин.

Шушенское

В конце XIX века жизнь политических ссыльных обычно протекала спокойно и мирно. Описанные Ф. М. Достоевским сцены дикой расправы и самосуда над заключенными, свидетелем которых он стал, находясь в ссылке в Сибири в 50-х годах, ушли в прошлое. Правда, еще попадались тюрьмы, где узники страдали от тирании местного начальства и стражей, но это в большей степени относилось к людям, совершившим тяжкое уголовное преступление. Человек, убивший, скажем, министра, или покушавшийся на его жизнь, не мог рассчитывать на пощаду, с ним разделывались быстро. Но революционер, подстрекающий к уничтожению — ни много ни мало — всего существующего строя, был вправе рассчитывать на то, что с ним обойдутся как с интеллигентом, и создадут ему в ссылке все необходимые нормальной жизни условия. Если у него к тому же имелись деньги, то он устраивался в Сибири не хуже, чем где-нибудь в европейской части России. Он мог занимать отдельный дом, обмениваться корреспонденцией, писать книги, совершать поездки по окрестным городкам и весям, охотиться. Наказание его ограничивалось единственным запретом — он не мог селиться в больших городах. И для многих революционеров такой «отдых» и «вольная жизнь» на природе были просто необходимы хотя бы для того, чтобы в тишине хорошенько обдумать и выносить программы будущих революционных битв. В этом смысле ссылка была для них даром судьбы, а не наказанием.

В своей книге «Записки из Мертвого дома», вспоминая, как он отбывал срок сибирской ссылки, Достоевский писал, что, несмотря на тяготы арестантского бытия, которые выпали на его долю, он всегда с благодарностью будет вспоминать те годы. Именно там он по-настоящему познал русский народ и восстановил душевное равновесие. Впоследствии Ленин произнесет похожие слова, вспоминая свою сибирскую ссылку. Будучи на положении ссыльного в глухом, уютном таежном селе, он за все три года не испытывал никаких притеснений, никакого над собой насилия. Ему была предоставлена полная свобода жить, как ему вздумается, и заниматься, чем ему угодно. Он будет вспоминать эти годы в череде самых счастливых лет своей жизни.

1 О февраля 1897 года власти вынесли окончательное решение по его делу. Он приговаривался к ссылке сроком на три года с отбыванием ее под надзором полиции в восточной части Сибири. Однако сообщать ему об этом решении не спешили, и он

провел в тюрьме еще две недели. Наконец он был вызван к прокурору, где и узнал, какое ему назначено наказание. Он вздохнул с облегчением. Еще бы, его могли приговорить к каторжным работам или к длительному тюремному заключению. Так что он легко отделался. Через несколько дней он еще более воспрял духом, когда узнал, что его матери удалось выхлопотать для него другое место ссылки. Теперь он должен был проследовать на поселение в южную часть Сибири, а не в восточную, где он бы пропал от холода. Вдобавок к этому ей удалось добиться того, чтобы ему разрешили ехать в ссылку на свои деньги с комфортом, а не в арестантском вагоне с другими осужденными, да еще под конвоем вооруженной охраны. Мария Александровна даже загорелась мыслью самолично сопроводить его в ссылку, но он отговорил ее, убедив в том, что это нешуточное дело в ее возрасте и с ее слабым здоровьем.

Надо сказать, что пенитенциарная система в царской России отличалась сравнительной мягкостью. На сборы в далекое путешествие поездом в глубь России ему было дано три дня. Выйдя из тюрьмы, он сразу же сел в поезд и поехал в Москву, к своей семье. В Москве он побыл с родными, посетил знаменитую Румянцевскую библиотеку, где подобрал себе для работы необходимые материалы, и даже успел побывать на нелегальном собрании. У него осталось довольно неприятное впечатление от него. К своему ужасу, он обнаружил, что за те почти полтора года, что он провел в камере-одиночке, марксизм претерпел постороннее вторжение: его чистота была заменена менее радикальными теориями некоего Эдуарда Бернштейна, который считал, что рабочее движение добьется значительно большего успеха, если будет бороться за экономические права рабочих с помощью профсоюзов, а не путем революции. В ленинском понимании сторонники Бернштейна были тронуты тленом мелкобуржуазных, обывательских представлений.

Отправляясь с московского вокзала в Сибирь, он был больше похож на путешественника, желавшего прокатиться на восток, чем на ссыльного. К тому же выезжал он не один. До Тулы его сопровождала мать с двумя сестрами. Никакого вооруженного конвоя при нем не было, и его принимали за обыкновенного пассажира. Он вез с собой около сотни книг, чемодан, битком набитый одеждой, и тысячу рублей денег наличными. Согласно инструкциям он должен был доехать до Красноярска и по прибытии туда ждать дальнейших указаний. Раньше, когда ему приходилось ездить в поезде на большие расстояния, дорога утомляла его; он, бывало, жаловался, что трехдневная поездка из Самары в Петербург «окончательно измотала» его. Как ни

странно, путешествие на восток не только не утомило его, наоборот, ему было интересно, он был захвачен, — может быть, оттого, что он очень крепко спал ночами, а днем с удовольствием смотрел в окно, любуясь проплывавшими мимо красотами природы. Его письма домой были полны теплых слов любви к близким. В дороге он пребывал в отличном настроении.

В поезде он встретил молодого революционера, который тоже направлялся в изгнание. Его фамилия была Крутовский. Ленин спросил его, что с ними будет, когда они приедут в Красноярск. Тот ответил, что почти наверняка они проведут несколько дней в городе и будут иметь возможность насладиться благами цивилизации, пока их, в конце концов, не отправят в какие-нибудь глухие деревушки. Где-то поблизости от Красноярска находилась, по словам Крутовского, известная библиотека, и это еще больше порадовало Ленина. Он был совершенно счастлив, что встретил со-ратника-революционера; однако немного беспокоился, что их слишком быстро увезут из города. Он писал матери:

«Благодаря беседе с Arzt'om[13] (Крутовским. — О. Н.) мне уяснилось (хотя приблизительно) очень многое, и я чувствую поэтому себя очень спокойно: свою нервность оставил в Москве. Причина ее была неопределенность положения, не более того. Теперь же неопределенности гораздо менее, и потому я чувствую себя хорошо».

В Красноярске выяснилось, что никому до него нет дела, там он был предоставлен самому себе. Крутовский посоветовал ему разыскать некую Клавдию Попову, обычно помогавшую революционерам, этапированным через Красноярский край. Два месяца он жил у нее в доме. Он разыскал ту самую знаменитую библиотеку; находилась она недалеко от города и принадлежала купцу Юдину. В ней насчитывалось восемьдесят тысяч томов разных изданий; помимо книг, там хранились подшивки газет и журналов, начиная аж с XVIII века. (Позже эта коллекция будет приобретена Библиотекой Конгресса в Вашингтоне. Ныне она составляет основу фонда литературы по славистике, собранного этой библиотекой.) Купец-миллионер тепло встретил Ленина и предоставил ему великолепные условия для работы. Но спустя несколько дней он был весьма удивлен, когда молодой человек перестал являться в читальный зал. В письмах матери Ленин писал, что боялся навлечь беду на купца. На самом деле у него просто не было настроения заниматься. Он наслаждался свободой. Подолгу гулял, совершая прогулки на большие расстояния. Иногда по пути заходил в городскую читальню, чтобы просмотреть московские газеты, которые приходили сюда с

опозданием на одиннадцать дней. Иногда, по настроению, он посещал роскошное пятиэтажное здание юдинской библиотеки, хотя там было крайне мало книг, отвечавших его интересам: по экономике и статистике, о рабочем движении.

Пришла весна, стремительная и шальная, настоящая русская весна. Волнение переполняло его настолько, что после часовой прогулки его сразу же обволакивала приятная дрема. Писем из дома не было. Крутовского уже услали с этапом в Иркутск, и тут вдруг Ленин почувствовал одиночество и отчасти даже тревогу. Он боялся, что затишье связано с какой-то угрозой для него.

Но наконец-то, 16 апреля, на красноярский вокзал прибыл поезд с остальными осужденными. Это были те, кто не мог заплатить за собственный проезд по железной дороге. Ленин узнал об их прибытии и ожидал на вокзале. Сопровождавшему заключенных конвою было отдано распоряжение не разрешать им вступать с кем-либо в разговоры, даже запрещалось стоять близко к окнам. Но, как потом вспоминал Л. Мартов, многим из них все-таки удалось, усыпив бдительность охранников, подойти к Ленину, перекинуться с ним несколькими словами и пожать руку. На следующий день или через день-два Ленин опять увиделся с ними. Охрана не обращала внимания на полноватого молодого человека в меховой шапке и шубе, похожего на местного купца. К его вящему удовлетворению, он даже ухитрился обстоятельно побеседовать с Н. Е. Федосеевым, которого отрядили выполнять роль носильщика. После этого арестанты проследовали в места своей ссылки. Что касается Ленина, то 17 апреля, прожив целый месяц в Красноярске, он прослышал о том, что его хотят отправить в Минусинск. Как ни странно, это известие он получил не от местного полицейского начальства, а неофициально от Я. М. Ляховского, осужденного по делу Петербургского «Союза борьбы…». Ленин был вне себя от радости. Он сообразил, что ему предстоит пробыть в Красноярске еще несколько дней, потому что была пора весенней распутицы, дороги были размыты, а пароходы по Енисею еще не ходили. Оба города, Красноярск и Минусинск, стояли на Енисее, и он полагал, что его скорее всего отправят в Минусинск по реке. Прошла еще неделя, и он уже точно узнал, где ему предстояло провести годы ссылки. Примерно в пятидесяти километрах южнее Минусинска находилось село Шушенское; туда-то и должны были его доставить. Без всякого сомнения, через родню и знакомства Марии Александровны в Петербурге были приведены в движение соответствующие рычаги власти, потому что и на этот раз он оказался в привилегированном положении. Места к югу от Минусинска славились как «Сибирская Италия». Ни один из ссыльных

революционеров, арестованных одновременно с ним, не был туда направлен. Мартова и Ванеева услали в Туруханск, на север, Старков, Кржижановский и Лепешинский обосновались в Минусинске. Дело в том, что во всех бумагах и ходатайствах, направляемых в высшие инстанции его матерью, говорилось, что ее несчастный сын страдает от туберкулеза и ему предписан умеренный климат, поэтому Шушенское — единственное подходящее для него место. Бумага что, она все стерпит.

Узнав, куда его посылают, Ленин, говорят, запел от радости. У него даже возникло желание сочинить оду по этому случаю, но получилась только одна строчка. Ее он приводит в письме к матери: «В Шуше, у подножия Саяна…»

Благодаря такому случаю мы имеем образец поэтического творчества, и притом — единственный! — оставленный нам Лениным.

Еще бы ему не запеть от радости! Он читал о Шушенском и знал от людей, что это за прекрасный уголок Сибири. Он горел желанием поскорее оказаться там. Село стояло не на самом Енисее, а на берегу одного из его притоков. Километрах в двух начиналась тайга, а на горизонте возвышались Саянские горы. Это были благодатные места для охоты. По берегам реки и в сосняке было полно дичи, а в тайге кто только не водился: медведи, олени, дикие козы, белки, соболь. Отдаленность от города дарила еще одно преимущество: все было страшно дешево. Там можно было прожить на восемь-девять рублей в месяц.

Но полицейское начальство не спешило. Ленин все бродил и бродил по улицам Красноярска. Работать ему совсем не хотелось. «Для занятий достал себе книг по статистике, — писал он матери и сестре Анне, — …но занимаюсь мало, а больше шляюсь». Подобное признание вырвалось у него только раз, ну, может быть, дважды за всю его жизнь.

Больше всего его радовало то обстоятельство, что, живя в Шушенском, он не будет соприкасаться с остальными ссыльными. Он терпеть не мог мелких дрязг между ними и бесконечных выяснений отношений. Он вообще презирал толпу — была в нем такая «аристократическая» черта. Он был намерен предаться размышлениям и писать, наслаждаясь творческим одиночеством. На просьбы матери и сестры позволить им приехать погостить у него он отвечал резким отказом, ссылаясь на то, что им будет трудно перенести суровую сибирскую зиму, и строгим тоном внушал, как они должны благодарить Небеса, живя в цивилизации. Его сестра говорила, что он «негостеприимен», так оно и было. Но когда Ленин узнал, что его брата Дмитрия, студента медицинского факультета Московского университета,

должны отправить на юг России, где в это время свирепствовала чума, он неожиданно расчувствовался. Почему бы, писал он, брату Дмитрию не приехать в Сибирь, где в докторах нуждаются больше, чем в европейской части России, вместо того, чтобы рисковать своей жизнью в чумных бараках? Вместе ходили бы на охоту, если вообще сибирское житье способно пробудить в нем охотника. Как было бы хорошо, если бы Дмитрий работал где-нибудь не очень далеко от него и охотился бы поблизости. «Милости просим», — писал он.

Сознательное решение Дмитрия пойти на риск для собственной жизни, этакий акт самопожертвования, задело Ленина за живое и сильно его озадачило. Такие вещи были ему непонятны. Бывало, он даже приходил в ярость, узнав о том, что кто-то пожертвовал жизнью из высоких побуждений, — для него это было результатом глупого, пустого самообмана.

Итак, дни в Красноярске текли, и он, как бы посмеиваясь над своим положением, жаловался, что книги, которые он заказал, все не приходят и что у него кончаются деньги. Ему нужны были книги, горы книг; он умолял Анну устроить так, чтобы за статьи, которые он будет писать, ему платили гонорар не деньгами, а книгами. Он предлагал также себя в качестве переводчика книг, или даже служить своего рода главным координатором огромного переводческого бюро, которое бы вовлекло в общий проект всех политических ссыльных. Разумеется, руководство осуществлял бы он сам и следил бы за качеством работы. Кроме книг, ему нужны были еще журналы. Он считал, что ему хватит денег подписаться на пять журналов. Поскольку он трудился над своим исследованием на тему о развитии капитализма в России, ему особенно необходим был «Ежегодник Министерства финансов», официальный орган Министерства финансов, и еще — журнал «Русское Богатство», где экономике отводился целый раздел. Но настоящей его страстью, можно сказать, пожизненной, была статистика. Он любил голые цифры, их сущую конкретность, — недаром он завещал коммунистической партии свято чтить статистику. Она выполнила завет, и это привело впоследствии к тому, что можно было бы определить как цифровую гигантоманию.

Может показаться, что Ленин праздно проводил время, наслаждаясь жизнью в уютном частном пансионе. На самом же деле он копил силы, готовясь к предстоящей напряженнейшей работе. Он не собирался терять время в ссылке зря, полагая, что его можно будет использовать с толком: писать книги и статьи, сочинять прокламации и тайно переправлять их из Сибири в европейскую часть России, и кроме того, надо было много, очень

много читать. А еще было необходимо сохранить и укрепить сеть партийных ячеек, наладить выпуск и распространение нелегальной литературы. Нельзя было лишать поддержки товарищей, оставшихся в Санкт-Петербурге, и при случае, если бы там начался разброд, следовало немедленно вмешаться. Не должна была прерываться связь с жившими за границей Плехановым и Аксельродом.

12 мая 1897 года его затянувшийся в Красноярске «отдых» закончился. В комнаты, которые он занимал, явились два жандарма и приказали ему проследовать с ними на пароход. Судно было тихоходное, оно часто и надолго причаливало к берегу, поэтому он почти на целую неделю опоздал с прибытием в Минусинск, а затем в сопровождении жандармов трясся в карете до Шушенского, где был сдан местному приставу. Обошлось без формальностей. Пристав сделал пометку о прибытии и отпустил Ленина на все четыре стороны, чтобы тот устраивался, как ему заблагорассудится. Теоретически он должен был каждый раз, собираясь отлучиться из села, докладывать об этом, но пристав разрешил ему свободно передвигаться, буде у него возникнет такое желание.

Ленин решил остановиться у зажиточного крестьянина, которого звали Аполлон Зырянов. Тот жил в большой избе; пять окон выходили на улицу. За комнату, питание и стирку он платил восемь рублей в месяц, а если учесть, что ежемесячно ему присылали сто пятьдесят рублей, то, наверное, он был самым богатым человеком в округе. Зырянов сколотил ему полки для книг, и скоро его библиотека выросла до потолка. Он спал на деревянной кровати, тут же были стол и четыре стула работы деревенских умельцев, половик, также местной работы, и книги, повсюду книги… Книги приходили с каждой почтой, а ему все было мало.

Как Ленин ни загадывал, что в Шушенском сразу же погрузится в работу и будет писать, писать, проходили дни, а он все не мог заставить себя засеть за книги. Слишком он разнежился в Красноярске и не мог выйти из этого состояния. Он брал с собой Зырянова, и они отправлялись на охоту. Иногда они по пять дней подряд бродили в болотистых зарослях по берегам реки. Ночевали в таежных охотничьих хижинах на сене, вдыхая его пряный запах. Это были дни безмятежного покоя; он жил, как в приятном сне.

С летом пришла изнурительная жара, от которой спасение было только в реке. Бывало, он ходил купаться по два раза в день. На ночь он раскрывал над кроватью сетку от комаров и лежал, в темноте прислушиваясь к их гудению, утешая себя мыслью, что в

северной Сибири комаров гораздо больше. Обычно он ел за столом вместе с семьей Зырянова. Много лет спустя они вспоминали, как он сидел во главе стола: маленький, румяный от загара, полненький, и громко хохотал в ответ на шутки. Казалось, беззаботнее его нет человека на свете. Ну никак не скажешь, что это опасный революционер.

Его стали навещать друзья. Больше всех ему понравился молодой революционер Райчин, который был в числе первых его гостей. Позже появился Кржижановский. «…Хотел приехать… Глеб поохотиться. Скучать, значит, не буду», — писал он матери, и мы чувствуем нотки, более свойственные мелкопоместному барину, который не знает, куда себя девать от скуки. Он говорил: «мое» Шушенское. Иногда, словно забывшись, он отходил в сторонку от друзей, с которыми охотился, садился на пень и долго так сидел, глядя на текущие мимо него воды реки.

В то лето он работал мало. Написал только брошюру, в которой выражал свое мнение по поводу только что опубликованного нового фабричного закона. Работу удалось вывезти из России, но, видимо, препятствия были серьезные, ибо она была напечатана в Женеве только два года спустя. Согласно новому закону рабочий день был сокращен до одиннадцати с половиной часов по будням и до десяти часов по субботам. До этого в среднем рабочие стояли у станков по двенадцать с половиной часов каждый день. Это была победа рабочих над фабрикантами и заводчиками, да и над царским правительством. Понимая это, Ленин вынужден был смягчить свою критику нового закона; а критике и была посвящена его брошюра. Целью автора было показать, как ничтожна мала и бессмысленна эта подачка, брошенная рабочим, и наоборот, какой огромной выгодой может обернуться для их хозяев новый закон, который они всегда могут истолковать по-своему. Не отрицая того факта, что закон является крупной уступкой пролетариату со стороны буржуазии, Ленин заявляет, что теперь задачей передовых рабочих должно стать привлечение отсталых масс к борьбе за восьмичасовой рабочий день, с требованием которого выступают трудящиеся всего мира. Брошюра была несколько расплывчата по стилю; содержала в основном сухие выкладки юридического характера на тему о труде и праве, революционного пыла в ней почти не ощущалось или было пока мало. Правда, Ленин кое-где позволял себе колкости, когда дело доходило до толкования закона. Ну, например: «Русские законы можно вообще разделить на два разряда: одни законы, которыми предоставлены какие-нибудь права рабочим и простому народу вообще, другие законы, которые запрещают что-либо и позволяют чиновникам запрещать.

В первых законах все, самые мелкие права рабочих перечислены с полной точностью (даже, напр., право рабочих не являться на работу по уважительным причинам) и ни малейших отступлений не полагается под страхом самых свирепых кар. В таких законах никогда уже вы не встретите ни одного «и т. п.» или «и пр.». В законах второго рода всегда даются только общие запрещения без всякого перечисления, так что администрация может запретить все, что ей угодно; в этих законах всегда есть маленькие, но. очень важные добавления: «и т. п.», «и пр.». Такие словечки наглядно показывают всевластие русских чиновников, полное бесправие народа перед ними; бессмысленность и дикость той поганой канцелярщины и волокиты, которая пронизывает насквозь все учреждения императорского русского правительства».[14]

Интересно, кто-нибудь припомнил Ленину в тот момент, когда он сам писал законы для России, эти строчки: «ни малейших отступлений не полагается под страхом самых свирепых кар», и еще — «администрация может запретить все, что ей угодно»!

Значительно более важным его произведением того периода можно считать работу «Задачи русских социал-демократов», изданную год спустя. В ней он ни много ни мало делал попытку создать обширную программу подпольной деятельности социал-демократов в рядах промышленного пролетариата, по определению Ленина, «наиболее восприимчивого для социал-демократических идей, наиболее развитого интеллектуально и политически, наиболее важного по своей численности и по концентрированности в крупных политических центрах страны». Призывая рабочих к борьбе, Ленин одновременно с этим детально обосновывал свою мысль о том, что именно рабочий класс является единственной силой, способной свергнуть монархический строй. По его убеждению, крестьяне слишком слабы и неорганизованны, а буржуазия, как крупная, так и мелкая, двулична по своей натуре; интеллигенция же чересчур зависима от царской власти и буржуазии, что заставляет ее идти на компромиссы, «продавать свой революционный и оппозиционный пыл за казенное жалованье или за участие в прибылях и дивидендах». «Только один пролетариат может быть передовым борцом за политическую свободу и за демократические учреждения…» И дальше: «Только пролетариат безусловно враждебен абсолютизму и русскому чиновничеству, только у пролетариата нет никаких нитей, связывающих его с этими органами дворянско-буржуазного общества, только пролетариат способен на непримиримую вражду и решительную

борьбу с ними».

Местами его слова звучат как гимн пролетариату, с его точки зрения, воплотившему в себе все мыслимые достоинства и являющему собой полную противоположность всевластному, безответственному, подкупному, дикому, невежественному и тунеядствующему русскому чиновничеству. Странно, но сама по себе эта длинная цепочка эпитетов наводит на мысль о том, что у Ленина свое сугубо личное, гораздо более глубинное отношение к институтам царской власти, которые он ненавидит, но не может не признавать как могущественную силу. Гневно заявляя, что рабочие лишены каких-либо прав, он тут же признает, что под давлением пролетариата, выросшего в значительную политическую силу, правительство вынуждено было издать новый фабричный закон. В качестве примера успешной борьбы с буржуазией он приводит Англию, где «есть могучий контроль народа над управлением, но и там этот контроль далеко не полон, и там бюрократия сохраняет немало привилегий…».

То, к чему Ленин стремился и к чему призывал, не называя пока самого этого слова, было не что иное, как диктатура пролетариата, и притом исключительно пролетариата. Он яростно нападал на тех, кто выступал за слияние «демократической» активности пролетариата с «демократической» активностью различных партий. Он считал, что союз рабочего класса с другими партиями и классами только ослабит его классовое сознание в борьбе за свободу и демократию. Таким образом, о компромиссе не было и речи.

К слову сказать, Ленин и в дальнейшем по сути не отходил от принципов, изложенных им в «Задачах русских социал-демократов». Через двадцать лет они станут основополагающими в его теории о коммунистическом государстве, правда, к тому времени изменится значение некоторых слов и терминов, употребленных Лениным в этой работе, забудутся разговоры о политической свободе, как и о том, что следовало бы брать пример с Англии как наиболее развитой в политическом смысле страны.

Повторяя Нечаева, Ленин утверждает, что спорить, какой должна быть форма правления государством после уничтожения абсолютизма, — пустое дело. На тот момент насущной задачей пролетариата, возглавляемого социал-демократической партией, являлось безусловное уничтожение монархического строя: «Руководя классовой борьбой пролетариата, — писал Ленин, — развивая организацию и дисциплину среди рабочих, помогая им бороться за свои экономические нужды и отвоевывать у капитала одну позицию за другой, политически воспитывая рабочих и

систематически, неуклонно преследуя абсолютизм, травя каждого царского башибузука, дающего почувствовать пролетариату тяжелую лапу полицейского правительства, — подобная организация была бы в одно и то же время и приспособленной к нашим условиям организацией рабочей партии, и могучей революционной партией, направленной против абсолютизма. Рассуждать же наперед о том, к какому средству прибегнет эта организация для нанесения решительного удара абсолютизму, предпочтет ли она, например, восстание или массовую политическую стачку или другой прием атаки, — рассуждать об этом наперед и решать этот вопрос в настоящее время было бы пустым доктринерством. Это было бы похоже на то, как если бы генералы устроили военный совет раньше, чем они собрат войско, мобилизовали его, повели в поход на неприятеля. А когда армия пролетариата будет неуклонно и под руководством крепкой социал-демократической организации бороться за свое экономическое и политическое освобождение, — тогда эта армия сама укажет генералам приемы и средства действия».

Из этих рассуждений как будто следует, что Ленин еще не до конца продумал проблему, он говорит о захвате власти социал-демократами в общих словах. Однако, и на это нужно обратить внимание, он предупреждает, что не надо отождествлять социал-демократов с бланкистами, которые «не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора». «Социал-демократы… — замечает Ленин, — в подобной узости воззрений неповинны; в заговоры они не верят; думают, что время заговоров давно миновало…» Пройдет время, и станет ясно, что программа, изложенная Лениным в этой работе, по сути своей и явилась программой заговора, впитавшей в себя воззрения как Нечаева, так и Маркса.

Когда Ленин писал «Задачи русских социал-демократов», в России насчитывалось не более трехсот-четырехсот человек, готовых назвать себя членами социал-демократической партии. Брошюра Ленина достигла своей цели, она сплотила и усилила их ряды. С момента анонимного издания рукописи в Женеве в архивах царской тайной полиции попадаются донесения, в которых ее название фигурирует наряду с прочей запрещенной литературой, найденной при обысках в квартирах арестованных революционеров. За период с 1898 по 1905 год экземпляры работы Ленина были «засечены» царской охранкой в Санкт-Петербурге, Москве, Смоленске, Казани, Орле, Вильно, Иркутске, Архангельске, Ковно и в других городах. Нет ничего удивительного в том, что эта брошюра так быстро распространилась и получила отклик в рабочей среде по всей

стране. Было нечто романтически-заманчивое в том, как ее автор превозносил пролетариат, противопоставляя его всем остальным слоям общества. В каком-то смысле, как мы уже отмечали, будущие ленинские творения станут дальнейшей разработкой идей, заложенных в «Задачах русских социал-демократов», где так явственно вырастает образ вооруженного русского пролетариата, ступающего по головам остального российского люда.

Но в тот первый год своей ссылки в Шушенском он, повторяем, писал совсем мало. В основном он охотился, рыбачил, общался с местными жителями и даже организовал что-то вроде неофициальной юридической конторы. Со всей округи по воскресеньям к нему приходили крестьяне, и он помогал им советами как юрист. И конечно, он читал, много, запоем. Работа над книгой «Развитие капитализма в России», которую он задумал как русский аналог «Капитала» Маркса, продвигалась медленно, рывками, без единого плана. Книга вырастала из кусочков, из разрозненных статей, подготовленных для журнальных публикаций, главный замысел не вырисовывался отчетливо. Он то возвращался к книге, то бросал, смотря по настроению. Настоящая жизнь для него была на природе. Он как будто знал, что пройдет это время, и он до конца своих дней будет дышать смрадным воздухом больших городов, окутанных дымом заводов и фабрик. В Сибири он пользовался, как оказалось, последней возможностью побыть просто человеком, насладиться ощущением близости к природе. Здесь не надо было загонять свое естество в жесткие рамки им же самим придуманных догм.

В первой половине октября Ленин наведался в село Тесинское, где отбывали ссылку В. В. Старков[15] и Г. М. Кржижановский. Они жили вольготно, в большом двухэтажном доме. Приятели подолгу беседовали, бывало, не замечая, как прошла ночь. Все вместе ходили на охоту. Кржижановский страдал недугом, характерным для ссыльных, — нервным истощением. Иногда на него находили приступы глубокой меланхолии. У Ленина нервы были покрепче, и ему эта меланхолия казалась странной. Но вот пришел ноябрь, Шушенское утонуло в снегах; казалось, вся жизнь замерла, скованная льдом. Тут не выдержал и Ленин. Он тайно уехал в Минусинск к своему молодому другу Райчину и к другим товарищам по ссылке. Здесь, среди своих, он воспрял духом. Мысль о возвращении в занесенное снегами Шушенское. приводила его в такой ужас, что он даже не подумал, какому риску подвергнул себя: ведь его отсутствие заметила полиция.

Даже в южных районах Сибири лютая зима дает себя знать.

Многими месяцами деревни стоят, погребенные под снегом, полностью отрезанные друг от друга. Но та зима оказалась на редкость мягкой. Часто целыми днями светило солнце и становилось тепло, а то вдруг налетала пурга. К Ленину в Шушенское на десять дней приехал Кржижановский. И снова для Ленина наступило счастливое время. Он не особенно любил надолго предаваться уединению, хотя много раз говорил совсем обратное. Но Кржижановский погостил и уехал, и он остался один на один с невыносимым безмолвием сибирской зимней ночи, утративший связь с остальным миром. Почта доходила редко. Ограниченный деревенским окружением, он тосковал, ему хотелось более широкого общения. С деревенскими было скучно. В это время он написал письмо матери с просьбой прислать ему, если это возможно, охотничью собаку. Еще летом первым об этом заговорил Марк Елизаров, но тогда Ленин вяло откликнулся на его предложение. Теперь же он просто мечтал завести собаку. Неужели нельзя прислать в корзине щенка охотничьей породы? Одиночество и впрямь начинало серьезно его тяготить.

В Шушенском не так много было людей, с которыми он мог говорить на своем уровне. Кроме него там жил еще один социал-демократ, поляк, по фамилии Проминский, сосланный в 1895 году. По профессии он был шляпный мастер. Проминский был из тех революционеров, которые, выступив однажды с какой-нибудь акцией протеста, тут же попадаются и потом всю жизнь несут за это наказание. Это был тихий, приятный, совершенно безобидный человек; он имел жену и шестерых детей. Читал мало, был почти не образован, но зато полон революционного задора. Последнее выражалось в том, что он любил петь революционные песни на польском языке, и ему всегда подпевали ребятишки. Ленину нравился Проминский, он любил с ним петь, они вместе ходили на охоту, но близкими друзьями так и не стали. Когда, спустя годы, произошла Октябрьская революция, Проминский все еще жил в Красноярском крае, мастерил фетровые шляпы, пел революционные песни, гордился своим революционным прошлым. В 1923 году он наконец написал письмо Ленину с просьбой разрешить ему вернуться в Польшу. По пути на родину, в вагоне поезда, он умер.

Был в Шушенском еще один ссыльный, молодой рабочий Путиловского завода из Петербурга, арестованный как организатор стачки. Его звали Оскар Энгберг, по национальности он был финн. Этот знал еще меньше, чем поляк Проминский, хотя поговаривали, что он все-таки прочел несколько книг в своей жизни. Ленину они оба искренне полюбились, но слишком велика была разница в их интеллектуальном уровне. Ленин попытался

сблизиться с учителем местной школы и священником, но из этого ничего не вышло. Они предпочитали проводить время привычным для себя образом, играя в карты и выпивая. Молодой рыжебородый революционер стеснял их своим присутствием.

С крестьянами, с которыми он любил охотиться и рыбачить, отношения складывались не легко. Их вовсе не интересовала революция и мало заботили мировые проблемы. Среди них ему больше всех нравился простодушный Сосипатыч. Он все время делал Ленину какие-нибудь подарки: то принесет живого журавля, то кедровую шишку, — словом, что-нибудь такое, что, по его мнению, могло бы приятно удивить культурного человека, прибывшего в незнакомый край из далекой западной России. Сосипатыч замечательно знал родные места и иногда пускался в длинные, утомительные для Ленина рассказы, мало ему интересные. Но зато он был истинным кладезем конкретных знаний, когда разговор касался положения крестьян в Восточной Сибири, и потому он был более всех остальных приближен к Ленину в ту долгую зиму.

Под конец зима разгулялась не на шутку. Ленин оказался буквально заточенным в своей маленькой, заваленной книгами каморке. В соседней комнате громко распевал песни пьяным голосом хозяин, Аполлон Зырянов, а за окном валил снег и бушевала пурга. На подоконнике с наружной стороны росли торосы из снега. Ленин, сидя за столом, на свободном от книг уголке, писал каждое воскресное утро письмо матери, благодарил ее за присланные газеты и книги, которые приходили, правда, с таким опозданием; далее он сообщал ей о разных незначительных событиях, например, что заболел Энгберг и его отправили в больницу в Минусинск; или недоумевал по поводу того, что по какой-то загадочной причине Проминскому, шляпному мастеру из Польши, было снижено содержание со ста тридцати одного рубля в месяц до ста двадцати одного рубля, и теперь только Господь знает, как он будет кормить жену и шестерых детей на такие жалкие деньги, ведь его шляпы никому здесь не нужны. «Погода здесь все еще очень и очень холодная, — писал он, — сибирская зима хочет все-таки дать себя знать».

Заколдованное царство

В России весна не приходит — она разражается как гром. среди ясного неба. Стоит холодный день, все сковано морозом, а назавтра вдруг воздух полон весенних звуков: журчат талые воды, в безоблачном небе высоко поют птицы, из-под снега пробивается

ароматный дух земли, наливаются соками деревья. Весна в России врывается в природу, она пьянит, как дурман.

Так было и в Шушенском. Лед на реке растаял, лиственницы и березы пустили молоденькие побеги. В лесу еще кое-где в оврагах лежал снег, но там он обычно не таял долго, а с отрогов Саянских гор снег сходил только к концу лета. В письмах Ленина, относящихся к тому периоду, никаких упоминаний о наступающей весне нет, — он пишет о погоде, только когда она мешает ему жить, — и все же какая-то взволнованность в них чувствуется. Сам тон его писем стал бодрее, ему все больше требуется книг, он строит далеко идущие планы… К тому же его радует весть о Надежде Крупской: из Уфимской губернии на севере, где она отбывала ссылку, ее переводили по ее же просьбе отбывать срок ссылки в Шушенское; основанием для такого решения послужило поданное ею прощение, в котором она заявляла, что собирается выйти замуж за Владимира Ульянова, и притом немедленно по прибытии на новое место ссылки. Ленин был просто вне себя от радости. Его сестра Анна, которая встречалась с Крупской в Москве, не разделяла его восторгов. Существо ревнивое, она писала брату: «У нас сейчас гостит Надя. Она похожа на селедку».

Похожа или нет, но Ленин тем не менее с нетерпением ждал ее приезда. С самого начала их отношений он не был безумно в нее влюблен. Для него она была верным товарищем по партии, послушная, преданная подруга; она прекрасно владела собой в минуты опасности, тревоги и была большой мастерицей по части тайнописи невидимыми чернилами. Хотя в юности она была даже хорошенькой, но теперь она как-.то потускнела, стала выглядеть старше своих лет. Среди женщин, которые ему нравились на протяжении жизни, а их было немало, не было ни одной, которая относилась бы к нему с такой беззаветной любовью и так подчинялась бы малейшим его желаниям, как Надежда. Он оценил это уже тогда, в Шушенском. Но была и другая причина, почему он ждал ее с нетерпением: она везла с собой целую библиотеку.

Однако она задерживалась — постоянно возникали непредвиденные обстоятельства. Как-то в мае, в один прекрасный день она наконец-то неожиданно прибыла. Никто ее не встретил. Ленин в это время был на охоте. Дома оставался Зырянов. Он был предупрежден, что она должна приехать, поэтому тут же провел ее в комнату Ленина. Там творилось что-то страшное. Накануне у Ленина побывал пьяный Энгберг и в пьяном угаре расшвырял все книги. С Крупской приехала ее мать, высокая дама с величественной осанкой. Она была из тех, кто требует себе

полного подчинения и не терпит ослушания и прочих глупостей. Вид комнаты с царившим в ней беспорядком привел ее в ужас. А когда Ленин вернулся с охоты, увидев его, она выпалила вместо приветствия: «Эк вас разнесло».

В тот вечер за столом все говорили одновременно. Вокруг Ленина и прибывших к нему женщин собралась вся семья Зыряновых. Полдеревни пришло поглазеть на молодую женщину, «похожую на селедку», и ее мать, осанистую даму, как-никак из благородных. Произносились тосты, выпивали, и долго еще молодые не могли остаться одни. Но вот все ушли, и молодые занялись делом: надо было разложить книги по дисциплинам и расставить по полкам, рассмотреть фотографические карточки, прочесть на обратной стороне каждой из них послания от друзей. Только на рассвете они улеглись спать.

Крупская сразу же невзлюбила Зыряновых. Они слишком много пили, были любопытны и болтливы. Она твердила, что ей хочется жить в отдельном доме или, по крайней мере, занимать половину дома, а не ютиться в двух комнатках бок о бок с Зыряновыми. Ленин стал потихоньку наводить справки, и вскоре у него появилась возможность снять половину большого дома, за которую надо было платить четыре рубля в месяц. Хозяйка сочла Ленина подходящим постояльцем, — на эту половину ее дома давно метил местный священник, но она отдала предпочтение Ленину.

Ленин привык жить бобылем-одиночкой, свободно и привольно; он много занимался, а устав, бросал все и шел на речку или в лес, словом, когда хотел и куда хотел. Теперь же он оказался во власти двух женщин, и каждая стремилась внести в его жизнь строгий порядок. Его будущая свекровь, Елизавета Васильевна, была остра на язык. К тому же она была глубоко верующим человеком, а Ленин вообще не признавал никакой религии. Конечно, на этой почве возникали ссоры, которые кончались тем, что Ленин изображал сцену покаяния и со «смиренным» поклоном удалялся. Он умел все обратить в шутку; ему достаточно было состроить смешную гримасу и дернуть себя за бороду — и мать с дочерью начинали умирать со смеху. «Толстячок» знал, как задобрить женщину.

Переехав в новый дом, Крупская сразу же освоилась и так умело повела хозяйство, как будто была местной уроженкой, сибирячкой. Единственное, на что она жаловалась, — в селе невозможно было найти прислугу. Она завела небольшой огород, на котором выращивала огурцы, свеклу, морковь и тыкву, и очень гордилась своими успехами. Что касается стряпни, то тут гордиться было нечем. Голова у нее все время была занята

другими мыслями, она забывала, что у нее делается в печке, и в результате любимый суп с клецками превращался в кашу. Правда, через несколько месяцев она была избавлена от обязанностей стряпухи. Ей стала помогать тринадцатилетняя худенькая деревенская девочка, которая на кухне управлялась гораздо ловчее хозяйки. Ее звали Паша. Крупская занялась девочкой и стала учить ее читать и писать и очень порадовалась, когда обнаружила, что Паша ведет дневник. Ничего особенного в нем не было, девочка просто записывала свои нехитрые впечатления. Много лет спустя Крупская смогла припомнить только одну запись: «Были Оскар Александрович и Проминский. Пели «Пень», я тоже пела».

Так что кроме дурно приготовленной пищи, которой угощала Ленина его супруга, да временами случавшихся резких отповедей со стороны Елизаветы Васильевны огорчений в ту пору у него было немного. Между тем в селе он настолько вырос в общественном мнении, что его там почитали как барина. К тому же он был обладателем огромнейшей по меркам селян библиотеки и главным потребителем писчей бумаги, закупаемой им в сельском магазинчике. Для разъездов по округе он нанимал крестьянскую повозку с лошадью, и когда он катил по дороге, восседая на месте возницы и размахивая кнутом над головой, зрелище было незабываемое. Полиция его почти не беспокоила, и он был волен путешествовать, куда его душе было угодно.

Как-то раз летом он поехал на несколько дней в Тесинское погостить у приятелей, тоже ссыльных. Этот эпизод впоследствии вспоминал Александр Шаповалов, литейщик, арестованный в 1896 году за участие в стычках. Однажды ранним утром, рассказывал он, в их село въехала повозка. На облучке сидел мужчина и погонял лошадь, а рядом с ним сидела женщина. Шаповалов тогда не знал, кто они такие, но по одежде понял, что они не сибиряки. А когда он услышал, что они из Шушенского и ехали всю ночь, был изумлен. От Шушенского до Тесинского было около ста километров, и дорога кишмя кишела бандитами. Ленин не предупредил, что приедет, и все, кого он собирался навестить, в тот момент были на охоте. Шаповалов любезно провел их в свою комнату, принес им воды, снабдил их мылом и полотенцем, распорядился, чтобы хозяин приготовил им еду, и как бывалый селянин отвел в конюшню лошадь и задал ей сена. После этого он отправился в село, чтобы оповестить товарищей о приезде Ленина. Он обошел дома, где жили ссыльные, и попросил хозяев передать своим постояльцам эту новость, когда они вернутся.

Возвратившись домой, Шаповалов сразу же заметил, что гости успели как следует порыться в его книгах и бумагах, и это

его слегка удивило. Шаповалов знал немецкий, и сам перевел «Коммунистический манифест» на русский язык. Помимо этого, он перевел на русский некоторое количество лирических стихов. И еще — он составил антологию революционной поэзии, подобрав такие стихотворения, в которых неизменно речь идет о революционере, павшем смертью храбрых и почившем в безымянной могиле. В образе молодого доблестного борца, преданного беззаветно делу революции и обреченного на безвременную гибель, он видел и самого себя. Ленин заявил, что вполне удовлетворен просмотром его литературы и прочих записей, и даже не удосужился «извиниться за вторжение во внутренний мир товарища по ссылке. У Шаповалова было ощущение, что перед ним умудренный опытом строгий учитель гимназии, только что выставивший ему удовлетворительный балл. Внезапно Ленин так и припер его вопросом: «Вы часто пользуетесь словарем?» Шаповалов пожал плечами. «Пользуюсь, но не очень часто», — ответил он небрежно. «Я же, напротив, обращаюсь к словарям очень, очень часто», — произнес Ленин, и Шаповалов понял, что его «высекли» и экзамен он провалил.

Действительно, у Ленина было свое, особое отношение к словарям. За всю жизнь он собрал огромное их количество. В Шушенском он посвятил много усилий работе над переводом книги Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». Подспорьем для него служил перевод книги на немецкий язык. Иногда он заставлял Крупскую читать книгу по-английски вслух, но через некоторое время, печально покачав головой, он говорил: «Совсем не похоже на то, как произносил наш учитель гимназии». Каждый вечер, сидя за столом при свете керосиновой лампы с зеленым колпаком, он упорно бился над английским языком, лазил в словари, сопоставлял английский, немецкий и русский тексты, раскладывая их перед собой. Это был адский труд, требовавший упорства и терпения; продвигался он медленно. Когда Ленин наконец закончил перевод, он вздохнул с облегчением. У него получилось около тысячи страниц текста на русском языке.

Одновременно с переводом книги супругов Вэбб он продолжал работать над своей собственной: «Развитие капитализма в России». Нельзя сказать, что он работал в полную силу, — занятиям он отводил не так много времени. Когда к нему приехали Надежда с Елизаветой Васильевной, он дал себе слово, что установит жесткий режим и будет заниматься по семь-восемь часов в день. Но получалось, что он садился за книги по настроению. Его постоянно что-то отвлекало. Утром, только он просыпался, к ним прибегал маленький мальчик Минька, живший

в доме напротив, и просил, чтобы с ним поиграли. Минька был из семьи переселенцев-латышей. Его отец валял валенки. Миньке было шесть лет. У него были бледное личико и сияющие глаза. Разговаривал он всегда очень серьезно. Елизавета Васильевна его обожала, он был ее любимцем. «А вот и я», — так каждое утро, как петушок, в одно и то же время, оповещал их Минька о своем появлении. И так они к этому привыкли, что если он опаздывал хоть на пять минут, они начинали не на шутку беспокоиться. Мать Миньки произвела на свет четырнадцать детей, а выжил только один Минька.

Как и прежде, бесцеремонно вваливались Проминский с Оскаром Энгбергом и отрывали его от занятий. Они приходили с ружьями под мышкой и сманивали Ленина на охоту. Книжки побоку, он надевал кожаные брюки, и они все вместе отправлялись на охоту в тайгу или в болотистые заросли по берегам реки.

Пришла зима, первая для Крупской зима в Сибири; впечатление было потрясающее. Еще до того, как выпал первый снег, весь мир, казалось, перекрасился в белый цвет. Одевшись в белые шубки, запрыгали белые зайцы; небо стало белым и светилось. Они ходили гулять к замерзшей реке и сквозь прозрачный лед видели рыбок и камешки, сверкавшие на дне. Когда становилось совсем холодно, река затягивалась толстым, сплошным слоем льда. В лесу березы стояли без листьев, с обнаженными белыми стволами, и были похожи на призраков. Крупская говорила, что ей казалось, будто они живут в заколдованном царстве.

В морозные дни Ленин катался на коньках по замерзшей реке. В этом он достиг большого мастерства и неизменно вызывал восхищение Крупской, когда, заложив руки в карманы, как опытный конькобежец, стремительно скользил по льду. Сама Крупская редко отваживалась ступить на лед, а Елизавете Васильевне хватило одного раза. Она упала на спину и больше попыток прокатиться на коньках не возобновляла.

Весь период ссылки проходил как в идиллическом сне. Правда, иногда до них доносились неприятные вести о других ссыльных революционерах. Например, они узнали, что вдруг куда-то исчез друг Ленина, Райчин, — бежал из ссылки. Товарищи созвали тайную конференцию, на которой серьезно обсуждали вопрос: стоит ли поощрять побеги? Ленин считал, что этим ничего не добьешься, только осложнишь жизнь остальным. А несколько недель спустя им сообщили, что застрелился Федосеев. Возможно, это произошло оттого, что другой ссыльный, Юхотский, затеял с ним ссору и обвинил в присвоении денег из

общего фонда. Это так подействовало на психику Федосеева, что он заболел. Он отказывался принимать помощь от товарищей, голодал и бедствовал. Слабый, больной, он потерял всякий интерес и желание трудиться ради общего дела. У него развилась мания преследования, он бредил и во время одного из тяжелейших приступов депрессии свел счеты с жизнью. Через несколько часов после его самоубийства, не выдержав горя, покончила с собой его подруга, самый близкий для него человек, тоже жившая в изгнании. Две смерти, последовавшие одна за другой, потрясли революционеров, отбывавших суровую ссылку в северных районах Сибири, где сами условия жизни делали их более отзывчивыми к чужой беде. Те, кому посчастливилось отбывать срок ссылки в южной Сибири, отнеслись к этой истории спокойнее. В одном из писем Ленин писал, что в ссылке самое худшее — склоки между ссыльными. Правда, он сделал попытку поподробнее вникнуть в обстоятельства дела и организовал сбор средств для установки надгробного камня на могиле Федосеева, но еще раз про себя решил, что лучше держаться подальше от бытовых дрязг, неизбежно возникавших между революционерами в изгнании. В нем всегда ощущался некоторый холодок по отношению к товарищам, всем заметная отчужденность.

Казалось, что в долгие, морозные зимы всякая деятельность замирала, как и вся природа вокруг. День сменялся днем, сливаясь во времени. В одном из своих длинных постскриптумов к ленинскому письму к матери Крупская писала Марии Александровне, что из всего того периода времени не могла выделить ни одного дня, ни месяца, ни года; для нее время остановилось, застыло. Она действительно жила как в заколдованном царстве.

А между тем где-то глубоко в недрах своим чередом шла работа, революция набирала силу. День и ночь трудились те самые «кроты», подрывая твердыню царской власти. Где-то они обнаруживались, их замечали, брали след. И снова они исчезали, их не было видно и слышно. Зато они, вездесущие, все видели и слышали и продолжали рыть.

В марте 1898 года в Минске состоялась встреча революционеров. Целью этой встречи было создание Российской социал-демократической рабочей партии. На ней присутствовало всего девять человек, представлявших революционные организации Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Екатеринослава. Кроме того, здесь были представители от Бунда — «Общееврейского рабочего союза в России и Польше». Среди собравшихся в Минске наиболее заметной фигурой являлся Мартов. Это тихое, немноголюдное сборище кучки

революционеров, чьи имена сейчас почти забыты, со временем встало в ряд важнейших исторических событий. Фактически это был первый съезд российской коммунистической партии, и в дальнейшем последовательный отсчет ее съездов будет вестись, начиная с минской встречи.[16]

Съезд продолжался три дня. На нем был принят целый ряд решений и постановлений, что как-то не вязалось с ничтожно малым количеством делегатов. Партии было дано название, был избран Центральный Комитет, выпущен манифест. Кроме того, участники съезда приняли решение выпускать партийную газету. Манифест был написан Петром Струве, двадцатисемилетним экономистом и революционером, который станет потом одним из членов Государственной думы, сторонником конституционной монархии, идеологом белогвардейщины. Приведенный ниже параграф из манифеста долгое время пользовался заслуженной известностью: «Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата — к созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком».

Этот документ открыто призывал рабочих взять власть в свои руки и покончить с буржуазным строем, по мнению Струве, оказавшимся не способным внести коренные изменения в политическую жизнь Российской империи, столь необходимые для завоевания свободы. Примечательно, что, споря о названии партии, Струве настаивал на том, что она должна называться российской, а не русской социал-демократической партией. Слово «российская» должно было означать, что в партию могут входить жители не только исконно русских территорий, но и всех субъектов Российской империи, от Сибири до Польши, а также Финляндии, Латвии, Эстонии и Литвы. Таким образом, партию должны были представлять около пятидесяти этнических групп.

Минский съезд, казалось, был всего-навсего бурей в стакане воды. По крайней мере один из делегатов, если не больше, был подкуплен тайной полицией, потому что сразу же после закрытия съезда восемь делегатов были арестованы, а позже в полицейских архивах было найдено подробное изложение дебатов, имевших место на съезде. Полиция праздновала победу: ей удалось, по всем признакам, задушить новую политическую партию в самом ее зародыше.

Но партия продолжала существовать. Она крепла в застенках и ссылках, потихоньку пополняла свои ряды, выжидала время; разногласия, случавшиеся между ее членами, шли ей только на пользу, сплачивали ее. Неизменной оставалась цель — создать революционную партию, способную сплотить боевой пролетариат.

Ленин понял, какое значение имел съезд в Минске. Через Крупскую, которая раньше довольно часто встречалась со Струве, он знал, что среди участников съезда не было никого, кто мог бы сильной рукой повести за собой партию. Он считал, что настало время до предела накалить революционные страсти, четко наметить цели и задачи и держаться более жесткой политической линии. Находясь в сибирском изгнании, Ленин больше всего тревожился за судьбу чистого марксизма, позиции которого, как он понимал, ослабевали. Когда умер Энгельс, его близкий друг Эдуард Бернштейн получил право распоряжаться литературным наследием обоих классиков и даже претендовал на трон, остававшийся пустым после смерти Маркса. Бернштейн принялся по-своему толковать основы марксизма, где-то их укрепляя, а где-то ослабляя, в сущности, сообразуясь с условиями развития общества и промышленности в Германии. Там рабочим удалось добиться крупных успехов в борьбе за свои права. Бисмарк, возглавлявший германское правительство, был первым, кто ввел социальное страхование. Публикация работы Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» стала своего рода событием и неминуемо должна была сделаться предметом нападок со стороны приверженцев крайних взглядов. Ленин был наслышан об этой работе, читал критические отзывы о ней. Он засыпал сестру просьбами прислать ему экземпляр книги Бернштейна. Шли месяцы, и наконец в сентябре 1899 года он ее получил, запакованную в пачку старых газет. Он еще не дочитал книгу до конца, а уже был в ярости. Матери он писал: «Книгу Бернштейна мы тотчас принялись с Надей читать и больше половины прочли, и содержание ее все больше нас поражает. Теоретически — невероятно слабо; повторение чужих мыслей. Фразы о критике, и нет даже попытки серьезной и самостоятельной критики. Практически оппортунизм (фабианизм, вернее: оригинал массы утверждений и идей Бернштейна находится у Webb'oB в их последних книгах), безграничный оппортунизм и поссибилизм, и притом все же трусливый оппортунизм, ибо программы Бернштейн прямо трогать не хочет. Вряд ли можно сомневаться в его фиаско. Указания Бернштейна на солидарность с ним многих русских… совсем возмутили нас».

Так или иначе, Ленину пришлось отнестись к работе

Бернштейна со всей серьезностью, и он всякий раз громил ее, как только ему предоставлялся случай. Его все больше и больше поражало то, что основные идеи Бернштейна пустили корни в сознании людей. В Западной Европе и даже в России нашлось немало здравомыслящих социалистов, которые не поддерживали идеи о захвате власти вооруженным пролетариатом. Бернштейн мечтал о политическом союзе между пролетариатом и буржуазией; он считал вооруженное восстание бессмысленной кровавой жертвой, которая приведет к физическому уничтожению целых классов общества. Ленину предстояло дать яростный бой Бернштейну и той идеологии, что он отстаивал.

Примерно за месяц до того, как Ленин познакомился с книгой Бернштейна, сестра Анна прислала ему документ, который вызвал у него большую тревогу. «Кредо «молодых»» — назвала этот документ Анна, поскольку заглавие как таковое отсутствовало. Написано «Кредо…» было членом заграничного «Союза русских социал-демократов» Екатериной Кусковой. Это была разумная, хорошо обоснованная критика, направленная против крайнего левого крыла российской социал-демократии; Кускова считала, что рабочие должны бороться за увеличение заработной платы, повышение жизненного уровня, за социальное обеспечение, но политическими методами, а не революционным путем. Она упорно проводила мысль, что проблемы, о которых идет речь, по сути своей прежде всего экономического характера, и потому решать их следует с помощью стачек и усиления роли профсоюзов. Революционные идеи Маркса представлялись ей непригодными, примитивными, проникнутыми духом нетерпимости. По ее мнению, вместо того чтобы бороться с обществом, рабочий класс должен стремиться стать частью этого общества. Он еще слишком слаб, неорганизован и неграмотен, чтобы бороться в одиночку. Из этих рассуждений вытекало, что русские марксисты позаимствовали и стараются внедрить в России неприемлемые для этой страны идеи и, отвергая либеральные реформы, доказывают свою неспособность проникнуться нуждами русских тружеников; их подводит собственная «политическая невинность», говорила Кускова, а пора бы уж на деле помочь рабочим добиваться более высокого жизненного уровня.

Нетрудно было предположить, что «Кредо «молодых»» было создано под влиянием идей Бернштейна, но одновременно оно сохраняло почтительное отношение к «Коммунистическому манифесту». Его автор, молодая женщина, владела даром убеждения и знала историю, во всяком случае ту часть ее, которая имела отношение к поднятой ею проблеме. В ее тоне не было ни

обидного пренебрежения, ни резких слов в адрес представителей левого крыла революционеров; она пыталась урезонить их, русских марксистов, как подростков, слишком увлеченных романтическими идеями и забывающих о простых жизненных фактах, а именно — что рабочие живут, получая нищенское жалованье, они слабо организованы и не способны к самостоятельным выступлениям. Рабочих следует организовать, определить для них четкие цели и задачи, разъяснить, что они являются частью общества и должны добиваться своих прав законными методами; их следует учить и вдохновлять на сознательные действия — только так можно рассчитывать на ответные уступки со стороны правительства. И наоборот, подстрекая рабочих к вооруженному восстанию против правительства, можно довести дело до того, что они вообще лишатся завоеваний, которых им уже удалось добиться.

Ленин прочел «Кредо…», и его охватила холодная ярость. Он всегда воспринимал критику своих взглядов как умышленный акт вероломства, предательства по отношению к нему самому; так было и на этот раз. Екатерина Кускова использовала в полемике, в сущности, те же приемы, что и он, — иронизировала, высмеивала незадачливого противника; атаковав, умела сделать вид, что уступает, соглашается, чтобы затем нанести противнику еще более сокрушительный удар. Ее программа предполагала коренное изменение политической платформы «в сторону более энергичного ведения экономической борьбы, упрочения экономических организаций, но также, и это самое существенное, в сторону изменения отношения партии к остальным оппозиционным партиям». То есть она настаивала на том, что социал-демократы должны действовать рука об руку с либералами.

О первой реакции Ленина на «Кредо…» можно судить по его отзыву о нем в письме к сестре Анне, в котором он писал: ««Credo» интересно, но настолько же и возмутительно». Сознавая, что в творении Кусковой таится огромная опасность для будущего социал-демократической партии, он стал обдумывать, как противостоять этой напасти. Прежде всего он решил созвать тайную конференцию ссыльных революционеров и ознакомить их с подготовленным им текстом опровержения программы «молодых». В случае, если его ответ Кусковой будет одобрен, думал он, то следует напечатать его как официальный протест членов социал-демократической партии, выработанный ими на чрезвычайном заседании. Встреча ссыльных состоялась в селе Ермаковском. На ней присутствовали семнадцать человек. Умирающего от чахотки Ванеева внесли в избу на койке;

несколькими днями позже он скончался. Ленин прочел свой разносный текст, уничтожавший программу, изложенную в «Кредо…». Как он и ожидал, разногласий не было. Текст его речи был тайно вывезен за границу и напечатан Плехановым в журнале «Рабочее Дело» под заголовком «Протест российских социал — демократов».

«Протест…» был написан таким образом, что основные положения Кусковой оставались без ответа. Ленина меньше всего занимала суть разногласий; открытого спора он избегал. Главным для него было — еще раз категорически заявить о незыблемости своей собственной платформы. Он с воодушевлением цитирует строки из манифеста социал-демократической партии, принятого на съезде в Минске: «На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы». Он признает тот факт, что усилиями тайной полиции деятельность партии практически приостановлена, официальный орган партии перестал выходить. Екатерина Кускова в «Кредо…» воздает хвалу «Народной воле». Ленин тонко развивает эту тему и еще пуще превозносит предтечу социал-демократической партии, заявляя следующее: «Если деятели старой «Народной воли» сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория, то социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой». Прежде он утверждал, что социал-демократы должны вести неустанную борьбу с другими партиями; теперь же, возможно, признавая силу доводов Кусковой, он вынужден заявить, что пролетариат не должен пренебрегать сотрудничеством с другими партиями. «…Напротив, он должен участвовать во всей политической и общественной жизни, поддерживать прогрессивные классы и партии против реакционных, поддерживать всякое революционное движение против существующего строя, являться защитником всякой угнетенной народности или расы, всякого преследуемого вероучения, бесправного пола и т. д.». Одной рукой давая, другой рукой он отнимал. Буквально тут же он пишет: «Рассуждения на эту тему авторов «Credo» свидетельствуют лишь о стремлении затушевать классовый характер борьбы пролетариата, обессилить эту борьбу каким-то бессмысленным «признанием общества», сузить революционный марксизм до дюжинного реформаторского течения». Что касается экономической борьбы рабочих за свои права, он особо не распространяется на эту тему, замечая лишь вскользь: «Убеждение в том, что единая классовая борьба

пролетариата необходимо должна соединять политическую и экономическую борьбу, перешло в плоть и кровь международной социал-демократии».

В целом его отповедь «молодым» получилась слабоватой. Ленин был уязвлен и злился, потому что не знал, что делать дальше. Находясь за тысячи верст от очага политической жизни, он уже предвидел, что мысли, заложенные в «Кредо…», найдут благодатную почву и что ему еще предстоит долгая борьба. По определению Екатерины Кусковой русское рабочее движение находилось в амебовидном состоянии, ему не хватало организации. Итак, слово найдено: организация. Отныне Ленин возьмет его на вооружение.

Книга Бернштейна, а затем и «Кредо…» подрывали уверенность Ленина, пусть даже не очень твердую, в незыблемость его политической платформы. Последние месяцы ссылки его словно подменили. И куда делся смуглый здоровяк и хохотун? Он стал мрачным, нетерпимым, постоянно раздражался, плохо спал; жирок, накопленный за период ссылки, с него сошел. Мучаясь бессонницей, он просиживал ночи напролет, строил планы будущей революционной борьбы, придумывая все новые и новые аргументы против позиции «экономистов», которых он намеревался разбить в пух и прах. Как они смели не понять, а возможно, наоборот, слишком хорошо понимали, что они пренебрегли основными принципами марксизма? Партия распалась, но ничего, он ее снова соберет. Он будет издавать свою газету за границей и тайно переправлять в Россию. Ему помогут и этом сотни надежных, преданных подпольщиков. Этот орган будет выходить для избранных, кто пойдет за ним, Лениным, для тех, кто ему полностью подчинится; ведь только в себе самом он видел вождя, способного вести за собой партию; с другими партиями и их последователями ему не по дороге, разве только в порядке исключения, — если они будут покорны его воле.

Похудевший, измученный, терзаемый неотвязными мыслями, он то целыми днями мерил шагами комнату, то бесцельно бродил по лесам. Срок его ссылки заканчивался в феврале 1900 года, а у Крупской годом позже. Это время она могла бы оставаться в Шушенском, если бы он был с ней. В противном случае ей пришлось бы отбыть в Уфу. Он избрал второе, настолько ему не терпелось окунуться в борьбу. Для него тут выбора не было.

Наконец он получил официальное разрешение вернуться на жительство в европейскую часть России. Пришло время расставаться. Все свои нехитрые «сокровища» они поделили между Минькой и Пашей. Оскар Энгберг подарил Крупской на память небольшую брошь в виде книги с именем Маркса на

обложке, — он вырезал ее своими руками. Елизавета Васильевна взяла на себя упаковку домашней утвари, а Ленин увязывал в стопки книги. Пришли попрощаться деревенские. Не обошлось без напутственных слов и возлияний, а затем отбывающие направились в Минусинск, где им снова предстояло прощаться, но на этот раз с революционерами, остававшимися в ссылке. Там они должны были захватить с собой Старкова с женой, как и Ленин, возвращавшихся на европейскую территорию России. Одной из остановок на их пути должна была стать Уфа, где Крупской и ее матери надлежало задержаться еще на год.

В Минусинске не было ни речей, ни тостов, — революционеры народ не сентиментальный, им не до того. Возок был доверху забит книгами. Закутавшись в длинные тулупы и обувшись в теплые валенки, женщины заняли свои места в санях. Ленин почему-то от тулупа отказался, но руки прятал в муфту, позаимствованную у Елизаветы Васильевны. И так день за днем, ночь за ночью, останавливаясь только на постоялых дворах, чтобы сменить лошадей, покрывая сотню за сотней километров, они неслись в санях по замерзшему Енисею. Ночами им путь освещала полная луна. Это путешествие по скованной зимним сном реке словно было продолжением блужданий по заколдованному царству.

Для Ленина годы ссылки прошли как в блаженном забытьи, прерываемом иногда кошмарами. Настанет время, и он навсегда забудет Шушенское. Когда в 1921 году ему было предложено в анкете ответить на вопрос: «Где в России вам приходилось жить?» — он ответил: «Только в Поволжье и в столицах». Как будто в его жизни никогда не было ни Шушенского, ни той дороги в санях по зимнему Енисею.

Глухие годы

Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!

В. И. Ленин. Что делать?

Что делать?

Теперь, когда Ленин был на свободе, он окунулся в подпольную деятельность как человек, долгое время лишенный единственной мыслимой для него среды существования. Прежде он был по сути агитатором, выступавшим перед небольшими группами рабочих; под покровом темноты он переходил из дома в дом, чтобы встретиться с очередной своей аудиторией, а за ним по пятам следовала полиция. Тот период миновал. Перед ним уже была другая задача — издавать свою революционную газету, способную зажечь сердца рабочих, пробудить в них классовое сознание.

Согласно предписанию властей ему не разрешалось жить в Санкт-Петербурге. Он выбрал Псков, город, в котором ему еще не приходилось бывать; Псков находился поблизости от Санкт-Петербурга. Ленин полагал, что отсюда ему будет не трудно при любой необходимости совершать поездки в столицу и обратно и всячески водить полицию за нос, каждый раз изменяя свой облик и выбирая самые неожиданные маршруты. В Петербурге у него были друзья; не где-нибудь, а в Петербурге должна была произойти революция. К тому же там действовали наиболее надежные подпольщики. По его замыслу они-то и должны будут взять на себя обязанность распространения основной массы революционных прокламаций, брошюр и газет, печатающихся за границей, по всей вероятности, в Швейцарии, где социал-демократическая партия имела свою типографию. Но в Пскове за

ним усиленно следила полиция, и вылазки в столицу оказались делом не таким легким, как ему раньше казалось. В начале марта, еще по дороге в Псков из Сибири, ему удалось встретиться в Петербурге с Верой Засулич, приехавшей по поручению Плеханова обсудить издание нелегальной газеты. Загодя было решено, что главным редактором будет Плеханов, а в редакционную коллегию войдут Аксельрод, Вера Засулич, Ленин и Мартов; они же будут основными авторами нового партийного органа.

В те дни Вера Засулич уже не была той молодой, красивой женщиной, какой была в пору, когда дружила с Нечаевым. В возрасте двадцати девяти лет она стреляла в петербургского градоначальника Трепова, и ее имя напечатали крупными буквами газеты всего мира. С годами. она растолстела, перестала за собой следить, небрежно одевалась и вдобавок страдала глухотой. Ей было около пятидесяти, но она выглядела старше своих лет; во внешности Засулич было что-то, что делало ее похожей на старуху-прачку из татарок — увы, с возрастом явственнее проступил монгольский тип ее лица.

Очевидно, Ленин провел в обществе Веры Засулич не более одного дня. Они обсуждали план издания газеты. Вера Засулич особенно была озабочена финансовой стороной дела и настаивала на том, что сбор средств, необходимых для издания газеты (а это были немалые деньги), должен осуществляться в России. Кроме того, они решали, какую из местных партийных организаций можно привлечь к этой затее. Для Ленина Вера Засулич была тем звеном, которое связывало его с Плехановым, основоположником русского марксизма, и одновременно с Нечаевым, создателем философии разрушения, которая будет владеть его сознанием всю оставшуюся жизнь.

Вернувшись в Псков, Ленин сделал вид, что взялся за ум и намерен заняться юридической практикой, оставив увлечение политикой. Он понравился князю Оболенскому, влиятельнейшему лицу в городе, и тот даже устроил ему встречу с местными адвокатами, — господин Ульянов должен был получить о них представление, прежде чем решит, с кем из городских законников он желал бы работать. Поначалу знакомство шло, как надо, но вот только Ленин не мог ни о чем говорить, кроме политики, и кончилось тем, что по какому-то поводу он произнес антиправительственную речь.

Встреча была сорвана. Князя Оболенского это не слишком огорчило. Он продолжал знакомить Ленина с видными людьми города, и все единодушно пришли к заключению, что, несомненно, молодой человек со временем остепенится и станет

образцовым законопослушным гражданином.

Но Ленин вовсе и не собирался остепеняться. В начале июня они с Мартовым, прихватив с собой несколько чемоданов, битком набитых нелегальной литературой, отправились в Петербург. Они задумали попасть в столицу окольными путями, через Гатчину и Царское Село, делая пересадку на каждой остановке. Все как будто получалось. Они даже успели передать весь свой груз по назначению еще до того, как приехали в Петербург. Ночевали они в квартире в Казачьем переулке, вполне довольные собой и успехом своего предприятия. Но утром, когда Ленин и Мартов вышли из дома, они были схвачены полицией. Им скрутили руки, чтобы они не могли выбросить из карманов или сунуть в рот и сжевать предположительно имевшиеся при них нелегальные бумаги, и доставили в отдельных каретах в участок.

Ленин ужасно беспокоился, потому что у него в кармане было письмо Плеханова, в котором тот подробно излагал план издания нелегальной революционной газеты. Письмо было написано на квитанции невидимыми чернилами, но он знал, что иногда полицейским удавалось проявлять тайнопись; кроме того, бумага могла нагреться от тела, и буквы стали бы видны. В участке их обоих обыскали. Полицейские нашли квитанцию, но не обратили на нее внимания. Ленина и Мартова заперли в камере и вскоре вызвали на допрос.

— Хотелось бы знать, чем вы здесь занимаетесь, — сказал начальник полиции. — Вы прекрасно знаете, что вам запрещен въезд в столицу.

Очевидно, благодаря покровительству князя Оболенского, имевшего связи в соответствующих учреждениях, Ленин получил паспорт, который давал ему право выезжать за границу. Паспорт был при нем. Это было самое ценное, чего ему не хотелось теперь терять, но он предвидел уже не только его утрату, хуже — еще один срок сибирской ссылки.

Офицер полиции посмеивался.

— Вы невозможный человек! — воскликнул он. — Мы следили за вами все время. Вы даже имели наглость сделать пересадку в Царском Селе, где наших агентов по десятку за каждым кустиком. Неужели вы и вправду думали, что мы вас упустим?

В Царском Селе жил государь с семьей; Ленину грех было не знать, как охраняется царская вотчина.

Судебного дела заводить не стали, Ленина просто держали в тюрьме. Было начало лета, в камере стояла духота, нещадно кусали мошкара, комары, мухи, блохи. Условия были несносные. Он жаловался, что стража под дверью камеры по ночам играет в

карты и не дает ему спать. Но после двухнедельного пребывания в тюрьме его неожиданно выпустили и направили под конвоем в Подольск, где жила его мать. Опять сработали ее знакомые и родственники — он был на воле.

В Подольске его прежде всего доставили в полицейский участок. Важный полицейский чин попросил у него паспорт, повертел его в руках и небрежно бросил в ящик стола. Ленин пришел в ярость и потребовал, чтобы ему немедленно вернули его паспорт, но ему ответили, что документ вернут, однако со временем, потом когда-нибудь.

— В таком случае я заявлю в Департамент полиции, — сказал Ленин. — Я подам жалобу.

Он повернулся и решительными шагами направился к выходу. Полицейский крикнул ему в спину:

— Постойте, господин Ульянов! Можете получить свой паспорт, если он вам так нужен!

Эту историю он рассказал родным, когда добрался до дома. При этом он сиял: все-таки победа, хоть и небольшая. Подобных побед у него будет много, очень много.

Ленин был вправе ожидать к себе самого сурового отношения. Кто он был такой в то время? Политический, побывавший в ссылке, снова схваченный, отсидевший две недели в тюрьме; поднадзорный, находящийся под постоянным наблюдением полиции; в охранке на него имелось уже солидное досье, и оно росло. Вместе с тем к нему без конца проявляли снисходительность. Даже когда он попросил разрешения повидаться с Надеждой Константиновной, продолжавшей отбывать ссылку, ему это было позволено с тем единственным условием, что его будет сопровождать Мария Александровна.

Решили, что большую часть путешествия они совершат по реке. С ними поехала и Анна. Спустя некоторое время она оставит в семейных хрониках описание этого идиллического вояжа. Целые дни они проводили на верхней палубе. Пароход их плыл, не спеша, по Волге. Затем они пересели на небольшой пароходик и опять поплыли, сначала вверх по Каме, а потом по реке Белой прямо до Уфы. Марии Александровне тогда было около шестидесяти пяти лет. Это была маленькая, седая женщина, похожая на птичку. Здоровье ее было сильно подорвано, но она держалась, сохраняя свою былую бодрость. События последних лет измотали ее. Пока Ленин находился в сибирской ссылке, арестовали младших: сына Дмитрия и дочь Марию. Дмитрия выслали в Тулу, Марию — в Нижний Новгород. Так что Мария Александровна постоянно была в дороге и хлопотах, металась между Тулой, Нижним Новгородом и Санкт-Петербургом. Когда

Ленин был арестован вместе с Мартовым, она ринулась в Санкт-Петербург, где, по словам Анны, «разбила лагерь» прямо на ступеньках полицейского участка. И вот теперь на пароходе она могла, наконец, немного забыться и насладиться видами полноводной реки и красотой берегов, поросших густыми лесами. Анна вспоминала, что к вечеру Мария Александровна сильно уставала и рано отправлялась спать. Сказывалась усталость от тяжких испытаний, выпавших на ее долю, долю матери мятежных детей, революционеров.

В Уфе они провели неделю. Еще до того Ленин придумал новый шифр, которым должны были пользоваться революционеры для связи с ним, когда он будет за границей. Пользуясь представившимся случаем, он распространил этот шифр среди революционеров, отбывавших ссылку в тех местах. Поездка в Уфу для него была прощанием с женой. На обратном пути из окна вагона он последний раз в своей жизни видел Волгу.

Возвратившись, он на несколько дней задержался в Подольске, и вот он уже опять в дороге. На этот раз поезд увозил его в Швейцарию.

Ленин возлагал огромные надежды на поездку в Швейцарию, но многое оказалось лишь несбыточными мечтами. В реальности его там ожидали распри и бурные ссоры между членами партии, неразрешимые конфликты и постоянные, непрекращающиеся дебаты. Максим Горький, как-то описывая Плеханова, назвал его неисправимым патрицием. Он вспоминал, с какой нежностью Плеханов относился к собственному фраку, и особенно к одной пуговице, которую он, выступая или беседуя, этак ласково поглаживал; но вдруг с силой нажимал на нее, как будто это была кнопка электрического звонка, — и замолкал. Казалось, в тот момент для него наступало прозрение: он словно с содроганием взирал на картину будущего, уготованного человечеству… А потом снова возобновлял разговор. Слова он произносил, как полководец, хладнокровно посылающий свои полки в бой.

Однако Ленин был совсем не расположен выполнять его команды и предпринял ответную атаку. Кажется, он невзлюбил Плеханова с самого начала. Зато он высоко ценил, еще до поездки за границу, Веру Засулич, считая ее до мозга костей преданной делу партии, готовой отдать все, до последней капли крови, революции. Каково же было его изумление, когда оказалось, что она просто боготворит Плеханова, вторит каждому его слову. Всякий, кто смел возражать Плеханову, становился ее врагом. Основная борьба разгорелась между Плехановым и Лениным; Аксельрод и Вера Засулич играли роль «щитоносцев» при старшем бойце. Главным образом страсти кипели по поводу того,

кто будет редактировать газету и теоретический журнал, который должен был печататься одновременно с газетой.

Верх взял Ленин, но это быта только полупобеда, и таких полупобед будет множество, пока он окончательно не возьмет власть в свои руки.

Схватка двух лидеров, разгоревшаяся жарким августовским вечером 1900 года и продолженная наутро, была подытожена Лениным в чрезвычайно интересной статье объемом в семнадцать страниц, которая позже вошла в Собрание его сочинений под заголовком «Как чуть не потухла «Искра»?». Он писал ее, несомненно, под впечатлением стычки, и состояние его было соответствующим. Ленин был задет покровительственным тоном этакого обитателя Олимпа, манерой свысока общаться с людьми, свойственной Плеханову. Ленин жаждал боя, открытой полемики с ним, но тот воздерживался, объясняя это тем, что никогда не принимал участие в полемических спорах на личностном уровне. Ленин тотчас же придрался к этим словам Плеханова, указав на то, что не кто иной, как Плеханов, излагая в одной из своих работ собственные политические принципы, использовал в ней несколько писем частного характера, в том числе письмо Екатерины Кусковой. Разве это не была полемика? — допытывался Ленин. И как можно вести борьбу без оружия? Чем больше упорствовал Плеханов, тем больше Ленин входил в роль общественного обвинителя. «Г. В. проявлял всегда абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы и притом неискренность, именно неискренность», — писал он о Плеханове.

Все это имело предысторию. Ленин написал «Проект заявления редакции «Искры» и «Зари»» (заглавия газеты и журнала). Документ получился невнятным, сухим, к тому же сильно затянутым. Плеханов вернул Ленину «Проект…», попросив исправить стиль, сделать его более возвышенным. Ленину это не понравилось. Тем не менее он переписал текст и подал его Плеханову. Тот, не затруднив себя замечаниями, передал его на доработку Вере Засулич. Ленин был взбешен. Масло в огонь подлил спор по поводу права решающего голоса в редакционной коллегии. В конце концов договорились, что возглавлять партийный орган будут шесть человек — Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич, Ленин, Мартов и Потресов, но Плеханов будет иметь право на два голоса. Ленин был против.

За всеми его обличениями в адрес противника в большей мере ощущается обида человека, задетого пренебрежительным к себе отношением, чем несогласие с его позицией или с мнением его «щитоносцев». Ленин чувствовал, что Плеханов относится к

нему со скрытым презрением, возможно, отождествляя с нахальным персонажем из сказки, который, все проспав, бежит к общему котлу с криком: «А где моя большая ложка?» И он писал: «Мою «влюбленность» в Плеханова тоже как рукой сняло, и мне было обидно и горько до невероятной степени. Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, veneration, ни перед кем я не держал себя с таким «смирением» — и никогда не испытывал такого грубого «пинка». А на деле вышло именно так, что мы получили пинок: нас припугнули, как детей, припугнули тем, что взрослые нас покинут и оставят одних, и, когда мы струсили (какой позор!), нас с невероятной бесцеремонностью отодвинули. Мы сознали теперь совершенно ясно, что утреннее заявление Плеханова об отказе его от соредакторства было простой ловушкой, рассчитанным шахматным ходом, западней наивных «пижонов»: это не могло подлежать никакому сомнению, ибо если бы Плеханов искренне боялся соредакторства, боялся затормозить дело, боялся породить лишние трения между нами, — он бы никоим образом не мог, минуту спустя, обнаружить (и грубо обнаружить), что его соредакторство совершенно равносильно его единоредакторству. Ну, а раз человек, с которым мы хотим вести близкое общее дело, становясь в интимнейшие с ним отношения, раз такой человек пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход, — тут уж нечего сомневаться в том, что это человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он — человек неискренний. Это открытие — это было для нас настоящим открытием! — поразило нас как громом потому, что мы оба были до этого момента влюблены в Плеханова и, как любимому человеку, прощали ему все, закрывали глаза на все недостатки, уверяли себя всеми силами, что этих недостатков нет, что это — мелочи, что обращают внимание на эти мелочи только люди, недостаточно ценящие принципы».

И так далее, и тому подобное… В таком духе он еще долго продолжает живописать Плеханова, щедро уснащая душеизлияния подробностями всех встреч и дискуссий с ним; не забывает даже такую деталь, как интонация, с которой говорил Плеханов, определяя ее как ледяной, пренебрежительный тон. Ленину и в голову не могло прийти, что Плеханову просто надоела склока.

«Мы бросаем все и едем в Россию», — решает Ленин, но передумывает и назначает последнюю, решающую встречу с «диктатором». Он признавался, что не ждал благоприятного исхода; сторонники Ленина шли к Плеханову, «как на похороны».

Плеханов на упреки Ленина ответил, что молодой человек определенно придает слишком большое значение мелочам; во всяком случае, он, Плеханов, вполне может обойтись без поддержки Ленина, так как он, Плеханов, свое дело знает и не будет сидеть сложа руки только из-за того, что не может договориться с Лениным. Уж если на то дело пошло, он вообще готов отойти от политической деятельности. На том дебаты прекратились. Но на следующий день они снова возобновились: обсуждался вопрос — допустима ли полемика? Плеханов был против. И еще — каким должно быть голосование? Плеханов был не против голосования, но только не по основным вопросам. Ленин понял, что имеет достойного противника. Направляясь в Нюрнберг, где он должен был наладить выпуск газеты, он все еще кипел от ярости.

Статья Ленина «Как чуть не потухла «Искра»?» имеет особое значение, когда мы подходим к анализу личности Ленина. Это единственный, возможно, даже уникальный образец его творчества; ничего подобного в его наследии больше нет. Здесь он рассказывает о своих встречах с Плехановым, вспоминает, о чем они говорили, как реагировали друг на друга; тут много горечи и раздражения, но все же это в целом правдивое свидетельство взаимоотношений двух столь разных людей. Мы имеем живой портрет Плеханова, человека большой культуры, тонкого дипломата, но при этом бескомпромиссного в споре. И рядом проступает другой портрет — Ленина, тоже бескомпромиссного, прямолинейного, менее культурного, обидчивого и самолюбивого. Есть целые периоды, в которых он буквально проливает слезы от жалости к себе и скорбит по поводу неоправдавшихся надежд; но это злые слезы, в них есть и твердость, и упрямство, — а это позволяет заключить, что его надежды еще оправдаются, стоит только подождать. Он прямо так и говорит почти в конце статьи: «По мере того, как мы отходили подальше от происшедшей истории, мы стали относиться к ней спокойнее и приходить к убеждению, что дело бросать совсем не резон, что бояться нам взяться за редакторство (сборника) пока нечего, а взяться необходимо именно нам, ибо иначе нет абсолютно никакой возможности заставить правильно работать машину и не дать делу погибнуть от дезорганизаторских «качеств» Плеханова».

С точки зрения стиля «Как чуть не потухла «Искра»?» являет собой образец живой, свободной прозы. А ведь в целом литературный стиль Ленина живостью и легкостью не отличался. Он всегда писал с напряжением, трудно. Подспорьем ему служили наметки основных мыслей, которые он заносил на левую

полосу страницы своего черновика, а готовые, развернутые соображения он записывал на правой половине страницы. Каждый абзац представлял собой законченную мысль. Получалось, что тема исчерпана, к ней нечего добавить. Вот так складывался его стиль. Время от времени, как правило, в конце статьи или книги, он давал волю своему перу, обличая врагов в самых нелестных выражениях. Надо понимать, что он либо подражал, либо прямо использовал уже известные образцы подобной журналистики как российской, так и западной, социалистической. Классическими примерами тут могут служить известные строки из «Капитала» Маркса и из работы Писарева.

Вот как расправляется Писарев с самодержавием в 1862 году:

> «На стороне правительства стоят только негодяи, подкупленные теми деньгами, которые обманом и насилием выжимаются из бедного народа. На стороне народа стоит все, что молодо и свежо, все, что способно мыслить и действовать…
>
> То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу; нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы».

А вот как Маркс клеймит капитализм: «Если деньги, по словам Ожье,[17] «рождаются на свет с кровавым пятном на одной щеке», то новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят».

Ленин знал эти отрывки наизусть и бессчетное количество раз пользовался выдержками из них 1 для подкрепления своей мысли, а то и просто подражал излюбленному стилю. Плеханов же, наоборот, относился к ним без восторга, воспринимая как литературный прием дурного вкуса. К тому же он считал, что злобные выпады и невоздержанность на язык не допустимы для социалистов. Победила ленинская стилистика.

В Германии Ленин подготовил почву для выпуска газеты «Искра» и журнала «Заря» и по существу взял бразды правления в свои руки. К тому времени наконец-то у Крупской истек срок ссылки, и, когда она приехала к нему в Мюнхен, он назначил ее секретарем в редакционной коллегии, таким образом еще раз закрепив свое главенство в партийном органе.

Первый месяц они снимали жилье в обыкновенном рабочем квартале, а затем переселились в Швабинг, где сняли отдельную квартиру. Неподалеку от них жили Мартов, Вера Засулич и Блюменфельд, в чьем ведении была типография. Плеханов оставался в Швейцарии — печальным отшельником. Временами

он пытался вмешаться, унять Ленина с его безумными, возмутительными с точки зрения Плеханова идеями, но расстояние было слишком велико, и это давало Ленину почти полную свободу действий. И в дальнейшем, уезжая в Лондон, Ленин имел целью увеличить пропасть между собой и Плехановым.

Журнал «Заря» просуществовал недолго; вышли только четыре номера. Второй номер стал в каком-то смысле знаменательным. Он был напечатан в декабре 1901 года, и в нем была помещена статья Ленина «Аграрный вопрос и «критики Маркса»»; внизу стояла подпись: «Н. Ленин». Такой фамилией он впервые подписывал свою работу.

Поразительно, сколько у него было всевозможных псевдонимов, их насчитывалось свыше ста. Часто это были просто инициалы, судя по всему, носящие случайный характер. В разные периоды своей деятельности он бывал: Петровым, Тулиным, Ильиным, Ивановым, Фреем, П. Пирючевым, Карповым, Якобом Рихтером, Мейером. Под статьями, как правило, инициалы: И. В., С., Ст., Ф. П., Т. П.; или вариации из первых букв его фамилии, имени и отчества: В., В. И., Вл., В. Ил. Ключа к разгадке потайного смысла, заключавшегося в его псевдонимах, не существует.

С момента знакомства с Плехановым Ленину, очевидно, не давала покоя мысль, что у Плеханова есть одно несомненное преимущество по сравнению с ним, — у Ленина теоретических трудов не набиралось даже на один том, тогда как Плеханов мог противопоставить ему, пожалуй, целую книжную полку своих сочинений. И вот всю осень и зиму 1901/1902 года Ленин работает над книгой, заглавие для которой он позаимствовал у Чернышевского, чей знаменитый роман назывался «Что делать?». В этой книге Ленин изложил свои революционные принципы, те самые, что станут для него практикой через какие-то шестнадцать лет.

Нас совсем не удивляет тот факт, что в его революционной философии почти нет ничего от Маркса, — ведь она целиком и полностью основана на взглядах Нечаева и Писарева. Маркс упоминается вскользь, а его тезис о том, что «освобождение рабочего класса есть дело рук самого рабочего класса», для простоты дела опущен вообще. Зато появляется новая идея о создании небольшой, высокоорганизованной и обученной кучки революционной интеллигенции, которая служит авангардом революции. Эта идея внедряется в умы читателей горячо и настойчиво; других мнений быть не может, ибо они объявляются оппортунизмом. «Исключительно своими собственными силами, — пишет Ленин, — рабочий класс в состоянии

выработать лишь сознание тред-юнионистское». То есть рабочие могут вести борьбу с хозяевами, добиваясь улучшения условий труда, бастовать, выражать недовольство, и этим их активность ограничивается. Но для того чтобы осуществить диктатуру пролетариата, необходимо передовое звено профессиональных революционеров, которое в состоянии повести за собой пролетариат, служить для него образцом. Вокруг этого звена формируются лучшие, сознательные силы рабочих, так же пламенно преданных революции.

«Что делать?» — работа исключительная по своему значению. Крупская назвала ее «страстным призывом к организацию), но эта характеристика далеко не исчерпывает смысл ленинской работы; сказать так — значит, ничего не сказать. В ней — весь Ленин со всем арсеналом своих пропагандистских средств. Он яростно нападает, хулит, прорицает, втолковывает, убеждает, взывает, щедро пользуясь приемами адвокатского красноречия так, что оставаться равнодушным просто невозможно. Да, он один нашел ключ сразу ко всем дверям, и горе тому, кто посмеет с ним не согласиться! «Свобода — великое слово, — с мрачным сарказмом заявляет он, — но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда — грабили трудящихся». Свобода критики, как пережиток российского прошлого, объявляется им фикцией, поскольку теперь открыты научные законы развития общества, и бесполезно с ними спорить, они вне критики. Вся первая глава посвящена ниспровержению свободы как таковой. Говоря о революционерах, он описывает их героический, тернистый путь к победе, знать который дано лишь им, и только им. «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдемте в это болото! — а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! — О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к вашему переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны»

идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!»

Ленин редко пользуется развернутым образом. Приведенный отрывок в этом смысле является исключением — в нем до конца выдержана образность. Ленин — непревзойденный мастер уничтожающей фразы. Этой картиной, в которой преданные делу революционеры стряхивают с себя цепляющихся за них попутчиков, оставляя их увязать в болоте, действие не заканчивается; занавес открывается, и мы становимся свидетелями драмы.

«Что делать?» — высокая драма, равно как и нечаевский «Катехизис революционера», ставший для Ленина первоисточником и опорой. Разница лишь в том, что Нечаев вполне довольствовался пределами России, помещая своих героев и злодеев на русскую сцену; сюжет разворачивается в России, здесь же злодеев и казнят. Ленин идет дальше. Для него сцена — весь мир. Злодей — мировая буржуазия, не только российская. Героями же остаются русские, так как им дано осуществить революцию в мировом масштабе; это право они заслужили ценою крови и жертв 70-х годов, то есть, по разумению Ленина, Нечаева и членов «Народной воли». В нижеследующем отрывке, который подобно заклинанию завораживает своей силой, Ленин и впрямь речет, как новоявленный Моисей; здесь он заявляет о себе как о восприемнике революционного прошлого и указывает путь к революционному будущему: «История поставила перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделаю бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией».

Итак, первая роль, роль революционера-агитатора сыграна. Ленин облачается в новые одежды; теперь он пророк. Отныне приведенные выше слова дадут ему же самому повод толковать понятие революции на любой лад. Но какую бы волю он себе ни давал, интерпретируя это понятие, основная идея, содержащаяся в этом отрывке, останется неизменной. Недаром его сестра Мария говорила, что он был человеком одной идеи; а идея эта на редкость проста. Суть ее в том, что в России к власти придет

пролетариат, и его примеру последует пролетариат всего мира.

Кстати, в трудах Маркса нет ни строчки в подкрепление этого пророчества. Интересно, что Ленин и не ищет подтверждения своих слов у Маркса. Вместо этого он обращается мыслью к революционным битвам 70-х годов в России, участниками которых были студенты, входившие в небольшие группы одержимых идеей борьбы с самодержавием заговорщиков и считавших террор единственно верным оружием для достижения этой цели. По мере того как Ленин, страница за страницей, развивает теорию революции, нам все с большей очевидностью представляется, что он просто-напросто пересказывает Нечаева. Он повторяет мысль Нечаева о создании элитного отряда террористов, действующих в условиях строжайшей конспирации; их цель — «проникнуть всюду, во все слои высшие и средние, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в Третье отделение, и даже в Зимний Дворец». Эта мощная тайная организация должна быть централизована; она должна сосредоточить в своих руках все нити, связывающие революционные ячейки, и руководить их деятельностью, пока, наконец, в надлежащий момент не подаст сигнал к восстанию, к свержению самодержавия.

Правда, тут может выйти ошибка, сигнал окажется преждевременным, но Ленин готов к такому обороту дела. Любая борьба чревата поражением, предупреждает он. Но выбора нет, и нет пути назад. Революционная элита необходима. Демократии революционеров не существует. «Середняков» никто не будет спрашивать, у них нет права голоса. Решения должен принимать один человек, вождь, либо очень ограниченная группа профессиональных революционеров.

Ленин не отрицает, что революционное движение принимает заговорщический характер. Наоборот, он сам как будто упивается ощущением тайны, риска. Он низвергает потоки презрения на головы так называемых «кабинетных» теоретиков революции, которые возлагают надежды на «стихийные» революции, являющиеся естественным проявлением недовольства масс. В его представлении революция должна быть четко спланирована и вычислена холодным, трезвым умом; революцией можно манипулировать; руководить ею должны архиреволюционеры, имеющие в своем распоряжении целый штат подчиненных и специально обученных людей, а также отборные боевые бригады, владеющие искусством маневра, внезапного удара и при необходимости отступления.

И по мере того как Ленин развивает тему революционной элиты, нам, нынешним читателям его сочинения, как будто

начинают слышаться отголоски немецких маршей, словно плоды нечаевских идей проросли на немецкой почве, став идеологическим оружием штурмовиков. Кстати, Ленин отдает должное железному подчинению воле вождя в рядах германских социал-демократов. На многих страницах своей книги он возносит хвалу новому изобретению немецкого ума, суть которого заключается в таких его словах: «… Без «десятка» талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса». Немецкая организация плюс русский энтузиазм, немецкая любовь к порядку и послушанию и русская необузданная воля — вот что требуется для свершения революции. Представляется, что во всем этом нашел выражение конфликт, существовавший в глубинах его собственной души.

Да, Нечаев был убежден в необходимости создания революционной элиты, но чего в нем не было, так это преклонения перед немецким разумом. «Катехизис революционера» — документ исключительно русский по духу, как и методы подпольной борьбы, предписанные в нем, а именно: шантаж, угрозы, запугивание, налеты в самые тылы врага, бомбы, мины, — тайная война, которую ведут призраки, люди-невидимки. Элита из отборнейших революционеров уподоблена романтическим героям, этаким благородным витязям-князьям, восставшим против царя-деспота, — и это тоже русский стереотип. Они обречены, их ждут костры и казни. Ленин идет дальше. Он говорит: теперь, вооруженные изобретением немецкого ума — методом, они не подвластны року. Они победят.

Это не значит, что Ленин в чем-то отходит от взглядов Нечаева, вовсе нет. Воинственная нечаевская нота постоянно звучит и напоминает о себе. Например, рассуждая о молодежи из интеллигенции, Ленин рекомендует использовать ее в революции следующим образом: «Если бы у нас была уже настоящая партия, действительно боевая организация революционеров, мы не ставили бы ребром всех таких «пособников», не торопились бы всегда и безусловно втягивать их в самую сердцевину «нелегальщины», а, напротив, особенно берегли бы их, и даже специально подготовляли бы людей на такие функции, памятуя, что многие студенты могли бы больше пользы принести партии в качестве «пособников» — чиновников, чем в качестве «краткосрочных» революционеров».

Разве это не голос самого Нечаева? Ученик так умело подражает своему учителю, что создается впечатление, будто эти

слова где-то, в каком-то контексте уже были произнесены Нечаевым. Так же восторженно Ленин относился и к другу Нечаева, Ткачеву, проповедовавшему устрашающий террор, предлагавшему действовать путем запугивания, внушения крайнего ужаса самодержавию, чтобы оно само не выдержало бы и испустило дух. Террор, доведенный до жути, террор, террор и еще раз террор, противостоять которому не в силах никакая власть на земле… Ленин одобрительно отзывался о подобной тактике, считая террор могущественным оружием в революционной борьбе. По его мнению, мысль Ткачева об устрашающем и действительно устрашавшем терроре была «величественна». А что делать, если к террору прибегнут «народные слои», «толпа»? Ленинское чувство своего революционного превосходства над «толпой» нигде так не ощущается, как в тех местах, где речь вдет о простом народе, «народных слоях», не имеющих ни смелости, ни профессиональных качеств, какими отличаются посвященные в революционную науку борцы, упорным трудом завоевавшие право называться элитой революционного движения.

Собственно, вся его книга «Что делать?» развивает преимущественно одну и ту же тему — тему революционной элиты. Он, как пророк, возвещает, что «близятся сроки», а раз так, то вокруг него должны собраться избранные ученики и последователи, преданные делу соратники, настоящие профессионалы. Известно, что мысль о создании крепко сплоченной кучки архиреволюционеров изначально принадлежала Нечаеву, Ленин только развил ее. Но, говоря о профессиональных подпольщиках, он опирается и на собственный опыт участия в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», где он имел дело с такими же революционера-ми-дилетантами, как он сам. В одном из отрывков автобиографического характера он так описывал свои тогдашние ощущения новичка: «Я работал в кружке, который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи, — и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию! И чем чаще мне с тех пор приходилось вспоминать о том жгучем чувстве стыда, которое я тогда испытывал, тем больше у меня накоплялось горечи против тех лжесоциал-демократов, которые своей проповедью «позорят революционера сан», которые не понимают того, что наша задача — не защищать принижение революционера до кустаря, а поднимать кустарей до

революционеров».

«Избранные», «вожди», должны были соответствовать определенному профессиональному уровню и в отношениях с товарищами соблюдать соответствующий кодекс правил. Эта так называемая «десятка» должна была особо почитаться среди рядовых членов партии, а такое понятие, как «широкий демократический принцип», объявлялось пустой и вредной игрушкой, неприемлемой для партийной организации. Пришло время заняться революцией всерьез, а это дело взрослых мужей, считал Ленин. О своих предшественниках он пишет: «Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества». Ленин создает новую теорию. Гвоздем ее является постулат: место самодержавия должен занять пролетариат. Он не дает себе труда углубить эту мысль, для него это решенный факт, отталкиваясь от которого он со всем пылом пускается в рассуждения на излюбленную тему — о революционной элите как авангарде пролетариата. В этом заблуждении он проживет всю жизнь. Будет уже слишком поздно, когда он увидит собственными глазами и поймет, как этот авангард, эта элита общества, «избранные», «вожди», предадут интересы рабочего класса, узурпируют власть и возникнет новая форма автократии. А ведь иначе и быть не могло. Если изначально в своей теории он не признавал свободу критики, отвергал демократический принцип как непригодный, а идея неукротимого, лютого террора представлялась ему «величественной», то ничего, кроме авторитарного режима, в итоге и не могло родиться. Тогда, в 1901 году, это еще были абстрактные идеи, но им суждено было осуществиться на практике шестнадцать лет спустя.

В работе «Что делать?» Ленин дает собственные определения многим общественным понятиям, наделяя их совсем не тем смыслом, что приняты в обществоведении. То есть он грубо искажает значение слов. Так, например, ленинское понятие демократии полностью расходится с тем, как его толковал Клисфен, первый, кто писал законы для этой формы правления в Древних Афинах; или как его определял Аристотель. Для последнего понятие «демократия» означало: «управлять и быть управляемыми». Ленин дает такое незатейливое, свое, собственное определение: демократия — это «отмена угнетения одного класса другим». Так же неожиданно и ошеломляюще звучит его определение понятия «свобода». По Ленину, свобода есть в конечном итоге «буржуазная тирания». Эти формулировки

следовало бы запомнить, поскольку он постоянно в своих трудах, с одной стороны, твердит о любви к демократии, а с другой стороны, фактически отвергает свободу.

Возвещая о том, что пролетариату России предстоит сыграть наиважнейшую, ведущую роль в мировом рабочем движении, Ленин прекрасно сознавал иллюзорность и голословность такого заявления. Он знал, что в тот период, то есть в 1901 году, русскому пролетариату еще было очень далеко до политически развитого рабочего класса Германии, Англии или Америки, и поэтому его ведущая роль в мировой революции выглядела весьма сомнительной в перспективе, даже почти невероятной. Но признавая, что это всего лишь его мечта, возможно даже неосуществимая, он ссылался на такие слова Писарева: «Моя мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека… В подобных мечтах нет ничего такого, что извращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсем напротив. Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставила бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни… Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно». К словам Писарева Ленин прибавляет такой комментарий: «Вот такого-то рода мечтаний, к несчастью, слишком мало в нашем движении. И виноваты в этом больше всего кичащиеся своей трезвенностью, своей «близостью» к «конкретному»».

Похоже, Ленин видел с предельной ясностью, что живет на грани реального, рискуя переступить запретную черту; состояние это очень точно описано Чеховым в рассказе «Палата № 6». Но он уже ничего не мог с собой поделать. До конца жизни он останется заложником идей, сформулированных им в книге «Что делать?».

Эти идеи стали для него фатальными, предопределив его конец. А пока… он все будет мечтать, и когда мечты одна за другой будут исчерпывать себя, он будет цепляться за следующую. Он предсказывал, что русская социал-демократия, которая уже прошла две фазы своего развития, вступив в третий период, станет зрелой, обретет власть. И что тогда? В заключительных, леденящих душу строках своей книги он говорит так:

> «…Мы можем на вопрос: что делать? дать краткий ответ: Ликвидировать третий период».

Эта фраза — наиболее яркое выражение ленинского нигилизма.

Книге Ленина суждено было сыграть значительную роль в истории русской революции. Это воплощенный Ленин, с его дерзкими идеями и многословными обличительными тирадами в адрес тех, кто не разделял его воззрений; он разит их сарказмом, страница за страницей, но часто вдруг он резко меняет тему; брань неожиданно сменяется умозрительным заключением, проницательным, даже провидческим. В книге есть просто хорошо написанные страницы. Это книга о самом себе, о поисках пути; в ней есть интеллектуальный накал, волнение. Все, что он сочинит позже, станет перепевами все той же бесконечной темы, пародированием самого себя.

В Полном собрании сочинений ленинская работа «Что делать?» занимает около ста восьмидесяти страниц. Он писал ее, не отрываясь, почти полгода. Наконец в марте 1902 года она была напечатана в типографии города Штутгарта, — небольшой томик в обложке шоколадного цвета. Когда книга увидела свет, рабочие типографии, где печатали «Искру», категорически отказались набирать газету, считая это дело рискованным. Социал-демократы срочно устроили собрание, на котором, разумеется, бушевали страсти. Плеханов с Аксельродом были за то, чтобы редакция переехала в Швейцарию. Ленин, уже давно ждавший случая дорваться до фондов библиотеки Британского музея, настаивал на том, что гораздо безопаснее было бы использовать типографию социалистов в Англии. Так получилось, что на время Лондон стал штабом русской революции.

Год в Лондоне

Когда Ленин и Крупская прибыли в Лондон, город окутывала густая пелена тумана. Это был тот самый знаменитый лондонский туман, когда пешеход с трудом различает фонарный

столб на расстоянии пяти шагов. Мрачные своды вокзала, дым паровозов и оглушительный грохот поездов страшно не понравились Крупской. Ленин же, наоборот, с нетерпеливым волнением озирался вокруг, и все ему было по душе. Он неплохо владел английским, точнее, думал, что неплохо им владеет, и считал, что хорошо знает Лондон, — ведь не зря же он провел столько часов, изучая его карту, заранее отрабатывая всевозможные маршруты к Британскому музею. Но не прошло и часа, как ему, подобно многим путешественникам, пришлось убедиться в том, что его английский никуда не годится, а знание города по карте весьма приблизительно.

Он был потрясен, совсем как Достоевский, побывавший в Лондоне за сорок лет до него, необъятностью города, непрерывным потоком движения, чудовищным шумом на улицах. Привыкший к тишине провинциальных городов, Ленин впервые оказался в крупнейшем европейском городе, одной из столиц мира, таком огромном, бесконечном, что казалось, раз попав в него, можно навеки там заблудиться. Поначалу Лондон подавил Ленина, он в нем чувствовал себя потерянным. Но постепенно он стал привыкать даже к городскому шуму, а когда их жизнь наладилась окончательно, полюбил Лондон и все его прославленные исторические места. Он узнал город настолько, что мог показать дорогу неискушенным иностранцам и провести их по улицам не любого гида, давая при этом объяснения.

В то время в Лондоне жила довольно большая группа русских политических эмигрантов. Среди них были князь Петр Кропоткин и Николай Чайковский, ветераны ранних революционных бурь. Теперь они тихо коротали свой век в Лондоне, как и остальные эмигранты, не столь известные, которых насчитывалось около сотни. Наиболее заметной фигурой из менее известных был Николай Алексеев, входивший прежде в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Он был арестован и сослан в Сибирь, но ему чудесным образом удалось бежать, и в декабре 1899 года он объявился в Лондоне. Ему было около тридцати лет, он обладал острым умом и много знал. Алексеев окружил Ленина и Крупскую заботой, помог им устроиться, поначалу сняв для них меблированную комнату на Сидмаут-стрит, а затем двухкомнатную квартиру без мебели на Холфорд-сквер, хозяйка которой, миссис Ииоу, брала с них тридцать шиллингов в неделю. Неизменно жизнерадостный и бодрый, Алексеев помогал Ленину разобраться в сложном хитросплетении отношений между политэмигрантами, подсказывая, с какой группировкой ему стоит встретиться, а кого желательно избегать. Кроме того, если это требовалось, он связывал Ленина с английскими социалистами,

например, с Гарри Квелчем, редактором газеты «Джастис», и с Айзеком Митчеллом, секретарем Генеральной федерации профсоюзов.

Едва устроившись в новой квартире на Холфорд-сквер, Ленин написал запрос директору Британского музея на получение читательского билета в библиотеку музея. К запросу он приложил рекомендательное письмо от Айзека Митчелла. Он намеревался начать занятия в читальном зале немедленно, но дело затянулось. Осторожная администрация Британского музея не выдавала пропуска в читальный зал знаменитой библиотеки кому попало. Только получив вторичное письмо от Ленина, написанное на стандартном бланке и в конверте Генеральной федерации профсоюзов, дирекция Британского музея решила вопрос положительно. 2] апреля Ленину вручили читательский билет сроком на три месяца. Он был выписан на имя Якоба Рихтера.

Каждый день в одно и то же время, с точностью секундной стрелки, сразу после открытия библиотеки Ленин появлялся в ней и упорно трудился все утро. Ровно в час дня он, прервав занятия, складывал книги на отведенную ему полку и шел на Грейт Рассел-стрит, где обедал в одном из ресторанчиков. Вторая половина дня посвящалась встречам с революционерами. Вечера они с Крупской проводили у себя дома на Холфорд-сквер. Ленин был человеком привычки, и день за днем у него проходили по установленному правилу, почти не отличаясь один от другого.

Распорядок дня, которого Ленин придерживался в Лондоне, так и сохранится до конца его жизни. По утрам он будет сидеть в библиотеке, читать книги, усердно писать; днем видеться с соратниками, вечерами заниматься. Тогда, в Лондоне, жизнь текла без происшествий, без волнений. Разнообразие вносили только поездки на верхнем ярусе омнибуса по пригородам Лондона и воскресные посещения церквей, где служили мессы священники социалистической ориентации, которые зачастую оказывались просто рабочими в церковных облачениях. В своих проповедях они призывали громы и молнии на головы богатеев и молились за бедных и угнетенных. Помимо этого, у Ленина было еще одно развлечение: Гайд-парк. Он ездил туда слушать ораторов, выступавших с трибуны на открытом воздухе перед собравшейся толпой. Им предоставлялась полнейшая свобода высказываться на любую тему. Атеисты могли как угодно поносить Господа Бога, люди из Армии спасения предлагали всем желающим принять крещение кровью Агнца, а социалисты, как водится, разглагольствовали о непосильном труде рабочих. Ленин занимал место поближе к ораторам, но не потому, что его хоть сколько-нибудь интересовало то, о чем они говорят. Для него

это был один из способов усвоения английского языка.

Он твердо решил научиться как следует говорить по-английски. Сразу по приезде в Лондон он дал объявление в газету, в котором сообщал, что доктор юридических наук, окончивший Петербургский университет, готов давать уроки русского языка в обмен на уроки английского. На объявление откликнулись трое желающих. Один был простой рабочий по фамилии Янг, второй — служащий, Уильямс; о них мало что известно. Третьим был представительный джентльмен с седой бородкой. Звали его Раймонд, и он работал в издательстве «Джорж Бел энд Санк». Он поездил по Европе, побывал в Австралии. Раймонд довольно много читал и был весьма неглуп. По убеждениям он принадлежал к твердым социалистам и даже одно время выступал с речами, открыто проповедуя социалистические идеи. Но однажды его вызвал к себе директор издательства и посоветовал сделать выбор: работа или публичные выступления социалистического толка. Раймонд имел жену и детей, которых надо было кормить, и поэтому он бросил свое увлечение ораторским искусством. Ленин был просто сражен таким признанием. С его точки зрения настоящий социалист пожертвовал бы работой ради такого святого дела, как обращение масс в приверженцев социалистической идеологии. Однажды Ленин поехал на митинг социалистов в Уайтчэпл и прихватил с собой Раймонда. Там в трущобах ютилась колония российских евреев. Они ходили в длинных кафтанах и меховых шапках. Раймонд заметил, что никогда до этого не бывал в Уайтчэпле, и это повергло Ленина в крайнее изумление: как так? человек добрался до Австралии, а свой родной город знает так плохо.

Вообще, английские нравы постоянно озадачивали Ленина. Возник конфликт с домохозяйкой, и вот по какому поводу. Ее не устраивало, что Крупская не вешала на окна гостиной не пропускающие уличную пыль занавески из плотного кружева, а ведь такие занавески в то время украшали все дома в Англии, их вешали даже в кухнях и на чердаках, где жила прислуга. Все ее жильцы шили себе такие занавески, почему это миссис Рихтер должна быть не такой, как все? Кроме того, появилась еще одна проблема — проблема обручального кольца, вернее, отсутствия такового на пальце у миссис Рихтер. Она замужняя женщина и должна носить кольцо, настаивала хозяйка, и даже прошлась по поводу того, что, мол, не годится мужчине и женщине жить под одной крышей, не будучи соединенными брачными узами. Крупская сообразила, что дело принимает ненужный оборот, и поспешила принять меры. Надо было как-то утихомирить хозяйку, развеять ее подозрения. Она отправилась к Аполлинарии

Тахтеревой, своей старой знакомой еще по Петербургу. Она тоже жила в Лондоне в эмиграции и была замужем за бывшим редактором «Рабочей Мысли». Он-то и положил конец придиркам со стороны миссис Йиоу, явившись к ней и как следует ее отчитав, а затем пригрозив предъявить ей иск за оскорбление добропорядочной семейной пары, живущей в освещенном церковью браке в соответствии с русскими обычаями. Домохозяйке перспектива судебного разбирательства пришлась не по вкусу, кроме того, ей вовсе не хотелось терять постояльцев, всегда исправно плативших за квартиру. Больше к этим разговорам она не возвращалась. Ей было невдомек, что тихая и кроткая Крупская, обожавшая любимую хозяйскую кошку, учившую ее по утрам «говорить» «мяу» и здороваться за лапку, была конспиратором-нелегалом высочайшего класса; что она, целыми днями сидя дома, трудилась, расшифровывая секретные документы, или проявляла над горящей свечкой написанные невидимыми чернилами послания. Ей ив голову не могло прийти, что, когда Крупская выходила утром со своей хозяйственной кошелкой за покупками, в этой сумке она скрывала письма, конечными пунктами доставки которых были революционные центры по всей России.

Ленин приехал в Лондон с целью наладить издание «Искры» в местной типографии. Он помещал в газету много собственного материала, но, понятно, писать за всех он не мог. Не говоря уже о том, что в технических деталях производства газеты он не разбирался и не занимался вопросами ее распространения. Ему нужны были помощники, и вскоре из Мюнхена прибыли Мартов и Вера Засулич. Они остановились в доме на Сидмаут-стрит, в пятикомнатной двухэтажной квартире, снятой Алексеевым для революционеров, на время приезжавших в Лондон. Жилище это находилось совсем недалеко от квартиры Ленина на Холфорд-сквер, и поэтому их обитатели постоянно курсировали из одной квартиры в другую.

В алексеевской «коммуне» революционеры жили, как веселые нищие, — готовили еду на газовой горелке, а иногда и вовсе забывали о еде. Вера Засулич напоминала персонаж, сошедший со страниц романа XIX века из жизни богемы. Целые дни она проводила в муках творчества. Слоняясь из угла в угол в своей маленькой комнате, шлепая тапками по полу, она на ходу сочиняла статьи, которые, как правило, оставались незаконченными. При этом она курила папиросу за папиросой, и везде — на столе, на подоконниках — оставляла окурки; ее блуза, руки, юбка и даже лицо были щедро усыпаны пеплом. Папиросный пепел был на рукописях, в ее чайной чашке. Стоило

к ней приблизиться для короткого разговора, как ее собеседник тут же покрывался густым слоем пепла. В ее комнате постоянно кипел самовар; для поддержания жизни ей ничего не нужно было, кроме папирос и чая.

Мартов тоже был достаточно своеобразной личностью. Вдохновляясь, он так много говорил, что Ленин всячески старался избегать с ним встреч, разве что в случаях необходимости. Он нарочно так устроил, что, когда Мартов по утрам являлся к ним на Холфорд-сквер работать вместе с Крупской над корреспонденцией, к тому моменту он уже уходил в библиотеку Британского музея. Человек благородной души и чувствительный, отпрыск древнего еврейского рода, давшего миру не одно поколение мудрецов и ученых, Мартов имел особую манеру выражать свои мысли; он всегда говорил возвышенно и страстно, облекая свою речь в форму образцов изящнейшей словесности, и порой за их красотами трудно было уловить сам смысл высказывания. Мартов находил, что ему крайне сложно работать с Лениным, — тот не был ценителем тонких чувств и высокого полета мыслей, и кроме того, в любых случаях, когда требовалось мнение Ленина по какому-либо поводу, его вердикт был неизменно суров и прямолинеен. Любопытно, что, отзываясь о Плеханове, Вера Засулич сравнивала его полемический стиль с поведением борзой, которая прихватит зубами — и отпустит. О Ленине она говорила, что он, как бульдог, — вцепится мертвой хваткой и не отпускает. Мартов разделял ее привязанность к Плеханову, а к Ленину он так и не смог привыкнуть, ему было не по себе в его обществе. Побыв несколько недель в Лондоне, он сказал, что ему надо ненадолго отлучиться в Париж, и уехал, чтобы уже не вернуться.

С приближением лета Ленина все больше стали волновать проблемы, связанные с изданием газеты «Искра». Он прекрасно понимал, что находится в оппозиции ко всему составу редакции. Его работа «Аграрная программа русской социал-демократии» подверглась критическому обсуждению редакционной коллегии. Он получил много замечаний по ее содержанию и стилю. Вдобавок к этим разногласиям его вывело из себя письмо, полученное от Плеханова, — не только тон его, но главным образом критические соображения, которые тот высказывал. Ленин ответил ему хлестким письмом, давая понять, что разрывает с ним личные отношения. «Получил статью с Вашими замечаниями. Хорошие у Вас понятия о такте в отношениях к коллегам по редакции! Вы даже не стесняетесь в выборе самых пренебрежительных выражений, не говоря уже о «голосовании» предложений, которых Вы не взяли труда и формулировать, и

даже «голосовании» насчет стиля. Хотели бы знать, что Вы скажете, когда я подобным образом ответил бы на Вашу статью о программе? Если Вы поставили себе целью сделать невозможной нашу общую работу, — то выбранным Вами путем Вы очень скоро можете дойти до этой цели. Что же касается не деловых, а личных отношений, то их Вы уже окончательно испортили или вернее: добились их полного прекращения».

Ленинский выпад против Плеханова скорее всего был результатом переутомления и заболевания легких, которое впоследствии перешло в хроническую форму. Вообще их отношения с Плехановым — это целая история несогласий и расхождений; ни тот ни другой не могли принять ни стилистических приемов письма, ни политических воззрений своего оппонента. Они то и дело разносили в пух и прах еще не опубликованные опусы друг друга. Плеханов писал красиво, сдержанно, с достоинством; Ленин — лихо, временами подпуская слащавой революционной патетики. Их публицистика как нельзя лучше отражала их человеческие характеры. Ленин выводил на полях плехановских работ: «неясно», «сыро», «упрощение», «повтор», «стиль требует доработки». Плеханов ему платил той же монетой, только его поправки к ленинским творениям были более тонкими и уничтожающими, — он отличался не только аристократической осанкой, во всех своих проявлениях он был истый аристократ. Словом, они пожирали друг друга, как два паука в банке.

Тогда же, в Лондоне, вслед за письмом, в котором Ленин заявлял о разрыве с Плехановым, он же выслал другое, мягкое, вполне сердечное. Плеханов, может быть, втайне и желал от него отделаться, Ленин, однако, понимал, что без Плеханова ему не обойтись никак. И так они продолжали шерстить друг друга, обоюдно громить подготовленные к печати статьи, внешне оставаясь в приличных отношениях.

В июне, ощущая потребность в отдыхе, Ленин уехал во Францию, где сначала побывал в Париже, а затем обосновался в небольшом курортном городке с минеральными источниками, который находился в Бретани, на побережье океана. Там к нему должны были присоединиться его мать и сестра Анна. Ленин не взял с собой Крупскую, оставив ее в Лондоне вести корреспонденцию. Во Франции он написал статью. В ней он объявлял войну социалистам-революционерам, считавшимся наследниками идей «Народной воли». Если раньше, в книге «Что делать?», он признавал, что и социал-демократы вышли из все той же «Народной воли», из ее традиций, то теперь он почувствовал необходимость придать своей партии новый

официальный статус, отмежевавшись от «Народной воли». Он писал: «На деле террор социалистов-революционеров является не чем иным, как единоборством, всецело осужденным опытом истории». Это был ход против эсеров, и Ленин возьмет его на вооружение. Задачу партии социал-демократов он сформулировал в письме к Московскому комитету РСДРП, призывая к «более смелой, более крупной, более объединенной, более централизованной» работе. В то же время в своем знаменитом «Письме к товарищу о наших организационных задачах», написанном чуть позже, он признавал опасность, которую таит в себе централизация, и предлагал новую формулировку: «…Если в отношении идейного и практического руководства движением и революционной борьбой пролетариата нужна возможно большая централизация, то в отношении осведомленности о движении центра партии (а следовательно, и всей партии вообще), в отношении ответственности перед партией нужна возможно большая децентрализация». Ленин тогда не предполагал, что централизация может оказаться страшным зверем, которого ему придется укрощать всю оставшуюся жизнь, постоянно вносить поправки, делать перестановки, наконец, расцентрализовывать, крутить и так и этак, пытаясь совместить несовместимое, и громоздя вокруг всего этого горы, горы теории. Ленин любил рассуждать о внутренних противоречиях, раздирающих капиталистическое общество; похоже, что внутренние противоречия коммунизма оказались во сто крат опаснее, разрушительней и неразрешимей.

Неверно думать, что Ленин жил, уйдя с головой в решение непосильных задач. Надо было завоевать друзей, принимать посетителей. Поэтому когда однажды ранним осенним утром в их квартиру на Холфорд-сквер ворвался только что бежавший из иркутской ссылки молодой человек, — с копной вьющихся волос, с горящими глазами, с мелодичным голосом, да к тому же с манерами покорителя сердец, и, мало этого, обладатель живого и острого ума, — Ленин пришел в совершеннейший восторг. Молодой человек был известен в кругах подпольщиков под кличкой «Перо». Ему было всего двадцать два года, но он уже успел стать ветераном революционного движения. У него не оказалось с собой денег, и Крупской было предложено выйти и расплатиться с водителем кеба. А молодой человек уже был в спальне Ленина и с жаром что-то говорил, говорил, как будто он ворвался только для того, чтобы продолжить вчерашний разговор, — а ведь это была их первая встреча.

Лев Давидович Бронштейн, взявший себе псевдоним «Троцкий», был словно вылеплен по образцу революционера,

созданного воображением Ленина в его книге «Что делать?». Это был твердокаменный, несгибаемый революционер, преданный делу партии и целеустремленный. Сознание морально-этических норм у него отсутствовало, сочувствия к людям или какого-то понимания их он был лишен и совершенно не умел играть второстепенные роли — не так он был устроен. Он словно был рожден для того, чтобы стать частью революционной элиты, в ленинском понимании. В нем, как и в Ленине, было что-то от героического персонажа театральной драмы; Ленин, возможно, ощущал себя Прометеем современного ему мира, а Троцкий, чуждый ощущения трагического, наверное, видел себя романтическим героем-освободителем, загадочным и блистательным, из какой-нибудь роскошной оперы. Оба они были неукротимые эгоисты, одержимые целью сыграть выдающуюся роль в истории, и оба заняли с первых шагов своей революционной деятельности положение, соответствующее их талантам.

А таланты Троцкого были очевидны, возможно, их было даже с избытком. Он вспоминал впоследствии, что во время их первой встречи лицо Ленина выражало «понятное изумление». Троцкий продолжал и дальше изумлять Ленина своим обаянием, напором, потрясающей способностью выходить сухим из воды во всех переделках, в которых ему, как революционеру-подпольщику, пришлось побывать. Ленин выступал; Троцкий ораторствовал. Ленин сокрушал своих оппонентов дубиной; Троцкий разил отточенной шпагой. Ленин был абстрактным теоретиком; Троцкий — политиком-практиком, мастером военных переворотов. Во многом они были полярны и, мгновенно поняв, в чем они не соприкасаются, безошибочно распределили между собой роли на пиру власти.

В Лондон Троцкий прибыл с заданием. Он должен был доложить товарищам по партии о революционной ситуации в Сибири, где он находился в ссылке, а заодно и о впечатлениях от своих поездок в Киев, Харьков и Полтаву, где он встречался с членами местных партийных организаций. Он рассказывал, что нередки были случаи, когда обрывались подпольные связи, многие экземпляры «Искры» не достигали адресатов, попадали в руки полиции или просто терялись. Все это он докладывал Ленину бодрым тоном, давая понять, что он видит, как все кругом неважно складывается, но не унывает, твердо веря в широкие перспективы, которое им уготовило будущее. При нем был небольшой список нелегальных адресов, предназначавшихся для Крупской. А еще он любил рассказывать о своих революционных подвигах. Когда встал вопрос, куда его поселить, все сразу

решили, что он должен присоединиться к Вере Засулич и Мартову в их живописном убежище, окончательно превратившемся в своего рода русский аванпост в Англии.

Троцкий, повторяем, поражал Ленина; вместе с тем он его настораживал. Ленину еще не приходилось встречать человека столь кипучей энергии и блестящих способностей. Понятно, что Троцкому предстояло выдержать сложное и длительное испытание. Этой процедуре Ленин подвергал Троцкого, например, во время их прогулок по Лондону. Беседуя, Ленин, указывая на известный памятник архитектуры, говорил: «Это их Вестминстер» или: «Это их Тауэр». Троцкий был достаточно сообразителен, чтобы понять, что «их» относилось не к английскому народу, а к ненавистным Ленину правящим классам, чьи призраки ему виделись на улицах повсюду даже при ярком солнечном свете.

К архитектуре Англии Троцкий остался равнодушен. Но Ленин брал его с собой на прогулки по Лондону вовсе не для того, чтобы читать ему курс истории английской архитектуры с идеологической подоплекой. Ему хотелось проникнуть в мысли этого молодого человека, забросав его вопросами, и по его ответам сделать соответствующие выводы. Троцкий отвечал умно, бойко и сумел тонко польстить Ленину, благодаря чему с честью выдержал экзамен. Льстить Троцкий умел.

— Когда мы сидели в московской тюрьме, — сказал он Ленину, — мы часто с восхищением говорили о вашей колоссальной работе «Развитие капитализма в России».

Ленин воспринял комплимент как должное.

— Да, конечно, пришлось потрудиться, — ответил он, довольный тем, что нашел последователей среди молодых членов партии.

Троцкий признался, что почитает Богданова и терпеть не может Бернштейна. Это был правильный ответ, он попал в цель. А как насчет «Капитала»? Оказалось, что Троцкий прочел только первый том, а до второго из-за отсутствия времени не дошли руки. Ну а какие отношения с Каутским? Ознакомился с его работами и в основном согласен с его идеями. Плеханов? Троцкого Плеханов раздражает; бесспорно, человек блестящий, но держится в стороне от революционной борьбы, слабо осведомлен о том, что делается в революционной гуще, и вообще слишком увлечен философией. На это Ленин смиренно заметил:

— А вот я не философ. — Надо полагать, что это означало: пусть Плеханов философствует на здоровье, его личное дело, — а нам не до философии.

Пройдя «испытание», Троцкий потом редко виделся с Лениным, — каждый жил в своем, обособленном мирке. Но

изредка все же встречались, чтобы коротенько обсудить насущные вопросы. Еще был такой эпизод. Троцкий написал статью в «Искру» к двухсотлетию взятия Шлиссельбургской крепости Петром Великим и, конечно, постарался блеснуть эрудицией, — к месту оказалась цитата из Гомера. Ленин не обожал Гомера и цитат из него не любил. Он посоветовал Троцкому держаться ближе к теме, и в напечатанной статье от Гомера не осталось и следа.

Иногда Ленин позволял молодому человеку сопровождать его на собрания английских социалистов. В то время Англия переживала бурное увлечение социалистическими идеями, граничащее с религиозным фанатизмом; кстати, английский социализм и был окрашен религиозными представлениями. На воскресных службах в Ист-Энде произносили проповеди, призывавшие братьев-социалистов объединяться; проповеди чередовались с молитвенными песнопениями. Нередко в церковных гимнах звучала тема республиканского правления. Например, Троцкий уверял, что сам слышал такие слова: «Боже Всемогущий, сделай так, чтобы больше не было ни королей, ни богатых!» Ленина поражала эта особенность англичан смешивать, казалось бы, совсем несовместимые вещи. Однажды, по дороге из церкви, он заметил: «В среде английского пролетариата довольно сильны революционные и социалистические элементы, но все они настолько погрязли в консерватизме, религии и предрассудках, что не могут освободиться от них и объединиться».

До конца его дней англичане остались для Ленина непостижимой загадкой. Особенно его раздражало то, что у англичан совершенно отсутствовало стремление к социальному объединению. Немцев он ставил выше — те подчинялись порядку и единым для всех правилам и гордились тем, что их нация представляет собой единое целое, этакую однородную массу. Троцкий как-то бросил: «Британский марксизм был не интересный». И правда, не было в нем напряженности, драматического накала, соперничества и борьбы между лидерами движения. В Англии марксизм имел своеобразный, местный, так сказать, церковно-приходской характер, что русским социалистам было просто чуждо. Для русских социалистов революция была не революция, если она не потрясала мировые устои, да чего там — всего мироздания.

Если Ленин уподоблял себя пророку Исайе, сулящему гибель царям, то Троцкий, по-видимому, претендовал на роль юного Давида, идущего войной на филистимлян. В свои двадцать два года он носил себя с важностью наследного принца. Вера Засулич была от него без ума и благословила на революционные подвиги.

Случилось так, что в Лондон по какому-то делу ненадолго приехал Плеханов. Она отвела его как-то в сторонку и долго ему нахваливала многообещающего, талантливого молодого человека, которого она считала своим протеже. «Юноша, несомненно, гений», — произнес Плеханов. Существует апокриф, что к этому он добавил: «И этого я ему никогда не прощу».

Плеханову хватало возни с гениями и примадоннами. В нем была терпимость человека, уверенного в своем собственном интеллектуальном превосходстве, и все же временами он не мог отказать себе в удовольствии дать хороший щелчок по носу своему противнику. Крупская рассказывает, как однажды Ленин вернулся после заседания редакционной коллегии вне себя от ярости. «Хороши наши дела, нечего сказать, — возмущался он. — Ни у кого нет смелости выступить против Плеханова! Ну, взять хотя бы Веру Засулич! Плеханов нападает на Троцкого, а Вере хоть бы что. Она говорит: «Как это в духе нашего Жоржа! Только и знает кричать!» И тут у Ленина, терзаемого бессильной яростью и отчаянием, вырвался вопль: «Я так больше не могу!»».

История очень показательная, ведь когда Ленин говорит о том, что никто не осмеливается противоречить Плеханову, конечно же, он имеет в виду и себя.

Ленин рвался к власти, но на его пути стоял Плеханов. Причем Плеханов не был крепостью, которую можно взять только штурмом. Лишь проделав ловкий обходной маневр, Ленин займет наконец желанные рубежи и утвердит свою власть. Судя по всему, мысль о низвержении Плеханова родилась у него еще в ту пору, когда он писал «Что делать?». Риск был велик, и надо было действовать осторожно. Однако на стороне Ленина был рад преимуществ: во-первых, более широкие связи с российским подпольем; во-вторых, именно он дал простейшую, доступную формулировку новой авторитарной власти — торжество пролетарской революции. И хотя она не очень вписывалась в марксистское учение, зато прочим профессионалам от революции уже нечего было к ней добавить. Главное — надо было во что бы то ни стало укреплять связи с революционерами в России и отстаивать свою новую философию; обе эти идеи в его сознании были неразрывно связаны.

Когда бывало, что связь с Россией нарушалась, или кто-то осмеливался ставить под сомнение, хуже того, критиковать его теорию революции, Ленин заболевал. Он испытывал страшные физические муки. Ему необходим был постоянный приток свежей информации из России, он этим жил. Он без конца слал письма своей партийной агентуре, умоляя их писать как можно чаще. «Мы снова настоятельнейшим образом просим вас писать как

можно чаще и как можно полнее. Обязательно ответьте нам незамедлительно, срочно, как только получите это письмо, или по крайней мере оповестите нас хотя бы строчкой, что оно дошло». «Срочно», «настоятельно», «без промедления», «незамедлительно», «немедленно» — эти слова пока еще не стали командами-стереотипами в его мышлении. Если письма долго не шли, он плохо спал; и вообще лишался сна, если получал такое: «Соня молчит, как могила». Или: «От старушки никаких известий». Это значило, что кто-то из агентуры арестован, убит, а то и решил отойти от партийной работы, слишком уж тяжелой и опасной. Случал ось и такое. Бессонница подрывала его здоровье, он становился злой, раздражительный, терял вес и буквально превращался в собственную тень. В отличие от Плеханова он не мог приучить себя сохранять внутреннее спокойствие.

Но еще более невыносимые муки он испытывал, если подвергались нападкам идеи его теории революции. И когда весной 1903 года редакционная коллегия «Искры» приняла окончательное решение печатать газету в Швейцарии, сочтя абсурдным такое положение, что половина ее членов живет в Англии, а другая половина — в Швейцарии, Ленин сломался. Переезд в Швейцарию значил, что ему придется распрощаться с независимостью, завоеванной им с таким трудом. Он испытал нервный срыв, который кончился воспалением нервных окончаний на спине и на груди. Мало того, что он мучился от физической боли, его изводило раненое самолюбие, терзали душевные муки. Вся верхняя часть его тела стала пунцовой, горела. Крупская, порывшись в медицинских справочниках, решила лечить его сама, но, поскольку в медицине ничего не смыслила, избрала самый неправильный способ лечения. Она стала смазывать его кожу йодом, чем усугубила страшное жжение, не дававшее ему покоя. В мае 1903 года, опоясанный жгучей болью, Ленин покидал Лондон.

В Лондоне он провел год, и этот год принес ему немало огорчений и недугов, отчаяния и грусти. Здесь ему пришлось познать горечь поражений. В Швейцарии он займет крепкую линию обороны, отвечая на удары и потихоньку плетя свои сети, выжидая часа, когда он наконец затянет узел и станет полновластным хозяином в партии.

Ленин хлопает дверью

Когда Ленину случалось пребывать в благодушном настроении, он любил порассуждать на тему о том, в чем состоит

искусство быть революционером. Оно, по его словам, заключалось в том, что революционер должен полностью слиться с рабочим классом, жить его помыслами и чаяниями, проникнуться его задачами; он должен думать, как рабочий, вести себя, как рабочий, просто быть, как рабочий. Одного революционного инстинкта, непременного для революционера, мало. Надо полностью подчинить свою собственную жизнь делу рабочего класса.

И хотя Ленин частенько повторял эти слова, сам он на удивление был далек от рабочего класса. До конца своих дней он по складу своего характера и привычкам был типичным буржуа; помимо этого не могло не оставить свой след дворянское воспитание. В нем ничего не было от этакого простецкого рабочего мужичка с душой нараспашку. Он любил уединение, требовал полной тишины в доме, когда работал, и получал гораздо больше удовольствия от общения с книгами, нежели с людьми. Домовладелицы наводили на него ужас. Поэтому он был особенно счастлив, когда им удалось снять небольшой домик в пригороде Женевы, в рабочем предместье Сешерон, к тому же за вполне умеренную плату, которую он мог себе позволить. Впервые за все время с момента отъезда из Самары он имел в своем распоряжении целый дом.

Дом был бедненький; внизу находилась кухня с каменным полом, а наверху — три небольшие комнатки. Мебели почти не было, но Ленин привез с собой огромное количество книг, и ящики из-под них служили им с Крупской столами и стульями. Кухню они использовали как гостиную, туда приходили люди, там решались дела. Если требовалась особая секретность, то встречи происходили в парке неподалеку или на берегу озера. Сешерон был почти за городом, и Ленин чувствовал себя так, как будто снова оказался в деревне, радуясь густой зеленой травке вокруг. В Женеве ему полюбилась маленькая частная библиотека, называвшаяся «Societe de Lecture»,[18] где с читателей взималась крохотная плата. Здесь он мог сам брать с полок нужные ему книги и занимать определенный стол. Библиотекари так к этому привыкли, что стол, за которым он. работал, с течением времени уже значился как «стол господина Ульянова».

В тот период он был мало похож на Ленина, каким он смотрит на нас с плакатов времен революции. Он был худой, изможденный. Огромная лысая черепная коробка, ввалившиеся щеки и ни кровинки в лице — так выглядел он тогда. Он носил довольно длинную рыжеватую бороду и усы вниз, по тогдашней моде. Знавший его по сибирской ссылке Пантелеймон Лепешинский, посетивший его в Женеве, был поражен

произошедшей в нем перемене. «И куда делся победный блеск, горевший в его глазах, когда он уезжал из Сибири? — писал Лепешинский. — Худой и бледный, он сидел на диване, и слабая улыбка трогала его губы под длинными усами, которые он еще не сбрил».

Лежа на диване, обмякший в подушках, полуживой, опустошенный и мрачный, он напоминал уставшего от жизни героя из романа Пруста. Лепешинский побывал у него вскоре после 11 съезда социал-демократической партии, состоявшегося в Брюсселе-Лондоне летом 1903 года. В Брюсселе съезд проходил в помещении мучного склада. На съезде Ленин, как и рассчитывал, одержал верх во всех вопросах, за исключением, пожалуй, самого важного, — он не был признан вождем партии. Он сокрушил всех своих врагов, преодолел столько кризисных ситуаций, одну за другой, и по ходу дела расправился или оттеснил на задний план многих из своих бывших друзей и соратников. С железным упорством он добивался создания централизованного аппарата партийной власти, во главе которого видел только себя. В результате партия раскололась, и, начиная с лета 1903 года, уже существовали две отдельные противоборствующие фракции, большевиков и меньшевиков.

1 съезд РСДРП, который состоялся в Минске в 1898 году, не был отмечен никакими выдающимися решениями, но он дал революционерам пламенный манифест партии, сочиненный Петром Струве. В остальном он уже отошел в область преданий. Слишком много было текших дел, слишком много разных событий произошло в перерыве между съездами. Все это время Россию сотрясали погромы, крестьянские волнения, стачки. Правительство стремительно теряло свою связь с народом. Ни у кого не оставалось сомнения в том, что Россия стоит на пороге радикальных перемен. В связи с этим съезд в Брюсселе поставил задачу выработать программу свержения диктатуры Романовых.

Но вот уж кто воистину проявлял себя диктатором, так это Ленин. Он правил бал на сцене и за сценой, во всех случаях проявляя свирепую непримиримость, хотя большинство делегатов съезда были его ставленниками, — он рекомендовал их кандидатуры на съезд. Фактически он один руководил съездом. С начала и до конца он вел себя так, словно был убежден, что съезд исключительно для того и собрался, чтобы подчиниться его воле.

На съезде встал вопрос о Бунде. Еврейская социалистическая партия хорошо потрудилась, занимаясь распространением идей марксизма в Польше, Литве и Белоруссии. В ее ряды входили наиболее развитые политически представители рабочего класса. Понятно, что эта партия не желала признавать диктат Ленина.

Бундовцы настаивали на автономии внутри Российской социал-демократической партии или, по крайней мере, на частичной, культурной автономии, поскольку в основном эта партия состояла из неассимилированных евреев, которые не могли смириться с мыслью, что их партия по каким-то непонятным причинам должна раствориться среди людей, собравшихся вокруг «Искры». Однако Плеханов и Ленин были нацелены на создание единой централизованной партии, и в этой партии не было места национальному сепаратизму. По их замыслу, она должна была покончить с узконациональными интересами, быть выше их, и следовательно, в новом социалистическом государстве евреям ничего не оставалось, кроме как слиться с остальным населением. Отстаивание Бундом автономии было объявлено внутрипартийной ересью и отклонено большинством голосов. При существовавших натянутых отношениях Плеханов и Ленин могли по каким-то вопросам выступать единым фронтом, и тогда они получали большинство голосов на съезде. Первая их совместная победа была над Бундом. Крупская прокомментировала это так, употребив любимую фразу Ленина: «Они были поставлены на колени».

После этого последовали дебаты по поводу диктатуры пролетариата. Зачем заменять одну диктатуру, Романовых, другой? К чему тогда все разговоры о свободе слова, собраний, печати, о праве рабочих и крестьян свободно передвигаться по стране и заниматься любой работой на свое усмотрение, если все эти свободы перечеркиваются самим фактом существования революционной диктатуры? И что это будет за конституция — диктатуры пролетариата? И как в рамках диктатуры может работать Учредительное собрание? И наконец, какая роль отводится крестьянству?

Таковы были важнейшие вопросы съезда. Они более чем наглядно свидетельствовали о противоречиях в программе партии, где одной рукой даровалась свобода, а другой — насаждалась тирания.

Ленин, с одной стороны, был тверд, с другой — готов был раздавать любые обещания направо и налево, лишь бы завоевать всеобщее признание. Тем, кто желал парламентский строй, он обещал парламент; пролетариату он обещал пролетарскую диктатуру; крестьянам — отмену всех налогов и полную свободу трудиться на себя; всем родителям — бесплатное образование для их детей, верующим — свободу вероисповедания. Весь этот соблазнительный ассортимент посулов, заявленный на съезде, был всего лишь сладкой оболочкой, скрывающей горькую пилюлю — диктаторскую власть. Ленин как будто хотел сказать: «Да,

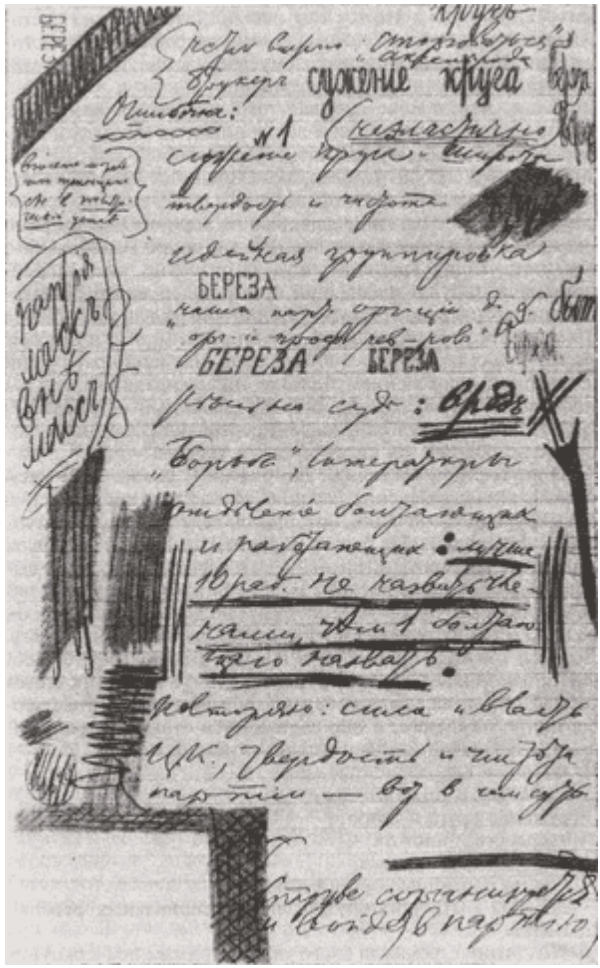
будет железная диктатура. Но посмотрите, сколько свобод она вам несет!»

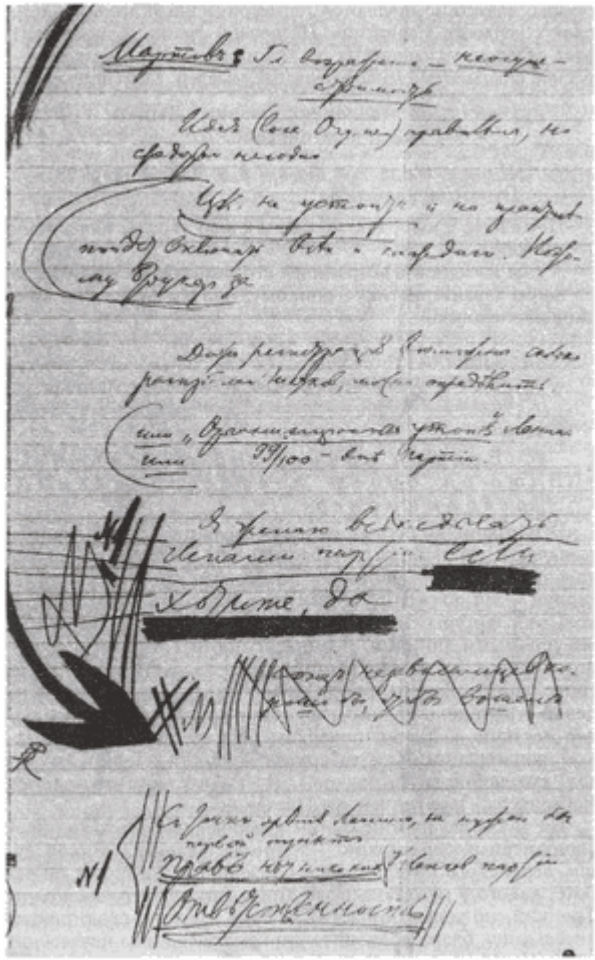
Бельгийская полиция, воспользовавшись своим правом диктовать русским революционерам, что им можно и чего нельзя на бельгийской земле, запретила продолжать съезд. Делегаты переехали в Лондон, где съезд был возобновлен.

Итак, Бунду в независимости было отказано, диктатура пролетариата была подтверждена, оставалось выработать генеральную программу и сформулировать кое-какие определения. Например, встал вопрос о том, кто может называться членом партии. Ленин предлагал свой вариант определения: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Мартов предложил внести поправку к ленинской формулировке. Он считал, что членом партии может быть любой трудящийся человек, признающий ее программу и который лично и регулярно участвует в ее работе под руководством одной из ее организаций. Расхождение было нешуточное. Решался вопрос существования партии. По мнению Мартова, партия должна была представлять собой некое содружество единомышленников, включая тех, кто время от времени оказывал партии услуги, участвуя в подпольной деятельности. Согласно ленинской формулировке, партия должна была состоять исключительно из революционеров, активно участвующих в ее работе и выполняющих директивы ее Центрального Комитета. По Ленину, число членов партии должно быть ограничено; партия должна объединять немногочисленные, крепко спаянные и подчиняющиеся единой дисциплине группы. Всем на съезде было ясно, что Ленин выступает за создание партийной элиты с собой во главе, и участники съезда открыто уличали его в стремлении к власти. Троцкий угадал в нем жажду власти вскоре после их первой встречи в Лондоне. Он тогда раскритиковал Ленина за то, что его статьи пестрят местоимениями «Я», «Я», «Я»… Но тот ему ответил, что обладает достаточным авторитетом и потому волен употреблять это местоимение столько раз, сколько ему вздумается. На 11 съезде его жажда власти стала совершенно явной и открытой. Впрочем, Ленин и не скрывал того, что рвется возглавить партию, быть впереди всех и вся, а попытки выступить против него объявлял «расхождением» с линией партии; это значило, что любой человек, осмелившийся оппонировать ему, изгонялся и не имел права быть в рядах партии, всякое самостоятельное решение давилось на корню. Он так прямо и заявил, что настаивает на полной диктатуре Центрального

Комитета. Когда Троцкий высказал опасение, что в подобном случае в руках небольшой кучки людей может оказаться слишком большая власть, Ленин отозвался так: «Что в этом дурного? В теперешней ситуации по-иному и быть не может». Аксельрод и многие другие социал-демократы были встревожены поведением Ленина; им не нравилась его заносчивость и грубость. Аксельрод, изгнанный из редколлегии «Искры» в результате жаркой перепалки с Лениным, вопрошал с обидой: «И какая муха его укусила?»

О внутреннем состоянии Ленина на 11 съезде мы можем судить, вглядываясь в дошедшие до нас краткие записи и суммирующие замечания, которые он делал, слушая выступления товарищей. На вид — просто каракули. На первой страничке разворота в верхней части слева он шесть раз выводит слово «береза», четыре раза печатными буквами и два раза прописью. Буквы набегают друг на друга, сливаются; он раздражается, затушевывает их; видно, что-то омрачает его. Вот уже три года он не был в России. Безотчетно в его сознании возникает образ березы, но он тут же гонит его от себя. Повторяясь, слово «береза» образует внутреннее пространство на бумаге, и оно заполняется отрывочными фразами, имеющими, на наш взгляд, глубокий смысл.

БЕРЕЗА
БЕРЕЗА
БЕРЕЗА

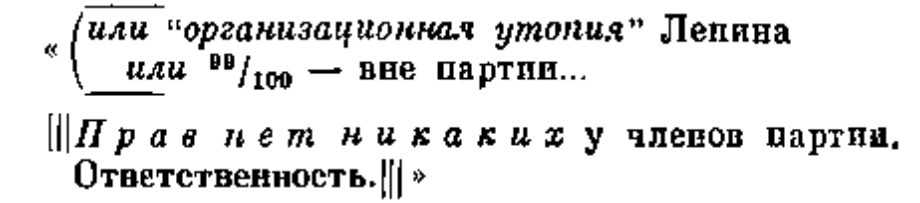
О внутреннем состоянии Ленина на II съезде партии мы можем судить по этим записям.

Читаем:

«№ 1 (не эластично) сужение круга и широта твердость и чистота идейная группировка «наши партийные организации должны быть организации профессиональных революционеров»».

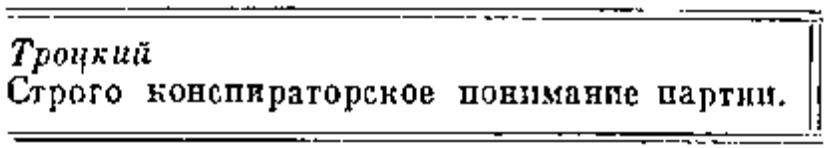
Под этими строчками слово «вред», трижды подчеркнутое, с отходящей от него жирной стрелкой, указывающей на какую-то мысль, сформулированную на правой странице разворота; синим карандашом начерченные прямоугольники и ромбы, возможно, являются геометрическими ассоциациями слов «твердость и чистота». На правой странице он записывает отрывки

услышанных им чужих фраз. Но гораздо интереснее фрагменты его собственных мыслей. Он записывает:

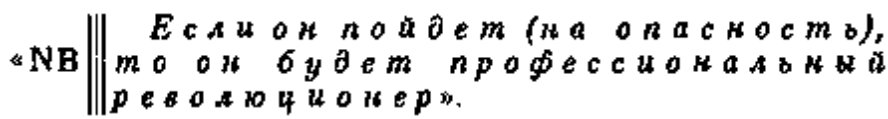

Последнее слово, так же как и слово «вред», подчеркнуто трижды.

А еще на одной из страничек его пометок к съезду он дает такую характеристику Троцкому, причем буквально в нескольких словах:

И дальше:

Эти странички беглых записей, сделанных рукой Ленина, выявляют для нас его внутренний мир нагляднее всех его трудов. Тут мысль обнажена до предела, до знака: стрела-гарпун — он должен разить; нужна твердость — он заштриховывает фигуры синим; очень важно — подчеркивает тремя упрямыми линиями. Возникает портрет человека, сосредоточенного на мысли затянуть узел, в данном случае на горле партии. Вот, например, слово «круг» в верхнем углу на левой странице, а под ним: «сужение круга», выведенное более жестким, колючим почерком. Это его воля в графическом воплощении. Как говаривал Троцкий, Ленин был из тех, кто любит гнуть подковы. Из такого теста получаются Робеспьеры, заметил как-то Плеханов.

На 11 съезде партии Ленин фактически уничтожил двух своих верных соратников — Мартова, человека тонкой души, еврейского интеллигента, ближайшего товарища по работе, какого у него больше не будет (эту пустоту восполнит Троцкий, но только отчасти); и Веру Засулич, свою покровительницу, благословившую его как наследника нечаевских идей. Ни Мартов, ни Вера Засулич так до конца и не оправились от этого удара. Крупская ничуть не преувеличивала, когда писала в своих мемуарах, что Вера Засулич чувствовала, будто получила

смертельный удар. Оставить «Искру» для нее значило еще больше оторваться от России, окончательно увязнуть в трясине русской эмиграции. Дело было не только в уязвленном самолюбии; для нее это было вопросом жизни и смерти. Между тем «Искру» стали редактировать трое: Плеханов, Аксельрод и Ленин.

Ленин эпохи II съезда, зубами и когтями сражавшийся за власть, в сущности, был тяжело больным человеком. Крупская свидетельствует, что в то время, когда съезд заседал в Лондоне, Ленин совсем не спал, а поначалу, еще в Брюсселе, с трудом заставлял себя принимать пищу. Многие, кто общался с ним в те дни, отмечали его нервозность, нездоровый цвет лица; их неприятно поражало то, как он грубо перебивает товарищей, постоянно переходит на крик. Думается, он отлично отдавал себе отчет в том, что вел себя недостойно. Но он шел напролом — ему надо было подчинить, подмять под себя съезд, и ему и в голову не приходило отказаться от завоеваний, доставшихся ему такой позорной ценой.

У Ленина был целый месяц после съезда, когда он имел возможность, изучив стенограммы заседаний, осмыслить свою роль на съезде. За это время он составил дневник съезда и написал с десяток статей, в которых касался мелких проблем, обсуждавшихся на съезде. После чего он окончательно подвел итоги II съезда в своей новой книге «Шаг вперед, два шага назад». В ней он подробно объяснял мотивы своих выступлений и одновременно защищался от «щипков» и «придирок» оппонентов. В основном тексте книги вы не найдете и следа его сомнений в своей правоте. Зато в многословных примечаниях и сносках он все-таки нехотя, через силу, пытается оправдаться, хотя тут же «прикладывает» своих противников. Однако чувствуется, что совесть его все-таки беспокоила.

Во время споров, разгоревшихся вокруг газеты «Искра», Ленин в недопустимо грубой форме выступал против Мартова, который потом горько упрекал его за это. В одной из сносок Ленин делает попытку извиниться, но она так и остается только попыткой: «Ленин вел себя, — употребляя его же выражение (Мартова. — О. Н.), — бешено… Верно. Он хлопал дверью. Правда. Он возмутил своим поведением… оставшихся на собрании членов. Истина. — Но что же отсюда следует? Только то, что мои доводы по существу спорных вопросов были убедительны и подтверждались ходом съезда. В самом деле, если со мной оказалось все же, в конце концов, девять из шестнадцати членов организации «Искры», то ясно, что это произошло несмотря на зловредные резкости, вопреки им. Значит, если бы не было «резкостей», то может быть еще больше, чем девять, было бы

на моей стороне. Значит, тем более убедительны были доводы и факты, чем большее «возмущение» должны были они перевесить».

Создается впечатление, что агрессивность Ленина на съезде была намеренным, вполне сознательным маневром, своего рода шоковой терапией, этаким террористическим актом, — как он их хорошо всех знал! — и он провел его со всей присущей ему ловкостью и упорством.

Разумеется, Мартов возразил Ленину, обвинив его в «бонапартизме худшего сорта», на что Ленин, отвечая ему, дал следующее определение «бонапартизму»: «…Это понятие… означает приобретение власти путем формально законным, но по существу дела вопреки воле народа (или партии)». А дальше он заявляет: не может быть и речи о том, что он (Ленин) захватил власть вопреки воле народа и партии; наоборот, одержанная им победа явилась выражением воли партии. Бонапартизм был еще слабым обвинением по сравнению с тем, в чем его обличали товарищи по партии. «Заряды посыпались градом, — пишет Ленин. — Самодержец, Швейцер, бюрократ, формалист, сверхцентр, односторонний, прямолинейный, упрямый, узкий, подозрительный, неуживчивый… Очень хорошо, друзья мои! Вы кончили? У вас больше ничего нет в запасе? Плохи же ваши заряды…»

Но если заряды и впрямь были так плохи, то почему же он то и дело возвращается к этой теме, словно обвинения товарищей не дают ему покоя? Видно, его задели за живое. Он чувствовал, что в чем-то они правы, или по крайней мере понимал, что все вышло не так, как надо. В другой сноске к книге «Шаг вперед, два шага назад» он приводит свой разговор с одним из делегатов съезда и какую он, Ленин, дал отповедь этому самому делегату:

«Не могу не вспомнить по этому поводу одного разговора моего на съезде с кем-то из делегатов «центра». «Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде!» — жаловался он мне. — «Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!..» «Какая прекрасная вещь — наш съезд!» — отвечал я ему. — «Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! — вот это я понимаю. Это — жизнь. Это — не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить…»

Товарищ из «центра» смотрел на меня недоумевающими глазами и пожимал плечами. Мы говорили на разный языках».

Крупская, ссылаясь в своих воспоминаниях на приведенный

выше отрывок, выразилась так: «В этом весь Ленин». Да нет, тот делегат был ему на один зуб. Где же тут победа в споре? А вот в чем он действительно был большой мастер, так это в «сужении круга». Он смог превратить революционную партию в централизованную, беспощадную организацию; с помощью словечка «расхождение», пожалуй, одного из самых страшных придуманных им ярлыков, он изживал из партии неугодных ему людей, обрекая их на небытие. Ему ничего не стоило унизить, оскорбить человека прямо в лицо, а потом поражаться, почему человек от него отвернулся. Почти на половине страниц своей книги он разносит Мартова, причем не выбирая выражений, а потом искренне удивляется: и чего это Мартов на него в обиде? Беда в том, что всю жизнь в нем боролись два начала — холодная немецко-скандинавская кровь и горячая кровь чувашских предков. В его характере слились эти два качества — он мог ранить людей ледяным презрением, при этом испытывая к ним горячую, пылкую любовь. Да, он был способен на глубокую привязанность и теплоту.

После съезда он не переставал посылать гонцов мира к Мартову и Троцкому, который тоже предпочел компанию меньшевиков. Очевидно, рассчитывая на то, что его письмо будет прочитано Мартовым, Ленин писал А. Потресову: «Согласен, я часто проявлял ужасную раздражительность и гнев, и я готов признать свою вину перед любым товарищем…» Но Мартов и Троцкий слишком хорошо знали его натуру и не спешили угодить в его путы. Раскол между ними был серьезный. Ленину требовалась революционная элита, которая, по словам Троцкого, должна была стать «диктатурой над пролетариатом». Меньшевики желали революции, но осуществленной народом; говоря о диктатуре пролетариата, они мыслили так, что власть в свои руки должны взять рабочие, а не кучка интеллигентов. Кстати, из всех делегатов съезда, кажется, только четверо были рабочими.

Хотя Ленин и одержал верх на II съезде партии, удовлетворения это ему не принесло. Он лишился покоя. Из-за него произошел раскол в партии; Бунд порвал всякие отношения с социал-демократами. Правда, большевики в целом поддержали его программу, и кроме того, он проявил свой недюжинный талант политического вождя. Но вместе с тем он стал многим неприятен из-за своей нетерпимости, из-за проявившихся в нем непомерных амбиций. И как часто бывало с ним в прошлом, когда все было против него, он испытал сильнейший нервный срыв. Вдруг, без всякого предупреждения, Ленин выходит из состава редколлегии «Искры». Теперь он сам познал, что такое

«расхождение», «оказавшись за бортом» (тоже его оборот) редакционной коллегии партийной газеты. 18 ноября 1903 года он отправил Плеханову заявление о своем выходе из редакции «Искры» с просьбой опубликовать его в «Искре». В письме к старому другу, Александре Калмыковой, он писал, что выход из «Искры» едва не прикончил его.

Действительно, он выдохся, силы его были почти на исходе; он был глубоко несчастен и подавлен. Плеханов, и тот примкнул к меньшевикам. Ленин с грустной иронией рассказывал Цецилии Зеликсон, приехавшей той зимой из России навестить его, что вместо своего обычного «преданный вам» он теперь подписывает свои письма Плеханову так: «преданный вами». После всего того, что произошло, завидев на улице кого-нибудь из меньшевиков, он стал переходить на другую сторону, чтобы избежать встречи.

Цецилия Зеликсон, очень неглупая женщина, оставила нам красноречивые воспоминания о той встрече с Лениным. В них много тонких наблюдений за человеком, который не в ладах с миром, которого грызут душевные муки. Худой, истощенный от переживаний, он тем не менее был способен оценить шутку. Он ощущал сильную тоску по родине и мог чарами слушать заезжего гостя из России.

В Сешероне Ленин с семьей жил в обыкновенном деревенском доме. Деревянная лестница вела на второй этаж, где были спальни, на редкость бедно обставленные. Там стояли узкие кровати, столы, заваленные газетами и журналами, по стенам — ряды книжных полок. Зато в кухне было хорошо и уютно. В ней было много места, а на плите постоянно кипел большой эмалированный чайник. Здесь были владения Елизаветы Васильевны, матери Крупской, которая радушно принимала и потчевала гостей и всегда жаловалась на свою дочь и зятя. Они только и знают что сидят над своими книжками и тетрадями, говорила она. Владимира Ильича в могилу сведет его работа, и Надя вся извелась; поесть их не дозовешься… Елизавету Васильевну глубоко огорчал раскол в партии, она много думала, как помочь делу, и наконец придумала. Она была очень высокого мнения о Вере Засулич. «Видите ли, — говорила Елизавета Васильевна, — главное — вправить им мозги, Мартову и Ленину, и Вера Засулич как раз тот человек, кто сумеет это сделать. Я как-нибудь с ней поговорю, и вы увидите, — она проведет с ними работу, и они больше не будут ссориться. Это было бы лучше всего, и Надя перестала бы так беспокоиться…»

Но мечте Елизаветы Васильевны о примирении большевиков с меньшевиками не суждено было сбыться. Ярлык Робеспьера-Бонапарта слишком крепко прилип к Ленину, и не так-то просто

было от него избавиться. И как он ни пытался оспаривать сложившееся мнение или молча не принимать его — все было тщетно. Он даже набросал план своего обращения к партии, которое начиналось так: «Ответ на сплетни о бонапартизме. Вздор. Отвечать ниже достоинства. Свобода агитации за съезд… «> Но свобода агитации была пустым словом — агитировать было некого, у него не было больше партии. Меньшевики без конца с возмущением пересказывали друг другу, как чуть не угодили под власть новоявленного Бонапарта, а большевики, обязанные ему своей сомнительной победой на съезде, не горели желанием подчиняться его воле.

Но жребий отщепенца, «выброшенного за борт», был не для Ленина. Он поступил так, как и следовало от него ожидать: основал новую газету и новую партию. В июле 1904 года он писал: «У нас рождается партия, и никакие уловки и проволочки, никакая старчески-озлобленная руготня новой «Искры» не удержит решительного и окончательного приговора этой партии». И снова у него на руках все те же козыри: теория авторитарной власти, такая простая и ясная, и связь с широкой сетью подпольных организаций в России. Всем своим верным сторонникам там он писал письма, в которых клеймил «Искру», меньшевиков и всякого, кто был в оппозиции к нему лично. А поскольку в большинстве случаев подпольщики в России были не в курсе настоящего положения дел, Ленин, пользуясь этим, уверенно проводил мысль о том, что его враги заняли неслыханно зловредную и глупейшую позицию на съезде.

В Женеве за ним пошли немногие. Обычно его сторонники собирались в задней комнате кафе «Ландо» на одной из площадей в центре Женевы. Противники Ленина устраивали встречи в том же кафе, и тоже в задней комнате, где-то рядом. Иногда время их встреч совпадало. Цецилия Зеликсон вспоминала, как однажды Ленин и Крупская сидели в кафе и ждали своих соратников.

Несколько человек из них жили в Женеве, а кое-кто приехал из России (они так потом и появились, ряженные в одежду, в какой нелегально пересекли границу). Так вот, пока их ждали, мимо двери прошли Плеханов с Мартовым в сопровождении небольшой группы меньшевиков и исчезли за порогом другой комнаты. «Нас тогда было ничтожно мало», — писала Цецилия Зеликсон. Обычно на таких заседаниях вокруг Ленина собиралось не более десяти — двенадцати человек. Они слушали его речи, в которых он бичевал уже не прежнего своего врага, царское самодержавие, а «так называемых посланников рабочего класса» — Плеханова, Мартова и других. Не прошло и полугода с момента его триумфа на съезде, как победа обернулась для него

поражением.

Летом 1904 года, бросив все партийные дела, он вместе с Крупской отправляется путешествовать по горам Швейцарии. Первое время их сопровождала молодая женщина, член партии, имевшая подпольную кличку Зверь. Настоящее ее имя было Мария Моисеевна Эссен. Она была из тех революционеров, которых постоянно ловят и сажают в тюрьму или ссылают, а они всякий раз сбегают. Она давно дружила с семьей Ульяновых, всех их знала и особенно была привязана к матери Ленина, Марии Александровне. Приезжая в Швейцарию, она всегда останавливалась в доме Ленина в Сешероне. Ей было тридцать два года, но выглядела она значительно моложе своих лет. Крупская писала о ней, что она была живая и веселая и заражала всех своей энергией.

Судя по мемуарам, Крупская всегда нежно относилась к подругам Ленина. Видимо, ей было приятно в их компании. Крупская рассказывает, что Зверь отправилась в путешествие вместе с ними, но вскоре бросила их; ей не нравилось, что их влечет в места, «где живой кошки не встретишь», а ее тянуло людям. Зверь передает ту же историю, но по-другому. Она прошла с ними довольно длинный путь с рюкзаком за плечами. Зверь вспоминает, как они приплыли на пароходе в Монтрё. Восхищенные красотой гор после осмотра мрачного Шильонского замка, они с Лениным решили забраться на одну из горных вершин, оставив Крупскую в гостинице. Зверь так описывает их восхождение на вершину:

«…Решили подняться на одну из снежных вершин. Сначала подъем был легок и приятен, но чем дальше, тем дорога становилась труднее. Было решено, что Н. К. останется ждать нас в гостинице.

Чтобы скорее добраться, мы свернули с дороги и пошли напролом. С каждым шагом труднее карабкаться. В. И. шагал бодро и уверенно, посмеиваясь над моими усилиями не отстать. Через некоторое время я уже ползу на четвереньках, держась руками за снег, который тает в руках, но не отстаю от В. И.

Наконец добрались. Ландшафт беспредельный, неописуема игра красок. Перед нами, как на ладони, все пояса, все климаты. Нестерпимо ярко сияет снег; несколько ниже — растения севера, а дальше сочные альпийские луга и буйная растительность юга. Я настраиваюсь на высокий стиль и уже готова начать декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на В. И.: он сидит, крепко задумавшись, и вдруг выпаливает: «А здорово гадят меньшевики!’’» (Заметим в скобках, что еще до отьезда из Женевы обе женщины взяли с Ленина обещание не говорить о политике и

особенно избегать всяких разговоров о меньшевиках и Бунде.)

Ленин питал к Эссен особую симпатию. Он постоянно упоминал се имя в своих письмах, а иногда посылал с поручениями на важные переговоры. Однажды он направил ее в Париж. Там она должна была встретиться с Луначарским, Богдановым и Ольминским, чтобы обсудить план издания новой газеты. Естественно, она попросила Ленина назвать достопримечательности, которые ей следовало бы посмотреть в Париже, и он, что было совершенно в его духе, посоветовал ей прежде всего отправиться на кладбище Пер-Лашез к «Стене коммунаров», после чего побывать в Музее Французской революции и в Музее восковых фигур Граве-на. Бывая в Париже, Ленин всегда посещал «Стену коммунаров». Он считал, что знамя Парижской Коммуны должно стать знаменем мировой республики, — эту знаменательную фразу он написал в своем черновике к какому-то выступлению, но потом вычеркнул. Тем не менее это свидетельствует о том, с каким глубоким уважением он относился к памяти коммунаров.

Разумеется, Зверь была в восторге от предложенного ей списка парижских диковин и спросила, что еще есть достойного внимания в Париже.

«— Обязательно сходите в Зоологический сад, у вас будет такое ощущение, точно вы совершили кругосветное путешествие. — И, заметив, что я жду еще чего-то, добавил: — Ну, насчет музеев, выставок и всего прочего обратитесь к Жоржу (Плеханов. — О. И.), он все это здорово знает и даст вам нужные указания».

В горах Швейцарии Зверь сопровождала их около недели, а затем вернулась в Женеву. Крупская и Ленин продолжили путешествие вдвоем. «Мы всегда выбирали самые дикие тропинки, забирались в самую глушь, подальше от людей, — рассказывала Крупская. — Пробродяжничали месяц; сегодня не знали, где будем завтра; вечером, страшно усталые, бросались в постель и моментально засыпали».

Иногда Ленин вдруг вспоминал, что он все еще вождь политической партии, и хотя в этой партии едва ли набралось бы с сотню членов, начинал из какой-нибудь тихой швейцарской деревушки бомбардировать письмами своих сторонников в России. Он заверял их в том, что растет новая, молодая партия. Конечно же, это ему пока мерещилось. Во время путешествия Ленин взялся за перевод книги Д. А. Гобсона «Империализм». Это тяжелое, топорное исследование пришлось Ленину по вкусу. «Империализм, — пишет Гобсон, — есть врожденный грех всех развитых стран, и по закону природы его ждет неминуемое

наказание». Книга Гобсона читалась как перевод с русского, и Ленину, по-видимому, не составляло труда ее перевести. Но рукопись была затеряна, и потому книга вышла в России в другом переводе. Крупская тоже что-то переводила. Ленин безропотно таскал в своем рюкзаке за спиной ее толстенный франко-русский словарь.

Ленин с Крупской нагрузились книгами, но читать им было некогда. Перед ними стояла совсем другая задача: за время путешествия Ленин должен был восстановить свое здоровье и психическое равновесие. Он нуждался в отдыхе: у него был расстроен сон, его донимала крапивница, мучили длительные приступы депрессии. Бывали дни, когда он совсем не мог работать, но как только силы возвращались к нему, работал без перерыва все двадцать четыре часа в сутки. Его выход из редакции «Искры» едва не стоил ему жизни. Не доверяя врачам, Ленин рассчитывал на то, что длительное пребывание на свежем воздухе и хорошая прогулка по горным деревушкам излечат от всех болезней не только его тело, но и душу. К августу он действительно поправился. «Гуляю, купаюсь и бездельничаю, — писал он матери. — Прекрасно вообще отдохнул этим летом!»

В пути они питались сыром и яйцами, запивая все это вином или колодезной водой. Чаще всего они ночевали в деревенских домах, потому что у них мало было денег, и кроме того, Крупская по какой-то необъяснимой причине не любила гостиницы и их постояльцев. Но однажды они набрели на маленькую гостиницу, хозяева которой были членами местной социал-демократической партии, и решили в ней остановиться на ночь. Там им подсказали, чтобы они Не вздумали есть с туристами, а поужинали бы с кучерами и прислугой. «Вдвое дешевле и сытнее, — сказал им местный работяга. — Мы всегда питаемся с прислугой». Крупская, вспоминая этот эпизод, сентенциозно замечает: «Там много говорят о демократии, но сесть за один стол с прислугой не у себя дома, а в шикарном отеле — это выше сил всякого выбивающегося в люди мещанина».

В сентябре они вернулись в Женеву бронзовые от загара и отдохнувшие. Им предстояло буквально начинать все сначала, по крохам собирая то, что еще как-то уцелело. Ленин принялся строить планы издания новой газеты «Вперед». Чтобы заработать немного на жизнь, он читал лекции. Они оставили свой домик в Сешероне и переехали в квартиру поближе к центру города. В редакцию его новой газеты согласились войти Богданов, Ольминский, Луначарский и Воровский, — ему таки удалось их «обаять». «Новая, растущая партия» и в самом деле начинала обретать зримые очертания. Ленин подсчитал, что для издания

газеты «Вперед» ему понадобится две тысячи рублей. Во все концы Европы и России полетели письма с просьбой посодействовать средствами в фонд нового партийного издания. «Усердно прошу…» — писал Ленин, но чаще всего его просьбы пропускали мимо ушей. Поэтому, когда, наконец, вышел первый номер, финансовое положение редакции было на грани банкротства. Им пришлось наделать долгов, чтобы расплатиться с типографией.

Оказалось все же, что лучшего момента для выхода новой подпольной газеты, распространяемой в России, нельзя было и придумать. Шла Русско-японская война, и все слои русского общества единодушно роптали против царского режима, не способного править страной и разбить японцев. Еще наглее стали действовать террористы. В июне 1904 года в Финляндии был убит генерал-губернатор; через месяц, в июле, средь бела дня в Петербурге убили министра внутренних дел Вячеслава Плеве. Он ехал в карете по улице и был застрелен революционером Егором Созоновым, совершившим этот террористический акт «из высших идейных соображений». Новым министром внутренних дел был назначен князь Святополк-Мирский, либерал, исполненный искреннего желания наладить отношения между царем и обществом. Правда, как это сделать, он понятия не имел.

В ноябре должен был состояться съезд представителей от всех земств; он был запрещен правительством, но устроители его не подчинились приказу властей, и съезд состоялся. Полицейские следили за собравшимися со стороны, брали на заметку, строчили подробные донесения, но никого из делегатов не арестовали, несмотря на то, что на съезде звучали призывы покончить с самодержавием и выдвигались требования свобод, с точки зрения правящей династии немыслимых, — ни один из предшественников Николая II их не позволил бы. Котел народного негодования бурлил, готовый вот-вот взорваться. Вторую половину 1904 года символически называли «весной», а затем последовало мятежное, жаркое «лето».

На первой странице первого номера газеты «Вперед», выпущенного 6 января 1905 года, Ленин писал:

> «Военный крах неизбежен, а вместе с ним неизбежно и удесятерение недовольства, брожения и возмущения.
>
> К этому моменту должны мы готовиться со всей энергией. В этот момент одна из тех вспышек, которые все чаще повторяются то здесь, то там, поведет к громадному народному движению. В этот момент пролетариат поднимется во главе восстания, чтобы

отвоевать свободу всему народу, чтобы обеспечить рабочему классу возможность открытой, широкой, обогащенной всем опытом Европы, борьбы за социализм».

А через восемнадцать дней улицы Петербурга уже были залиты кровью.

Год тысяча девятьсот пятый

Так бывает, что на долю страны выпадает год сплошных испытаний; со всех сторон сыплются несчастья, словно насылаемые злым роком. Для России это был 1905 год.

Началось с того, что 22 января, известного в истории как «Кровавое воскресенье», огромная процессия, в которой было свыше 140 тысяч человек — мужчин, женщин и детей, — возглавляемая отцом Гапоном, бывшим тюремным священником, прошла по улицам Санкт-Петербурга к Зимнему дворцу, чтобы вручить царю петицию. Был холодный, морозный день, валил снег и дул пронизывающий ветер, но процессия шла спокойно, не нарушая порядка. Люди несли иконы и портреты царя и пели «Боже, царя храни». В этом торжественно-молчаливом шествии было что-то внушительное, сродни неумолимо надвигающейся природной стихии. Сторонние наблюдатели потом сравнивали эти людские потоки, постепенно заполнявшие огромную Дворцовую площадь, с морским приливом. Казалось, что еще немного — и людское море захлестнет дома и дворцы, хлынет дальше, в Неву. Но ничего угрожающего в этих народных толпах не было. Люди шли молча, мирно; они ждали, что царь явится им и из окна Зимнего дворца даст свое благословение.

В. Н. Ульянов — старший брат И. Н. Ульянова, дядя Ленина со стороны отца,

Астрахань, 1860-е гг.

Дом Ульяновых, предков Ленина с отцовской стороны, в Астрахани.

1830-е гг.

И. Н. Ульянов.

Пенза, 1860-е гг.

М. А. Ульянова.

Пенза, 1863 г.

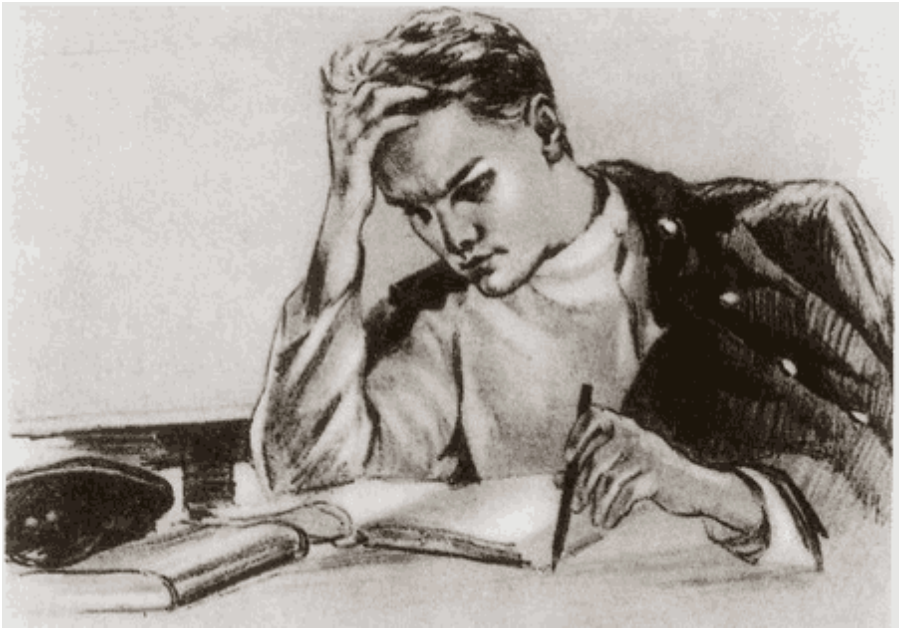
Володя Ульянов с сестрой Ольгой.

Симбирск, 1874 г.

Семья Ульяновых.

Слева направо: (стоят) Ольга, Александр, Анна; (сидят) Мария Александровна с младшей дочерью Марией, Дмитрий, Илья Николаевич, Владимир. Симбирск, 1879 г.

«На каникулах».

Рис. Н. Жукова.

Анна Ульянова.

Петербург, 1880-е гг.

Александр Ульянов.

Петербург, 1887 г.

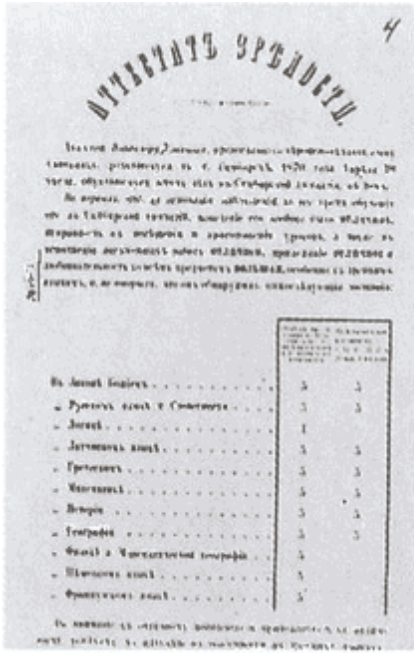

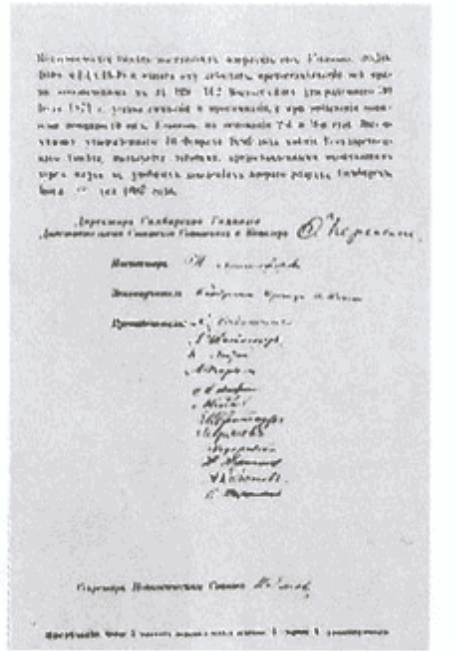

Предтечи: Д. И. Писарев, С. Г. Нечаев, М. А. Бакунин, К. Маркс.

В. Ульянов в год окончания гимназии. Симбирск, 1887 г.

ПРЕУСПЕВАЮЩЕМУ

Аттестат зрелости В. Ульянова и Золотая медаль, полученная В. Ульяновым по окончании гимназии.

С.-Петербургский университет, главное здание.

«В. И. Ленин на государственных экзаменах в Петербургском университете».

Худ. В. Орешников.

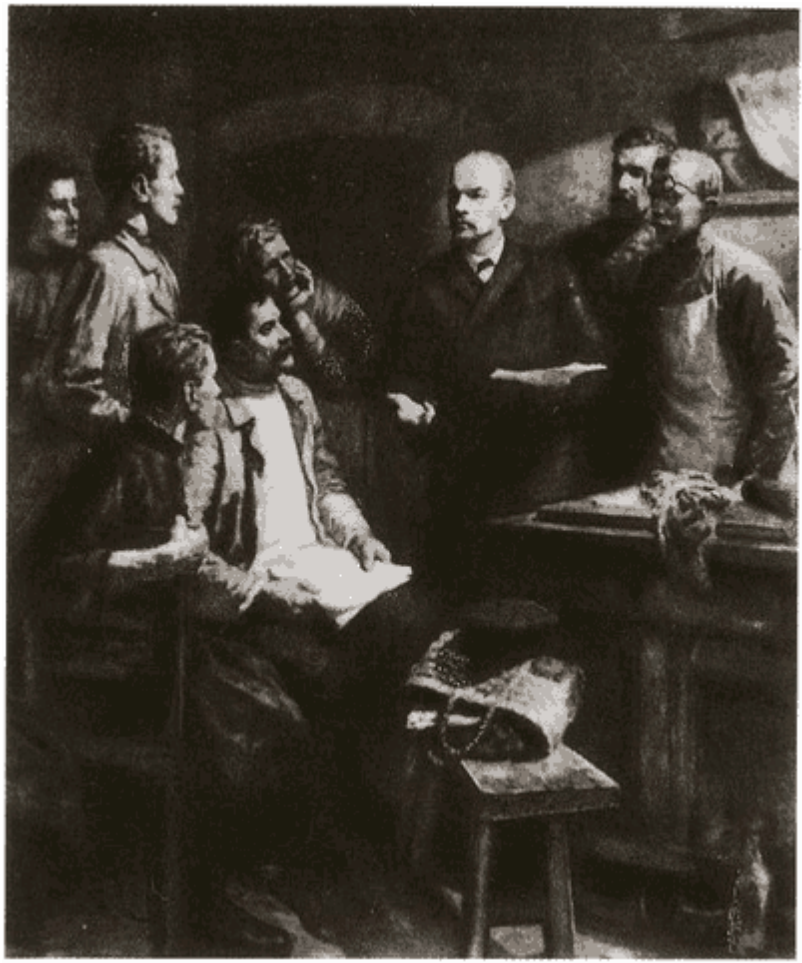
Карточка охранного отделения на В. И. Ленина. 1895 г.

В. И. Ульянов среди членов Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Слева направо: (сидят) В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, В. И.

Ульянов, Л. Мартов; (стоят) А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев. Петербург, февраль 1897 г.

«Первая листовка».

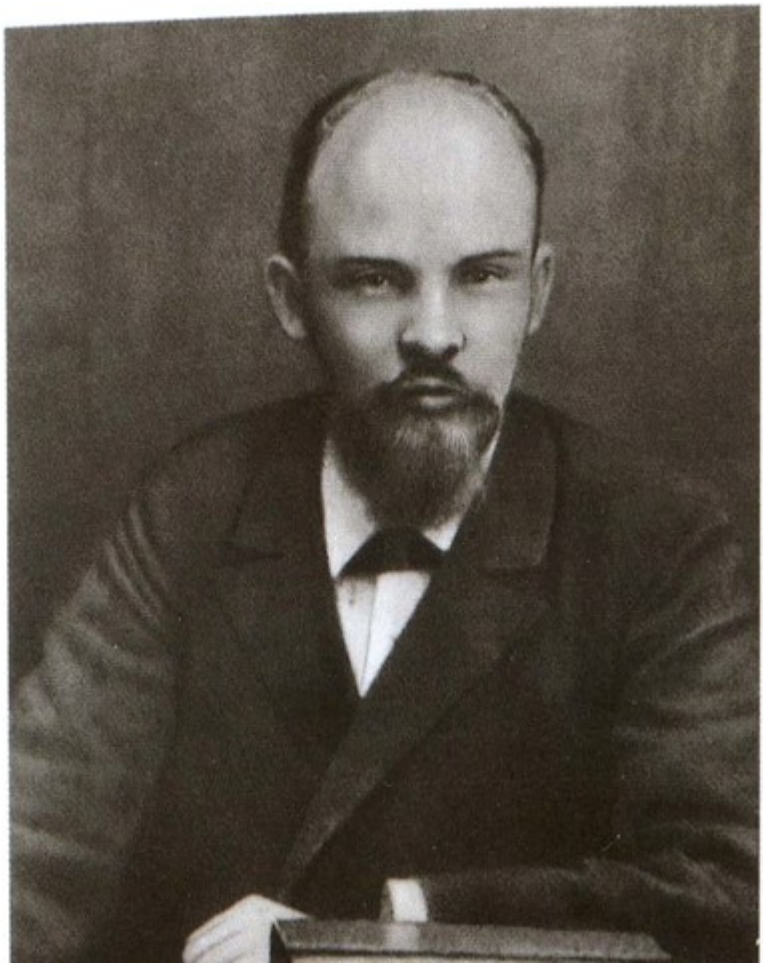
Худ. Ф. Голубков

В этой комнате, которую Ленин снимал в 1894–1895 гг. в Б. Казачьем переулке в Петербурге, была написана работа «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

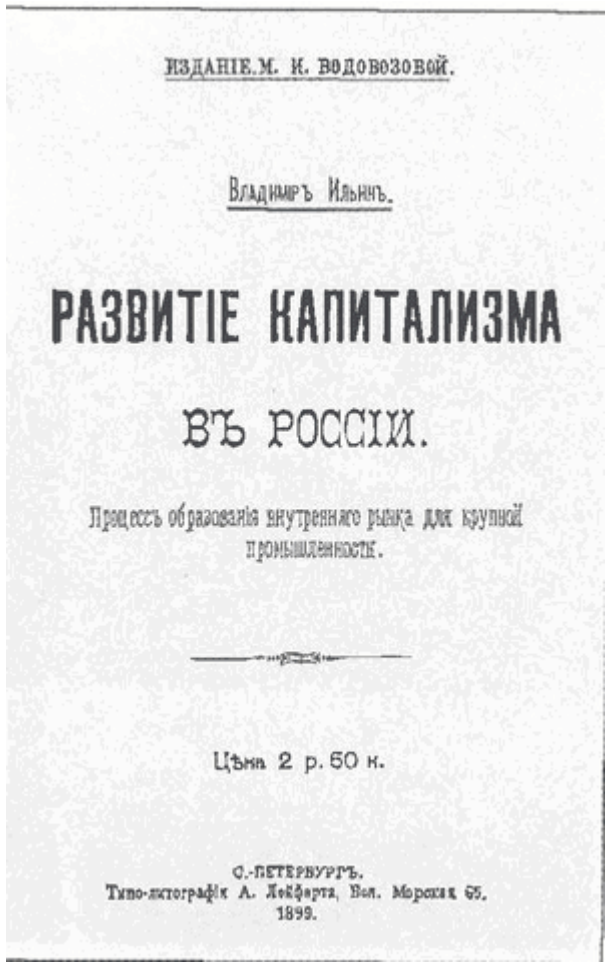
Н. К. Крупская — учительница вечерне-воскресной школы за Невской заставой в Петербурге. 1895 г.

В. И. Ленин 1897 г.

Дом в селе Шушенском, в котором жил во время ссылки В. И. Ленин.

ИЗДАНІЕ М. К. ВОДОВОЗОВОЙ.

Владиміръ Ильинъ.

РАЗВИТІЕ КАПИТАЛИЗМА

ВЪ РОССІИ.

Процессъ образованія внутренняго рынка для крупной промышленности.

Цѣна 2 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія А. Лейферта, Вел. Морская 65.
1899.

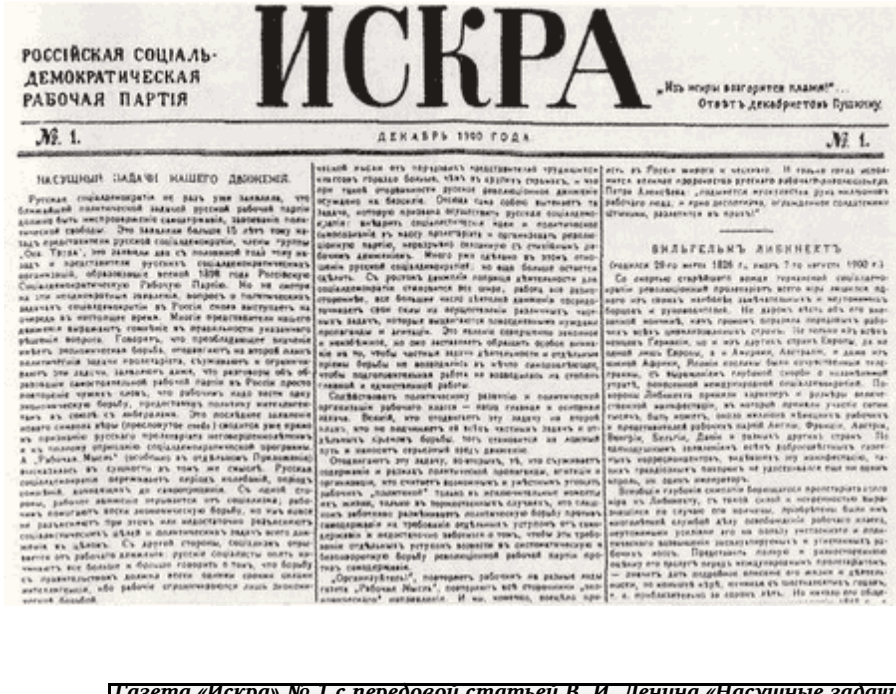
Обложка первого издания книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». 1899 г.

Н.К. Крупская с матерью. Петербург, 1898 г.

В. И. Ленин. Москва, 1900 г.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 1. ДЕКАБРЬ 1900 ГОДА № 1.

НАСУЩНЫЕ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНІЯ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ЛИБКНЕХТЪ

Газета «Искра» № 1 с передовой статьей В. И. Ленина «Насущные задачи нашего движения». 1900 г.

В. И. Засулич.

Г. В. Плеханов.

Лондон, Холфорд-сквер, 30. В. И. Ленин жил в этом доме в 1902–1903 гг.

Читальный зал Британского музея, где работал В. И. Ленин.

Петиция, которую отец Гапон намеревался вручить царю, была составлена очень грамотно и толково; убедительность и твердость в ней сочетались с изъявлением благоговейной покорности своему государю. Чувствовалась рука автора, поднаторевшего в политических диспутах. Петиция была длинная — пять страниц плотным шрифтом набранного текста содержали требование давно назревших реформ. Текст ее широко обсуждался на рабочих собраниях и уже был известен царским министрам. Стиль и манера изложения были несколько архаичны, но это не сбавляло напряженности тона документа, наоборот, делало его более патетичным, страстным. Петиция звучала так:

«Государь!

Мы, рабочие и жители г. Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильными трудами, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою участь и молчать.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества. Нас душит деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению.

Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного и просим: мы желаем только того, без чего жизнь — не жизнь, а каторга, вечная мука.

Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева, вместе с нами, обсудили наши нужды, но в этом нам отказали. Нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что за нами не признает закон такого права, незаконными оказались также наши просьбы — уменьшить число рабочих часов до 8 в день, установить цены на наши работы вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией завода, увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд не ниже одного рубля в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорблений, устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега…

Государь! Нас здесь больше 300 000 — и все это люди только по виду, только по наружности; в действительности же за нами, как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Нас поработили, и поработили под покровительством твоих чиновников, с их помощью, при их содействии…

Государь! Разве это согласно с Божескими законами, милостью которых ты царствуешь? Разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть всем нам — трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты и чиновники-казнокрады, грабители русского народа…

Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе. Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию счастливой и славной, и имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу — мы умрем здесь на этой площади перед твоим дворцом…»

И они умирали, умирали под залпами казачьих ружей. В тот день на Дворцовой площади были убиты по меньшей мере три сотни человек и полторы тысячи были ранены. Впрочем, точного количества жертв никто не знал. Ясно было одно: произошла чудовищная, кровавая расправа над народом. Приказ о расстреле отдал родной дядя царя, великий князь Владимир. Этим своим приказом он подписал смертный приговор царской династии.

Известия о страшном палаческом акте достигли Женеву на следующее утро. В это время Ленин с Крупской направлялись в библиотеку. По дороге они встретили Анатолия Луначарского с женой Анной. Луначарские уже успели прочесть утренние газеты и были в страшном волнении; казалось, оба лишились дара речи. Крупская потом вспоминала, что Анна, держа в руке муфту, как-то странно размахивала ею в воздухе. Они тут же пошли в ресторанчик, хозяевами которого были эмигранты из России. Там они спели траурный марш революционеров, почтив таким образом память павших на Дворцовой площади.

В течение последующих дней мало что можно было узнать о подробностях «Кровавого воскресенья». Не дожидаясь. их, Ленин направил в очередной номер газеты «Вперед», уже подготовленный к печати, небольшую статью весьма

фантастического свойства. Он писал: «…Престиж царского имени рушится навсегда. Начинается восстание. Сила против силы. Кипит уличный бой, воздвигаются баррикады, трещат залпы и грохочут пушки. Льются ручьи крови, разгорается гражданская война за свободу. К пролетариату Петербурга готовы примкнуть Москва и Юг, Кавказ и Польша. Лозунгом рабочих стало: смерть или свобода!»

В действительности никакого восстания не было. Была кровавая бойня, расстрел безоружной, мирной процессии. Однако легко можно было предположить, даже не очень точно зная детали происшедшей драмы, что расправа с народом способна послужить началом народной войны с царизмом. Первое время Ленин был склонен считать отца Гапона провокатором. В самом деле, роль этого священника, одно время имевшего широкие связи в полиции, до сих пор окончательно не выяснена. После 22 января Гапон бежал из Петербурга, и вскоре появились два документа, написанные им (или кем-то за него); первый был манифестом, обращенным к царю, второй — открытым письмом, с которым он обращался к социалистическим партиям России. В манифесте он клеймил царя позором и подобно пророку предрекал недостойному императору заслуженное и близкое возмездие. В открытом письме он призывал к свержению царя. Гапон считал, что для этой цели годится все: «бомбы и динамит, террор единичный и массовый, — все разрешаю». Эти жуткие слова, от которых стынет кровь, Гапон повторил дважды — в обращении к царю и в своем открытом письме к революционерам.

Прошло немного времени, и отец Гапон собственной персоной объявился в Женеве. Это был маленький человечек с бледным лицом и черной бородой, облаченный в рясу, от которой все еще попахивало порохом. Женщина-эсерка дала знать Ленину, что его желает видеть священник, тот самый Гапон. Решено было устроить встречу на нейтральной почве, в кафе, не пользовавшемся популярностью у партийных товарищей. Революционный пыл и искренность священника произвели на Ленина сильное впечатление; поразило его и то, что у Гапона не было никакого четко сформулированного революционного мировоззрения, то есть философской основы его радикализма. «Ему еще многому надо учиться, — сообщал потом Ленин Крупской. — Я сказал ему: «Вы, батенька, лести не слушайте, учитесь, а то вон где очутитесь», — и показал под стол».

Отец Гапон последовал совету Ленина. Прочитав работы Плеханова, он приготовился играть роль революционного вождя, для этого научился ездить верхом и стрелять из пистолета. Он воспринимал революцию чисто эмоционально, не понимая, что

это дело нешуточное, и совсем не разбирался в социальных теориях. Конечно же, постигнуть идеи Плеханова ему было не под силу. Вместе с тем он был из тех ораторов, кто, не имея собственных воззрений, владеет невероятным свойством улавливать настроения аудитории. Революционеры, знавшие о его былых связях с охранкой, ему не доверяли. С тех пор как Гапон уехал из России, любое мероприятие, какое бы он ни затевал, кончалось провалом. Например, ему собрали большие деньги, чтобы он закупил боеприпасы в Англии. Далее он сам договорился о том, что груз будет доставлен из Англии в Россию на судне «Джон Графтон». Но судно село на мель у побережья Финского залива и взорвалось. Ленин, в отличие от других, поддерживал Гапона, он даже снабдил его списком нелегальных адресов в Петербурге и фальшивым паспортом. Он был убежден, что, получив в свое распоряжение бомбы и ружья, рабочие сразу же поднимут восстание. Все лето он ждал и надеялся, очень рассчитывая на успех этой рискованной морской экспедиции. Поэтому когда в начале сентября пришло известие о гибели корабля, он совершенно упал духом.

Что было с Гапоном дальше, толком никто не знал. Ходили слухи, будто в апреле 1906 года он был приговорен к смерти и повешен революционерами, прослышавшими о том, что он возобновил свои связи с царской охранкой. Однако эта версия не слишком убедительная. Доподлинно известно только то, что он вознесся на вершину своей славы на гребне событий «Кровавого воскресенья», а затем, запутавшись в политических интригах и предательстве, канул в неизвестность.

Что касается Ленина, то он воспользовался собственным советом, данным им Гапону. До того он изучал теорию революции; теперь же он погрузился в изучение практики гражданской войны. Он прочел Клаузевица[19] и перевел статью об уличных боях Густава-Поля Клюзере, человека неординарного, который принимал участие в Гражданской войне в Америке и был одним из защитников Парижской Коммуны. Сверх того, Ленин переработал и отредактировал русский перевод работы Маркса «Гражданская война во Франции». Его ум, ранее занятый исследованием абстрактных понятий, теперь искал решений практического свойства. Ленина отныне больше интересовали пушки, всякого рода вооружение и тактика военных действий. Каждое утро в одно и то же время он появлялся в библиотеке «Societe de Lecture», — человек невысокого роста (по швейцарской моде он заправлял брюки в носки) и, прежде чем усесться за свой стол у окна, характерным жестом несколько раз похлопывал себя по лысине. Он был рабом привычки, методичным и аккуратным,

собранным и точным во всем буквально; на его столе книги и бумаги лежали сложенные в стопки, стул был повернут к окну всегда под определенным углом. Уютно расположившись среди книг, он погружался в кошмарный мир кровавых расправ, убийств и чудовищных подробностей насилия — верных спутников любого вооруженного мятежа.

В той тихой женевской библиотеке он переживал сильнейшие душевные потрясения, которые приводили его в состояние крайнего возбуждения. Все, что он писал в то время, внушает ужас; каждая строка таит угрозу огромной, непоправимой, надвигающейся беды. Еще раньше, в своей работе «Что делать?», он пророчествовал, что вслед за революцией в России займется революционным пламенем вся Европа. В августе, в наброске к статье «Рабочий класс и революция» он небрежно роняет слова, от которых так же, как и от известных слов Гапона, идет мороз по коже — «зажечь Европу». Не иначе как давние его предки, древние германцы, с их извечной мечтой спалить землю, одолели-таки его душу.

Он мечтал, и мечтал с размахом. Перед его внутренним взором возникали картины революционных битв, — а ведь пока революции как таковой не было. В недатированной рукописи, вероятно, относящейся к июню или к июлю 1905 года (увидевшей свет только через два года после его смерти), он пророческой рукой начертал этапы грядущей революции. Уместно будет привести довольно значительный отрывок из этого его произведения, потому что в нем он предвосхитил последовательность революционных событий, которые должны были произойти через двенадцать лет. Вот как он их описывает:

> «Момент. Разбит царизм в Санкт-Петербурге. Самодержавное правительство свергнуто, — разбито, но не добито, не убито, не уничтожено, не вырвано с корнем.
>
> Временами революционное правительство апеллирует к народу. Самодеятельность рабочих и крестьян. Полная свобода. Народ сам устраивает свой быт. Прогрета правительства = полные республиканские свободы, крестьянские комитеты для полного преобразования аграрных отношений. Программа социал-демократической партии сама по себе. Социал-демократы во временном правительстве = делегаты, приказчики социал-демократич. партии.
>
> Далее — Учредительное собрание. Если народ поднялся, он…[20] (хотя бы и не сразу) может оказаться в

большинстве (крестьяне и рабочие). Ergo, революционная диктатура пролетариата и крестьянства.

Бешеное сопротивление темных сил. Гражданская война в полном разгаре, — уничтожение царизма.

Организация пролетариата растет, пропаганда и агитация социал-демократии увеличивается в десятки тысяч раз: все правительственные типографии, etc. etc. «Mit der Gmndlichkeit des geschichtlichen Aktion wird auch der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist». [21]

Крестьянство само взяло в руки все аграрные отношения, всю землю. Тогда приходит национализация.

Громадный рост производительных сил — вся деревенская интеллигенция, все технические знания бросаются на подъем сельскохозяйственного производства, избавление от пут (культурники, народники etc. etc.). Гигантское развитие капиталистического прогресса…

Война: из рук в руки переходит крепость. Либо буржуазия свергает революционную диктатуру пролетариата и крестьянства, либо эта диктатура зажигает Европу и тогда…?)»

На этот вопрос Ленин не ответил — возможно, был слишком захвачен посетившим его видением будущего. По сценарию действие разворачивается под барабанный бой. Эффект барабанной дроби достигается ритмическим рядом создающих напряжение слов: «но не добито, не убито, не уничтожено, не вырвано с корнем». В первом абзаце прелюдия к схватке, шаг на месте, и вперед, в атаку! Начинается сражение; перед зрителем предстает жуткая картина кровавой битвы. Еще в 1902 году Каутский высказывал предположение, что следующая революция будет борьбой не народа с правительством, а борьбой целых враждующих классов. Именно это и увидел Ленин: смертельную схватку классов — «бешеное сопротивление темных сил», — явившуюся его воспаленному воображению.

Главное, что поражает в приведенном выше провидческом пассаже, так это неопределенность, некая двойственность в ленинском понимании грядущей революции. Революция, говорит он, должна освободить производительные силы, вызвать их «громадный рост»; и тут же — «гигантское развитие капиталистического прогресса…». По-видимому, он имеет в виду государственный капитализм. Предположим, что так. И вдруг откуда ни возьмись устрашающее зрелище — образ крепости, переходящей из рук в руки… Земля отдана крестьянам, но вот

«приходит национализация» и землю у крестьян отбирают. И уже нет больше диктатуры пролетариата, теперь действует уже другая диктатура, разросшаяся и гораздо более значительная по своим масштабам — «диктатура пролетариата и крестьянства». И снова противоречие — мы имеем в виду его слова: «полная свобода». Если это так, то отчего же партия «сама по себе», и притом наделена такой властью, что все разговоры о свободе — пустой звук. Но зато где нет противоречий и колебаний, так это в твердой его убежденности: если диктатура победит, то пламенем революции займется вся Европа.

Ленин страстно желал, чтобы революционное пламя вовсю разгорелось. Заметьте, для него это вовсе не было детской игрой со спичками. Нет-нет, в безмятежной, маленькой, уютной женевской библиотеке он уже мысленно грел руки над пока еще еле мерцающими искорками грядущего вселенского пожара.

Однако революция — дело трудоемкое, и в тот момент ее, конечно, было трудно осуществить. Еще не пришло время. Но Ленин торопил его. В апреле того же года он собрал своих единомышленников, чтобы обсудить новую программу действий. Встреча состоялась в Лондоне. На ней, в предвосхищении дальнейших событий, был принят текст обращения к рабочим России, содержавший призыв к вооруженному восстанию. «К оружию, рабочие и крестьяне! — писал Ленин. — Устраивайте тайные сходки, составляйте дружины, запасайтесь каким только можете оружием, посылайте доверенных людей для совета с Российской социал-демократической партией!» В октябре он продолжал взывать: «К оружию!» и, подобно Нечаеву, который когда-то с веселым куражом подстрекал рабочих бить царских приспешников чем ни попадя, обстоятельно перечислял, какие средства тут могут быть хороши: ружья, револьверы, бомбы, ножи, кастеты, палки, тряпки, пропитанные керосином (для поджогов), лопаты (для возведения баррикад), пироксилиновые шашки, колючая проволока, гвозди (годятся против кавалерии)… Он советовал использовать весь этот арсенал средств для того, чтобы убивать сыщиков, полицейских, жандармов; для того, чтобы взрывать полицейские участки, чтобы вламываться в тюрьмы и освобождать заключенных, того, чтобы грабить банки. Он вполне серьезно убеждал рабочих и крестьян идти против царя с «кольем и топором…». Вот что он писал в Боевой комитет при Петербургском комитете РСДРП:

«В таком деле менее всего пригодны схемы, да споры и разговоры о функциях Боевого комитета и правах его. Тут нужна бешеная энергия и еще энергия. Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят больше полгода и ни одной не

сделали! А говорят ученейшие люди… Идите к молодежи, господа! вот одно единственное, всеспасающее средство. Иначе, ей-богу, вы опоздаете (я это по всему вижу) и окажетесь с «учеными» записками, планами, чертежами, схемами, великолепными рецептами, но без организации, без живого дела. Идите к молодежи. Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно, и т. д. и т. д. Пусть тотчас же организуются отряды от 3-х до 10, до 30 и т. д. человек. Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т. д… Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, христа ради, на все схемы, пошлите… ко всем чертям…

Проповедники должны давать отрядам каждому краткие и простейшие рецепты бомб, элементарнейший рассказ о всем типе работ, а затем предоставлять всю деятельность им самим. Отряды должны тотчас же начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания, третьи — маневр или снятие планов и т. д. Но обязательно сейчас же начинать учиться на деле… Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избиении городовых: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч».

Вряд ли рабочие прислушивались к его призывам, потому что все лето и осень 1905 года революция в России развивалась своим чередом. Но Ленин упрямо продолжал разжигать страсти, пытаясь вмешаться в ход событий. 26 июня во время маневров на Черном море на броненосце «Князь Потемкин Таврический» вспыхнул мятеж, и корабль, снявшись с якоря в Одесском порту, вышел в открытое море с поднятым на мачте красным флагом. Царской цензуре удавалось замалчивать это событие в течение нескольких дней, чтобы сведения о нем не проникли в Европу. Ленин, услышав о мятеже на «Потемкине», немедленно вызвал к себе одного из своих соратников, Михаила Васильева, незадолго до этого прибывшего из России. Ленин ему сказал:

— По постановлению Центрального Комитета вы, товарищ, должны возможно скорее, лучше всего завтра же, выехать в Одессу.

— Готов ехать хоть сегодня! А какие задания?

— Задания очень серьезные. Вам известно, что броненосец «Потемкин» находится в Одессе. Есть опасения, что одесские товарищи не сумеют как следует использовать вспыхнувшее на нем восстание. Постарайтесь во что бы то ни стало попасть. на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро.

Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных сил одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли и соединяться с рабочими для общей борьбы. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение.

Передавая этот разговор с Лениным в своих воспоминаниях, Васильев пишет, что Ленин был в страшном волнении, когда втолковывал ему свои планы. Получалось, что он посылал молодого, двадцатидевятилетнего Васильева в одиночку совершить революцию. Но на этом его замыслы не кончались.

—.. Дальше необходимо сделать все, чтобы захватить в наши руки остальной флот. Я уверен, что большинство судов примкнут к «Потемкину». Нужно только действовать решительно, смело и быстро. Тогда немедленно посылайте за мной миноносец. Я выеду в Румынию.

— Вы серьезно считаете все это возможным? — невольно сорвалось у меня.

— Разумеется, да! Нужно только действовать решительно и быстро. Но, конечно, сообразуясь с положением, — уверенно и твердо повторил он.

Разговор был записан спустя много лет, но звучит очень достоверно. Мы ясно представляем себе Ленина, вообразившего себя этаким сказочным богатырем; в голове его роятся замыслы, один невероятнее другого. Главное него — дерзать. Васильев, этакий герой-одиночка, сначала захватит броненосец, а затем и весь флот; после чего придет черед всей Одессе сдаться в его руки, а где Одесса, там и весь юг России, а за ним, глядишь, и Санкт-Петербург… Царизм падет, но и это будет лишь этапом на пути к конечной цели, выраженной в ленинских словах: «диктатура зажигает Европу».

Есть люди, у которых дерзость является своего рода дарованием, граничащим с гениальностью, — и Ленин был из них. Ну, не вышло у него захватить весь имперский военноморской флот в 1905 году. Зато с той же неслыханной дерзостью и почти тем же способом, что он излагал Васильеву, он сумеет в 1917 году захватить Петроград.

Васильев тотчас кинулся выполнять полученные им инструкции. Пообещав Ленину, что пришлет за ним в Румынию не миноносец, а целый крейсер, он отправился в Россию с

фальшивым паспортом в кармане, окрыленный мечтой стать глашатаем наступающей революции. Но когда он, наконец, достиг Одессы, оказалось, что «Князь Потемкин Таврический», снявшись с якоря, уже на всех парах плыл в сторону Румынии. На том мятеж и окончился.

Находясь в Женеве, Ленин все яснее осознавал, что его попытки вмешаться в ход революции в России обречены на неудачу. Надо было во что бы то ни стало вернуться в Санкт-Петербург. Там вовсю правил бал Троцкий, разжигая пламя революции. Троцкий действовал в столице с февраля

1905 года и уже играл заметную роль в ее политической жизни. Ленин же, наоборот, все больше и больше терял свое влияние. В ноябре он наконец-то отбыл в Россию. Однако в дороге то и дело возникали неожиданные проволочки, что переполняло чашу его терпения. Когда он прибыл из Женевы в Стокгольм, товарищ по партии, который должен был его там встретить и передать фальшивый паспорт, не появился. Потом целых две недели бушевал шторм, и пароход не мог отплыть, а Ленин обивал пороги разных контор и упрашивал моряков помочь ему как можно скорее добраться до Санкт-Петербурга. Мысль о том, что история может обойтись без него, угнетала его.

Когда Ленин добрался до столицы, выяснилось, что революция приняла оборот, который ему сразу не понравился. Пока его не было, в Москве и Петербурге возникли Советы рабочих депутатов. Выступая от имени рабочих, они требовали все тех же реформ, что были записаны в петиции, с которой народ обратился к царю в январе. С Советами считались, они имели влияние. 30 октября царь вынужден был смириться с неизбежностью, даровав гражданам России Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», который провозглашал гражданские свободы. «Я перекрестился и дал им все, чего они хотели», — писал Николай II в письме к своей матери. Видно, он думал, что этими милостями он внесет покой в души своих верноподданных.

Советы рабочих депутатов возникли стихийно. Они не были органами революционной борьбы, по сути это были стачечные комитеты. Председателем Петербургского Совета рабочих депутатов был Георгий Хрусталев-Нозар, меньшевик, великолепный оратор, но неважный организатор. Вскоре он был оттеснен Троцким. В своих мемуарах Луначарский вспоминает, как однажды кто-то в присутствии Ленина завел разговор о внезапном возвышении Троцкого. «В какой-то момент показалось, что лицо у Ленина потемнело, — рассказывает Луначарский. — Но затем он сказал: «Что ж, Троцкий добился этого своим

неустанным, поразительным трудом». Он как будто выражал одобрение, но было заметно, что нехотя, через силу».

Советы для Ленина явились неожиданностью. Он не знал, как к ним относиться, и никогда не участвовал в заседаниях Советов. Они не вписывались в его собственный план революции. Человек, которому со временем предстояло заявить о Советах на весь мир, начал с того, что не узрел в них будущего.

После революции 1917 года было принято сочинять всякие легенды, рассказывающие, как Ленин появился в России в 1905 году. Советские историки немало потрудились, стараясь изобразить Ленина главной фигурой в московском восстании, которое вспыхнуло в конце года. Есть свидетельство Марии Эссен, будто он выступал на заседании Исполнительного комитета Петербургского Совета 26 ноября; тогда, по ее словам, он устроил взбучку Троцкому и Мартову и начертал четкий план действий, которому должны были следовать в тот конкретный момент все истинные революционеры. Других упоминаний, например, о том, что Ленин говорил на заседании или как он выглядел, просто нет. Хотя большевики и считали себя организаторами московского восстания, но скорее всего оно вспыхнуло стихийно. Оно началось во второй половине декабря и к концу года было безжалостно подавлено. Красная Пресня, рабочий район, явившийся очагом восстания, была подвергнута жестокому артиллерийскому огню. Судя по всему, царь изменил свое решение: ему расхотелось давать волю мятежному народу.

Едва Ленин пересек границу и оказался на российской земле, как за ним же была установлена слежка. Такого опасного и известного революционера, как он, нельзя было оставлять без надзора. Он мог, улизнув от сыщиков, переночевать в доме надежного товарища, затем побывать на подпольном собрании, но по дороге на другую конспиративную квартиру как из-под земли неизменно возникал «хвост». В этом было что-то мистическое. Его сестра договорилась с хозяином частной квартиры, своим приятелем, что Ленин поживет какое-то время у него. Квартира находилась на Греческом проспекте, где обитало респектабельное петербургское общество. Но только он въехал, как дом буквально облепил рой тайных агентов. Хозяин квартиры день и ночь с револьвером в руках патрулировал свои владения, ожидая нападения. В конце концов у Ленина не выдержали нервы: боясь, что хозяин сам навлечет на них беду, он съехал. Он приноровился добывать себе фальшивые паспорта и каждые две недели приобретал новый. Крупская же вполне удовлетворялась одним паспортом на имя Прасковьи Онегиной. Ленину нравилось без конца менять свой облик, но все эти хитрости были столь

примитивны, что сыщикам ничего не стоило его всякий раз узнавать, и слежка продолжалась; они ходили за ним буквально по пятам. Шпики потеряли его след только после того, как он перебрался в Финляндию. Там он пробыл с 24 по 30 декабря, и, конечно, никакого участия в московском восстании принимать не мог.

В то время подруга Горького Мария Андреева основала газету под названием «Новая Жизнь», решив таким образом поддержать своих друзей литераторов и политических деятелей. Главным редактором ее стал поэт Николай Виленкин, более известный под литературным псевдонимом Николай Минский. С «Новой Жизнью» стали сотрудничать почти все большевики, помещавшие свои статьи в ленинской газете «Вперед». По замыслу Марии Андреевой ее издание должно было отражать то время; печатать все лучшее, что появлялось тогда в поэзии и художественной прозе, — стихи, повести, рассказы и, помимо этого, наиболее талантливые и яркие политические статьи. С художественной литературой все обстояло замечательно, но вот с политической рубрикой было хуже. В «Новую Жизнь» присылали свои рассказы Горький, Леонид Андреев, известный в то время писатель Евгений Чириков. Политическую полосу представляли Ленин, Богданов и Луначарский. Как и следовало ожидать, Ленин и здесь решил все прибрать к своим рукам, превратить газету в партийный орган. «Само собой, что пребывание в нем минских, бальмонтов и пр. — стало немыслимо, — писала Крупская. — Произошло размежевание, и газета целиком перешла в руки большевиков». Обычная история, и она будет повторяться не раз. И снова победа, одержанная Лениным, оказалась кратковременной. На двадцать девятом выпуске издание прекратило существование, так как было запрещено цензурой. Спустя несколько недель после этого Горький и Мария Андреева тайно пересекли границу и укрылись в Финляндии. На том их активное участие в революции и окончилось.

Виленкин в своих воспоминаниях описывает впечатление, которое производил на него Ленин, когда они оба работали в редакции «Новой Жизни». Виленкин не обиделся на Ленина за то, что тот лишил его редакторского кресла. Он запомнил Ленина как человека, преданного своему делу, с острым языком и по-детски лукавой улыбкой. «Мы, марксисты, земные», — часто говорил Ленин. Он даже не трудился, отстаивая свое мнение, искать неоспоримых доводов, предпочитая бить противника насмешкой, вспоминает Виленкин. «При первой встрече с ним, — рассказывает Виленкин, — он скорее напоминал мелкого чиновника. Всегда какой-то неказистый, плохо одетый,

ссутулившийся. Невозможно было себе представить, что этот лысый человечек с непроницаемым лицом, в котором было что-то монгольское, медлительный и скованный в движениях, — и есть самый бесстрашный, ловкий и целеустремленный человек нашего времени. И только повнимательнее к нему приглядевшись, уловив его острый взгляд и его незабываемую улыбку, начинаешь понимать, какая необычайная сила воли скрывается под этой вполне заурядной внешностью. Но те, кто знал его еще двадцать лет назад, ни на минуту не сомневались в том, что рано или поздно он будет играть ведущую роль в истории своей страны. В нем чувствовалась легендарная, героическая личность».

Тем временем революционеры продолжали заседать и совещаться, а Ленин все писал статьи и речи. Их тон выдавал его растущее разочарование тем, как развивались события. Советы были почти целиком в руках меньшевиков, но постепенно их вытесняли кадеты и эсеры. Большевики, совершенно не оправдывая своего названия, составляли очень немногочисленное крайнее левое крыло социал-демократической партии. В революционных событиях зимы 1905 года, когда в Москве воздвигались баррикады, а в Петербурге возглавлял Совет рабочих депутатов двадцатишестилетний Троцкий, большевики были на скромных ролях и особого влияния не имели.

Ленин, порвав с меньшевиками всякие отношения, упорно трудился, чтобы внести раскол в их ряды. На партийных конференциях, происходивших обычно в Финляндии, он всегда появлялся с группой им же отобранных делегатов и начинал гнуть свою линию, пытаясь склонить всю партию на свою сторону. Он действовал как таран, штурмующий крепость; если ему не удавалось пробить брешь в одном месте, он немедленно принимался долбить в другом. Тактика была трудоемкая, но не слишком хитрая. Однажды он объяснил ее суть в разговоре с Луначарским.

«Ленин со своей тонкой усмешкой говорил мне тогда:

— Если в ЦК или в центральном органе мы будем иметь большинство, мы будем требовать крепчайшей дисциплины. Мы будем настаивать на всяческом подчинении меньшевиков партийному единству. Тем хуже, если их мелкобуржуазная сущность не позволит им идти вместе с нами. Пускай берут на себя позор разрыва единства партии, доставшегося такой дорогой ценой. Уж конечно из этой «объединенной» партии они при этих условиях уведут гораздо меньше рабочих, чем сколько туда их привели.

Я спрашивал Владимира Ильича:

— Ну а что, если мы все-таки в конце концов будем в

меньшинстве? Пойдем ли мы на объединение?

Ленин несколько загадочно улыбался и говорил так:

— Зависит от обстоятельств. Во всяком случае мы не позволим из объединения сделать петлю для себя и ни в коем случае не дадим меньшевикам вести нас за собой на цепочке».

Вообще-то, подобную тактику можно было бы назвать пиратской. Он брал партию, так сказать, на абордаж. Действительно, расшатывать партию изнутри, находясь в ней, было сподручней. Ленин говорил «мы», как бы выражая мнение всей партии, подобно тому, как русские императоры, произнося «Мы», отождествляли себя со всей империей. Между тем его воле постоянно сопротивлялись. А как же иначе? Ведь что он внушал меньшевикам: «Если победа будет за нами, мы потребуем от вас полнейшего повиновения. Если верх одержите вы, не ждите, что мы подчинимся. Мы будем изыскивать любые средства, чтобы от вас освободиться. Мы никогда не позволим водить нас на цепочке».

Но русский народ не спешил сменить ярмо царской власти на правление господ-социалистов с их догмами. На выборах в Думу большинство голосов получила партия конституционных демократов (кадетов). По воззрениям она была ближе к западной либеральной политической традиции. Подобный выбор поверг царя и его ближайшее окружение в ужас, кстати говоря, как и Ленина, но с других позиций. Разумеется, он сразу же засел сочинять длинную отповедь кадетам, в которой, не стесняясь в выражениях, изрыгал проклятия на головы победивших политических противников; тут он проявил, как всегда, свой особый талант. Статья называлась «Победа кадетов и задачи рабочей партии». Это, пожалуй, одно из сильнейших его творений по изысканности стиля. Он впадает в такое красноречие, что его страсть можно сравнить только со страстью древних пророков, обличавших язычников, идолопоклонников, чтивших «золотого тельца»: «Кадеты — могильные черви революции. Революцию похоронили: Ее гложут черви. Но революция обладает свойством быстро воскресать и пышно развиваться на хорошо подготовленной почве. А почва подготовлена замечательно, великолепно, октябрьскими днями свободы и декабрьским восстанием. И мы далеки от мысли отрицать полезную работу червей в эпоху похорон революции. Ведь эти жирные черви так хорошо удобряют почву…»

«Победа кадетов и задачи рабочей партии» — своего рода надгробный плач, тягучий, надрывный. Здесь и ненависть, и боль утраты, и скорбь, и здравые рассуждения, словом, все, как положено в этом жанре, в том числе и вопль, пронзительный крик

отчаяния: «Нет, товарищи, не верьте! — кричит он. — Ставить задачей рабочей партии в настоящий момент поддержку кадетов — это было бы все равно, как если бы задачей пара объявили не двигать пароходную машину, а поддерживать возможность давать пароходные свистки…» И так далее, и тому подобное… Он грозит погибелью торжествующим победу кадетам. Но пока что они на коне, а он повержен.

В тот период Ленин жил в глухом подполье. Оно продолжало действовать — революционеры запасались оружием, устраивали тайные собрания. Только однажды за все то время, что он провел тогда в России, он вышел из подполья, чтобы выступить на публичном собрании. Это произошло в доме графини Паниной, преобразованном ею в «Народный дом», где должны были проводиться политические собрания.

22 мая 1906 года в «Народном доме» перед многолюдной аудиторией выступал один из ведущих деятелей кадетской партии. В зале присутствовало довольно много рабочих. Почему-то полицейских вокруг не было. Ленин незаметно проскользнул в зал. Видный деятель кадетской партии говорил хорошо; он оправдывал недавние переговоры между Думой и царским правительством, убеждая собрание в том, что эти переговоры отнюдь не означали капитуляции Думы перед царем. Иногда он умолкал, чтобы заглянуть в свои бумажки, и тогда в зале слышались аплодисменты. Пока он говорил, Ленин молчал, пряча коварную улыбку, и ждал своей очереди. Он пришел на собрание с единственной целью — обрушиться на Думу за то, что она пошла на переговоры с царем. Сопровождавший его товарищ шепнул председательствующему, что на собрании хотел бы выступить некто Карпов, известный большевик. Председательствующий не знал, кто такой Карпов, и никогда не слышал о нем. Кадет заканчивал свою речь. Ленин страшно волновался, — он не был уверен в том, что ему дадут слово. Как всегда, предвидя возможную неудачу, он был на грани нервного срыва, его била дрожь. Вдруг председатель собрания произнес: «Слово имеет господин Карпов». Ленин поднялся на трибуну. В зале присутствовала Крупская. Вот как она описывает этот момент: «Ильич ужасно волновался. Он с минуту стоял молча, страшно бледный. Вся кровь прилила у него к сердцу. Сразу почувствовалось, как волнение оратора передается аудитории. И вдруг зал огласился громом рукоплесканий — то партийцы узнали Ильича».

Ленин произнес пламенную речь, в которой поносил кадетов, обвиняя их в отрыве от насущных проблем дня, в том, что их партия увязла в прошлом, а потому не заслуживает доверия;

только русская социал-демократическая партия, говорил он, владеет ключом к будущему. Как сообщала газета «Волна», издаваемая большевиками, Ленин тогда заявил буквально следующее: «Наша задача — приложить все усилия к тому, чтобы организованный пролетариат сыграл и в новом подъеме, и в неизбежной грядущей решительной борьбе роль вождя победоносной революционной армии». Крупская вспоминала, что речь Ленина была встречена овациями. Рабочие срывали с себя красные рубахи, рвали их и размахивали лоскутами, как флагами. И еще долгое время после этого рабочие не уходили, толпились на прилегающих улицах и горячо обсуждали его выступление. А Ленин снова ушел в подполье.

Пройдут годы, и его спросят, какие события 1906–1907 годов (если для него это были действительно события) его особенно порадовали. И он ответит, что таким событием он считает собрание в доме графини Паниной.

Трудно объяснить, что же могло его тогда порадовать. Свежестью мысли его речь не блистала, ничего нового он не сказал, а разнос кадетов в тот момент скорее был холостым выстрелом, — ведь они были не у дел, поскольку царь не разрешил им сформировать свое правительство. Поначалу Николай II уступил воле народа, разрешив выборы. Затем отказал кадетам, то есть законно избранной партии власти, в праве возглавить управление страной. В который уже раз противоборство царя и народа зашло в тупик…

Загнанный в подполье и вечно преследуемый, Ленин скрывается в Финляндии. Большой, бесформенный деревенский дом в Куоккале у железнодорожной станции становится большевистским штабом. Здесь Ленин пишет статьи, которые печатаются в газете большевиков «Пролетарий». Каждый день в Куоккалу прибывал гонец из Петербурга с газетами и письмами. Ленин, мельком просмотрев газеты, тут же принимался писать очередную статью. Однажды кто-то из гонцов заметил: «Странно за ним наблюдать, когда он пишет. Будто не сочиняет, а переписывает откуда-то — так все быстро у него получается». И правда, в каждой статье повторялись одни и те же доводы, ведь идеи, которыми он был одержим, не менялись: диктатура пролетариата, массовый террор, уничтожение оппозиционных партий, и особенно меньшевиков. Хоть они и принадлежали к той же партии, что и он, Ленин ненавидел их даже яростнее, чем кадетов и эсеров. Он ненавидел их за то, что они его отвергли. В его нападках на меньшевиков постоянно слышались нескрываемая горечь обиды и враждебность. В феврале 1907 года он написал статью под заголовком: «Выборы в Петербурге и

лицемерие 31 меньшевика», в которой он обвинял меньшевиков в том, что они якобы ползают на брюхе перед кадетами, чтобы с ними подружиться. Несмотря на общий сварливый тон статьи, она была не столь оскорбительна и не содержала откровенной брани в адрес меньшевиков по сравнению с его пасквилем, направленным против кадетов. Здесь он злословит, постоянно повторяясь. Меньшевики предали рабочих и переметнулись к кадетам, заявляет он. Это основная мысль статьи, и он ее варьирует, так что в какие бы рассуждения он ни пускался, все сводится к этой главной мысли. На этот раз терпению меньшевиков пришел конец. Они потребовали, чтобы Ленин предстал перед судом партии за поведение, «не допустимое для члена партии».

Ленина судили девять судей: трое из них были выдвинуты меньшевиками, еще трое — по одному от латышских и польских социал-демократов и от Бунда, и трое были выбраны самим Лениным. Главным судьей был назначен Рафаил Абрамович. Суд заседал дважды, каждый раз недолго. На заседаниях выступили три свидетеля, а затем была заслушана речь Ленина, произнесенная им в свое оправдание. Речь его была вызывающая; он не защищался, а, наоборот, нападал. Он заявил, что не может быть недопустимых методов в партийной борьбе, если партия раскололась. Раз она раскололась, значит, как партия она мертва и больше не существует. Его упрекнули в том, что он использует запрещенные средства борьбы. В ответ на все обвинения он с усмешкой возразил, что в борьбе все средства хороши, лишь бы они имели желаемый результат. Ленин воспользовался случаем напомнить «товарищам судьям», что борьба — дело серьезное, и ее должно вести до победного конца, то есть до полного разгрома противника. Четырежды в своей короткой речи он подчеркнул, что не понимает, как можно от него ожидать чего-то другого. Он свободен от каких-либо моральных соображений в отношении к монархии и точно так же считает себя свободным от моральных ограничений в отношениях с членами партии, с которыми расходится во мнении. Ленин заявил это во всеуслышание, прямо и открыто.

Его речь на партийном суде возымела эффект разорвавшейся бомбы. Это был ленинский гимн торжеству абсолютного нигилизма, детищу незабвенного Нечаева.

Он говорил:

«…Ибо после раскола для проведения этой кампании надо было разбить ряды меньшевиков, ведших пролетариат за кадетами, надо было внести смятение в их ряды, надо было возбудить в массе ненависть, отвращение, презрение к этим

людям, которые перестали быть членами единой партии, которые стали политическими врагами, ставящими нашей с.-д. организации подножку в ее выборной кампании. По отношению к таким политическим врагам я вел тогда — и в случае повторения и развития раскола буду вести всегда — борьбу истребительную.

Говорят: боритесь, но только не отравленным оружием. Это очень красивое и эффектное выражение, спору нет. Но оно представляет из себя либо красивую пустую фразу, либо выражает в расплывчатой и неясно-смутной форме ту самую мысль о борьбе, сеющей ненависть и отвращение, презрение в массе к противникам, — о борьбе, недопустимой в единой партии, и неизбежной, необходимой при расколе в силу самого существа раскола, — мысль, развитую уже мной в начале речи. Как ни вертите вы этой фразы, или этой метафоры, вы не выжмете из нее ни грана реального содержания, кроме той же самой разницы между лояльным и корректным способом борьбы посредством убеждения внутри организации и способом борьбы посредством раскола, то есть разрушением враждебной организации, путем возбуждения в массе ненависти, отвращения, презрения к ней. Отравленное оружие, это — нечестные расколы, а не истребительная война, вытекающая из совершившегося раскола».

Вот так Ленин взвалил все на политических противников, окончательно развязав себе руки и присвоив себе право расправляться с неугодными ему людьми, как ему хотелось и когда ему хотелось. В дальнейшем, объявляя войну, он будет вести ее до полного поражения врага, не гнушаясь никакими средствами, никаким оружием, в том числе «отравленным». По его словам, раз партия раскололась, то она перестала существовать, а посему: «Существуют ли пределы допустимой борьбы на почве раскола? Партийно допустимых пределов такой борьбы нет и быть не может… Пределы борьбы на почве раскола это — не партийные, а общеполитические, или, вернее даже, общегражданские пределы, пределы уголовного закона и ничего более».

Ни на минуту не сомневаясь в правомерности своей политической линии, Ленин грубо использовал меньшевиков в своих целях. А меньшевики, потеряв к нему доверие, никак не могли исключить его из партии. Бывало, непрерывные склоки с ними истощали его силы, у него опускались руки от безысходности обоюдной- борьбы, но проходило время, и он возобновлял «военные действия» против них. Так было всегда, все четырнадцать лет этого противостояния. Но в результате он возьмет верх, загнав их в угол.

Методы, которые Ленин использовал в своей борьбе, не описаны ни в одном учебном курсе по марксизму. Ленин на все имел свое собственное мнение, и другого быть не могло. Он не спорил — приказывал. Есть подозрение, что чувство одиночества его иногда томило, и особенно болезненно на нем отразился разрыв с Мартовым. Годы спустя, больной, перенесший второй удар, он прошептал Крупской: «Говорят, что Мартов тоже умирает». Кто знает, может быть, в тот час, когда уже было слишком поздно, он осознал, что их раздоры того не стоили, ведь все равно все кончилось крахом.

С того момента, как Ленин уехал из Самары, он полностью посвятил свою жизнь революции. Он был совсем как тот нечаевский заговорщик, человек обреченный, подчинивший собственные интересы, все свои таланты и способности единственной цели, которой он служил, можно сказать, с религиозным рвением. Его не интересовало искусство, — он не разбирался ни в живописи, ни в скульптуре, ни в музыке. В литературе он тоже был несведущ. Он жил в мире статистики и сухой диалектики, простейших грубых формул и надеялся, что, используя их наподобие магических знаков, он проникнет в заветные тайны управления государством. Ему нельзя было отказать в юморе, но юмор его был резкий подчас. Остроумным его нельзя было назвать. Он не обладал даром поддерживать живую, интересную беседу. Многие из тех, кто его знал, считали, что в его одержимости той самой единственной целью было что-то пугающее. Троцкий, который его недолюбливал, говорил, что Ленин в общении с людьми умел только повелевать. Сам Ленин привык видеть в себе этакого «неподкупного Робеспьера» русской революции.

Но бывали, бывали редкие моменты в его жизни, когда он забывал о своей роли выдающейся исторической личности и мог себе позволить настолько расслабиться, что на какое-то время навязчивая идея социальной революции отступала на второй план. Трижды в своей жизни он влюблялся. О его первой любви мало что известно, и, кажется, она была кратковременной. Аполлинария Якубова происходила из той же среды, что и Крупская. Они были близкими подругами и вместе работали в одной петербургской подпольной организации, выполняя функции связных и агитаторов. Крупская описывает, как они с Аполлинарией, переодевшись в простолюдинок и повязавшись платками, смешивались с толпой работниц. Таким образом они добывали сведения о положении на фабриках Торнтона и передавали их Ленину в форме отчетов, а он, используя собранный ими материал, сочинял листовки. Когда работницы фабрик выходили в конце смены из ворот, Крупская с Якубовой совали им в руки свежие листовки. На счету у этих двух молодых революционерок было великое множество подобных проделок. Аполлинария восхищала Ленина. Она была гораздо миловиднее Крупской и посмышленей; Крупская, правда, была мягкая по характеру и работящая. Кто-то из их общих друзей так описывал

Якубову: «Широкоплечая, с яркими карими глазами, светлыми волосами и прекрасным цветом лица, она была воплощением здоровья». К этому можно было добавить быстрый ум, любовь к приключениям, популярность в своей среде; Аполлинария уже тогда успела занять особое место среди революционно настроенной молодежи Санкт-Петербурга.

Незадолго до того, как Ленина арестовали, в 1895 году, он сделал ей предложение, а потом из тюремной камеры написал письмо, в котором просил Аполлинарию и Крупскую прийти на Шпалерную улицу и постоять за воротами тюрьмы, чтобы он мог хоть мельком увидеть их в окошко, когда его будут вести из камеры во двор на прогулку. Окошко было в коридоре, и оно выходило на Шпалерную улицу. Более четверти века спустя Крупская описала этот эпизод. В простодушии своем она говорит: «Аполлинария почему-то не могла пойти», и ей пришлось одной совершать это долгое бдение на улице под стенами тюрьмы. Отсутствие Аполлинарии совершенно понятно: обдумав сделанное Лениным предложение, она решила его отвергнуть. Аполлинария продолжала подпольную деятельность, была схвачена и сослана в Сибирь. Но в ссылке она находилась всего несколько месяцев. Ей помог бежать из Сибири молодой профессор права Тахтерев. Они нелегально выехали из России и поселились в Лондоне. Там они позже встретились с Лениным, жившим в Лондоне в эмиграции. Они дружили домами. Кстати, если помнит читатель, именно Тахтерев научил Ленина и Крупскую, как осадить домовладелицу, миссис Йиоу. Кроме того, не кто иной, как Тахтерев взял на себя все хлопоты по проведению съезда РСДРП в 1903 году: снял зал доя заседаний и нанял квартиры, в которых должны были размещаться прибывшие на съезд делегаты. После отъезда Ленина в Швейцарию образ Аполлинарии изгладился из его памяти. В мае 1913 года она умерла от туберкулеза.

Второй его роман был более продолжительный, бурный и мучительный. Он начался очень пылко и обещал быть серьезным; закончился же полным разрывом через девять лет, в Галиции.

Как и Аполлинария Якубова, Елизавета де К. была не только хорошенькой, но и умной и тоже была по натуре авантюристкой. Она имела средства, любила красиво одеваться, путешествовать, увлекалась искусством, много читала, разбиралась в литературе. Она знала лично многих писателей и в салонах Санкт-Петербурга была своим человеком. Она побывала замужем, но с мужем рассталась, и когда они встретились с Лениным, была свободна. Их первая встреча произошла ноябрьским вечером 1905 года в татарском ресторане.

Ленин тогда сотрудничал с газетой «Новая Жизнь», большевиков это было время необычайного оживления. Ежедневно из печати выходило 80 тысяч экземпляров этой газеты. Когда полиции удавалось конфисковать весь дневной тираж, а так бывало часто, большевики не сильно огорчались. Они понимали, что начинают привлекать общественное внимание.

В тот период в «Новой Жизни» появился ряд зажигательных статей, под которыми стояла подпись «Н. Ленин». Об этих статьях говорили. С точки зрения журналистики это были довольно удачные работы. Они были написаны ясным и понятным языком и били точно в цель. Он писал как человек, охваченный восторгом от доставшегося ему глотка свободы; он открыто поносил правительство и призывал народ к восстанию. Вообще тот факт, что в ту пору подобные выступления возможно было печатать в прессе, свидетельствует о поразительной либеральности царского правительства.

Ленин писал под одним псевдонимом, а жил под другим. Ему выправили паспорт на имя Уильяма Фрея, англичанина. Он постоянно скрывался, то и дело переходя с одной конспиративной квартиры на другую, ночуя каждый раз в другом месте. Он готовил восстание и выступал на нелегальных собраниях в рабочих районах. Редко, очень редко он выходил из укрытия, чтобы от души, как человек, уставший постоянно прятаться, поесть в каком-нибудь приличном ресторане.

В тот вечер он ужинал в ресторане со своим приятелем Михаилом Румянцевым, который тоже сотрудничал в «Новой Жизни». Елизавета де К. сидела за столиком одна. Румянцев хорошо ее знал, и, заметив, что Ленин проявляет необычайный интерес к молодой даме, он подошел к ней и пригласил ее пересесть за их стол.

— Вы познакомитесь с очень интересным человеком, — сказал он. — Это личность чрезвычайно известная, однако не следует задавать слишком много вопросов.

Елизавета де К. приняла приглашение; ей было любопытно, что это за таинственный незнакомец. Она пересела к ним и тут же была представлена «Уильяму Фрею». Конечно, она спросила, действительно ли он англичанин.

— Не совсем англичанин, — ответил он, и она заметила, как по его лицу скользнула лукавая улыбка.

Разговор был приятный и продолжался около часа. Ленин придерживал свой острый язычок и не отпускал колкостей. Он рассуждал, как широко мыслящий светский человек, а то, что он чуть-чуть подтрунивал над ней, как ни странно, ей нравилось и даже волновало. Она не могла понять, чем же он знаменит, что в

нем такого таинственного и почему его личность окружена покровом тайны. Ей и в голову не приходило, что это был тот самый человек, который подписывал свои статьи в «Новой Жизни» псевдонимом «Н. Ленин».

Через неделю она зашла в редакцию «Новой Жизни», чтобы повидаться с одним из авторов, пишущих в газету, и неожиданно столкнулась там с этим таинственным незнакомцем.

— Рад вас видеть, — сказал он ей. — Что случилось? Отчего вы больше не жалуете своим вниманием татарский ресторан?

Он как будто опять слегка над ней подтрунивал, и ей показалось, что это было скрытое приглашение поужинать с ним. Но они были едва знакомы, чтобы тут же условиться о встрече. Елизавета де К. решила посоветоваться с Румянцевым. Тот засмеялся.

— Вы не понимаете, — ответил он. — Моего друга Фрея женщины, конечно же, интересуют, но, главным образом, в своей массе, так сказать, в коллективном, то есть социальном, или если хотите, в политическом смысле слова. Очень сомневаюсь в том, что он может увлечься какой-то определенной женщиной. Позвольте мне к этому добавить, что после нашего ужина он спросил меня, могу ли я вам доверять, потому что он относится с подозрением к любому новому знакомству, опасаясь доносчиков. Я вынужден был ему сказать, кто вы такая. Кроме того, я ему намекнул, что ваша квартира как нельзя лучше подходит для нелегальных встреч.

Так Елизавета де К. узнала, что таинственный незнакомец — революционер. Тут уж она никак не могла устоять перед желанием увидеть его в третий раз. Через несколько дней Румянцев устроил небольшой ужин для друзей. В разговоре возник вопрос о нелегальных собраниях. Елизавета де К. жила в фешенебельном районе. Вряд ли полиции пришло бы в голову, что в таком месте могут собраться революционеры. Елизавета де К. хорошо относилась к Румянцеву, даже восхищалась им; кроме того, она была заинтригована личностью Уильяма Фрея. Словом, она с готовностью предоставила свою квартиру революционерам для их собраний, которые должны были происходить два раза в неделю.

Очень быстро был отработан порядок таких встреч. Елизавета де К. отсылала свою служанку; затем вносила в столовую самовар и бутерброды и, когда раздавался звонок, сама открывала входную дверь.

Первым всегда появлялся Уильям Фрей. Он сообщал ей, какой будет пароль в тот день, и она по паролю пропускала людей в квартиру. После этого она удалялась к себе в спальню и

не выходила оттуда до конца собрания.

Но несколько раз так случалось, что собрания не было. Уильям Фрей приходил один, и они проводили вечер вдвоем, ужинали tete-a-tete и допоздна разговаривали. Годы спустя Елизавета де К. вспоминала, что после ужина он с удовольствием мыл посуду и любил возиться с самоваром. Она была прекрасной музыкантшей и иногда играла для него на рояле. Известен случай, когда она однажды исполняла его любимую «Патетическую» сонату Бетховена. Она закончила, но он попросил ее сыграть сонату сначала, а затем, прервав ее, попросил еще раз повторить начало сонаты. Елизавета была удивлена. Чем же ему уж так особенно полюбились вступительные аккорды сонаты, подумала она. Каково же было ее изумление, когда на ее вопрос он ответил, что начало сонаты напоминает ему мелодию революционной песни, которую поет еврейский Бунд.

Как бы то ни было, настал момент, когда Ленин начал говорить с ней о политике. В политике была вся его жизнь. Временами в приступе глубочайшего уныния он падал в кресла, и лицо его выражало такое отчаяние и муку, что она боялась, как бы он не сошел с ума. Бывали дни, когда он говорил, словно механически роняя слова, и понять, что он говорит, было почти невозможно. Произносил он их глухим, безжизненным голосом. «В такие дни, — пишет она, — я не могла понять, человек он или машина».

Когда Ленин уехал в Стокгольм, она последовала за ним. Даже в Швеции он жил по законам конспирации, придерживаясь системы условных знаков, паролей; встречи их происходили в укромных местах. Как-то он по телефону назначил ей свидание у автомата, выдававшего бутерброды, но предупредил, что если вокруг будет кто-то из русских, она должна притвориться случайной прохожей. Приехав на условленное место, она увидела двух грузин, которые яростно колотили по автомату. Заметив Ленина, они стали кричать: «Товарищ Ильич, помогите нам с этой проклятой буржуазной машиной. Мы хотим бутерброды с ветчиной, а она сует нам печенье!» Ленину пришлось помочь товарищам, и они получили свои бутерброды с ветчиной. Елизавета сделала вид, что они с Лениным не знакомы, и он остался доволен. «Знаешь, кто эти грузины? — сказал он. — Делегаты нашего съезда с Кавказа. Замечательные ребята, но абсолютные дикари!»

Ленин был поглощен работой и не мог уделять Елизавете много времени. Они встречались только по воскресеньям. Как-то в одно из таких воскресений он взял напрокат лодку и решил покататься с Елизаветой по озеру. У него были широкие, мощные

плечи, он отлично греб.

— Никак не могу вообразить тебя профессиональным революционером, — сказала она.

— А кем ты можешь меня вообразить?

— Крестьянином, рыбаком, моряком, кузнецом, — кем угодно, только не профессиональным революционером.

Вокруг были безбрежные просторы озера, а над ними огромный купол северного неба. Елизавета заметила, что все это ей напоминает романы Кнута Гамсуна. Ленин сразу же принялся истолковывать роман Гамсуна «Голод», и, разумеется, в своем духе. Это произведение, по его словам, наглядно показывало физические и физиологические симптомы в состоянии человека, задавленного безжалостным капиталистическим режимом. Но она имела в виду вовсе не этот роман, а другие вещи Гамсуна, его идиллические романы-пасторали. Оказалось, что Ленин прочел только «Голод», об остальных произведениях писателя он не имел представления и читать их не собирался. Елизавета же была поклонницей Гамсуна.

— Теперь мне ясно, что из тебя социал-демократка не получится, — сказал он.

Она грустно покачала головой:

— А из тебя… Из тебя никогда и ничего другого не получится, кроме социал-демократа.

И она вернулась в Санкт-Петербург. Спустя несколько недель ей пришло от Ленина срочное письмо, в котором он требовал, чтобы она немедленно выполнила то, о чем он ее в письме просил. Письмо было такое: «Сейчас же напиши мне и точно сообщи, где и каким образом мы встретимся, иначе недоразумение может затянуться надолго». Его повелительный тон ей не понравился, и она решила прекратить свою связь с ним. Ее стала тяготить эта история.

Прошло два года. Елизавета жила в Женеве. Однажды она прочла в газете, что Ленин должен выступить перед какой-то аудиторией в Париже. Она села в поезд, следовавший в Париж, плохо понимая, что ее толкает на возобновление отношений, обреченных с самого начала. Возможно, в ее памяти всплыл один эпизод из прошлого… Это было в июне

1906 года. Они вместе с Румянцевым решили побывать на нелегальном митинге, который устраивали прямо в открытом поле под Петербургом. Елизавета подвязалась косынкой, как крестьянка, и надела домотканую юбку, позаимствованную у кого-то. До окраины города ее довезла конка, а потом она еще долго шла пешком, петляя по проселочным дорогам. Она бы заблудилась, но вдруг из придорожной канавы высунулся

прятавшийся там человек и показал, куда надо идти, чтобы попасть на то самое поле, где должен был состояться митинг. Появление Ленина вызвало общий восторг у собравшихся. Он произнес пламенную речь, призывая народ к немедленному восстанию, и так распалил аудиторию, что вся многолюдная толпа двинулась торжественным маршем с развевающимся красным флагом, привязанным к толстой ветке дерева, прямо на Санкт-Петербург. Они как раз вышли на длинный Полюстровский проспект и растянулись по нему, когда их ряды были смяты конным отрядом казаков. Казаки начали стегать людей нагайками. Растерявшийся Румянцев тут же оказался под копытами коней. Ленин успел прыгнуть в канаву. Ясно было, что ему угрожает серьезная опасность. Его могли схватить и очень строго судить за подстрекательство к бунту. Вот тут-то Елизавета и пришла ему на помощь. Она вывела его окольными путями к Лесному, где они сели в конку и добрались до центра города. Ленин был в состоянии крайнего возбуждения и все твердил, что пора создавать боевую дружину, отряд вооруженных рабочих для борьбы с казаками.

— Знаете ли вы, что было бы, если бы вы уже имели такую боевую дружину? — с негодованием возразила она. — Все улицы были бы покрыты трупами Казаков и рабочих вперемежку. А пока что мы отделались синяками и ссадинами, но зато живы.

Однако этот довод, судя по всему, показался ему несерьезным.

И еще был случай, сильно взволновавший ее. Дело было так. Как-то вечером они оставались одни в ее квартире. Он раздувал самовар. Раскаленный уголек попал ей на платье, и платье вспыхнуло. Ленин бросился к ней, сильно прижал к себе и своим телом потушил загоревшуюся ткань. Затем он отпустил ее. Платье пострадало не сильно, Елизавета осталась невредима, но сам Ленин был словно в шоке: он весь дрожал и был бледен как мертвец. Внезапно он повернулся и выскочил из дома. В тот момент ей показалось, что он любит ее…

Итак, по прибытии в Париж она отправилась на его лекцию. Сама по себе лекция не произвела на Елизавету никакого впечатления. Единственное, что она запомнила, это то, как он нервно ходил взад-вперед по сцене, излагая свою тему. В перерыве она зашла в маленькую комнатку позади эстрады, чтобы с ним повидаться. Но вокруг него толпились его обожатели, и пробиться сквозь их толпу не было возможности. Но наконец он сам заметил ее и даже вздрогнул от неожиданности. Его глаза стали круглыми от удивления, но он быстро взял себя в руки и произнес:

— Какими судьбами?

— Приехала тебя послушать, — ответила она. — Кроме того, у меня есть для тебя поручение от одного человека, — и протянула ему конверт, в котором лежала записка с ее адресом и номером телефона. После чего она сразу же ушла.

На следующее утро она ждала от него звонка, но вместо этого он явился к ней сам, собственной персоной. Он выглядел смущенным, и одновременно в нем чувствовалась некоторая игривость. Он давно потерял надежду когда-нибудь вновь ее увидеть. Но когда он протянул к ней руки, чтобы ее обнять, она произнесла:

— Между нами все кончено, мой друг.

— Да, конечно, — засмеялся он. — Но ты должна меня понять. Все-таки ты очень интересная женщина.

Они стали разговаривать, и так возобновились их отношения. Это была дружба, — от былой любви ничего не осталось. Оба они уже были старше и опытней и не требовали слишком многого друг от друга. Через несколько дней она вернулась в Женеву. Время от времени после долгого перерыва они встречались и иногда обменивались письмами. Письма Елизаветы к нему куда-то затерялись; зато письма Ленина к ней она сохранила.

Они поражают тем, что написаны в несвойственном для него тоне; он как будто «сдается» и уже не пытается изменить ее, принимая ее такой, какая есть. Правда, иногда он делает слабые попытки заставить ее мыслить по-марксистски. Вскоре после того как она вернулась в Женеву, он написал ей такое письмо: «Я действительно считаю, что было бы неплохо, если бы ты перестала жить, как райская птичка. Честно говоря, ты напоминаешь ту самую пташку божию, которая не знает ни заботы, ни труда. Как известно, эти небесные создания не жнут, не сеют — от них нет никакой пользы. Я твердо убежден в том, что ты в точности как та самая птичка. Ты должна много и серьезно заниматься и создать вокруг себя здоровую и удобную обстановку, при этом, конечно, не погрязая в мелочном и унылом буржуазном существовании на манер той жизни, что описывает в своих романах Чириков.[22] Нет, ты должна жить так, как велит тебе твоя природа, и чтобы у тебя было все необходимое для этого, при условии, что ты будешь постоянно расти интеллектуально, — ведь должна же ты оставить после себя какой-то след для тех, кто придет тебе на смену».

Она ответила, что полна желания расти интеллектуально, но не понимает, зачем для этого так уж нужно читать «Das Kapital» или становиться членом партии. Она напоминала ему, что ей всегда была чужда нетерпимость, особенно в том ее виде, в каком

ее пришлось наблюдать воочию в редакции «Новой Жизни», когда большевики изгоняли из газеты журналистов, не согласных с линией партии. Он незамедлительно ответил ей отповедью, темой которой была необходимость жесткого контроля политической линии. Другого ответа она и не ждала, и догматический тон совершенно не удивил ее. В свою очередь она указала ему на любопытное несоответствие между принятой большевиками программой и их тактикой. На это последовала еще одна отповедь. В ней он подробно объяснял разницу между французским оппортунизмом и британским компромиссом. Оппортунизм, говорил он, есть постоянная попытка приспособиться к фактам; это есть сделка с собственной совестью, уступки в ущерб основной программе; подчинение внешнему влиянию, шаг назад под давлением обстоятельств. Компромисс, наоборот, действует внутри самих существующих сил; это тактика, не требующая шага назад. Славная задача - идти вперед, во что бы то ни стало. «Программа остается, тактика меняется».

Такими нотациями, с профессорскими интонациями, он, видимо, желал наставить ее на путь истинный. Но на нее это не действовало. У него лучше получалось, когда он писал о материях, не имеющих отношения к его политическим убеждениям. Умер Толстой, и она попросила Ленина высказать свое мнение по поводу столь странной с точки зрения вызвавших ее обстоятельств кончины писателя. Он ответил ей так: «Во-первых, я всегда следую правилу отгонять от себя грустные мысли, даже если для этого требуется волевое усилие, и особенно в тех случаях, когда это не пустые мысли, или если они непосредственно касаются моих личных дел. Так жить вполне возможно. Теперь о Толстом — мне кажется, что подобный уход из жизни чрезвычайно возвысил его. Он достойно завершил свою жизнь. Его конец был как последний мазок на холсте художника, самый верный и самый блестящий; упрекнуть его можно лишь в одном, в том, что в своей жизни он поступал прямо противоположно тем заповедям, которые сам проповедовал. Однако графинюшка позаботилась, чтобы его тело было возвращено в ее собственный дом, она не могла позволить ему покоиться под сенью нищеты. Вот уж поистине цепкая женщина! Я чувствую, что ни у кого не получится подражать Толстому в том, как он жил. Такова была его судьба, а у каждого из нас судьба своя. Я все время повторяю про себя строки из стихотворения Жуковского, в котором говорится, что человек постоянно примеривает на себя разные кресты, и есть среди них тяжкие и легкие, дорогие и дешевые; и все он никак не может выбрать крест себе по плечу. Единственный же крест, который

человеку по плечу, это тот, что он уже несет. И как ни тягостна была, наверное, для Толстого мысль, что жизнь его кончается, свой крест он донес до конца. Нам остается только восхищаться тем, с каким искусством он завершил свой жизненный путь».

Одобрив поступок Толстого, Ленин страшно негодовал, когда узнал о самоубийстве Поля Лафарга и его жены Лауры, дочери Карла Маркса. «Нет, я не одобряю их поступка, — писал он. — Они были еще в состоянии писать, действовать, и если даже не в полную силу, все равно они могли бы следить за ходом событий, помогать нужными советами». Смерть Лафаргов его потрясла. С тех пор время от времени он возвращался к теме самоубийства. Иногда он положительно отзывался о подобном акте, а иногда считал, что человек не имеет морального права самостоятельно уйти из жизни. Все зависело от того, в каком состоянии духа Ленин в данный момент находился. Будучи в депрессии, он как-то сказал Крупской: «Если ты уже не можешь работать, то надо смириться с этой истиной и умереть, как Лафарги».

Когда в августе 1913 года умер Август Бебель, вождь германской социал-демократической партии, Ленин попросил Елизавету прислать ему эдельвейсов, чтобы он мог положить их на могилу Бебеля. Он писал:

> «Драгоценная моя,
>
> пользуясь тем, что ты уезжаешь в Швейцарию, я хочу попросить тебя об одном одолжении. Уверен, что ты не забыла, как часто мы говорили о знаменитом цветке эдельвейсе. Мне только что попалось упоминание об этом цветке в газете в связи с описанием венков, возложенных на гроб Бебеля. Если тебе не под силу залезть туда, где растут эдельвейсы, то, пожалуйста, купи их для меня и засуши, а если это вообще возможно, то привези их свежими.
>
> Позволь мне напомнить, что я уже сто раз писал тебе о «Kompleto Lernolibro Esperantistoy», вышедшей в Цюрихе, стоимостью в один франк с четвертью за книгу. Ты просила меня написать, как называется книга, и я сделал это дважды, но с тех пор никаких вестей по этому поводу не получил. Не сомневаюсь, ты думаешь, что я забыл, но я не забыл и буду сам напоминать тебе об этой книге, пока ты мне ее не вышлешь.
>
> *Наслаждайся жизнью, толстей и смейся вволю. И будь хорошей».*

Он не случайно так настойчиво просил выслать ему книгу на

эсперанто. Сидя в президиумах конференций и съездов, он видел, какие трудности возникают между делегатами из разных стран из-за того, что они не знают иностранных языков. Он видел в эсперанто разумное решение этой проблемы. Искусственным языком эсперанто уже широко пользовались на международных съездах. Ленину нравилось его приятное и мелодичное звучание. Некоторое время он даже появлялся на занятиях эсперантистов в Цюрихе, однако его интерес к изучению этого языка быстро прошел.

В большинстве сохранившихся писем из тех, что Ленин писал Елизавете де К., речь идет о политике и вопросах социального характера. Они читаются как тексты заготовленных для выступлений речей. Мысль четко выстроена, тон категорический, не допускающий возражений, и — можно даже сказать — нарочито занудный. Но интересно, что все-таки остается впечатление импровизации, — как будто он, давным-давно отчаявшись обратить ее в свою веру, делает бессильные попытки отбиться от вопросов, которые она ставила перед ним самим фактом своего существования. Ленину был чужд ее мир. Однажды он сказал ей, что еще не встречал женщины, прочитавшей «Das Kapital» от корки до корки, или усвоившей железнодорожное расписание, или любительницы шахматной игры. Он даже подарил ей коробку с шахматами в надежде на то, что она станет исключением из правил. В свою очередь она могла бы о нем сказать, что еще никогда не встречала человека, столь далекого от всего того, ради чего человечество вообще живет на Земле; да вдобавок вознамерившегося перевернуть мир, в котором сам так мало понимал; человека, настолько невосприимчивого к искусству. Был случай, когда она послала ему открытку с репродукцией «Моны Лизы», попросила его внимательно ее рассмотреть и высказать свое мнение по поводу этого известного произведения искусства. Он ей ответил: «Я ничего не понял в твоей «Моне Лизе». Ни ее лицо, ни одежды ни о чем мне не говорят. Кажется, есть опера, которая так называется, и книга Д'Аннунцио. Просто ничего не понимаю в этой штуке, которую ты мне прислала».

Она подумала: может, он ее разыгрывает? Хотя подобные шутки были не в его духе. Но в том то и дело, что он ответил ей совершенно честно, потому что спустя некоторое время она получила от него открытку с такими словами: «Ты забыла про свою «Мону Лизу»? Ты же обещала, что объяснишь мне все про нее, но сколько я ни повторял мою просьбу, ты забываешь. Напиши, и на этот раз не забудь».

За все девять лет их дружбы это был единственный случай,

когда он в своем письме к ней коснулся темы изобразительного искусства.

Их последнее свидание произошло в Галиции накануне Первой мировой войны. Елизавета де К. написала ему, что хочет его видеть. Он предложил ей приехать в Поронино; там ее должен был встретить кто-то из его агентов. Атмосфера секретности, которой была окружена их встреча, была ей неприятна. Особенно ей стало не по себе, когда она увиделась с агентом Ленина. Им оказался некто Ганецкий — господин с холеным лицом, преисполненный чувства собственной значимости. Ей показалось, что этот человек таит в себе какую-то угрозу. Кстати, в дальнейшем Ганецкий сыграет важную роль в осуществлении плана переезда Ленина в Россию через германскую территорию в опломбированном вагоне. Елизавете де К. были омерзительны напускная таинственность, подобострастие и неестественные манеры Ганецкого. Он ей напоминал вымуштрованного лакея из дорогой гостиницы. И когда, наконец, после многих проволочек они с Лениным встретились, она была изумлена произошедшей в нем переменой. Он стал намного резче. И хотя это было очень смело с ее стороны, она рискнула задать ему вопрос: как изменило его время, не стал ли он терпимее? Неужели он до сих пор верует в железные марксистские догмы? Ведь нет ничего дороже простой человеческой свободы.

— Людям не нужна свобода, — ответил он ей. — Свобода есть одна из форм диктатуры буржуазии. В подлинном государстве нет свободы. Народ хочет власти, но что, скажите пожалуйста, он будет делать, когда ее получит? Перед нами три задачи, которые мы должны осуществить: дать землю крестьянам, мир солдатам и власть рабочему классу. Все прочие действия, не направленные непосредственно на осуществление этих задач, являются антимарксистскими и, следовательно, ошибочными.

Это была невеселая встреча, и Елизавета де К. вскоре попрощалась. Перед тем как уйти, она вдруг вспомнила стихотворение Жуковского, которое Ленин часто цитировал в письмах к ней. Она решила вернуть его к тем строкам и сказала:

— Знаешь, мне кажется, что ты избрал непосильный для себя крест.

С тех пор она его больше никогда не видела.

После этого была еще одна женщина, оставившая глубокий след в его жизни, — Инесса Арманд. В своих письмах он обращался к ней на «ты», как и к Елизавете де К. Этому роману суждена была более долгая жизнь, и закончился он только со смертью Инессы Арманд.

Лондонский съезд

Из всех съездов, в которых участвовал Ленин, лондонский, состоявшийся весной 1907 года, был самым бурным, изматывающим и решающим. После него были другие съезды и конференции в таком количестве, что их не перечесть, — Ленин имел особый талант созывать их по любому поводу. Но в отличие от прочих лондонский съезд носил определенно завершающий характер. Он был полностью проникнут ленинским духом, в нем запечатлелась его воля. Вот уж где он нещадно проехался по всем своим оппонентам. Те, кто присутствовал на этом съезде, навсегда запомнили, с каким напором и свирепостью он отстаивал на заседаниях съезда свою линию, просто подминая под себя аудиторию.

Поначалу планировалось, что съезд будет проходить в Копенгагене, но в последний момент датское правительство запретило проводить его в своей стране, и делегаты в составе более трехсот человек с большими трудностями перебрались в Мальмё, в Швецию. Не успели они найти себе квартиры и расселиться в этом городе, как им было предписано покинуть Мальмё, — шведские власти не одобряли такого скопления русских революционеров на их земле. Помогли британские социалисты Х. Н. Бреилсфорд и Джордж Лэнсбери. Благодаря их вмешательству съезд перенесли в Лондон. Местом действия стала церковь преподобного Ф. Р. Свона на Саутгейт-роуд, в районе Уайтчэпл. Это было мрачное, безликое и запущенное здание — таких церквей по всей Англии когда-то было множество. М. Горький, который был в числе участников съезда, спустя почти двадцать лет с неприязнью вспоминал помещение, где заседали делегаты: «Я и сейчас вот все еще хорошо вижу голые стены смешной своим убожеством деревянной церкви на окраине Лондона, стрельчатые окна небольшого, узкого зала, похожего на классную комнату бедной школы». Церковь эта не сохранилась, — во время последней войны она была по милости упавшей там немецкой бомбы полностью стерта с лица земли.

Съезд открылся 13 мая 1907 года, в понедельник, в семь часов вечера. На нем присутствовало пять организованных политических группировок: большевики, меньшевики, бундовцы, латвийские и польские социал-демократы. Делегаты заняли свои места на длинных деревянных скамейках. Слева сидели меньшевики, справа большевики, а между ними все остальные. Большинство из участников съезда были революционеры со стажем. Среди них, пожалуй, не было ни одного, кто не испытал бы длительное тюремное заключение, по крайней мере однажды.

Их имена в то время еще не были известны. Мало кому пришло бы тогда в голову, что среди этих людей есть такие, кто в будущем станет, например, известным лидером рабочего движения, или философом-теоретиком революции; что имена этих людей войдут в повседневную жизнь значительной части человечества.

Был тут и Сталин — худой, изможденный. Он говорил с таким сильным грузинским акцентом, что его с трудом понимали. Были и Каменев с Зиновьевым, и Троцкий, — позже по распоряжению Сталина они будут «убраны». Среди прочих присутствовали: непотопляемый Ворошилов, твердокаменный Бубнов (он станет наркомом просвещения), Рыков, который займет в будущем пост заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров, то есть будет вторым по значению человеком в государстве после Ленина; они на съезде большой роли не играли и выступали редко. Были Покровский и Лядов, но пока что за ними никаких исторических трудов не числилось.[23] Литвинов[24] занимал место на галерке в качестве наблюдателя. Ногин, которому доведется возглавить Моссовет в 1917 году, сидел рядом с Лениным. Шаумян, будущий чрезвычайный комиссар СНК РСФСР по делам Кавказа, под властью которого окажутся огромные территории на юге России и который позже будет расстрелян англичанами, представлял на съезде большевиков Кавказа, вместе с Михой Цхакая. Между прочим, Цхакая выпадет жребий сопровождать Ленина, когда тот будет пересекать территорию Германии в опечатанном вагоне. Немногие из делегатов прибыли в Лондон под своими собственными именами, почти все они были снабжены фальшивыми паспортами. Сталин, например, предпочел называться почему-то Ивановичем. Так как он не являлся представителем какой-либо партийной организации Кавказа, у него не было права голоса на съезде, но по молчаливому соглашению ему было разрешено присутствовать на заседаниях.

О многих, многих из тех большевиков мир еще услышит. Что же касается меньшевиков, то в 1907 году их уже хорошо знали. Плеханов, Аксельрод, Дейч, Мартов, Дан были заметными фигурами не только среди российских революционеров; их известность перешагнула границы России, с их мнением считались. Плеханова чтили как выдающегося теоретика социализма, и именно поэтому ему была предоставлена честь торжественно открыть съезд. В соответствии с существовавшими правилами хорошего тона он облачился в визитку и белую сорочку с высоким воротником; на нем был шелковый галстук. Он да еще несколько человек были хорошо одеты в отличие от

подавляющего большинства участников съезда. Но не ему, а деликатному, нервному Мартову выпала в тот раз роль защитника политических воззрений, которых придерживались меньшевики. Мартову, и главным образом Мартову, пришлось отстаивать гуманистические идеалы социализма в борьбе с бездушной ленинской казуистикой. И в результате сильно затянувшийся съезд, продолжавшийся почти три недели, в течение которых делегаты собирались тридцать пять раз, превратился в настоящую дуэль между Лениным и Мартовым.

Всего на съезде присутствовало 105 большевиков, 97 меньшевиков и еще 134 делегата представляли другие партии. Польские социал-демократы составляли мощную, слаженную группу из 44 человек. Из них наиболее яркими личностями были Роза Люксембург и Ян Тышка-Иогихес, ее неразлучный друг и товарищ. Роза Люксембург была маленькой брюнеткой с пылким темпераментом. Из-за какой-то болезни у нее было повреждено бедро, что ужасно деформировало ее хрупкую фигурку. Она обладала живым и быстрым умом. Впоследствии она проникнется отвращением к большевикам, разглядев их диктаторские наклонности. Как и ее друг, она совсем незадолго до съезда вышла из тюрьмы. Здесь должен был находиться еще один депутат от польской социал-демократической партии, Феликс Дзержинский, но он был арестован в России и, разумеется, прибыть на съезд не мог. Дзержинский потом возглавит ЧК, созданную Лениным тайную полицию, во сто крат более страшную машину для уничтожения инакомыслящих, чем царская охранка. Из группы латышских социал-демократов выделялся Герман Данишевский, которому судьба уготовила сыграть далеко не последнюю роль в той же ЧК ив Красной Армии.

Бундовцев было 57 человек; это была сильная фракция, основной костяк которой состоял из молодых еврейских интеллигентов. Все они симпатизировали меньшевикам. Среди них заслуживает упоминания Владимир Медем, назначенный председательствующим на съезде, потому что только он один был в состоянии увещевать враждующие стороны, а также бесстрашный Рафаэль Абрамович, — всякий раз, когда большевики зарывались, он вскакивал с места и смело заявлял свой протест.

Съезд открылся в атмосфере мира и согласия. В зале царило приподнятое настроение. Плеханов начал свою речь. Он говорил уже минут двадцать, когда стали замечать, что большевики ведут себя беспокойно, выражая этим несогласие их фракции с идеей либерального социализма, которую развивал в своей речи с трибуны съезда Плеханов. Много лет спустя М. Горький,

вспоминая этот эпизод, описывал растерянность и смятение в зале, вызванные поведением большевиков. Все это, конечно, спровоцировано было Лениным. Горький пишет: «Во время речи Г. В. Плеханова в первом заседании на скамьях большевиков чаще других шевелился Ленин, то — съеживаясь, как бы от холода, то — расширяясь, точно ему становилось жарко; засовывал пальцы куда-то под мышки себе, потирал подбородок, встряхивая светлой головой, и шептал что-то М. П. Томскому. А когда Плеханов заявил, что «ревизионистов в партии нет», Ленин согнулся, лысина его покраснела, плечи затряслись в беззвучном смехе…» Таким образом, с самого начала съезда Ленин избрал диверсионную тактику. Его дерзкие выходки не были спонтанными — они были тщательно продуманы и спланированы. А хамское поведение по отношению к Плеханову было повторением той давней истории, когда он, будучи мальчишкой, травил несчастного месье Пора, учителя симбирской гимназии. Он применит эту тактику в 1918 году, когда будет разгонять Учредительное собрание.

После того как Плеханов закончил свое выступление, слово взял Рафаэль Абрамович. Он предложил избрать президиум из пяти человек, по одному от каждой присутствовавшей на съезде партийной группировки. Все единодушно проголосовали за то, что президиум должен быть избран и от каждой группировки в президиуме должен быть один человек. От меньшевиков был выдвинут Дан, от Бунда — Медем, латыши выбрали Азис-Розина, Тышка-Иогихес был избран поляками. Фракцию большевиков в президиуме должен был представлять Ленин. Это сразу же вызвало бурный протест в рядах меньшевиков. Дело в том, что Ленин открыто отказался подчиняться партии в вопросе об «экспроприациях». Он считал правомерными налеты на банки и ограбления, приносившие немалые средства в большевистскую казну, и не собирался оправдываться перед товарищами по партии. Он относился к этому просто: раз деньги были нужны, значит, их надо было где-то брать, а если взять их можно с помощью террористического акта, что ж, тем лучше. Меньшевики относились к большевикам как к невоспитанным мальчишкам, неучам, хулиганам. По мнению меньшевиков, такое недостойное, самовольное поведение было недопустимо в рядах партии, и они вполне серьезно поставили под сомнение кандидатуру Ленина как делегата съезда. В ответ на их заявление весь зал словно сошел с ума. Люди кричали, размахивая кулаками перед носом друг у друга. Не обошлось бы без кровопролития, если бы положение не спас Медем. Ему в конце концов удалось утихомирить аудиторию. А Ленин все-таки занял свое место в

президиуме.

Ленинскую тактику на протяжении всего съезда можно определить как бескомпромиссный бой, расправу со всеми, кто отказывался принять его концепцию «революционного демократизма». Ему уже было ясно, что надежды на сотрудничество с меньшевиками напрасны; правда, меньшевиков еще можно было с толком использовать. Ленин обвинял их/ и не без оснований, в том, что они идут на союз с буржуазией, из чего следовало, что они против победы пролетариата в революции. Ленин презрительно бросил в ответ Плеханову, выступавшему за союз с буржуазией, что на союз с врагом можно пойти только в самом крайнем случае, а таковой еще не представился. Меньшевикам не нравилась «односторонняя враждебность пролетариата к либерализму»; Ленин на это заявил, что именно либералы заняли позицию контрреволюционеров; вместо того, чтобы помогать революции, они делают все от себя зависящее, чтобы смазать ее, замять. И опять он гнул свою линию, повторяя, что только пролетариат является той силой, которая должна осуществить революцию. На крестьян, по его мнению, трудно полагаться. Они очень шаткая опора, поскольку в крестьянах глубоко коренится чувство собственности, и с ним ничего не поделаешь. Ленин рассуждал так: «В крестьянине живет инстинкт хозяина, — если не сегодняшнего, то завтрашнего хозяина. Этот хозяйский, собственнический инстинкт отталкивает крестьянина от пролетариата, порождает в крестьянине мечты и стремления выйти в люди, самому стать буржуа, замкнуться против всего общества на своем клочке земли, на своей… куче навоза».

Ленин разносил в пух и прах меньшевиков, крестьян, Думу, кадетов, либеральную буржуазию, помещиков, дворянство, аристократию. Он так многих объявлял своими врагами, что казалось, он намеренно отсекает себя от всех сторон русской действительности. Только русский пролетариат заслужил его благоволение. Остальные слои общества были преданы им анафеме. Троцкий попытался было навести мостик между меньшевиками и большевиками, создав небольшую промежуточную группу. Ленин тут же накинулся на него, обвинив в том, что он замаскированный меньшевик, создавший кучку отщепенцев, чья миссия по всем законам политической борьбы обречена на провал. Троцкий рассвирепел и назвал Ленина лицемером. Даже Анжелика Балабанова,[25] обожавшая Ленина, отмечала, что на заседаниях съезда он вел нечистую игру. Дело было не только в том, что он пытался завоевать симпатии галерки и постоянно быть в центре внимания; за кулисами съезда он вел себя точно так же беспринципно, переманивая на свою сторону

членов Бунда и любых других делегатов, отколовшихся от своих группировок, и все с одной целью — завоевать себе побольше голосов. И хотя он действительно был самой могучей фигурой на съезде, Мартов стоял на своем и не думал сдавать позиций. Полная стенограмма лондонского съезда была опубликована в России в 1933 году; из нее видно, что Мартов выступал на нем 126 раз, Ленин — 120, а Троцкий, Либер, Дан, Мартынов, Жордания, Церетели, Тышка-Иогихес и Абрамович — по 50 или 60 раз. Стенограмма занимает 748 страниц мелким шрифтом напечатанного текста.

Попытка вникнуть в содержание этих документов сегодня непременно кончается тем, что поневоле голова идет кругом, — настолько непонятен, далек от нашего времени смысл речей делегатов того съезда; может даже показаться, что это вообще бессмыслица и время действия ни при чем. Язык политических дебатов, которым тогда пользовались, давно коренным образом изменился. Но все равно, читая речи делегатов на лондонском съезде РСДРП, мы как будто слышим их голоса, и все они одинаково гневные, взвинченные, охрипшие от яростных споров и тщетных попыток криком доказать свою правоту. В бесконечных дебатах враждующие стороны изматывали друг друга, постоянно находя поводы для разногласий. Фактически это был съезд пяти разных партий, сохранявших видимость одной. Делегаты составляли тексты резолюций и дружно их принимали, но единства и согласия между ними не было.

Горького поразило то, с каким жаром проходили заседания съезда. Тогда он фактически еще не знал Ленина и, увидев его здесь, как и многие другие, был удивлен простотой его облика. Первое впечатление исключало всякую мысль о том, что это вождь революционного движения. Ничего от вождя в нем не было, но только до тех пор, пока он не начинал говорить. Тогда-то и проявлялась его внутренняя, какая-то нечеловеческая сила. Горькому пришлось увидеть Ленина на трибуне после выступления Розы Люксембург, писатель высоко оценил ее как лучшего оратора на съезде.

Страстность и убедительность ее речи были хорошо приправлены иронией, а это не всякому дается. Размышляя таким образом, Горький вдруг увидел Ленина, который поспешно взошел на кафедру.

«… Владимир Ильич… картаво произнес «товарищи». Мне показалось, что он плохо говорит, но уже через минуту я, как и все, был «поглощен» его речью. Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто. Этот не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на

ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл. Очень трудно передать необычное впечатление, которое он вызывал.

Его рука, протянутая вперед и немного поднятая вверх, ладонь, которая как бы взвешивала каждое слово, отсеивая фразы противников, заменяя их вескими положениями, доказательствами права и долга рабочего класса идти своим путем, а не сзади и даже не рядом с либеральной буржуазией, — все это было необыкновенно и говорилось им, Лениным, как-то не от себя, а действительно по воле истории. Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре — точно произведение классического искусства: все есть, и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были — их не видно, они так же естественно необходимы, как два глаза на лице, пять пальцев на руке.

По счету времени он говорил меньше ораторов, которые выступали до него, а по впечатлению — значительно больше; не один я чувствовал это, сзади меня восторженно шептали:

— Густо говорит…

Так оно и было; каждый его довод развертывался сам собою — силою, заключенной в нем.

Меньшевики, не стесняясь, показывали, что речь Ленина неприятна им, а сам он — более чем неприятен. Чем убедительнее он доказывал необходимость для партии подняться на высоту революционной теории для того, чтобы всесторонне проверить практику, тем озлобленнее прерывали его речь.

— Съезд не место для философии!

— Не учите нас, мы — не гимназисты!

Особенно старался кто-то рослый, бородатый, с лицом лавочника, он вскакивал со скамьи и, заикаясь, кричал:

— З-загово-орчики… в з-заговорчики играете! Б-бланки-сты!»

У Горького к Ленину было сложное, двоякое отношение. Он совершенно искренне симпатизировал Ленину, но побаивался его как политика. Горького восхищала смелость этого человека, но он опасался последствий его дерзкой политики. Спустя некоторое время после смерти Ленина Горький описал несколько своих встреч с Лениным, но почему-то кажется, что воспоминания эти дались ему с трудом, в них чувствуется натянутость. Есть у Горького воспоминания о Чехове, Толстом. Они получились у него живыми, настоящими. Ленин же воспринимается как возведенный на пьедестал исторический персонаж; его образ слишком отдален и абстрактен, в нем нет жизни.

Редко, но все-таки бывало, что Горькому удавалось пробиться сквозь барьер вежливой сдержанности, даже замкнутости, который Ленин привычно воздвигал в общении с людьми.

Однажды, тогда, в Лондоне, Ленин пришел навестить Горького в гостиницу, где тот остановился. Писатель с удивлением заметил, что он с озабоченным видом ощупывает его постель.

«— Что вы делаете?

— Смотрю — не сырые ли простыни.

Я не сразу понял: зачем ему нужно знать — какие в Лондоне простыни? Тогда он, заметив мое недоумение, объяснил:

— Вы должны следить за своим здоровьем».

Был еще и такой случай. Небольшая компания революционеров отправилась в мюзик-холл. Ленину понравились клоуны. Посмотрев очередную пантомиму клоуна-эксцентрика, он сказал: «Тут есть какое-то сатирическое или скептическое отношение к общепринятому, есть стремление вывернуть его наизнанку, немножко исказить, показать алогизм обычного. Замысловато, а — интересно!»

Кто исполнял номер? Очевидно, это был Дэн Лино, но, возможно, что и молодой Чарли Чаплин. И кто знает, не осенила ли Ленина в тот момент такая неожиданная мысль, что между клоуном с замалеванным белилами лицом и вождем революционных масс есть очень много общего. Ведь каждый из них по-своему добивается одной цели: вывернуть общепринятое наизнанку, исказить, показать алогизм обычного.

Ленин не часто попадал в мюзик-холл вечерами. Обычно работа на съездах его так выматывала, что к концу съезда он выглядел больным человеком. По словам одного из очевидцев, наблюдавшего Ленина в Лондоне, «он был бледный, с потухшими глазами, и руки у него дрожали». Когда Ленин наконец вернулся в Финляндию, его трудно было узнать. Бороду он сбрил, коротко подстриг усы, а на голове у него появилась соломенная шляпа. Он страшно исхудал и не мог есть; налицо были признаки нервного истощения. Было решено отправить его в глухую, тихую деревеньку, где он мог бы восстановить свое пошатнувшееся здоровье. На природе он то и дело засыпал среди бела дня. Крупская вспоминала, как он, сидя под сосной и беседуя, вдруг погружался в сон. Но постепенно Ленин пришел в себя, у него появился аппетит, и они с Крупской стали кататься на старых велосипедах. «Мы вырезали заплатки на шины из старых галош, — вспоминала она. — У нас больше времени уходило на ремонт, чем на катание». Деревенский воздух пошел Ленину на пользу, да и здоровое питание — оленина и яичницы из свежих яиц — тоже сделали свое дело, лицо у Ленина снова округлилось.

Это уже стало закономерностью: каждый съезд для него был высшим напряжением воли, своего рода кризисом, и почти после каждого из них наступал период какого-то умственного и

физического паралича, когда даже простейшие повседневные дела оказывались выше его сил. Так что все разговоры о его врожденном крепком здоровье не соответствуют истине. Он никогда не отличался крепким здоровьем.

Поправившись, он еще некоторое время жил в доме, принадлежавшем двум незамужним сестрам в деревне недалеко от Гельсингфорса. Это было идеальное убежище для революционера, за которым охотилась полиция: уютный небольшой домик, окна с кружевными занавесками; в одной из комнат вечно кто-нибудь бренчал на пианино и хихикали две девицы в возрасте. В этом образцовом мелкобуржуазном гнездышке он сочинял антибуржуазные статьи, расхаживая взад-вперед по комнате на цыпочках, чтобы не беспокоить хозяев. Каждый день к нему прибывал курьер и забирал готовый материал, который затем печатали в подпольной типографии в Выборге или Санкт-Петербурге.

Самодержавие снова было на коне, и противостоять царской власти революционерам было тяжело. Что касается Ленина, то с момента появления его в России в конце 1905 года полиция выискивала его след, и теперь наконец-то она этот след учуяла. Он решил бежать из Финляндии и добраться до Швейцарии. Но как? Дело было нелегкое. Полиция обыскивала все пароходы, подстерегала на всех пристанях; она уже могла гордиться тем, какое количество революционеров было снято ею прямо с трапа пароходов. И Ленин, все обдумав, избирает рискованный путь. Он решает перейти Финский залив ночью по тонкому льду (а это около пяти километров) до острова, где причаливал небольшой пароход. Двое местных крестьян вызвались быть его проводниками. Оба они были пьяны, лед трещал у них под ногами, ломался, и они еле успевали перепрыгнуть на другую льдину. Позже Ленин будет рассказывать, что когда под ним расходился лед, он не испытывал никакого страха; только в его голове билась невыносимая мысль — до чего же бессмысленно и глупо погибнуть таким образом. В Женеву он попал к самой середине зимы. На улицах было пусто, безлюдно, озеро замерзло, и над городом нависли тяжелые тучи. «Я чувствую, — говорил он, — что приехал сюда того, чтобы быть похороненным».

Девять лет Ленин жил на чужбине, ел горький хлеб изгнанника, был в постоянных распрях и вражде с собственной политической партией; злобные дебаты не прекращались; то и дело то одна, то другая сторона объявляла войну не на жизнь, а на смерть. Всепоглощающим занятием в то время для него было издание подпольной газеты и распространение ее в России. Но первые месяцы его жизни в Швейцарии оставляют впечатление

невероятно скучного существования. Днем он занимался в библиотеке, и это было еще терпимо. Вечера же были просто невыносимы. Небольшая кучка последователей, окружавшая его раньше, растаяла, он остался почти в полном одиночестве. «Вечерами мы просто не знали, куда себя девать. Нам не хотелось сидеть в холодной, унылой комнате, которую мы снимали, нам хотелось быть среди людей. Каждый вечер мы ходили в кино или в театр, но редко оставались до конца, обычно уходили с середины представления, чтобы побродить по улицам». Попробуй побродить по пустым улицам Женевы вечер за вечером — да так действительно любой сойдет с ума.

Он продолжал без устали писать. Его статьи появлялись в газете «Пролетарий» с той же регулярностью, что и раньше в «Искре», «Новой Жизни», «Волне», «Эхо» и других газетах, которые он редактировал. Финансовых трудностей он больше не испытывал, потому что владелец текстильных фабрик миллионер Савва Морозов и его племянник Николай Шмит оставили партии огромные средства. Морозов в 1905-м покончил жизнь самоубийством, хотя не исключено, что был убит. Их капиталы нашли путь в партийную казну. Кроме того, «кавказские товарищи», ловко орудуя, грабили банки, заставляя царя, как они говорили, «раскошелиться на революцию». Бонч-Бруевич тоже сумел привлечь изрядные суммы из Соединенных Штатов.

Ходило много темных и запутанных историй о том, как деньги Морозова и Шмита оказались в руках у Ленина, но никто не видел документов, подтверждавших все эти версии. Тексты завещаний никогда не были обнародованы, и подробностей того, как деньги были переданы, неизвестны. Одиозные фигуры наводящего на общество ужас Камо, «взявшего» банк в Тифлисе, и не менее отчаянного Таратуты, женатого на младшей сестре Шмита, помаячили немного на партийном горизонте и вскоре исчезли. И хотя на лондонском съезде было принято решение запретить экспроприации, Ленин вряд ли подчинился этому запрету. Он открыто заявил, что прибегать к экспроприациям в определенных случаях позволительно, а что это за определенные случаи, объяснил в статье, напечатанной в 1906 году, которая называлась «Партизанская война». В ней говорилось, что частная собственность экспроприации не подлежит, а экспроприация государственной собственности возможна, но только по рекомендации партии; террористические акты тоже дозволялись, правда, с учетом того, в каких условиях находился рабочий класс у хозяина.

Отношение к экспроприациям стало еще одной причиной его разрыва с меньшевиками. Но не только меньшевики отказывались

принимать его таким. Горький тоже считал его слишком нетерпимым и негибким. Так случилось, что Горький однажды пригласил Ленина к себе на Капри, где основал что-то вроде университета для эмигрантов. Приехав туда, Ленин тут же рассорился со всей русской колонией, и очень быстро его пребывание на Капри стало нежелательным. Он уехал через два дня и, как говорит Крупская, даже отказывался потом объяснять, что же там произошло. Однако нетрудно догадаться, как было дело. Осталась переписка между Лениным и Горьким, и, кроме того, Горький в своих воспоминаниях коротко описал ленинский приезд на Капри:

«И вот я увидел пред собой Владимира Ильича Ленина еще более твердым, непреклонным, чем он был на Лондонском съезде. Но там он волновался, и были моменты, когда ясно чувствовалось, что раскол в партии заставляет переживать его очень тяжелые минуты.

Здесь он был настроен спокойно, холодновато и насмешливо, сурово отталкивался от бесед на философские темы и вообще вел себя настороженно…»

Но был на Капри и «другой Ленин — прекрасный товарищ, веселый человек, с живым и неутомимым интересом ко всему в мире, с поразительно мягким отношением к людям».

В своем сознании Горький никак не мог соединить эти два несопоставимых образа Ленина. Оглядываясь назад, на то время, которое они вместе провели на Капри, Горький сказал: «…У меня осталось очень странное впечатление: как будто Владимир Ильич был на Капри два раза и в двух резко различных настроениях».[26]

Был Ленин, ругавший русских эмигрантов за то, что они не помогают ему с его газетой, и еще яростнее разносивший их за религиозность и либерализм. Был Ленин, который до приезда на Капри свысока заявил Горькому в своем письме к нему: «Я отказываюсь приезжать и говорить с людьми, которые проповедуют соединение научного социализма с религией — время штудирования учебников прошло». Но был и другой Ленин, который любил удить рыбу в компании местных рыбаков, который заливисто и добродушно смеялся. Его научили ловить рыбу без удочки, намотав леску на палец. «Drin, drin, capisce?[27]» — сказал ему рыбак. «Drin, drin» — так рыбак имитировал звук, производимый натянутой леской, когда она начинает дергаться; мол, гляди, леска дергается, значит, рыба клюет. И еще долго после того, как Ленин уехал с острова, рыбаки вспоминали заезжего гостя с таким заразительным смехом и спрашивали у Горького: «Как поживает Дрин-дрин? Царь его еще не поймал?»

…Наступили годы царской реакции. В Женеве Ленин

задыхался. В начале зимы 1908 года он переезжает в Париж.

Париж

Сколько раз Ленин осыпал Париж бранью, негодуя и возмущаясь его мелкобуржуазностью. Но это был город, куда его все-таки тянуло, куда он возвращался снова и снова. Он любил Париж. Он терпеть не мог французскую бюрократию и полицию, ему не хватало слов, чтобы выразить все свое отвращение к французской буржуазии, но о парижских рабочих он всегда говорил с уважением. Ему нравились их лица с бесшабашной ухмылкой, их веселая невозмутимость. Это был тот материал, с помощью которого делались революции. Ленин потому любил Париж, что в его представлении этот город был колыбелью революций, гнездом революционных традиций. На протяжении лишь одного, да и то неполного века, здесь, в Париже, произошли три великие революции; последняя из них, Парижская Коммуна, стала Ленина предметом тщательного исследования. Он считал, что на опыте Парижской Коммуны можно многому научиться, что этот опыт может очень пригодиться, если революция вспыхнет в России. Правоверные ленинские историки-биографы вычислили, что Ленин побывал в Париже пятнадцать раз. Но эта цифра не вполне соответствует действительности. Они включили сюда и те случаи, когда он, направляясь в какую-то другую страну, пересекал границу Франции, не задерживаясь там надолго. Другое дело — период времени между 1908 и 1912 годами. Ленин прочно обосновался в Париже, позволив себе пустить там корни и сделаться настоящим парижанином.

Он приехал в Париж 14 декабря 1908 года с женой, тещей и Зиновьевым. С ними прибыло и все их имущество — кое-какая мебелишка из женевской квартиры и прочая домашняя утварь, а также старый обшарпанный печатный станок. Первые четыре дня они провели в отеле на бульваре Сен-Марсель, в котором жила его сестра Мария, учившаяся тогда в Париже. Затем они переезжают в снятую ими квартиру в доме 24 на рю Бонье. Район был тихий, удаленный от шумного центра города. Преимущественно здесь обитала буржуазия. Да и арендованная ими квартира больше подошла бы семейству владельца лавки, но никак не революционеру. Зеркала над каминами потрясли Крупскую. Там были прихожая с залой, четыре жилые комнаты, кухня; к тому же великое множество всевозможных шкафов и шкафчиков для посуды, одежды и всякой всячины; была, само собой, и кладовая. За все это, включая налог и положенное

вознаграждение консьержке, они платили около тысячи франков в месяц, что по тем временам равнялось примерно двум сотням долларов. Так что, как справедливо заметил Ленин в своем письме к сестре Анне, они жили весьма роскошно. «По-московски это дешево, — писал он. — По-здешнему дорого. Зато будет поместительно и, надеемся, хорошо».

Как уже бывало, Ленин снова оказался в окружении хлопотавших около него женщин, которые немедленно принялись обустраивать жизнь в новой квартире на свой вкус. Их суета оставляла его равнодушным. Стул, стол и место, куда можно было складывать книги, — больше ничего ему не требовалось. Крупская чувствовала себя потерянной в чужом для нее городе. По-французски она говорила с трудом, и неудивительно, что в своих мемуарах она жаловалась на Ленина, который ей совсем не помогал. Например, он и не подумал сходить к газовщикам, чтобы попросить их включить газ, а наоборот, послал ее улаживать это дело. Идти надо было далеко. Она пришла куда надо, обратилась к кому надо, но газовщики не поняли, чего она от них хочет. Она вернулась домой, ничего не добившись. И вторая попытка не принесла успеха. Только с третьего раза ей удалось кое-как договориться, и газ был включен. Естественно, это дало ей повод разразиться нелестными словами в адрес волокитчиков французов. Она забыла, что и в России волокитчиков хватало. Но это были пустяки по сравнению с тем, что их ждало дальше. Во Франции был такой порядок: человек, снимавший квартиру, мог получать книги из библиотеки, только если за него поручался в письменной форме хозяин дома, где он проживал. Но когда домовладелец осмотрел их обстановку — убогие деревяшки, которые они привезли с собой из Женевы, — он призадумался. Уж больно эти жильцы были похожи на цыган, вселившихся самовольно в чужой пригородный дом. Он тянул время, подозрительно поглядывая на них, и так продолжалось до тех пор, пока Ленин не попросил кого-то уведомить хозяина, что у жильца, то есть у него, Ленина, имеется крупная сумма денег на личном счету в банке «Лионский Кредит». Речь, конечно же, шла о значительной части шмитовских денег, завещанных партии; сумма превышала четверть миллиона франков. Подтверждавший это документ из банка был хозяину предъявлен, после чего тот начал здороваться со всеми членами ленинского семейства с неизменным почтением. Откуда он мог знать, что львиная доля этих средств предназначалась для установки печатного станка, чтобы на нем печатать политическую литературу, а потом нелегально переправлять ее через границу в Россию?

Ленин еще не успел как следует оглядеться в Париже, а уже

оказался в гуще политической борьбы, так как начала работу 5-я Общероссийская конференция социал-демократов. Время было сложное. С Россией связь осуществлялась с трудом. Новой вспышки революционной активности там как будто не предвиделось. На конференцию приехало совсем немного представителей, и большинство из них были в оппозиции к Ленину. Ему пришлось сосредоточить все усилия, чтобы склонить их на свою сторону или, по крайней мере, нейтрализовать. Прежние соратники больше не желали следовать ленинской «твердой» линии, отказавшись от идеи народного бунта и вооруженного восстания. Поговаривали о том, что пора ликвидировать крайнее левое крыло партии, отойдя от ранее принятых решений, заменив их новыми, более соответствующими реалиям времени. Ленин упорно отстаивал «твердую» линию. Кроме того, он бился за право контролировать большую часть шмитовских денег и за газету «Пролетарий», которую он хотел и дальше использовать как рупор своей политической программы. Шмитовское наследство он отвоевал, но «Пролетария» лишился. Ему также пришлось согласиться с изменениями в программе партии; в новом ее варианте его лозунги об открытом бунте и вооруженном восстании звучали так неясно, что практически потеряли всякий смысл. Такова была цена, которую он должен был заплатить за право остаться в редакционной коллегии нового партийного органа — центрального. В нее входили: Ленин, Мартов, Зиновьев и Каменев. ЦО партии назывался «Социал-демократ». Если учесть, что между всеми членами редколлегии существовали серьезные разногласия, то можно только удивляться, что дело все-таки заладилось.

На 5-й конференции Ленин сражался за свое политическое выживание. Присутствовало всего шестнадцать членов партии. У Ленина не было опоры, при нем не было привычной группы послушных учеников и соратников. Делегаты рассаживались небольшими группками, спорили, вносили предложения, принимали резолюции, голосовали по разным вопросам. В конце конференции Ленин, как обычно, был на грани нервного срыва. Двадцать лет спустя Крупская вспоминала, что выглядел он ужасно и даже язык у него был серого цвета. Он еле ходил, его била дрожь. Решено было отправить его дней на десять в Ниццу, чтобы он там отдохнул. Он поехал туда один, взяв с собой оттиски последней своей книги «Материализм и эмпириокритицизм», которые ему прислала из Москвы сестра Анна. Вечерами он считывал текст, а днем загорал на солнце, так что в Париж он вернулся в отличной форме, оправившийся от ударов, полученных на конференции.

Жизнь после неудач и треволнений входила в колею. Ленин занимался, ходил в типографию, находившуюся за углом на соседней улице, заседал на редакционных советах, гулял в парке Монсури и изредка посещал собрания русских эмигрантов, стекавшихся теперь в Париж. Часть дня он всегда отводил занятиям в библиотеке. Обычно это была Национальная библиотека, расположенная в центре. Ему приходилось пересекать половину Парижа, чтобы до нее добраться. Тогда, как, впрочем, и по сей день, порядка в ней не было, везде гуляли сквозняки, а каталоги как будто нарочно были составлены так, чтобы читатель в них ничего не понимал и путался. Библиотека закрывалась то раньше, то позже, в зависимости от времени года. С 15 февраля по 31 марта она работала до пяти часов вечера, с 1 апреля до 15 сентября до шести, а все остальное время года она закрывалась в четыре часа. Казалось бы, не такая существенная разница, но для Ленина каждый час был чрезвычайно дорог. В соответствии с расписанием работы библиотеки он строил весь свой день. Зимой он вставал раньше, потому что боялся, что ему не хватит времени закончить намеченную дневную норму занятий. Библиотекари просто сводили его с ума. Он злился на каталоги, терпеть не мог задержек, когда ему приходилось часами ждать заказанной литературы. Ленин обычно оставлял свой велосипед в подъезде соседнего дома и платил консьержке за то, чтобы та за ним присматривала. Однажды велосипед все-таки украли, и это тоже был повод для взрыва. Но как он ни возмущался, на этот раз Национальная библиотека была ни при чем.

В своей работе Ленин полностью зависел от книг, из которых он черпал новые мысли, идеи. Ежедневно ему требовалась определенная порция книг, как обыкновенным смертным требуются солнечный свет и воздух. Иногда он с тоской вспоминал свои занятия в библиотеке Британского музея или в швейцарских библиотеках, где каталоги были в идеальном порядке и где ему даже разрешалось самому выискивать книги на полках, а когда он уезжал отдыхать в горы, запрошенные им книги пересылались ему по почте.

Ленин вел жизнь одиночки. Он и в Париже держался в стороне от политических эмигрантов. Наивысшим наслаждением для него были часы, когда он сидел над книгами или писал. Однако ему нравилось беседовать с двумя русскими рабочими типографии, которые приехали вслед за ним из Женевы, — ему было с ними интереснее., чем в компании с интеллектуалами.

Беда русской эмиграции заключалась в том, что, когда лишенные российской почвы революционеры оказывались в

Париже, они часто опускались, деградировали. Ленин считал, что только сильнейшие выживали на новой почве. Русских эмигрантов захлестывал алкоголизм, раздирали семейные ссоры, политические склоки; окончательно доканывала бедность. Почти все свое время они проводили в кафе, в бесконечных разговорах, пустых и бесполезных; собирались просто ради того, чтобы поговорить. Бороды у многих были спутаны, волосы не причесаны, одевались они неряшливо; для такой жизни им вполне хватало их жалкого знания французского языка. Когда они приходили к Ленину, консьержка умирала от страха. Ленин любил принимать только-только приехавших из России. Он подробно расспрашивал их о том, что делается в родном отечестве. Ему не терпелось вникнуть во все происходившее там, ощутить себя в гуще событий. Потом он терял к вновь прибывшим интерес и уже не особенно их жаловал.

Как раз в то время, то есть вскоре после того как Ленин обосновался на рю Бонье, у него побывал молодой студент Илья Эренбург. До этого они как-то встретились в кафе на авеню д'Орлеан, где в одной из комнат на втором этаже проходило собрание политических эмигрантов. Выступал Ленин. Эренбург имел смелость усомниться в каком-то его утверждении и, разумеется, получил от Ленина соответствующее внушение с указанием на его ошибки. После собрания Ленин подошел к нему и спросил: «Вы из Москвы?» Эренбург ответил, что в Москве он был арестован, освобожден, после чего жил в Полтаве. Судя по всему, он много знал о студенческом движении в России, и Ленин охотно пригласил его на рю Бонье. Потом Эренбург вспоминал, что на Ленине был темный костюм, из-под которого торчал крахмальный белый воротничок, и вообще он выглядел респектабельно.

Попав к Ленину, Илья Эренбург был неминуемо подвергнут тщательному допросу. Каковы настроения студенчества? Каких писателей они читают? Какие пьесы идут в театрах? Эренбург отвечал, как умел, все время чувствуя себя виноватым учеником, вызванным «на ковер» в кабинет директора гимназии. Он вспомнил и назвал несколько фамилий и адресов людей, которые, с его точки зрения, заинтересовались бы ленинской газетой; Крупская же их всех записала. В комнате у Ленина было очень чисто, на столе был порядок, книги были расставлены на полках. Несколько раз во время их беседы Ленин поворачивался к Крупской и говорил: «Он только что оттуда и знает, что там думают молодые люди». Наконец, истощив весь запас своих сведений, Эренбург откланялся. Больше его к Ленину не приглашали.

Главным событием весны 1909 года был для Ленина выход его книги «Материализм и эмпириокритицизм», над которой он работал в течение девяти месяцев, еще когда жил в Швейцарии. В Москве нашелся для нее издатель, сестра Анна старательно сверила оттиски, смягчила некоторые слишком резкие формулировки, и вскоре книжка появилась в обложке канареечного цвета, на которой значился его псевдоним — Вл. Ильин.

Работа явно претендовала на фундаментальное философское исследование, и Ленин всегда полагал, что именно этот труд дает ему основания считаться настоящим серьезным философом. Увы, как раз в ней-то и обнаружилась его полная беспомощность в вопросах философии. Это всего-навсего очередная атака на своих собратьев-марксистов, выраженная подчас в многословной форме. Он указывает им на ошибки, все больше прибегая не к Марксу, а к Энгельсу как к своей опоре, громоздя цитату на цитату на манер некоторых ревнителей христианского вероучения, к месту и не к месту ссылающихся на Священное Писание и избегающих точных текстов из того же Писания, противоречащих их собственным измышлениям.

Не являясь никоим образом серьезным философским трудом, книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» может быть определена как чересчур затянутый очерк, обращенный к членам социал-демократической партии с намерением убедить их неукоснительно придерживаться его, и только его, интерпретации материализма. Кто хоть на йоту отступал от ленинских взглядов, объявлялся мелкобуржуазным реакционером. Беркли, Хьюм, Кант — все как один лишались права считаться философами; та же участь постигла и еще два десятка «умников», чья вина заключалась в том, что они отказывались верить, что все в мире материально, познаваемо, объективно существует и подчиняется определенным и неизменным законам. Из всех подвергшихся критике наиболее суровый приговор получил Александр Богданов — это он с помощью Максима Горького открыл на Капри школу социализма, да еще написал книгу под названием «Эмпириомонизм», в которой попытался, впрочем, не слишком успешно, совместить идеи социализма с идеализмом. Ленин то бешено с ним спорит, то открыто издевается, а местами даже переходит на ругань. Вот один из красноречивых примеров его так называемой «критики» Богданова:

««Поставим себе такой вопрос, — пишет Богданов в 1 вып. «Эмпириомонизма», стр. 128–129, — что есть «живое существо», например, «человек»?» И отвечает: «Человек» это прежде всего определенный комплекс «непосредственных переживаний»».

Заметьте: «прежде всего'». — «Затем, в дальнейшем развитии опыта, «человек» оказывается для себя и для других физическим телом в ряду других физических тел».

Ведь это же сплошной «комплекс» вздора, годного только на то, чтобы вывести бессмертие души или идею бога и т. п. Человек есть прежде всего комплекс непосредственных переживаний и в дальнейшем развитии физическое тело! Значит, бывают «непосредственные переживания» без физического тела, до физического тела. Как жаль, что эта великолепная философия не попала еще в наши духовные семинарии; там бы сумели оценить все ее достоинства».

Этак любой школьник мог бы точно так же придраться, например, к знаменитому изречению Декарта, гласящему: «Cogito, ergo sum».[28]

Ленин не щадит своего противника. Для него все средства хороши. Он безжалостно выдергивает богдановские фразы из контекста и заставляет их звучать как бессмыслицу. Такие слова, как «идиотизм», «безумие», «абсолютный игнорамус», — цветочки по сравнению с другими отрицательными эпитетами, которыми он награждает Богданова. Необузданность Ленина дает нам повод думать, что он сам не очень тверд в своих убеждениях и пока точно не знает, куда клонит. Самоуверенный тон еще не доказательство убежденности в собственной правоте. Это не то честное чувство превосходства, что испытывает, например, альпинист, который первым преодолел недосягаемую вершину и теперь, с высоты, гордо смотрит вниз на отставших от него товарищей; с Лениным все иначе. Если бы, скажем, тот же альпинист пробивался к вершине, грубо сталкивая с трассы попадавшихся на его пути соперников, — в этом случае мы имели бы все основания отождествлять такого победителя с Лениным. Оттолкнуть, обойти, наградить тумаком — это в его духе.

Материалистические воззрения Ленина не имеют никакого отношения к философии. Это определенный тип мышления, восходящий к раннему периоду нигилизма, — так, как он, мыслили самые первые нигилисты. Он из тех, кто, подобно Базарову из тургеневских «Отцов и детей», способен провозгласить, что порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта, забывая о том, что это совершенно несопоставимые понятия и как таковые никак не могут стоять в одном мыслительном ряду. Типичный стереотип ленинского мышления мы находим в главе о философах-идеалистах, где он цитирует отрывок из статьи Поля Лафарга, зятя Карла Маркса, напечатанной в газете «Le Socialiste» за девять лет до появления книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Приведем

его:

«Рабочий, который ест колбасу и который получает 5 франков в день, знает очень хорошо, что хозяин его обкрадывает и что он питается свиным мясом; что хозяин — вор и что колбаса приятна на вкус и питательна для тела. — Ничего подобного, — говорит буржуазный софист, все равно, зовут ли его Пирроном, Юмом или Кантом, — мнение рабочего на этот счет есть его личное, т. е. субъективное мнение; он мог бы с таким же правом думать, что хозяин — его благодетель и что колбаса состоит из рубленой кожи, ибо он не может знать вещи в себе…

Вопрос неверно поставлен, и в этом и состоит его трудность… Чтобы познать объект, человек должен сначала проверить, не обманывают ли его чувства… Химики пошли дальше, проникли внутрь тел, анализировали их, разложили их на элементы, потом произвели обратную процедуру, т. е. синтез, составили тела из их элементов: с того момента, как человек оказывается в состоянии из этих элементов производить вещи для своего употребления, он может, — как говорит Энгельс, — считать, что знает вещи в себе. Бог христиан, если бы он существовал и если бы он создал мир, не сделал бы ничего большего».

Вот так Лафарг разделывается с Кантом, а заодно со всей западной философией от Платона «до наших дней». Проблемы философии упрощаются, обесцениваются путем нарочитого «недопонимания» их существа. Но если у Лафарга это «недопонимание» наивное, непосредственное, то у Ленина все не так. Он хочет, чтобы у него все звучало убедительно, всерьез, но чувствуется неуверенность, какая-то суетливость, видимо, происходящая от ощущения несостоятельности собственных умозаключений; страница за страницей испещрены восклицательными знаками; он то и дело презрительно фыркает. Например, рассматривая философские взгляды Маха, он прерывает рассуждение вздорным выкриком: «Старая погудка, почтеннейший г. профессор!» Или, высказывая свое мнение о философе-идеалисте, профессоре Московского университета Лопатине, во всеуслышание объявляет, что его работа находится в пограничной области философского и полицейского.

Ленин, похоже, смутно сознавал, что его теория материалистического восприятия мира уязвима и полна внутренних противоречий. В связи с этим примечательно, что в заключительных строках своей работы он по сути воздает долгое идеализму, но, правда, в отрицательном смысле. Читаем: «Последний (идеализм. — ред.) есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии,

располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли. Объективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности».

Книга «Материализм и эмпириокритицизм» вышла в мае 1909 года в количестве двух тысяч экземпляров. Анна не слишком хорошо справилась со своей задачей корректора — Ленин жаловался, что в тексте полно опечаток. Желающих купить книгу было мало, и еще меньше было тех, кому хотелось бы ее прочесть. Но Ленин был доволен одним фактом появления ее. Потом, когда он пришел к власти, эта книга была переиздана в Москве с его предисловием, в котором он снова уличал Александра Богданова, на этот раз за то, что тот является одним из организаторов Пролеткульта. Ленин подозрительно относился к этому движению и всячески препятствовал его развитию. Богданов был вынужден вернуться к своей прежней деятельности врача-исследователя и кончил тем, что в 1928 году намеренно перелил сам себе инфицированную кровь и погиб.

Одновременно с выходом «Материализма и эмпириокритицизма» произошло и другое событие — была расширена редакционная коллегия «Социал-демократа». Сделано это было для того, чтобы газета не превратилась в рупор исключительно ленинских идей. И среди новых лиц, кооптированных в редколлегию, был Богданов. Помимо него, в новый состав редколлегии вошли Томский, Рыков и Тара-тута. Был там еще один молодой человек из Московского комитета партии, известный по подпольной деятельности как Донат. Настоящая его фамилия была Шулятиков. Он страдал наследственным алкоголизмом. Ленин знал его давно и на самом деле хорошо к нему относился, хотя хлопот от него было больше, чем от всех остальных русских политических эмигрантов вместе взятых. Например, Шулятиков мог на несколько недель исчезнуть, как провалиться сквозь землю, и вдруг в один прекрасный день найтись — в такси у дома, где жили Ленин с Крупской, в состоянии, близком к помешательству; в таких случаях он скандалил и требовал, чтобы его впустили. Надо признать, что Ленин никогда его не гнал. И пока Ленин с Крупской вели его в дом, он буянил и кричал, а они держали его за руки, успокаивая и пытаясь привести в порядок его горячечное воображение. Уже дома, он иногда вдруг вскакивал с постели с диким выражением лица и говорил, что ему только что привиделась его сестра, которая была повешена за

террористическую деятельность. Может быть, эти две души, Ленина и Шулятикова, связывали родные тени повешенных?

В те летние месяцы силы Ленина снова были на исходе. Он чувствовал, что теряет свое влияние в редакции. Ему грозил еще один нервный срыв. Беда не приходит одна. У его сестры Марии случился приступ аппендицита. Операцию сделали вовремя, но опасность была серьезная. Больная поправлялась медленно. Ульяновы решили выехать всей семьей на длительный отдых. Ницца была им не по карману, и поэтому они обосновались В небольшой деревушке, называемой Бомбон, в 50-ти километрах от Парижа. Плата за пансион была не велика, не больше десяти франков со всей семьи, — а семья включала самого Ленина, его жену, сестру и тещу. Воздух был чистый, еды вдоволь. Ленин хлопотал вокруг сестры, заставлял ее пить молоко, чтобы к ней поскорее вернулись силы. Каждый день они с Крупской совершали велосипедные прогулки, гуляли в вилльфсрмуаском лесу. Крупская очень пристрастно изучила постояльцев пансиона и в результате пришла к выводу, что публика была средненькая, но при всем том эти люди, как она отмечала, были на редкость практичны и умели хорошо устраиваться. С чувством собственного превосходства над ними она писала, что семья Ульяновых предпочитала не соприкасаться с этими мещанами и жила сообразно своим интересам и привычкам. Интересно, каково было мнение жителей пансиона о самой Крупской, которая изъяснялась на таком плохом французском, что ее никто не понимал.

Проведя четыре или пять недель в Бомбоне, окрепшие и здоровые, они вернулись в Париж. Еще до отъезда в Бомбон Ульяновы переехали из своей квартиры на рю Бонье в другую квартиру поблизости, на рю Мари-Роз. Она была не такая большая, подешевле, но зато здесь была любезная консьержа, и фасад дома выглядел весьма внушительно. В наше время в таких домах любят жить врачи и адвокаты. Подобных домов множество, в архитектурном отношении они мало чем отличаются друг от друга. Их населяет респектабельная публика из буржуазии. Мария вернулась в Россию. Ленин, Крупская и ее мать занимали две небольшие комнаты; были здесь кухонька и маленькая прихожая. Комната Ленина была самая лучшая, с двумя большими светлыми окнами, выходящими в сад. Как всегда, мебель была скудная. Роль письменного стола выполнял обыкновенный обеденный стол из неполированного дерева, покрытый черной клеенкой. Кресло, довольно низкое, большой диван, утопленный в алькове, и две узкие железные кровати — вот и вся обстановка. Посетивший их как-то в новой квартире Горький отмечал, что она была больше

похожа на студенческое общежитие, чем на уголок семейной пары. Было что-то убогое, серенькое во всем облике их жилища. Тут ничто не радовало глаз, ничто не украшало интерьера. Но иногда в их Доме появлялись полевые цветы — Ленин привозил их, возвращаясь с велосипедных прогулок. Мадам Рю, консьержка, поражалась тому, как скучно и однообразно они живут, и говорила впоследствии: «Вообразите, они были совершенно лишены обыкновенных человеческих слабостей. Месье Ульянов не пил, не курил. Он каждый день уходил в библиотеку или на собрание, а оттуда сразу же шел домой».

Но их жизнь была спокойной и размеренной только на поверхности. В недрах их существования клокотал вулкан. В редакционной коллегии «Социал-демократа» шла непрерывная борьба за влияние. Постепенно налаживались связи с Россией; нелегально пересекая границу, туда и оттуда сновали курьеры с партийными поручениями. Прибывали новые политические эмигранты, и все больше посетителей поднималось теперь по лестнице на второй этаж в ленинскую тесную квартирку на рю Мари-Роз. Заявившись вечером, они могли застать там такую сцену: Крупская сидит, склонившись над столом, расшифровывает или зашифровывает письма, а Ленин в это время играет в карты с тещей. Дело в том, что мать Крупской постоянно жаловалась на скуку парижской жизни, и чтобы как-то ее развлечь, Ленин играл с ней в карты. Как правило, он нарочно проигрывал, а она, грустно покачав головой, каждый раз говорила: «Разве это возможно, чтобы такой умный человек, как вы, проигрывал старой, немощной старухе?»

К столу приглашали только избранных. Среди таковых наиболее частыми гостями были Мартов и Зиновьев. Позже очевидцы вспоминали, что Мартов терпеть не мог мыть посуду, а Ленин, наоборот, получал от этой процедуры огромное удовольствие. Мартов мечтал о времени, когда наконец изобретут электрическую чудо-машину, которая будет мыть тарелки и чашки. Ленин на это замечал: «Да, но пока мы должны смириться с прискорбным отставанием в развитии науки и пользоваться единственными доступными для нас средствами, а именно, нашими собственными руками».

Ленин исколесил на велосипеде весь Париж: так он изучал город. Велосипед стал для него любимым видом транспорта, его игрушкой, его страстью. Рю Мари-Роз была небольшой тихой улочкой, какой она до сих пор и осталась. Автомобили по ней ездили редко, пешеходов было мало, и Ленин иногда выкатывал из подвала свой велосипед и начинал его разбирать прямо на тротуаре. Он любовно чистил его, смазывал маслом детали.

Закатав рукава, чтобы не испачкаться, он весь уходил в работу, как настоящий умелец, который живет исключительно этими гайками и подшипниками. Как-то раз, проезжая на велосипеде небольшой городок Жювизи, что расположен недалеко от Парижа, он едва не попал в катастрофу, которая могла стоить ему жизни. На его велосипед со всей скоростью наскочил автомобиль. Ленин успел вовремя отпрыгнуть в сторону, а от велосипеда остались искореженные металлические обломки. За рулем авто сидел виконт. Ленин подал в суд на него и выиграл дело. В качестве возмещения нанесенного ущерба он получил изумительный новенький велосипед. Но еще долго после этого он ворчал и жаловался, что некоторые виконты носятся везде как угорелые, да еще на таких мощных автомобилях.

Весной 1910 года его спокойному, размеренному существованию, более подходящему для среднего французского буржуа, настал конец. Ко всеобщему удивлению русской колонии в Париже, привыкшей считать Ленина абсолютным пуританином, он стал появляться в обществе женщины, которая, как всем было известно, вовсе не была ему женой. Ее звали Елизавета Арманд. Она была женой богатого московского фабриканта и матерью пятерых детей. Ее нельзя было назвать красавицей, но одно было несомненно — она была очаровательная, неотразимая женщина. Она провела многие годы в России и свободно говорила по-русски, но, несмотря на это, осталась настоящей француженкой — и в манере поведения, и во внешности. У нее были огромные глаза, большой, чувственный рот и тонкие черты лица. Высокий лоб постоянно скрывался под непослушной прядью вьющихся каштановых волос. Она была невысокого роста, но при этом казалась высокой. Обычно живая и веселая, она бывала серьезной и жесткой, когда того требовали обстоятельства. Ее подпольное имя было Инесса, и под этим именем ее знали товарищи по партии, которые, затаив дыхание, следили за парочкой, когда она с Лениным сидела в кафе на авеню д'Орлеан. Получалось, что непорочный железный рыцарь, посвятивший жизнь борьбе за чистоту идеи, испытанный во многих и многих яростных битвах с противниками его диалектического метода, оказался, в конечном счете, самым обыкновенным человеком.

Инесса Арманд прожила не простую жизнь. По тому, как она начиналась, было немыслимо предположить, что эта женщина когда-нибудь может стать возлюбленной Ленина. Она родилась в Париже в 1874 году и была крещена как Элизабет. Ее отец был оперным певцом и блистал на парижской сцене. Его сценическое имя было Пеше Эрбанвиль, в жизни его звали Теодор Стефан. Матерью ее была Натали Вильд, шотландка. Она преподавала

музыку и иногда выступала вместе с отцом Элизабет на сцене. У них было трое детей. Когда Теодор Стефан умер, Элизабет удалось осуществить первую свою мечту. Ей всегда хотелось путешествовать, и тут вдруг, как по мановению волшебной палочки, она перенеслась из Парижа в тихий особняк в Подмосковье. Объяснялось это тем, что сразу две родственницы Элизабет, ее французская тетка и шотландская бабушка, были приглашены в дом богатого текстильного фабриканта Евгения Арманда в качестве воспитательниц и учительниц его детей. Евгений Арманд сам был родом из Франции. Приглашение было принято, и так они втроем с девочкой очутились в Пушкино под Москвой, где жили Арманды. Огромный дом окружали сосны, а из окон открывался вид на небольшое озеро. Арманды были либералами, и вскоре Элизабет, ее тетка и бабушка стали для них членами их семьи.

В семье Армандов Элизабет получила воспитание и образование, какое тогда было принято давать девочкам из состоятельных и культурных семей. Она восхитительно играла на рояле, говорила по-русски, по-французски, по-немецки и по-английски без акцента, читала все последние литературные новинки. Когда ей сделал предложение Александр Арманд, второй сын промышленника, она, не задумываясь, согласилась стать его женой. Ей тогда было восемнадцать, а он был на два-три года старше ее. Они поселились в собственном имении недалеко от родительского семейного гнезда, и там в течение следующих пяти лет она родила пятерых детей, трех мальчиков и двух девочек. Она была счастлива в браке, любила мужа и детей, и, казалось, ничто не могло помешать ей и дальше наслаждаться жизнью молодой и богатой матери семейства. У нее было все, чего можно было только пожелать, за исключением… щекочущего чувства опасности, и еще — острых ощущений; возможно, ей не хватало сознания, что она служит высшей цели, которая для нее значила бы больше, чем собственная жизнь.

Устав от богатства и светского общества, в 1904 году она внезапно бросает семью и уезжает. Она живет в Стокгольме, где становится ученицей Эллен Кей, подруги поэта Райнера Марии Рильке, известнейшей феминистки своего времени. Но и феминизм вскоре ей приелся; куда как привольнее было в среде молодых русских революционеров, имевших свою колонию в Стокгольме. Кто-то из них дал ей почитать «Что делать?» Ленина. Содержащийся в книге призыв к боевым действиям пришелся ей по сердцу, она примкнула к большевикам и вернулась в Россию, горя желанием принять самое активное участие в революции 1905 года. Это кончилось тем, что через некоторое время ее

арестовали. Она провела в тюрьме несколько месяцев. Но на следующий год она продолжила свою партийную деятельность в качестве большевистского курьера и 9 апреля 1907 года была снова арестована. На этот раз обвинение было более серьезное — ее обвиняли в подстрекательстве к вооруженному мятежу. Мужу удалось взять ее на поруки, но, выйдя из тюрьмы, она продолжала служить большевикам и опять была арестована. Тогда ее приговорили к ссылке в Архангельскую губернию. Это была суровая мера наказания. Свирепые зимние стужи унесли немало жизней политических заключенных в тех местах. Приговоренная к двухлетнему сроку, она бежала из ссылки, да не одна, а с двумя детьми, мальчиком Андреем и девочкой Инной. Так Инесса оказалась в Париже.

Ленин встретил ее с распростертыми объятиями. Ему были известны ее подвиги, и он считал ее испытанным и преданным делу революции товарищем. Он подыскал ей квартиру по соседству на той же рю Мари-Роз. Ей было чуть за тридцать, а выглядела она как двадцатилетняя девушка. Она отличалась живым и быстрым умом и в спорах с Лениным умела отстаивать свое мнение. Жизнь била в ней ключом. Одно присутствие ее в Париже, как полагал Ленин, должно было возродить дух в осевших здесь русских эмигрантах. Ленин почти всегда был в окружении женщин: старательной, но медлительной Крупской; заурядной, малоинтересной сестры Марии; требовательной, капризной тещи. Особым случаем была его сестра Ольга — она имела блестящие умственные способности и была красива. Инесса как бы повторяла Ольгу, но при этом еще и превосходила ее. Это была блистательная женщина.

Удивительно, но Крупскую совсем не волновало увлечение Ленина Инессой. Летом она вместе с матерью уехала из Парижа отдыхать в Порник, деревушку близ Сен-Назера на побережье Атлантического океана, предоставив Ленину и Инессе полную свободу разгуливать вдвоем по Парижу. Инесса теоретически не была противницей свободной любви. Но тут главное было в другом. Подобно Ленину, который в юности сознательно избрал себе кумиром Рахметова, «особенного человека» из романа Чернышевского «Что делать?», Инесса не устояла перед образом героини того же романа, Веры Павловны, верившей в свое предназначение служить преобразованию основ общества. Оба они, и Ленин, и Инесса, испытали на себе влияние Чернышевского в том критическом юном возрасте, когда складываются характеры. Любимые герои настолько стали частью их существа, что теперь они словно исполняли роли, писанные Чернышевским как будто специально для них. Вскоре Ленин уже

обращался к Инессе на «ты», что в то время было позволительно только между самыми близкими людьми. Точно так же он обращался к ней и в своих письмах.

Крупская, повторяем, не имела ничего против его нового увлечения и даже вроде бы была рада этому. Она искренне восхищалась Инессой и обожала ее детей. Спустя несколько лет после ее смерти Крупская писала, что в доме сразу становилось светлее, едва в нем появлялась Инесса. Тем не менее через какое-то время, когда ей стал ясен характер отношений Ленина и Инессы (они в то время жили в Галиции), она уж было собралась тихо, без драмы уйти от мужа, предоставив ему полную свободу соединиться с ее соперницей. Но Ленина это никак не устраивало. Он так привык к Крупской, что не мог без нее обходиться, и мысль потерять ее была для него невыносима. Без Инессы он тоже уже не мог. Как всякий мужчина, оказавшийся вершиной любовного треугольника, он решил положиться на волю случая, стараясь не обделять своими милостями ни ту, ни другую женщину. Крупская так и осталась его женой, а Инесса возлюбленной, с которой он продолжал встречаться. И обе они, каждая по-своему, служили его революционному делу.

Все зрелые годы жизни Ленина были связаны с волнениями и тревогами, и тот год, 1910-й, не был исключением. Около полутора лет Ленин имел право единолично распоряжаться шмидтовским капиталом, оставленным в наследство партии. И вот он этого права лишился. На заседании Центрального Комитета социал-демократической партии было решено от греха подальше передать партийный фонд на хранение незаинтересованной стороне, то есть трем членам Германской социал-демократической партии: Карлу Каутскому, Кларе Цеткин и Францу Мерингу. В соответствии с этим решением деньги были переведены из банка «Лионский Кредит» в немецкий банк. Вплоть до Первой мировой войны русская фракция социал-демократической партии исправно каждый месяц получала с этого счета небольшую сумму денег. Но когда началась война, по распоряжению германского казначейства все иностранные вклады были переданы германскому правительству. Шмитовское наследство пошло на финансирование немецкой армии.

У партии больше не было средств поддерживать все прибывавших и прибывавших в Париж политических эмигрантов. Ленин получал всего лишь небольшое жалованье. Кроме этого, ему платили немного за статьи в журнале, и время от времени приходила денежная помощь от матери. В его распоряжении был также скромный фонд средств, предназначенных для расходов, связанных с перевозкой в Россию нелегальных газет и журналов.

Для поддержки политических эмигрантов был создан совсем ничтожный фонд, но им можно было пользоваться в крайних случаях — когда кто-то заболеет или окончательно обнищает. Страшная нужда и болезни были постоянными спутниками эмигрантской жизни. Эмигранты гибли от горячки, от помешательства, на больничных койках позабытых Богом лазаретов и в водах Сены. Крупская рассказывает об одном таком несчастном, который был участником московского восстания. Он бежал из России и поселился в рабочем квартале на окраине Парижа. Жил скромно, и никто о нем ничего не знал. Однажды он пришел к Ленину на рю Мари-Роз. К этому времени он уже был помешан и что-то неразборчиво лопотал о каких-то телегах, на которых горой лежат снопы скошенного овса, а на одной из них стоит во весь рост молодая красивая девушка. Мать Крупской принесла ему поесть — все понимали, что его бредовое состояние вызвано голодом. Крупская вспоминала: «Мама стала спешно готовить ему, побледневший Ильич остался с Пригарой, а я побежала за знакомым доктором-психиатром. Он пришел, поговорил с больным, потом сказал, что это — тяжелая форма помешательства на почве голода; сейчас ничего, а когда перейдет в манию преследования, может покончить с собой, надо тогда следить».

Несчастного отправили домой в сопровождении надежного товарища, но он так до дома и не дошел. По пути сбежал. Позже его тело было обнаружено в Сене. К его шее и ногам были привязаны тяжелые камни.

Подобные трагедии происходили постоянно. Тогда, впрочем, и потом русские эмигранты существовали на грани нищеты и отчаяния. Потеряв Россию, они лишались своих корней. Выживали немногие. Русская революция была делом людей твердокаменных. Эти качества пригодились им в эмиграции и когда они пришли к власти.

Скитания

Четыре года перед началом Первой мировой войны были беспокойным временем для социал-демократов. Они постоянно ссорились между собой и то и дело меняли политическую ориентацию. Появлялись новые группировки, а старые, распадаясь, образовывали сразу несколько политических течений; некоторые и вовсе сходили со сцены. Тактика у Ленина была одна: завидев на горизонте наметившуюся группировку, он немедленно ее атаковал, не дожидаясь, пока она оформится в

политическую силу. Иногда он ошибался, враг оказывался миражом, а он кидался в битву с ним с той же свирепостью, с какой выходил один на один с серьезным противником. Главным и основным девизом в его борьбе было: «Разделяй и властвуй!»

Но он не всегда и даже не слишком часто достигал своей цели. Его признавали как потенциального политического лидера, не исключая того, что если в России произойдет революция, он будет в числе руководителей государства. Однако для того, чтобы стать во главе политической борьбы и повести за собой массы, ему не хватало ни популярности, ни достаточного авторитета. Его статьи при советской власти печатали миллионными тиражами — только потому, что Ленин был их автором. А разве не было не менее сильных работ, подвергавших беспощадной критике ленинские работы и те крайние взгляды, которые он в них высказывал? Но они забыты. В 1903 году он объявил себя большевиком, то есть принадлежавшим к большинству, а ведь на деле он всегда оставался в меньшинстве.

В то трудное время внутрипартийных распрей положение осложнялось еще и тем, что царская полиция противостояла революционерам, внедряя в их ряды своих агентов. Охранка имела их в каждой политической партии, и даже в отдельных фракциях работали великолепно подготовленные шпионы. Опасно было пересылать письма по почте, и революционеры, зная это, при малейшей возможности использовали курьеров. Однако нужда заставляла их отправлять тысячи разного рода писем, содержащих секретную информацию, по почте. Полицейские агенты их прочитывали, а затем снимали копии. Крупская проводила огромную часть своей жизни, горбясь над партийной корреспонденцией, зашифровывала и расшифровывала тексты, не зная того, что большинство кодов, которыми она пользовалась, давно известно полиции.

Но самыми опасными для революционного дела были агенты-провокаторы, потому что они были почти неуловимы. Даже в те периоды, когда ленинская фракция утрачивала свое влияние в социал-демократии, обязательно среди ее так называемых «проверенных» людей находился провокатор, а то и два. Ленин отнюдь не был знатоком человеческих душ. Он оценивал людей с точки зрения пользы, которую они приносили партии. Если его удовлетворяла работа члена партии, он считал его своим. Качество партийной деятельности было той мерой, какой он определял лояльность человека. Он никогда не задумывался над тем, насколько искренни поступки человека и нет ли тут «двойного дна». А между тем курьеров постоянно арестовывали, в самой России таинственным образом исчезали члены партии,

целые тиражи подпольных газет и журналов в силу каких-то загадочных обстоятельств попадали в руки полиции. Ленин знал, должен был знать, что в партию проникли агенты полиции, но почему-то это его не волновало. Если ему потихоньку указывали на кого-то, подозреваемого в сотрудничестве с охранкой, он чаще всего отвечал так: «Это совершенно исключено. Судите сами, этот человек так много делает для партии».

Весной 1911 года Ленин приступает к организации школы обучения подпольщиков. Он отверг учебную программу школы Богданова на Капри, считая себя более талантливым педагогом. Было решено открыть школу в Лонжюмо, под Парижем, в двух маленьких комнатках, снятых у местного кожевника. Ленин с Крупской там же и жили; Инесса сняла дом для себя и детей поблизости; а большинство учащихся поселились в деревенских семьях. Часть из них были опытными революционерами, участниками московского вооруженного восстания, но были и новенькие, без всякого опыта. Жителей Лонжюмо убедили в том, что это школа повышения квалификации для учителей из России. Возможно, это выглядело не очень правдоподобно, но местные жители отнеслись к нашествию русских весьма снисходительно.

Ленин с упоением вошел в новую роль. Еще никогда до этого ему не предоставлялся случай развернуться во всю силу своего таланта в качестве ведущего педагога. Способности директора гимназии он проявит и позже, когда придет к власти. Он очень тщательно готовился к лекциям и следил за тем, чтобы все остальные педагоги так же добросовестно и продуманно относились к своим обязанностям. За время работы школы он прочел сорок пять лекций по политической экономии, по аграрному вопросу и практике социализма. Зиновьев и Каменев посвятили свои занятия истории партии, Луначарский преподавал литературу, Шарль Рапопорт читал курс истории социалистического движения во Франции, а Инесса вела семинары по политическим наукам и заодно заведовала питанием: учащихся кормили в столовой снятого ею дома.

У Крупской из головы не выходил бедный кожевник, у которого они жили. Каждый день рано-рано утром он уходил на фабрику, где работал, и возвращался вечером усталый и измученный. Садика у него не было; он усаживался в кресло перед домом и, закрыв лицо руками, так и сидел до темноты. Его никто не навещал, и даже к его детям, проводившим свои дни в сырой, мрачной кухне, никогда не прибегали поиграть их сверстники. Их мать целыми днями пропадала в богатом доме по соседству, прислуживая господам за гроши. У этой семьи была одна радость в жизни — по воскресеньям они ходили в церковь.

Это был храм XIII века, там пел хор монашек, и чудное их пение завораживало души. Крупская изумлялась, до чего же наивен кожевник. Неужели он не понимает, думала она, что церковь есть инструмент для подавления личности? Отчего это рабочий кожевенной фабрики, которому так скудно платят, не протестует? Разве у него нет на это права? На все ее доводы кожевник отвечал: «Бог создал богатых и бедных, все в мире устроено справедливо».

Наконец-то Ленин был доволен своей жизнью, все у него шло хорошо. Он любил, когда его окружали ученики, и особенно ему были приятны те часы, которые он с учениками проводил у Инессы в общей столовой. Сидя за обеденным столом, он непринужденно беседовал со своими подопечными. Деревню окружали поля и сады, и иногда поздними вечерами, когда занятия уже кончались, он присоединялся к компании революционеров, и они отправлялись гулять по деревенским окрестностям, громко распевая тягучие русские народные песни. Среди них был молодой человек из Киева с изумительным голосом, он пел лучше всех. Внешность у него была неприметная. Он рассказывал Крупской, как ему ловко удалось уйти от полиции по дороге в Париж. Его звали Андрей Малиновский. Только впоследствии выяснилось, что он был провокатором.

Его задание заключалось в том, чтобы сообщать своим шефам в парижском отделении царской охранки, что в Лонжюмо происходило, а также имена и адреса всех участников. Ему необязательно было являться на доклад лично, достаточно было послать письмо по почте. Его донесения прикалывались к уже достаточно увесистому досье на Ленина. Как только накапливалась новая информация, ее тотчас же пересылали в Санкт-Петербург. Парижские архивы царской сыскной полиции сохранились и теперь принадлежат Гуверовскому центру при Стэнфордском университете в Калифорнии. Из этих архивов становится ясно, как искусно орудовала полиция, внедряя своих людей в политические партии и движения. Царская охранка превратила шпионаж в мастерство высшего класса. Им было ведомо абсолютно все. Знали они и о романе Ленина с Инессой Арманд, и сколько часов он проводил в библиотеках, какие книги читал, какие напитки пил, когда он сиживал с Инессой в кафе на авеню д'Орлеан, — оказывается, он предпочитал пиво. Большинство его писем попадало в руки полиции. Их прочитывали, делали с них копии, и эти копии тут же подшивали в его досье.

Даже среди людей, близких к Ленину, были полицейские шпики. Был, например, еще один Малиновский, не тот, о котором

уже шла речь, а другой, Роман Малиновский. Это был здоровый, крепкий мужчина с взрывным, вспыльчивым характером и холодным умом. Он родился в крестьянской семье в Польше, входившей тогда в состав Российской империи, отличался грубоватой, простонародной речью и типично крестьянской хитростью. Сблизившись с ним, Ленин не уставал им восхищаться. Его приводили в восторг те его качества, которые он любил в самом себе: лукавство, храбрость, прозаическое, здоровое отношение к жизни. Ему даже нравился душок уголовщины, явно ощущавшийся в Малиновском. А тот и не думал скрывать свое криминальное прошлое. В юности он три года провел в тюрьме. Малиновский появился на политической сцене в 1905 году, во время московского вооруженного восстания, в котором играл пока что скромную роль, хотя был способным оратором и пылким фразером. Вскоре он был замечен членами социал-демократической партии. Они стали выделять его как потенциального вожака масс. Уехав из Москвы в Санкт-Петербург, он занялся там организацией профсоюза рабочих-металлистов, а заодно выполнял и другие партийные задания. И все это время он исправно доносил в тайную полицию. Его заслуги как агента охранки высоко ценились, он работал в контакте с самим шефом тайной полиции Белецким. Свои донесения он подписывал условной кличкой Портной, видимо, потому, что ему до того приходилось заниматься портняжным ремеслом, да и не только им. Рабочие Петербурга называли его «Большой Роман», смотрели на него как на человека, который со временем возглавит их борьбу против ненавистного монархического строя, и серьезно рассуждали о том, что когда-нибудь он непременно войдет в революционное правительство. Малиновский обладал безграничной самоуверенностью и невероятным честолюбием. Его поразительный взлет можно объяснить только тем, что он одинаково был готов работать и на полицию, и для рабочих, поочередно предавая то тех, то других.

Малиновский сочувствовал меньшевикам и до 1910 года терся в их кругах. Бывало, полиция совершала налет на ту квартиру, где собирались революционеры, и их арестовывали. Малиновского арестовывали вместе со всеми, но через некоторое время потихоньку отпускали. Остальным же присуждали длительное тюремное заключение или отправляли в ссылку. Это никого не настораживало, и популярность Малиновского среди рабочих оставалась непоколебимой.

Когда в 1912 году состоялись выборы в 4-ю Государственную думу, Малиновский выставил свою кандидатуру. По закону каждый кандидат в депутаты должен был представить документы,

свидетельствующие о том, что он не имеет за плечами криминального прошлого. На счету у Малиновского был один арест за изнасилование и три — за грабеж. Белецкому[29] предстояло уничтожить все следы уголовных дел Малиновского в архивных записях полиции, и это ему удалось. Малиновский был избран большинством голосов и занял свое место в Государственной думе в числе депутатов от социал-демократической партии. Всего их было тринадцать человек: семь меньшевиков и шесть большевиков. Социал-демократическую фракцию возглавлял Николай Чхеидзе, грузин. Малиновский был его заместителем. Именно ему, Малиновскому, было поручено провозгласить декларацию социал-демократической фракции на первой сессии Думы.

Ленин был вне себя от радости, когда узнал, что Малиновский избран депутатом в Думу. «Впервые, — писал он, — среди наших в Думе есть выдающийся рабочий-лидер (Малиновский). Он будет читать декларацию…И результаты — может быть не сразу — будут велики».

В том же году, незадолго до описанных событий, Ленин созвал конференцию своих единомышленников в Праге. На этой конференции был избран новый Центральный Комитет, в который вошли Ленин, Зиновьев, Орджоникидзе, Шварцман, Голощекин, Спавдарян и Малиновский. Орджоникидзе был ленинским учеником в Лонжюмо. Шварцман как делегат приехал из Киева. Спандарян вместе с Орджоникидзе представляли боевой Бакинский комитет. Пройдет несколько лет, и Голощекин, став военным комиссаром Уральской области, примет активное участие в уничтожении царской семьи. Приглашенный на конференцию Плеханов отказался прибыть в Прагу, ответив на приглашение письмом, являющим собой образец ледяной вежливости. Он писал, что организация конференции предполагает единодушное голосование по всем пунктам, и потому в интересах единства партии ему лучше на ней не присутствовать. Отсутствие Плеханова ничуть не смутило Ленина. Он как раз для того и созывал конференцию, чтобы достичь «единодушного голосования по всем пунктам», нравилось это Плеханову или нет.

Ленин железной рукой проводил свою линию. Выдвинутые им предложения принимались на конференции единогласно. Выступая в Праге, Ленин в целом ряде ошеломляющих заявлений дал понять, что избранный новый Центральный Комитет отныне является высшим органом власти внутри социал-демократической партии; что все прочие фракции и группировки, называющие себя социал-демократами, не способны представлять русский

пролетариат и, следовательно, лишаются мандата на это право. Только вновь избранный Центральный Комитет обладает этим правом, заявил Ленин. Поэтому все связи с социал-демократической партией отныне должны осуществляться через ее Центральный Комитет, возглавляемый Владимиром Ульяновым, проживающим по адресу: Париж, рю Мари-Роз, дом 4. Так Ленин закрепил свои притязания на верховную власть в партии.

Не менее неожиданными оказались и другие резолюции, принятые на конференции. Центральный Комитет объявлял себя полноправным наследником шмидтовского капитала и уполномочивал Ленина востребовать деньги у немецких доверенных лиц. Кроме того, Центральный Комитет выдвинул три лозунга, которые отныне должны были стать главными требованиями социал-демократов: демократическая республика, восьмичасовой рабочий день, конфискация помещичьих земель и передача их в руки крестьянства. Первый лозунг бил по монархическому режиму, третий — по дворянству и аристократии, а второй — должен был убедить рабочий класс в неизменной симпатии к нему со стороны социал-демократической партии. Ленину были по душе эти лозунги; он был очень доволен результатами конференции, длившейся двенадцать дней. Доволен был и Малиновский. Он просто очаровал Ленина. Между ними возникли теплые, приятельские отношения. После этого Ленин поехал в Берлин отбирать шмидтовское наследство, а Малиновский — в Санкт-Петербург, докладывать Белецкому о новом Центральном Комитете. Разумеется, ему тут же повысили жалованье. Ленину не так повезло. Немецкие попечители шмидтовских капиталов наотрез отказались отдать деньги.

Ленин прекрасно понимал, что созванная по его инициативе Пражская конференция, а затем и опубликованные в партийной печати решения, принятые на ней, должны были стать очень сильным ударом по самолюбию тех, кто считал себя основателями социал-демократической партии. Но он шел на это сознательно. Он знал, что обидел Плеханова, Аксельрода, Мартова, Чхеидзе, Троцкого, сотни и сотни других членов партии, объявив их чужаками и предоставляя им отныне полную свободу кануть в неизвестность. При этом лично для себя он требовал всей полноты власти. Конференция явилась своего рода репетицией путча и, несомненно, должна была иметь серьезные последствия. Если бы Плеханов и другие члены партии, представлявшие ее верхушку, ответили на выпад Ленина стремительно и жестко, у него ничего не получилось бы. Но

кончилось тем, что он все-таки остался в победителях. Большевики, естественно, позаботились о том, чтобы о Пражской конференции стало широко известно в России. И хотя в ней принимали участие всего лишь «свои» люди, во главе которых стояла новая «тройка» — Ленин, Зиновьев и Малиновский, все дело представили так, будто эта конференция послужила еще одним доказательством того, что социал-демократическая партия жива, что она обновилась и окрепла. Простые и понятные лозунги, принятые на ней, не могли не вызвать отклик в душах российских рабочих.

Ленин, правда, не сразу понял, насколько удачен был его ход. В письме к сестре Анне он жаловался, что на него снова обрушился поток клеветы и злобы и что его давно так не обливали грязью и помоями. За несколько месяцев до этого он ей писал, что не знает, доживет ли до нового подъема революционной волны. Теперь же, несмотря на страшную усталость и горький осадок на сердце после склок, возникших на Пражской конференции, он уверенно смотрел в будущее. И, как всегда, самые простые решения были для него самыми правильными. На Пражской конференции он призвал к демократическому перевороту, народной революции. Тут же была установлена связь с кораблями Балтийского флота. В Россию тайно ввозили оружие и боеприпасы. Итак, пора было перебираться поближе к России. Ленин оставляет Париж и переезжает в Краков.

Уже потом, вспоминая то время, что он провел в Кракове, Ленин будет иногда недоумевать: и зачем это ему понадобилось бросать Париж, где было так хорошо и надежно? Время вооруженного восстания, естественно, еще не пришло, а то, ради чего он перебрался в Краков — близость к России, — не стоило тех жертв и лишений, какие ему пришлось испытать на австрийской земле.

«Вы спрашиваете, зачем я в Австрии, — писал он летом 1912 года Горькому. — ЦК поставил здесь бюро (между нами): близко граница, используем ее, ближе к Питеру, на 3-ий день имеем газеты оттуда, писать в тамошние газеты стало куда легче, сотрудничество лучше налаживается. Склоки здесь меньше, это плюс. Библиотеки нет хорошей, это минус. Без книг тяжко».

Но были и другие отрицательные моменты, разумеется. Царская тайная полиция, прекрасно осведомленная о том, что в Кракове находятся русские революционеры, задействовала там свою агентуру. Кроме того, Ленина угнетали плохие дороги. Он уже не мог вволю кататься на велосипеде, как бывало прежде, во Франции, Швейцарии. Мешало и то обстоятельство, что он не

говорил по-польски и всякий раз был вынужден прибегать к помощи жены, у которой с детства остались в памяти кое-какие польские слова. «Живем, как в Шуше, — писала Крупская матери Ленина. — Почтой больше».

Иногда к ним наведывались гости. Здесь Ленин встретился с Яковом Фюрстенбергом, сухощавым и элегантным господином, партийная кличка которого была Ганецкий. Он являлся одним из заправил в польской социал-демократической партии и посвящал Ленина во все дела, касающиеся революционной ситуации в Польше.

Как-то однажды перед Лениным предстал жизнерадостный человек, звали которого Николай Бухарин. Ленин еще издали увидел его маленькую фигурку, согнувшуюся под тяжестью огромного рюкзака. Тогда Бухарину было двадцать пять лет, но он уже имел восьмилетний опыт активной революционной деятельности. Как и у Ленина, у него был большой, высокий лоб, редкие волосы и чуть вздернутый нос. Но, в отличие от Ленина, в нем чувствовались необыкновенная мягкость и обаяние, что не мешало ему, однако, держаться жестких политических взглядов. Он не читал, а проглатывал книги, причем на пяти или шести языках; он был большой эрудит, говорить мог на любую тему, с полным знанием дела, горячо и убежденно. И, что было характерно для него, в своем рюкзаке он нес не что-нибудь, а репродукции работ швейцарского художника Бёклина, яркого представителя символизма в живописи.

Так состоялась первая встреча Ленина с Бухариным. Впереди их будет еще много, очень много. Одет Бухарин был всегда небрежно, кое-как и не придавал этому никакого значения; зато отличался неожиданным полетом мысли, новизной приходивших ему в голову идей. Он во многом являл собой полную противоположность Ленину, и их взаимная симпатия, вероятно, происходила оттого, что каждый из них с удовольствием подмечал в другом качества, которых ему самому недоставало. Троцкий, будучи невысокого мнения о Бухарине, называл его медиумом, способным только передавать чужие мысли и слова. Но он был к нему не справедлив — эта его оценка Бухарина совершенно не верна. Познакомились они в Нью-Йорке. Бухарин сразу же настоял на том, что они должны первым делом посетить Нью-йоркскую публичную библиотеку. Троцкий был только что с дороги и вовек потом не мог простить Бухарину, что тот потащил его, такого уставшего, в какую-то библиотеку.

В своих воспоминаниях Крупская пишет, что в Кракове они часто принимали посетителей. Но гораздо больше она говорит о скуке и чувстве одиночества, о монотонности существования под

сереньким польским небом, о томительном ежедневном ожидании почтальона, доставлявшего им почту каждое утро в одиннадцать и второй раз под вечер, в пять. Она вспоминает, в каком крайне нервном напряжении находился все время Ленин, потому что ему нечего было читать. Он писал статьи и отсылал их с ночным поездом в Россию; совершал короткие прогулки на велосипеде. Зиновьев тоже жил в Кракове. Ленину нравилось играть с его ребенком. Но большую часть времени он мучился от скуки и не знал, куда себя девать.

Зимой 1913 года в здоровье Крупской, и без того не слишком крепком, наступило резкое ухудшение. У нее появились угрожающие симптомы болезни щитовидной железы и сердечной недостаточности. Она, положившая столько сил на Ленина, вытаскивая его всякий раз из психологических и физических срывов, теперь сама нуждалась в его заботе. Ее донимали частые сердцебиения, дрожь в руках и бессонница. Местный доктор, не слишком сведущий в медицине, посоветовал Крупской отдохнуть где-нибудь высоко в горах, сказав, что там ей будет лучше, чем в низине. Они решили провести лето в Поронине, небольшой деревушке близ Закопане в Татрах. Ленин был счастлив. Там ему удалось снять большой дом. Сестре он писал, что дом даже слишком велик для них. Но он страстно любил горы, любил совершать восхождения и лазить по скалам, — словом, он был на вершине блаженства. Крупской, наоборот, было все хуже и хуже.

Когда она вконец разболелась, Ленин в отчаянии отвез ее в Берн, к специалисту, где ей сделали операцию. Весь следующий день она не приходила в сознание и бредила, и он уже думал, что потерял ее. Врач рекомендовал ей полный покой в течение длительного времени, но Ленину не терпелось вернуться в Поронин. Крупская героически последовала за ним, не успев как следует поправиться после операции.

И все же в их жизни в Поронине были свои светлые моменты, даже несмотря на то, что там почти каждый день шел дождь. В огромном белом доме на склоне холма было много места; тут можно было размещать гостей и устраивать собрания. Приехала в Поронин и Инесса Арманд. За год до этого она была послана в Россию с партийным заданием и снова оказалась в тюрьме, где заработала туберкулез. Но это не лишило ее былой привлекательности и живости. Крупская любила прогулки втроем с Лениным и Инессой, а если они уходили гулять без нее, она относилась к этому спокойно.

К тому времени большевистское крыло социал-демократической партии в России уже было легализовано. В Думу, напомню, входили шесть большевиков и семь меньшевиков.

Ленин неустанно нападал на меньшевиков и требовал, чтобы «шестерка» имела те же права, что и «семерка». Меньшевики ему отказали. Теперь они уже окончательно превратились в две отдельные партийные организации; каждая имела своих представителей в Думе, и каждая издавала свою газету.

В партийных кругах вдруг возникли слухи о Малиновском, но Ленин пропускал их мимо ушей. Крупской и в голову не могло прийти, что Малиновский совсем не тот человек, за которого себя выдает. Для нее он оставался преданным членом партии, верным соратником ее мужа, разделявшим все его воззрения. Однако позже она вспоминала один эпизод. Это было в Поронине. Как-то Ленин с Крупской возвращались от Зиновьевых, где собравшиеся как раз обсуждали зловещие слухи, связанные с Малиновским. Они шли по мосту, и вдруг Ленин остановился, лицо его исказилось от ужаса, и он произнес: «А если они правы?» Крупская успокоила его, сказав: «Нет, это совершенно невозможно!» Они продолжили свой путь, и Ленин, пока они шли домой, ярился и ругал меньшевиков; ведь это только они, меньшевики, мастера сочинять и распространять всякие небылицы.

Но те слухи никто не сочинял, и это были вовсе не слухи. Между тем тайно созданная Лениным комиссия, проверив вьдвинутые против Малиновского обвинения, полностью сняла с него всякие подозрения. Ленин не сомневался в преданности Малиновского, доверял ему партийные тайны и считал одним из ярких представителей партии. И вдруг произошло нечто совершенно необъяснимое. 8 мая 1914 года Малиновский сдал свой мандат председателю Думы и уехал за границу. Ленин был так потрясен, что отказывался понимать случившееся. Он писал одному из своих друзей: «Вы знаете, что Малиновский исчез? Мы вне себя от этого идиотизма». Но тут разразилась мировая война, заставив революционеров на время прекратить все споры о бывшем выходце из крестьян, с исключительным бесстыдством принимавшем подачки и от Ленина, и от царской охранки.

Война застала Ленина врасплох. Когда-то он шутил, что если кайзер с царем поссорятся и начнут друг с другом воевать, то это будет очень даже на руку социалистической революции, и в этой ситуации она непременно победит. Правда, о таком подарке судьбы он тогда и не смел мечтать.

Но война началась — вопреки всякому здравому смыслу, и объяснить, почему это произошло, можно было только од-ной-единственной причиной: бессмысленными и глупыми амбициями стоявших у власти безумцев; объективные законы капиталистической экономики тут были ни при чем. Докатилась

война и до глухих деревушек Галиции, где был объявлен рекрутский набор, деревенские парни оделись в военную форму. Ленин, российский подданный, живущий на австрийской земле, оказался в сложном положении. Он немедленно обратился за помощью к Ганецкому, поскольку тот был подданным Австрии. Одновременно он послал телеграмму шефу полиции в Кракове, который знал, что Ленин является политическим эмигрантом, а это обязывало шефа полиции, по крайней мере теоретически, защищать его от посягательств со стороны властей. Ганецкий телеграфировал представителю социал-демократической партии в австрийском парламенте в Вену, но тот не успел вовремя принять меры. К Ленину в дом заявилась полиция; был произведен обыск, в ходе которого полиция нашла тетрадь, всю исчерченную диаграммами. Это были статистические выкладки и подсчеты, бережно Лениным хранимые. Понятно, что малограмотные люди могли легко принять их за планы военных действий. В результате Ленину было предписано на следующее утро сесть в поезд, поехать в Новый Тарг и там сдаться в руки жандармерии. Деревенские жители не симпатизировали Ленину, считая его слишком замкнутым и высокомерным. К тому же они не раз наблюдали, как к большому дому на холме поднимаются какие-то странные с виду русские. Ясно, что местные начали шушукаться между собой о русских шпионах, подозрительно косясь на русскую семью. Крупская страшно волновалась, потому что ко всему прочему на руках у нее была больная старая мать. Она то и дело спрашивала: «А что, Володю уже забрали на войну?» Крупской всякий раз приходилось терпеливо ей объяснять, что на войну его не забрали, а что он сам добровольно сдался жандармам.

Каждый день Крупская ездила на поезде в Новый Тарг к Ленину в тюрьму. Он был там в полной безопасности, с ним хорошо обращались, и, как она потом вспоминала, другие заключенные относились к нему с исключительным уважением. Он провел в тюрьме двенадцать дней, после чего его отпустили. Освободился он главным образом благодаря вмешательству Виктора Адлера, депутата австрийского парламента от социал-демократической партии, который пошел хлопотать за Ленина к самому министру внутренних дел. «Уверены ли вы, — обратился к нему с вопросом министр, — что Ульянов враг царского правительства?» — «Да, — ответил Адлер, — и более заклятый, чем ваше превосходительство».

Было очевидно, что в австрийской Галиции Ульяновым уже нечего было делать. Выйдя из тюрьмы, Ленин начал подумывать о возвращении в Швейцарию. Раньше Ленин время от времени

получал какие-то деньги от матери, но теперь этот спасительный источник был перекрыт из-за войны. В газетах и журналах социалистического направления статьи крайне левого толка не принимали, так что и этот заработок исключался. Единственной материальной поддержкой были четыре тысячи рублей, оставленные Крупской ее тетей, скромной учительницей из Новочеркасска. Без этих денег, которые они расходовали очень экономно, они просто-напросто не выжили бы — впереди их ждали тяжкие годы нужды и лишений.

Они поселились в Берне. Ленину городок не очень пришелся по душе: скучное, маленькое, но культурное местечко — так он его воспринял. Они выбрали Берн, потому что жизнь в нем была дешевле, чем в Цюрихе. Здесь Ленин сразу же повел агитацию за превращение войны между странами в гражданскую войну между классами общества. Плеханов и Каутский, две основные фигуры в европейском социал-демократическом движении, со своей стороны заявили, что война является справедливой и что ее надо вести до победного конца. В сентябре Плеханов выступил в Цюрихе с публичным обращением к партии, в котором сказал, что надеется на полную победу; казаки и французские poilus[30] должны, сказал он, спасти Европу от германского фельдфебеля. Ленин, присутствовавший на митинге, вскочил и назвал Плеханова лицемером, националистом и предателем социализма. Но на него закричали, зашикали, и он вынужден был замолчать. Что касается Каутского… «Каутского ненавижу и презираю сейчас хуже всех: поганенькое, дрянненькое и самодовольное лицемерие», — писал он.

Ленин был почти одинок в своем гневе. Он приветствовал войну, потому что она нацеливала пушки «на существующий строй». Он видел в этой войне предзнаменование того, что наступает новая эпоха, когда люди забудут, как они разгуливали по чистеньким тротуарам провинциальных городков в изящной обуви на тонкой подошве, и начнут штурмовать горные высоты, напялив крепкие башмаки на толстой подошве, подбитой шипами. Он объявил лозунг о мире глупым и вредным, игравшим на руку только попам и мещанам. В октябре 1914 года он писал своему сподвижнику Шляпникову: «Отстаивая революцию… мы ее проповедуем и на войне. Лозунг наш — гражданская война… Мы не можем ее «сделать», но мы ее проповедуем и в этом направлении работаем…» Его призывы были гласом вопиющего в пустыне. В тот момент социал-демократическая партия в России практически перестала существовать, а сам он опирался на небольшую группу сочувствующих из политических эмигрантов численностью не более двух десятков человек. Из них, пожалуй,

только Зиновьев, сблизившийся с Лениным еще в Польше, да Инесса Арманд готовы были безоговорочно отдать жизнь за его дело. В Берне все они поселились по соседству. Инесса жила в доме напротив Ленина с Крупской, а Зиновьев в пяти минутах ходьбы от них.

Если учесть, что шла война, то их жизнь на этом фоне выглядела неуместно идиллически. Неподалеку находился Бернский лес, и они частенько выбирались на природу и отдыхали на поросших деревьями склонах холмов. «Мы сидели там часами, — вспоминала Крупская, — Ильич делал наброски к своим статьям и речам, я учила итальянский, а Инесса шила юбку». Инесса была замечательной пианисткой, нередко играла для Ленина, чтобы успокоить его расходившиеся нервы. Чаще всего она играла «Аппассионату» Бетховена, которую Ленин мог слушать бесконечно. Годы спустя он скажет Горькому:

«— Ничего не знаю лучше «Apassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело:

— Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм, — должность адски трудная!»

Но весной 1915 года мысль о том, что на его плечи в скором времени ляжет бремя государственной ответственности, была из области нереального. Кто его слушал тогда, нищего фанатика, твердившего, что развязанная война служит исключительно одной цели, цели наживы; что она выявила нечистоплотность, гнилость и скотство в среде рабочего движения, лишив его возможности бороться за власть? А между тем в воюющих странах постепенно входил в жизнь и завоевывал все новые позиции жесткий государственный социализм. Он уже становился практикой, тот самый социализм, который Ленин всегда проповедовал, но проявился он в гибких формах, недоступных пониманию Ленина, так что разглядеть эту явь ему было не дано.

Весной 1915 года умерла мать Крупской. С ее смертью связана такая история. Однажды ночью Крупская, устав от постоянного дежурства у постели умирающей матери, ушла спать, попросив Ленина разбудить ее, если она понадобится матери. Ленин сидел и работал. В ту ночь она умерла. На другое утро

Крупская, проснувшись, увидела, что ее мать лежит уже мертвая. Потрясенная, она потребовала от Ленина объяснений, почему тот ее не разбудил. «Ты просила разбудить тебя, если ты ей понадобишься, — ответил Ленин. — Она умерла. Ты ей не понадобилась».

Этот эпизод впервые упоминается в превосходной краткой биографии Ленина, написанной Исааком Дон Левиным и вышедшей под заголовком «Ленин человек». Поступок был вполне в духе Ленина, крайне негуманный, но как бы продиктованный гуманными соображениями. Другого от него нельзя было ожидать.

Шла война, принося невыносимые потери и страдания народам вовлеченных в нее стран. В рядах сражавшихся зрели гнев и отвращение к этой кровавой бойне. Под давлением общественных настроений социалистическое движение осознало необходимость неотложных мер и объявило всеобщую стачку, направленную против войны. Не только левые радикалы, но и рядовые люди видели в этой войне чудовищное преступление. Их бросали в тюрьмы, иных даже расстреливали. Ленин двояко относился к войне. С одной стороны, он считал, что ее следует прекратить как бессмысленную, просто безумную; с другой — он желал бы, чтобы она продолжалась до тех пор, пока не рухнут все институты государственной власти, и тогда — тогда коммунисты смогут взять власть в свои руки. Он предвкушал этот момент и радовался, наблюдая, как в испытаниях крепнет и сплачивается социалистическое движение. В лучшей своей статье военного периода, озаглавленной «Крах II Интернационала», написанной им в мае-июне 1915 года, он в пух и прах разносил Каутского и излагал собственные взгляды на истинную и последовательную революцию, которая должна положить конец всем войнам. «Давно признано, — писал он, — что войны, при всех ужасах и бедствиях, которые они влекут за собой, приносят более или менее крупную пользу, беспощадно вскрывая, разоблачая и разрушая многое гнилое, отжившее, омертвевшее…»

5 сентября 1915 года в Циммервальде близ Берна по инициативе ЦК Итальянской социалистической партии была созвана Международная социалистическая конференция. В ней приняли участие тридцать восемь делегатов из Италии, Германии, Франции, России, Польши, Голландии, Швейцарии, Швеции, Норвегии, Румынии и Болгарии. Среди ее участников были: Ленин, Сафаров, Зиновьев, Мартов, Аксельрод, Радек (последний — от польской социал-демократии). Швейцарских социалистов представляли Роберт Гримм и Фриц Платтен. Троцкий выступал отдельно от лица своей группировки. Все

единодушно поддержали направленный против войны манифест, в котором говорилось: «Развязавшие эту войну лгут, утверждая, что война освободит угнетенные народы и послужит демократии. На деле они хоронят свободу своих наций и независимость своего народа на разоренных по их милости землях… Настоящая борьба есть борьба за свободу, за мир между народами, за социализм». Ленин пошел дальше. В коротком манифесте его сочинения, подписанным восемью делегатами, включая Платтена, Зиновьева и Радека, он возглашал: «Не гражданский мир между классами, а гражданская война!» Тогда же он внес предложение о создании Третьего Интернационала, но его предложение было отклонено.

В феврале 1916 года Ленин и Крупская переехали в Цюрих. Они сняли комнату в домике XVI века, принадлежавшем Адольфу Каммереру, сапожнику. Комнатка была маленькая, неуютная, окно выходило на колбасную фабрику, поэтому им приходилось держать окна закрытыми даже в жаркие летние дни. Обстановка была более чем скромная: стол, две кровати, два стула и швейная машина. Сапожник проникся искренним уважением к Ленину. «Он всегда покупал пузырьки со специальным маслом против облысения, — рассказывал потом сапожник. — И забывал выключать газ. Но в общем-то он был славный малый». Ленин старался как можно меньше бывать дома, целыми днями занимаясь в библиотеке, и приходил домой только к вечеру, чтобы разделить с Крупской нехитрую трапезу. Кстати, Крупская наконец-то научилась с помощью фрау Каммерер немножко готовить. Их угнетала бедность. «Дьявольски дорогая жизнь, чертовски трудно стало жить», — писал Ленин, а между тем его потребности были весьма скромны и за комнату они платили гроши.

У него появились новые сторонники; не спеша, методично он расширял круг своей деятельности. Он читал лекции, которые, правда, мало кто посещал, но русская колония политэмигрантов взирала на него с почтением, даже с благоговением. Как раз в то время он закончил книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма». Он считал, что империализм возник в период между 1898 и 1900 годами. Это было одним из забавных его заблуждений. Мысль эту он заимствовал из книги Д. А. Гобсона «Империализм»; вообще-то он как следует проработал этот источник. В целом новая ленинская работа, явно написанная сгоряча и плохо продуманная, как-то не соответствовала его уровню. Если «Крах 11 Интернационала», более ранняя его работа, отличалась язвительностью, напором, остротой, то тут, в его новой работе, нет живого чувства, одна неоправданная самоуверенность.

В июле 1916 года умерла его мать. Он тяжко перенес потерю. Часто уезжал из Цюриха и подолгу бродил в горах.

Это был год сплошных неудач. В ноябре он писал Инессе Арманд: «Здесь было сегодня собрание левых: пришли не все, всего 2 швейцарца + 2 иностранца немца + 3 рус. — евр. — польских. И реферат не вышел, а лишь беседа… Швах! Думаю, что сведется почти на нет… Трудно им… а сил у них слишком мало. Поживем — увидим».

Пришла зима. Все его надежды, казалось, пошли прахом. В январе 1917 года Ленин выступил перед собранием молодых швейцарских рабочих в Народном доме в Цюрихе. Он произнес свою речь по-немецки. Она была посвящена революции 1905 года. Он сказал:

«Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистической войны, муки дороговизны повсюду порождают революционное настроение, и господствующие классы — буржуазия, и их приказчики — правительства все больше и больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода.

…Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции».

Так говорить мог лишь человек, почти распрощавшийся со всякой надеждой стать свидетелем свершившейся революции.

Перед бурей

Русскому пролетариату выпала на долю великая честь начать ряд революций, с объективной неизбежностью порождаемых империалистической войной.

В. И. Ленин. Прощальное письмо к швейцарским рабочим.

Письма из далека

Дни текли спокойно, словно все происходило на другой планете, в другой Галактике. Вокруг бушевала война, армии разворачивали широкомасштабные наступления, сотни тысяч людей гибли на полях сражений, а русские политические эмигранты в Швейцарии с мрачным неудовольствием наблюдали за всем происходившим со стороны, грызлись между собой по пустякам, занимались теоретическими вопросами социалистического движения и жаловались, что журналы к ним доходят с большим опозданием. Денежные запасы таяли, а с ними таяли и надежды на то, что их партия когда-либо сможет активно участвовать в общественной жизни России.

К концу февраля 1917 года Ленин совсем отчаялся. Русская революция, мыслимая им как начальный этап мировой революции, снова казалась ему далекой, несбыточной мечтой. В отличие от Михи Цхакая он не был убежден в том, что она осуществится при его жизни. В конце концов, Маркс, наверное, был прав, когда говорил, что ни одна общественная формация не может прекратить своего существования, пока полностью не исчерпает возможностей своего развития. Но ленинский взгляд на революцию был совершенно иной. Ленин, повторяя террориста Е. Созонова,[31] надеялся «подтолкнуть ход истории». Но со своего командного поста в Швейцарии, из маленькой стерильно-чистой страны, существующей, казалось бы, вне временного пространства, Ленин не видел ни малейшей возможности хоть как-то, даже незначительно, придать ускорение событиям.

Февраль 1917-го был на исходе, а Ленин ни сном, ни духом не ведал, насколько близок он к осуществлению своих самых необузданных мечтаний.

Конспиратор, проводящий долгие годы в изгнании, плохо осведомленный о том, что же на самом деле творится в революционных кругах собственной страны, живет иллюзиями власти. Это проклятая жизнь, но неизвестно, что лучше — жить так или вдруг узнать, что все иллюзии были напрасны. Середины для конспиратора нет: либо он должен ощущать себя вершителем судеб, либо ему остается разочароваться во всем, оставить борьбу, даже — совершить самоубийство. В истории русского революционного движения хватает самоубийц и мучеников.

В отчаянии Ленин пишет письмо Марку Елизарову в Петроград и просит его оказать содействие в издании педагогической энциклопедии под редакцией Крупской. Понятно, что такому труду уже заведомо была уготована участь стать наименее читаемой книгой в объятой пожаром войны России. Но Ленин с уверенностью заявлял, что количество читающей публики в России растет, и если учесть особое пристрастие русского человека к разного рода энциклопедиям, то, как он говорил, время для такого издания назрело, и оно, без сомнения, выдержит еще не одно переиздание. Только бы Елизаров нашел для него издателя.

«Спрос теперь в России, с увеличением числа круга читателей, именно на энциклопедии и подобные издания очень велик и сильно растет. Хорошо составленный «Педагогический словарь» или «Педагогическая энциклопедия» будут настольной книгой и выдержат ряд изданий.

Что Надя сможет выполнить это, я уверен, ибо она много лет занималась педагогикой, писала об ней, готовилась систематически. Цюрих — исключительно удобный центр именно для такой работы. Педагогический музей здесь лучший в мире.

Доходность такого предприятия, — добавляет Ленин, — несомненна».

И еще Ленин просил Елизарова обдумать, как преподнести эти соображения издателю, ведь он, чего доброго, мог украсть чужую идею. Было бы неплохо, писал Ленин, взять под проект денег у какого-нибудь капиталиста, который не поскупится на расходы. Об издателях Ленин был невысокого мнения: издатель способен присвоить себе всю выручку, оставив редактора и составителя ни с чем. Такие вещи случались, пишет он. Наверное, он был прав, но его готовность вступить в этом деле в сотрудничество с капиталистом как-то не вязалась с его же, ленинскими, принципами. Объяснялось это только тем, что у

Ленина почти кончились деньги и даже не было перспектив каким-либо способом их заработать. Ему должно было исполниться сорок семь лет, а похвастаться было нечем. Годы изгнания не принесли ему желаемых побед. Дни шли своей чередой, он подолгу гулял вокруг озера, подолгу сидел в библиотеке, подолгу заседал со швейцарскими социал-демократами, которых вообще-то презирал. Он даже и представить себе не мог, чем все это закончится.

Одно время он действительно возлагал огромные надежды на швейцарских социал-демократов, но теперь эти надежды таяли. Как-то Ольга Равич пожаловалась ему на гнетущее чувство опустошенности, безнадежности. Он ответил, что не она одна пессимистически настроена. Партия погрязла в оппортунизме; превратилась в нечто вроде богоугодного заведения для мелкобуржуазных клерков. В февральских своих письмах, исполненных боли и отчаяния, он с презрением обрушивается на Фрица Платтена и Роберта Гримма. Первого он клеймит как абсолютно бесполезное существо в партии, а второго за то, что он с левого фланга переметнулся к центристам. Без средств к существованию, без надежд, поддерживаемый небольшой кучкой соратников, он ощущал себя полностью изолированным от мира, и это ощущение становилось все невыносимее. Ему представлялось, что он так и закончит свою жизнь — нищим, бездомным изгнанником.

8 марта 1917 года в Петрограде рабочие объявили забастовку и вышли на улицы, требуя хлеба и мира. Кое-где начались грабежи, и полиция открыла огонь по мародерам. На Невском проспекте казаки стреляли в толпу. Это стало сигналом. На следующий день народ хлынул на улицы, требуя не только хлеба, мира, но и отставки правительства, отречения царя от власти. Но выступление это не было подготовлено, смутьяны не совсем осознавали, против кого направить свой гнев. Толпа нередко проявляла необъяснимое миролюбие. Подходя к казакам, люди спрашивали: «Вы ведь не будете стрелять?» На что казаки отвечали: «Нет, не будем». Это был стихийный взрыв народного возмущения, вызванный ненавистью к царскому правительству. Народ тяжело переживал огромные потери на фронте; в основном на его плечи легло бремя войны. В последующие три дня народное возмущение постепенно набирало мощь. Не хватало только мишени, куда эту мощь следовало направить. 11 марта пожар разгорелся в полную силу. Взбунтовался Павловский полк. Солдаты убили полковника и перешли на сторону народа. Восставшие поджигали казармы и полицейские участки, и народ Петрограда злорадствовал, слушая истошные вопли ненавистных

им полицейских, живьем зажаривавшихся в объятых пламенем зданиях.

Мятеж достиг своего зенита; теперь восставшие знали, на кого направить всю силу удара, и они двинулись к Думе. Огромные людские толпы запрудили улицы, народ требовал формирования Временного правительства и отречения царя. 15 марта царь отрекся от престола. В разгар событий нашелся один-единственный человек, который смог указать народу, какие требования выдвигать и какую цель ставить в борьбе с царским режимом. Это был Александр Керенский. Как и Ленин, он родился в Симбирске. Но, в отличие от Ленина, он решительно был против кровопролития, стараясь, по возможности, избежать такого поворота событий. «Я не стану Маратом русской революции!» — заявил он. С первых дней восстания он являлся заместителем председателя Петроградского Совета рабочих депутатов, созданного по модели Советов, возникших во время революции 1905 года. Когда формировалось Временное правительство, его назначили министром юстиции. До октября Петроградский Совет и Временное правительство фактически находились в состоянии необъявленной войны друг с другом.

Швейцарские газеты обошли вниманием начальный этап революции в России, и только 15 марта поздним утром в специальном выпуске появилось сообщение о формировании Временного правительства. Как вспоминает Крупская, они с Лениным в тот день уже пообедали; она мыла посуду, когда к ним в дом ворвался поляк из политэмигрантов и выпалил: «Вы что, не слышали новости? В России революция!» Он пересказал им, что сам прочел в специальном выпуске, и ушел. Ленин с Крупской поспешили к озеру, где на щитах обычно расклеивали свежие номера газет.

Из газет им стало ясно, что в России в самом деле произошла грандиозная по своим масштабам революция. Но пока было не понятно, в каком направлении она будет развиваться. Сведения о разворачивавшихся событиях если и доходили, то обрывочные.

Ленин, как только узнал о революции в России, принял решение немедленно вмешаться в петроградские события. Он отправил телеграмму Зиновьеву в Берн и вызвал его в Цюрих. Михе Цхакая (оптимисту, который, когда Ленин выступал с речью, посвященной революции 1905 года, ободрил его, сказав, что они еще увидят русскую революцию собственными глазами) Ленин послал открытку: «Поздравляю вас с революцией в России. Ваш оптимизм был скоро вознагражден. Я готовлюсь к отъезду, упаковываю вещи. А вы, чем занимаетесь вы?»

Крупская не помнила, как провели они остаток дня и ночь,

так взволновали их новости из России. Зиновьев приехал на следующий день. К тому времени были получены новые сведения, более подробные, касавшиеся Временного правительства, а также полный список только что назначенных министров. Ленин разразился длинным, взволнованным письмом в Стокгольм, Александре Коллонтай. В нем он говорил, что все произошло, как он и предвидел, и что это только первый этап первой революции, которая не будет последней и не ограничится пределами России. На этом этапе большевики должны немедленно начинать вести пропаганду за всемирную революцию и за победу новой власти, Советов рабочих депутатов. Итак, с самого начала он видел революцию в мировом масштабе. «Ни за что снова по типу второго Интернационала! Ни за что с Каутским! Непременно более революционная программа… агитация и борьба с целью международной пролетарской революции…» Его рука лихорадочно исписывает страницу за страницей. Достается всем: Милюкову, Гучкову, Керенскому и всем остальным, собравшимся вокруг нового правительства, являющего собой, с его точки зрения, «устаревшую» европейскую модель государственного устройства, возрожденную не для того, чтобы осуществить революцию, а чтобы ее задушить. Ему и в голову не приходило, что все эти министры были людьми, исполненными благородного желания создать представительский орган, построить революционное государство. А если бы такая мысль и пришла ему в голову, он все равно остался бы при своем мнении. Для себя он уже давно нашел точку опоры, и теперь надо было только со всей силой подналечь на рычаги.

На следующий день Александра Коллонтай ответила ему телеграммой, в которой просила дать ей и партии инструкции и указания, как вести дальше политическую работу. Он ответил незамедлительно. Смысл его ответа был таков: поскольку он, к его прискорбию, располагает весьма скудной информацией о том, что делается в России, то директив и указаний пока дать не в состоянии. За день до этого он ожидал, что Временное правительство войдет в сговор с царем; теперь же оказалось, что царь бежал и готовится к контрреволюционным действиям. «Сейчас на очереди — уширение работы, — писал он, — организация масс, пробуждение новых слоев, отсталых, сельских, прислуги, ячейки в войске для систематической, обстоятельной Entlarvung[32] нового правительства и подготовки завоевания власти Советами рабочих депутатов». Только вооруженный пролетариат способен дать России мир — это было его твердое убеждение.

У него не было особых надежд в ближайшем будущем уехать

из «этой проклятой Швейцарии». Однако он рассчитывал на то, что сможет в какой-то степени контролировать события на расстоянии, и уже вместе с Зиновьевым готовил заявление о Временном правительстве, которое, как он считал, должно было послужить на тот момент руководством к действию.

Годы спустя у Зиновьева была обнаружена целая папка подобных ленинских директив. Из них следовало, что Ленин был всерьез обеспокоен возможностью контрреволюции, возглавляемой царем. Ленин предполагал, что царь непременно окажет сопротивление, организовав свою партию, а возможно, и армию, чтобы реставрировать монархию. Более того, предупреждал он, вполне вероятно, что для того, чтобы обмануть народ, царь, если ему удастся бежать из России или склонить на свою сторону какую-то часть армии, издаст манифест, в котором, чего доброго, объявит о заключении сепаратного мира с Германией. Ленин призывал рабочих взяться за оружие. Он считал, что именно рабочие должны дать жестокий отпор царской реакции и покончить с монархическим строем.

Таким образом, становится очевидным, что у Ленина с самого начала сложилось совершенно ошибочное представление о происходившей в России революции. Пролетариату незачем было давать отпор царю — тот сам отрекся от престола; от него уже ничего не зависело. И уж никак нельзя было заподозрить царя в том, что он был готов подписать мир с Германией. Даже если у царя осталась бы хоть крошечка власти, он все равно не пошел бы на это. Любопытно, что Ленин, считая царя вождем контрреволюции, смело приписывал ему именно те действия, которые впоследствии сам он, Ленин, осуществит в реальности с предельной точностью.

17 марта Временное правительство объявило широкую программу реформ. Оно гарантировало гражданам России свободу печати и собраний, общую амнистию, немедленный созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании, формирование отрядов народной милиции взамен полиции, которую надлежало вообще распустить. «Это только обещанию), — писал Ленин. Но он сразу же оценил, какие огромные возможности для деятельности открываются перед его партией с введением этих свобод, и стал нацеливать большевиков на то, чтобы они, вовсю используя, по его словам, «относительные и неполные свободы»), дарованные Временным правительством, агитировали за рабочее правительство, — ибо только оно даст народу «мир, хлеб и настоящую свободу»). Правда, не очень понятно, что он имел в виду под «настоящей свободой»), однако

для него самого тут ничего непонятного не было. По его разумению, Временное правительство не способно было дать народу ни мира, ни хлеба, потому что министры представляли интересы «класса помещиков и капиталистов»), к которому сами принадлежали. Из этого вытекало, утверждал он, что хлебные запасы они будут припрятывать, продавать, а прибыльь класть себе в карман. Кроме того, поскольку они в сговоре с иностранными империалистами, стригущими купоны на этой войне, то заключать мир им не было никакого резона и выгоды.

В письме к Александре Коллонтай Ленин допускал, что его интерпретация сложившейся ситуации вокруг государственной власти в России не совсем точна. Но в одном он был твердо уверен: большевики не должны вступать в союз ни с какой другой партией. Они должны были оставить за собой полную свободу действий и проводить программу активной агитации в массах.

В бумагах, найденных в архиве Зиновьева, Ленин говорит, что в составлении текстов директив Зиновьев был его соавтором. Но нет, они не в стилистике Зиновьева. Это рука Ленина, и тем они примечательны. Они являют собой яркое свидетельство его растерянности, разброда мыслей. Он мечется от гипотезы к гипотезе, они множатся, громоздятся одна на другую; его томит неизвестность, ведь он так и не знает, что в действительности творится в Петрограде. Многие годы спустя Зиновьев будет вспоминать те дни, когда они с Лениным бесцельно бродили по залитым весенним солнцем улицам Цюриха, постоянно возвращаясь к зданию редакции газеты «Neue Ziircher Zeitung», где обычно вывешивали бюллетени со свежими новостями. Каждая новая порция сообщений, пусть незначительных, воодушевляла их, и они принимались развивать невероятные теории; но вот приходили совсем свежие вести, и все теоретические построения рассыпались у них на глазах.

Тогда Ленин больше всего на свете мечтал оказаться в Петрограде, чтобы окунуться в самую гущу событий. Он потерял покой. Бессонными ночами он строил самые фантастические планы. Он, например, воображал, как сядет в аэроплан и каким-то загадочным образом перенесется через все линии фронтов и границы прямо в Петроград, куда-нибудь на его окраину. Он даже подумывал о том, что неплохо было бы позаимствовать паспорт у какого-нибудь члена социал-демократической партии из страны, соблюдающей нейтралитет, а затем проехать поездом через Германию в Швецию, а из Швеции — в Россию. Шведский паспорт, считал он, самый надежный. Просто надо будет выучить несколько фраз по-шведски и выдать себя за шведа. Крупская подшучивала над ним и говорила: «Подумай, что случится!

Заснешь, увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться: сволочи, сволочи! Вот и пропадет вся конспирация». Он думал, но никак не мог придумать способ мигом оказаться в России. Наконец он написал Ганецкому в Стокгольм. В своем письме он спрашивал, не знает ли Ганецкий, как можно тайно проехать через Германию.

18 марта революционеры отмечали очередную годовщину Парижской Коммуны. Ленин по этому поводу приготовил речь, которую должен был произнести перед группой социалистов в небольшой горной деревушке Шо-де-Фон, жители которой по старой традиции хорошо относились к русским революционерам. Здесь от полиции скрывался Нечаев, и здесь находили себе приют и убежище другие мятежники. Деревушка находилась на границе с Францией, и путь туда был дальний. Но дело было в воскресенье, почты все равно не ожидалось, вечернего выпуска газет не предвиделось. Кроме того, Ленин предвкушал встречу с молодым большевиком Абрамовичем, своим любимцем, который жил в той деревне. Он отправился туда с удовольствием, произнес заготовленную речь в честь Парижской Коммуны, подчеркнув, что ее уроки следует изучать, и объяснил, каким образом они могут быть применимы в ходе русской революции. На русскую аудиторию его речь произвела сильное впечатление; швейцарские социалисты отнеслись к ней скептически, сочтя за фантазию. Что касается самого Ленина, то он был весьма собой доволен и передал текст речи Абрамовичу (но тот ее потерял). Некоторые отрывки речи, по-видимому, вошли в работу Ленина «Государство и революция», написанную им полгода спустя.

На следующий день он вернулся в Цюрих. Терзаясь невозможностью вернуться в Россию, Ленин готов был преодолеть любые барьеры, лишь бы достичь своей цели. Он писал Ганецкому: «Я больше не могу ждать. Легальный проезд невозможен. Мы с Зиновьевым должны во что бы то ни стало добраться до России. Единственный возможный план заключается в следующем: вы должны найти двух шведов, похожих на меня и на Зиновьева, но поскольку мы с Зиновьевым не знаем шведского языка, они должны быть глухонемые. Прилагаю наши фотокарточки на этот случай». Ганецкий не потрудился добыть Ленина парочку глухонемых, а вместо этого передал фотокарточку Ленина репортеру газеты «Politiken», где она тут же появилась с подписью: «Ленин, вождь русской революции». Но в тот момент Ленину было далеко, еще очень далеко до звания вождя русской революции.

В тот же день Ленина осенила еще более неожиданная идея. Он задумал принять облик своего приятеля, Вячеслава

Карпинского, человека толкового, заведовавшего Русской библиотекой в Женеве. Просто, без затей, напялив парик, он намеревался отправиться в Англию, а оттуда как-нибудь добраться до России, через Голландию и Скандинавию. Ленин написал Карпинскому совершенно неподражаемое письмо, в котором подробно излагал свой план:

> «Дорогой Вяч. Ал.!
>
> Я всячески обдумываю способ поездки. Абсолютный секрет — следующее. Прошу ответить мне тотчас и, пожалуй, лучше экспрессом (авось партию не разорим на десяток лишних экспрессов), чтобы спокойнее быть, что никто не прочел письма.
>
> Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а *я проеду по ним* через Англию (и Голландию) в Россию.
>
> Я могу одеть парик.
>
> Фотография будет снята с меня уже в парике, и в Берн в консульство я являюсь с Вашими бумагами уже в парике.
>
> Вы тогда должны скрыться из Женевы минимум на несколько недель (до телеграммы от меня из Скандинавии): на это время Вы должны запрятаться архисурьезно в горах, *где за пансион мы за Вас заплатим, разумеется.*
>
> Если согласны, начните немедленно подготовку самым энергичным (и самым тайным) образом, а мне черкните тотчас во всяком случае.
>
> *Ваш Ленин*
>
> Обдумайте все практические шаги в связи с *этим* и пишите подробно. Пишу Вам, ибо уверен, что между нами все останется в секрете *абсолютном*».

Письмо к Карпинскому проливает свет на пристрастие Ленина к конспираторским методам, ставшим уже частью его существа. Первым делом бросаются в глаза его настойчивые напоминания о секретности, повторяющиеся так часто, что они вообще теряют всякий смысл. Далее: Ленин требует от человека немедленных, энергичных действий; выполнять их надо со всей страстью и преданностью делу, подчинившись ленинскому приказу безоговорочно; тут нет места колебаний, проволочек — дело должно быть сделано немедленно, сразу, без возражений. А по выполнении задания еще потребуется подробный отчет, но это

уже потом, да и говорится об этом ниже, в приписке. Ленин даже не утруждает себя проработкой деталей, не видит слабых мест в своем плане. В его понимании это вполне созревший, готовый план действий. Но как он все это себе представлял — загадка. Кто знает, может быть, в глубине души он не слишком надеялся на успех своей хитроумной затеи, и все же с полной уверенностью раздавал приказы, ибо в тот момент не было для него задачи более важной, более необходимой, в успехе выполнения которой он ничуть не сомневался. Это письмо человека, находившегося в безвыходном положении; вопль узника, замурованного в железной клетке, лихорадочно строящего безумные планы избавления от плена.

Когда Ленин сочинял это письмо, в Женеве происходила встреча русских политических эмигрантов. На ней обсуждался вопрос о возможностях возвращения на родину. Ленин не принимал участия в этой встрече, за него представительствовал Зиновьев. По иронии судьбы не кто иной, как Мартов, старинный враг Ленина еще со времен «Искры», предложил решение, которое в итоге и было осуществлено. Он предложил обратиться к германскому правительству с просьбой разрешить русским эмигрантам проехать поездом по территории Германии в обмен на такое же разрешение проезда по русской территории для немецких граждан, интернированных в России, причем количество обмениваемых с той и с другой стороны должно быть равное. Тогда, на встрече политэмигрантов, предложение Мартова было отклонено, как и множество других, по всей вероятности, неосуществимых проектов. Но через пару дней о нем прослышал Ленин и немедленно ухватился за эту идею, хотя отлично понимал, что сам он не имел никаких полномочий вступать в прямые переговоры с немцами. Представляется, что о предложении Мартова Ленину сообщил Карпинский. На это Ленин ему ответил: «План Мартова хорош: за него надо хлопотать, только мы (и Вы) не можем делать этого прямо. Нас заподозрят. Надо, чтобы, кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты-русские обратились к швейцарским министрам (и влиятельным людям, адвокатам и т. п., что и в Женеве можно сделать) с просьбой поговорить об этом с послом германского правительства в Берне. Мы ни прямо, ни косвенно участвовать не можем; наше участие испортит все. Но план, сам по себе, очень хорош и очень верен».

Такие дела сразу не делаются. Роберт Гримм, «этот мерзкий центрист», как его величал Ленин, изо дня в день делал робкие попытки вступить в переговоры с германским правительством через немецкое посольство в Берне. В штаб германского

верховного командования летели телеграммы такого содержания: учитывая, что большинство русских эмигрантов в Швейцарии желают прекращения войны, они могли бы сыграть на руку Германии, если бы им был разрешен проезд в Россию через немецкую территорию. Вскоре в Берлине начались по этому поводу совещания, выдвигались аргументы за и против предложенного проекта. Немцы усматривали в нем неожиданный выход из положения, и особенно этот план был по вкусу тем, кто хорошо знал Россию и был осведомлен о пораженческих настроениях в русской армии. Получалось, что одним смелым ударом можно было положить конец войне на востоке.

А тем временем Ленин тоже не сидел без дела. Он работал над небольшой серией писем, предназначавшихся для опубликования в газете «Правда», которая теперь выходила в Петрограде. Письма были резкие, сердитые; в них было много повторов. Они местами звучали странно, выдавая полную оторванность их автора от реальной ситуации. Ленину, старому заговорщику, везде мнились заговоры. Например, в первом письме он говорит так: «Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К° к захвату власти в интересах продолжения империалистской войны, в интересах еще более ярого и упорного ведения ее, в интересах избиения новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя… Гучковыми, Сирии… французскими, Месопотамии… английскими капиталистами и т. д.». Это, разумеется, полет фантазии. Никакого заговора «о замене монархии легитимной (законной, держащейся по старому закону) монархией бонапартистской, плебисцитарной (держащейся подтасованным народным голосованием)» не существовало. На самом деле совершилась революция, в которой приняли участие все слои населения, и Временное правительство стало представительным органом, выражавшим интересы граждан России. Ленин же держался мнения (насколько ему можно верить), что революция, всего за восемь дней достигшая таких невиданных успехов, была «разыграна», то есть подстроена для того, чтобы плодами ее тут же воспользовались англофранцузские заговорщики. Исходя из этого ошибочного положения, он неминуемо приходил к выводу, что теперь они все вместе только и ждали подходящего момента, чтобы реставрировать монархию.

Ленин мог проявлять поразительную неосведомленность об истинном положении вещей, путать все на свете, что-то не так понимать (и это с ним случалось частенько), но был один пункт, в котором он прекрасно разбирался, и, выступая, он знал, о чем говорил, — и верил в свою правоту. Речь идет о Совете рабочих

депутатов. Ленин рассматривал само существование Петроградского Совета (хотя там, по его мнению, засели его враги по партии) достаточным основанием для того, чтобы за первым этапом революции стала возможна вторая революция, еще более сокрушительная, которая произойдет по свежим следам первой революции. Он говорит: «Совет рабочих депутатов, организация рабочих, зародыш рабочего правительства, представитель интересов всех беднейших масс населения, т. е. 9/10 населения, добивающийся мира, хлеба, свободы». Этого своего постулата он и впредь будет твердо держаться. С самого начала ему было ясно, что Временному правительству так или иначе придется уступить власть правительству рабочих при поддержке Совета рабочих депутатов; а от нового правительства был всего один шаг до диктатуры пролетариата, представленной диктаторской властью всего одного человека.

В этих посланиях рабочим, написанных для публикации в газете «Правда» и потом вошедших в Полное собрание сочинений Ленина под общим заголовком «Письма из далека» (Ленин сознательно пытался настроить рабочих Петрограда против Временного правительства, пока оно еще окончательно не взяло бразды правления в свои руки. Вместе с тем он старался вникнуть в суть происходивших событий. Он не видел никакого чуда в том, что в Петрограде совершилась-таки революция. Это произошло в результате всеобщего ускорения хода истории, вот и все.

«…Необходим был еще великий, могучий, всесильный «режиссер», который, с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой — породить невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные и интернациональные. Кроме необыкновенного ускорения всемирной истории нужны были особо крутые повороты ее, чтобы на одном из таких поворотов телега залитой кровью и грязью романовской монархии могла опрокинуться сразу.

Этим всесильным «режиссером», этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистическая война».

Первое «Письмо из далека» было почти сразу напечатано в «Правде», остальные четыре были опубликованы уже после смерти Ленина. История, получившая, по его словам, «необыкновенное ускорение», обогнала автора четырех последних писем, и к тому времени, когда он попал, наконец, в Петроград, они уже были не актуальны.

И все-таки они имеют свою ценность. В них видна работа ленинской мысли, то, как он пока что на бумаге оттачивал свое главное оружие — методы захвата власти. В этих письмах

интересно не только то, что он говорит, но и то, о чем он умалчивает. Например, в них нет ни слова о том, каким будет государство, которое возникнет вслед за тем, как вооруженные рабочие возьмут власть в свои руки. Государством будут управлять рабочие, и только. Они обеспечат «абсолютный порядок и товарищескую дисциплину на основе энтузиазма». Они присмотрят за тем, чтобы «всякий ребенок имел бутылку хорошего молока и чтобы ни один взрослый в богатой семье не смел взять лишнего молока, пока не обеспечены дети»; и за тем, чтобы дворцы, принадлежавшие царю и аристократии, «дали приют бескровным и неимущим». Они будут вести учет запасов продуктов питания и распределять их среди населения. Они возьмут на себя функции работников социального обеспечения в «государстве всеобщего благосостояния». Поразительно, что при этом Ленин совершенно не говорит о том, каково будет по своей форме правительство, которому будет подчиняться созданная его волей вооруженная милиция из рабочих. Подобно Нечаеву, он, видимо, считал, что нет нужды обсуждать структуру нового правления, она сложится стихийно, волею самих рабочих, которые и есть государство. «Нечего и говорить, что была бы нелепа мысль о составлении какого бы то ни было «плана» пролетарской милиции: когда рабочие и весь народ настоящей массой возьмутся за дело практически, они во сто раз лучше разработают и обставят его, чем какие угодно теоретики», — пишет он в своем третьем «Письме из далека». Следовательно, он хочет сказать, что не имеет ни малейшего представления о том, какой будет результат, если вооруженные отряды милиции сметут существующий строй и завоюют власть. Но зато он прекрасно понимает, что предлагает форму государственного устройства, ничем не отличающуюся от той, которую предлагали анархисты. Однако тут он оговаривается: «…Нам нужно… государство. Этим мы отличаемся от анархистов». Получается, что него вооруженная пролетарская милиция и есть государство.

Читая эти поразительные документы, сочиненные им в момент опустошенности и душевной боли, мы всякий раз становимся свидетелями того, как ум его пытается пробиться через горы противоречий, заложенных в самой природе большевистского государства. Одной рукой он дарует «настоящую свободу», другой — вводит «принудительную трудовую повинность», чтобы каждый человек знал свои обязанности и функции, возложенные на него государством. Ленин с презрением высказывается о буржуазном обществе, по его мнению, «прогнившем до основания», и тут же, вслед за Марксом, отдает ему должное, находя в нем свои достоинства: «…Мы не сможем

одним ударом свергнуть новое правительство или, если мы сможем сделать это (в революционные времена пределы возможного тысячекратно расширяются), то мы не сможем удержать власти, не противопоставляя великолепной организации всей русской буржуазии и всей буржуазной интеллигенции столь же великолепной организации пролетариата, руководящего всей необъятной массой городской и деревенской бедноты, полупролетариата и мелких хозяйчиков».

Говорить можно все, что угодно, и, конечно, в этих высказываниях есть определенный смысл, но тогда какова же цена его слов о прогнившей сущности буржуазного общества? Он честно признает, что сила буржуазного строя в его организации. У рабочих такой организации нет, и в этом их слабость. «…Во всяком случае лозунгом момента и накануне новой революции, и во время нее, и на другой день после нее должна быть пролетарская организация», — продолжает он свою мысль. И ведь речь идет не о свершившейся революции, а о другой, предстоящей, которая и должна дать власть вооруженному рабочему классу.

В четвертом своем письме он вновь, как уже бывало не раз, обнаруживает незаурядное умение уничтожить противника силой слова. И здесь все острие своего сарказма он направляет не на кого-нибудь, а на Максима Горького, который в письме к Временному правительству и к Петроградскому Совету предлагал начать переговоры с Германией о честном мире. Человечество и без того пролило слишком много крови, пора прекратить войну, писал Горький. Но нам не нужен мир ради мира; условия его должны быть таковы, писал он, чтобы России были сохранены достоинство и честь в глазах остального человечества. Ленин же считал честь буржуазным предрассудком. Он обрушился на Горького со всем негодованием, на какое был способен. Да уж, не позавидуешь участи бедного мотылька, который, вольно порхая, угодил под вал многопудового катка.

«Горькое чувство испытываешь, читая это письмо, насквозь пропитанное ходячими обывательскими предрассудками. Пишущему эти строки случалось, при свиданиях на острове Капри с Горьким, предупреждать его и упрекать за его политические ошибки. Горький парировал эти упреки своей неподражаемо-милой улыбкой и прямодушным заявлением: «Я знаю, что я плохой марксист. И потом, все мы, художники, немного невменяемые люди». Нелегко спорить против этого.

Нет сомнения, что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению.

Но зачем же Горькому браться за политику?

На мой взгляд, письмо Горького выражает чрезвычайно распространенные предрассудки не только мелкой буржуазии, но и части находящихся под ее влиянием рабочих. Все силы нашей партии, все усилия сознательных рабочих должны быть направлены на упорную, настойчивую, всестороннюю борьбу с этими предрассудками.

Царское правительство начало и вело данную, настоящую, войну как империалистскую, грабительскую, разбойничью войну, чтобы грабить и душить слабые народы. Правительство Гучковых и Милюковых есть помещичье и капиталистическое правительство, которое вынуждено продолжать и хочет продолжать именно такую самую войну. Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир — все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели».

Далее он излагает собственный вариант прекращения войны. Первое, что сделали бы Советы рабочих депутатов, приди они к власти, это предложили бы тотчас заключить перемирие между всеми воюющими странами. Ленин формулирует и условия заключения мира, которые скорее всего были бы невыполнимы и диктовались только его собственными политическими соображениями. Ленин выдвигал как непременные требования, например, такие: освобождение колоний; свержение без промедления буржуазных правительств, поскольку ничего хорошего ожидать от этих правительств не приходилось; опубликование тайных договоров; аннулирование военных долгов.

Дух захватывает, когда читаешь эти строки. Ну и масштабы, ну и размах! Мало того, что должна быть закончена война и установлен мир; Ленину этого мало. Перешагивая границы возможного, он идет дальше, к немедленному освобождению колоний и свержению всех существующих правительств. В лихорадочном мозгу Ленина политические процессы, которые обычно развиваются в течение десятилетий, даже веков, должны состояться: за какие-то две-три недели.

Отчетливо нигилистический характер ленинских воззрений еще никогда так ярко не проявлялся, как в этом четвертом «Письме из далека». В нем всего в нескольких строках он набрасывает план мировой революции, при этом не делая никаких попыток его осмыслить, взвесить все «за» и «против», попытаться разобраться в его последствиях. Он раздает приказы, как командующий парадом на прусском плацу. А между тем эти приказы могут иметь печальные последствия, и не только для

России. Будет сотрясаться весь мир. Но все уже решено, причем бесповоротно. Итак, сначала Советы рабочих депутатов возьмут власть; с войной будет покончено; свершится мировая революция. Из всего этого следовало, что за прошедшие пятнадцать лет его теория революции ничуть не изменилась. Он остался ей верен. Вот что он тогда писал: «История поставила перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи… сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата».

Он закончил четвертое «Письмо из далека» 25 марта и отослал его в Стокгольм, чтобы оттуда оно было отправлено в Петроград. Прошло уже десять дней, с тех пор как до него дошли известия о русской революции, но пока ничто не предвещало ему будущего, с которым были связаны все его мечты, а именно — стать вождем мировой революции. Он оставался обнищавшим эмигрантом, страдавшим от беспросветности существования на чужбине и ютящимся в каморке, снятой за гроши у местного работяги.

Опломбированный вагон[33]

В день, когда Ленин закончил свое четвертое «Письмо из далека», в Берлине, в Министерстве иностранных дел, была получена телеграмма из германского Генерального штаба. В телеграмме говорилось следующее: «Никаких возражений против транзитного проезда русских революционеров, если будет обеспечен специальный поезд и надежная охрана. Организацией этого дела должны заняться представители Военного паспортного ведомства и Министерства иностранных дел». Судя по телеграмме, германское Верховное командование заботилось только об одном: как бы революционеры не улизнули из поезда, чтобы заняться подстрекательством к революции на территории Германии.

Годы спустя Роберт Гримм и Фриц Платтен будут ставить себе в заслугу успех переговоров с германской стороной, благодаря чему, с их точки зрения, и состоялся проезд русских политических эмигрантов через Германию. Но когда со временем были вскрыты имперские архивы, выяснилось, что в этом деле участвовало множество людей и начальников самых разных уровней, от самого кайзера до мелкого, никому не известного чиновника Георга Шкларца, приезжавшего к Ленину в Швейцарию

с особым поручением обсудить с ним детали задуманного проекта. Так что до сих пор этот клубок распутать невозможно. Не обошлось и без фарса. Немцам не терпелось поскорее перебросить революционеров в Россию, но они то и дело темнили, чтобы скрыть свое нетерпение. Больше всего они боялись, что политэмигранты не клюнут на их наживку.

Немцы отлично знали, каковы были намерения русских революционеров. Они были прекрасно информированы о личной жизни, романах, а также политических взглядах русских эмигрантов, живших в Швейцарии. Кроме того, им было доподлинно известно, что происходило в Петрограде. Перед ними была цель — закончить войну на восточном фронте, и как можно скорее, а этой цели из всей этой братии не было лучше кандидатуры, чем Ленин. Именно он поклялся положить конец войне в том случае, если он придет к власти. Более того, в его планы входило развернуть классовую борьбу в России, а это непременно ослабило бы и без того подорванное военное положение страны. Пока Гримм и Платтен в поте лица трудились, чтобы переговоры увенчались успехом, некто Диего Берген в своем кабинете на Вильгельмштрассе, цинично ухмыляясь, выжидал наиболее подходящего для Германии момента, когда можно будет запустить в Петроград эту мину — кучку русских революционеров.

Из всех, кто был заинтересован в этом предприятии, пожалуй, Диего Берген был самым главным действующим лицом. Истый католик, получивший образование в школе при иезуитском монастыре, он обладал инстинктивным даром проникать в глубь революционного сознания. В числе его особо важных функций в Министерстве иностранных дел была и такая — изучать возможности приложения методов саботажа и подрывной деятельности, и на это ему отпускались огромные денежные средства. А следовательно, он знал о Ленине все, что ему надо было знать, и только ждал случая, чтобы, так сказать, спустить предохранитель.

Ленин, однако, не спешил, осторожничал. Он не предпринимал никаких видимых усилий, чтобы войти в контакт с немцами, и не позволял членам своей партии искать с ними контактов. Он все еще продолжал строить планы возвращения в Россию через Францию и Англию. Прекрасно понимая, как важно для него поскорее попасть в Петроград, он тем не менее тянул время, по-прежнему занимаясь чисто теоретическими вопросами поэтапного развития революции, в частности перехода ко второй революции, которую он надеялся возглавить. Теперь, когда улеглись первые волнения, такое практическое дело, как

пересечение границы тем или иным способом, для него как будто отошло на второй план.

Тогда-то Диего Берген и начал действовать, прежде всего направив к Ленину в Цюрих Георга Шкларца. Тот прибыл в Цюрих 27 марта и немедленно разыскал Ленина. Берген заранее уведомил германскую миссию в Берне и консульство в Цюрихе о его приезде и просил оказать ему всяческую помощь. План, который Шкларц должен был изложить Ленину, заключался в следующем: Ленину и Зиновьеву предлагалось тайно, под чужими именами, выехать из Швейцарии, без уведомления швейцарских властей. С точки зрения немецкой стороны, план имел ряд важных преимуществ. Главное, никто не должен был об этом знать. Тихо, без шума Ленин и Зиновьев исчезнут из Швейцарии, снабженные непогрешимыми документами, сфабрикованными в германском паспортном ведомстве, а затем в один прекрасный день как ни в чем ни бывало объявятся в Петрограде.

Никаких письменных свидетельств о встрече Ленина и Шкларца не сохранилось, похоже, они не существовали. Возможно, Шкларц только в устной беседе сообщил Бергену о провале своих переговоров с Лениным. После этого Берген принялся обдумывать более соблазнительные и более подходящие для Ленина ловушки. У него не было сомнений в том, что Ленин хочет немедленно выехать из Швейцарии. Но перспектива проезда через территорию враждебного государства тайно, под чужим именем, исключительно полагаясь на милость германского Министерства иностранных дел, Ленина мало прельщала. Помимо этого, гласность, считал Ленин, в таком деле совсем не помешала бы, ее можно было бы использовать для агитации в пользу большевиков. Ленин не принял план Шкларца по многим причинам, но главной из них, как нам кажется, было то, что операция эта должна была проводиться втайне. А что помешало бы немцам во время «путешествия», например, расправиться с ним, объяснив это потом несчастным случаем? К тому же Временному правительству могло стать известно о его переговорах с немцами. В таком случае, что помешало бы арестовать его и приговорить к смерти как предателя. Ленин оставался российским подданным, а Россия находилась в состоянии войны с Германией.

В тот же день, когда произошла встреча Ленина со Шкларцем, Ленин послал телеграмму в Стокгольм своему старому соратнику Ганецкому. Он отправил ее так: текст телеграммы он написал на обратной стороне своего письма Карпинскому в Берн, а в письме Ленин просил его отправить эту телеграмму по почте из Берна. Ленин уведомлял Ганецкого, что план возвращения в Россию,

предложенный Берлином, для него неприемлем, и просил Ганецкого добиться от швейцарского правительства получения вагона для проезда до Копенгагена или договориться об обмене интернированных в России немцев на русских эмигрантов. Слова «до Копенгагена» были дописаны рукой Крупской; ссылка на то, что разрешение из Берлина есть, дает основание считать встречу Ленина со Шкларцем уже состоявшейся. Можно также догадаться, что официальные переговоры между сторонами были еще далеки от благоприятного завершения.

Тот день, 27 марта, выдался очень непростым для Ленина. Дел было много. Надо было написать письма, принять участие в ряде встреч и заседаний, выступить перед швейцарскими рабочими. Тема речи была такая: «Русская революция, ее значение и ее задачи». Она была набросана им заранее на отдельных листках в виде подробного плана реферата, отражавшего пункт за пунктом проблемы, которые в совокупности составляли содержание его речи. План был написан аккуратным почерком — все, что предназначалось для печати, Ленин старался писать разборчиво. В конце афиши с объявлением о его выступлении была при писка. В ней говорилось, что пятьдесят процентов вырученного сбора за билеты поступит в пользу политических эмигрантов, больных туберкулезом.

«9-е января 1905», Худ. В. Маковский.

«Кровавое воскресенье» — расстрел рабочих на Дворцовой площади.

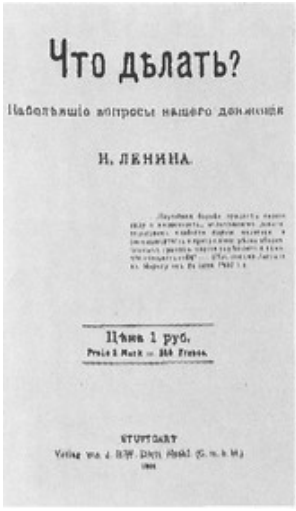
«Выступление В. И. Ленина на митинге рабочих в Народном доме

Паниной 9 мая 1906 г.».

Худ. П. Жилин.

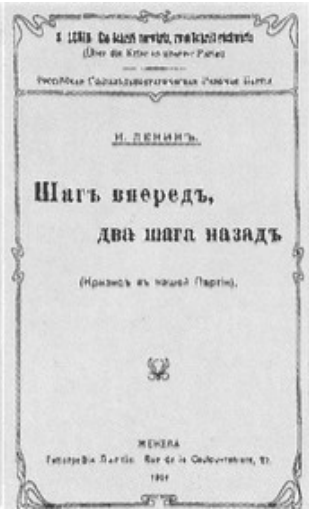
В этом здании на Суворовском проспекте в Петербурге В. И. Ленин, только что вернувшийся нелегально из эмиграции, принял участие 8 ноября 1905 г. в заседании ЦК РСДРП, на котором обсуждался вопрос об отношении партии к Советам рабочих депутатов.

Что дѣлать?

Наболѣвшіе вопросы нашего движенія

Н. ЛЕНИНА.

Цѣна 1 руб.

Н. ЛЕНИНЪ.

Шагъ впередъ,
два шага назадъ

(Кризисъ въ нашей Партіи).

Н. ЛЕНИНЪ.

Двѣ тактики
СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІИ
въ демократической
революціи.

Обложки книг В. И. Ленина: «Что делать?» (1902), «Шаг вперед, два шага назад» (1904), «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905).

Напряженная работа сказалась на здоровье В. И. Ленина и в марте 1909 г. ему пришлось поехать на несколько дней в Ниццу, чтобы восстановить свои силы.

Домик в Лонжюмо, в котором некоторое время в 1911 г. жил Ленин.

Худ. Р Фальк.

«Стена коммунаров» на кладбище Пер-Лашез в Париже.

На велосипеде, подобном этим, Ленин объездил весь Париж, изучая его.

Уличный калейдоскоп Парижа. Начало XX в.

Организуя пропаганду социал-демократических идей среди российских рабочих из-за рубежа, Ленин активно сотрудничал с русскими рабочими-типографами, последовавшими за ним в Париж. Одна из парижских типографий начала XX в.

Банк «Лионский Кредит» в Париже — здесь хранилось «золото партии», деньги Российской социал-демократической партии.

Комитетъ Заграничной Организации Росс. Соціаль-Демократической Рабочей Партіи.

Въ Пятницу 23-го Января 1914 года

184, Boulevard Saint Germain, 184

Metro St Germain. Metro St Germain.

БОЛЬШОЙ ЗАЛЪ **SOCIÉTÉ de GEOGRAPHIE**

Товарищъ Н. Ленинъ

ПРОЧТЕТЪ РЕФЕРАТЪ

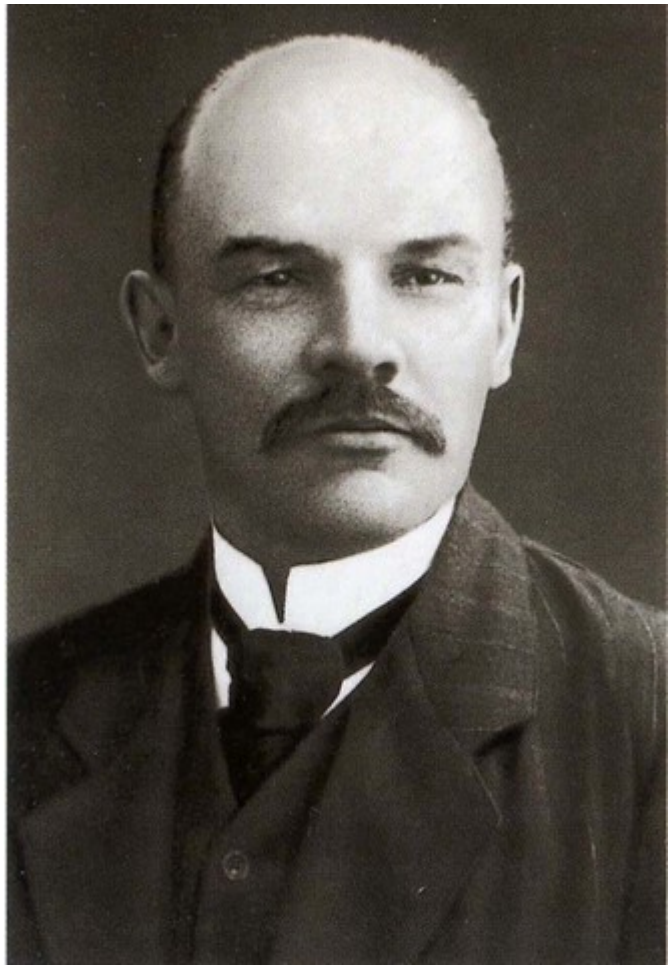
на тему:

Національный Вопросъ.

НАЧАЛО РОВНО ВЪ 8½ ЧАС. ВЕЧЕРА

Плата за входъ: 5 фр., 3 фр., 1 фр., 50 с.

Находясь в эмиграции, Ленин часто выступал с рефератами перед рабочей аудиторией.

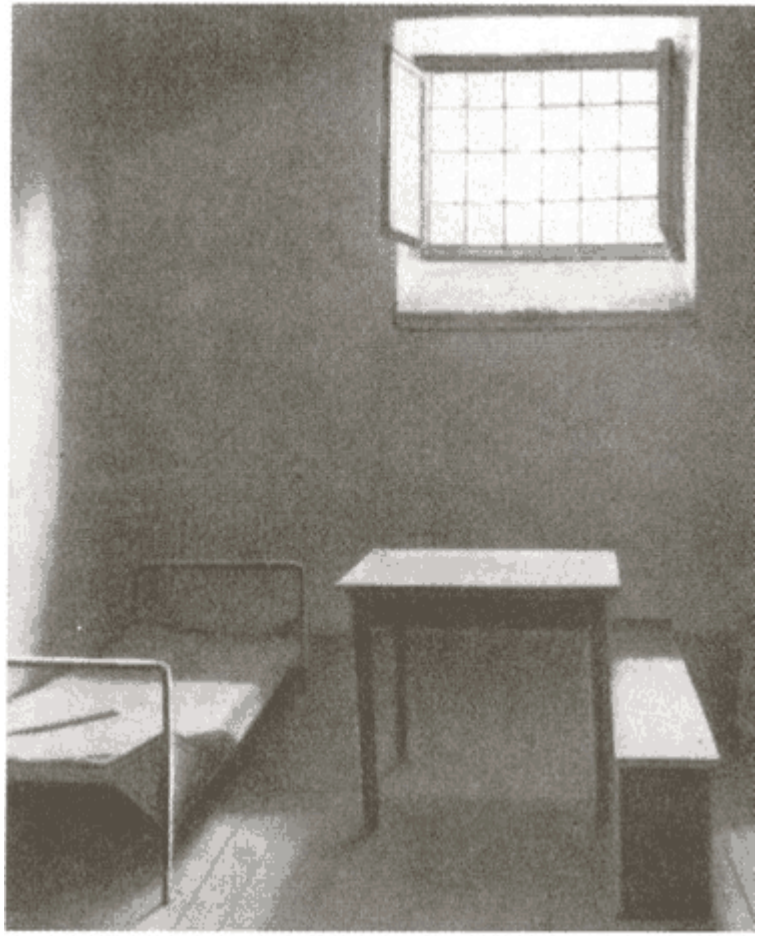
В, И, Ленин, Париж, 1910 г,

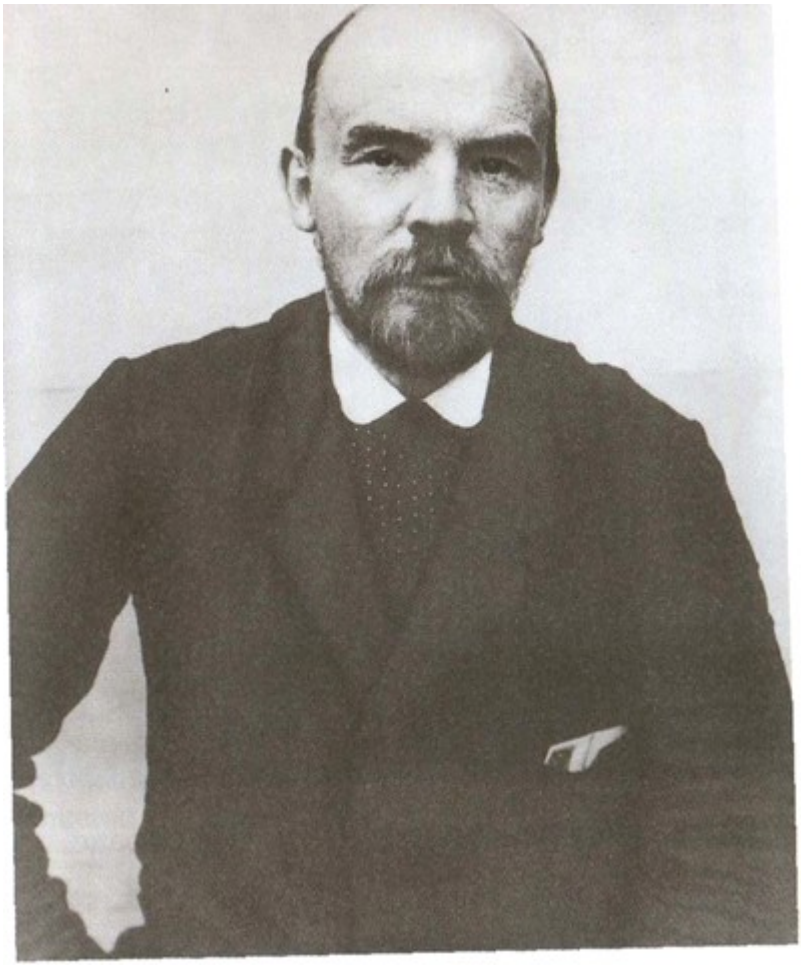
Е. Ф. Арманд,

В. И. Ленин в окрестностях Закопане. Польша, 1914 г.

Тюремная камера, в которой был заключен В. И. Ленин в Новом Targe. 8–19 августа 1914 г.

В. И. Ленин в день выхода из тюрьмы Нового Тарга. 1914 г.

Февральская революция 1917 г. в Петрограде.

Митинг на Скобелевской площади в Москве в дни Февральской революции.

В. И. Ленин с группой российских политэмигрантов в Стокгольме, по пути из Швейцарии в Россию, 13 апреля 1917 г,

Стокгольм, Вокзал. 1917 г.

Стокгольм, Вокзал. 1917 г

Так выглядел Финляндский вокзал в Петрограде в 1917 г.

С этого броневика В. И. Ленин, возвратившись из эмиграции, выступал перед встречавшими его.

Бывший особняк М, Кшесинской, где в 1917 г, находились Центральный и Петербургский комитеты партии большевиков.

Выступление В. И. Ленина с «Апрельскими тезисами» в Таврическом дворце в Петрограде.

Расстрел июльской демонстрации в Петрограде. 1917 г.

С этого перрона в июле 1917 г. Ленин уехал в Разлив.

В. И. Ленин в парике. Разлив, 11 августа 1917 г.

Н.К. Крупская в одежде работницы. 1917 г., июль.

Разлив, Сарай, в котором скрывался В, И, Ленин в 1917 г.

«В Петроград», Худ. А. Лопухов.

Выступление состоялось в пять часов пятнадцать минут пополудни, в темном маленьком зале Народного дома в Цюрихе. Позже в газетах появилось краткое содержание его речи. Листки с планом сохранились. Надо сказать, что, в отличие от «Писем из далека», слишком многословных, перегруженных теоретическими рассуждениями, в которых тонет главная мысль, план реферата «Русская революция, ее значение и ее задачи» содержит более четкие формулировки. Мы видим, как развивается его мысль; вопросы выстраиваются в стройный ряд по мере их важности. Эти его записи стоит привести полностью, потому что в недалеком будущем они составят канву куда более известных «Апрельских тезисов». Ленин произнес речь по-немецки. Первые четыре пункта

в его записях на немецком, остальное — на русском:

1. Die erste Etappe der ersten Revolution.
2. Nicht die letzte Revolution, nicht die letzte Etappe.
3. In drei Tagen Sturz der monarchischen Regierung, die J ahrhunderte gedauert und schwere Kiimpfe 1905–1907 erlebt hat?
4. Wunder.[34]

ЧАСТЬ I

1. «Мир стал иным за три дня».
2. «Чудо».
3. Как можно было свалить в 8 дней?
   Четыре условия главных:
4. — — (I) — — Революция 1905—1907 гг.
   (((Взрыла почву; показала *все* классы и партии; обнажила и изолировала *Николая II* и *К°* (Распутин).
5. — — (II) — — Сотрудничество *трех* сил в данной революции:
   — — (α) англо-французский финансовый капитал
6. — — (β) вся буржуазия и помещичье-капиталистический класс России
   (и верхи армии)
7. — — — (γ) революционный пролетариат и революционная часть армии, солдат.
8. Три силы сейчас:
   — (αα) царская монархия; династии
   остатки
   (контрреволюция на юге)
9. — (ββ) новое правительство и буржуазия
10. — (γγ) *Совет рабочих и солдатских депутатов.*
11. *Мир, хлеб, свобода* =
= Три основных требования.
12. ‖ Новое правительство *не может*
13. ‖ дать их...
14. Три линии в Совете рабочих депутатов:
15. Резолюция о *Керенском* etc.
16. Колебания Чхеидзе.
17. Линия ЦК РСДРП. Манифест ЦК.

18. Что делать? Куда и как идти?
К Коммуне? Доказать это.
19. Анализ *ситуации*. Быстрая смена ситуаций.
(*позавчера* — величайшая *нелегальность*.
Призыв к революционной борьбе. Борьба
с **социал-шовинизмом**.
(*вчера* — maximum революционного героизма
в схватке.
(*сегодня* — *переход, организация*...
(*завтра* — опять схватка.
20. *Организация* — лозунг дня.
Какая? Партия? Профсоюзы? etc.
21. **Совет рабочих депутатов.** Quid est *. Тезис № 4.
22. Наше «**государство**»:
23. Парижская Коммуна... Ее суть.
24. Учение Маркса и Энгельса о государстве переходного типа:

25. Пролетарская *милиция*. Какая...

26. — нужна *им*

27. — — и *нам*.

«Не дать восстановить полиции»

28. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства...
29. Мир? *Как* (Горький?).
30. — Наши условия мира
(тезис № 11 в № 47).
31. Шаг (переход) к социализму.
32. Да здравствует русская, да здравствует начинающаяся всемирная пролетарская революция!

Читая эти записи, мы словно наблюдаем, как Ленин очерчивает линию, придавая революции форму, предрешая ее последовательность и задачи, выстраивая шаг за шагом, однако вуалируя это легкой накидкой теоретических фраз. Будет вот что: некое соединение российских Советов и Парижской Коммуны; основные кирпичи уже были заложены в 1871 году и в 1905-м. Он задумал революционную войну, но это его не пугает. Когда он произносит «величайшая нелегальность», он, наверно, имеет в виду «максимальную свободу» действий при Временном правительстве. И в самом деле, в набросках к «Апрельским тезисам» эти слова всплывают: «максимальная свобода». «Хлеб,

мир, свобода!» — должны стать лозунгами текущего момента. Ленин категорически заявляет, что Временное правительство не может дать их людям. Но и он не обещает, что его правительство сможет дать все это людям. Анжелику Балабанову, присутствовавшую на его выступлении, особенно поразила такая его фраза: «Если русская революция не перерастет во вторую и более успешную Парижскую Коммуну, реакция и война ее задушат».

Приведенный выше набросок плана революции под руководством Ленина был им создан в тот момент, когда еще было неизвестно, сможет ли он вернуться в Россию.

Переговоры шли вяло, в атмосфере нараставшего напряжения. Немцы желали отъезда русских эмигрантов; эмигранты желали выехать. Но обе стороны продолжали хитрить, стараясь не показывать, насколько сильно они этого хотят. Немецкий посланник в Берне уж начал было волноваться. Он сообщал на Вильгельмштрассе, что, несмотря на его заявление русским о полной готовности сотрудничать с ними, ни один представитель от них еще не явился. И только 3 апреля к посланнику наконец пожаловал Фриц Платтен, секретарь Швейцарской социал-демократической партии. Он предложил решение, которое в результате и было принято. Платтен должен был сам возглавить группу отбывающих эмигрантов; пассажирам в поезде должны были обеспечить экстерриториальные права; в свою очередь революционеры должны были дать обещание, что в обмен предпримут попытку добиться освобождения групп заключении в российских тюрьмах граждан Германии. Но это, последнее, никого ни к чему не обязывало, его можно было забыть. Главным было то, что ехать они должны были в опечатанном вагоне и сопровождать их должен был Платтен, которому надлежало выполнять роль наблюдателя от нейтральной стороны и руководителя путешествия. Платтен заранее обсудил с посланником вопрос о том, насколько проезд через немецкую территорию может скомпрометировать российских эмигрантов. Действительно, это постоянно беспокоило Ленина. В конце концов Ленин придумал весьма типичный бывшего законника ход. Был составлен документ в поддержку депортации российских политических эмигрантов, который подписали ведущие французские, немецкие и швейцарские социалисты. Платтену было поручено также проследить за тем, чтобы все отбывающие эмигранты поставили свои подписи под документом, где были сформулированы условия депортации. Текст документа был такой:[35]

«Я, нижеподписавшийся, удостоверяю своей подписью:

1) что условия, установленные Платтеном с германским посольством, мне объявлены;

2) что я подчиняюсь распоряжениям руководителя поездки Платтена;

3) что мне сообщено известие из «Petit Parisien», согласно которому российское Временное правительство угрожает привлечь по обвинению в государственной измене тех русских подданных, кои проедут через Германию;

4) что всю политическую ответственность за мою поездку я принимаю на себя;

5) что Платтеном мне гарантирована поездка только до Стокгольма.

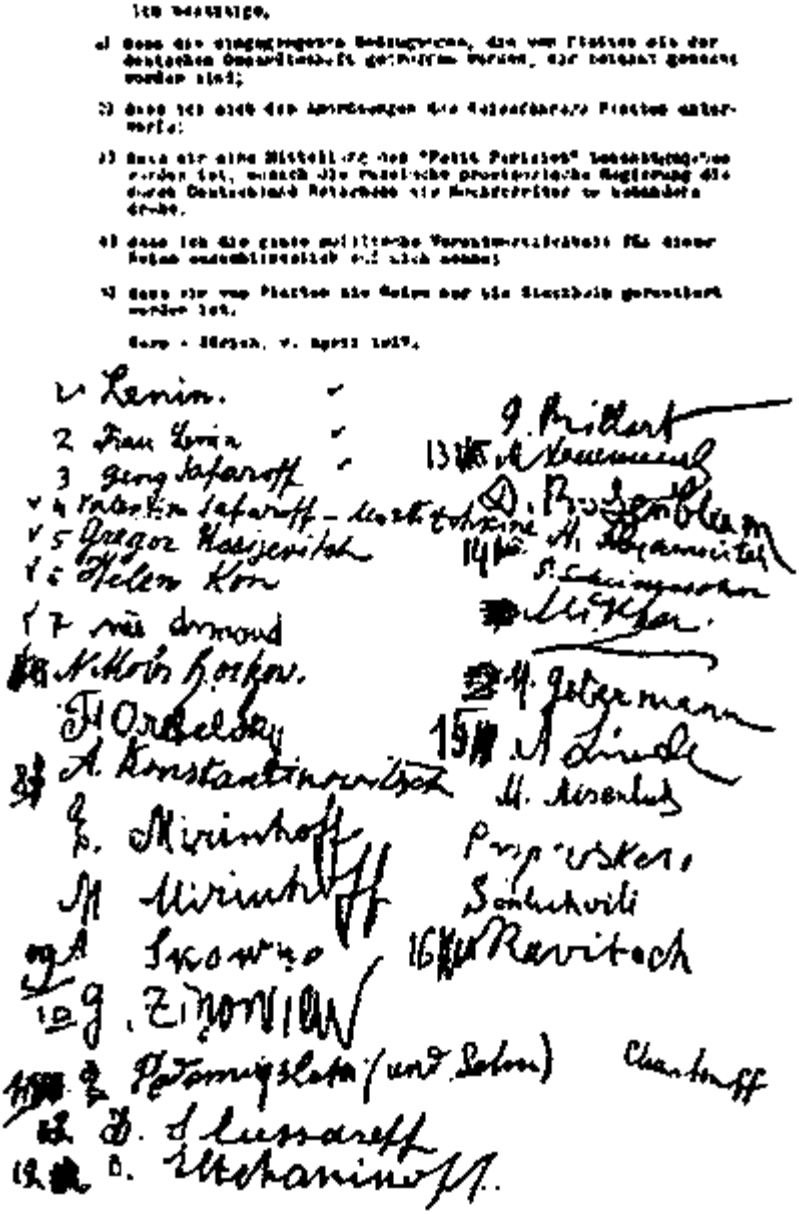
Берн-Цюрих. 9 апреля 1917 г.»

Дальше шли подписи:[36]

Ленин
2. Фрау Ленин
3. Георгий Сафаров
4. Валентина Сафарова-Мостичкина
5. Григорий Усиевич
6. Елена Кон
7. Инесса Арманд
Николай Бойцов
Ф. Гребельская
8. А. Константинович
Е. Миринов
М. Миринова
9. А. Сковно
10. Г. Зиновьев
11. З. Радомысльская (с сыном)
Д. Слюссарев
12. Б. Ельчанинов
Г. Бриллиант
13. М. Харитонов
Д. Розенблюм
14. А. Абрамович
С. Шеинессон
Цхакая
М. Гоберман
15. А. Линде
М. Айзенбад

Припевский
Соулешвили
16. Равич
Харитонов

Таков был список большевиков, отбывавших в Россию в опломбированном вагоне. Этот любопытный документ, отпечатанный Фрицем Платтеном и приложенный потом к краткому отчету о проделанном путешествии, заслуживает более тщательного изучения. Дело в том, что загадочное путешествие русских на родину наделало много шума, но помимо верных сведений было достаточно всякого вздора. В подлинности самого документа и списка под ним сомнений нет, хотя за некоторыми исключениями фамилии, перечисленные в нем, не являются собственно подписями пассажиров. В левой колонке они написаны рукой Зиновьева — узнаем характерные для него каракули и закорючки. Он всегда так писал немецкое «f», и завитки, которыми он украшал заглавные буквы, тоже в стиле его каллиграфии. Правда, в данном случае он старается чуть-чуть имитировать подписи.

Документ о депортации российских политических эмигрантов

9 апреля 1917 г.

В большинстве своем перечисленные фамилии не представляют никаких загадок. Абрам Сковно, Давид

Соулешвили, Елена Кон; Бриллиант — настоящая фамилия Сокольникова. З. Радомысльская, то есть Зина Радомысльская, жена Зиновьева, взявшая себе этот псевдоним. Равич — Ольга Равич. Возможно, среди путешественников были и члены Бунда; считается, например, что Д. Розенблюм и М. Айзенбад были членами Бунда. Безусловно одно: все остальные пассажиры являлись членами большевистской партии. Из них в дальнейшем значительных высот достигнут: Зиновьев, Сокольников, Сафаров и Слюссарев. Другие, скажем, такие, как Николай Бойцов, служивший в Центральном отделе политического образования, займут посты пониже. Кто-то будет убит в Гражданскую войну. Эта участь постигнет Григория Усиевича, который отличится во время ноябрьского восстания в Москве, а затем погибнет на фронте. Имена остальных канут в неизвестность.

Только одна фамилия, довольно странно звучащая, — Припевский, написанная неуверенной рукой почти в конце списка, казалось бы, являет собой неразрешимую загадку. Революционера с такой фамилией никто не знает. Ни в одном из каталогов псевдонимов выдающихся большевиков, сколько в них ни ройся, ничего похожего нет. Фамилия явно вымышленная; что это за Припевский? Однако мемуары Крупской проливают свет на эту загадку. В них она перечисляет фамилии двадцати трех ее попутчиков и прибавляет очень важную для полноты картины информацию, что Радек ехал с ними «под видом россиянина». Припев, то есть рефрен, повторяемый после главного куплета, — вот смысловая суть фамилии Припевский. Известно, что Радек хорошо пел, был велеречив и словоохотлив. Этот псевдоним, не без ехидства придуманный для него Лениным, как нельзя лучше подходил Радеку. Ленин был невысокого мнения о способностях Радека и всего за несколько месяцев до этого в письме к Инессе Арманд называл его «невыносимым дураком». Но верный слуга всегда пригодится хозяину, будь он даже самым распоследним дураком. Так у Радека появилась еще одна фамилия, очень тешившая придумавшего ее автора; она была вполне в стиле ленинского чувства юмора. Что касается самого Радека, то он свои статьи предпочитал подписывать более солидным псевдонимом: «Парабеллум».

Как уже было сказано, большую часть фамилий в список внес собственной рукой Зиновьев. Но цифры, характерные пометки и «галочки» скорее в манере Ленина. Не очень ясно, что они обозначают. Перед фамилиями некоторых особо близких Ленину людей, включая грузинского революционера Миху Цхакая, порядковые номера вычеркнуты или вовсе отсутствуют. Можно предположить, что эти цифры как-то связаны с планом

размещения пассажиров в купе, но этот план как будто не пригодился.

Когда Ленин уже был в России, он столкнулся с необходимостью объяснить соотечественникам все обстоятельства, вынудившие его пересечь территорию враждебной Германии в опломбированном вагоне. В кратком отчете, появившемся в газете «Правда», он сообщал, что в поезде ехало тридцать два политических эмигранта. Из них девятнадцать были большевики, шесть человек — представители Бунда и трое — сотрудники меньшевистской газеты «Наше Слово», выходившей в Париже. Предположительно остальные четверо из названного Лениным числа ехавших через Германию русских эмигрантов были дети, потому что ветеран партии Миха Цхакая вспоминал, что среди пассажиров было несколько детишек. По-видимому, Ленин сознательно исказил картину. В списке, который был составлен при его участии, мы видим по крайней мере двадцать пять активных членов партии большевиков. Похоже, он намеренно уменьшил число большевиков, увеличив число представителей других партий, чтобы не давать повода думать, будто все ехавшие с ним эмигранты были исключительно большевики, то есть его люди. Можно считать, что небольшевиков, направлявшихся с ним в Россию, было всего два-три человека, не больше.

Вернемся к документу с подписями. Создается впечатление, что список был составлен на скорую руку прямо за обедом в отеле «Zahringer Hof», где перед отъездом собрались русские эмигранты. Это было 9 апреля, в полдень. Поезд уходил во второй половине дня, в три часа десять минут. Времени оставалось только на то, чтобы окончательно уладить все дела и еще раз обсудить ленинское «Прощальное письмо к швейцарским рабочим», которое накануне приняло собрание большевиков в Берне. В этом письме, обращаясь к швейцарским рабочим, Ленин с уважением отзывался о швейцарских социал-демократах, а затем провозглашал цели и задачи своей партии, повторяя то, что он уже неоднократно говорил. Но теперь его слова звучали особенно убежденно. Он снова подчеркивал, что видит главную цель в том, чтобы превратить империалистическую войну в гражданскую, войну порабощенных против поработителей за победу социализма. Он снова клеймил социалистов, которые встали на сторону своих воюющих буржуазных правительств. В письме к швейцарским рабочим он прорицал, что русская революция — всего лишь начало целого ряда революций, что она перешагнет пределы России. Ленин назвал немецкий пролетариат вернейшим, надежнейшим союзником русской и всемирной

пролетарской революции. Неожиданный комплимент в тех обстоятельствах, надо заметить. Но гвоздем его выступления была мысль, изложенная в двух абзацах в самой середине его, где он объявлял русскую революцию началом всемирной революции. Вот что он писал и произнес:

«Русскому пролетариату выпала на долю великая честь начать ряд революций, с объективной неизбежностью порождаемых империалистической войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, может быть очень короткое, время застрельщиком революционного пролетариата всего мира.

Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 года, может придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции пролог всемирной социалистической революции, ступеньку к ней».

Это и есть то главное, что он хотел сказать швейцарским рабочим в своем прощальном письме. Но очевидно еще и другое: через них он обращался к рабочим всего мира. Письмо было опубликовано на немецком языке в швейцарской социалистической газете «Jugend-Internationale», а через некоторое время, в сентябре того же года, его напечатал Плеханов впервые на русском языке в газете «Единство», как бы предупреждая мир о коварстве, на которое способен был Ленин. Он был прав. Коварство Ленина и состояло в том, что в этом коротком сочинении он пытается навязать миф, будто именно он, Ленин, находится в самом горниле революционной борьбы, сам, собственной рукой, разжигает костер революции. «Революция не ограничится Россией», — торжественно провозглашает он, грезя о том времени, когда европейские и американские рабочие-социалисты утопят, наконец, буржуазию в ее собственной крови.

Письмо было зачитано во время обеда, на котором присутствовала небольшая группа швейцарских социал-демократов. Затем Платтен вручил Ленину три тысячи швейцарских франков, объяснив ему, что эти средства были собраны кооперативами. Ленин тоже собрал тысячу франков, и

все единодушно решили, что, имея в общей сложности четыре тысячи франков, нечего бояться каких-либо осложнений, которые могли бы возникнуть во время их долгого пути до Петрограда. Тогда же, за столом, произошел один неприятный инцидент. Некто доктор Оскар Блум, член социал-демократической партии, выразил желание ехать вместе с группой Ленина. Однако Ленин был против этого, справедливо или нет подозревая Блума в том, что он полицейский шпик. Это был тот редкий случай, когда Ленин избрал демократический путь решения вопроса. Он потребовал всеобщего голосования. Результат был таков: одиннадцать человек проголосовали за доктора Блума, и четырнадцать — против. Блуму было сказано, что его в поезд не пустят, и это решение окончательное.

В два часа тридцать минут отбывающие двинулись на вокзал. Это было пестрое сборище, похожее больше на компанию, отправляющуюся на пикник. Они несли с собой корзины со скарбом, плетеные сумки, наскоро увязанные тюки. Платтен позаботился о том, чтобы путешественники были снабжены запасом еды на десять дней. Продукты к тому времени уже были доставлены на вокзал.[37]

Платтен считал, что посадка в поезд пройдет благополучно и никаких препятствий для отъезжающих не будет. Но не тут-то было. Прощание получилось весьма бурным. Оказалось, прошел слух, будто немцы заплатили Ленину хорошие деньги, и на вокзале собралась толпа русских эмигрантов. Их было человек пятьдесят. Они размахивали плакатами, протестуя против отъезда своих соотечественников. Ленин поглядел на плакаты и мрачно улыбнулся. Он был в котелке, в тяжелом пальто, в котором ходил летом и зимой, и в ботинках на толстой подошве, подкованной гвоздями, которые ему смастерил сапожник Каммерер. В руках он нес зонтик, пригодившийся ему потом, когда на платформе началась небольшая потасовка. Большевики запели было «Интернационал», но кругом раздались крики: «Немецкие шпионы!», «Кайзер вам оплачивает проезд!» — и большевики замолчали. Плапен, маленький, тщедушный, сражался с дюжим малым, но все-таки умудрился сесть в поезд целым и невредимым. Были и сочувствующие, хотя и немногочисленные. К Ленину подбежал Зигфрид Блох, швейцарский социалист. Он пожал ему руку и сказал: «Надеюсь скоро увидеть вас снова в наших рядах, товарищ!» Ленин на это ответил: «Гм, если мы скоро вернемся, это будет плохой знак для революции». Ленин с Крупской заняли купе второго класса, но не успел он, устроившись, достать свой блокнот для записей, как кто-то ему шепнул, что Оскар Блум спокойненько занял себе место в том же

вагоне. Как и следовало ожидать, Ленин впал в неистовство. Он вскочил, выбежал из купе, схватил доктора Блума за шиворот и вышвырнул из вагона. В самый последний момент перед отправкой поезда на перроне показался Рязанов, близкий друг Троцкого. Он подбежал к поезду и, увидев в окне Зиновьева, закричал: «Ленин сошел с ума! Он не понимает, какой опасности всех подвергает! Вы разумнее его! Скажите, чтобы он отказался от этой безумной затеи проезда через Германию!» Зиновьев только улыбнулся. Он уже хорошо продумал, какие опасности могут подстерегать их в дороге. Но он свято верил в путеводную звезду Ленина. Речей не было, никто не фотографировался на память. Ровно в десять минут четвертого пополудни поезд тронулся. На перроне осталась горстка безутешных русских изгнанников. Свернув плакаты, они разбрелись кто куда.

Несмотря на то, что организацию проезда русских в опломбированном вагоне взяли на себя правительства Швейцарии и Германии и все решения касательно этого мероприятия принимались на самом высоком уровне, руководители этих государств вполне допускали, что такая акция может быть чревата для ее участников неожиданными последствиями и даже опасностью. В тот день из конца в конец сквозь эфирное пространство Европы летали телеграммы, в которых решалась судьба необычных путешественников. Рано утром немецкий посланник в Берне отправил в Берлин, в Министерство иностранных дел, телеграмму с сообщением, что все к отъезду подготовлено. Однако, продолжал он, совершенно необходимо обеспечить полную изоляцию русских во время следования поезда через Германию, дабы исключить малейшую возможность их контактов с немцами, иначе по прибытии в Россию они могут быть арестованы по приказу Временного правительства за измену. Посланник требовал, чтобы в немецкой прессе все было тихо по этому поводу до тех пор, пока о поезде с русскими не заговорит пресса других стран. Особенно тщательно, по его мнению, должен был умалчиваться факт участия Швейцарии в этом деле, поскольку, вне всякого сомнения, Антанта не одобрила бы данного маневра.

Поезд уже мчался на всех парах к границе, когда на Вильгельмштрассе пришла еще одна телеграмма от немецкого посланника в Берне. В ней он обращал внимание своего руководства на то, что русские эмигранты не предприняли никаких шагов, чтобы получить разрешение на въезд в Швецию. Из чего следует, уточнял он, что они полностью зависят от действий, которые должна предпринять немецкая сторона. Короче говоря, немцам еще предстояло использовать свои добрые старые

связи в шведском правительстве, чтобы поезд с русскими был пропущен на территорию Швеции. Но пока это было только в планах. Дело было затруднительное, тонкое. Потребовалось даже вмешательство самого кайзера, которого постоянно информировали о том, как развивается эта история с Лениным. Кайзер предложил достойное решение вопроса, и, как обычно, самое простое. Оно состояло в том, что если шведы откажутся пойти навстречу германскому правительству, то, наверное, не так трудно будет направить поезд с русскими эмигрантами через линию фронта. В таком случае можно будет даже прихватить и остальных задержавшихся в Швейцарии русских. Еще более в его духе была и другая его идея — порадовать русских, проезжающих по территории Германии, раздав им листки с отпечатанным текстом пасхального послания его величества немецкому народу, то есть его последнего обращения к своим верноподданным по случаю такого праздника. Кроме того, он предложил вручить эмигрантам белые флажки для распространения в России, «чтобы просветить умы их соотечественников на родной земле». Но идее кайзера, осенившей его 12 апреля во время завтрака, не суждено было осуществиться. К тому моменту шведское правительство уже дало официальное согласие про пустить поезд на территорию своей страны. Мы никогда не узнаем, как отнесся бы Ленин к затее кайзера одарить большевиков его личным пасхальным приветствием, — до Ленина оно не дошло. А кайзеру, наверное, тактично дали понять (Диего Берген или кто-то другой из чиновников его министерства), что Ленин не расположен знакомиться с официальными документами германского государства.

Путешествие оказалось не из легких, хотя Крупская пишет, что оно обошлось без приключений. Но неприятные неожиданности имели место. На границе с Германией швейцарские таможенники реквизировали большую часть продовольственных запасов, главным образом сахар и шоколад, которыми снабдил путешественников Фриц Платтен. Объяснений не последовало. Немецкие таможенники повели себя еще более странно. Они согнали всех эмигрантов в залы для таможенного досмотра, женщин отдельно, мужчин отдельно, и те вынуждены были ждать в течение получаса, пребывая в полной неизвестности, что за этим последует. Конечно, эмигранты решили, что их всех арестуют. А Радек, который был австрийским подданным и считался дезертиром, был уверен, что его вот-вот поставят к стенке. Все считали, что Ленина арестуют первым, и поэтому старались сделать так, чтобы он был вне поля зрения немецких пограничников. Он стоял у стены, а его друзья

образовали вокруг него нечто вроде живой стены. Что побудило немцев к подобным действиям, осталось загадкой. Наверняка Берлин телеграфировал на границу. Но телеграммы могли и опаздывать. Так Ленин на практике столкнулся с нечеткостью и про волочками в работе германских ведомств, а ведь него именно немцы всегда были образцом высокой дисциплины. Потомившись как следует, путешественники наконец обрели свободу: раздалась команда, и им позволили снова занять места в поезде. Теперь они уже ехали по территории Германии.

Предварительно договорились, что Ленин с Крупской будут занимать отдельное купе. Это давало Ленину возможность спокойно работать в пути. Ленин немного поломался, но потом милостиво согласился. Соседнее купе занимала чета Сафаровых, Инесса Арманд, Ольга Равич и Радек. Радек пел песни, рассказывал анекдоты и обменивался шутками с Ольгой Равич. Он умел смешить и поддерживать остроумную беседу. Да и внешность у него была забавная: шевелюра кудрявых волос на голове, бачки, на носу — очки в роговой оправе; изящные, нервные руки, которыми он постоянно жестикулировал. Его неестественная, судорожная оживленность делала его похожим на обезьянку. Ольга так громко хохотала в ответ на его шутки, что Ленин, который не мог работать, если рядом шумели, не выдержал и решил положить конец их веселью. Твердым шагом он вошел к ним в купе, взял Ольгу Равич за руку и отвел ее в другое купе. Как всегда, он нашел «козла отпущения», хотя виноват был другой человек. Поступок, типичный для Ленина. После этого до конца пути Радек разговаривал исключительно шепотом.

Как правило, большевики были заядлыми курильщиками. Здесь, в поезде, они курили беспрестанно. Ленин буквально задыхался в табачном дыму. В конце концов он решил, что больше этого не потерпит, и запретил курить в вагоне, однако разрешил для этой цели пользоваться туалетом. Тут все поняли, что за место в туалете будет битва, и тогда Ленин решил выписывать билетики на право пользования туалетом по очереди. Началась дискуссия о правомерности данного акта, и кто-то высказал сожаление по поводу того, что с ними не было Бухарина — тот всегда мог точно определить легитимную меру дозволенного. Спор был недолгий, и ленинское правило возобладало. Им тогда и в голову не могло прийти, что эти билетики в туалет станут предвестниками той системы, которую он в недалеком будущем введет по всей России.

Пока Ленин писал, Крупская смотрела в окно. Поезд проезжал мимо городов и деревень, и она была поражена тем, как

мало ей на глаза попадалось взрослых мужчин: в полях работали одни старики и старухи. Впечатление было такое, как будто вся немецкая молодежь исчезла с лица земли. Когда-то обильная, цветущая страна была опустошена войной; они ехали по пустыне. В поезде их прекрасно кормили, но за окном они наблюдали нечто совсем другое. Они видели, что в Германии царит голод. Их поезд был чем-то вроде «потемкинской» деревни, только на колесах, где им навязывали представление, будто Германия до сих пор победоносная держава. Но изгнанники знали, что такое нищета, их не обманешь.

Тем временем Ленин все больше уходил в себя. Он сидел, погруженный в задумчивость; казалось, он жил только мыслью о России. Иногда он вдруг спрашивал кого-нибудь: «Как думаете, сколько нам осталось жить?» Это его состояние объяснялось, видимо, тем, что, хоть он и верил в победу всемирной пролетарской революции, которая должна была произойти под его руководством, его тяготило предчувствие, что вместо этого он будет немедленно схвачен и повешен, едва сойдет с поезда в Петрограде.

Немцы исполнили все, как было задумано. Русские были надежно изолированы от местного населения и от сопровождавших, что дало немцам повод впоследствии гордо заявлять, что между русскими и ними не было проронено ни единого слова. С немцами общался только Платтен. Только ему было позволено выходить из поезда, чтобы покупать кипы свежих газет, на которые же жадно набрасывались его попутчики, а также пиво, до которого Ленин с Зиновьевым были большие охотники. Путешествие затягивалось из-за постоянных остановок и паровозных маневров. Поезд долго стоял в Карлсруэ и во Франкфурте, где они, как им сказали, не попали в расписание из-за опоздания. Здесь Платтен сделал большие закупки, а заодно решил отлучиться в город, повидаться с какой-то женщиной. Чтобы не терять время, он попросил двух немецких солдат отнести его друзьям газеты и пиво. С его стороны это было весьма неосторожно. Солдаты влезли в поезд и же наткнулись на Радека, который немедленно стал горячо призывать их к революции. Но в это время появились немецкие офицеры, положившие конец этой пропаганде. Дело могло обернуться неприятностями для пассажиров, но Радек успел улизнуть в свое купе рядом с Лениным, и все обошлось без шума.

В Берлине их поезд снова отогнали на запасные пути. Объяснение всем этим задержкам в пути по неизвестным причинам было найдено позже, когда были вскрыты архивы германского Министерства иностранных дел. Тогда выяснилось,

что не знавшая, как правило, сбоя немецкая машина исполнительной власти на этот раз оплошала, сработав с опозданием. Произошло следующее. Немецкий посланник в Швеции получил сообщение о том, что шведское правительство разрешило русским въезд в их страну, 10 апреля во второй половине дня. А высокие чиновники в Министерстве иностранных дел — только поздно утром 12 апреля. Скорее всего, телеграмму от посланника положили в ящик и забыли. К полудню поезд с эмигрантами уже направлялся в небольшой город-порт Засниц, куда они прибыли к ночи. Немцы планировали, что путешественники там заночуют. В несколько зловещей телеграмме от Министерства иностранных дел говорилось: «Прибывающим предоставить приличное размещение на ночь в запертом помещении».

Во всей этой истории немецкая сторона не скрывала того, что действует исключительно исходя из своих собственных интересов. Генеральный штаб надеялся на пропаганду о мире, которую ожидали от русских революционеров, немцы полагали, что результатом ее будет обвал на линии фронта. Какие будут последствия, если к власти придет Ленин, — это их не заботило. И то, что фронт рухнет в результате общего обвала, с той и с другой стороны, им в голову не приходило. За их действиями стоял откровенный цинизм:. все остальное их как бы не касалось. Заключив договор, они оставили за собой право его нарушить. Это произошло в Карлсруэ, а затем в Берлине, когда они пропустили в поезд немецких социал-демократов. Видимо, они хотели получше выведать истинные намерения Ленина. Но у них ничего не получилось. Ленин наотрез отказался встречаться с немецкими социал-демократами, выразив это в следующих словах: «Пусть они убираются к черту!» Был только один человечек, который, в отличие от всех остальных своих попутчиков, нарушил тогда обет молчания. Это был маленький мальчик, Роберт, сын женщины — члена Бунда. Он подошел к немцам и по-французски произнес: «Кондуктор, что он делает?»

После Берлина немцы оставили пассажиров поезда в покое. Надо сказать, что в целом хозяева вели себя вполне достойно. Детям в поезд специально доставляли молоко, заботились о том, чтобы люди ехали в комфорте, и свято соблюдали условие — не вторгаться на территорию русских внутри вагона, отделенную от купе, в которых ехали сами немцы, начерченной мелом линией. Когда путешествие подходило к концу, немцы не могли нарадоваться, как все хорошо получилось, и уже готовились перебрасывать следующие партии русских революционеров через территорию Германии.

Последнюю свою ночь на германской земле эмигранты провели в Заснице, действительно, как и было предусмотрено, под замком, в специально отведенном для них помещении. Наутро они погрузились на пароход, который должен был доставить их в Швецию.

Долгое, томительное путешествие в опечатанном вагоне закончилось.

Финляндский вокзал

Яков Ганецкий был человеком полезным во многих отношениях. Он был аккуратным корреспондентом Ленина, сообщавшим о происходивших событиях, умел задействовать нужных людей. Он родился в 1879 году в австрийской Галиции и в возрасте семнадцати лет вступил в социал-демократическую партию. Позже он участвовал в первых съездах в Стокгольме и в Лондоне в качестве делегата от Польши и Литвы. Ленин познакомился с ним в 1903 году, и Ганецкий сразу поразил его своим революционным пылом и увлеченностью конспиративной работой. Ленин назначил его иностранным корреспондентом от социал-демократической партии, аккредитованным в Стокгольме. В Швеции Ганецкий пропагандировал большевистские идеи и выполнял роль связного между Лениным и Россией. Дело в том, что из Швейцарии отправлять корреспонденцию прямо в Россию было невозможно. Зато ничто не мешало Ленину направлять письма в нейтральную Швецию; он знал, что дальше они точно будут отосланы в Петроград.

Когда разразилась Февральская революция, Ленин возложил все свои надежды на возвращение не на кого-нибудь, а на Ганецкого. Тот должен был, по замыслу Ленина, совершить чудо — любым способом вывезти Ленина из Швейцарии. В тот период он атаковал Ганецкого посланиями, и вот, наконец, Ганецкому пришла 7 апреля телеграмма из Берна, в которой Ленин в ликующем тоне кратко сообщал следующее: «Завтра уезжает 20 человек. Линдхаген и Стрём пусть обязательно ожидают в Треллеборге… Ульянов».

Эта телеграмма по сути дела звучала как повеление двум ведущим членам шведского парламента от социал-демократической партии бросить все дела и срочно устремиться на встречу русских политических эмигрантов в маленький порт на окраине Швеции. Поглощенный хлопотами в Берне и в Цюрихе, Ленин совсем забыл, что надо было послать вдогонку другую телеграмму, уточнявшую дату и время прибытия.

Ганецкому пришлось ломать голову над тем, как ему следовало поступить. Особенно его смущала необходимость обращаться к членам парламента. Он не знал, как эти почтенные люди отнесутся к предложению провести день или целых два дня в Треллеборге, ожидая прибытия парохода с русскими эмигрантами. Ганецкий вычислил, что если эмигранты выехали восьмого, то они должны будут прибыть вечером одиннадцатого. Оставив все дела жене, он выехал из Стокгольма в Мальмё. Оттуда до Треллеборга был час езды. Пароход пришел и стоял у причала, но ни Ленина, ни других его спутников Ганецкий там не обнаружил. Он вернулся в Мальмё и провел там весь следующий день и ночь в ожидании вестей. Но так и не дождался. Он уж начал было воображать, что немцы сняли Ленина с поезда и расстреляли. Почти потеряв всякую надежду увидеть Ленина живым, 13 апреля Ганецкий решился на один ловкий ход. Представившись начальнику порта как сотрудник Красного Креста, на которого возложена обязанность принять русских эмигрантов, он настоятельно попросил его выяснить количество прибывающих пассажиров, для того чтобы забронировать для них места в гостинице. Поверив ему, начальник порта тотчас же отправил капитану парохода следующую радиограмму: «Господин Ганецкий спрашивает, едет ли Ульянов, сколько с ним мужчин, женщин и детей».

Через двадцать минут с борта парохода пришло сообщение: «Господин Ульянов приветствует господина Ганецкого и просит его купить железнодорожные билеты для мужчин, женщин и детей». Точного количества людей в своих воспоминаниях Ганецкий не указывает — к тому времени он успел эту цифру забыть.

Получив ответ, Ганецкий кинулся звонить по телефону своим друзьям в Мальмё и жене в Стокгольм, затем купил билеты на поезд и занялся поисками какого-нибудь ресторанчика, где можно было бы накормить путешественников. Оказалось, что его жена незадолго до этого получила телеграмму, в которой говорилось: «Мы приезжаем сегодня 6 часов Треллеборг. Платтен, Ульянов». Позднее этой телеграмме будут приписывать историческое значение, как первой весточке о том, что Ленин благополучно пересек территорию Германии. Но Ганецкий уже получил приветствие от Ленина с борта парохода, так что эта весть не была для него новостью. После всех приготовлений он отправился на пристань и стал ждать. Пароход запаздывал.

Море было неспокойное, волны качали пароход. Многие путешественники страдали морской болезнью. Ленин, Зиновьев, Радек и Миха Цхакая разумно предпочли место на капитанском

мостике, а не спустились в тесную общую каюту. В списке пассажиров они фигурировали под другими фамилиями, и капитан был сильно удивлен, получив телеграмму Ганецкого. Он стал спрашивать, есть ли на борту некий господин Ульянов. Ленин, боявшийся ареста с того момента, как пересек границу Германии и до самого прибытия в Петроград, естественно, встревожился. Он подумал, что его разыскивает шведская полиция, и поэтому спустился к себе в каюту, чтобы оттянуть тяжкую минуту, когда ему придется сдаться. Ганецкий так передает эти мгновения: «Ильич не сомневается, что его предположение оказалось правильным и его пришли задержать. Скрывать уже нечего, в море не выскочишь. Владимир Ильич называет себя».

Смеркалось, когда пароход причалил к пристани. Один за другим сошли на берег натерпевшиеся путешественники: лица серые от усталости, а у кого и зеленые, от морской болезни; кто с корзинками, кто с саквояжами, кто с котомками; дети плачут, кричат, матери стараются их успокоить… И если нашелся бы невольный свидетель, заметивший измученных скитальцев, сошедших с трапа парохода на берег в Треллеборге в тот пасмурный вечер под серым балтийским небом, он и на секунду не мог бы предположить, что это не бродяги, а самый настоящий боевой десант, который скоро, очень скоро захватит всю Россию.

Однако нельзя было терять ни минуты. Поезд в Мальмё отходил через четверть часа. Как всегда находчивый Ганецкий и тут нашел выход. Он прихватил с собой на всякий случай номер газеты «Politiken» с фотографией Ленина, подпись под которой гласила, что он является вождем русской революции. Ганецкий не преминул показать фото таможенникам, и это про извело на них должное впечатление. Они попросили его показать им, кто в этой группе Ленин, и даже не стали досматривать багаж. Путешественники сели в поезд. До Мальмё было рукой подать, и там их уже ждали. Шведские социал-демократы приготовили для них великолепный ужин — шведские смэргосы (закуски. — О.Н.). Изголодавшиеся за время долгого путешествия люди жадно набросились на еду. Но время снова поджимало. Трапеза в кафе гостиницы «Savoy» была непродолжительной. Они снова пустились в путь. Теперь им предстояло добраться поездом до Стокгольма.

И опять долгая дорога. Ленин смертельно устал, но спать ему не хотелось. Полночи он беседовал с попутчиками, задавал им вопросы, читал газеты, обсуждал революционную ситуацию в России, строил планы перерастания Февральской буржуазной революции в пролетарскую, а ДЛЯ него это был непреложный

факт, как то, что после ночи непременно наступит день. Ганецкий запомнил, что Ленин в своих рассуждениях особо выделял Керенского, личность, по мнению Ленина, таившую в себе угрозу для партии. Ленин считал, что за Керенским надлежало следить, и очень внимательно. Ганецкого это озадачило — ведь тогда Керенский еще не успел стать ведущей политической фигурой.

…было четыре часа утра, когда Ленина наконец уговорили лечь спать. Но спал он недолго. В восемь утра в поезд ворвалась ватага репортеров. Ленин проснулся, но от встречи с ними отказался. Журналистам было сказано, что по прибытии в Стокгольм для прессы будет сделано специальное заявление.

В десять утра поезд прибыл на Центральный вокзал в Стокгольме. В здании вокзала был вывешен красный флаг.

Прибывших короткими речами приветствовали бургомистр Стокгольма К. Линдхаген и депутат риксдага Ф. Стрём. После короткого митинга русских эмигрантов отвезли в отель «Regina». Ленин прежде всего вознамерился составить отчет о проделанном путешествии, под которым должны были поставить свои подписи все его участники. Таким образом, он надеялся заручиться еще одним документом, подтверждавшим, что никаких контактов с немцами в дороге не было. Пришлось несколько раз собираться, чтобы обсудить текущий момент. Послали телеграмму Чхеидзе — надо было выяснить, как Временное правительство относится к возвращению Ленина. В ответ им сообщили, что будут рады приветствовать на родной земле всех членов социал-демократической партии, за исключением тех, кто не является российскими подданными. Радек и Фриц Платген к тому времени уже считали себя русскими и потому решили и дальше ехать с Лениным. Они доехали до Торнео, где их не пропустили, и они вынуждены были вернуться.

Весь день в Стокгольме Ленин был на ногах. Он прошелся по книжным магазинам и возвратился в отель с кипами книг. Потом он участвовал в совместном совещании приехавших политэмигрантов и руководителей шведских левых социал-демократов, выступил с сообщением об обстоятельствах проезда через Германию. А. Л. Парвус, германский социал-шовинист, попросил Ленина о личной встрече, но ему было отказано. Ленин категорически не желал дать хотя бы малейший повод подозревать его в связи с немцами. Он попросил Ганецкого, Воровского и Радека запротоколировать этот факт.

Политэмигранты представляли собой убогое зрелище: одежда их износилась, пооборвалась. Решено было их приодеть, купить все новое. Как и следовало ожидать, Ленин решительно был против. Он наотрез отказался покупать себе новые вещи, заявив,

что не собирается одеваться, как денди; старая одежда его устраиваю, он к ней привык. Радек уговаривал его по крайней мере сменить обувь, купить новую пару ботинок, ведь башмаками, что были на нем, он будет уродовать мостовые Петрограда. Ленин сдался и купил себе новые ботинки. Но Радек не унимался. Он забраковал старые, изношенные брюки Ленина, его пиджак, а заодно и пальто, и рубашку, и галстук, и любимый котелок, который каждую весну трепетно доставали из нафталина и чистили. Ленин отбивался, как мог, но в душе знал, что сопротивление бесполезно. Правда, покупать новое пальто он отказался наотрез, зато купил себе новую шляпу из черного мягкого фетра с шелковой лентой.

На одной из центральных улиц Стокгольма большевиков поджидали кинооператоры. До нас дошла короткометражная лента, на которой Ленин и Карл Линдхаген вышагивают во главе небольшой группы русских эмигрантов. В руках у Ленина сложенный зонтик. Он идет широкими шагами, еле поспевая за огромным, длинноногим Линдхагеном. Позади него поспешает Крупская, несколько напоминая собой мешок с картошкой, увенчанный широкополой шляпой, из тех, что тогда вошли в моду. Заметно, что все они в большой спешке.

Ленин решил уже вечерним поездом выехать в Финляндию. Он не собирался терять ни секунды. Из русских газет, и особенно из «Правды», ему было ясно, что назрел момент ДЛЯ более резкой, откровенной пропаганды; та пропаганда, которую вели социал-демократы в России, его явно не удовлетворяла. Ленина категорически не устраивали их умеренные взгляды. Он считал, что пришло время боевых действий. Особенно его раздражала статья Каменева, в которой, по его мнению, совершенно отсутствовало понимание момента. Ленин находился в таком нетерпении, что почти не слушал здравицы шведских социал-демократов в свою честь на торжественном обеде, устроенном ДЛЯ русских гостеприимными хозяевами.

Снова они в пути; еще три дня жизни на колесах, и поезд привезет их в Петроград. А пока — поезд медленно тащился, огибая Ботнический залив, и Ленин буквально изнывал от нетерпения. Он читал, делал записи, с безнадежной тоской глядя в окна вагона. В Торнео, на границе Швеции и Финляндии, им был уготован неожиданный удар. Граница в том месте охранялась английскими и русскими пограничниками. Как пишет Миха Цхакая, англичане не были расположены пропускать русских эмигрантов. Их по одному выводили из поезда, допрашивали, осматривали их багаж и заставили заполнять опросные листы. Опросный лист Ленина сохранился. В графе, где надо было

указать свое вероисповедание, он дипломатично ответил, что принадлежит к Русской Православной Церкви. Ниже приводится целиком вся анкета:

> «Имя, отчество, фамилия и звание: Владимир Ильич Ульянов.
>
> Откуда едет — подробно указать: Из Стокгольма (Швеция) (Hotel «Regina». Стокгольм).
>
> Лета, национальность и вероисповедание: Родился 10 апреля 1870 г. в Симбирске; русский, православный.
>
> С какой целью ездил за границу: Политический эмигрант. Выехал за границу нелегально.
>
> Остановится ли в Финляндии: Не предполагаю останавливаться.
>
> В какой город едет, указать адрес: Петроград. Адрес сестры Марии Ильиничны Ульяновой: Широкая ул., д. 48/9, кв. 24.
>
> Чем занимается, профессия: журналист.
>
> Пассажир: Владимир Ульянов».

Ответы были сочтены удовлетворительными; на обороте анкеты помечено, что виза была выдана русским консульством в Стокгольме. Оставалось только дать телеграмму сестрам Марии и Анне: «Приезжаем понедельник, ночью, 11. Сообщите «Правде». Ульянов».

И вот все преграды позади. Изгнанники могли свободно вернуться в Россию. Ленин, сохранявший спокойствие во время проверок и допросов, теперь заметно волновался. Он вдруг рассмеялся. Видно было, что он счастлив, что он торжествует. Повернувшись к Михе Цхакая, Ленин обнял его и сказал: «Все наши испытания позади, товарищ Миха! Мы в своей стране, и всем им докажем, что мы достойные хозяева будущего!» Произнеся эти слова, он кому-то погрозил кулаком.

Они ехали по Финляндии. В то время Финляндия была в составе России. Признаки российского присутствия были узнаваемы на каждом шагу. «Было уже все свое, милое, — писала Крупская. — Плохонькие вагоны третьего класса, русские солдаты. Ужасно хорошо было». Солдаты оказались общительными. Они расхаживали взад-вперед по вагону и по несколько человек набивались в купе к Ленину. Маленький Роберт не отходил от них. Крупская за время путешествия привязалась к мальчику и души в нем не чаяла. Теперь он сидел на руках у бородатого солдата, обнимая его за шею, щебетал по-французски и уплетал вкусный кулич, которым угостил его солдат по случаю Пасхи. На каждой станции Григорий Усиевич

высовывался в окно и кричал солдатам, толпившимся на платформе: «Да здравствует всемирная революция!» Они отвечали ему недоумевающими взглядами.

Так получилось, что первый митинг на русской земле Ленин устроил прямо в поезде, по дороге в Петроград. Началось с того, что он поручил Михе Цхакая объяснить солдатам, зачем русские политэмигранты возвращаются в Россию и что они дальше намерены предпринимать. Солдаты стали спорить между собой; многие из них были против войны и с горечью рассказывали, какие страдания принесла людям эта война. Среди них был бледнолицый молодой офицер. Он молча слушал, что говорилось кругом, а потом, когда Ленин и Крупская, решив, что им лучше уйти, удалились в пустое купе, он подсел к ним. Ему хотелось знать, почему они против Временного правительства и за заключение мира; ведь как истинно русские люди они должны понимать, что войну с проклятыми германцами необходимо продолжить. У Ленина, как и у его собеседника, не было ни кровинки в лице. Он был изнурен бесконечной дорогой и, кроме того, беседуя с офицером, осознавал, что тот может, не задумываясь, сдать его военно-полевому суду. Но тут солдаты опять заполнили купе, окружили Ленина. Некоторые даже встали ногами на полки, чтобы лучше его видеть. А он продолжал разоблачать «грабительскую войну, развязанную империалистами», и говорил, что пора положить ей конец. Так в дебатах и спорах прошел весь день, и к концу его Ленин уже твердо знал, что может быть спокоен: солдаты были на его стороне, а вот офицера переубедить ему так и не удалось.

Было около девяти часов вечера, когда поезд прибыл на станцию Белоостров, пограничный пункт между Финляндией и Россией. Здесь поезда обычно стояли минут пятнадцать для таможенного досмотра. Ленин глянул в окно и удивился. Там, на тускло освещенном перроне, он увидел огромную толпу. Это были рабочие. Их было, наверное, около сотни, и они скандировали его имя. Тут он заметил среди них Каменева, Шляпникова, Александру Коллонтай и Марию Ильиничну. Он не мог понять, что они делают на этой станции. Но в это время Шляпников вошел в купе и объяснил, что накануне получил телеграмму от Ганецкого. Большевики Петрограда уже предупреждены о приезде Ленина, а рабочие Сестрорецка вызвались встретить его на границе. Ленина все еще беспокоила возможность ареста, и он спросил, не арестуют ли его в Петрограде. Встречавшие улыбнулись. Уж они-то знали, что Ленину заготовлена такая встреча, что арест просто невозможен.

Позднее Сталин любил рассказывать, будто и он был в числе

встречавших Ленина. Он даже заказал советским художникам несколько больших полотен, на которых Ленин был изображен спускающимся с поезда на станции Белоостров, а он, Сталин, — стоящим на ступеньке чуть повыше Ленина. Описывая революционные события, историки сталинского времени были обязаны подчеркивать, что именно Сталин был первым, кто встретил приехавшего из-за границы Ленина. Со временем даже сам Сталин поверил в этот миф и, повествуя о том, как он встречал вождя, всегда говорил о себе в третьем лице. Скорее всего, его там не было. Был ли, не был ли — его никто там не видел. Во всяком случае, в партийной литературе не попадалось никаких упоминаний об этом до тех пор, пока Сталин не взялся переписывать историю.

Рабочие настояли на том, чтобы Ленин вышел к ним на платформу. Несмотря на его сопротивление, рабочие подняли Ленина на плечи и понесли в зал ожидания. Его еще никогда в жизни так бурно не встречали, и он разволновался. «Тише, товарищи, ну что вы, осторожно, товарищи!» — повторял он. Рабочие поставили его на ноги и попросили, чтобы он произнес речь. Речь была очень короткая. Он сказал, что пора прекратить империалистическую кровавую бойню, и призвал рабочих объединиться против Временного правительства. Рабочие тесным кольцом окружили Ленина, чтобы полиция его не видела. Точно так же, как его взяли в кольцо политэмигранты на границе с Германией. Любопытно, что здесь, в тридцати километрах от Петрограда, рабочие повторили этот маневр. Александр Афанасьев, рабочий военного завода в Сестрорецке, вспоминал: «Мы все стояли вокруг и радовались, как дети».

Пограничники велели всем пассажирам пройти в зал для проверки паспортов. Это была последняя неприятная процедура на их пути, и Ленин прекрасно понимал, что могут возникнуть непредвиденные сложности, чреватые опасными для него последствиями. Ленин не ожидал ничего хорошего от бюрократов в форме пограничников, которые к тому же наверняка были агентами тайной полиции. Но, к счастью, виза, выданная ему в русском консульстве в Стокгольме и заверенная печатью генерального консула, оказалась безупречной, и ему было предложено вернуться в поезд. Рабочие все еще толпились на платформе, и когда Ленин появился у окна, они стали приветствовать его криками и размахивать кепками. Поезд тронулся, и политэмигранты во весь голос затянули «Интернационал». Они еще толком не знали, что их ждет в Петрограде.

Триумфальное прибытие Ленина на станцию Белоостров

стало, по сути, началом его завоевания России. Это было странное начало, ведь петроградские большевики до сих пор слышали только его имя и понятия не имели, какой он. Они прочли его «Письмо из далека», напечатанное в «Правде»; они слышали о революционере с железной волей, который провел много лет в изгнании и посвятил свою жизнь революции. Но вряд ли среди них нашелся бы человек, который знал о нем больше. Большевики Петрограда, даже те, кто занимал высокое положение в партии, воспринимали Ленина лишь как легендарную личность, чьи статьи, появлявшиеся время от времени в партийной прессе, ошеломляли тем, что предлагали простейшие решения самых сложных проблем. Его не было в России более десяти лет, и последователей на родине у него было совсем мало, Однако с момента появления Ленина в России его уже воспринимали как потенциального вождя. Почему?

Разгадка этому, наверное, кроется в его собственных словах, адресованных Каменеву, когда они встретились в вагоне поезда на станции Белоостров. За три недели до этого Каменев вернулся в Петроград из сибирской ссылки и возглавил редакционную коллегию газеты «Правда». По натуре своей он был человек мягкий, спокойный. Он терпеть не мог, более того, бесконечно презирал экстремистов любого толка; в партии большевиков он представлял течение умеренных. Ленин встретил его недружелюбно и прямо-таки накинулся на Каменева: «Что это вы там пишете в «Правде»? Мы прочли несколько номеров и просто вас проклинали!» Проклинал его только один Ленин, который давно взял на себя роль карающей десницы, высшего судьи, облеченного правом уличать простых смертных в грехах и сурово их наказывать. И вот он пришел, наконец, к ним из своего таинственного далека, чтобы вершить суд над неправыми. Ими оказались те, кто продолжал вести преступную войну, потому что видели в ней для себя корысть. Его пронзительный, резкий голос звучал, как глас новоявленного пророка, предвещавшего социалистическую революцию и гром небесный. Все, кому не лень, занимались тем, что искали козла отпущения. Все искали, и только он один нашел. Козлом отпущения, по Ленину, было все государство в целом, и он пришел, чтобы его разрушить.

Только так, вероятно, и можно объяснить тот необузданный восторг, с которым он был встречен на российской земле. Разумеется, рабочие-большевики заранее подготовили сценарий встречи Ленина, сумев привлечь значительные силы. Но надо признать, что люди были искренне взволнованы встречей с ним и рады были приветствовать его. Для них он стал человеком, который определил их отношение к войне, к обществу. Его

взгляды нашли отклик среди рабочих, недовольных тем, как медленно продвигаются реформы, обещанные Февральской революцией. Они желали порвать связь с прошлым и начать все сначала. Появление Ленина на политической сцене было для них равносильно появлению нового мессии. Лучшего момента для этого нельзя было и придумать: праздновали Пасху.

Шляпников отлично справился с заданием, возложенным на него партией. Он послал своих гонцов к матросам Балтийского флота и попросил их выделить отряд для почетного караула. В рабочие кварталы были направлены свои люди с грузовиками, которые должны были оповестить рабочих и доставить их в назначенное место. Заметим при этом, что в тот день газеты не выходили. Рабочие заполнили грузовики и, размахивая красными флагами, поехали на Финляндский вокзал. Там были заранее сооружены подобия триумфальных арок, украшенных красными и золотыми лентами, на которых были начертаны революционные лозунги. К вокзальной площади подтянулись несколько броневиков, приписанных к штабу большевиков. Штаб находился во дворце Кшесинской. Нашлись свои люди и в Петропавловской крепости, из тех, что состояли при прожекторах. Им было велено ждать сигнала и, получив его, направить лучи прожекторов на площадь. Пригласили даже оркестр, который должен был стоять именно в том месте, где Ленин будет сходить с поезда. Для координации торжественного действа создали специальные комитеты. Около суток большевики лихорадочно готовились к приезду малоизвестного теоретика, который вот уже целую неделю ехал к ним, пересекая одну за другой границы европейских стран, и все это время терзался мыслью, а не арестуют ли его, едва он ступит на перрон Финляндского вокзала.

Когда, попыхивая паром, поезд наконец вошел под крышу вокзала, Ленин застыл от изумления. Он увидел на перроне солдат и матросов, вытянувшихся в струнку в почетном карауле с офицерами во главе. Они представляли Московский и Преображенский полки, красногвардейцев и моряков Балтийского флота. Позади них стояли рабочие со знаменами. Вся вокзальная площадь и прилегающие к ней улицы были запружены людьми, которые держали в руках флаги и зажженные факелы. Почти все они провели здесь несколько часов в ожидании его прибытия. Люди были утомлены, их терпению приходил конец. Нервы у всех были так напряжены, что любой толчок мог стать поводом для беспорядков. Обстановка все больше накалялась. Если бы Ленин, выйдя из поезда, скомандовал толпе: «Сожгите Зимний дворец!» — от дворца осталось бы пепелище.

В одиннадцать часов десять минут вечера Ленин ступил на

перрон Финляндского вокзала. Неизвестно, что он сразу произнес, потому что его слова заглушил оркестр, грянувший во всю мощь «Марсельезу». Щеголеватый молодой офицер по фамилии Максимов, командовавший отрядом балтийских моряков, был первым, кто приветствовал Ленина в Петрограде. Максимов лихо отсалютовал ему, и, к своему удивлению, Ленин ответил офицеру, повторив то же движение. Сопровождаемый Максимовым, он прошел вдоль шеренги балтийских моряков. Казалось, он их не видит; когда молодой офицер любезно выразил надежду, что Ленин поддержит Временное правительство, он промолчал, как бы не слыша его слов. Офицер продолжал рассыпаться в любезностях, оркестр играл, люди выкрикивали приветствия. Ленин шел, словно окаменевший, — он как будто не мог понять, что же это вокруг него делается, а может быть, не хотел этого понимать, ведь он не терпел пышных церемоний. Но худшее было еще впереди. Его провели в бывший императорский зал ожидания, где он был встречен Чхеидзе, Соболевым и Сухановым, представлявшими Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Суханов, один из талантливейших журналистов своего времени, так описывал происходящее в своем дневнике:

«Нам пришлось очень долго ждать, потому что поезд сильно опаздывал, но в конце концов он прибыл. С платформы раздался оглушительный рев «Марсельезы» и крики приветствий. Мы слышали, как они шагали по платформе под триумфальными арками вдоль рядов выстроившихся рабочих, солдат и матросов, и, не смолкая, играл оркестр. Чхеидзе с угрюмым видом поднялся и вышел на середину зала; мы последовали за ним, готовые к приему Ленина. Не мне описывать, что это был за прием, — сцена заслуживала более достойного пера.

В дверях показался Шляпников, исполнявший обязанности церемениймейстера. Он с важностью поспешал впереди, имея вид особо приближенного ко двору полицейского генерала, удостоенного чести объявить о приезде губернатора. Он то и дело выкрикивал повелительным тоном: «Позвольте, товарищи, позвольте! Дайте дорогу! Очистите дорогу, пожалуйста!» — хотя в этом не было никакой видимой необходимости.

Вслед за Шляпниковым появилась небольшая группа людей, которую возглавлял Ленин. Позади них громко захлопнулась дверь. Ленин вошел, точнее, вбежал в бывший императорский зал. На нем была круглая шляпа; бросалось в глаза ледяное, застывшее выражение его лица; в руках он держал роскошный букет цветов. Ленин рванулся к центру зала и, добежав до Чхеидзе, вдруг замер, словно на его пути возникло неожиданное

препятствие. Тогда Чхеидзе, все с тем же очень угрюмым видом, менторским тоном произнес следующую «приветственную речь», вполне выдержанную, как по стилю, так и по содержанию, в духе нравоучительной проповеди:

«Товарищ Ленин, от имени Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и всей революции добро пожаловать в Россию… но мы надеемся, вы понимаете, что основной задачей революционной демократии в настоящий момент является защита нашей революции от всякого рода нападок со стороны как внутренних врагов, так и внешних. Мы считаем, что не разъединение теперь нам необходимо, а наоборот, сплочение рядов всех демократических сил. Мы надеемся, что эти задачи станут для нас с вами общими».

Чхеидзе умолк. У меня перехватило дыхание. Что будет дальше? Как воспримет Ленин такое «приветствие»? И многозначительное «но»? Однако, судя по всему, Ленин отлично знал, как ему следовало реагировать. Он стоял посередине зала с видом человека постороннего, не имевшего ни малейшего отношения к тому, что происходило вокруг него; вертел головой в разные стороны, вглядывался в лица людей, рассматривал потолок императорского зала и одновременно старался справиться с огромным букетом цветов, который был у него в руках (и который никак не вязался со всем его внешним обликом); а потом, внезапно отвернувшись от делегатов Исполнительного комитета, он «ответил» на приветствие следующими словами:

«Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победоносную русскую революцию! Я приветствую вас как авангард всемирной армии пролетариата. Грабительская империалистическая война является началом гражданской войны во всей Европе. Недалек тот час, когда по призыву нашего товарища Карла Либкнехта народ Германии повернет штыки против эксплуататоров капиталистов. Солнце мировой социалистической революции уже взошло. В Германии зреет для этого почва. Теперь день за днем мы будем наблюдать крушение европейского империализма. Совершенная вами русская революция подготовила и открыла дорогу новой эре. Да здравствует всемирная социалистическая революция!»

Конечно, это не было ответом на «приветственную речь» Чхеидзе. То, что он говорил, полностью выпадало из контекста русской революции в том смысле, в каком ее понимали люди, принимавшие в ней участие или бывшие ее непосредственными свидетелями. Это было что-то необычайное! Вдруг перед нашими глазами, перед всеми нами, блеснул яркий, ослепительный свет,

который всех нас, замороченных повседневными революционными трудами, поразил.

Все, чем мы жили раньше, показалось нам серым, тусклым. Голос Ленина, вещавший нам неожиданные истины, звучал, как глас надмирный. В наше существо, в гущу революции ворвалась музыка, которая не то чтобы звучала диссонансом; она была новой, слишком резкой для наших ушей, она ошеломляла».

Разумеется, это далеко не полное описание того, как происходила встреча Ленина в императорском зале, где он поправлял букет, поднесенный ему Александрой Коллонтай, и разглядывал потолок. В том зале в это время происходило и то, о чем Суханов умолчал. Для одних это был момент беспокойства и огорчений, для других — бурного ликования. Чхеидзе, вовсе не такой уж неприятный господин, каким его рисует Суханов, имел серьезные причины для грусти. В тот день он, больной, еле встал с постели, чтобы похоронить своего сына. Изначально приветствовать Ленина на вокзале было предложено Церетели,[38] но он наотрез отказался. И речь Чхеидзе вовсе не напоминала нравоучительную проповедь перед учениками воскресной школы. Дело в том, что Чхеидзе великолепно знал, что Ленин приехал в Россию для того, чтобы покончить с Февральской революцией, и призыв Чхеидзе защищать революцию как от внутренних врагов, так и от внешних следовало понимать в самом прямом смысле, то есть как предупреждение и как отчаянную мольбу не отнимать завоеванного. В своей «Истории русской революции» Троцкий, комментируя эту сцену, пишет: «Чхеидзе, произнося приветственную речь, многое недоговаривал. Он немного побаивался Ленина». Но и Троцкий не говорит всего. Чхеидзе слишком хорошо понимал, кто такой Ленин, и был смертельно напуган.

То, что произошло дальше, должно было только усугубить его страхи. Распахнув стеклянные двери, в зал ворвались солдаты и матросы. Они бросились к Ленину, подхватили его и понесли на привокзальнУЮ площадь. Там уже шарили по головам толпы прожекторы, освещая целый лес алых знамен с лозунгами, выписанными на них золотыми буквами. Казалось, все люди на площади скандируют имя Ленина. Вовсю играли оркестры. На какое-то мгновение Ленин вдруг исчез из вида, но тут же появился: он стоял на башне броневика. Его туда подняли несшие его матросы. Было заметно, как он переминается с ноги на ногу, — то ли ему было холодно, то ли он испытывал броню на прочность. Лучи прожекторов сошлись на нем, и каждому на площади стал виден худой, маленький человек с непокрытой головой, стоявший высоко над ними, окруженный сиянием

направленных на него прожекторов, наподобие явившегося к ним с небес пророка в славе. Его пальто было распахнуто, черная шляпа засунута в карман пальто, руки были свободны и сжаты в кулаки.

С минуту он молчал, ожидая, когда толпа успокоится. А затем, откинув голову назад, он пронзительным голосом начал выкрикивать приветствия, в первую очередь — революционному пролетариату, за пролетариатом — революционным солдатам и матросам, которые не только освободили Россию от царского деспотизма, но и расчистили дорогу для грядущей социалистической революции в России. Теперь социалистическая революция должна неминуемо охватить весь мир. «Да здравствует мировая социалистическая революция!» — крикнул он, и все, кто расслышал его слова, подхватили этот лозунг вслед за ним.

Ленин стоял на башне броневика еще какое-то время, ослепленный лучами прожекторов, притоптывая ногами и чуть раскачиваясь, как будто собирался удариться в неведомую доселе плясовую. Он широко улыбался. Горячий прием взбодрил его, усталость прошла.

Этого момента он ждал всю жизнь.

Завоевание власти

Мы все уничтожим и на уничтоженном воздвигнем наш храм! И это будет храм всеобщего счастья!

В. И. Ленин. Из беседы с Георгием Соломоном

Апрельские тезисы

В прошлые времена, когда завоеватель возвращался из похода, он въезжал в город в свете белого дня, триумфальным маршем, и огромная процессия тянулась за ним по улицам — все его войско, а позади — закованные в цепи шли пленные заложники. Иногда шествие замедляло ход, и триумфаторы останавливались перед святынями, чтобы поклониться им и принести жертвы. Слов было мало, ибо правители не кормили подданных своих разговорами, держали народ на расстоянии, и восторженные приветствия выражались в том, что люди закидывали своих героев цветами. Триумфальное шествие, которое было устроено для Ленина, вообще не имело аналога в истории. Оно происходило в самые страшные дни войны, когда армия развалилась, о победах нечего было и мечтать, а завоеватель как таковой сроду не держал в руке меча и никогда не нюхал пороха на поле битвы. Его заложниками были рабочие Петрограда, а ритуальные действа перед местами поклонения святыням были заменены краткими митингами на уличных перекрестках, где процессия ненадолго приостанавливалась. Был понедельник святой Пасхальной недели. В ту ночь, когда он как завоеватель въезжал в Петроград, казалось, все общепринятые нормы человеческого поведения были отменены. Было ощущение, как будто на этом кончилась история и начинается совершенно иной отсчет времени.

Все, что происходило вокруг этого странного пришествия, было словно наполнено таинственной символикой. Аспидно-черное небо прорезали лучи прожекторов; вдоль улиц зловещими истуканами выстроились красногвардейцы; медленно, как на похоронах, ползли броневики. На перекрестках Ленин в

очередной раз взбирался на башню броневика, чтобы еще раз возвестить люду, что прежний мир опрокинут и теперь ему на смену грядет новый, доселе невиданный. Слова были загадочные, их смысл был непонятен, ну разве что очень смутно. Совершалось некое ритуальное действо, и рабочие, тысячи которых в ту ночь составляли процессию, не вполне понимали, что происходит.

С Финляндского вокзала процессия направилась через Сампсониевский мост ко дворцу Матильды Кшесинской. В этом великолепном, построенном в изысканном стиле дворце еще два месяца назад жила прима-балерина императорской балетной труппы, возлюбленная великого князя Андрея Владимировича. Большевики превратили ее дворец в свой штаб. Он занимал выгодную стратегическую позицию, будучи расположен на берегу Невы поблизости от Петропавловской крепости и Троицкого моста, который вел в самый центр Петрограда. Здесь, под изумительной росписью потолков, под хрустальными люстрами, среди китайских ваз и мраморных широких лестниц, большевики вынашивали планы своей революции. Вся изящная мебель была вынесена из залов, ее заменили простые кухонные столы, лавки и стулья.

Короткое расстояние от вокзала до дворца процессия одолела за час. Была половина первого ночи. На верхнем этаже все было готово для скромного, но тем не менее торжественного чаепития в честь прибывших. Кто-то из членов социал-демократической партии должен был выступать с приветственными речами, а молодые женщины в это время должны были разливать чай из кипящих самоваров. Ленину эти церемонии были ни к чему. Ему не терпелось сразу же перейти к делу — обсуждению революционной тактики. Из толпы вокруг дворца раздавались крики — его хотели видеть, и время от времени он выходил на узкий балкон, на котором висели красные флаги.

— Капиталистические хищники… — охрипшим голосом кричал Ленин в толпу. — …Истребление народов Европы ради получения барышей кучкой эксплуататоров… Защита отечества означает защиту одной банды капиталистов от другой!

Солдат, который слушал его, опираясь на ствол ружья, закричал ему в ответ:

— На штык такого мужика! Что ж такое? Что он говорит? Пусть только спустится сюда, я ему покажу! Он, точно, сам германец! Его надо…

Но солдат не сдвинулся с места, несмотря на свою угрозу «показать ему», а так и остался стоять, опираясь на ружье. Он, как и все другие в толпе, был оглушен, сбит с толку; человек на балконе завораживал людей. Он говорил просто, самыми

простыми словами, но в его словах было столько неистовой силы, убежденности и напора, что ему невольно подчинялись.

Торжественное чаепитие все же состоялось. Как и полагается, все должные приветствия были произнесены. Ленин был встречен громом аплодисментов. Появление Зиновьева вызвало лишь вежливые хлопки. Когда поток приветствий иссяк, поднялся Ленин. Напрасно от него ждали традиционной ответной речи, в которой он, казалось бы, должен был выразить товарищам по партии благодарность за теплый прием. Вместо этого они услышали такое, что все застыли, как громом пораженные. Они сидели не шевелясь, не дыша — так замирают, прижавшись к земле, перебегающие дорогу зайцы, застигнутые врасплох резким светом автомобильных фар.

Ленин говорил, стоя у стены, а остальные сидели перед ним полукругом. Смысл речи был такой: нельзя терять ни минуты; первый этап революции завершен, второй должен последовать незамедлительно; созданную в феврале республику надо уничтожить, а всю власть передать Советам, которые являются единственно возможной формой революционного правительства; земля и банки должны быть национализированы, имущество помещиков и аристократов конфисковано; пора отбросить старое, изжившее себя название «социал-демократическая партия» и называть себя отныне коммунистами. Иногда он позволял себе, отступив от темы, грубовато пошутить. Например, сказал, что по дороге в Петроград, в поезде, он и его товарищи уже были готовы прямо с вокзала отправиться в Петропавловскую крепость. Однако все вышло совсем не так. «Давайте не будем успокаиваться на мысли, что эта участь для нас уже позади».

Жена Суханова занимала видное положение в большевистской фракции, а сам он был дружен с Горьким и лично знал многих большевиков. Потому-то ему и было позволено присутствовать на этой встрече во дворце Кшесинской. Его, как и всех прочих, речь Ленина ошеломила своей силой и напором и еще — чудовищными проектами, им изложенными, последствия которых были непредсказуемы. «Он бил, бил, бил в одну цель, пока, наконец, не сломил их всех», — писал Суханов. В зале присутствовало около тридцати человек, и все они, за исключением Суханова, были далеко не новичками в партии. Они слушали Ленина молча, ловя каждое его слово, как школьники на уроке. По мере того как он разворачивал свои мысли, их лица менялись, в них появилась твердость, глаза зажигались решимостью — видно было, что они уже готовы выполнить его волю. Он учил их, как взять власть в свои руки, как передать ее Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, объяснял,

каким образом новые вожди добьются «демократического» мира. Суханов не представлял, как эти Советы будут взаимодействовать, осуществляя власть. К тому же еще не было создано ни одного Совета крестьянских депутатов, и Суханов сомневался в том, что они будут созданы. А если они и возникнут, как они будут осуществлять власть, гадал журналист. Зато он прекрасно понял, что Ленин выступает за государство без государства, за некое сообщество самостоятельных коммун. Но ведь еще полвека назад эту идею выдвинули анархисты и всегда отстаивали ее. Суханов отметил поразительное безразличие Ленина к состоянию российской экономики. «Он все еще чувствует себя за границей», — подумал он. Конечно, все это была чистая импровизация, фантазия, но было очевидно, что каждое отдельное слово, каждая фраза, каждая мысль были тщательно заранее продуманы и сформулированы, что эти идеи занимали Ленина давно, что он посвятил им уйму времени и не однажды отстаивал в спорах. В ленинской речи многое не сходилось, теория странным образом не соответствовала практическому ее приложению. Казалось бы, он одобрял созыв Учредительного собрания, но в то же время отвергал идею парламентарного правления. «Нам не нужна никакая парламентская республика! Нам не нужна буржуазная демократия!» — заявлял он. Ленин говорил целых два часа. Уже вставало солнце, когда они наконец разошлись по домам. Суханов отправился к себе на квартиру, на Карповку. «Я чувствовал себя так, как будто меня били по голове цепами. Было ясно одно: мне, человеку свободному, с Лениным не по пути. С наслаждением я вдыхал утренний воздух, такой свежий по весне. Рассветало, занимался новый день».

Ленин с Крупской должны были ночевать у Марка Елизарова, мужа сестры Ленина Анны. Он жил на улице Широкой, тут же, на Петроградской стороне. И Анна, и Мария уже были там и с радостью встретили родных. Приемный сын Анны повесил над их кроватями плакаты с лозунгом из «Коммунистического манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Ленин и Крупская тут же легли спать. «Все было настолько ясно, что слова были излишни», — писала позже Крупская.

А ясно было то, что партия теперь была окончательно в руках Ленина.

На следующее утро большевики планировали провести в Таврическом дворце собрание участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. В суматохе встречи они забыли сказать об этом Ленину, а когда спохватились, стали думать: дать ему выспаться или послать к нему делегацию, чтобы его разбудили. Но вспомнив, как он

говорил накануне о неотложных задачах, стоящих перед партией, они решили послать делегацию — все-таки он вождь партии, и никто из делегатов не обладал таким авторитетом, чтобы выступать от его имени. К тому же делегатам совещания предстояло обсудить вопрос о слиянии всех фракций в одну партию. Взгляды Ленина пока что были известны только тридцати партийцам, которые присутствовали на собрании во дворце Кшесинской, закончившемся рано утром. Необходимо было довести его мнение до сведения рядовых членов партии.

Ленин проснулся в десять часов утра, и очень скоро после этого к нему прибыла делегация. До сих пор, выступая на ту или иную тему, он часто импровизировал: то расскажет, каким должно быть революционное государство, то выдвинет теорию следующего этапа борьбы за власть. И вот назрела необходимость придать этим идеям форму, пункт за пунктом выстроить в логической последовательности все, что вызрело в его сознании. Короче говоря, необходимо было начертать революционную программу, в основу которой должны были лечь ранее озвученные им, но еще не легшие на бумагу тезисы. Он тут же взялся за перо и набросал чернилами подзаголовки своей новой программы. Подробно развивать программу у него не было времени, и было решено, что, пока он будет говорить, два товарища будут записывать его слова. Чтобы не сбиться, Ленин сделал себе шпаргалку — на небольшом листке бумаги мелким почерком изложил сжатый план выступления. Именно в этом клочке бумаги сосредоточились основные его мысли: здесь были зафиксированы этапы, которые, как он полагал, должны были привести человечество к новому мировому порядку.

По своему значению этот листок бумаги можно поставить в один ряд с Великой хартией вольностей или с американской Декларацией независимости. Но последствия… Они превзошли все ожидания. Подобно запущенному в озеро камню, после чего еще долго-долго расходятся по воде круги, документ этот будет постоянно будоражить и мутить человеческое сознание, распространяя по всему миру заложенные в нем идеи. За всю свою жизнь Ленин не написал странички, подобной этой, — странички, которая обладала бы столь многообещающей разрушительной силой.

ТЕЗИСЫ:

1) Отношение к войне.

Никаких уступок «революционному оборончеству».

2) «Требование от Временного правительства» «отказа от завоеваний». (α) Отношение к Временному правительству.

(β) » » Советам рабочих депутатов.

2 *b i s*) Критика Советов рабочих депутатов.

3) Не парламентарная республика, а республика Советов рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских депутатов.

(α) Уничтожение армии, чиновничества, полиции.
(β) Плата чиновникам.

4) Своеобразие задач пропаганды, агитации и организации в период перехода от первого этапа революции ко второму. Максимум легальности.

Добросовестные, но обманываемые буржуазией сторонники *только* «войны по необходимости» «войны не из-за завоеваний» и их обман буржуазией.

5) Аграрная программа.

(α) Национализация. (Конфискация всех помещичьих земель).

(β) «Образцовые хозяйства» из каждого крупного имения под контролем Совета батрацких депутатов.

\+ (γ) Центр тяжести в Советах батрацких депутатов.

6) Один банк под контролем Советов рабочих депутатов.

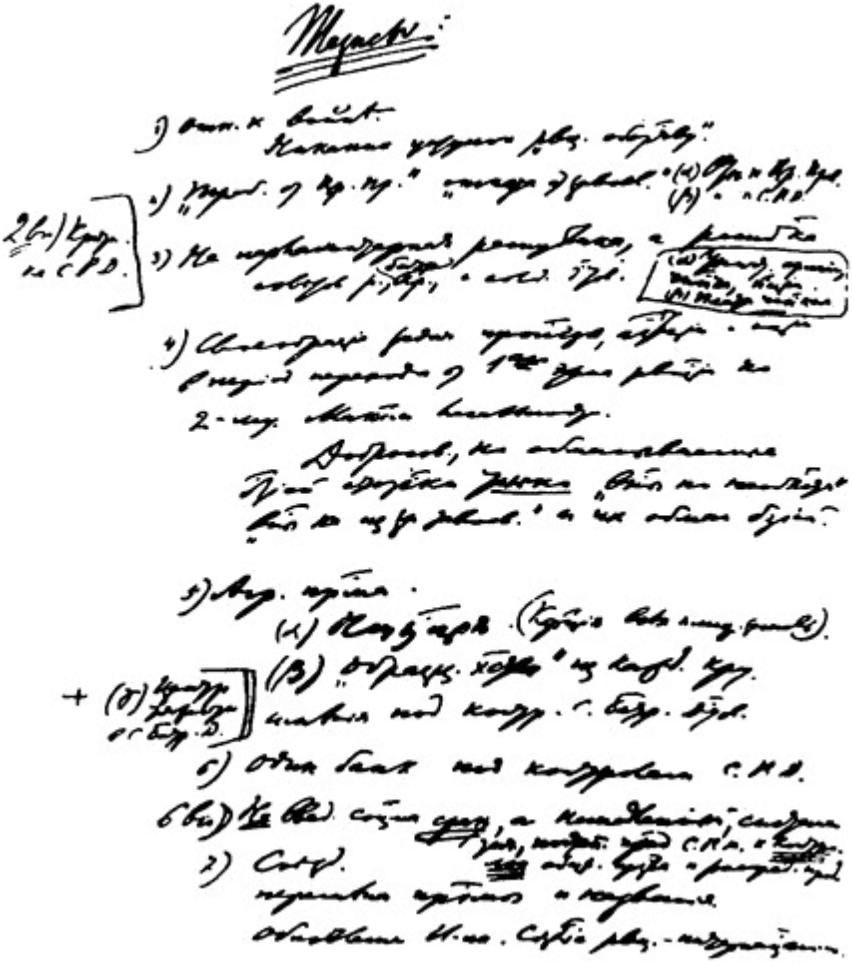
6 bis) *Не* введение социализма *сразу*, а немедленный, систематический, постепенный переход Советов рабочих депутатов к контролю общественного производства и распределения продуктов.

7) Съезд.

Перемена программы и названия.

Обновление Интернационала. Создание революционно-интернационального... *

[39]

«Апрельские тезисы» — за всю свою жизнь Ленин не написал странички, подобной этой, которая обладала бы столь многообещающей разрушительной силой.

Таковы были тезисы, набросанные Лениным в спешке тем утром, на следующий день после его прибытия в Петроград. Он так сокращает слова, что прочесть их удается с большим трудом. Мысли его разбросаны там-сям по странице, но впечатление это ошибочно. Именно так расположенные, они приобретают особую силу. Он объявляет программу, специально рассчитанную на то, чтобы возмутить все другие революционные партии, чтобы порвать с ними, чтобы уничтожить их; ведь революция должна влиться в русло, проторенное исключительно им, и больше никем. И только походя, как бы между прочим, он объявляет об

отмене армии, чиновничества, полиции.

В наши дни этот листочек бумаги, уникальный по своему значению, выставлен как ценный экспонат в Центральном музее Ленина в Москве. Его обрамляет тяжелая рама, затянутая в красный бархат. Наверное, он того заслуживает. И дело не только в том, что ни один из документов XX века не имел столь громадного воздействия на человечество, населяющее нашу планету, как этот, а еще и в том, что ни одна из его работ не обнаруживает с такой очевидностью силу Ленина, но одновременно и его слабость. В каком-то смысле эта нервно исписанная страничка является своего рода великолепным портретом Ленина, но как бы в абстрактном стиле.

«Апрельские тезисы», как их позже назвали, отличаются тем, что в них все проблемы заострены до предела. На этот раз формальный язык социалистических лозунгов, пусть местами неточный, страдающий повторами, начинает звучать как нешуточная угроза, приобретая очень опасный смысл. Еще бы! На одной-единственной страничке Ленин предписывает уничтожить российское государство, в котором, между прочим, сам живет и дышит. Тема разрушения пронизывает тезисы: парламент отменяется, как, впрочем, и республика; одним ударом уничтожаются армия, чиновничество, полиция; банки закрываются, земля отнимается у тех, кто ею владеет. Социализм тоже отменяется или откладывается на неопределенное время. Потому что единственная задача — это контроль над средствами производства, который будет осуществлять Совет рабочих депутатов. Социал-демократическая партия прекращает свое существование, теперь ее заменит коммунистическая партия. Самая первая фраза: «Никаких уступок «революционному оборончеству»» — означает, что война тоже отменяется.

В полдень, когда он выступал на заседании, проходившем на хорах Таврического дворца, семь приведенных выше тезисов разрослись до десяти. Кое-что ему пришлось дополнить, развить. Теперь его тезисы звучали наподобие новых заповедей, возвещаемых народу новоиспеченным «Моисеем». Оглашая пункт за пунктом, Ленин говорил медленно, чтобы дать возможность стенографистке точно записать его слова. Но временами он начинал вдаваться в разъяснения и тогда спешил, забывая о стенографистке. Поэтому текст стенограммы местами непонятен, какие-то слова пропущены, и о смысле сказанного можно догадаться только из контекста. Например, то место, где он высказывается против ведения революционным правительством оборонительной войны с Германией, в стенографическом отчете записано так: «Революция — вещь трудная. Без ошибок нельзя.

Ошибка в том, что мы (не разоблачили?) революционное оборончество во всей его глубине. Революционное оборончество — измена социализму. Недостаточно ограничиться… Должны признать ошибку. Что делать? — Разъяснять. Как дать… которые не знают, что такое социализм… Мы не шарлатаны».

Когда мы читаем такие неполные отрывки, у нас иногда создается ощущение, что и в полных отрывках отсутствует четкость мысли. Он зачем-то повторяет: «Мы не шарлатаны». Он критикует, атакует, бьет, но все его удары как будто мимо цели. Он, как слепой, отчаянно размахивает кулаками, не зная, где его враг. Он ругает большевиков за то, что они доверяют Временному правительству, и считает, что пора это прекратить. Лучше остаться одному против сотни врагов, чем капитулировать перед Временным правительством, говорит он. Кое-кто любит щеголять возвышенными фразами. С какой целью? «Единственное, что губило все революции, это — фраза, это лесть революционному народу». Фразой обольщали народ. Революционеры и сами обольщались пышными фразами. «К народу надо подходить без латинских слов, просто, понятно», — учит Ленин, а в тех же тезисах при этом полно латинских слов. О крестьянах он и впрямь говорит просто: «Что такое крестьянство? Мы не знаем, статистики нет, но мы знаем, что сила». Странно слышать от него такое, потому что статистических данных по этому вопросу было сколько угодно, да и сам он в прошлом занимался статистикой весьма основательно. О том, чтобы дать землю крестьянам, речи вообще не идет. Вместо этого он говорит об образцовых хозяйствах, созданных на месте больших земельных угодий; контролировать их будут Советы крестьянских депутатов. Полицию тоже возьмут под свой контроль Советы. Гораздо убедительней прозвучал его призыв: «…Научитесь управлять — нам некому помешать…»

Местами его речь способна ввести в заблуждение. Он говорит так, как будто большевистская революция уже победила. Например, у него есть откровение такого рода: «Диктатура пролетариата есть, но не знают, что с ней делать. Капитализм перешел в государственный капитализм…» Но в апреле 1917 года России еще было далеко до диктатуры пролетариата, а до государственного капитализма еще надо было дожить, может быть, год, а то и целый век. «Искусство управлять ни из каких книжек не вычитаешь», — заявил он. Так оно и будет: Россия превратится в нечто вроде химической лаборатории. Над ней будут ставить опыты, один неудачнее другого.

В заключительной части своей речи он слегка занимается самобичеванием, но одновременно с этим защищает свою

позицию. «Лично от себя — предлагаю переменить название партии, назвать Коммунистической партией», — говорит он. Любопытно, что это был тот исключительный случай, когда он выступал от себя лично, а не от лица партии. Далее: «Большинство с.-д. во всем мире социализм предали и перешли на сторону своих правительств…» Итак, старое название партии ему уже не подходит, оно потеряло для него смысл. Оно как грязная сносившаяся рубашка, которую пора выбрасывать. Тоже как-то странно, ведь он посвятил больше половины своей жизни борьбе за социал-демократию. Однако, предлагая это, он боится, что товарищи по партии окажутся слабыми, подверженными воспоминаниям и не захотят от них отказываться. И тогда он бросает: «Хотите строить новую партию… и к вам придут все угнетенные!»

В основу «Апрельских тезисов» легли те самые семь пунктов, спешно написанные им на листке бумаги перед собранием в Таврическом дворце. Опуская детали, их можно изложить так:

I. Недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству». Пролетариат может дать свое согласие на революционную войну только при условии перехода власти в руки пролетариата и бедного крестьянства, а также если война не имеет завоевательного характера. «Братание».

II. Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму ее этапу, который приведет к власти пролетариат и беднейшие слои крестьянства. Переход характеризует максимум легальности. Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран. Широкие массы пролетариата совсем недавно пробудились к политической жизни, от большевиков требуется умение приспособиться к быстро меняющимся условиям политической жизни.

III. «Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий».

IV. «Признание факта, что в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве…» Поэтому задачей большевиков должно стать терпеливое, систематическое и настойчивое разъяснение массам ошибок тактики С.РД.

V. Не парламентарная республика, а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов «по всей стране, снизу доверху».

Устранение полиции, армии, чиновничества. Регулярную армию должны заменить вооруженные народные массы. Офицеры должны получать жалованье, не превышающее среднюю

заработную плату квалифицированного рабочего.

VI. Национализация помещичьих земель; создание образцовых хозяйств.

VII. Слияние всех банков в единый общенациональный банк, контролируемый Советом рабочих депутатов.

VIII. «Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход… к контролю со стороны с. Р.д. за общественным производством и распределением продуктов».

IX. Задачи партии: немедленный съезд партии, изменение ее программы с тем, чтобы в ней было записано требование о построении коммунистического государства по образцу Парижской Коммуны. Название партии тоже должно быть изменено.

X. «Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против «центра»».

В дискуссии, которая последовала за выступлением Ленина, некоторая часть большевиков выразила несогласие с его идеями, мотивируя это тем, что думать о социалистической революции еще преждевременно, а если момент нее и назрел, они не были уверены в том, что ее следовало осуществлять в форме, о которой постоянно твердил Ленин, называя ее «единственно верной». От его пламенного энтузиазма минувшей ночи, когда он выступал перед ликующей толпой, ничего не осталось. Теперь речь его звучала сухо, деловито. За это время люди успели подумать, взвесить его слова. Впечатления восторженной встречи на Финляндском вокзале стерлись.

Дебаты большевиков еще продолжались, когда меньшевики, заседавшие в зале на нижнем этаже, заявили, что ждать больше не намерены. Давно пора было начинать запланированное собрание обеих фракций, целью которого было их объединение. Меньшевики послали на верхний этаж записку с пометкой «срочно», содержавшую приглашение на совместное собрание, а Ленину даже предлагалось выступить перед расширенной аудиторией. Такой возможности Ленин упустить не мог. Меньше всего он желал слияния двух фракций, его отношение к меньшевикам было известно, но он выступил, и тут начался страшный скандал.

С самого начала Ленин твердо дал понять, что говорит исключительно от своего имени. Он пошел один против всех, и хотя большевики пытались ему аплодировать, он чувствовал, что и в их рядах растет несогласие с его идеями. Меньшевики были возмущены до предела. Они понимали, что, если ленинские тезисы будут приняты, дальнейшее развитие событий приведет

только к одному — к диктатуре Ленина. Тезисы были его единоличным детищем. Весь ход его мысли выводил в обход теории Маркса прямо на след Нечаева, а заодно и Бакунина. Вот где были «зарыты» его идеи. Иосиф Гольденберг, член ЦК большевистской фракции и старый товарищ Ленина по оружию, пришел в такое негодование, что открыто заклеймил Ленина как наследника бакунинских идей. «Место великого анархиста Бакунина, пустовавшее в течение многих лет за неимением достойного наследника, теперь занимает Ленин, — заявил он. — Все, что мы сейчас слышали, есть не что иное, как отрицание социал-демократической доктрины и научного марксизма. То, что мы сейчас выслушали, есть очевидная и недвусмысленная декларация анархизма. Ленин стал наследником Бакунина. Ленин, марксист, вождь боевой социал-демократической партии, умер. Ленин-анархист родился». Но на этом Гольденберг не остановился. Он обвинил Ленина в том, что тот хочет развязать гражданскую войну в самый разгар революции. Гольденберг с негодованием говорил о Ленине и его спутниках как о «врагах, прибывших из-за границы под видом друзей».

Церетели в своем выступлении не был столь суров. Он все еще питал надежды на объединение социал-демократов. Церетели счел уместным напомнить Ленину аксиому Маркса, гласящую, что если одиночки могут ошибаться, то классы не ошибаются. Он даже сказал, что его не пугают заблуждения Ленина, и протянул ему руку, предлагая добрые отношения. Только одна Александра Коллонтай бросилась защищать Ленина. Но ее речь была излишне пылкой, нелогичной, сбивчивой и прозвучала слабо. Часть большевиков, возмущенных ядовитыми насмешками меньшевиков, покинула зал. Ленин, не допускавший, чтобы с ним расправлялись его же оружием, ушел вместе с ними. Крупская была подавлена. Только что она была свидетельницей блистательного триумфа своего мужа и вот теперь наблюдала его поражение. Чхеидзе, который вел собрание, проследил за тем, как Ленин покинул зал, и тогда заметил: «Пусть себе живет без революции, а мы, оставшиеся здесь, будем продолжать идти по дороге революции».

Присутствовавший тогда на собрании Суханов подумал, что Ленин совершил огромную ошибку, огласив свои теоретические тезисы. Ему представлялось, что тот пересмотрит свою позицию, отойдет от своих заблуждений и вернется в лоно партии. «Нам и в голову не могло прийти, что Ленин ни на дюйм не отступит от своих абстракций, — писал он позже. — И уж меньше всего мы ожидали, что он сможет одержать верх не только над революцией, не только над всеми, кто активно в ней участвовал,

не только над всем Советом, но даже над своими же большевиками». Еще прошлой ночью весь Петроград был у его ног. Теперь он был один. Казалось, это его вполне устраивало.

И все же Ленин был глубоко уязвлен. Его партия нападала на него не менее яростно, чем его враги. Едва «Тезисы» были напечатаны в «Правде», как против них выступил Каменев. Ленин печатал их от своего имени, под публикацией стояла только его подпись, и это было отмечено; ни у одной большевистской организации не возникло намерения дать список фамилий под подписью «Ленин». Несколькими днями позже в газете «Дело Народа» появилась заметка Виктора Чернова.[40] Это была краткая, но поразительно точная и глубокая характеристика Ленина в период его возвращения из эмиграции в Россию. В ней говорилось: «Ленин — человек огромных способностей, но в условиях ненормального существования в подполье его способности не развивались, были чудовищно задавлены, изуродованы. Ленин мог бы о себе сказать: «Я не знаю, куда я иду, но я все равно иду туда со всей своей решимостью». Несомненно, Ленин предан делу революции, но у него эта преданность замыкается на самом себе: «Государство — это я!» Для него нет разницы между его личной политикой и интересами партии, интересами социализма. Ленин обладает необычайным интеллектом, но односторонним. Ленин абсолютно искренний человек, но с ограниченным кругозором. Именно поэтому моральное чувство у него притуплено. Социализм Ленина — грубый, примитивный; он действует топором там, где следует применить скальпель».

Это было честное, непредвзятое мнение, к тому же не лишенное прозорливости, — ведь в те смутные дни здоровенный топор в руках «врачевателя» был гораздо популярнее деликатного, требующего определенного искусства, скальпеля.

А между тем люди начали задаваться вопросом: как Ленин смог в опломбированном поездё проехать по территории Германии? И что он пообещал немцам в благодарность за то, что Германия предоставила ему все возможности для возвращения в Россию? Первые восторги от встречи с ним улетучились, и многие забеспокоились: уж не предатель ли он? Подобные настроения стали распространяться и среди большевиков, несмотря на то, что Ленин предъявил им документы, подписанные самыми известными социалистами Швейцарии, Германии и Швеции, из которых было ясно, что Ленин не вступал ни в какой сговор с Германией. Товарищи по партии все-таки подозревали, что в этой истории Ленин чего-то не договаривает.

«Апрельские тезисы», призывавшие народ к гражданской

войне против буржуазии, как нельзя лучше отвечали интересам Германии. В Верховном командовании германскими войсками торжествовали. «Возвращение Ленина в Россию прошло успешно, — сообщал Штайнвакс, германский агент в Стокгольме. — Он действует точно, как нам хотелось бы». Так оно и получалось. Но мало кто из причастных к делу германских официальных лиц мог всерьез считать, что Ленин был способен выполнять чьи-то распоряжения.

Не то в России. Молодой офицер, первым встретивший Ленина на платформе Финляндского вокзала, заявил на страницах петроградской газеты, что совершил ужасную ошибку. Он признавался, что его охватывает чувство жгучего стыда, — еще бы, ведь он публично, у всех на виду приветствовал изменника родины. Намного серьезнее был отклик со стороны моряков Балтийского флота, тех самых, что стояли в почетном карауле при встрече Ленина. В подписанной ими резолюции говорилось: «Узнав, что Ленин вернулся в Россию с согласия Его Величества германского императора и короля Пруссии, мы выражаем глубокое раскаяние в том, что принимали участие в торжественной встрече. Если бы мы знали, какими путями он вернулся, не было бы радостных «Ура!». Вместо этого он услышал бы наши негодующие крики: «Долой! Убирайся туда, откуда приехал!»»

Ленин больше не был народным героем Петрограда. За одну ночь он превратился в шпиона и провокатора. Вокруг дворца Кшесинской собирались толпы. Люди требовали, чтобы Ленина арестовали. Раз или два Ленин появлялся на балконе, пытаясь сказать что-то в свое оправдание, опровергнуть нелепые слухи. Затем он просто перестал показываться. В своей жизни Ленин перенес немало ударов. Он был уверен, что перенесет и этот. Он начал терпеливо и упорно убеждать большевиков в своей правоте. Растолковывая тезис за тезисом, он доказывал им, что «Апрельские тезисы» вовсе не бред сумасшедшего, как отозвался о них Плеханов, а реальный план захвата власти; если целью большевиков было вырвать власть из рук проклятой буржуазии, то никаким иным способом добиться этого нельзя. Ленин был своего рода специалистом в вопросе о власти. Это был единственный человек в партии, посвятивший свою жизнь изучению именно феномена власти. Его слушали с большим вниманием. К моменту открытия 7-й конференции партии большевиков ему удалось-таки в значительной мере вернуть себе утраченное влияние среди товарищей.

А Петроград тем временем сотрясали одно за другим грозные события. Было общее ощущение, что ни одна из проблем,

стоявших перед страной, так и не будет решена. Дух безнадежности овладевал столицей. Бесконечные разговоры о власти подтверждали лишь то, что власти не было и не было партии, способной найти жизненно важные решения. Мрачное ожидание и сознание собственного бессилия у людей сменялись яростным гневом — люди не могли так дальше жить, нужен был выход накопившемуся отчаянию, и они бунтовали. 4 мая на Невском проспекте начались беспорядки. По широкой улице двинулась многолюдная процессия с плакатами, на которых было написано: «Да здравствует Временное правительство!». Навстречу им шла другая процессия, с другими лозунгами: «Долой Временное правительство!». Обе процессии сошлись. В толпе было много красногвардейцев. Кое-где вспыхнули драки, а ко второй половине дня беспорядки приняли угрожающий характер. Целый батальон солдат Финляндского пулеметного полка вместе с матросами и солдатами из резервных отрядов строевым шагом направился к Мариинскому дворцу. Когда их спрашивали, куда они идут и зачем, они отвечали: «Идем арестовывать Временное правительство!» К ним поспешил Чхеидзе, который как председатель Петроградского Совета пользовался большим авторитетом. Чхеидзе отговорил солдат арестовывать членов Временного правительства, объяснив, что это ровно ничего не решит, и солдаты вернулись в казармы. Ленин отрицал свою причастность к попытке арестовать Временное правительство, но к его заверениям относились скептически. В те дни он испытывал врага на прочность, посылая преданных ему людей на улицы баламутить народ. На следующий день беспорядки усилились, начались перестрелки. Революция приняла боевое крещение.

По всей вероятности, конкретным поводом беспорядков послужило заявление министра иностранных дел Милюкова, в котором говорилось, что русский народ готов биться бок о бок со своими союзниками до окончательной победы над Германией. Правые ликовали, зато у левых это заявление вызвало бурю протестов. Оно, как катализатор в химическом процессе, ускорило ход событий. Правительство было обречено. Ему так и не удалось решить ни одной из острых проблем дня — голода, войны, вопроса о крупном землевладении; оно не было готово к необходимым революционным преобразованиям внутри самого правительства. Многие функции правительства взяли на себя Советы. Две эти власти находились в постоянном конфликте, и дальше терпеть такое положение было нельзя. Требовалось коалиционное правительство, в состав которого вошли бы и представители Советов. Милюков ушел в отставку; председатель правительства князь Георгий Львов призвал Советы влиться во

Временное правительство. Впервые к управлению страной были допущены эсеры и социал-демократы. От фракции меньшевиков в правительство вошел Церетели, ставший министром почт и телеграфов. Эсер Чернов занял важный пост министра земледелия. Большевиков в коалиционное правительство не пригласили, да они и сами не пошли бы в него. Ленин ограничился колкими замечаниями по поводу его нового состава, от которого, по его словам, ничего путного ждать не приходилось.

Правительство царствовало, но не управляло. Рабочие объявляли забастовки и выходили на улицы, солдаты бежали с фронта; по улицам городов слонялись людские толпы, ища, на кого бы излить свое недовольство. Суханов, никогда не питавший почтения к имущим классам, посвящает многие страницы своих воспоминаний описанию хаоса и анархии, царивших тогда в России. Самосуды, грабежи, поджоги дворцов и особняков, неповиновение властям стали обычными явлениями в период весны и наступающего лета 1917 года. Из всего кабинета министров, пожалуй, единственным человеком, имевшим авторитет, был военный министр Керенский. С его мнением считались остальные министры, он был в состоянии поддерживать моральный и боевой дух армии; он изнурял себя, постоянно выступая с пламенными речами, в которых пытался внушить согражданам, что революция способна пережить все, но только не потерю духа. А между тем страной все заметнее овладевало чувство безнадежности и отчаяния.

Только Ленин знал, что надо делать, — подливать масла в огонь, пока не вспыхнет настоящий пожар. Необходимо было стереть с лица земли существующий режим путем вооруженного восстания и на обломках его установить власть большевиков. В начале апреля, когда он вернулся в Петроград, в столице насчитывалось всего пятнадцать тысяч большевиков на два миллиона жителей. К началу июня это число значительно возросло. Программа большевиков была краткой и четко сформулированной: «Вся власть Советам!»; «Долой капиталистов!»; «Долой войну!» — ну как не согласиться с такими лозунгами? И пока правительство осторожничало и колебалось, как циркач, балансирующий на туго натянутой проволоке, и старалось угодить сразу всем конфликтующим сторонам, большевики, нацеленные на удовлетворение нужд исключительно рабочего класса, выжидали момент, когда эту проволоку можно будет перерезать. Время им благоприятствовало, потому что анархия с каждым днем нарастала и ситуация становилась все более невыносимой.

В те дни Ленин почти не показывался. Суханов отмечал, что

Ленин, «как настоящий аристократ», благородно держался в стороне. Он редко посещал заседания Петроградского Совета и лишь изредка появлялся на публике, как видно, больше для того, чтобы разведать настроения в народе, чем пытаться разжигать страсти толпы. Он не прекращал писать короткие ядовитые статьи. В одном из номеров «Правды» было помещено сразу пять таких его статей. Ничего положительного, обнадеживающего они не содержали; не было там никаких серьезных, разумных доводов, достойных упоминания. Они преследовали иную цель — будоражить, отнимать надежду на будущее. Именно в тот период он трудился не покладая рук, занимаясь изучением условий, необходимых для того, чтобы поднять вооруженное восстание. Эту тему он редко поднимал в своих работах.

Почти с первого дня своего возвращения в Россию Ленин понимал, что поднять вооруженное восстание не так уж сложно. Надо было только выбрать подходящий момент и осуществить задуманное твердой, безжалостной рукой. Парижская Коммуна и московское восстание 1905 года потерпели поражение оттого, что и народ, и новая власть были истощены войной; у них не было достойной руководящей силы; революционеры были разобщены между собой. Надо было извлечь уроки из этих двух опытов революционной борьбы. Главный урок был такой: необходима координация всех сил и единый план боевых действий. Да, те попытки не удались. Но летом 1917 года условия для вооруженного восстания в России были самые что ни на есть благоприятные, такого еще в прошлом не бывало. Другой возможности могло и не представиться. Сам же Ленин в своих «Апрельских тезисах» говорил о необычайной свободе, которая была дана различным революционным группировкам. Он употребил слова «максимум легальности», имея в виду на самом деле бессилие. закона. Февральская революция уничтожила полицию, но не ввела ей никакой замены. Ленин боялся, что Временное правительство восстановит полицию, чтобы стабилизировать ситуацию, и задумывался над тем, как создать всенародную милицию, которая взяла бы на себя функции полиции. Если всенародная милиция будет под контролем большевиков, то разогнать Временное правительство не составит никакого труда. Петроградский Совет тоже можно будет упразднить, поскольку верховная власть неминуемо перейдет в руки тех, кто будет во главе всенародной милиции.

Свои соображения по этому поводу Ленин изложил в статье, напечатанной в газете «Правда» 18 мая. Он перечислил в ней функции, которые должна взять на себя всенародная милиция:

«Всенародная милиция, это значит воспитание в демократии

действительно масс населения.

Всенародная милиция, это значит управление бедными не только через богатых, не через их полицию, а самим народом, с преобладанием бедных.

Всенародная милиция, это значит, что надзор (за фабриками, за квартирами, за распределением продуктов и пр.) способен не остаться на бумаге.

Всенародная милиция, это значит, что распределение хлеба пойдет без «хвостов», без всяких привилегий для богатых».

Но он был достаточно осторожен и не прибавил, что всенародная милиция станет боевым отрядом революции большевиков. Выступая перед аудиторией, он все еще говорил о Советах как об органе революционной власти, и лозунг «Вся власть Советам!» останется боевым кличем партии большевиков вплоть до самой победы Октябрьской революции.

Наиболее дальновидным членам Временного правительства было понятно, что большевики попытаются захватить власть. Но вопрос заключался в том, когда это случится и возможно ли это предотвратить. было очевидно, что идет широкомасштабная подготовка к вооруженному мятежу. 16 июня 1917 года, в день открытия 1-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских делегатов, Ленин выступил так, как будто власть почти была в его руках. Церетели в своей речи сказал, что нет такой партии, которая взяла бы власть в свои руки, правительство и впредь должно представлять интересы всех слоев общества. Фраза была нечетко сформулирована, и можно было истолковать ее как категорический запрет любой политической партии претендовать на власть, — мол, ни одна партия не посмеет пойти на это; явный ляпсус оратора, и Ленин не мог этим не воспользоваться. Вскочив, он прокричал: «Есть!» И продолжил на трибуне:

«— …Гражданин министр почт и телеграфов… говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: «есть! — произнес он уверенно. — Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком»».

Солдаты и матросы на галерке одобрительно зашумели: им понравилась смелость такого выступления. Керенский счел нужным предупредить, что крах Февральской революции может иметь страшные последствия. Вооруженное восстание приведет к власти диктатора, начнется кровопролитие. Но Ленина это не остановило.

Съезд еще шел, когда Ленин решил снова испытать свои

силы. 22 июня вооруженные отряды рабочих и красногвардейцы получили приказ подойти к Мариинскому дворцу, где заседало Временное правительство. Чхеидзе узнал об этом в последний момент, но все-таки сумел, употребив весь свой авторитет председателя Петроградского Совета, остановить вооруженных людей, направлявшихся ко дворцу. «Это не что иное, как заговор! — кричал в гневе Церетели. — Сегодня их удалось остановить, потому что мы почуяли, что должно случиться, но они возобновят свои попытки завтра, и послезавтра, и послепослезавтра. Есть единственный способ их остановить. Мы должны разоружить большевиков!» Но разоружать большевиков было уже поздно. Почти половина рабочих Петрограда и половина петроградского гарнизона были на стороне большевиков. Люди не видели во Временном правительстве силу, способную контролировать ситуацию. Теперь это был только вопрос времени. Большевики готовили путч, и причем такого размаха, что никакой авторитет Чхеидзе не помог бы.

Но попытка путча была неудачна. Объяснить причину столь катастрофического провала так никто и не смог. Выступление готовили тщательно и упорно в течение трех недель. Под ружьем стояли моряки Кронштадта, батальон Первого пулеметного полка и рабочие Путиловского завода. Большевистские агитаторы употребили все усилия, чтобы привлечь на сторону мятежников войска, поддерживавшие Временное правительство. Они раздали оружие рабочим заводов и фабрик. Были отпечатаны прокламации, призывавшие к восстанию. Оставалось только дать команду всем, всем, всем — и идти против Временного правительства. По каким-то причинам приказ не был отдан. Два дня матросы и солдаты маршировали по улицам Петрограда, выкрикивали лозунги, расправлялись с теми, кто пытался им помешать, грозили свергнуть Временное правительство, но ни разу не приблизились ко дворцу, где заседали министры, настолько, чтобы вызвать у них серьезные опасения.

Это странное восстание началось 16 июля. В тот день Первый пулеметный полк подошел к Таврическому дворцу, угрожая взять его штурмом. К ним примкнули около двадцати пяти тысяч рабочих Путиловского завода и тысячи других мастеровых. Но, подойдя ко дворцу, они растерялись, не зная, что делать. Это была неорганизованная толпа. Они стали выкрикивать: «Долой Временное правительство! Вся власть Советам!» Движение из-за них было остановлено. По улицам сновали грузовики, битком набитые красногвардейцами. «Ощущалось волнение, окрашенное гневом, но энтузиазма не было», — писал Суханов. Наверное, это отсутствие энтузиазма у людей и убедило большевиков в

последний момент в том, что время для путча еще не назрело. И Троцкий, и Ленин категорически отрицали свою причастность к неожиданной вспышке возмущения в неуправляемых массах, но факты свидетельствовали против них. было ясно одно: что-то в их планах не задалось. Власть сама шла к ним в руки, препятствий не было. Объяснить такой оборот дела можно лишь тем, что подавляющее большинство населения было против большевиков, и вряд ли они были в состоянии надолго удержать власть в своих руках. Понимая это, большевики решили не выступать.

На следующий день около двадцати тысяч кронштадтских моряков высадились на берегу Невы и строем направились ко дворцу Кшесинской. Ленин вышел на балкон и приветствовал их короткой речью. Он был вялый, утомленный, и речь получилась вялая, неубедительная. Он снова обещал, что победа непременно будет за Советами, и призывал матросов к стойкости, выдержке и бдительности. Такими словами не вдохновляют революционную армию, готовя ее к предстоящему бою. Как писал Суханов (а этот вездесущий свидетель успевал побывать во всех переплетах на улицах столицы), тогда хватило бы и десяти человек, чтобы арестовать правительство, которое заседало без всякой охраны в квартире князя Георгия Львова. Большевикам предоставлялся случай, какого потом могло и не быть. Преображенский, Семеновский и Измайловский полки объявили о своем нейтралитете. В городе поддерживали порядок только несколько отрядов казаков и юнкеров. Жители Петербурга не могли понять, что творится; на них наводили ужас солдаты Первого пулеметного полка, матросы и вооруженные рабочие, которые маршировали по улицам, бесчинствовали и искали повода устроить крупную заварушку. Вместо звона с колоколен церквей слышались пулеметные очереди. То тут, то там возникали уличные драки. Толпа схватила Чернова, и не избежать бы ему самосуда, если бы откуда ни возьмись не появился Троцкий. Он скомандовал, чтобы все успокоились, и, обратившись к народу, спросил, найдется ли среди них человек, готовый нести ответственность за убийство такого человека, как Чернов. Смутьяны притихли. Желающего совершить убийство не нашлось. «Гражданин Чернов, вы свободны», — произнес Троцкий. Чернов поспешил в Таврический дворец, вокруг которого даже не была выставлена охрана. К ночи на улицах города уже насчитывалось четыре сотни убитых и раненых, ставших жертвами кровавых стычек. Но путча не произошло, власть Временного правительства удержалась. <<Это было значительно больше, чем демонстрация, но меньше, чем революция», — сказал Ленин. Но его определение страдает неточностью. Пушкин, описывая

пугачевское восстание, сказал гораздо лучше: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»

Два дня разгула революционной стихии подорвали авторитет большевиков. Рядовые партийцы не могли осознать, что же такое случилось. Их погрузили в кошмарный сон, пробудившись от которого, они нашли действительность еще более страшной и пустой — такого они и представить себе не могли. Нерешительность Ленина, возможно, объяснялась его болезнью. Он упомянул о ней, когда говорил с моряками Кронштадта. Ленин и в самом деле только что вернулся из Финляндии, где он недолго отдыхал, поправляясь после тяжелой простуды. Но возможно и другое: пришла информация, что генерал Половцев, командующий Петроградским военным округом, поклялся любой ценой восстановить порядок в столице. Троцкий, много позже вспоминая события июльских дней 1917 года, писал: «Врагу легко досталась победа, потому что мы не боролись». Он говорил правду, избегая, однако, дальнейших объяснений. А ведь тогда, в июле, на улицы вышли сто тысяч вооруженных большевиками людей, их же сторонников. В октябре, когда революция победила, их было вчетверо меньше.

В течение ночи 17 июля большая часть бунтарей разошлась по домам. Остался небольшой отряд кронштадтских моряков. Они захватили Петропавловскую крепость и отказались повиноваться Временному правительству, потребовавшему, чтобы они оставили крепость. Их победа была недолгой. Моряки продержались всего несколько часов, после чего во второй половине следующего дня начали робкие переговоры с властью. Они просили, чтобы им разрешили вернуться на базу, гарантируя неприкосновенность.

Ленин оказался перед фактом полного поражения. Утром 18 июля, встретив Троцкого, Ленин сказал ему: «Теперь они перестреляют нас по одному. Сейчас их время».

Так оно и было. Керенский, вернувшись с фронта, потребовал отчета о происшедшем в столице и немедленно приказал арестовать Ленина и захватить дворец Кшесинской. Дворец был взят без единого выстрела. Большевики бежали, оставив все свои документы. Подвойский, который ввел матросов Кронштадта в Петроград (он же должен был возглавить вооруженные отряды восставших в случае, если бы был получен приказ идти на штурм Мариинского дворца), в последний момент успел изъять планы военных действий. Вся прочая документация оказалась в руках правительства. Среди этих бумаг были такие, которые полностью изобличали большевиков в том, что они очень серьезно в течение целых трех месяцев готовили переворот. Но почему он не удался — этому в захваченных документах объяснения не было.

Большевики получили страшный удар. За ним последовал второй, когда были опубликованы документы, в которых Ленина пытались представить как германского шпиона. Некоторые из них были грубой подделкой, но были и другие, не вызывавшие сомнений. Дело в том, что при попытке пересечения границы был арестован Ганецкий. Тайной полиции удалось получить у него кое-какую информацию, касавшуюся денег, которые он передавал Ленину. Деньги эти могли поступать от социал-демократических партий скандинавских стран. Однако было известно, что Ганецкий поддерживал тесные отношения с доктором Хелпхендом, надежным агентом германского Министерства иностранных дел. Ленин категорически отрицал, что Ганецкий передавал ему деньги. Но в одном из его писем, ставшем достоянием печати, он просит Ганецкого «не жалеть денег на поддержание связи между Питером и Стокгольмом». Правительство обратило особое внимание на то, что несостоявшийся путч должен был по времени совпасть с наступлением германских войск. Все-таки был Ленин германским шпионом? Во всяком случае действия его очень сильно наводили на эту мысль. Получалось, что цели большевистской партии и германского Верховного командования абсолютно совпадали: и те и другие стремились к уничтожению государственной власти в России.

Но не таков был Ленин по натуре, чтобы можно было заподозрить его в том, что он способен был играть роль платного германского агента. Он был одержим единственной целью — в корне изменить мировой порядок, а раз так, то подчиняться чужой воле он был не намерен. Он знал, что делает.

Поначалу, когда Ленин прибыл в Петроград, он понял, что власть сама идет к нему в руки. Она обрушилась на него всей мощью; казалось, весь Петроград был его. Теперь он опять стал изгнанником. В плаще с чужого плеча, в кепке, надвинутой низко на глаза, пряча подбородок в поднятый воротник, чтобы не видно было лица, он с опаской передвигался по улицам, спеша поскорее скрыться. Если бы полиция его арестовала, она не признала бы в нем Ленина. Ленин исчез, растворился. Вместо него был пожилой степенный рабочий Константин Иванов.

Финское подполье

Жизнь конспиратора требует большой выдумки и находчивости. Конспиратор должен знать все потайные места, где можно укрыться, все ходы-выходы и как расположены окна в

домах; он должен распознавать людей по их тени, по звуку шагов, даже в темноте угадывая, кто друг, а кто враг; он должен развить в себе шестое чувство, чтобы безошибочно учуять приближение полицейских, более того, отгадать, с какой стороны их следует ожидать.

После несостоявшегося июльского переворота Ленину грозила смертельная опасность. Полтысячи армейских офицеров, возмущенных зрелищем бесчинствующей на улицах Петрограда черни, были готовы расстрелять его на месте. Крупская рассказывает, как она ходила по городу, прислушиваясь к разговорам буржуазной публики — толстых домохозяек и важных господ. Все они твердили одно и то же: этого предателя Ленина вот-вот должны схватить. Но не только буржуазия негодовала в те дни. Рабочие были сбиты с толку и крайне раздражены неудачей большевиков. На фронте немцы разворачивали наступление. В стране царила анархия. В такой ситуации бездействовать было непростительно. Ленин же ограничивался тем, что произносил речи, и в этом отношении ничем не отличался от членов Петроградского Совета и Временного правительства.

«Мы все еще в меньшинстве — массы нам не верят, — писал он вскоре после возвращения в Россию и прибавлял — Мы умеем ждать». Он был одним из очень немногих, кто мог себе это позволить. Надо было дождаться, когда анархия окончательно захлестнет страну, и тогда, если, конечно, он сам уцелеет, наконец-то наступит его час брать власть — ведь кроме него никто на такое не мог решиться.

И он действительно чудом уцелел, хотя много раз бывал на волоске от смерти. Ночью 17 июля он сидел в редакции «Правды» и работал. Через полчаса после того, как он ушел, в редакцию газеты ворвались юнкера. Они перевернули все вверх дном, обшарили все комнаты, разбили печатные станки, рассыпали набор. Ленин вместе со Свердловым укрылись в квартире на Карповке, где оставались и весь следующий день. Там он написал пять коротких статей, в которых отрицал намерение большевиков взять власть и клеймил позором «подлых клеветников», пытавшихся представить его германским шпионом. Эти статьи вряд ли можно отнести к наиболее удавшимся его работам. Весь эффект смазан из-за неровного, рваного стиля, нервности — а это признак того, что их писал человек, находившийся на пределе своих сил. В тот же день, а может быть, на следующий, он написал записку, из которой явствует, что он прекрасно сознавал грозившую ему каждый момент опасность. Записка была адресована Каменеву; в ней шла речь о тетради в голубой обложке, оставленной Лениным в Стокгольме. Она звучала так:

«Entre nous:[41] если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали. Условие: все сие абсолютно entre nous!»

Синяя тетрадь должна была стать последней ленинской волей, его заветом партии. В такой момент своей жизни придавать столь важное значение тоненькой тетрадке с выдержками из писаний отцов марксизма, снабженными его собственными комментариями, — судите сами, так ли это важно, но в этом был весь Ленин.

Квартира на Карповке годилась лишь как временное убежище. Необходимо было как можно скорее перевести его подальше, в рабочий район. Рано утром 19 июля он незаметно вышел из квартиры и направился на Выборгскую сторону. Там в течение следующих дней он скрывался, постоянно меняя места укрытия, редко оставаясь на одном месте более чем на несколько часов. Однажды ему даже пришлось прятаться в помещении сторожки завода «Русский Рено», где состоялось тайное заседание Исполкома ПК РСДРП(б). К этому времени Ленин уже пришел к заключению, что большевики не должны участвовать в работе Советов. Вместо лозунга «Вся власть Советам!» он выдвинул другой: «Вся власть рабочему классу под руководством революционной партии, партии большевиков!» С его точки зрения, Советы предали революцию, и теперь их тоже надо было ликвидировать. Вместо них должны были возникнуть новые Советы, настоящие, в которых не будет места ни меньшевикам, ни эсерам.

Пока Ленин скрывался, большевики были заняты решением проблемы исключительно морального свойства. Они решали вопрос — имел ли он право скрываться? Многие из его однопартийцев возмущались, что он исчез, бежал. Получалось, что пастырь бросил свою паству. С его благословения они вышли с огромной демонстрацией на улицы Петрограда, даже готовы были поднять вооруженное восстание, в котором не обошлось бы без жертв. Все кончилось полным провалом. Никто из них не прятался, все стояли как один и все были в ответе. Они считали, что и Ленин обязан явиться на суд перед лицом общества и дать достойный ответ своим обвинителям. Как бы ни был безжалостен приговор, тюремное заключение было самое худшее, что его ждало.

Ленин и сам почти был склонен предстать перед судом. В тот

момент он прятался в квартире рабочего по фамилии Аллилуев. (Позже его дочь станет женой Сталина.) Там же скрывался и Зиновьев. Повидать Ленина пришли Крупская с Марией Ильиничной.

— Мы с Григорием решили предстать перед судом, — объявил им Ленин.

Но прежде чем предать двух своих вождей в руки Петроградского Совета, большевики решили принять некоторые предупредительные меры. Они потребовали, чтобы Ленин и Зиновьев были заключены в Петропавловскую крепость, потому что знали, что тюремные стражи там сочувствовали большевикам, и это уже было гарантией безопасности их товарищей. Ленин все еще колебался, но тут Елена Стасова сообщила о распространившемся слухе, будто в полицейских архивах найдены документы, изобличающие Ленина как германского шпиона.

Эти слова страшно подействовали на Ленина. До сих пор он просто внимательно слушал рассуждения своих товарищей относительно моральной стороны этого дела, иногда вставляя собственные соображения. Но тут лицо его внезапно исказилось, его свела нервная гримаса, и он громко и решительно заявил, что в таком случае у него один выход — предать себя в руки судей. Спустя какое-то время большевики отрядили в Петроградский Совет двух посланцев, чтобы окончательно договориться об условиях выдачи Ленина и Зиновьева правосудию. Как раз в этот момент, пока гонцы отсутствовали, и появились Крупская с Марией Ильиничной, пришедшие навестить Ленина.

— Пойди к Каменеву и передай ему наше решение, — сказал Ленин жене.

Привыкшая сразу же повиноваться, Крупская вскочила, готовая спешно выполнить задание, но Ленин задержал ее.

— Давай попрощаемся, — произнес он. — Возможно, мы больше никогда не увидимся.

Это был один из тех крайне редких эпизодов в их совместной жизни, когда Ленин позволил себе расчувствоваться. Он ожидал расплаты, понимая, что если сдастся, пощады ему уж точно не будет. Они обнялись, и Крупская побежала к Каменеву, который скрывался в квартире неподалеку.

Не так давно Ленин не мог решиться дать сигнал к вооруженному восстанию. Теперь он снова был в сомнениях и не знал, как быть: уйти в подполье или предать все-таки себя в руки правосудия. Споры длились весь день до вечера. Вернулись гонцы. Они сообщили, что в ответ на их требование гарантировать Ленину полную безопасность, им сказали, что дать

такую гарантию не могут, ибо это выше человеческих сил, но заверили, что с их стороны будет сделано все, чтобы Ленин был судим в соответствии с законом, а не стал жертвой расправы. Одним из гонцов был Орджоникидзе. По его словам, переговоры с неким Анисимовым, занимавшим высокое положение в Петроградском Совете, а потому уполномоченным вести дело о передаче Ленина правосудию, были весьма бурными. В какой-то момент Орджоникидзе, не сдержавшись, закричал: «Да знаете ли вы, что мы с вами сделаем, если с Лениным что-нибудь случится? Мы вам всем глотки перережем!» Но Анисимов гарантии безопасности обещать не мог, и, следовательно, продолжать переговоры не было никакого смысла. Ленин решил уйти в подполье. Зиновьев решил к нему присоединиться.

Укрыть Ленина поручили Николаю Емельянову. Тот жил с женой и семью детьми на станции Разлив недалеко от Сестрорецка. Емельянов был квалифицированным рабочим с большим стажем революционной борьбы, и до этого он уже неоднократно подвергался арестам. Он знал Ленина с 1905 года. Договорились, что он встретит обоих большевистских вождей у Сестрорецкого вокзала, а затем в последнюю минуту перед отходом поезда посадит их в товарный вагон и привезет в Разлив. Дом его находился в пяти минутах ходьбы от станции. Все вышло, как и было задумано. Они выбрали поезд, который отходил от Сестрорецка в два часа ночи, и перед третьим звонком прыгнули в товарный вагон. Ленин настаивал на том, чтобы они ехали, сидя на ступеньках.

— Вы можете сорваться и упасть, — предупредил его Емельянов.

— Я это знаю, — ответил Ленин. — Но так в случае необходимости я смогу спрыгнуть с поезда.

Обошлось, однако, без прыжков. Они благополучно доехали до Разлива и в темноте пробрались к дому. Жена Емельянова их встречала. Она была толковая женщина и тут же занялась гостями. Ее стараниями Зиновьеву пришлось расстаться с копной черных кудрей, а Ленину — с бородкой. Емельянов тем временем устраивал для них жилище на сеновале, примыкавшем к хлеву, таскал вверх по крутой лесенке стулья и даже принес небольшой столик, стараясь, чтобы его постояльцам было удобно в их крохотном убежище. В стенах сеновала были щели, что было кстати: при случае сеновал мог служить и наблюдательным пунктом. Отсюда удобно было следить за дорогой. Если к дому приближались связные большевиков, то Ленин или Зиновьев условленным сигналом давали знать Емельянову, что этих людей можно пропустить к ним на сеновал.

Но и в сарае было небезопасно. Кругом стояли деревенские избы и дачи; в Разливе любили гулянья, по дороге прохаживались дачники, постоянно сновал народ. Некоторые газеты писали, что Ленин и Зиновьев бежали в Германию, но приказ об их аресте не был отменен, за их головы была назначена крупная сумма. Полицейские ищейки могли выследить связных, приезжавших в Разлив почти каждый день. Учитывая это, было решено поискать в окрестных лесах более надежное место для убежища. Такое место нашлось на берегу небольшого озера недалеко от Разлива. Это была поляна, со всех сторон окруженная лесом. Здесь можно было встретить только крестьян, да и то редко, потому что как раз была пора сенокоса. Дачи были отсюда далеко, и пикников тут никто не устраивал. Шалаш соорудили из стога сена, вынув из него нутро, и в этом жилище беглецам предстояло провести следующие три недели. Таким образом, шалаш превратился в своего рода штаб зревшей революции.

О лучшем месте укрытия и мечтать было нельзя. Кухней для Ленина служили вбитые в землю колья над небольшим костром. На них висел котелок, в котором Ленин кипятил воду для чая или варил картошку. Тут же при свете костра он по ночам писал свои статьи, склонившись над блокнотом, а потом они появлялись в петроградских партийных изданиях. Курьеров доставляли сюда окольными, сложными путями обычно к ночи. Всплеск воды под веслами плывшей к ним по озеру лодки оповещал об их прибытии. В жаркие дневные часы Ленин с Зиновьевым купались голышом в озере, а к вечеру они становились рыбаками, и емельяновские ребятишки помогали им тянуть сети. Дети стали заядлыми конспираторами, и Ленин с Зиновьевым вознаграждали их за труды, часами рассказывая им интересные истории. Бывало, они так увлекались, что не замечали, как наступала глубокая ночь.

Ленин всегда любил уединение. Зная это, рядом с шалашом ему оборудовали «кабинет» занятий, представлявший собой нечто вроде беседки, своды которой образовывали склонившиеся верхушки молодого ивняка. В «кабинете» была тень, там ему было спокойно одному, а кругом росли зеленые ивы. Здесь он читал газеты, регулярно доставляемые курьерами. Его очень забавляли появившиеся в газетах сведения, будто Ленин бежал из России в германской субмарине. Он громко хохотал и говорил: «До чего же глупы эти шутники! Что они еще придумают?»

Однажды их чуть было не обнаружили. Зиновьев отправился в лес с ружьем поохотиться на дичь и там повстречал лесника. Бежать было поздно. Лесник вынул записную книжку и начал задавать вопросы: «Где вы живете? Откуда вы?» Зиновьев был

человек сообразительный. Он притворился немым, и лесник оставил его в покое. Отобрав ружье, он отпустил его. Спустя некоторое время Емельянов пошел к леснику, чтобы выяснить, не заподозрил ли тот чего недоброго. Оказалось, что лесник принял Зиновьева за батрака-финна, не говорящего по-русски.

Как-то раз у Ленина в шалаше побывал Орджоникидзе. Его доставили туда в лодке по озеру. Сойдя на берег, он увидел, как из-за стога сена вышел невысокий коренастый человек, но не стал задерживать на нем свое внимание. И тут он услышал знакомый голос: «Товарищ Серго, вы меня не узнаете?» Безбородый Ленин был совершенно неузнаваем.

Несколько недель жизни на свежем воздухе изменили его внешность, не говоря уже о том, что теперь он не носил бороды. Меньше всего он был похож на вождя революции, а скорее на типичного рабочего. К середине августа у большевиков созрел новый план — в целях большей безопасности перевезти его в Финляндию. Ему состряпали фальшивый пропуск для проезда через границу на имя Константина Петровича Иванова. На пропуск требовалась фотокарточка. Облик Ленина на получившейся фотокарточке поражает. Тут он в парике, в простой рубахе и в кепке, какие носили рабочие. У него округлое, пухлое лицо, в углах рта как будто играет затаенная озорная улыбка, глаза прячутся в складках век. Один почти закрыт, осталась щелочка, — это результат дорожного происшествия в Швейцарии, после которого у Ленина начались неполадки со зрением. Но вот что особенно примечательно в этом фотографическом портрете: в Ленине с измененной внешностью гораздо больше простого, человеческого, чем на других портретах, где он изображен в своем неподдельном обличье. Перед нами не вождь, перед нами обыкновенный человек. Отсутствует борода, которую он всегда любовно растил и которой придавал самые разнообразные формы в зависимости от настроения. Между прочим, борода была важным атрибутом его внешности, говорившим о том, что он принадлежит к образованным слоям населения; она выделяла его как человека, имевшего отношение если не к классу среднего буржуа, то, во всяком случае, к мелкому дворянству. Дворянином он был всегда и во всем. И хотя никто не величал его «ваше превосходительство», он всегда считал нужным подчеркнуть свою исключительность, держался особняком, и, даже живя на лесной поляне в одном шалаше с Зиновьевым, он не допускал его в свой «кабинет» под ивами. Но на фотографии это такой славный малый, хороший мастер цеха, добродушный и справедливый, любимец рабочих.

Не только соображения безопасности заставляли изгнанников

перебраться в Финляндию. Наступала осень. Дни стали холодными, ветреными, дождливыми. Однажды случилась буря с ливнем, и им пришлось, покинув свой промокший насквозь шалаш, зарыться в стоге сена, где им пришлось оставаться, пока не просох шалаш. С приближением осени все осложнилось, жить на природе стало неуютно. Товарищи по партии решили, что переезд в Финляндию откладывать больше нельзя. Ответственность за проведение этого мероприятия была возложена на Орджоникидзе.

Незадолго до того, как Ленин покинул шалаш в Разливе, состоялся такой разговор. Орджоникидзе вздумалось спросить Ленина, как тот оценивает происходившие события. Ленин был в курсе всех дел на политической сцене; он регулярно получал газеты, а также сводки новостей от Центрального Комитета, которые ему доставляли партийные курьеры. Так что он имел возможность составить для себя полную картину того, как распределялась власть и как она работала в Петрограде. Ленин дал такой ответ:

— Меньшевики дискредитировали себя в Советах. Еще две недели тому назад они без труда могли захватить власть, но этот момент они упустили. Власть у них отняли. Теперь мы можем взять власть, но только путем вооруженного восстания, и очень скоро, вероятно, не позднее сентября или октября. Уже сейчас мы должны превратить заводские комитеты в центры притяжения. Они-то и должны стать органами вооруженного восстания.

Орджоникидзе поразила такая уверенность. Ведь всего несколько недель назад, в июле, восстание с треском провалилось. Но тут он вспомнил, как кто-то из его друзей предрекал, что в августе или в сентябре к власти придут большевики и главой государства станет Ленин.

— Да, — продолжал спокойно Ленин. — Так оно и будет. Через месяц-другой я стану главой государства.

Затем он начал давать Орджоникидзе соответствующие инструкции. По его мнению, следовало немедля создать подпольный Центральный Комитет, который должен был действовать нелегально; помимо этого, надо было обзавестись подпольной типографией, чтобы печатать большевистские прокламации. И то и другое не терпело отлагательства.

Их беседа происходила глубокой ночью, в стоге сена. Орджоникидзе, измотанный конспиративным путешествием к Ленину, заснул, а Ленин все еще продолжал говорить. Проспал Орджоникидзе до одиннадцати часов утра, хотя накануне собирался встать на рассвете. Ленин не будил его, давая возможность выспаться. Все утро он сидел и писал статьи и

письма, которые надлежало доставить в Петроград, в Центральный Комитет.

Поначалу было решено переправить Ленина через финскую границу пешком в сопровождении надежных проводников. Но посланные в разведку люди сообщили, что по всей границе выставлены посты и у всех желавших пересечь границу проверяют паспорта, и притом очень придирчиво. Так что этот план пришлось отменить. Решили перевезти Ленина в паровозной кочегарке. Обратились к Гуго Ялава, финну, сыгравшему видную роль в революции 1905 года, — он тогда организовал стачку железнодорожников. Ялава работал машинистом паровоза на поезде, отправлявшемся ночью из Петрограда в Финляндию, и хотя он не был большевиком, охотно согласился помочь. Условились, что Ленин пересечет границу ночью 22 августа.

За два-три дня до этого Ленин распрощался со своим убежищем в лесу и направился к станции Дибуны, что в пятнадцати километрах от Разлива. С ним были Зиновьев, Емельянов, Шотман, который был одним из тайных связных, и финн Эйно Рахья, член Финской социал-демократической партии и друг Гуго Ялавы. Они решили пройти к станции кратчайшим путем через лес и долго шли цепочкой по узкой, еле различимой тропке, пока не поняли, что заблудились. Сумерки сгущались, а затем стало совсем темно. Какое-то время они, спотыкаясь, бродили в потемках, не зная, куда двигаться дальше. Положение осложнялось еще и тем, что их настиг дым лесного пожара. Они задыхались, им было трудно дышать. Выбраться из леса им удалось, но они тут же оказались посреди горящих торфяников. Перейдя вброд речушку, конспираторы наконец-то услышали в отдалении гудок паровоза. Тогда они прибавили шагу и пошли по направлению к станции. К часу ночи они были на месте. Единственная лампочка освещала маленькую, захолустную станцию, но и при этом освещении было видно, что там полно юнкеров. Шотман и Емельянов пошли на разведку, а Ленин, Зиновьев и Эйно Рахья затаились в придорожной канаве. Нервы у Ленина были на пределе. Он особенно злился на Емельянова — тот, живя в этих местах, уж, кажется, должен был знать дорогу на станцию. К тому же он не удосужился заранее проверить, как охраняется станция, есть ли там серьезный заслон. Были и другие вещи, которые Емельянов, по мнению Ленина, выпустил из вида.

Емельянов и Шотман были совсем недалеко от станции, когда их схватили и немедленно подвергли допросу. Шотман, будучи опытным подпольщиком, имел при себе надежные документы, удостоверявшие его личность. Его обыскали, никаких подозрительных бумаг при нем не обнаружили и отпустили,

приказав сесть в поезд на Петроград, стоявший у перрона. Таким образом, Шотман выбывал из игры, и на него рассчитывать не приходилось.

Емельянову повезло меньше. Он не потрудился заготовить какую-нибудь правдоподобную историю и начал плести, что ночевал на своем покосе, захотел пить, вот и пришел на станцию. Его обыскали и нашли партийный билет одного из питерских рабочих. Емельянов твердил, что он сам рабочий Сестрорецкого военного завода и что билет не его. Но офицер что-то заподозрил.

— Сколько лет на заводе работаешь? — спросил он.

— Тридцать лет.

— Тогда все начальство должен знать. Назови по фамилиям.

Емельянов перечислил всех начальников.

— А кто старший врач завода?

— Грек. Такого тупого врача я еще не видел.

— Да?! — офицер впал в ярость. — Да будет тебе известно, что я его племянник.

Емельянов намеренно тянул время. Он хотел отвлечь внимание офицера, командовавшего отрядом юнкеров, чтобы дать возможность Ленину с Зиновьевым проскочить незамеченными в поезд и избежать проверки. Поэтому Емельянов держал себя вызывающе и за словом в карман не лез. Офицер никак не мог понять — верить ему или не верить. В том, что Емельянов был рабочим Сестрорецкого завода, теперь у него сомнений не было, но вдруг он большевик? Офицер спросил:

— Что ты думаешь о большевиках?

— Слыхал, что они хорошие люди.

— Ты один из них?

— Нет.

— Знаешь, что мы с тобой сделали бы, если бы узнали, что ты большевик? Расстреляли бы тебя на месте!

В это время к станции подходил поезд, следовавший из Петрограда в Финляндию. Направив на Емельянова дуло пистолета, офицер приказал ему сесть в поезд; таким образом Емельянов тоже уже ничем не мог помочь Ленину. Однако пока его допрашивали, Ленин, Зиновьев и Эйно Рахья благополучно проскользнули в последний вагон поезда на Петроград. Поздней ночью они доехали до станции Удельная, находившейся недалеко от Петрограда, где их сразу же сопроводили на квартиру рабочего финна Эмиля Кальске, члена большевистской партии. Хозяину дома не сказали, кого он прячет, и только утром Эйно Рахья назвал ему имена скрывавшихся.

«Утром открываю дверь, — рассказывал потом Кальске, — и вижу двух товарищей, лежащих прямо на полу. Один был чисто

выбрит и в парике. У другого было широкое лицо, короткие усики, на щеках и подбородке пробивалась бородка, и он был похож на мусульманина. Когда приятель сказал мне, что один из них Ленин, а другой Зиновьев, я так и онемел».

Зиновьев провел несколько недель, прячась в квартире Кальске. Ленин же не оставил попытку перебраться в Финляндию. Вечером того же дня машинист Гуго Ялава остановил свой поезд на перегоне, немного не доехав до станции Удельная. Около путей в условленном месте он разглядел человека в кепке, одетого, как простой рабочий, а рядом с ним он узнал Эйно Рахья. Ленин мигом забрался в паровоз, а Эйно Рахья сел в вагон. Документы у него были в порядке, ему нечего было бояться никаких проверок.

Ленин находился в прекрасном расположении духа. В тендере угля не было, в финских поездах использовали дрова. Он занял место кочегара и стал забрасывать дрова в топку. Это дело Ленину очень понравилось. Кочегар не возражал. Ему объяснили, что незнакомец был журналистом, которому для его материала понадобилось знание паровозной механики. Кочегар был финн, по-русски не разговаривал. Он сидел, спокойно покуривая трубку, и наблюдал, как Ленин управляется с дровами, курсируя между тендером и топкой.

В Белоострове всегда существовала опасность тщательной проверки документов. Причем контролю подвергались не только пассажиры, но и паровозная бригада. Еще когда они подъезжали к вокзалу, Ялава заметил на платформе невероятное число пограничников. Они вошли в поезд и начали проверять паспорта и удостоверения личности, внимательно их изучая и вглядываясь в лица предъявлявших. Обычно поезд стоял в Белоострове двадцать минут; на этой станции полагалось заправляться водой. И машинист сообразил, что надо сделать. Он отцепил паровоз и уехал на заправку. Звенел последний, третий звонок, когда паровоз на всех парах подошел к поезду. Ялава спешно прицепил его к составу, и поезд тронулся. В суете пограничники не успели заняться паровозной бригадой. Поезд пересек границу, и дальнейшее путешествие обошлось для Ленина без приключений.

Ленину надо было попасть в дом тестя Эйно Рахья, который жил в небольшой деревушке Ялкала, близ станции Териоки. Тестю сказали, что его постояльца зовут Константин Иванов, что он писатель, которому требуются покой и тишина, потому что ему необходимо закончить книгу.

— Да, конечно, — ответил тот. — Только не говорите мне, что его фамилия Иванов. Я ведь работал в Петрограде, и Ленина везде узнаю, будь он хоть в парике.

Хитрость не удалась, но никого это не огорчило. Ленину понравился небольшой сельский дом, стоявший в стороне от деревни. Он ходил в лес за грибами и даже однажды попробовал, как настоящий крестьянин, пройтись с сохой, но у него ничего не получилось. «Чертовски трудное занятие», — так отозвался он о крестьянском труде и занялся другим — стал купаться в озере. Люди особенно дивились его привычке писать свою книгу по ночам.

Но жизнь в глухой, тихой деревушке имела и определенные недостатки. Отсюда было трудно поддерживать связь с Петроградом. Курьеры по дороге в Ялкала рисковали быть схваченными полицией. А именно сейчас Ленин жаждал свежих, самых последних новостей из Петрограда. Поэтому он решил, что Гельсингфорс будет наиболее подходящим для него убежищем: там он сможет поддерживать прямую связь с Петроградом. Пожив неделю в Ялкала, он направился в Гельсингфорс, сделав остановку в Лахти, маленьком городке с развитой деревообрабатывающей промышленностью, расположенном на полпути между Териоки и финской столицей. Затем он погостил некоторое время на даче у депутата финляндского сейма, под Гельсингфорсом. Фактически он совершал неспешное путешествие вдоль побережья Финского залива, разумеется, соблюдая все меры предосторожности. Путь ему прокладывала небольшая группа преданных большевиков во главе с Шотманом; они заранее продумывали каждый его шаг, планировали, проверяли, делали все возможное, чтобы он был в полной безопасности. В Гельсингфорсе Шотман решил «сыграть тузом». Здесь тайная полиция не так усердствовала, как во всех других больших городах России. А объяснялось это тем, что шефом полиции был Густав Ровио, социал-демократ, избранный на эту должность на волне Февральской революции. К тому же он командовал народной милицией. По договоренности с Шотманом Ровио встретился с Лениным поздней ночью на пустынной площади поблизости от его дома. Никто им не помешал. Они спокойно поднялись на пятый этаж в квартиру Ровио. Его жена в то время была за городом. Удобно расположившись в кресле и прихлебывая поданный ему хозяином чай, Ленин принялся доводить до сведения Ровио, каковы в дальнейшем будут его обязанности:

— Газеты из Петрограда привозят вечерним поездом, — говорил он, — и, следовательно, вы должны будете каждый вечер отправляться на вокзал и привозить мне сюда газеты.

Что касается корреспонденции, то, поскольку государственной почте доверять нельзя, устройте так, чтобы мои

письма доставлялись в Петроград через ваших агентов в почтовом вагоне.

Инструкции так и сыпались, но наконец-то Ровио смог отойти ко сну. Ленин же, верный своей привычке, расчистил на столе место и сел работать. В тихой комнате еще долго слышался скрип его пера. Когда на следующее утро Ровио проснулся, Ленин спал. На столе лежала его тетрадь. На обложке Ровио прочел заглавие: «Государство и революция».

В этой работе Ленина значительно отчетливей, чем во всех предыдущих, слышится голос Нечаева — категорический, авторитарный, бескомпромиссный. Основная тема — полное уничтожение государственной власти и неминуемое возникновение коммунистического общества, поначалу в форме диктатуры пролетариата, а затем в следующей форме — совершенно свободного общества, в котором государство отомрет само собой. Та часть, где Ленин возвещает о наступлении этакого «Царства Божия», в котором нет нужды в государстве, все равны и свободны, все братья, — звучит крайне неубедительно. Но вот о том, каким образом следует разрушить, сокрушить государственную власть, Ленин говорит уверенно и с тем же знанием дела, что и Нечаев, когда-то провозгласивший: «Все должно быть уничтожено, и пусть будущее само позаботится о себе».

В «Государстве и революции» Ленин выдвигает тезис: перед социалистическим пролетариатом стоит задача не только одержать победу над государственной властью, но и разрушить государство как таковое до основания. Рабочий класс, по его мнению, должен «разбить», «сломать», «взорвать» существующую государственную машину до полного ее уничтожения, не оставив камня на камне. Поскольку государство есть инструмент подавления эксплуатируемых классов, другого пути нет. Научное положение, что государство имеет своим назначением охрану экономических и политических интересов своих граждан, регулирует конфликты между классами, — Ленин просто-напросто отметал. Государство должно исчезнуть, и точка. Следовательно, теперь перед пролетариатом стояла одна задача: сосредоточить всю свою сокрушительную мощь на борьбе с единственным своим врагом — государством, которое обязательно будет защищаться всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Но даже зная, что свержение государственной власти дело решенное и буржуазия обречена, не стоит, говорит Ленин, обнадеживать себя мыслью, что процесс этот будет легким.

Напротив, этот процесс потребует невероятных жертв, борьба

будет беспощадной. И в том, как Ленин говорит о насилии, жертвах, есть, какая-то болезненность. Вот что он пишет: «В действительности этот период неминуемо является периодом невиданно ожесточенной классовой борьбы, невиданно острых форм ее, а следовательно, и государство этого периода неизбежно должно быть государством по-новому демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и по-новому диктаторским (против буржуазии)».

Ленин не замечает упрощенных схем и бессмыслицы в своих рассуждениях. В них вообще отсутствует концепция новой жизнеспособной, умной, сложной государственной машины, которая должна прийти на смену старой. Даже все наоборот — новая форма правления, как он себе ее представляет, будет совсем простой; это будет что-то вроде распределительного центра. Читаем: «…Для уничтожения государства необходимо превращение функций государственной службы в такие простые операции контроля и учета, которые доступны, подсильны громадному большинству населения, а затем и всему населению поголовно».

Китайский философ Лао-Цзы думал, что управлять государством такое же нехитрое дело, «как жарить мелкую рыбешку». Ленин считал, что в новом государстве все будет просто, ну, как на почте. Он был абсолютно твердо в этом уверен. Он полагал, что главную роль в государстве будет играть вооруженный пролетариат, который будет жить в коммунах и обеспечиваться всем необходимым из некого центрального распределительного органа, «синдиката». Это будет что-то наподобие братства, все будут милые друзья и соседи, и поэтому никому и в голову не придет притеснять своего ближнего. В самом деле, какая может быть речь об утеснении другого человека — ведь такая возможность даже не возникнет. А зачем? Богатство, собственность будут запрещены, никто не будет владеть чем-то таким, на что может позариться сосед. Правительственные чиновники будут получать такую же заработную плату, что и рабочие. Они будут лишены всяких привилегий и права занимать особое положение в обществе. Они должны будут считать себя служащими, преданными государственному делу, а не хозяевами государства. Вопрос о жалованье муниципальных чиновников уже как-то вставал в дискуссиях большевиков. По тем прикидкам средним чиновникам выходило жалованье, равное девяти тысячам рублей. Ленин в сноске с возмущением пишет: «Совершенно непростительно поступают те большевики, которые предлагают, например, в городских думах жалованье по 9000 руб., не предлагая ввести для

всего государства максимум 6000 руб., — сумма достаточная». Судя по всему, называя эту цифру, он основывался на высказывании Энгельса о том, что самое высокое жалованье члена Парижской Коммуны не превышало шести тысяч франков.

Ленинский труд «Государство и революция» представляет чрезвычайный интерес исключительно из тех соображений, что в нем с полной очевидностью отсутствует какая-либо логика. Тут автор дает волю утопическим фантазиям. Похоже, он предвидел, что его будут упрекать в этом, и чтобы рассеять это впечатление, он то и дело открещивается: «Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов отдельных лиц, а равно необходимости подавлять такие эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием отомрет и государство».

Разумеется, теория отмирания государства была придумана не Лениным. Эта теория попала в его поле зрения, когда он изучал полемическую работу Энгельса «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», более известную под коротким названием «Анти-Дюринг». В своей работе Энгельс в достаточно категорической форме заявляет: «С того времени, как не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении… вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другою излишним и само собою засыпает. Место правительства над лицами заступает распоряжение вещами и руководство процессом производства». К такому неожиданному заключению Энгельс приходит почти в конце своей книги, но вот что поразительно: читая ее всю, с начала до конца, мы не находим ни единого довода в подкрепление этой мысли. Однако он упорно развивает ее дальше. Именно в тот момент, когда отомрет государство, возвещает Энгельс, для человечества наступит новая историческая фаза, потому что тогда человек станет по-настоящему свободным. Перефразируя Энгельса, Ленин предлагает свою формулировку: «Пока есть государство, нет

свободы. Когда будет свобода, не будет государства».

Возникает подозрение, что работая над книгой «Государство и революция», Ленин сам был озадачен высказыванием Энгельса об отмирании государства и пытался как-то в этом разобраться. В том, что буржуазному государству придет конец, — он не сомневается. Это случится в результате беспощадной, чудовищной борьбы пролетариата с буржуазией, предсказывает он. В одном отрывке он заявляет, что пролетарское государство начнет отмирать сразу же после победы над буржуазией, «ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно». При поддержке преобладающего большинства населения оно будет осуществлять свою волю «почти что без «машины», без особого аппарата…». «…Коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо некого подавлять». Но чем дальше, тем больше он запутывается в противоречиях, повторяет одно и то же, сбивается; он манипулирует словами, как жонглер разноцветными шариками, — они так славно танцуют в воздухе, послушные ему, но постепенно рука его теряет уверенность, шарики лопаются, представление заканчивается, артист устало бредет домой. Только что он утверждал, что государство отомрет немедленно после победы пролетариата, — и вот он уже печально качает головой, вынужденный признаться в своей неуверенности: «Поэтому мы и вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов нет». И не могло быть, поскольку выдвинутая им теория построена на песке, — она абсолютно лишена какого-либо научного обоснования.

Постулат об отмирании государства превращается у Ленина в своего рода заклинание, с помощью которого он вызывает любимого духа, тем более дорогого его сердцу, что того не так-то просто удержать: едва появившись на зов, он снова ускользает, рассеивается, как мечта. Этот постулат звучит рефреном в каждом новом рассуждении автора; любой поворот его мысли приводит все к тому же — к отмиранию государства. «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы», — мечтает он. Все граждане должны превратиться в служащих и работников «по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие». Ими будут руководить учетчики и контролеры. «Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим упрощен капитализмом до

чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок».

Позже Ленину пришлось убедиться в том, что государству для того, чтобы быть жизнеспособным, мало быть только счетной машинкой.

Тема отмирания государства почти все время звучит в унисон с темой беспощадного его уничтожения. Они сливаются в один лейтмотив, вырастают одна из другой, сходятся, расходятся, пытаясь обрести самостоятельное звучание. Чем напряженнее конфликт между темами, тем любовнее Ленин развивает каждую из них. Он как бы оказался перед выбором и не может решить, что ему больше по сердцу, — ведь уничтожать государство надо, но как лучше? — не сразу, медленно, без крови, или, наоборот, путем свирепой, кровавой бойни.

Огромные периоды ленинской книги читаются как выдержки из трактатов Нечаева и Бакунина. Сохранились тетради — черновики этой работы. И не случайно, что именно в одной из тетрадей — не в тексте — мы находим подтверждение связи его теории со взглядами Бакунина. Ленин придавал особое значение словам Маркса, которые тот написал в своем письме, относящемся к эпохе Парижской Коммуны. Маркс предсказывал: «…Следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее, и именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте». Письмо Маркса датировано апрелем 1871 года. А за полгода до этого Бакунин в письме к некому французскому социалисту высказывал примерно ту же самую мысль: «Для меня ясно, что после фактического разрушения административной и правительственной машины только непосредственные революционные действия народа могут спасти Францию…» Ленина позабавило это совпадение. Он выписал эти слова на полях черновика рядом с цитатой из Маркса, а сверху снабдил их такой пометкой: «Пикантно. Ср. с Бакуниным».

Но в книге «Государство и революция» нет ни капли пикантного. Это примитивный, анархический взгляд на мир, который, согласно анархическим убеждениям, можно спасти от гибели, уничтожив до основания любое государство, низвергнув любые авторитеты. Ленину удалось закончить только шесть глав этой книги, но и их достаточно для того, чтобы понять, в каком умонастроении он пребывал накануне Октябрьской революции. Он писал ее в августе и в сентябре в том самом шалаше в Разливе,

а затем уже в Гельсингфорсе, в частной квартире шефа полиции. Любопытно, как место пребывания отражалось на тональности текста — то ему сладко мечтается, пока он живет идиллически-вольной жизнью на покосе среди природы, то ему чудятся пугающие, кошмарные видения будущих битв, которые словно преследовали его в квартире главного полицмейстера Гельсингфорса. На титульном листе рукописи он обозначил свое авторство еще одним, новым, псевдонимом: «Ф. Ф. Ивановский», возможно, намереваясь издать свой труд в подпольной большевистской типографии. Но напечатана она была в 1918 году под странно звучавшим двойным псевдонимом: «В. Ильин (Н. Ленин)». В примечании говорилось, что Ленин имел намерение дополнить книгу еще одной главой — «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов», но осуществить свой замысел не успел, помешали нагрянувшие события октября 1917-го. Ленин по этому поводу в послесловии к первому изданию заметил: «…Приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать».

В феврале 1918-го, примерно в то же время, когда вышла в свет книга Ленина, в свою очередь и Бухарин решил заняться проблемой отмирания государства. Ленин без интереса отнесся к его затее, заметив только, что задаваться вопросом: когда это произойдет? — волен любой человек, однако заранее объявлять об отмирании государства — значит, вмешиваться в ход истории. Вот так, с легкостью, он отмахнулся от идеи, владевшей всеми его помыслами несколько месяцев тому назад.

Тем временем, летом и осенью 1917 года, Керенский старался справиться с почти непосильными задачами, стоявшими перед Временным правительством: с войной, инфляцией, застоем в промышленности, которые грозили ввергнуть страну в состояние полной анархии. Общую сумятицу усугубил корниловский мятеж. Ригу пришлось сдать немцам. Керенский назначил себя главой директората, состоявшего из пяти человек, и страна получила нового диктатора, ненавистного народу так же, как до этого ему было ненавистно царское самодержавие. Указы, издаваемые Керенским, то выполнялись, то не выполнялись — в зависимости от того, чья сторона брала верх — офицеры, окружавшие Керенского, или Советы. По мере того как дело шло к зиме, влияние большевиков крепло. Арестованный после июльских событий Троцкий вышел из тюрьмы и стал играть ведущую роль в Петроградском Совете, оспаривая власть в столице с Керенским. В тот период он превратился в наиболее влиятельную политическую фигуру.

К концу сентября Ленин начал призывать к немедленному свержению Временного правительства. Он разъяснял, что

июльское восстание было преждевременно, власть тогда удержать не удалось бы — против Петрограда поднялись бы провинция и армия. Но теперь картина была иная — Керенский, как и вся страна, истощил свои силы; он не смог навести в стране порядок, хотя такая возможность была, но она была упущена. Если бы Керенскому и Корнилову удалось договориться между собой и объединить усилия, правительство продержалось бы ту зиму. Судьба России была решена в тот момент, когда, дабы не допустить захвата Петрограда корниловцами, рабочим столицы было роздано оружие. Дальше это уже был вопрос времени. Оставалось только ждать, когда те, кто поведет за собой вооруженных рабочих, возьмут все в свои руки.

Скрываясь в Гельсингфорсе, Ленин выжидал, издали наблюдая за событиями. Он думал о надвигающейся революции, и у него кружилась голова от самой этой мысли. Но он был в изоляции, и это приводило его в бешенство. Он был убежден, что самое большее — через несколько недель большевики возьмут власть, а после этого — и это ему было ясно как день — они победят во всем мире.

А между тем такого завоевателя, как он, мир еще не видел. Маленький лысый человек, одиноко проводивший свои дни в квартире шефа полиции города Гельсингфорса, питавшийся яйцами с чаем, которые варил себе на газовой горелке, видел в грядущей революции всего лишь прелюдию к гигантской встряске, способной перевернуть весь мир. Он верил, что нашел ту самую архимедову точку опоры и теперь владеет рычагом, с помощью которого сумеет изменить орбиту движения Земли по своему вкусу. Он проводил ночи напролет, жадно читая газеты. Их ему доставлял каждый вечер Ровио, а утром он уже находил на письменном столе Ленина стопку писем и статьи, готовые для отправки в Петроград или в Стокгольм. Ленин был в состоянии лихорадочного нетерпения. Он жаждал определенности, а этого как раз и не было. Наконец, между 25 и 27 сентября его терпение иссякло, в нем произошел какой-то внутренний взрыв. Он вдруг совершенно четко понял, что пришло время нанести окончательный удар. В двух статьях, написанных им словно в состоянии белой горячки, он заявил, что время пришло и что больше никак нельзя медлить, иначе можно потерять все. «История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь, — писал он. — …Взяв власть сразу и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно».

Почему он выбрал именно тот момент, чтобы выдвинуть требование немедленного вооруженного восстания? Все

объясняется просто. Дело в том, что распространились слухи, будто Великобритания собирается заключить сепаратный мир с Германией. Слухи были заведомо ложные, но Ленин почему-то им поверил. Его терзала мысль, что, заключив между собой сепаратный мир, англичане и немцы же объединенными силами двинутся на Петроград и на корню задушат революцию. Он считал, что надо срочно действовать, пока английские и немецкие войска не подошли к Петрограду. «Международное положение именно теперь, накануне сепаратного мира англичан с немцами, за нас. Именно теперь предложить мир народам — значит победить».

Он призывал к восстанию, основываясь всего лишь на пустых слухах о сепаратном мире. Пройдет несколько недель, и он снова будет звать к восстанию. На этот раз поводом станут слухи о бунте, охватившем германский военноморской флот. И в том, и в другом случае это была ложная тревога. Истина же заключалась в том, что повод был вообще не нужен. Правительство настолько утратило свою силу, что восстание, вспыхни оно в любой момент, начиная с последней недели сентября и до конца октября, непременно увенчалось бы успехом. В России не было власти, которая могла бы противостоять вооруженному восстанию рабочего класса.

Ленин вслед за Марксом считал вооруженное восстание искусством. Во второй статье, написанной им между 25 и 27 сентября, он начертал план захвата власти. Прежде всего надо было сразу же мобилизовать вооруженных рабочих; затем занять телеграф и телефонный узел, арестовать Генеральный штаб и правительство, взять Петропавловскую крепость, в которой оставались преданные правительству войска. План был сырой, разбросанный, и Ленин, понимая это, как бы в свое оправдание завершает статью такими словами: «Это все примерно, конечно, лишь иллюстрации того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, не относясь к восстанию, как к искусству».

О том, в каком состоянии он пребывал, ощущая себя не у дел и страстно желая долгожданной власти, можно судить по отрывку, взятому из середины статьи, где он грозит объявить Германии революционную войну, если немцы откажутся заключить мир с победившим рабочим классом России. Вот что он пишет:

«Только наша партия, наконец, победив в восстании, может спасти Питер, ибо, если наше предложение мира будет отвергнуто и мы не получим даже перемирия, тогда мы становимся «оборонцами», тогда мы становимся во главе военных

партий, мы будем самой «военной» партией, мы поведем войну действительно революционно. Мы отнимем весь хлеб и все сапоги у капиталистов. Мы оставим им корки, мы оденем их в лапти. Мы дадим весь хлеб и всю обувь на фронт.

И мы отстоим тогда Питер.

Ресурсы действительно революционной войны, как материальные, так и духовные, в России еще необъятно велики; 99 шансов на 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь — это значит уже победить весь мир».

Ясно, что одержимый подобными мыслями и непоколебимой верой в неизбежность социалистической революции во всем мире, Ленин уже больше не мог быть в стороне от борьбы за власть, не мог выгадать, оставаясь вдали от столицы. У него еще не хватало пороха вернуться в Петроград, но ничто ему не мешало переехать пока в Выборг, город на границе с Финляндией. В начале октября, все в том же испытанном парике, в сопровождении верного Эйно Рахья, он сел в поезд, направлявшийся в Выборг.

Накануне

Целых десять недель Ленин вел жизнь отверженного, скрываясь под чужим обликом, благодарный людям, согласившимся его приютить, обеспечить ему безопасность. Этих людей он прежде не знал и, переступая порог их дома, впервые с ними встречался. Его прятали рабочие, крестьяне, депутат финляндского сейма, шеф полиции Гельсингфорса. В Выборге Ленин остановился в квартире местного журналиста по фамилии Латукка. Как и прежде, он не выходил из дома, сам себе готовил еду и прочитывал все газеты, которые хозяин был в состоянии ему достать. Заточение становилось Ленина все более невыносимым.

Как только Шотман услышал, что Ленин в Выборге, он сел в первый попавшийся поезд на Выборг и примчался к Ленину, в квартиру, где тот прятался. Ленин был в гневе. Не успел Шотман и рта раскрыть, как тот выпалил ему в лицо:

— Это правда, что Центральный Комитет запретил мне появляться в Петрограде?

Шотман отвечал, что такое распоряжение отдано, но как мера предосторожности, в целях безопасности для жизни Ленина. Но Ленин потребовал письменного подтверждения, что распоряжение действительно имело место. Шотман взял лист бумаги и написал: «Я, нижеподписавшийся, подтверждаю, что Центральный Комитет Российской социал-демократической

партии (большевистская фракция) на собрании (такого-то числа) принял решение не допускать товарища Ленина в Петроград, пока не будут получены дальнейшие указания».

Когда Шотман писал свои воспоминания, он не смог вспомнить, какого числа происходило собрание, зато у него с предельной ясностью запечатлелось в памяти, что Ленин был в неистовстве из-за вынужденного своего бездействия — ведь он только себя видел в роли вождя революции, и больше никого.

Ленин взял у Шотмана требуемую бумагу, аккуратно сложил ее вчетверо и принялся, засунув большие пальцы в карманы жилета, взволнованно мерить шагами комнату, сердито при этом бормоча: «Я этого не потерплю! Я этого не потерплю!»

Позже, чуть успокоившись, он буквально засыпал Шотмана вопросами: что происходит в Петрограде? Что говорят рабочие? Как обстоят дела в армии и среди матросов? Он показал Шотману статистические таблицы, которые сам старательно составил, чтобы продемонстрировать невероятный рост большевистского влияния не только в среде рабочих, но и буржуазии. Тоном абсолютно убежденного в своей правоте человека Ленин сказал: «Страна за нас. Вот почему наша основная задача в данный момент — немедленная мобилизация всех сил для того, чтобы захватить власть».

Шотман возразил ему, заметив, что вряд ли большевики будут действительно способны взять власть, так как среди них нет специалистов, знающих, как работает государственная машина.

— Абсолютная чепуха! — воскликнул Ленин. — Любой рабочий может стать министром, поучившись этому ремеслу несколько дней. Никаких особых способностей тут не требуется. Не надо даже вникать в механизм работы государственной машины. Эту функцию будут выполнять специалисты, которым придется на нас поработать!

Шотман был слегка обескуражен. Для Ленина все было так легко и просто! Сам Шотман придерживался мнения, что управление государством, страной — сложнейшее дело, требующее знаний. Он спросил, что Ленин посоветует делать с деньгами после того, как с приходом новой власти «керенки» уже не будут в ходу.

— Нет ничего проще, — отвечал Ленин. — Мы напечатаем новые купюры на типографских станках, на тех, что печатают газеты. Через несколько дней у нас будут миллионы новеньких банкнот.

— Да, но любой фальшивомонетчик сможет с легкостью их подделывать.

— Тогда мы придумаем сложный рисунок для наших купюр. И вообще, это дело специалистов. Не стоит даже это обсуждать.

И он заговорил о том, что все это дела второстепенной важности, что главное — выпустить декреты, которые расположат к большевикам народ, заставят признать в них свое, народное правительство. А дальше все произойдет автоматически. Прежде всего Ленин положит конец войне, и армия тут же перейдет на его сторону. Затем он отберет земли у помещиков, у церкви, у богатых и раздаст их крестьянам; тогда и крестьяне перейдут на его сторону. Заводы и фабрики также будут отобраны у капиталистов и переданы в руки рабочих.

— И кто тогда захочет пойти против нас? — сказал Ленин. — Шотман впоследствии вспоминал, что, произнеся эти слова, Ленин поглядел на него в упор и вдруг подмигнул левым глазом, чуть заметно улыбнувшись. — Само собой разумеется, — продолжал Ленин, — что мы должны выбрать подходящий момент и нанести удар. От этого зависит все!

Прощаясь с Шотманом, Ленин велел ему изыскать любые возможности для своего возвращения в Петроград.

Он провел в Выборге около двух недель. Все это время он был в страшном напряжении и беспокойстве. По всей вероятности, Центральный Комитет не устраивала ленинская интерпретация событий. «Кризис назрел…» — настаивал Ленин. Надо ударить сейчас. Нельзя терять ни минуты. Он громил Центральный Комитет за бездействие, обвинял в предательстве. Он даже заявлял, что ему придется подать прошение о выходе из Центрального Комитета и «оставить за собой свободу агитации в низах партии и на съезде партии». Он никогда не признавал полумер, это было не в его характере, поэтому неудивительно, что «нерасторопность» товарищей по партии вызывала в нем такую болезненную реакцию.

Как раз в это время председатель Областного исполнительного комитета армии, флота и рабочих Финляндии Смилга получает от Ленина инструкцию готовиться к вооруженному восстанию в Финляндии. Находясь там, Ленин мог совершать короткие поездки по стране, не нуждаясь в опеке Центрального Комитета. Пользуясь случаем, он попросил Смилгу снабдить его удостоверением личности на бланке Областного исполнительного комитета, обязательно за подписью председателя, с надлежащей печатью, и чтобы оно было напечатано на машинке или написано четким, разборчивым почерком. В нем он должен был именоваться Константином Петровичем Ивановым. Удостоверение должно было одновременно служить своего рода поручительством в том, что

председатель Областного исполнительного комитета полностью берет на себя ответственность за этого товарища и требует, чтобы все Советы, — Выборгский Совет рабочих и солдатских депутатов, равно как и все остальные, — полностью ему доверяли и в любое время оказывали всякую необходимую помощь. Ленин объяснил, что такой документ ему нужен на случай непредвиденных обстоятельств, конфликтов и нежелательных встреч, которые, по его словам, были возможны. Представляется, что Ленин стремился тогда заручиться поддержкой вооруженных рабочих и солдат напрямую, минуя Центральный Комитет, поскольку он не был уверен в перевесе своего мнения в нем.

Находясь в выборгском подполье, Ленин писал очередную работу. Название говорит само за себя: «Удержат ли большевики государственную власть?» У него не было и тени сомнения в том, что большевики власть удержат. Пункт за пунктом он разбивает все возражения, выдвигаемые его оппонентами. Еще недавно он растолковывал Шотману, что нет ничего проще, чем контролировать функции государственного аппарата. Однако теперь он уже не столь оптимистичен. В новой работе он признает, что это как раз одна из наиболее трудных задач, которая встанет перед победившим пролетариатом. В своем труде «Государство и революция» Ленин воспел разрушение существующего строя; это был своего рода гимн уничтожению государства. Теперь же он заметно меняет свою точку зрения, что видно, например, из отрывка, в котором речь идет о банках. Вот что он говорит по этому поводу: «… Отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее», — иными словами, создать единый государственный банк. При социализме все будет полностью монополизировано государством. Каждый получит рабочую книжку, в которой будет учитываться его мера труда на благо государства. В прошлом рабочие книжки были «документом «низших» сословий, свидетельством наемного рабства», теперь же к ним отношение изменится, они станут свидетельством того, что в новом обществе нет больше «рабочих», но зато и нет никого, кто бы не был работником». Банки, фабрики, учебные заведения, опытные станции, все технические службы будут находиться под контролем государства, которое будет управлять ими централизованно. Специалисты разных профилей будут хорошо оплачиваться, но, если они не оправдают доверия революционного правительства, они не получат никаких «продуктов продовольствия вообще». Словом, основываясь вот на таких примитивных постулатах, Ленин собирался создать новый

общественный строй.

Кое-где в своей работе он допускает замечания автобиографического характера. Некоторые из них весьма любопытны. В приведенном ниже отрывке он признается в том, что о голоде знает со слов других людей, поскольку ему самому голодать не приходилось, и из-за этого ему, как теоретику, трудно вообразить, что переживали голодающие народные массы. Он пишет: «О хлебе я, человек, не видавший нужды, не думал. Хлеб являлся меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы. К основе всего, к классовой борьбе за хлеб, мысль подходит через политический анализ необыкновенно сложным и запутанным путем».

Странное признание. Оно как-то выпадает из общего контекста ленинской работы, целью которой было дать отпор газете «Новая Жизнь», редактируемой Горьким. Поводом полемики послужило высказанное в газете мнение, что, если большевики и победят с помощью вооруженного восстания, власть удержать они не смогут.

Статья Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» последовательно содержит целый ряд его соображений на эту тему. Тон спокойный, с налетом некоторого добродушия. Нет характерного него напора. Но, едва закончив эту работу, он пишет срочное письмо, адресуя его в Центральный Комитет и большевикам Петрограда и Москвы, — «Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам», в котором призывает к немедленному восстанию. «Большевики… должны взять власть тотчас. Этим они спасают и всемирную революцию… — заявляет он. — Медлить — преступление». Он выдвигает такой лозунг: «…Власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным». Заканчивает письмо он пацифистской фразой совсем не в духе вождя революции, зовущего к немедленному выступлению: «Победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно». Письмо было написано 14 октября. Но Центральный Комитет все еще не решался поднимать восстание.

Зато наконец-то решено было возвратить Ленина в Петроград. Стали думать, где его поселить. Выбор пал на квартиру Маргариты Фофановой на четвертом этаже дома на Сердобольской улице, 1. Хозяйка квартиры работала у солидного издателя в редакции, и хотя она с девятнадцати лет являлась активнейшим, боевым членом партии, никому и в голову не могло прийти, что она способна укрывать у себя дома опасного революционера. Фофанова заблаговременно отправила детей к своим родителям в деревню, а сама осталась в квартире одна,

готовая в любой момент встретить постояльца, в парике и очках, похожего — ни дать ни взять — на самого обыкновенного пожилого учителя музыки.

Фофанова писала в своих воспоминаниях, что он появился в пятницу. Официальные советские биографы Ленина упорно считают, что Ленин прибыл из Финляндии в субботу, 20 октября. Наверное, не так важно, когда он на самом деле приехал, в пятницу или в субботу, но вряд ли Фофанова могла перепутать — ведь для нее это был знаменательный день, который должен был запомниться на всю жизнь. Ленин просил Фофанову все время помнить, что он Иванов, и называть его только Константином Петровичем. По его просьбе она должна была каждое утро около одиннадцати часов, когда он по обыкновению завтракал, при носить ему свежие газеты. Кроме того, он строго-настрого наказал ей следить, чтобы на нем в ее присутствии всегда был парик. Он не выходил из дома и сторонился окон. Только на второй день после приезда он внимательно осмотрел балкон в одной из комнат на тот случай, если ему придется бежать через балкон и спускаться по водосточной трубе. Он давно взял за правило, поселяясь в очередной конспиративной квартире, сразу же ознакомиться с планом первого этажа и хорошо его запомнить. Квартиру Елизаровых на Широкой обыскивали трижды, а это значило, что за ним все еще шла охота.

Ленин продолжает настаивать на необходимости вооруженного восстания, повторяя известные слова Петра Великого: «Промедление смерти подобно». Волнения по поводу сепаратного мира между Германией и Великобританией отошли на задний план, так же как и ожидания, связанные с бунтом на кораблях германского флота. Но тут вдруг стало известно, что в Турине вспыхнула забастовка — о ней коротко сообщалось в газетах. В воображении Ленина обычная забастовка разрослась до размеров массового выступления, грозящего охватить всю Италию. Для него это было еще одним явным признаком надвигающейся социалистической революции, которая должна была объять весь мир. А раз так, то нельзя было терять ни минуты, надо было действовать, пока враг не успел перегруппировать свои силы.

21 октября он пишет небольшую статью об искусстве вооруженного восстания под ироническим заголовком: «Советы постороннего» — таковым он себя и чувствовал, лишенный возможности активно участвовать в революционной борьбе, утративший роль главного вождя революции. Развивая Маркса, в этой статье он перечислил пять правил, следуя которым, по его мнению, можно добиться победы в вооруженном восстании. Вот

они:

«1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо идти до конца.

2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, «моральный перевес».

С точки зрения Ленина, единственное, что требовалось, — это чтобы флот, армия и рабочие окружили Петроград, отрезав его от всей остальной России, и тогда победа большевикам обеспечена. Он все еще свято верил в то, что русская революция станет предвестницей мировой революции. «Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы», — писал он.

В ночь на 23 октября в изысканно обставленной квартире на Карповке было принято окончательное решение о начале революции, той самой, что должна была потрясти весь мир.

Дело происходило в квартире Николая Суханова, находившегося в ту ночь совсем в другом месте и ни о чем не ведавшего. Он узнал об этом много дней спустя. «История сыграла со мной веселую шутку, — писал он. — Подумать только, совещание, на котором было принято окончательное решение, происходило у меня на квартире (Карповка, 32, квартира 31) и без моего ведома».

Тайное совещание было инициировано Лениным, организовал его Свердлов, за сутки до этого уведомив о нем участников. Оно началось вечером и закончилось через десять часов. Из двадцати четырех членов Центрального Комитета присутствовали двенадцать человек: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Свердлов, Дзержинский, Сталин, Урицкий, Бубнов, Сокольников, Ломов и Александра Коллонтай. Протокол заседания вела Варвара Яковлева, а жена Суханова разносила чай с бутербродами. Ленин явился последним. Он был в своем неизменном парике и в очках с тяжелой оправой. Яковлева сочла, что он был похож на лютеранского священника. Большинство из присутствовавших тоже изменили свой облик. Даже Зиновьев сбрил свою густую, роскошную бороду. Поскольку встреча должна

была храниться в полной тайне, секретарю собрания было велено делать очень краткие записи выступлений. Но, судя по всему, она вообще прекратила вести записи вскоре после того, как совещание началось.

Свердлов, избранный председателем, выступал первым. Он начал с доклада о положении дел в большевистских организациях в провинциальных городах и на фронтах. Видно, Ленин неплохо его подготовил — Свердлов говорил то, что Ленин от него ждал. Он рассказывал о каких-то скрытых симптомах контрреволюционного заговора, намечавшегося в Минске, «где готовят новую корниловщину». Минск будто бы обложен казачьими полками, которые собираются взять его, а взяв, истребить в городе всех большевиков. Далее из записей Яковлевой следует, что будто бы между штабом армии и военным командованием в Петрограде ведутся какие-то подозрительные переговоры. Видимо, кто-то из присутствовавших задал докладчику вопрос, существуют ли документы или фактические подтверждения того, что готовится в Минске, потому что есть такая запись: «Нет никаких документов. Их можно будет получить, захватив штаб, что в Минске технически вполне возможно; в таком случае местный гарнизон сможет разоружить войска, стоящие за городом. Вся артиллерия дислоцируется в пинских болотах». Доклад был не по делу, отвлеченный, и помимо предупреждения о надвигающейся угрозе новой корниловщины ничего важного не содержал. Основная тема — поднимать ли вооруженное восстание или отложить его на неопределенное время — в докладе Свердлова не была затронута вообще.

Затем слово взял Ленин. И то, что он сказал, было как раз то самое важное, самое неотложное, самое страшное и— самое простое. Он требовал, ни много ни мало, как сейчас же, немедленно, выступить с оружием в руках, в крайнем случае, завтра, послезавтра, но не позже. Он снова был в роли обвинителя. Не пытаясь ничего смягчать, он дал понять, что, по его мнению, Центральному Комитету элементарно не хватает смелости и дальновидности. С начала сентября революционная активность заметно снизилась, упущено время, что совершенно недопустимо, заявил он. Пришел час выработать детальный план боевых действий и осуществить революцию, потому что массы устали от бесконечных обещаний и резолюций; они рвутся в бой под лозунгом: «Вся власть Советам!» Проволочки немыслимы, поскольку именно в данный момент международная обстановка работает на большевиков. Еще в июле большевики могли взять власть, но они не смогли бы ее удержать. Теперь же массы

поддерживают большевиков, назрел момент сменить власть.

Он хотел, чтобы революция произошла до того, как соберется Учредительное собрание, так как допускал, что Учредительное собрание «будет не за нас». Более того, он вынужден был признать, что массы стремительно теряют интерес к революционной борьбе. Он возлагал большие надежды на солдат, которые, по его словам, все еще были полны революционного пыла. Казалось, он пытался внушить мысль, что революция может начаться, например, в Минске, в центре расположения войск Западного фронта, оттуда волной прокатиться по всей стране, а дальше остановить ее уже будет невозможно, как природную стихию.

Ленин был зол, близок к отчаянию. Он ледяным тоном упрекал товарищей в том, что они не поняли, насколько опасно затягивать вооруженное восстание. Это относилось ко всем без исключения членам Центрального Комитета. Троцкий назвал приблизительную дату восстания — «не позднее двадцать пятого октября»; в тот день должен был состояться 2-й съезд Советов. Ленин язвительно спросил, при чем 2-й съезд Советов и какое он имеет отношение к намеченным событиям; вряд ли он состоится, если к тому моменту большевикам не удастся завоевать власть. Он не был склонен недооценивать силы противника. Ведь ничто не помешает Керенскому стянуть контрреволюционные войска к Петрограду, окружить столицу — и тогда революция будет задушена на корню. «Мы не смеем выжидать, мы не смеем затягивать», — твердил Ленин, и члены Центрального Комитета ощущали, какой напор, воля и мощь исходили от этого человека; в нем кипела бешеная внутренняя энергия, которая искала выхода, била через край.

Урицкий мягко ему возразил, сказав, что бессмысленно обсуждать план боевых действий при отсутствии боевых средств. Петроградские рабочие имели в своем распоряжении сорок тысяч ружей, но для победы этого было мало. По этому поводу в Петроградском Совете уже было проведено не одно совещание, принято множество резолюций, но ничего не было сделано. Виной тому, считал Урицкий, была общая неорганизованность. Требовалась единодушная, осознанная решимость выступить. На этом месте Яковлева прекратила вести запись речи Урицкого, возможно, он на том и закончил. Нам остается только догадываться, какой разнос ему устроил Ленин.

Потом говорил Дзержинский. Он предложил сформировать Политическое бюро, которое осуществляло бы постоянный контроль над решениями партии. Его предложение было принято. Политбюро было избрано в составе семи человек; в него вошли

Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников и Бубнов.

Всю ту долгую ночь, пока шло совещание, Ленин постоянно возвращался к разговору о том, когда должно быть поднято восстание. Он был в состоянии холодной, тихой ярости и требовал, чтобы все единодушно приняли решение о точной дате восстания или, по крайней мере, более или менее точной дате, поскольку политическая ситуация быстро менялась и могли быть неожиданности. К его удивлению выяснилось, что ближайшие его соратники, члены ЦК Зиновьев и Каменев, колебались. Более того, они вообще не были уверены в том, что восстание необходимо. До конца своих дней они будут помнить его едкую отповедь и как он назвал их «предателями революции».

Наконец, состоялось голосование. Десятью голосами против двух было решено, что момент для вооруженного выступления настал. Расправив лист бумаги, вырванный из ученической тетради, карандашом с обгрызенным концом Ленин записал резолюцию, одобренную большинством членов Центрального Комитета. К этому часу он уже был слишком утомлен, а может быть, так сильно расстроен «предательством» ближайших своих друзей, что ему было не до стилистических красот принятого документа. Неудивительно поэтому, что он получился сырой, невыразительный. В первом абзаце без особой последовательности указываются причины, побудившие партию поднять восстание. Тут же бросается в глаза откровенно грубое измышление (и не единственное), заключенное в словах: «… Несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К^0 сдать Питер немцам…» Во втором абзаце корявым слогом записано решение о неизбежности восстания и назревшем моменте.

Документу этому, нацарапанному на листке из школьной тетради, предстояло стать одним из самых могучих, судьбоносных документов XX века наряду с ленинскими «Апрельскими тезисами». С этого клочка бумаги и начнется новая революция. Вот его текст:

«ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе[42] всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), — так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с КО сдать Питер немцам), — так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление

второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), — все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)».

Таково было содержание секретной прокламации, сочиненной Лениным ранним утром 23 октября 1917 года и одобренной членами ЦК после утомительных споров, длившихся десять часов. Эта резолюция - призыв Ленина ко всем своим сторонникам. Пожалуй, ее стоит прочесть повнимательней, и не только потому, что мы знаем, какие она имела далеко идущие последствия, но еще и потому, что она дает нам ключ к пониманию того, чем были заняты мысли Ленина накануне Октябрьской революции.

В первом абзаце он называет ряд моментов, по его мнению, свидетельствовавших о том, что обстановка в мире складывается в пользу революции. Весьма интересно, что он придает такое огромное значение восстанию во флоте в Германии, открывая им перечень моментов, якобы играющих на руку большевикам, определяя его «как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции». Действительно, мятеж был — в сентябре 1917 года на военной базе в Вильгсльмсхафене взбунтовались два, а может быть, три корабля, но он был тут же подавлен, а мятежники казнены на месте. Второй момент, на который он ссылается, звучит и вовсе фантастически. Ленин все еще верил, хотя, возможно, и делал вид, что верит, в угрозу сепаратного мира между союзниками и Германией, целью которого должно было стать удушение революции в России. При этом он явно имел в виду грядущую пролетарскую революцию, а отнюдь не Февральскую, уже свершившуюся. Ленин твердил, что немцы, равно как и союзники, вот-вот прекратят войну, чтобы затем вместе обрушиться на Петроград и Советы. Если он и впрямь верил в такой поворот событий, то мы вправе его упрекнуть в пренебрежении к исторической истине: в разгар смертельной схватки какое было дело немцам или союзникам, будут или не будут существовать в Петрограде какие-то Советы, и откуда политикам Германии и стран Антанты было знать, что такое Советы и что они превратятся в органы власти, когда победят большевики.

Далее: где доказательства того, что Керенский намеревался

сдать Петроград немцам? Напротив, он был за то, чтобы продолжать войну, пока хватит человеческих сил; именно за твердую настроенность Керенского продолжать военные действия, несмотря на волнения в российской армии, большевики обвиняли его в разжигании войны. Ленин отлично знал, что не было никакого несомненного решения русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам. По мере того как немцы все ближе подходили к Петрограду, упорнее распространялись другие слухи, что столица из Петрограда будет перенесена в Москву. Большевики, и главным образом, Троцкий, воспользовавшись этими слухами, заклеймили Керенского как главу правительства «национальной измены», замыслившего контрреволюционный переворот. Таким образом, в целях пропаганды Керенского уличали, с одной стороны, в том, что он ради победы над Германией готов проливать русскую кровь до последней капли, а с другой — что он, как изменник, того гляди сдастся немцам. Как ни странно, эта пропаганда работала, хотя правды в ней не было ни на грош.

И наконец, четвертый довод, который Ленин приводит в доказательство того, что обстановка способствует большевистской революции, — он заключается в следующих его словах: «приобретение большинства пролетарской партией в Советах». Так оно и было: в сентябре большевики получили большинство в Петроградском Совете, а через несколько дней после этого и в Московском Совете. Ленин был совершенно прав, утверждая, что в народном сознании произошел поворот в сторону большевиков, а также и в том, какую важную роль в тот момент могли сыграть крестьянские волнения, прокатившиеся по стране. Не исключена была и опасность второй корниловщины.

Из. К. пишет, что как международное поведение русской революции (Саботаж во фронте в Германии, как крайнее проявление капитуляции всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), — так и военное поведение (несомненные решения русской буржуазии и Керенского с К° создать Кадр штыками), — так и учреждение большинства пролетарской партии в Совдепах, — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народных

в вел. Европе

2/ говорил к нашей партии (выборы в Москве), как они явно подготовляли общую контрреволюционную (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), — все это давало нам право на вооруженное восстание.

Признавая ген. обр., что вооруж. восстание назрело и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезд советов сов.

Рукопись резолюции Ленина, принятой на заседании ЦК РСДРП (б) 23 октября 1917 г., — этому листку из школьной тетради предстояло стать одним из судьбоносных документов XX в., с этого клочка бумаги началась Октябрьская революция.

В самом деле, прелюбопытный это документ, в нем явь соседствует с фантазией, вероятность с неправдой, домыслом, огромная надежда с отчаянием. Эта бумага, резолюция, прокламация, — была написана человеком, пребывавшим в те часы в состоянии крайнего нервного возбуждения, человеком, посвятившим жизнь мечте о грядущей всемирной революции, почву для которой он находил в сочинениях Нечаева, Бакунина, Маркса. «…Вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело» — эту фразу Ленин много раз повторял в течение лета и осени семнадцатого года. Она является ключевой и в этой секретной резолюции.

И все-таки были люди, которые до последнего момента противились осуществлению ленинского плана. Они слишком хорошо помнили уроки июльских событий. Не только Каменев с Зиновьевым, нашлись и другие, оспаривавшие логическую необходимость вооруженного восстания, поскольку, по их мнению, население к нему не было готово, народу было не до того. Ну хорошо, рассуждали они, предположим, что Керенский с его правительством исчезнут с политической арены, власть перейдет в руки Петроградского Совета, но надолго ли? И с какой целью? Чтобы установить диктатуру пролетариата? А не будет ли это диктатурой одного человека? На беду вконец отчаявшегося народа ответов на эти вопросы в преддверии той суровой, трагической для России зимы не было.

Тем не менее Зиновьев и Каменев в ответ на резолюцию, предложенную Лениным, написали свое возражение, в котором вполне обоснованно критиковали позицию Ленина по вопросу о вооруженном восстании. С их точки зрения, для немедленного выступления не было никаких оснований, да и надежд на то, что оно кончится победой, тоже не было. Верно, что большевики преобладали в Советах, но крестьян было куда больше, и почти все они входили в партию социалистов-революционеров. Ленин заявил, что большинство русского народа и большая часть международного пролетариата жаждут революционного выступления; Зиновьев и Каменев заверяли, что это далеко не так, что это ошибочное мнение. К тому же у рабочих нет никакого желания выйти на улицы, чтобы сражаться за новую власть. Этой

власти они не хотят и не возлагают на нее своих надежд. Вот что писали Каменев с Зиновьевым, эта парочка отколовшихся:

«Силы пролетарской партии, разумеется, очень значительны. Но решающий вопрос заключается в том, действительно ли среди рабочих и солдат столицы настроение таково, что они сами видят спасение уже только в уличном бою, рвутся на улицу. Нет. Этого настроения нет. Сами сторонники выступления заявляют, что настроение трудящихся и солдатских масс отнюдь не напоминает хотя бы настроения перед 3 июля.[43] Существование в глубоких массах столичной бедноты боевого, рвущегося на улицу настроения могло бы служить гарантией того, что ее инициативное выступление увлечет за собой и те крупнейшие и важнейшие организации (железнодорожные и почтово-телеграфные союзы и т. п.), в которых влияние нашей партии слабо. Но так как этого настроения нет даже на заводах и в казармах, то строить здесь какие-либо расчеты было бы самообманом».

Оба они, и Зиновьев, и Каменев, были революционерами с большим стажем. Зиновьев в течение многих лет был близким другом Ленина. Их подробное, обоснованное обращение к партии с предложением отложить восстание вовсе не было актом предательства; они не думали переметнуться на сторону врага. Они надеялись, что наступит более удачный момент для революции. Привлечь внимание большевиков к своему обращению Зиновьев и Каменев могли, лишь напечатав его в каком-нибудь органе, и они решились на отчаянный шаг: они передали его текст в меньшевистскую газету «Новая жизнь». Обращение было напечатано в утреннем выпуске газеты 31 октября. Ленин понятия не имел о существовании этого документа, пока кто-то не прочел ему напечатанный текст утром того же дня. Ленин вскипел, он был в бешенстве и грозил разорвать с Зиновьевым и Каменевым все товарищеские отношения, исключить их из партии. Особенно его возмутило то, что они критиковали резолюцию Центрального Комитета, не предназначенную для печати, и притом в непартийной газете. Они посмели заявить, что в восстании нет необходимости, что власть к большевикам и так придет через Учредительное собрание. «Ну и пусть основывают новую партию из кандидатов в Учредительное собрание», — презрительно бросил он. Он считал их изменниками, хуже, чем изменниками. Они не признавали его авторитет вождя партии, и это глубоко задевало его. С камнем на сердце он писал:

«Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена.

И все же таки задача будет решена, рабочие сплотятся,

крестьянское восстание и крайнее нетерпение солдат на фронте сделают свое дело! Теснее сплотим ряды, — пролетариат должен победить!»

Но слово было не за ним. Вот уже несколько дней заседал Военно-революционный комитет во главе с Троцким. Они принимали решение. Через шесть дней был дан сигнал к выступлению.

Завоевание Петрограда

Над городом, давно чуявшим свою погибель, занималось пасмурное, серенькое утро. Холодный ветер гнал с залива тяжелые тучи, но сильных дождей не было — моросило, и на улицах блестели лужи. Часам к девяти утра дождик прекратился, и сквозь тучи проглянули светлые полоски чистого неба. Приближалась зима, вот-вот должен был выпасть первый снег. было обыкновенное хмурое утро, какие бывают поздней осенью. На улицах бегали трамваи, сновал народ, как всегда, продавали свежие газеты, — правда, одна газета в тот день не вышла, но об этом будет особый разговор. В этой деловой суете не было ничего необычного. Чиновники спешили в свои конторы, рабочий люд — к станкам, на заводы и фабрики. Люди респектабельные, располагающие средствами, и прочие, кто мог себе позволить выход в театр, уже с утра размышляли о том, что надо бы непременно приобрести билеты в Мариинский театр — там давали новый балет с Карсавиной в главной партии.» В тот сезон пел Шаляпин. Мейерхольд возобновил постановку стихотворной драмы графа Алексея Толстого «Смерть Иоанна Грозного», той самой, в любительских представлениях которой в аристократических гостиных охотно участвовал Достоевский совсем незадолго до своей смерти. Скоро всей этой размеренной, привычной городской жизни придет конец. Мог ли кто-нибудь тогда себе представить, разгуливая по улицам столицы и наблюдая фешенебельную публику на Невском, что в Смольном, смотрящемся в воды Невы голубыми куполами и золотыми крестами своего собора, засела кучка отчаянных голов, именующих себя Военно-революционным комитетом, и что эти люди готовят революцию, которая не только перевернет до основания всю Россию, но и шагнет далеко за ее пределы, объяв чуть не четверть земного шара.

Смольный был захвачен левыми партиями еще в дни Февральской революции. До этого более века это длинное, трехэтажное здание служило помещением для Института

благородных девиц — в нем воспитывались девушки из дворянских семей. В классах, где раньше преподавали этикет, французский язык, русскую историю, в 1917 году разместились штабы революционных партий — большевиков, меньшевиков, эсеров и анархистов. Над покрытыми эмалью аккуратными табличками, обозначавшими номера классных комнат и их предназначение, торчали приклеенные клочки бумаги с названиями заседавших за их дверями партий и партийных группировок. Залы были просторные и казались еще больше оттого, что стены их были выкрашены в белый цвет. Постепенно, к осени, в Смольном остались только большевики и меньшевики. К началу ноября большевики уже стали считать Смольный исключительно своей собственностью, с неудовольствием терпя соседство меньшевиков.

Здесь, в Смольном, в течение двух недель Троцкий вместе со своими единомышленниками разрабатывал план вооруженного восстания. Заметим, что Смольный не охранялся, — никакого караула у дверей не было. В те дни в Петрограде царила атмосфера редкой терпимости, вседозволенности. Кстати, государственные учреждения тоже стояли никем не охраняемые.

В ночь на 5 ноября Керенский, постоянно получавший предупреждения о том, что большевики готовят восстание, наконец-то решил действовать. Он отдал приказ батальону штурмовиков переместиться из Царского Села в столицу. Одновременно из Павловска в Петроград была стянута артиллерия. Крейсер «Аврора» получил распоряжение выйти в море. Инженерам связи было велено прервать телефонное сообщение со Смольным, и кроме того, было решено прекратить издание большевистской газеты «Рабочий Путь». В половине шестого утра вооруженные отряды под командованием офицера, имевшего ордер на обыск, подписанный начальником Петроградского военного округа, ворвались в помещение редакции, рассыпали набор и сожгли восемь тысяч экземпляров отпечатанного выпуска, после чего, изъяв все документы, обнаруженные в редакции, опечатали помещение и выставили вокруг здания своих постовых. Примерно в то же время были перерезаны телефонные провода, ведущие в Смольный.

Таковы были самые первые меры борьбы с большевиками, предпринятые Керенским с целью спасти Февральскую революцию; с них-то и началась гражданская война, которая закончилась только когда вся Россия оказалась под властью большевиков.

Проснувшись утром 6 ноября, Троцкий, к изумлению своему, узнал, что большевики лишились газеты и телефонов. Сразу же

был организован отряд мотоциклистов, которым поручили наладить связь с теми заводами и фабриками, где рабочие поддерживали большевиков. Проблему ареста типографии тоже удалось уладить благодаря одной молодой женщине, сотруднице газеты, которая успела выскользнуть из здания во время налета. Она сообщила, что налетчики опечатали двери обыкновенным воском.

— Разве нельзя эти печати сломать? — спросила она.

— Почему же нельзя? — поддержал ее Троцкий. Пройдут годы, и он не без иронии будет вспоминать, с чего началась новая российская революция: с того, что были сломаны несколько миллиметров воска на опечатанных дверях редакции, а эту простую идею подала никому не известная молодая женщина, имени которой он даже не запомнил.

Но оставалась проблема с выставленными вокруг здания редакции газеты постовыми.

— Рабочие типографии вернутся к станкам, если им дадут вооруженную охрану, — продолжала все та же молодая женщина.

Троцкий только этого и ждал. Он немедленно приказал Литовскому полку окружить здание газеты «Рабочий Путь» и наладить выпуск большевистского печатного органа. Вслед за тем Военно-революционный комитет издал декрет, запрещавший закрывать типографии большевистских газет. Это был первый декрет большевиков, за которым последуют новые и новые декреты — их будет издано бесконечное множество во время Октябрьской революции. Второй, также продиктованный Троцким, был выпущен сразу же после первого. Его разослали во все подразделения Петроградского гарнизона. Он гласил: «Этой ночью враг народа предпринял попытку наступления. Военно-революционный комитет возглавил сопротивление вылазке заговорщиков».

Таким образом Троцкий желал создать видимость, будто восстание явилось актом самозащиты, вынужденной мерой, направленной против коварного, ненавистного правительства. Смысл всего этого был в том, чтобы большевики смогли оправдать начатые ими боевые действия, необходимые как бы из соображений революционной морали. Это был исключительно ловкий ход, в результате которого законное правительство России за одну ночь превратилось в кучку контрреволюционеров-заговорщиков.

Решение выслать вооруженный отряд охранять здание, где размещались редакция и типография большевистской газеты «Рабочий Путь», вывело Военно-революционный комитет на новый этап борьбы. До сих пор никто и не думал выставлять

вооруженную охрану вокруг Смольного. Теперь же Смольный превратился в крепость, ощетинившуюся штыками ружей и дулами пушек. У главного входа был выставлен патруль; прилегающие улицы тоже патрулировались. В Смольный завозили мешки с картошкой, овощами и фруктами, чтобы физически поддержать осажденную крепость. Во дворе из дров возводили подобия баррикад, которые должны были служить укрытием для стрелков и пулеметчиков, защищающих Смольный. За высокими колоннами вдоль фасада были выставлены минометы, а на лестницах, ведущих в главные помещения, установили пулеметы системы «Максим». Для всех был введен пароль. Снаружи на холодном уже по-зимнему воздухе солдаты разжигали костры из дров и грелись у огня.

Рано утром состоялось заседание Центрального Комитета партии большевиков. Из его состава отсутствовали только трое — не было Ленина, Зиновьева и Сталина. Возможно, Зиновьева решили не приглашать, поскольку он отрицал необходимость вооруженного восстания. Отсутствие Сталина предположительно объясняется тем, что он, как редактор «Рабочего Пути», был занят. А Ленин, разумеется, все еще находился в подполье. Роль председателя заседания выполнял Свердлов, а все решения принимал Троцкий, он же распределил обязанности между членами Центрального Комитета. Дзержинскому был поручен контроль над почтой и телеграфом, Бубнову — над железными дорогами; Ногин и Ломов отвечали за связь с Москвой; Свердлов должен был наблюдать за тем, что предпринимает Временное правительство; Милютин отвечал за снабжение продовольствием повстанцев; Каменев и Берзин должны были налаживать отношения с левым крылом партии эсеров, заметно сблизившимся с большевиками. Роль военного руководителя намечавшегося государственного переворота Троцкий без колебаний взял на себя. По его предложению было принято решение, что, если большевиков выдворять из Смольного, они переведут свой штаб в Петропавловскую крепость, где гарнизон незадолго до этого перешел на сторону большевиков. На этом заседании всех поразил Каменев. Обычно далекий от всяких дел, связанных с боевыми действиями, и не проявлявший к ним никакого интереса, он выступил с неожиданным планом, который заключался в следующем: если события примут совсем неважный для большевиков оборот, то вожди революции смогут руководить повстанцами с крейсера «Аврора» — ведь на нем установлен репродуктор.

Небольшая угловая комната на третьем этаже Смольного превратилась в штаб революции. Сюда шли непрерывным

потоком люди в тулупах и облепленных грязью сапогах. Они докладывали Военно-революционному комитету о ходе подготовки к восстанию, до которого теперь уже оставалось каких-то несколько часов. Отсюда неслись приказы в армейские полки, на боевые корабли, заводы и фабрики, где рабочие перешли на сторону большевиков.

Тем временем правительство Керенского все еще делало отчаянные попытки удержаться у власти. В 10 часов утра Керенский созвал министров на совещание в Зимний дворец, чтобы обсудить создавшееся положение и сообщить о мерах, предпринятых им за прошедшую ночь. Заседание продолжалось два часа, после чего он отбыл в Мариинский дворец, где проходила предпарламентская сессия. Здесь он произнес длинную речь, в которой подробно и обстоятельно изобличал большевиков в подрывной антигосударственной деятельности, каковой он считал подстрекательство к вооруженному мятежу всего за три недели до выборов в Учредительное собрание, а ведь только Учредительному собранию будет дано право говорить от имени всей России. Керенский заявил, что большевики вовсе не представляют интересы всего населения страны и, что еще пагубней, сознательно или нет играют на руку германским милитаристам. Большевики не скрывают того, что готовятся к восстанию, продолжал Керенский, но большевистские вожди, стоящие во главе заговора, с их поразительной способностью исчезать и прятаться, вряд ли ощутят на себе все последствия мятежа, тяжесть которого падет на плечи народных масс. Керенский зачитал статью Ленина, опубликованную в газете «Рабочий Путь». В ней Ленин выступал против созыва Учредительного собрания и призывал народ к немедленному вооруженному восстанию, чтобы поддержать германских социал-демократов, тоже якобы собравшихся поднять восстание. В своей статье Ленин вопрошал российский пролетариат: почему они ничего не делают, чтобы помочь немцам, и притом в такой удобный момент, когда в России выходит множество газет, рабочим гарантирована свобода собраний, да и вообще Россия географически расположена лучше, то есть ближе к Германии, чем любой другой международный пролетариат. Керенский язвительно заметил, что Ленин призывает русских рабочих помочь немецким революционерам, о существовании которых те и знать не знают. Далее Керенский вынужден был признать, что армия деморализована. Верно и то, сказал он, что давно пора прекратить войну, и потому он посылает в Париж делегатов, чтобы вести переговоры о безотлагательном заключении мира. Не решена еще проблема земельных реформ, но усилия в этом

направлении предпринимаются. Керенский открыто обвинил большевиков в государственной измене. Он закончил свою речь сообщением о том, что многие районы Петрограда уже охвачены восстанием и что он отдал приказ об аресте его зачинщиков.

Едва Керенский закончил свое выступление, как министр Коновалов подал ему какую-то бумагу. Керенский не сразу понял, что в ней написано. В зале воцарилась тишина. Затем он произнес: «Мне только что вручили документ, который уже разослан по всем полкам. В нем говорится: «Петроградский Совет в опасности. Приказываю вашему полку быть в полной боевой готовности и ждать дальнейших указаний. Любые проволочки или неповиновение приказу будут расцениваться как измена революции. Подвойский. Исполняющий обязанности председателя»».

После того как Керенский огласил приказ Подвойского, началось невообразимое. Все кричали одновременно. Общий хор голосов перекрыл голос Керенского — он потребовал для себя неограниченных полномочий для подавления восстания. Полномочия ему были даны, но было поздно: затушить пожар уже было невозможно.

А в Смольном вовсю работали мехи, раздувая бушующее пламя. Крейсер «Аврора», которому было приказано выйти в море, запросил Военно-революционный комитет, какие будут указания, и получил ответ не подчиняться приказам Керенского, а поступить в распоряжение Военно-революционного комитета. Временное правительство упорно продолжало издавать приказы. Но как только очередной приказ становился известен, Военно-революционный комитет издавал свой встречный приказ, который сводил на нет волю Временного правительства. Эту игру в кошки-мышки затеял Троцкий, и надо отдать ему должное, вел он ее с большой выдумкой и дерзостью. Когда из Городской думы пришла делегация с вопросом, в самом ли деле Советы — инициаторы вооруженного восстания, Троцкий ответил им, что есть сведения, будто правительство намерено выступить против народа, и даже пригласил членов Городской думы присоединиться к Военно-революционному комитету в общих усилиях по поддержанию порядка. Депутаты справедливо предположили, что в городе могут начаться грабежи, неизбежные во время любого мятежа. В ответ на это Троцкий предъявил им текст одного из многочисленных приказов, собственноручно отданных им в тот день. Приказ звучал так: «При первой же попытке со стороны преступных элементов поднять на улицах Петрограда беспорядки, грабежи, поножовщину, они будут стерты с лица земли». Члены Городской думы покинули Смольный со

смутным чувством непоправимой беды.

Ленин продолжал томиться в полной неизвестности о происходящем. В то утро Фофанова принесла ему свежие газеты и отправилась на работу в издательство, которое находилось на Васильевском острове. В 4 часа дня до нее дошли слухи, что правительство отдало приказ развести мосты. Керенский понял, какая опасность грозит его правительству, и решил принять меры, чтобы вооруженные рабочие не заняли центральные районы города. Она вышла из издательства и села в трамвай, направлявшийся к Николаевскому мосту. Но мост уже был разведен. Сампсониевский мост тоже успели поднять за то время, что она до него добиралась. Было половина пятого, начинало смеркаться. По какой-то причине еще не был разведен Гренадерский мост, по нему ходил транспорт. С Гренадерского моста она поспешила дальше: ей надо было как можно скорее добраться домой. Недалеко от Гренадерского моста, на бульваре, был штаб местной большевистской организации. Она бросилась туда, но там было известно не больше, чем ей самой. Никакие приказы им не поступали. Фофанова села в трамвай. Ленин был дома, один. Он сгорал от нетерпения, так ему хотелось знать, что делается в городе. Она рассказала ему, что почти все мосты разведены. Тогда он спросил, какие мосты еще действуют, и тут же отправил ее за точными сведениями в местный штаб большевиков. Для Ленина вопрос о мостах не был праздным любопытством. Он сообразил, что если бы Керенскому удалось развести все мосты, то он смог бы удержать в своих руках центральную часть города. В результате восстание вылилось бы в сражение за мосты, и преимущество было бы на стороне правительства. Теперь, предполагал он, все зависело от того, сумеют ли рабочие захватить центр города. Ленин не знал, что тем вечером все мосты, ведущие из рабочих районов в центр Петрограда, были тихо, без боя захвачены повстанцами.

Пока Фофанова отсутствовала, он сел писать письмо, заключительное в целой серии его писем, призывавших к немедленному вооруженному восстанию. Он и не ведал, что восстание уже началось. Вернувшись в девять часов вечера в свою квартиру, Фофанова сообщила Ленину, что все мосты в руках революционеров. Но от Военно-революционного комитета почему-то до сих пор не было никаких известий. В своем письме Ленин писал:

«Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го,[44] положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского[45] показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!

Цена взятия власти тотчас: защита народа (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от корниловского правительства, которое прогнало Верховского и составило второй корниловский заговор.

Кто должен взять власть?

Это сейчас неважно: пусть ее возьмет Военно-революционный комитет «или другое учреждение», которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа, интересов армии (предложение мира тотчас), интересов крестьян (землю взять должно тотчас, отменить частную собственность), интересов голодных.

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все.

Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их.

Это доказала история всех революций, и безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит спасение революции, предложение мира, спасение Питера, спасение от голода, передача земли крестьянам.

Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни

стало!

Промедление в выступлении смерти подобно».[46]

Закончив письмо, Ленин снова стал томиться ожиданием. Ему необходимо было как можно скорее попасть в Смольный, где в это время принимались решения огромнейшей важности. Все приготовления к восстанию были закончены, и Военно-революционный комитет постановил, что восстание должно начаться в два часа ночи. Конечно, Ленина старались держать в курсе дела, но оповещали его не обо всем. Пока что его предупредили, чтобы он не спешил выходить из подполья. Позже Сталин распространит версию, будто к вечеру того дня он собственноручно послал Ленину записку, вызывая его в Смольный, и что Ленин получил ее как раз в тот момент, когда писал процитированное выше письмо. Представьте, какое счастливое совпадение! Но верится в это с трудом. Ленин действительно отослал Маргариту Фофанову около 1 О часов вечера, по всей вероятности, с настоятельной просьбой узнать подробнее самые свежие новости о вооруженном восстании; почти наверняка при ней было только что написанное им письмо. Ленин также сказал ей, что будет ждать ее до 11 часов, а если до того времени она не вернется, он будет волен поступать, как ему заблагорассудится. Верный спутник Ленина, Эйно Рахья, как всегда, был к его услугам.

Из всего, что ему удалось в тот день узнать, он понял: восстание вот-вот начнется. Целый месяц до этого он пытался убедить Военно-революционный комитет в необходимости действовать тотчас же, не медля, повсюду, где это только возможно, — пока Временное правительство не стянуло силы и пока рабочие и солдаты горят желанием ринуться в бой. И вот настал его час действовать. Необходимо во что бы то ни стало «подтолкнуть историю». Что толку сидеть и ждать, когда за ним придут и с почестями выведут к народу, а весь Петроград будет уже в руках революционеров? Он должен любой ценой попасть в Смольный.

Риск был велик. Большую часть пути надо было идти пешком, потому что трамваи не ходили. Кроме того, существовала опасность встречи с правительственными патрулями. Мосты могли быть снова разведены, и тогда пришлось бы нанимать лодку, чтобы перебраться на другой берег Невы, а юнкера наверняка шарили в темноте прожекторами по воде. Если бы Ленина узнали, его расстреляли бы на месте.

Полчаса он ходил взад-вперед по комнате, перебирая в уме все «за» и «против». Вдруг он остановился — его пронзила мысль, что, если он и дальше будет сидеть в этой комнате, он все

потеряет, а если он все-таки доберется до Смольного, он выйдет победителем, все лавры будут его. Ленин быстро напялил парик и подвязал щеку большим мятым платком. Эйно Рахья он велел в случае, если их остановят, говорить, что у его товарища страшная зубная боль, и поэтому он даже не может говорить. Затем он написал записку верной своей помощнице Фофановой: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич», — с тем и покинул квартиру. Ночь была холодная, дул сильный ветер, но снег еще не лег на землю. Уходя из дома, Ленин надел галоши — боялся, что будет дождь.

Трамваев не было видно. Выборгская сторона была в руках красногвардейцев, поэтому Ленин и Рахья не отдали никаких препятствий до самого Литейного моста. На их удачу им попался последний трамвай, направлявшийся в депо, и они вскочили в него. Вагон был почти пустой. Никто не обратил внимания на человека с подвязанной щекой и на молодого финна, его спутника. Годы спустя придворные историки, почитатели культа Ленина, придумали любопытный разговор, который якобы произошел между Лениным и кондукторшей трамвая. Ленин будто бы спросил кондукторшу, куда идет трамвай, а она будто бы ответила: «Да откуда вы такие? Разве не знаете, что в городе творится? И какие вы рабочие, если даже не знаете, что у нас революция! Мы прогоняем хозяев!» Тут Ленин, мол, расхохотался и к восторгу кондукторши стал ей детально объяснять, как должна развиваться революция. А Эйно Рахья в это время дрожал всем телом, боясь, что Ленина кто-нибудь узнает и выдаст врагам. В официальной истории этот эпизод так или иначе был увековечен наряду с другими сказками, сочиненными для того, чтобы ярче раскрасить исторические события тех лет. А между тем подлинная история революции была и без того насыщена красками и в подсветке не нуждалась.

Ленин шел в Смольный, терзаемый чувством одиночества, покинутости. Больше всего его донимал вопрос: почему революцию начали без него? Могли бы по крайней мере послать за ним броневик или приказали бы красногвардейцам доставить его под их прикрытием в Смольный. Но ничего такого не предприняли. У Ленина было отчетливое ощущение, что от него намеренно скрывали самую важную информацию. Ленин шел в Смольный, прекрасно понимая, что имеет один шанс из трех дойти туда живым.

На Выборгской стороне Литейный мост охраняли красногвардейцы. Они без всякого допроса пропустили двух прохожих в потертых пальто и кепках, приняв их за рабочих. Но на другой стороне моста дежурил кадет, и от него можно было

отдать неприятностей. К счастью, откуда ни возьмись появились красногвардейцы, и внимание кадета было отвлечено. Красногвардейцы и кадет принялись осыпать друг друга ругательствами, и пока длилась их перепалка, Ленин с Эйно Рахья незамеченными проскочили мимо, преодолев последние несколько метров моста. Так они благополучно проделали большую половину пути; самый опасный отрезок его оставался впереди.

Они шли по Шпалерной, как вдруг перед ними из тумана возникли два юнкера верхом на лошадях. Юнкеры приказали им остановиться и предъявить пропуска. Эйно Рахья шепнул Ленину: «Идите, я с ними сам разделаюсь». Правда, в тот момент он понятия не имел, как это он с ними справится, хотя у него в обоих карманах лежало по револьверу, и при необходимости он мог пустить их в ход. И тут его словно осенило. Он решил сделать вид, что он пьяный. Один из юнкеров хлестнул его нагайкой по голове. На требование предъявить пропуск Рахья тупо бормотал, что не понимает, чего от него хотят. Юнкеры собрались было его арестовать, но передумали, решив, что нечего связываться с пьяным, и отпустили. Рахья догнал Ленина, и дальше до самого Смольного они шли без приключений. А у Смольного возникло неожиданное препятствие — их не захотели впускать. Это, пожалуй, было самое нелепое, что могло с ними случиться по дороге. Вождь революции, человек, который в течение нескольких недель упрямо призывал к восстанию, теперь оказался у закрытых дверей — его не хотели впускать в здание, где размещался штаб революции. Дело в том, что его пропуск был белого цвета, но такие пропуска уже были недействительны. Теперь в ходу были красные пропуска. Минут десять Ленин и Эйно Рахья спорили с охраной, и только когда напиравшая сзади толпа, возроптавшая из-за заминки у входа, смяла сопротивление охраны и прорвалась внутрь здания, Ленин и Эйно Рахья были буквально внесены в Смольный с потоком дерущихся, орущих, толкающих друг друга людей. Повернувшись к Эйно Рахья, Ленин сказал: «Видишь, победа всегда на нашей стороне!»

Ленину не приходилось бывать в Смольном, и он не знал, куда идти. По-прежнему в парике, с подвязанной щекой, так что видна была только половина его лица, он подамся по лестнице. Дверь одной из комнат была открыта, и он увидел у окна никем не занятые стулья. Он сел, а Рахья отправился разыскивать Троцкого. Так он просидел несколько минут. В это время появились меньшевики и заняли места за столом, недалеко от Ленина. Дан, один из лидеров в меньшевистской фракции, посмотрев на Ленина, уловил в его облике что-то знакомое.

«Может, вы голодны? — спросил он, обращаясь к Ленину. — У меня есть булка с колбасой», — и он стал развязывать небольшой узелок, который был при нем, внимательно вглядываясь в человека, прятавшего половину лица под повязкой из носового платка. Вдруг он что-то шепнул своим товарищам, быстро завязал свой узелок, и все они встали и ушли. Ленин засмеялся им вслед. Вскоре Троцкий прислал ему записку, в которой сообщалось, что Военно-революционный комитет ждет его в комнате номер 100. Сняв свою засаду у окна, Ленин поспешил по коридору. Переступая порог комнаты номер 100, Ленин находился в отличном состоянии духа и все еще посмеивался, вспоминая, какое изумленное лицо было у Дана, когда тот его узнал. Первое, что Ленин сделал, — стянул кепку, и получилось — вместе с париком. Раздался взрыв хохота, а Ленин стоял посреди комнаты, оглядываясь вокруг с растерянной улыбкой. Щека у него все еще была подвязана. Он никак не мог понять, почему люди хохочут. Но тут он характерным жестом хлопнул себя по темечку — понял, в чем дело. Парик ему больше никогда не пригодится.

Сорвав повязку, Ленин подсел к Троцкому. Ему надо было многое с ним обсудить. В газетах он прочел, что Военнореволюционный комитет ведет переговоры с командующим Петроградского военного гарнизона. Ленин считал такой шаг недопустимым, с его точки зрения, это был предательский акт.

— Правда ли, что вы готовы пойти на компромисс? — с возмущением обратился он к Троцкому.

Троцкий тихо и спокойно объяснил ему, что на самом деле никаких переговоров не было, просто было сообщено в прессе, будто бы такие переговоры имели место.

— Это хорошо-о-о, — сказал Ленин, растягивая слова. Гнев его утих, и глаза смотрели добрее. Он и сам был любителем пустить при случае «утку» и теперь удовлетворенно потирал руки. Он начал ходить взад-вперед по комнате, приговаривая: «Это о-очень хорошо-о-о!», — а затем пустился в рассуждения о полезности для дела и отменной тонкости подобного маневра.

О том, как шла подготовка к восстанию, ему пока ничего не было известно. Он недоумевал, почему на улицах так тихо и не слышно стрельбы. Троцкий разъяснил, что военные действия происходят незаметно, почти все мосты уже в руках восставших, и к утру должны быть захвачены наиболее важные городские объекты. Он сказал, что надеется взять город без единого выстрела. Когда же зашла речь о приказе Троцкого расстреливать на месте всех, чинящих беспорядки на улицах, Ленин как будто слегка смутился, но, подумав, сказал: «Ну да, конечно!» — и

сменил тему.

Ему представили планы военных действий, карты, на которых были четко обозначены позиции противника и направление ударов революционных сил. Выходило, что объектов противника было не так много, зато точек скопления военных сил повстанцев насчитывалось до пятидесяти. Ленин слушал и без конца задавал вопросы. Он не слишком верил в возможность бескровной революции. Но наконец Ленин успокоился, взял себя в руки и, по словам Троцкого, «одобрил курс, который уже давно приняли события». «Да, — сказал он, — думаю, следует именно так и поступить — просто взять власть». Но в следующую минуту он снова засыпал Троцкого вопросами, требовал разъяснений, раздражался. Даже в самых дерзких своих мечтах он представить себе не мог, что победа придет с такой легкостью.

Было около часа ночи, когда первые батальоны красногвардейцев вышли из Смольного, направляясь к местам, где укрепились правительственные войска. В течение ночи большевики заняли городской почтамт, центральную телефонную станцию, Дворцовый мост, последний остававшийся в руках Временного правительства. Большевиками были захвачены все вокзалы, кроме Финляндского. Арестовали двух министров Временного правительства, когда те, ничего не подозревая, ехали на извозчике по пустынной улице. Министры были сразу же доставлены в Смольный, где их подвергли перекрестному допросу. Но они не могли сообщить ничего существенного о намерениях Временного правительства. А ранним утром засновали туда-сюда трамваи, беспрепятственно пересекая мосты, как будто ничего не случилось. Не было ни-как признаков того, что Петроград перешел в руки Военно-революционного комитета. «Все произошло со сказочной легкостью», — писал Суханов.

Ночью было несколько коротких стычек. Первым зданием, которое собирались захватить большевики, был Таврический дворец. По дороге туда красногвардейцы столкнулись с казачьим патрулем. Не обошлось без перестрелки. Час спустя снова прогремели выстрелы. Это было, когда отряд красногвардейцев, состоявший из железнодорожников, взял телеграф на Николаевском вокзале. Но боя не было. В то же время смешанный отряд матросов и солдат Кексгольмского полка подъехал к Государственному банку. Они увидели, что банк охраняется солдатами Семеновского полка, но те сразу заявили, что переходят на сторону Военнореволюционного комитета, и попросили разрешения остаться на своих постах. Это им было разрешено, но на всякий случай для присмотра за ними выставили и своих постовых из матросов.

Вот так, тихо, как тать в нощи, большевики заняли ключевые позиции в городе.

Ленин в ту ночь почти не спал. Он не принимал никакого участия в составлении плана переворота. Все до мельчайших деталей было продумано и осуществлено Троцким и его людьми. В этой небольшой спаянной группе отборных боевиков был, например, восемнадцатилетний парнишка, настоящий сорвиголова, звали которого Лазимир. Ленин оказался в положении постороннего и вместе с тем заинтересованного лица, зависимого от чужих решений и приказов.

К восьми часам утра уже не было никаких сомнений в том, что Петроград завоеван. В руках противника оставались только два здания — выходящий на Неву Зимний дворец и небольшой Мариинский дворец. Их можно было взять играючи. К этому времени у Ленина уже был готов текст обращения. В нем он объявлял, что победила революция. Сначала он хотел адресовать его «Всему населению», но передумал, решив, что торжественность момента требует другого, и написал: «К гражданам России!»

Вкривь и вкось, то и дело вычеркивая целые фразы, в спешке не оставляя пробелов между словами, он написал своим неразборчивым почерком документ, который по праву можно считать эпитафией старому режиму. Текст его таков:

«К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Воззвание интересно не только тем, что мы в нем читаем, но и тем, что в нем намеренно не договаривается. В первоначальном варианте, если мы обратимся к оригиналу, увидим слова: «Военно-революционного комитета, стоящего во главе народной

борьбы против правительства». Но Ленин эти слова вычеркнул, поскольку народного восстания как такового не было. Соответственно, и слово «народ» отсутствует в тексте. Все лавры достались петроградскому пролетариату и солдатам Петроградского гарнизона.

Во втором абзаце речь должна была идти о заседании Петроградского Совета, намеченного на полдень того же дня. На этом заседании должен был обсуждаться вопрос о срочном формировании нового, Советского, правительства. Этот абзац целиком вычеркнут. Возможно, Ленин считал, что говорить об этом пока преждевременно. И, наконец, в последней строчке он вычеркивает слова: «Да здравствует социализм», — но не оттого, что он слабо верил в социализм, а потому, что ему, видимо, показалось это восклицание не слишком эффектным для заключительной фразы обращения. «Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!» — такая концовка конкретно возносит хвалу определенным силам, задействованным в революции, а потому звучит не как риторическая фраза.

Во всех этих колебаниях, поправках, заменах одной фразы другой есть определенный подтекст. Эти мелочи выдают нам многое, а именно: по ним можно судить о том, в каком состоянии находился Ленин в те часы, о его неуверенности, непонимании, как дальше будет развиваться революция. Особенно показательна такая деталь: уже закончив работу над текстом обращения, Ленин вставляет слова: «органа Петроградского Совета»; почти с уверенностью можно сказать, что сделал он это по настоянию Троцкого, председателя Петроградского Совета, в состав которого входили представители всех революционных партий. Временное правительство пало, власть была в руках Военно-революционного комитета. Но еще не в руках Ленина.

В десять часов утра Военно-революционный комитет распространил ленинское воззвание; его передавали по радио с захваченной радиостанции, сообщали по телеграфу всем Советам в провинции, тысячи отпечатанных листовок с его текстом были распространены в Петрограде.

Примерно в то же время, когда Военно-революционный комитет обнародовал обращение «К гражданам России!», Керенский окончательно пришел к выводу, что дальнейшее его пребывание в Петрограде чревато для него гибелью, и на автомобиле американского посольства он поехал на фронт, надеясь наладить контакт с войсками и убедить их пойти на защиту столицы. Он не сомневался в своей победе, имея на то довольно веские основания. Кроме того, его поддерживала уверенность в том, что Петроградский Совет, давший ему власть,

будучи раздираем массой противоречий и разногласий, не в состоянии взять власть в свои руки.

В самом деле, Советы еще не были у власти, и Временное правительство еще не было низложено. Глава государства спокойно проехал по улицам города, не встретив на своем пути ни единого патруля. Да и во внешнем облике Петрограда не было заметно каких-либо перемен. Разве что не работали банки и было чуть холоднее, чем накануне. Два малоизвестных министра Временного правительства сидели под арестом. Красногвардейцы и солдаты Петроградского гарнизона занимали наиболее жизненно важные пункты города — таковы были внешние, доступные первому взгляду, завоевания революции. Никаких возбужденных толп, запрудивших улицы, скандировавших революционные лозунги, как это было в июльские дни, — ничего такого. Вооруженный пролетариат представлял собой небольшие отряды красногвардейцев, человек по двенадцать, не больше. Город был словно охвачен летаргическим сном. Между тем революция-невидимка опутывала столицу, принимая размах, которого не ожидали даже сами ее творцы.

Свергать правительство не было никакой необходимости, потому что, как и сама революция, правительство было этаким призраком, лишенным материи. Министры все еще заседали в Зимнем дворце. Они обитали там, словно тени, сошедшие с окружавших их гобеленов и картин пышных царских покоев и готовые исчезнуть с первым криком петуха; с народом своим они уже утратили всякую связь. Троцкий не спешил их арестовывать. Это было проще простого — стоило только послать ко дворцу два-три грузовика, битком набитых красногвардейцами, — и существованию призрачного правительства пришел бы конец, все они до одного отправились бы на помойку истории.

Утро прошло без каких-либо заметных боевых действий со стороны большевиков. Был взят Мариинский дворец, и только. Около двух часов дня в большом зале Смольного собрался Петроградский Совет. На трибуну поднялся Троцкий. Он еще раз объявил, что Временное правительство пало, и с презрением обрушился на тех, кто предсказывал, что революция захлебнется в крови. «Пока что не было ни одного боя, — заявил он. — В истории революционного движения не найдется такого примера, когда революция, охватившая громадные массы населения и приведшая страну к новой власти, оказалась бы столь бескровной». Это было правдой наполовину. Никаких громадных масс не было. А вот насчет крови — это верно, крови было мало. Затем он уверил собравшихся, что по его расчетам Временное правительство должно пасть через несколько минут.

Выступление Троцкого было встречено бурей аплодисментов. Закончив, он отступил назад и представил аудитории Ленина. Тот выступал сухо, к тому же охрипшим голосом, в котором не было звенящих нот, того особого резонирующего эффекта, каким славился голос Троцкого. Поэтому после вступительных аплодисментов его речь сопровождалась лишь вежливыми хлопками. Стенографической записи его выступления нет, осталось только краткое ее содержание, напечатанное в прессе. Это было его первое публичное выступление после нескольких месяцев, проведенных в подполье. Ленин провозгласил победу революции рабочих и крестьян, «о необходимости которой все время говорили большевики», а затем сказал, что угнетенные массы отныне должны взять власть в свои руки, уничтожив до основания старый аппарат государственной власти. Он напоминал ученого профессора, который для подкрепления своих слов старательно цитирует первоисточник, а им в данном случае была его собственная работа «Государство и революция». Он как будто забыл свои же работы более позднего периода, где он объяснял, почему необходимо сохранить прекрасно налаженную машину государственной власти, взяв ее, однако, под контроль. Он закончил речь словами:

> «В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.
>
> Да здравствует всемирная социалистическая революция!»

После него выступили Зиновьев и Луначарский. Но героем дня был Троцкий, и этим двум похлопали так, для проформы.

Троцкий наобещал, что Зимний дворец падет вот-вот, но прошло целых двенадцать часов, пока Зимний окончательно не перешел в руки Военно-революционного комитета.

В полдень на огромной площади перед Зимним дворцом еще никого не было. Постепенно в течение дня по распоряжению Военно-революционного комитета туда стянули отряды солдат Петроградского гарнизона, которые полукругом оцепили здание. Силы, брошенные к Зимнему, являли собой смешанную армию, состоявшую из солдат разных полков, — Измайловского, Павловского, Преображенского; кроме того, подошли подразделения Кексгольмского полка. Красногвардейцев было мало — они занимали позиции на Васильевском острове, хотя и не стали ввязываться в случайные боевые действия, которые там вспыхнули ближе к вечеру. Советы имели в своем распоряжении броневики, противовоздушные орудия, полевую артиллерию. На Неве стоял на якоре крейсер «Аврора». К середине дня к

осаждавшим Зимний дворец прислали подкрепление — тысячу моряков из Кронштадта. По плану, наскоро разработанному утром, Зимний должны были обложить таким несметным количеством войск, что его защитникам ничего не оставалось бы, кроме как сдаться без единого выстрела. После чего Временному правительству надлежало вручить ультиматум, и над Петропавловской крепостью должен был взвиться флаг, а по прошествии пятнадцати минут в случае, если ультиматум был бы не принят, с крейсера «Аврора» и из Петропавловской крепости открыли бы по дворцу огонь, в поверженный, лежащий в руинах Зимний хлынула бы лавина бойцов и взяла бы его штурмом.

Зимний защищали юнкеры, учащиеся военных училищ из-под Петрограда, отряд уральских казаков и женский батальон, состоявший из ста семидесяти молодых женщин, одетых в военную форму, но не имевших никакого военного опыта. При дворце стояла батарея полевой артиллерии Михайловского артиллерийского училища, но в обороне дворца она участия не принимала. В четыре часа дня осаждавшим сдались команды тачанок с пулеметами. Всего защитников Зимнего набралось менее двух тысяч, из числа которых, пожалуй, только четвертая часть была боеспособна. А им противостояла пятидесятитысячная армия солдат, моряков и красногвардейцев.

Просто поразительно, что Зимний так долго держался. Подвойский объявил, что дворец падет к полудню. Во второй половине дня в Смольный начали каждый час поступать донесения, что Зимний почти взят, того гляди будет взят. Но войска, осаждавшие дворец, были плохо организованы, у них не было единой тактики, между командирами вспыхивали споры, солдаты оставляли свои посты и преспокойно сбегали, а многие приказы не доходили. Иные осаждавшие, как статики, спали на ходу, а что касается осажденных, то они от усталости еле держались на ногах. Соорудив из дров что-то вроде брустверa защиты от пуль, они залегли под ним и, как стало известно противнику, крепко заснули. В самом дворце величаво расхаживали старые придворные слуги в голубых камзолах с красными воротниками и золотыми галунами, неся свою ежедневную службу, как будто ничего не происходило. Генерал Багратуни, командующий силами защитников Зимнего, махнув рукой на совершенно непосильное задание, все бросил и ничтоже сумняшеся ушел из дворца, при этом наверняка не испытывая никаких угрызений совести и не имея никакого желания вернуться назад, чтобы выполнить свой долг. Он был арестован патрулем и доставлен к Подвойскому, который в это время обходил позиции находящихся под его командованием войск. К

ночи защитников Зимнего осталось около тысячи мужчин и женщин, с двумя десятками пулеметов на всех. Позже вскрылось такое загадочное обстоятельство: многие пулеметы оказались с вынутыми затворами.

К шести часам вечера осадное кольцо вокруг дворца сжалось, и было решено послать к членам Временного правительства делегацию с требованием сдаться в течение двадцати минут. Временное правительство собралось в Малахитовом зале. Из окна они видели крейсер «Аврора», стоявший на якоре за мостом, с жерлами пушек, нацеленных на дворец. Большевики полагали, что они вывели из строя всю телефонную связь в Зимнем, но в действительности одна секретная линия между Зимним и фронтом работала. Временному правительству была обещана поддержка с фронта, и министры-пленники жили в ожидании освобождения. Потому они и отвергли ультиматум, затем сели ужинать.

Тем временем в Смольном Ленин с нарастающим нетерпением ждал взятия Зимнего, все больше раздражаясь по поводу столь затянувшейся осады. Каждый час ему сообщали, что дворец вот-вот перейдет к большевикам. Но проходили часы, а ему по-прежнему доносили, что дворец пока держится. Ленин желал по. лучить Зимний во что бы то ни стало. По его замыслу он должен был оказаться в руках Советов до начала 2-го Всероссийского съезда Советов, который открывался вечером. Вероятно, Ленин помнил заповедь Бакунина, учившую, что революция не может считаться завершенной, если не взята городская ратуша. Усталый Ленин растянулся на полу в одной из комнат рядом с Актовым залом Смольного. Лежа на полу, он ожидал вестей, время от времени задремывая. Троцкий прилег рядом с ним. Но вот вбежал очередной гонец, потряс его за плечо и шепнул, что Зимний еще держится. Троцкий, уже не задумываясь, отдал приказ, чтобы «Аврора» сделала залп холостым зарядом по дворцу. Разрушать дворец из-за небольшой кучки министров ему было жалко. К тому же у него пропал интерес к осаде Зимнего. В отличие от Ленина, он считал ее лишь мелким эпизодом, не сопоставимым по масштабу с грандиозностью уже происшедшего.

В 9 часов вечера «Аврора» дала залп холостым зарядом, за ней холостыми залпами откликнулись пушки Петропавловской крепости. Ответом был шквальный пулеметный огонь со стороны дворца. В течение часа продолжалась перестрелка между осажденными и отрядами, штурмовавшими дворец. И те и другие, стреляя в темноте, опустошили тысячи пулеметных лент; почти все очереди били мимо цели, люди страдали только от шальных

пуль. Было убито девять человек из дворцовой охраны и шесть матросов. Таков был общий счет жертв изнурительно долгой осады Зимнего.

Во дворце потухли огни. Министры, все еще уповавшие на подкрепление с фронта, которое они ждали к утру, удалились в малую столовую рядом с Малахитовым залом, чтобы поразмыслить над непостижимостью обрушившихся на страну злоключений. А в это время артиллеристы Петропавловской крепости ради забавы дали несколько залпов по Зимнему настоящими снарядами, повредив часть карнизов и разбив кое-где окна. Звон разбитого стекла отчаянно-жалобным плачем разнесся над Невой, подобно последнему крику умирающего. Томительно тянулись часы под грозные раскаты пушечной канонады. Временами слышались пулеметные очереди. На Дворцовой площади красногвардейцы грелись у костров. К полуночи пожаловала делегация членов Петроградской городской думы. Они пришли к Зимнему с намерением умереть вместе с правительством. Во главе процессии выступал градоначальник Петрограда с фонарем и зонтиком в руках. Красногвардейцы преградили им дорогу и заставили повернуть назад.

В час ночи красногвардейцы и матросы начали проникать в Зимний, бесшумно крадясь по паркетным полам коридоров под великолепными хрустальными люстрами. В кромешной тьме они разбрелись кто куда, потерявшись в бесконечном лабиринте коридоров. Но вслед за ними шли и шли другие. В темноте раздавались выстрелы, местами происходили стычки с юнкерами, последними защитниками Зимнего. Казаки и женский батальон давно бежали. В два часа десять минут ночи в малую столовую ворвался Антонов-Овсеенко, один из трех руководителей штурма Зимнего дворца, и от имени Военно-революционного комитета арестовал сидевших там министров. Они ожидали, что арестовывать их будет человек, по облику которого можно сразу определить матерого революционера, бунтовщика. Внешность Антонова-Овсеенко совсем не вязалась с этим образом. у него было тонкое, бледное, как мел, лицо, длинные редкие волосы и бородка. На носу у него были очки, а на голове — широкополая фетровая шляпа, небрежно сдвинутая назад со лба. Днем он упал в лужу, и на его одежде засохла грязь. Словом, он больше напоминал поэта или этакого «падшего ангела». Антонов-Овсеенко швырнул шляпу на стол и, обратившись к министрам, начал задавать им вопросы, рассеянно поправляя прическу гребешком. Он не спал тридцать шесть часов и дошел до полного изнеможения. Силы у него были на пределе.

Час спустя все министры были под конвоем препровождены в

Петропавловскую крепость. Осада была снята.

Под рокот пушек «Авроры» и Петропавловской крепости в Актовом зале Смольного открылся 2-й Всероссийский съезд Советов. Председателем съезда был избран Каменев. В президиум съезда вошли четырнадцать большевиков, семь эсеров, три меньшевика и один представитель от группировки, возглавляемой Горьким. В зале стоял чудовищный крик.

Казалось, кричат все одновременно. Страшно негодовали умеренные социалисты; они считали, что большевики не смели устраивать государственный переворот, спекулируя полномочиями Петроградского Совета. Выражая свой протест, они прекрасно понимали, что уже не в силах ничего изменить. Большевики нагло шли напролом, не желая ни с кем делиться властью, которую им удалось тихой сапой захватить за какие-то одни сутки с помощью ловких маневров. Съезд открылся в 10.40 вечера и затянулся до утра.

А Троцкий с Лениным все еще лежали, растянувшись на полу в неуютной мрачной комнате, где не было ни столов, ни стульев и вообще никакой мебели. Кто-то постелил им на пол одеяло, а одна из сестер Ленина принесла подушки. Смертельно уставшие после всех треволнений прошедшего дня, они лежали без сна и не могли заснуть — до того взвинчены были их нервы. В какой-то момент до того Ленин, посмотрев в окно, увидел красногвардейцев и солдат, гревшихся у разожженных костров. Теперь, вспомнив увиденную им картину, он вдруг произнес: «Замечательное зрелище — вооруженный рабочий бок о бок с солдатом у костра», — и снова замолчал. Немного погодя он спросил: «А что, Зимний еще не пал? Это уже становится опасным». Время от времени Троцкий посылал гонца узнать, как разворачивается задуманная им операция взятия Зимнего дворца, который, даже оставшись практически без обороны, упорно не желал сдаваться.

В Актовом зале выступал Дан. Он вовсю разносил большевиков. В комнату, где отдыхали Троцкий с Лениным, вбежала сестра Ленина и сказала, что большевики зовут Троцкого — надо дать отпор Дану. Бледный, в черной шелковой блузе, с развевающимся галстуком Троцкий бросился в зал, чтобы одним ударом при кончить агонизирующего противника.

Он заявил, что умеренным социалистам всех мастей нет места в революции, что они уже сделали свое дело, и больше от них ждать нечего — они разобщены и не способны удержать власть. «Наша революция победила, — продолжал он. — И почему мы должны уступать вам победу ради какого-то общего согласия?» Когда он это говорил, в нем было что-то от режиссера,

распределившего роли между артистами. В данной пьесе для умеренных ролей не оказалось. И тут он щегольнул своей излюбленной фразой: «Ступайте туда, где отныне ваше место — на помойке истории!»

И как ни странно, они его послушались. Умеренные социалисты покинули зал. Остались только левые социалисты-революционеры. Ушедшие со съезда партии раз и навсегда решили, что больше никогда не будут вместе с большевиками, которых они презирали, но и боялись. Они продолжат борьбу, выберут время и методы противостояния большевикам. Но время их кончалось, а методы борьбы были исчерпаны. Одержав победу на улицах Петрограда, большевики упрочили свои позиции. И как не раз бывало, этих завоеваний они добились явочным порядком.

Потом выступал Ленин. Это была речь человека в состоянии эйфории; победа словно опьянила его. Он сказал, что съезд, который уменьшился в количестве и теперь состоит исключительно из депутатов, поддерживающих большевиков, берет на себя всю полноту власти в России и становится государственным органом власти. Суханов, присутствовавший на съезде, описывает, как большевики ликовали, празднуя свою победу. Они устроили непрекращающиеся овации, перемежая их пением «Интернационала». Затем они снова вызывали Ленина, кричали «Ура!», бросали в воздух шапки. В память о павших на войне спели траурный марш. И опять разразились рукоплесканиями, кричали, бросали вверх головные уборы. Весь президиум во главе с Лениным, стоя пел; их лица горели, глаза сияли.

Первый день революции

Ну наконец Зимний был взят, министры арестованы, в Актовом зале Смольного прозвучали последние речи. Вожди революции могли отойти на покой с чистой совестью и сознанием того, что на сегодня все дела сделаны и теперь революция должна следовать взятым курсом.

Было чуть больше половины четвертого утра. Ленин чувствовал ужасное переутомление. Накануне он почти не спал, да и всю неделю до этого сильно недосыпал. Ему почему-то не захотелось оставаться на ночь в Смольном, и он решил переночевать у своего друга Бонч-Бруевича, в его квартире в Песках, недалеко от Смольного. Теперь ему больше всего хотелось оказаться подальше от Смольного, где стоял невообразимый шум, — побыть в тихом, спокойном месте.

Бонч-Бруевич был солидный, полный господин, одна внешность которого внушала уверенность и покой. Он был на редкость немногословен. В нем не было ничего героического, на революционера он не был похож вовсе, скорее — на земского врача. Когда Ленин появился на пороге его квартиры, у него был вид человека, измученного до последней степени и крайне истощенного. Он даже не мог вспомнить, когда ел последний раз. Они скромно поужинали, и Бонч-Бруевич повел Ленина в свою спальню. Ленин наотрез отказывался занять постель хозяина, сказав, что не вправе пользоваться лучшей постелью в доме. Но его уговорили, и он подчинился. Спальня находилась в угловой комнате квартиры, далеко от гостиной. В ней стоял письменный стол, а на нем чернильница, бумага, некоторое количество книг. Тут все располагало к отдыху. Крупской постелили на диване в другой комнате, а Бонч-Бруевич улегся в комнате, смежной со спальней. Перед тем как лечь, он убедился в том, что его пистолет заряжен, и положил к себе поближе листок с номерами телефонов районных комитетов партии и товарищей, которым можно было бы сразу же позвонить, случись что.

Бонч-Бруевич уже засыпал, когда вдруг заметил под дверью спальни полоску света. Он услышал, как по комнате тихо ходит Ленин, стараясь не шуметь. Неожиданно дверь спальни приоткрылась, и Ленин выглянул, чтобы посмотреть, спит ли его приятель. Бонч-Бруевич притворился спящим. Не закрывая за собой дверь, Ленин на цыпочках вернулся в спальню, сел за стол, открыл чернильницу, приготовил бумагу и начал писать. В ту ночь Бонч-Бруевич спал беспокойно, то засыпая, то просыпаясь. И всю ночь Ленин с крайне сосредоточенным видом что-то писал, зачеркивал, вновь переписывал. На столе росла гора исписанной бумаги. Но вот наконец совершенный вариант был-таки найден; Ленин выключил свет и лег спать. Брезжил рассвет, за окнами занимался ясный осенний день.

Через два часа Бонч-Бруевич поднялся и, пройдя тихонько по квартире, предупредил всех шепотом, чтобы они не шумели, потому что Ленин всю ночь работал и ему непременно надо выспаться. В этот момент перед ними вырос Ленин. Он был в радостном настроении. Усталость как рукой сняло, лицо его разгладилось.

— Разрешите вас поздравить с первым днем социалистической революции, — сказал он.

Чуть позже, когда из своей комнаты вышла Крупская и села к столу, Ленин прочел всем декрет о земле.

— …А сейчас надо сделать следующее: объявить о новом декрете и повсюду его напечатать. После этого они никогда не

получат назад свою землю! Никакая власть на свете не сможет отнять у крестьян этот декрет и вернуть землю помещикам. Это завоевание очень важно для нашей революции. Аграрная революция будет завершена и вступит в силу сегодня же!

Так рассуждал он, сидя у самовара. Перед ним на столе лежала стопочка аккуратным почерком исписанных листочков. Кто-кто, а он должен был знать, что аграрные революции в одну ночь не совершаются. Кажется, Бонч-Бруевич имел смелость заметить, что в провинции просто объявить декрет недостаточно. Там возможны осложнения, даже кровопролитие. Ленин не принял во внимание его слова.

— Декрет содержит основное положение аграрной революции, — продолжал он. — И они довольно скоро осознают его смысл.

И он пустился в рассуждения о том, что декрет удовлетворял требованиям крестьян, выразителями которых были крестьянские депутаты, а следовательно, полностью отражал крестьянские интересы.

— Да, но крестьянские депутаты в основном эсеры, — возразил кто-то. — Они скажут, что мы воспользовались их идеей.

Ленин улыбнулся:

— Пусть говорят, что хотят! Крестьяне знают, что мы поддерживаем их законные требования на землю. Мы должны приблизиться к крестьянам, понять их нужды и стремления. Если есть несчастные дураки, которые над нами смеются, пусть себе смеются! В наши намерения не входило предоставлять эсерам монополию на крестьянство! Мы правящая партия, и вслед за диктатурой пролетариата нет для нас задачи более важной, чем аграрная революция.

Благодушным, приподнятым тоном он принялся развивать мысль о том, какой эффект произведет декрет среди крестьян. Они тотчас же его оценят и окажут полную поддержку партии, пришедшей к власти. Только надо срочно его отпечатать в пятидесяти тысячах экземпляров и раздать солдатам, возвращавшимся с фронтов. Солдаты, в свою очередь, должны ознакомить с декретом крестьян в своих деревнях, и таким образом декрет будет широко обсуждаться среди крестьянства. Его текст будет напечатан во всех газетах. Он разойдется в миллионах экземпляров по всей России. Земля, отнятая у помещиков, уже никогда не будет им возвращена. Ленин восторженно, весь сияя, подробно описывал, как декрет проникнет в самые отдаленные уголки России.

— Когда его раздадут демобилизованным солдатам, — говорил он, — надо будет очень четко и верно разъяснить им его

смысл, что если помещики, купцы и кулаки все еще незаконно владеют землей, то их надо прогнать, а землю передать в распоряжение крестьянских комитетов. Мы поручим умным матросам проследить, куда солдат положит декрет.

Он должен лежать у солдата на дне его вещевого мешка, чтобы солдат его не потерял. А еще дюжину экземпляров пусть положит куда-нибудь поближе, чтобы читать другим людям и раздавать попутчикам в поезде.

Любопытная деталь: Ленин настолько безоговорочно доверял матросам, что готов был поручить им следить за тем, как солдаты будут укладывать декрет о земле к себе в мешки. Ему хватило одного предыдущего дня, чтобы оценить их строгую морскую выправку и революционный пыл. Он даже простил им то, что поначалу они не спешили на штурм Зимнего, из-за чего осада дворца затянулась.

Итак, еще утром декрет о земле казался Ленину наиважнейшим вопросом текущего момента. Но позже, когда он прибыл в Смольный, выяснилось, что были дела и поважнее. Большевики заявили во всеуслышание, что власть в стране теперь принадлежит им, но поводов для беспокойства им хватало. Керенский с войсками находился недалеко от Петрограда; за прошедшую ночь уже успел сформироваться Комитет спасения отечества и революции, поставивший себе целью лишить большевиков власти; железнодорожники грозили забастовкой в случае, если не будет создано коалиционное правительство. Кроме того, необходимо было срочно наладить доставку в Петроград зерна, поскольку запасы его в столице стремительно истощались. Но основной задачей было привлечь армию на свою сторону.

В тот день первая речь, произнесенная Лениным, была не о земле, а о мире. В ней он настаивал на «справедливом демократическом мире», на немедленном заключении перемирия, на прекращении войны, так долго истощавшей трудовой народ. Несколько отступив от темы, он воздал должное английскому рабочему классу, который во времена чартистов сыграл заметную историческую роль в социалистическом движении. Не обошел вниманием и рабочий класс Франции и Германии, героически сражавшийся за революцию в своих странах. Говорил он и о русских солдатах, воюющих на фронтах. Ленин обращался к революционному движению в Европе — как бы поверх голов правительств подразумеваемых европейских стран. Звучала тема «братанья», «братства народов», которое должно было положить конец национальной розни. В Германии и Италии, говорил Ленин, бастуют рабочие, а это является признаком

надвигающейся революции, которая должна охватить весь мир.

Джон Рид, присутствовавший на заседании съезда Советов, когда Ленин произносил эту речь, описывал его так: «Невысокая коренастая фигура с большой лысой, крепко посаженной головой и выпуклым лбом. Маленькие глаза, широкий нос, крупный рот, массивный подбородок, пока еще чисто выбритый, но уже с намеком на его знаменитую бородку, памятную нам по его прошлому и по его будущему». Он по-прежнему был одет неказисто — на нем был потертый костюм, длинные брюки не по росту. Джон Рид вспоминал, как, крепко взявшись руками за край трибуны, Ленин, прищурившись, обвел зал своими маленькими глазками, словно не замечая волны рукоплесканий, которыми он был встречен. прежде чем начать свой доклад о мире, Ленин произнес: «Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!» Эта лаконичная фраза как-то не вязалась с общей темой его выступления.

В тот же день вечером Ленин зачитал декрет о земле, провозгласив конец частной собственности на землю. Исключение составляли земельные наделы, принадлежавшие «рядовым крестьянам и рядовым казакам». Вездесущий Суханов описывает, как Ленин пытался прочесть декрет, с трудом разбирая собственные записи, спотыкался на каждом слове, потом смутился и совсем замолчал. И тут кто-то быстро проскользнул К трибуне и пришел ему на помощь. Ленин с радостью уступил ему свое место и листки с неразборчиво написанным текстом декрета. Суханов пытается убедить нас в том, что проскользнувший на трибуну, некто по фамилии Сафаров, мог с ходу прочесть документ, написанный ленинской рукой. Это одна из целой серии историй Суханова о Ленине, в которую верится с трудом. Всякий, кому приходилось работать с ленинскими рукописями, слишком хорошо знает, что прочесть их с ходу, гладко, не взбесив слушателей мычанием и затяжными паузами, практически невозможно. Ленинский почерк следует долго и терпеливо разбирать, вооружившись увеличительным стеклом, и быть довольным, когда строчки, похожие на перекрученную колючую проволоку, обретают, наконец, какой-то смысл.

Вопросы о мире и о земле, разумеется, были главными пунктами в повестке дня, но попутно решались и другие проблемы. В речи Ленина о мире прозвучала такая фраза: «Правительство, которое ваш съезд создаст…», однако у него, судя по всему, не было времени обдумать состав будущего кабинета. Луначарский рассказывал Суханову, что сначала Ленин твердо отказался войти в состав правительства, отговариваясь тем, что он и так будет работать в Центральном Комитете. Но

после некоторых колебаний, когда ему намекнули, что критиковать легче, чем нести ответственность за какое-то дело, он изменил первоначальное решение.

Потом завязался спор относительно того, каким будет новое правительство и как будут называться члены его кабинета.

— Мы не должны называть их министрами, — сказал Ленин. — Это отвратительное, устаревшее слово!

— Можно называть их комиссарами, — предложил Троцкий. — Хотя сейчас уже и так полно комиссаров. Или верховными комиссарами. Нет, «верховные» — плохо. Может быть, народными комиссарами?

— Народными комиссарами? Мне это нравится. А как мы будем называть правительство?

— Совет Народных Комиссаров.

— Совет Народных Комиссаров? Превосходно! Звучит по-революционному!

Поздно вечером было сформировано новое правительство, которому была передана вся власть в стране на период, пока не будет созвано Учредительное собрание. Ленин назвал себя Председателем Совета Народных Комиссаров, но титул получался слишком длинным, его надо было сократить. Так в русском языке появилось новое слово: «Предсовнарком». В новое правительство вошли:

Председатель Совета Народных Комиссаров — Владимир Ульянов (Ленин);

народный комиссар по внутренним делам — А. и. Рыков;

народный комиссар земледелия — В. п. Милютин; народный комиссар труда — А. г. Шляпников; по делам военным и морским — комитет в составе: В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и п. Е. Дыбенко;

народный комиссар по делам торговли и промышленности — В. п. Ногин;

народный комиссар просвещения — А. В. Луначарский; народный комиссар финансов — и. И. Скворцов (Степанов);

народный комиссар по делам иностранным — Л. Д. Бронштейн (Троцкий);

народный комиссар юстиции — г. и. Ломов (Оппоков);

народный комиссар по делам продовольствия — и. А. Теодорович;

народный комиссар почт и телеграфов — Н. п. Абилов (Глебов);

председатель по делам национальностей — и. В. Джугашвили (Сталин).

Таков был состав правительства, теоретически принявшего

бразды правления в стране 8 ноября 1917 года. Однако ни у кого из наркомов не было иллюзий относительно того, кто на самом деле правит в стране. Правил дуумвират — два человека: Ленин и Троцкий осуществляли верховную власть в новом государстве. Самой незаметной фигурой в Совете Народных Комиссаров был Сталин.

Это было правительство, которое правило, издавая декрет за декретом. Но оно практически не владело рычагами власти, чтобы проводить эти декреты в жизнь. Наркомы верили или делали вид, что верят, будто их декреты отражают чаяния всего народа России, по крайней мере, рабочих, солдат, матросов и крестьян. Но даже в Петрограде солдаты, озлобленные войной, колебались и пока не были убеждены в том, что революция отвечает их интересам. Джон Рид посетил Михайловскую автошколу, где в огромном зале, освещаемом единственной электрической лампочкой, тускло горевшей высоко под крышей, собрались две тысячи солдат бронеполка. Они слушали, что говорили люди, выступавшие с политическими речами. Ораторы обращались к солдатам, стоя на башне броневика. Делегат из Думы призывал своих слушателей придерживаться нейтралитета; солдат с румынского фронта агитировал за мир; другой солдат, наоборот, — за войну. «Я никогда еще не видел в людях столь сильного желания что-то для себя понять, решить, — писал Рид. — Они стояли, не шевелясь, впившись глазами в оратора, сосредоточенно хмурясь в попытке дойти до смысла услышанных ими слов; капельки пота проступали на их лбах». В числе ораторов был Крьтенко, посланный на митинг правительством. Он выступил перед аудиторией с пламенной речью, в которой со всей решимостью заявил о полной победе трудового рабочего класса и крестьянской бедноты, не учитывая при этом того факта, что большевики вовсе не пользовались симпатией у крестьян, — те упорно держались за партию эсеров. Бастовали железнодорожники; бастовали почтовые работники; к ним присоединились работники телеграфа; объявили забастовку государственные служащие. Жизнь в Петрограде остановилась. Большевики завоевали власть, но оказалось, что умы людей завоевать так просто им не удастся. Большевики выпустили декреты, обязывавшие железнодорожников и почтовых работников вернуться на работу; торговцев — открыть магазины; ввели мораторий на ренту; объявили о закрытии «буржуазных» газет, то есть всех газет, выражавших оппозиционные взгляды и не поддерживавших большевиков. Но население Петрограда не спешило

сделать выбор. Люди ждали, чья сторона возьмет верх. Тем

временем Керенский объединил свои силы с генералом Красновым и с армией казаков приближался к Петрограду. Это были беспокойные дни для большевиков, они прекрасно понимали, какая опасность им грозит. Ленин это тоже понимал, судя по уцелевшим телефонограммам. 9 ноября он обратился за помощью к войскам, стоявшим в Финляндии, и к морякам Балтийского флота, прося у них подкрепление. Он позвонил Шейнману, председателю Гельсингфорского Совета солдатских, матросских и рабочих депутатов. Между ними состоялся такой разговор:

Ленин: «Можете ли вы говорить от имени областного комитета армии и флота?»

Шейнман: «Конечно, могу».

Ленин: «Можете ли вы немедленно двинуть к Петрограду возможно большее число миноносцев и других вооруженных судов?»

Шейнман: «Сейчас позовем председателя Центробалта, так как дело чисто морского характера. Что у вас нового в Петрограде?»

Ленин: «Есть известия, что войска Керенского подошли и взяли Гатчину, и так как часть петроградских войск утомлена, то настоятельно необходимо самое быстрое и сильное подкрепление».

Шейнман: «И еще что?»

Ленин: «Вместо вопроса «еще что» я ожидал заявления о готовности двинуться и сражаться».

Шейнман: «Да это, кажется, повторять не надо; мы заявили о своем решении, следовательно, все будет сделано на деле».

Ленин: «Имеются ли у вас запасы винтовок и пулеметы и в каком количестве?»

Шейнман: «Здесь председатель военного отдела областного комитета Михайлов. Он вам скажет об армии Финляндии».

Михайлов: «Сколько вам нужно штыков?»

Ленин: «Нам нужно максимум штыков, но только с людьми верными и готовыми сражаться. Сколько, у вас таких людей?»

Михайлов: «До пяти тысяч. Можно выслать экстренно, которые будут сражаться».

Ленин: «Через сколько часов можно ручаться, что они будут в Питере при наибольшей быстроте отправки?»

Михайлов: «Максимум двадцать четыре часа с данного времени».

Ленин: «Сухим путем?»

Михайлов: «Железной дорогой».

Ленин: «А можете ли вы обеспечить их доставкою

продовольствия?»

Михайлов: «Да. Продовольствия много. Есть также пулеметов до 35; с прислугой можем выслать без ущерба для здешнего положения и небольшое число полевой артиллерию).

Ленин: «Я настоятельно прошу от имени правительства республики немедленно приступить к такой отправке и прошу вас также ответить: знаете ли вы об образовании нового правительства и как оно встречено Советами у вас?»

Михайлов: «Пока только о правительстве из газет. Власть, перешедшая в руки Советов, встречена у нас с энтузиазмом».

Ленин: «Так значит, сухопутные войска будут немедленно двинуты, и для них обеспечен подвоз продовольствия?»

Михайлов: «Да. Сейчас же примемся за отправку и снабдим продовольствием».

Из этого телефонного разговора ясно, что Ленин играл еще непривычную для него роль и потому испытывал неуверенность в себе. Он ведь даже не назвался, а просто наугад позвонил в Гельсингфорс по прямому проводу, не зная, как будет воспринят его телефонный звонок; он не имел представления, как попадут в Петроград солдаты, каким путем — по морю или по суше, как они будут вооружены, кто обеспечит их продовольствием. У Ленина была двойная задача: во-первых, ему нужны были войска, чтобы остановить наступление армии Керенского, а во-вторых, использовать их в случае, если в столице вспыхнет восстание против большевистского правительства. Испрашивая поддержку «от имени правительства республики», Ленин заведомо кривил душой. Именно с такой фразой в тот час мог и должен был обращаться к армии Керенский — это было его прямое право. Читая текст этого телефонного диалога, мы невольно ощущаем, как Ленин постепенно в ходе разговора окрыляется надеждой, и даже как будто слышим долгий вздох облегчения в конце беседы.

Последующие дни были для него полны тревог и опасности, как бывало уже много раз в его жизни. Никакой оглушительной победы большевики не одержали. Это была неправда. На самом деле было вот что: Троцкий, а затем и Ленин, эти два могучих характера, наглым волевым актом грубо использовали солдат местного гарнизона и при незначительной поддержке красногвардейцев силой захватили власть в Петрограде. Они прибегли к маневру, который пускают в ход генералы-путчисты, осуществляя государственный переворот: бросили армию против законного правительства. Но такие армии ненадежны, особенно если вожди кормят их одними речами.

Керенский был менее чем в шестидесяти километрах от Петрограда, в Гатчине, и оттуда грозил, что непременно вернется

в столицу с казачьими полками генерала Краснова. Ему бы ворваться с казаками в Петроград темной ночью — и все встало бы на свои места. Но он по-прежнему продолжал грозить вторжением, и чем убежденней звучали его угрозы, тем очевиднее было, что у казаков Краснова постепенно пропадает желание воевать. В то же время и Ленин начинал понимать, что войска Петроградского гарнизона ненадежны. Его знания военной стратегии и тактики были крайне ограничены. Будучи в эмиграции в Швейцарии, он с увлечением читал работы Клаузевица — тем и ограничилось его знание военного дела. Он понятия не имел, как содержится и снабжается армия, и он ни разу, ни в шутку, ни в гневе, не навел дуло пистолета на человека. Но тут он с головой окунулся в военные дела, причем с той же страстью и упорством, с какими обычно бросался в политическую борьбу.

Войска Петроградского гарнизона отказывались уходить из Петрограда. Подвойский, Антонов-Овсеенко, Крыленко и другие военачальники, возглавившие восстание, уговаривали их, но бесполезно. Солдаты заявили, что они должны охранять Петроград. Доведенный до отчаяния Подвойский кинулся к Ленину в Смольный, чтобы объяснить ему, что происходит в войсках. Приводим рассказ Подвойского о том, как его встретил Ленин.

«Торопясь, я рассказал Ленину о том, что наша попытка заставить солдат уйти провалилась. Я сказал ему, что Волынский и другие надежные полки просто отказались покинуть казармы и что нет никакой надежды, что хоть один полк согласится уйти из города.

— В таком случае вы должны их выгнать, — спокойно сказал Ленин. — Они должны уйти на фронт сию же минуту, немедленно, любой ценой!

— Крыленко пробовал, но у него не получилось, — ответил я. — Меня они не слушают. С этими полками ничего не поделаешь.

Ленин пришел в страшное негодование, его лицо исказилось неузнаваемо. Он посмотрел на меня в упор и, не повышая голоса, хотя мне показалось, что он кричит на меня, сказал:

— Вы ответите перед Центральным Комитетом, если полки не уйдут из города немедленно! Вы слышите меня, немедленно!

Я пулей вылетел из комнаты и через несколько минут уже был снова в казармах. Я скомандовал сбор. Мне не надо было им ничего объяснять. Солдаты, наверно, по моему лицу поняли, что дело нешуточное. Молча поднялись и стали собираться в поход. За ними последовали и другие полки».

Ленин мог внушать страх. Одного упоминания его имени стало достаточно, чтобы укротить строптивый полк. Личное его присутствие воздействовало на людей еще сильнее.

…В тот вечер, когда Ленин нагрянул в штаб армии, шел проливной дождь. Антонов-Овсеенко, Подвойский и Мехоношин изучали полевые карты, как вдруг перед ними возник Ленин. Он насквозь промок, вода ручьями стекала с его кепки. Подвойский спросил его, зачем он приехал. Разве он не доверяет своим комиссарам?

— Не то что я им не доверяю, — ответил Ленин, — но правительство рабочих и крестьян обязано знать, чем занимаются их военачальники и как они готовятся к обороне Петрограда.

«И в этот момент, — пишет, вспоминая тот эпизод, Подвойский, — я ощутил, что такое диктатура пролетариата во всей ее силе».

А между тем Ленин все больше закипал от гнева. Он сел за стол перед разложенными картами и потребовал, чтобы его ввели в курс дела. Антонов-Овсеенко постарался как можно лучше объяснить Ленину военное положение, превозмогая крайнюю усталость, — всю предыдущую неделю ему было не до сна. Он побывал на фронте, сражался в регулярной армии и потому знал, не мог не знать, что он докладывает Ленину. Тот смотрел на карту, хмурился, молчал и слушал с отсутствующим видом. Вдруг он начал задавать вопросы, которые так и посыпались градом. Почему позиции не охраняются? Обращались ли они за подкреплениями из Кронштадта и Гельсингфорса? Что там с железнодорожной линией? Защищена ли она? Достаточно ли хорошо снабжаются всем необходимым красногвардейцы? Что предпринято, чтобы помешать Керенскому перекрыть железнодорожное сообщение между Москвой и Петроградом? Как обстоит дело с артиллерией? И самый главный вопрос: кто командует войсками? Командовали они все вместе, но только Антонов-Овсеенко назывался главнокомандующим Петроградского военного округа. Он тут же был разжалован, а на его место назначен Подвойский. Ленин распорядился, чтобы весь штаб был переведен в Смольный, где ему было бы легче присматривать за своими военачальниками.

Рано утром 13 ноября из Гельсингфорса прибыли моряки и сразу же ринулись в бой. Рабочим было роздано оружие, и они также были посланы на защиту Петрограда. Оставшимся в городе рабочим были вручены лопаты, чтобы они рьли окопы позади линии фронта. Некто Слянский, студент-медик, состоявший при штабе, отбыл на линию фронта с отрядом пулеметчиков на тачанках. (Позже он займет пост заместителя наркома по

военным делам.) В середине дня, когда Ленин понял, что час решающего сражения приближается, он переселился в комнату, где командиры разрабатывали план военных действий. Он распорядился, чтобы ему туда внесли стол для работы. Каждые пять — десять минут к Подвойскому обращался очередной желающий быть ему полезным — всех их присылал к нему Ленин. Врачи, авиаторы, агитаторы, знатоки артиллерийского дела — все они шли к Подвойскому с записочками от Ленина, в которых тот требовал срочно пристроить их к месту, безотлагательно, ни минуты не теряя, немедленно. Ленин был так устроен, что, сочиняя приказы или поручения, просто не мог обходиться без слов «немедленно», «незамедлительно». Со временем у него появится еще одно любимое слово: «беспощадно».

Постепенно Ленин полностью взял на себя решение вопросов в штабе армии. От своего имени он диктовал приказы по телефону. Вызвав рабочих делегатов с заводов, он учинил им перекрестный опрос, желая знать, сколько они могут отрядить людей, готовых сражаться. Ленин отдал приказ, чтобы рабочие Путиловского завода заковали в броню паровозы и автомобили, установили на них пулеметы и отправили в таком виде на фронт. Где-то, на каком-то другом заводе, стояли полевые пушки, без всякого применения. Ленин велел извозчикам ехать за теми пушками, чтобы доставить их на фронт.

Подвойский обнаружил, что его приказы не выполняются, потому что Ленин отдавал команды, противоречившие его приказам. То же самое — с дислокацией войск. Ленин перемещал их по своему усмотрению. Он поднял на ноги всех — чтобы шли на фронт. Спорить с ним было бесполезно. Когда Подвойский попросил Ленина освободить его от поста командующего, тот вышел из себя и закричал: «Я отдам вас под трибунал партийного суда, и вас расстреляют! Занимайтесь своим делом, и не мешайте мне заниматься моим!»

Троцкий тоже не бездействовал. Как разъяренный лев, он ринулся защищать столицу, стремясь превратить Петроград в крепость. Он выезжал на фронт, ораторствовал на заводах и фабриках. Пользуясь всеобщей суматохой, кадеты попытались поднять восстание в столице, рассчитывая положить конец правлению дуумвирата и соединиться с войсками Керенского. Но они опоздали, и мятеж был подавлен. У противников нового правительства после этого пропала всякая надежда оказать военное сопротивление большевикам в тылу, в самом Петрограде. Как-то Троцкий выступал перед членами Петроградского Совета, призывая всех идти на фронт. Из зала кто-то грубым голосом ему крикнул: «А почему вы сами-то не на фронте вместе с

красногвардейцами?» Джон Рид, наблюдавший эту сцену, пишет, что Троцкий в ответ заявил: «Я немедленно туда еду!» — и тут же покинул трибуну. Это был верный жест, которого требовала революционная ситуация. За четыре дня Ленин с Троцким развили такую бешеную деятельность, что в пределах исторических фактов им уже стало тесно: их имена с тех пор шагнули в область легенды.

Петроград для большевиков был спасен. Это произошло на Пулковских высотах, совсем недалеко от города. Ожесточенных боев не было, только отдельные стычки под проливным дождем. В казачьи дивизии Краснова проникли агитаторы. Казакам было обещано разрешение беспрепятственно вернуться на Дон, по домам, и они, утратив желание биться на стороне Керенского, охотно сдавались Дыбенко, который на в общем-то свой страх и риск предложил им такие условия капитуляции. Троцкий, появившийся на фронте поздно ночью, быстро настрочил манифест, объявлявший о победе, и срочно отправил его в Смольный со спецкурьером.

> «Пулково. Штаб. 2.10 ночи.
>
> Ночь с 12-го на 13-е ноября войдет в историю. Попытки Керенского двинуть контрреволюционные войска против столицы Революции решительно остановлены. Керенский отступает, мы наступаем…
>
> Великая идея победы рабоче-крестьянской демократии сплотила ряды армии и укрепила ее волю. Вся страна отныне убедится в том, что власть Советов не эфемерная вещь, а неоспоримый факт…
>
> К прошлому возврата нет. Впереди перед нами бои, препятствия и жертвы. Но цель ясна, и победа очевидна».

Хотя на самом деле большевикам было не ясно, что делать дальше, к тому же они все еще не были уверены в своей победе. Они были в меньшинстве, импровизировали, а не правили, оказавшись жертвами собственной риторики. Мало кто из революционеров что-нибудь понимал в науке управления государством. Ленин с невероятной быстротой один за другим рождал проекты преобразований во всех сферах общественной жизни, но без армии чиновничества, способного осуществить их на практике, все они были бессмысленны. Постепенно Ленин начал осознавать, что такая, казалось бы, механически несложная вещь, как контроль, на деле оказалась почти невыполнимой, практически невозможной без применения террора. Поэтому, немного поколебавшись, по мере того, как нарастала в том потребность, он санкционировал террор как главный инструмент

своей власти. Он не желал идти ни на какие компромиссы, в результате чего Россия оказалась на пороге гражданской войны. А ведь этого можно было избежать.

Горький был в числе тех, кто бесстрашно выступил против революции, единственной целью которой было развязать чудовищное кровопролитие, чтобы Россия захлебнулась в крови. 21 ноября, через две недели после переворота, осуществленного большевиками, он писал в газете «Новая Жизнь»:

«Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся, якобы по пути к «социальной революции» — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции.

На этом пути Ленин и соратники его считают возможным совершать все преступления, вроде бойни под Петербургом, разгрома Москвы, уничтожения свободы слова, бессмысленных арестов, — все мерзости, которые делали Плеве и Столыпин.

Конечно, — Столыпин и Плеве шли против демократии, против всего живого и честного в России, а за Лениным идет довольно значительная — пока — часть рабочих, но я верю, что разум рабочего класса, его сознание своих исторических задач скоро откроет пролетариату глаза на всю несбыточность обещаний Ленина, на всю глубину его безумия и его нечаевско-бакунинский анархизм.

Рабочий класс не может понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть — что из этого выйдет?

Конечно, он не верит в возможность победы пролетариата в России при данных условиях, но, может быть, он надеется на чудо.

Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею — не менее кровавая и мрачная реакция.

Вот куда ведет пролетариат его сегодняшний вождь, и надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата.

Рабочие не должны позволять авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетариата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам же пролетариат».

Горький тогда олицетворял собой коллективную совесть России. Он не принадлежал ни к одной партии, занимая позицию нейтралитета среди враждующих партий. Авторитет его был так велик, что никто, даже большевики, не смели заткнуть ему рот. С

предельной ясностью он видел, что революция Ленина вела к уничтожению всего и вся, иными словами, к «страшному, полному, повсеместному и беспощадному разрушению», провозглашенному главной целью нигилистом Нечаевым в его «Катехизисе революционера». Горький, прочитав ленинские «Апрельские тезисы», пришел к заключению, что если идеи, заложенные в них, будут осуществлены, то истинные революционеры будут преданы, отданы в жертву крестьянской бедноте. Они будут брошены, как щепотка соли, в пошлую трясину деревенской жизни и растворятся в ней бесследно, исчезнут, так и не сумев оказать воздействие на сознание, жизнь и историю русского народа. Горький никогда, ни публично, ни в частных беседах, не отрекался от позиции, занятой им по отношению к большевикам на раннем этапе революции. 23 ноября он обратился к рабочим с воззванием, в котором в очередной раз пытался довести до их сознания, что истинную революцию, революцию народную, предали. Воззвание было опубликовано в газете «Новая Жизнь». Оно звучало так:

«Вниманию рабочих!

Владимир Ленин вводит в России социалистический строй по методу Нечаева — «на всех парах через болото».

И Ленин, и Троцкий, и все другие, кто сопровождает их к погибели в трясине деятельности, очевидно, убеждены вместе с Нечаевым, что «правом на бесчестье всего легче русского человека увлечь можно», и вот они хладнокровно бесчестят революцию, бесчестят рабочий класс, заставляя его устраивать кровавые бойни, понукая к погромам, к арестам ни в чем неповинных людей, вроде А. В. Карташова, М. В. Бернацкого, А. И. Коновалова и других.

Заставив пролетариат согласиться на уничтожение свободы печати, Ленин и приспешники его узаконили этим для врагов демократии право зажимать ей рот, грозя голодом и погромами всем, кто не согласен с деспотизмом Ленина — Троцкого, эти «вожди» оправдывают деспотизм власти, против которого так мучительно долго боролись все лучшие силы страны.

«Послушание школьников и дурачков», идущих вместе за Лениным и Троцким, «достигло высшей черты», — ругая своих вождей заглазно, то уходя от них, то снова присоединяясь к ним, школьники и дурачки, в конце концов, покорно служат воле догматиков и все более возбуждают в наиболее темной массе солдат и рабочих несбыточные надежды на беспечальное житие.

Вообразив себя наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, совершая разрушение России — русский народ заплатил за это озерами крови.

Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы: двадцать пять лет он стоял в первых рядах борцов за торжество социализма, он являлся одною из наиболее крупных фигур международной социал-демократии; человек талантливый, он обладает всеми свойствами «вождя», а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс.

Ленин — «вождь» и русский барин, не чуждый некоторых душевных свойств этого ушедшего в небытие сословия, а потому он считает себя вправе проделать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу.

Измученный и разоренный войной народ уже заплатил за этот опыт тысячами жизней и принужден будет заплатить десятками тысяч, что надолго обезглавит его.

Эта неизбежная трагедия не смущает Ленина, раба догмы, и его приспешников — его рабов. Жизнь, во всей ее сложности, не ведома Ленину, он не знает народной массы, не жил с ней, но он — по книжкам — узнал, чем можно поднять эту массу на дыбы, чем — всего легче — разъярить ее инстинкты.

Рабочий класс для лениных то же, что для металлиста руда. Возможно ли — при всех данных условиях — отлить из этой руды социалистическое государство? По-видимому — невозможно; однако — отчего не попробовать? Чем рискует Ленин, если опыт не удастся?

Он работает, как химик в лаборатории, с тою разницей, что химик пользуется мертвой материей, но его работа дает ценный для жизни результат, а Ленин работает над живым материалом и ведет к гибели революции. Сознательные рабочие, идущие за Лениным, должны понять, что с русским рабочим классом проделывается безжалостный опыт, который уничтожит лучшие силы рабочих и надолго остановит нормальное развитие русской революции».

Думаю, уместно привести эту довольно длинную цитату из Горького, исходя из тех соображений, что писатель хорошо знал Ленина и не имел никаких иллюзий относительно Октябрьской революции и разрушительных сил, которые она вызвала к жизни. Троцкий потом скажет, что Горький воспринимал революцию, как музейный директор — с неловким чувством робости. Толпы снующих повсюду солдат и праздношатающегося трудового люда приводили его в ужас. Не глупо сказано, но это не соответствовало действительности. Горького невозможно было ни привести в ужас, ни запугать. «Новая Жизнь» продолжала отважно выступать против Ленина, но, увы, впустую, пока, наконец, ее издание не было нагло запрещено.

С первых же дней революции Горький отчетливо увидел, что Ленин, следуя Нечаеву, самым решительным образом настроен на террор. Ленина это был единственный способ удержать власть. В своих прозрениях Горький был не одинок. Некоторые из членов правительства, назначенные Лениным и Троцким, были настолько возмущены и шокированы введением расправ над людьми без суда и следствия, что в течение нескольких дней после назначения подали в отставку. Этим они выразили свой протест против «применения политического терроризма как единственного средства, с помощью которого Совет Народных Комиссаров способен удержаться у власти». В сущности, для большевиков это была крупная неприятность, но Ленин с Троцким восприняли отставки в правительстве даже с некоторым удовлетворением. Они заговорили о «чистке» государственной машины, о «мягкотелых», которым не хватает революционной доблести, подразумевая под этим неспособность некоторых товарищей хватать ни в чем не повинных людей и расстреливать на месте. Новому правительству нужны были крепкие люди, и именно таких — отменно свирепых и безжалостных — нашлось немало среди балтийских моряков и латышских стрелков. Они-то и будут впоследствии занимать ответственные посты и должности командиров карательных отрядов при новом большевистском правительстве.

А между тем революция победила. Непрочная, неумелая, поддерживаемая лишь неистощимыми импровизаторскими способностями двух ее вождей, не давших ей заглохнуть, спасших ее своей неукротимой энергией и волей, — революция стала фактом, который уже не вычеркнешь из учебников истории. Событиям, произошедшим в Петрограде в течение одной только недели, суждено было изменить весь курс мировой истории.

Эйфория власти

в те ранние дни советской власти, когда Ленин был еще новичком в управлении государством, он производил впечатление человека, превратившего импровизацию в науку. Не было проблемы, какую он не сумел бы решить — декретом, жестом, брошенной фразой; к любому делу он легко подбирал свой ключик. Он никогда не затруднял себя вопросом: есть ли границы возможного? Эту область философии он охотно предоставил Бухарину, а сам дал себе волю, едва ли задумываясь над тем, как далеко, если не до бесконечности, могут простираться его идеи и будет ли когда-нибудь предел

преобразованиям, затеянным им в России. Нет, он не переоценивал свои силы. Он все правильно рассчитал. Завоевание Петрограда было первым шагом к завоеванию мира.

Кому из тех, кто попадал тогда в Смольный, могло прийти в голову, что этот невысокий человек с колючим взглядом карих глаз, с бычьей шеей и лысиной, поросшей редкой рыжеватой растительностью, уже тогда замыслил и всерьез вынашивал план покорения мира. И дело не в том, что он был совсем не похож на покорителя мира. Сама обстановка вокруг него исключала подобное предположение. Институт благородных девиц, где расположился штаб революции, имел облик близ находящегося монастыря. В нем было холодно и неуютно. Ледяной ветер с Невы стучал в окна, электрические лампочки тусклым светом освещали столы, за которыми, склонившись над бумагами, работали наркомы. В бесконечных унылых коридорах полы заросли грязью — грязь сюда натащили на сапогах красногвардейцы. Только Актовый зал с коринфскими колоннами и хрустальными сверкающими люстрами, которые зажигали лишь тогда, когда там должны были зачитывать очередной документ государственной важности, свидетельствовал о том, что это и есть самый центр власти, место, откуда исходят государственные решения.

Здесь, в одной из комнат второго этажа в конце длинного коридора, работал Ленин. Он трудился без сна и отдыха, издавая приказы, плоды собственной мысли, направленные на преодоление хаоса, созданного его же собственной рукой. У Троцкого был кабинет в другом конце коридора. По этому поводу Ленин не преминул отпустить шутку в своем духе, что, мол, неплохо было бы им научиться кататься на роликовых коньках, чтобы экономить время. Вообще это было для него характерно — он радовался, находя простейшие решения сложных проблем. Так было со многими его декретами, написанными им торопливым почерком, который выдает его радостное волнение, — всякий раз он очень спешил записать внезапно осенившую его удачную мысль. Он видел в себе продолжателя марксистской философии, руководимого ее логикой. Но в действительности он был существом импульсивным, склонным к неожиданным экспромтам; на все вопросы он тут же имел готовые решения, даже если вопрос был им неверно понят.

В тот ранний период вся деятельность Советского государства строилась на экспромте, импровизации. Станислав Пестковский[47] рассказывает такую историю. В поисках работы он отправился в Смольный, где был принят Лениным и Троцким. Они послали его в Наркомат финансов — там не хватало штатных работников — к Менжинскому (позже снискавшему себе дурную

славу на посту руководителя ВЧК и ОГПУ). Менжинский сидел на диване, утомленный долгими часами работы. Над диваном была прикреплена бумажка, на которой значилось: «Комиссариат по делам финансов». Менжинский задал Пестковскому несколько вопросов о роде его занятий и, выяснив, что тот изучал экономику в Лондонском университете, побежал к Ленину, кабинет которого был напротив. Через несколько минут он вернулся с приказом, подписанным Лениным. Этим приказом Ленин назначал Пестковского управляющим Государственным банком.

Подобные скоропалительные решения были тогда в порядке вещей. Ленин обожал сочинять всевозможные декреты; причем они могли касаться не только предметов, в которых он был сведущ, но и тех, в которых он ровно ничего не смыслил. Как постоянный (в свое время) посетитель библиотек, он написал декрет, призванный реформировать работу петроградской Публичной библиотеки. В его основу была положена практика «свободных государств Запада, особенно Швейцарии и Соединеннык Штатов Северной Америки». Декрет явился в некотором роде уступкой гражданским свободам, хотя тон его был, как водится, диктаторский. Ленин писал:

«О задачах Публичной библиотеки в Петрограде

… 1) Публичная библиотека (бывшая Императорская) должна немедленно перейти к обмену книгами как со в с ем и общественными и казенными библиотеками Питера и провинции, так и с заграничными библиотеками (Финляндии, Швеции и так далее).

2) Пересылка книг из библиотеки в библиотеку должна быть, по закону, объявлена даровой.

3) Читальный зал библиотеки должен быть открыт, как делается в культурных странах в частных библиотеках и читальнях для богатых людей, ежедневно, не исключая праздников и воскресений, с 8 час. утра до 1] час. вечера.

4) Потребное количество служащих должно быть немедленно переведено в Публичную библиотеку из департаментов министерства народного просвещения (с расширением женского труда, ввиду военного спроса на мужской), в каковых департаментах 9/10 заняты не только бесполезным, но вредным трудом».

Библиотеки — тема, близкая ленинскому сердцу. Надо признать, что библиотеки он знал. Больше всего ему нравилась библиотека Британского музея; он терпеть не мог французскую Национальную библиотеку в Париже; Краковскую библиотеку считал отвратительной и крайне неудобной. Он особо выделял и

любил библиотеку «Societe de Lecture» в Женеве, где все свежие французские, немецкие и английские газеты раскладывали на стеллажах и где ему, бывало, выделяли отдельную комнату занятий. Там никто ему не мешал спокойно работать и писать, расхаживать взад-вперед, обдумывая свои мысли, брать книги с полок и вообще вести себя, как дома, в собственном кабинете. Швейцарские библиотеки образовывали единую сеть с немецкими библиотеками, благодаря чему во время войны Ленин мог свободно получать книги из немецких библиотек. Отсюда его идея, что Публичная библиотека Петрограда должна ввести систему межбиблиотечного абонемента с библиотеками Финляндии и Швеции. Ему, наверное, не приходило в голову, что финны и шведы могут не захотеть повиноваться декрету, направленному к ним из Смольного.

Декрет о библиотеках был выпущен в ноябре 1917 года, предположительно в один из тех редких моментов, когда Ленин позволил себе передышку в работе.

И все декреты предназначались для немедленного их исполнения. По словам Троцкого, многие из них просто работали на пропаганду, чтобы придать больший вес правительству. Ленин мог лишиться власти, его правительство могло пасть, к власти могли прийти «контрреволюционеры», — но ленинские декреты должны были остаться будущим поколениям как свидетельство благих начинаний его, ленинского, правления.

Чем революционнее был декрет, чем фантастичнее и маловероятнее, чем разрушительнее для старого режима, тем желаннее он был для Ленина. Одним из таких был декрет, вышедший в декабре семнадцатого года. Он отменял все чины и звания в армии.

«Осуществляя волю революционного народа о скорейшем и решительном уничтожении всех остатков прежнего неравенства в армии, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Все чины и звания в армии, начиная с ефрейторского и кончая генеральским, упраздняются. Армия Российской Республики отныне состоит из свободных и равных друг другу граждан, носящих почетное звание солдат революционной армии.

2) Все преимущества, связанные с прежними чинами и званиями, равно как и все наружные отличия, отменяются.

3) Все титулования отменяются.

4) Все ордена и прочие знаки отличия отменяются.

5) С уничтожением офицерского звания уничтожаются все отдельные офицерские организации.

6) Существующий и действующий в армии институт вестовых уничтожается».

Декреты такого рода были скорее пропагандистскими трюками. Их могли по прошествии какого-то времени забыть или по распоряжению сверху изменить так или иначе в соответствии с требованиями текущего момента. Слова «отменить», «покончить», «немедленно», «настоятельно», «крайне необходимо» были непременными атрибутами риторики декретов, но из этого автоматически не следовало, что их смысл соответствует содержанию. Это могли быть просто громкие слова. Возникал новый язык, тот самый ленинский новояз, в котором специально нагнетались слова категорического характера, требовавшие неотложных мер в кратчайший срок, без малейшего промедления, в срочном порядке. Понятно, что такой язык легко было пародировать. Особенно способными имитаторами проявили себя Радек с Зиновьевым. Да и сам Ленин грешил тем же, пародируя сам себя. «Мы категорически требуем, — писал он 27 ноября, — чтобы депутаты большевики немедленно потребовали поименного голосования по вопросу о немедленном приглашении представителей правительства». Он громоздил требование на требование, срочность на срочность и так далее; и теперь, работая над текстами написанных им документов, чувствуешь, как голова идет кругом и веки смежаются от усталости.

Временами создается впечатление, что это вовсе не русский язык, а какой-то гибрид русского с немецким. В ленинском наследии не так уж много строк, которые могли бы поразить читателя силой и ясностью мышления; и если бы пришлось собрать их в единую антологию, думаю, их набралось бы не более нескольких страничек.

Вообще вклад Ленина в русский язык, вобравший в себя то новое, что принесла с собой Октябрьская революция, нельзя считать одним из его достижений. Дело не только в том, что Ленин так никогда и не научился хорошо писать по-русски. До конца своих дней он писал так, как в мальчишеском возрасте: сначала пункт за пунктом в цифровой последовательности набрасывал основные мысли, в результате чего каждая мысль укладывалась в определенную логическую конструкцию, не выходя за ее рамки. Этой схемы он придерживался всегда. Он расправлялся со словами, как зачастую с людьми — загонял их в жесткие тиски, четко определяя их место, которое сам для них предназначил. В результате не было свободы. Он педантично следил за каждым своим словом, не отпускал его, пока не убеждался в том, что оно послушно его воле. Не случайно, что именно он ввел в обиход режущие слух, грубые, как окрик, сокращения в названиях государственных учреждений и их отделов и он же был создателем новой модели человеческих

отношений, ставшей затем главной темой советской литературы. Особенно нравилось Ленину слово «совнарком».

В те дни Ленин был в состоянии невероятного подъема. Он производил впечатление человека, опьяненного властью и успехом. Всемирная революция была на пороге, падение ненавистного ему буржуазного строя было почти явью, вот-вот должен был восторжествовать новый мировой порядок, уже утвердившийся в Петрограде. Ленин в тот свой период не просто говорил — он прорицал, подобно Мессии. Почти в каждой его фразе звучали слова «повсюду» и «немедленно».

В один из дней вскоре после Октябрьской революции к Ленину в Смольный пришел полковник Реймонд Робинс. Это был человек с огромным опытом, которого не так легко было увлечь фантазиями. Он начинал свою жизнь шахтером в Кентукки, добывал золото на Клондайке, работал в общественных организациях в Чикаго, в американской политике не был новичком, знал что почем. Он восхищался смелостью большевиков, при этом совершенно не разделяя их убеждений. Являясь главой Американской миссии Красного Креста в России, он чаще других американцев виделся с руководителями Советского государства. Ниже я помещаю большой отрывок из его записок о встречах с Лениным; рассказ ведется от третьего лица. Он как нельзя лучше передает мессианские устремления Ленина.

«Когда полковник Робинс посетил Ленина в его знаменитом кабинете с бархатными портьерами, Ленин ему сказал:

— Мы можем потерпеть поражение из-за отсталости русского народа или по воле иностранных держав, но сама идея русской революции разрушит и уничтожит всякий общественно-политический строй в мире. В будущем наш тип общественного строя возобладает повсюду. Политическое правление отомрет. Русская революция уничтожит его повсеместно.

— Но в моей стране демократическое правление, — возразил ему Робинс. — Неужели вы в самом деле думаете, что идеи русской революции могут уничтожить демократическое правление в Соединенных Штатах?

— Американское государство коррумпировано, — ответил Ленин.

— Это не так, — сказал Робинс. — Наши общенациональные органы правления, а также органы правления в отдельных штатах избираются народом. В большинстве случаев выборы честные и справедливые, народ избирает тех, кого считает достойным. Американское правительство нельзя назвать продажным.

— Ах, полковник Робинс, вы не поняли, — отозвался Ленин, — и это моя вина. Я не должен был употреблять это слово

— «коррумпировано». Я не имею в виду, что ваше правительство падко на деньги. Я имею в виду другое — у него отсталое мышление. Оно живет политическими представлениями давно прошедшей эпохи. Оно: живет эпохой Томаса Джефферсона. Оно живет не в нашей экономической эпохе. А следовательно, ему не хватает интеллектуальной цельности… Вы отказываетесь признавать тот факт, что реальное правление уже не диктуется политикой. Вот почему я говорю, что вашей системе не хватает цельности. Вот почему наша система совершеннее вашей. Вот почему она разрушит вашу.

— Честно говоря, господин комиссар, я этому не верю, — сказал Робинс.

— Разрушит, — настаивал Ленин. — Знаете ли вы нашу систему?

— Пока еще не очень хорошо, — ответил Робинс. — Вы ведь совсем недавно начали.

— А я вам расскажу, — продолжал Ленин. — Наша система уничтожит вашу, потому что это будет строй, продиктованный основным фактом современной жизни. Строй, который признает тот факт, что реальная власть сегодня — экономика, и значит, государственное правление сегодня должно быть экономическим. Итак, что же мы делаем? Кто будет представителями, избранными нашим народом? В Совете национальностей, ну, например, от Баку? Баку — нефтяной район. Нефть делает Баку. Нефть правит в Баку. Наши представители от Баку будут избираться нефтяной промышленностью. Они будут избираться рабочими нефтяной промышленности. Вы скажете — а кто такие рабочие? А я скажу — люди, которые управляют, люди, которые подчиняются приказам управляющих, которые над ними, инженеры, специалисты, чернорабочие, ремесленники — все, кто занят в процессе производства, работники умственного и физического труда — все они рабочие. Лица, не вовлеченные в процесс труда, те, кто не трудится в нефтяной промышленности, кто живет спекуляцией, на акции компаний, процентами с капиталовложений, инвестициями, не участвуя в каждодневном труде, — те не рабочие. Они могут даже что-то знать о нефти, а могут и не знать. Обычно они не знают. Во всяком случае они не заняты в процессе добывания нефти, они не производят нефть. А наша республика — республика производителей.

Вы вправе сказать, что ваша республика — республика граждан. Очень хорошо. А я скажу, что человек-производитель гораздо важнее, чем человек-гражданин. Самые главные граждане в ваших нефтяных районах — кто они? Разве не нефтяники? Баку будет представлен нефтью.

Точно так же Донецкий бассейн будет представлен как угольный район. Представители от Донецкого бассейна будут представителями угольной промышленности. Из сельских областей нашими представителями будут представители, избранные крестьянами, которые выращивают урожаи. Каков насущный интерес сельских областей? Не торговля. Не денежные операции. Сельское хозяйство. От сельских местностей наши крестьянские Советы будут присылать представителей, избранных сельским хозяйством, чтобы те выступали от имени сельского хозяйства.

Такая система крепче вашей, потому что она соответствует реальности. Она устанавливает ежедневную стоимость человеческого труда и, исходя из этого, непосредственно управляет государством. Наше правительство будет органом экономического правления, для экономического века. Оно победит, потому что отражает, выражает и соответствует духу эпохи, в которую мы живем.

Вот почему, полковник Робинс, мы с уверенностью смотрим в будущее. Вы можете уничтожить нас в России. Вы можете уничтожить русскую революцию в России. Вы можете меня свергнуть. Это ничего не изменит. Сто лет назад монархии Великобритании, Пруссии, Австрии и России свергли правительство революционной Франции. Они реставрировали монархию, посадили на трон монарха, назвав его законным монархом, чтобы он правил в Париже. Но они не могли остановить и не остановили политическую революцию, демократическую революцию средних слоев, которая была начата в Париже народом во время революции 1789 года. Они не смогли спасти феодализм.

Каждая система феодально-аристократического социального строя в Европе была обречена на уничтожение политическим демократическим социальным строем, который создала Французская революция. И теперь каждая система политического демократического социального строя в мире обречена на уничтожение социальным строем экономических производителей, созданного в процессе русской революции.

Вы, полковник Робинс, этому не верите. Придется подождать дальнейших событий, чтобы доказать вам, что я прав. Может быть, вы увидите, как по России пройдут парадом с иностранными штыками. Вы, может быть, увидите, как будут уничтожены Советы и все руководители их убиты. Может быть, вы увидите Россию снова во мраке, в каком она была до сих пор. Но молния, сверкнувшая из этого мрака, уже уничтожает политическую демократию повсюду. Она уничтожила ее не

физически, ударив по ней, а тем, что просто одной вспышкой осветила будущее».

Рассказ Робинса о его разговоре с Лениным звучит вполне правдоподобно. Ленин читает ему наставление, как школьный учитель смышленому ученику, перед которым лестно разводить рацеи, щеголяя глубиной своего ума, романтической настроенностью. Он желает выглядеть перед Робинсом личностью исторической, этаким рупором современности, чьи идеи обязательно разрушат общества с «отсталым мышлением». Он все до предела упрощает, что очень по-русски. Он даже не пытается обосновать свой тезис о том, что политическое правление обязательно уступит место экономическому — для него он не нуждается в доказательстве.

Ленин стремится создать что-то вроде корпоративного государства, в котором избранники народа будут представлять разные отрасли хозяйства страны. Он пытается убедить собеседника в том, что гражданин как политическое лицо должен уступить место производителю, как будто производитель не может быть к тому же политическим лицом. И опять, и опять в его рубленых, отрывистых фразах мы слышим знакомую лексику, столь характерную для нигилистов: «…Идея русской революции разрушит и уничтожит всякий общественно-политический строй в мире… Политическое правление отомрет. Русская революция уничтожит его повсеместно… Наша система… разрушит вашу… Вы можете уничтожить русскую революцию в России. Вы можете меня свергнуть. Это ничего не изменит… Молния, сверкнувшая из этого мрака, уже уничтожает политическую демократию повсюду…» Вот в таком духе он рассуждает, представляя себе, как мир рушится вокруг него, и вот уже все человечество послушно этой разрушительной воле… Тьма сгущается, все готово для финальной вспышки, которая озарит новый, грядущий мир.

Робинс встречался с Лениным в те дни, когда у вождя еще не возникло неприязненное, подозрительное отношение к иностранцам, когда революция была молода и новое государство еще не поразили недуги. Робинсу искренне нравился Ленин, и он этого не скрывал. Однажды Ленин сказал при нем: «Я заставлю достаточное количество людей работать достаточное количество часов с достаточной скоростью, чтобы произвести все, в чем Россия нуждается». Робинс на это мягко заметил: «Это достаточно русское заявление». Случалось, что они подтрунивали друг над другом, но всегда сохраняли самые добрые отношения.

Другим посетителем Ленина в Смольном был в тот период Георгий Соломон, знавший его с 1892 года, когда учился в Самаре. Соломон был старше и вполне мог быть другом

Генералова, казненного вместе с Александром Ульяновым в 1887 году. Временами он ссорился с Лениным, критикуя его догматические взгляды, но они оставались приятелями. После Октябрьских событий Соломон пришел к Ленину в Смольный, чтобы тот объяснил ему, что происходит. Вот его рассказ:

«Беседа с Лениным произвела на меня самое удручающее впечатление. Это был сплошной максималистский бред.

— Скажите мне, Владимир Ильич, как старому товарищу, — сказал я. — Что тут делается? Неужели это ставка на социализм, на остров Утопия, только в колоссальном размере? Я ничего не понимаю…

— Никакого острова Утопия нет, — резко ответил он тоном очень властным. — Дело идет о создании социалистического государства… Отныне Россия будет первым государством с осуществленным в ней социалистическим строем… А! Вы пожимаете плечами! Ну, так вот, удивляйтесь еще больше! Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции!

Я невольно улыбнулся. Он скосил на меня свои маленькие узкие глаза монгольского типа с горевшим в них злым ироническим огоньком и сказал:

— А, вы улыбаетесь! Дескать, все это бесплодные фантазии. Я знаю, что вы можете сказать, знаю весь арсенал трафаретных, избитых, якобы марксистских, а в сущности буржуазно-меньшевистских ненужностей, от которых вы не в силах отойти даже на расстояние куриного носа… Нет, нет, мы уже прошли мимо всего этого, все это осталось позади… Это чисто марксистское миндальничанье… Меня вам… господа хорошие, не переубедить! Мы забираем как можно левее!!

Улучив минуту, когда он на миг смолк, точно захлебнувшись своими собственными словами, я поспешил возразить ему:

— Все это очень хорошо. Допустим, что вы дойдете до самого, что называется, левейшего угла… Но вы забываете закон реакции, этот чисто механический закон… Ведь вы откатитесь по этому закону черт его знает куда!

— И прекрасно! — воскликнул он. — Прекрасно, пусть так, но в таком случае это говорит за то, что надо еще левее забирать! Это вода на мою же мельницу!..

— …Я ничего не могу пока сказать, Владимир Ильич, мне надо оглядеться, я для того и приехал… Не знаю, что будет дальше — вы только уничтожаете… Все эти ваши реквизиции, конфискации есть не что иное, как уничтожение…

— Верно, совершенно верно, вы правы, — с заблестевшими как-то злорадно вдруг глазами живо подхватил Ленин. — Верно.

Мы уничтожаем, но помните ли вы, что говорил Писарев, помните? «Ломай, бей все, бей и разрушай! Что сломается, то все хлам, не имеющий права на жизнь, что уцелеет, то благо…» Вот и мы, верные писаревским, — а они истинно революционны — заветам, ломаем и бьем все, — с каким-то чисто садистическим выражением и в голосе, и во взгляде своих маленьких, таких неприятных глаз как-то истово, не говорил, а вещал он. — Все разлетается вдребезги, ничто не остается, то есть все оказывается хламом, державшимся только по инерции!…Ха-ха-ха, и мы будем ломать и бить!

Мне стало жутко от этой сцены, совершенно истерической. Я молчал, подавленный его нагло и злорадно сверкающими глазками… Я не сомневался, что присутствую при истерическом припадке.

— Мы все уничтожим и на уничтоженном воздвигнем наш храм! — выкрикивал он. — И это будет храм всеобщего счастья!… Но буржуазию мы всю уничтожим, мы сотрем ее в порошок!… Помните это и вы, и ваш друг Красин, мы не будем церемониться!

Когда он, по-видимому, несколько успокоился, я снова заговорил.

— Я не совсем понимаю вас, Владимир Ильич, — сказал я. — Не понимаю какого-то, так явно бьющего в ваших словах угрюм-бурчеевского пафоса, какой-то апологии разрушения, уносящей нас за пределы писаревской проповеди, в которой было здоровое зерно… Впрочем, оставим это, оставим Писарева с его спорными проповедями, которые могут завести нас очень далеко. Оставим… Но вот что. Все мы, старые революционеры, никогда не проповедовали разрушение для разрушения и всегда стояли, особенно в марксистские времена, за уничтожение лишь того, что самой жизнью уже осуждено, что падает…

— А я считаю, что все существующее уже отжило и сгнило! Да, господин мой хороший, сгнило и должно быть разрушено!.. Возьмем, например, буржуазию, демократию, если вам это больше нравится. Она обречена, и мы, уничтожив ее, лишь завершаем неизбежный исторический процесс. Мы выдвигаем в жизнь, на авансцену ее социализм, вернее, коммунизм…

— Позвольте, Владимир Ильич, не вы ли сами в моем присутствии, в Брюсселе доказывали одному юноше-максималисту весь вред максимализма… Ах, вы тогда говорили очень умно и дельно…

— Да, я так думал тогда, десять лет назад, а теперь времена назрели…

— Ха, скоро же у вас назревают времена для вопросов, движение которых исчисляется столетиями по крайней мере…

— Ага, узнаю старую добрую теорию постепенства, или, если угодно, меньшевизма со всею дребеденью его основных положений, ха-ха-ха, с эволюцией и пр., пр., пр…Но довольно об этом, — властным решительным тоном прервав себя, сказал Ленин, — и запомните мои слова хорошенько, запомните их, зарубите их у себя на носу, благо, он у вас довольно солиден… Помните: того Ленина, которого вы знали десять лет назад, больше не существует… Он умер давно, и с вами говорит новый Ленин, понявший, что правда и истина момента лишь в коммунизме, который должен быть введен немедленно… Вам это не нравится, вы думаете, что это сплошной утопический авантюризм… Нет, господин хороший, нет…

— Оставьте меня, Владимир Ильич, в покое, — резко оборвал я его. — С вашим вечным чтением мыслей… Я вам могу ответить словами Гамлета: «…Ты не умеешь играть на флейте, а хочешь играть на моей душе…» Я не буду вам говорить о том, что думаю, слушая вас…

— И не говорите! - крикливо и резко, и многозначительно перебил он меня. — И благо вам, если не будете говорить, ибо я буду беспощаден ко всему, что пахнет контрреволюцией!. И против контрреволюционеров, кто бы они ни были (ясно подчеркнул он), у меня имеется товарищ Урицкий!.. Ха-ха-ха, вы, верно, его не знаете!.. Не советую вам познакомиться с ним!..

И глаза его озарились злобным, фанатически-злобным огоньком, и в словах его, в его взгляде я почувствовал и прочел явную, неприкрытую угрозу полупомешанного человека… Какое-то безумие тлело в нем…»

Конечно, можно было бы усомниться в том, что этот разговор вообще имел место. Но похожие беседы с Лениным записаны и другими его современниками, уже не говоря о том, что его публичные выступления перекликаются с их свидетельствами. Неслыханно, но Ленин, произнося подобные речи, верил в то, о чем говорил. Еще более неслыханно то, что человек, находившийся в состоянии крайней эйфории, перевозбуждения, был способен выполнять свою ежедневную работу на посту руководителя государства, не теряя при этом рассудка.

Так бывает, когда просыпается вулкан и начинается извержение. И тогда из недр его вырываются языки пламени, лава и дым. Все кругом горит, дрожит земля, огненная лавина поглощает города. Революция была, как извержение вулкана, и люди, попадавшие в это полыхающее пространство, задыхались в ее чаду и горели в ее огне — них это был сущий ад. Но были люди и другого склада, для них бушующее пламя было родной стихией.

Сердце истинных коммунистов бешено билось, упоенное восторгом и безграничными надеждами. Не один Ленин жил в опадании чудесных, необыкновенных перемен в природе общества. В свою очередь и Бухарин развивал тему открывателей новых земель, пустившихся в несравнимо более опасное, но и архиважное для человечества плавание, чем сам Христофор Колумб. Чуда ждали не только рьяные коммунист:. «В городе, в деревне, в армии люди радовались полноте обретенного освобождения, безграничной свободе, которая теперь давала толчок развитою их творческих сил», — писал Исаак Штейнберг, исполнявший обязанности наркома юстиции в коммунистическом правительстве до тех пор, пока не убедился в том, что никакого правосудия при коммунистах быть не может, после чего эмигрировал за границу. Поэт Александр Блок восторженно приветствовал революцию, исполненный «новой веры» в ее «очищающую силу». В поэме «Двенадцать» он рисует такую картину: сквозь снежную пургу шагают строем двенадцать красногвардейцев, и ведет их Иисус Христос, шествующий впереди. Блок понимал, какие необузданные стихии вызвала из недр человеческого существа революция. В стихотворении «Скифы» он говорит о новой воинственной расе, пришедшей с Востока и разрушающей все на своем пути любовью, которая «и жжет и губит». Но варварство этих «диких орд» оправдывается возвышенной и благородной целью — они должны смести с лица земли всю грязь и мерзость прошлого.

Эйфория, упоение властью, исступленная злоба, насилие, приступы умиления, чередующиеся с ненавистью, — все смешалось в те первые дни революции. В русском характере со времен далеких предков укоренилось подсознательное неприятие государственной власти в любой ее форме. Ленин знал эту сторону русского сознания; играя на чувствах простого народа, он обращается к нему со страниц газеты «Правда» 19 ноября 1917 года с такими словами:

«Товарищи трудящиеся! Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете все дела государства в свои руки. Ваши Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы».

И все же складывается впечатление, что он искренне говорил это. Он, как и многие тогда, жил, воодушевленный утопическими иллюзиями. В январе 1918 года он объявил, что победа социализма по всей России — дело решенное, что, мол, это вопрос каких-то нескольких месяцев. На одном из заседаний в Смольном он уверял Троцкого в том, что страна достигнет

социализма всего за полгода и тогда Россия станет величайшей страной мира. Вера в грандиозное будущее России укрепляла его силы, но временами волнение переполняло его, становилось почти невыносимым. Как-то раз, через несколько дней после завоевания власти в Петрограде, Ленин, повернувшись к Троцкому, со смущенной улыбкой проговорил: «Знаете, после гонений и жизни в подполье вдруг оказаться у власти — это уж как-то слишком. — Он помолчал, подыскивая точное слово, и прибавил: — Es schwindelt! — Это опьяняет!» Интересная деталь — он произнес это слово по-немецки, что было очень него характерно.

Спустя два месяца Ленин все еще пребывал в том же состоянии опьянения властью. В это время он записывает в свой блокнот для заметок некоторые мысли, касающиеся свершившейся революции. Уподобляясь Фукидиду, который в заблуждении ума считал, что пишет историю на все времена, что его история — этакий рецепт, рассчитанный на века, Ленин заносит в блокнот следующие слова:

> «Революции — локомотивы истории.
> Разогнать локомотив и удержать его на рельсах…

Κτῆμα ἐς ἀεί* { Уже завоевано:
α. максимум демократизма
β. конкретизация первых шагов к социализму
γ. мир и земля. } ».

[48]

И если нам представляется странным, что он назвал «максимум демократизма» главным и первым из своих завоеваний, то не менее странно и то, что, разогнав локомотив истории на полную скорость, он надеется удержать его на рельсах.

Увы, революция много раз будет сходить с рельсов. И каждый раз, когда она будет сходить с рельсов, на помощь будут вызывать спасательные команды, и они будут менять ненадежные рельсы, укладывать надежные, латать подпорченный локомотив и, направив его в новую колею, снова пускать на полную скорость. Но мог ли он, бедняга, выдержать такую сумасшедшую, опасную гонку? И он, конечно, опять ломался.

Тогда же, на заре революции, когда иллюзии еще не

развеялись и на души еще не лег тяжким гнетом цинизм, людям казалось, что одной революционной одержимости, одного восторженного порыва достаточно того, чтобы преодолеть все препятствия и трудности на пути к построению нового государства, управлять которым теперь будет сам народ. Увы, народ тогда не знал и понятия не имел, что править своей страной ему никто не даст.

Лед сломан

Лед тронулся.
Советы победили во всем мире.

В.И. Ленин. Завоеванное и записанное

Разгон Учредительного собрания

Почти столетие Россия лелеяла мечту о том времени, когда в стране правящим органом станет Учредительное собрание, когда в результате свободных выборов россияне получат свой парламент и ненавистное самодержавие лишится власти. Нечаев со скамьи подсудимых заявлял о необходимости созыва Земского собора, существовавшего на Руси в период Средневековья, предтечи Учредительного собрания. Революционеры и террористы без колебаний отдавали свои жизни за идею русского парламентаризма. Многие в России жили в твердом убеждении, что путь к прогрессу откроет только парламент, уполномоченный говорить от имени всего народа. И большевики упорно выступали за созыв Учредительного собрания; одним из главных обвинений, которое они выдвигали против Временного правительства, было то, что это правительство не смогло осуществить созыв Учредительного собрания.

Между тем Ленин не имел ни малейшего желания позволить Учредительному собранию сделаться полновластной силой в стране. Он даже не допускал, что оно может выполнять какие-либо менее важные функции в условиях диктатуры пролетариата. Его упреки Временному правительству в том, что оно не способно было созвать Учредительное собрание, были чисто пропагандистским трюком. Но, придя к власти, он оказался перед лицом факта — все население и даже те, кого он любил называть «огромными народными массами», твердо стояло за выборы в Учредительное собрание. В то время как народ требовал свободных выборов, большевики пустили в ход всю свою машинерию, чтобы в корне истребить свободы, столь желанные народу.

Учредительное собрание маячило перед большевиками, как

навязчивое видение, как затянувшийся кошмар. Надо было как-то от него отвязаться, скомпрометировать его, что ли, или вообще уничтожить. По свидетельству Троцкого, чтобы избавиться от напасти, Ленин сначала хотел оттянуть выборы в Учредительное собрание на неопределенный срок. Народ, таким образом, должен был безропотно в течение довольно долгого срока находиться под властью большевиков, а там, через каких-нибудь лет пять или поболее, можно было бы и разрешить ему провести выборы. За это время кадеты, сторонники Корнилова и прочие партии, неугодные большевикам, были бы объявлены вне закона и разогнаны. А списки избирателей можно будет составить так, что к голосованию будут допущены только большевики. Одновременно с этим недурно было бы проводить активную пропаганду, имеющую целью раскрыть народу контрреволюционную сущность парламента, избранного свободным голосованием.

Ленину пришлось как следует поломать голову над этой почти неразрешимой задачей. Она его буквально изводила, вроде медленной пытки. Ведь если парламент все-таки будет избран, то нельзя быть уверенным в том, что в нем будут преобладать большевики. А если парламент не состоится, то противники большевиков скажут, что правительство Ленина антинародное. Ну, предположим, Учредительное собрание уже есть. Где тогда пройдет граница между его полномочиями и руководящими функциями органов Советской республики? Конечно, Ленин мог сказать, как он уже неоднократно говорил, что парламент — всего лишь выдумка буржуазии, при помощи которой она держится у власти. Но ведь не сбросишь со счетов волю крестьян и рабочих, настаивавших на парламентских выборах. Пренебречь ею значило лишиться основной своей поддержки.

Исходя из ситуации, Ленин счел нужным разрешить выборы, и 9 ноября «Известия» и «Правда» опубликовали «Обращение ВЦИК о выборах в Учредительное собрание в назначенный срок». «Ввиду циркулирующих слухов явно провокационного характера о предполагаемом якобы отложении выборов в Учредительное собрание, Центральный Исполнительный Комитет… считает первейшей своей задачей обеспечить возможность производства выборов в Учредительное собрание в назначенный срок — 12 ноября… Мы призываем все учреждения и всех граждан напрячь все усилия, дабы обеспечить в назначенный срок свободное производство выборов в Учредительное собрание», — говорилось в обращении. Избирательная комиссия обосновалась в Мариинском дворце, и внутри нее началась подспудная борьба между теми, кто на самом деле хотел, чтобы выборы были

легальные и свободные, и большевиками, которые собирались набить урны фальшивыми бюллетенями, подчинить себе избирательную комиссию, превратив ее в инструмент своей политики.

Разумеется, ни о какой свободе собраний не могло быть и речи; все политические митинги были запрещены за исключением тех, что были санкционированы большевиками. Через два дня был издан декрет, подписанный Подвойским, председателем Военно-революционного комитета, то есть органа, контролировавшего сферы государственной жизни, не подпадавшие под контроль ЦК. Декрет был обращен к населению Петрограда и звучал так: «Петроград и его окрестности объявляются на осадном положении. До особого распоряжения все собрания и митинги на улицах запрещаются. Трамвайное сообщение нарушено не будет». Тем не менее оппозиционные партии сумели провести короткие митинги и даже умудрились достать немного бумаги для плакатов. Избирательная комиссия тоже испытывала нехватку бумаги для распечатки бюллетеней и на конверты. Ей чинили препятствия на каждом шагу, но она держалась из последних сил, ютясь в тесном помещении.

Выборы состоялись в Петрограде, и проходили они в течение трех дней. Избирателям вручались двенадцать бюллетеней. Баллотировались даже кандидаты от мелких группировок, например, от «Женского союза за спасение Отечества» и от группы, называемой «Социалисты-универсалисты» — эти могли рассчитывать на самое ничтожное количество голосов. Участвовали политические и общественные объединения и покрупнее, и среди них «Православные приходы». было ясно, что основная борьба развернется между кадетами, левыми эсерами и большевиками. Результаты голосования были опубликованы 30 ноября. Кадеты получили 245 006 голосов, левые эсеры — 152 230 голосов, большевики — 424 027 голосов. Так что большевики имели незначительный перевес в количестве отданных за них голосов против суммированных итогов голосования за партии их противников.

В Москве и в некоторых других крупных городах большевики также получили большинство голосов. В провинции же, где они еще не успели как следует пустить корни, складывалась совершенно иная картина. Когда были подведены итоги голосования по стране, оказалось, что на выборах победили левые социалисты-революционеры. Из общего числа 41,7 миллиона голосов левые эсеры получили 20,8 миллиона, а большевики только 9,8 миллиона голосов. Вот и получилось, что партия левых эсеров, предтечей которой была «Народная воля», одержала

сокрушительную победу над большевиками, считавшими себя последователями Карла Маркса.

Для Ленина результаты выборов вряд ли явились большой неожиданностью, во всяком случае, он твердо решил, что они не должны стать помехой его курсу. За кулисами выборов большевики проделали молниеносный, гнусный маневр: избирательная комиссия в полном составе была арестована и доставлена в Смольный. Одновременно с этим Моисей Урицкий, убежденный большевик, был назначен комиссаром по выборам. Он получил неограниченное право проверять личности избранных депутатов и решать вопрос о выдаче им мандатов. Затем начались домашние аресты; редакции и небольшие типографии, в которых оппозиционные партии все еще печатали свои листки, были закрыты. И наконец произошло воистину знаменательное, но и недоброе событие. Специальным декретом Военно-революционный комитет был распущен, а вместо него была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Эта комиссия стала самым страшным оружием из всех, имевшихся в арсенале большевистской партии. Функции ЧК никогда не уточнялись, зато они перечислялись в различных декретах как задачи ЧК, и в конце каждой формулировки стояло загадочное: «и т. д.». В сущности, под этим «и т. д.» и подразумевалась настоящая деятельность ЧК. Главной ее задачей было устрашение противников нового режима, чтобы никто и пикнуть не смел.

Пока шла подготовка к открытию Учредительного собрания, большевики не очень-то могли показывать зубы. Угроза для них парламентской власти все еще была реальна. Правда, среди большевиков были люди, считавшие возможным сосуществование между Центральным Комитетом, Советами и Учредительным собранием на основе выработанной договоренности; они заявляли, что поскольку Учредительное собрание будет отражать интересы рабочих, солдат и крестьян, то оно имеет право на жизнь. В числе сторонников Учредительного собрания был Зиновьев. Ленин, напротив, не имел на этот счет никаких иллюзий и видел в Учредительном собрании угрозу для своего правительства. Он был намерен уничтожить его.

Уже к 10 декабря в столицу со всех концов России прибыло так много делегатов, что было решено открыть Учредительное собрание на следующий день в Таврическом дворце. Но разве могли депутаты ожидать такое — за ночь до его открытия большевики захватили дворец, заперли ворота и выставили охрану из латышских стрелков. Наутро люди вышли на улицы с плакатами, которые гласили: «Вся власть Учредительному

собранию!», «Да здравствует Учредительное собрание, верховная власть России!» Стоял прекрасный, солнечный день, небо было чистое, под ногами поскрипывал снежок. К часу дня у дворца собралась огромнейшая толпа, — казалось, весь Петроград пришел к Таврическому дворцу. Был опасный момент, когда люди хлынули к воротам, но латышские стрелки навели на них дула ружей. Московский градоначальник, обратившись к латышским стрелкам, спросил, уж не собираются ли они стрелять в народ.

— Нет, — отвечали они. — Мы здесь для того, чтобы защищать Учредительное собрание.

— В таком случае, — продолжал московский градоначальник, — разрядите ружья и пропустите депутатов во дворец.

Во дворце их встретил Урицкий. Он приказал депутатам предъявить мандаты, но ему никто не подчинился. Набралось всего пятьдесят депутатов, а этого было мало для кворума, но достаточно для того, чтобы создать наблюдательную комиссию и составить предварительный план заседаний. Депутаты практически завладели дворцом; и многим из них казалось, что осталось только подождать, когда прибудут остальные, и верховная власть будет у них в руках.

Как раз в тот день Ленин отдал приказ арестовать всех лидеров кадетской партии, а они были депутатами Учредительного собрания и по закону пользовались правом неприкосновенности личности. Но подобные мелочи Ленина не волновали. Кстати, наиболее видные деятели партии кадетов уже были арестованы — их схватили сразу же после взятия Зимнего дворца, и теперь они находились в Петропавловской крепости.

Если бы тогда, в декабре 1917-го, Учредительное собрание состоялось, история русской революции, наверное, сложилась бы совсем по-другому. Но оно так и не смогло набрать кворума по той причине, что большевики помешали депутатам добраться до Петрограда.

И все же постепенно, один за другим, они проникали в Петроград и там скрывались. Город был в руках красногвардейцев, подчинявшихся только Смольному. Однако левые эсеры еще не утратили своего влияния — большевики их не трогали, время пока не пришло. Решено было, что Учредительное собрание проведет свое первое заседание в полном составе 18 января. Делегаты искренне верили, что на нем будет наконец сформировано новое законное революционное правительство.

А пока они собирались, в Смольном пекли один за другим декреты. Эти декреты фактически лишали Учредительное собрание всех прав, которые ему как бы законно принадлежали.

Обойти декреты было невозможно — все было тщательно продумано.

Единственно, в чем Ленину не хватало полномочий власти, — он был не в состоянии оградить себя от смертельной опасности, угрожавшей его жизни. Он знал о ней, знали о ней и все вокруг него.

Вечером 14 января он выступал с речью перед одним из отрядов только что сформированной социалистической армии в Михайловском кавалерийском училище, где раньше император имел обыкновение устраивать смотры своим войскам. В громадном зале, освещенном факелами, рядами выстроились броневики. Появление Ленина было встречено ревом приветствий. В полумраке зала люди увидели его, стоявшего на башне броневика точно в такой же позе, как в ту ночь, когда он обращался к толпе на Финляндском вокзале. Теперь он говорил о том, как необходимо героически сражаться за «наш истинно демократический строй» против капиталистов всего мира, грозящих утопить революцию в крови. Судя по краткому отчету, появившемуся в газете «Правда» три дня спустя, речь была зажигательная, но почему-то солдаты приняли выступление Ленина сдержанно. Ему похлопали в конце, но, по свидетельству очевидцев, вяло, через силу. Обычно выступления Ленина сопровождались оглушительными овациями. Через несколько часов эти солдаты со своими броневиками должны были отбывать на фронт. Зная, что вскоре их может постичь смерть, они ждали от Ленина не такой речи, более душевной, что ли. Ленин спустился с броневика. Чтобы снять напряжение, на броневик поднялся Подвойский и объявил солдатам, что присутствующий на митинге американец, Алберт Рис Вильямс, хочет к ним обратиться от имени американских товарищей.

— Позвольте мне быть вашим переводчиком, — вежливо предложил американцу Ленин, но тот в порыве энтузиазма отказался, сказав, что будет говорить по-русски.

Ленина это чуть развеселило. Он слишком много работал последнее время и очень устал. Он понимал, что выступил неудачно, не смог укрепить боевой дух в солдатах. Но вот заговорил Вильямс. Он произнес гладко несколько заученых фраз, а дальше начал так коверкать язык, путаясь в грамматике, что солдаты не выдержали. Они стали хохотать, бешено ему аплодируя. Настроение аудитории изменилось. Солдатам понравилось, что к ним приехал американец и теперь обращается к ним с речью, а Ленин пытается помочь ему, выступая в роли переводчика. Оратор то и дело умолкал, мучительно подбирая русское слово, а Ленин, гладя на него снизу вверх, спрашивал по-

английски, какое слово тот хочет сказать. Вильямс говорил, например: «enlist»,[49] и Ленин подсказывал ему слово по-русски. А через минуту Вильямс опять спотыкался, ища нужное слово, и снова обращался к «переводчику». Вся аудитория поддерживала его одобрительными выкриками. Кончилось тем, что овациями провожали не Ленина, а Вильямса.

После митинга Ленин в окружении солдат вышел во двор. С Лениным были Фриц Платтен и сестра Мария Ильинична. Все сели в машину. Но едва они отъехали в сгустившемся тумане на несколько метров от Кавалерийского училища, как ветровое стекло машины пробили три пули. Платтен быстро пригнул голову Ленина. Шофер прибавил скорость, завернул за угол и там притормозил. Это было неосмотрительно с его стороны, потому что атакующие могли на том не успокоиться. И действительно, сзади раздались выстрелы; предположительно, стреляли со стороны Кавалерийского училища. Сидевшие в машине чудом уцелели. Шофер вылез из машины, осмотрел шины и убедился в том, что дыр в них нет. «Если бы пробили шины, нам была бы крышка», — объявил он. В ночном тумане они двинулись к Смольному. Пострадал только Фриц Платтен, которому слегка поцарапало руку. Он очень гордился своей раной и с тех пор при каждом удобном случае рассказывал, как ее заработал.

А через четыре дня после этого открылось Учредительное собрание. Ленин к тому времени еще точно не решил, как ему стоит поступить. На всякий случай он тайно распорядился, чтобы Петроградский гарнизон был в готовности. Велено было беспощадно подавлять любые демонстрации. Латышским стрелкам было приказано нести охрану вокруг Таврического дворца. На галерку, где были места для публики, Урицкий по распоряжению Ленина выдавал специальные пропуска, причем только вооруженным солдатам-большевикам и матросам. Депутаты должны были иметь разрешение, чтобы пройти во дворец. В Петроград из Гельсингфорса и Выборга были вызваны две тысячи матросов. Ленин ждал подходящего момента, чтобы так или иначе решить судьбу пресловутого Собрания.

Учредительное собрание должно было открыться в полдень. Ближе к полудню, как и ожидали большевики, к Таврическому дворцу направились колонны демонстрантов — множество народа. Они несли лозунги: «Вся власть Учредительному собранию!» День был серенький, пасмурный, шел сильный снег, дул пронизывающий ветер. Люди были настроены мрачно. Так же мрачно на них смотрели латышские стрелки, которые приказали колонне, движущейся с Литейного, остановиться. Но толпа не остановилась, — возможно, народ не слышал команду. Почти в

упор, с расстояния в несколько метров, латыши ударили залпом. Они сделали всего один залп, но этого было достаточно, чтобы толпа разбежалась. Восемь или девять человек были убиты. Около двадцати человек были тяжело ранены. Латыши собрали брошенные демонстрантами плакаты и сожгли их. Часом позже была расстреляна еще одна колонна демонстрантов, которая подошла к Таврическому дворцу поближе. Результат был примерно тот же — сожженные на костре лозунги и около десятка убитых на снегу.

При других обстоятельствах латышам не миновать бы расправы. Толпа накинулась бы на них и растерзала бы. Но, как Ленин и предвидел, люди растерялись от неожиданности. Никто не думал, что в них будут стрелять…Вдруг оглушительный залп — и кровь на снегу… Люди в панике бросились бежать, волоча за собой раненых.

Таврический дворец представлял собой военный лагерь. Все входы в него были перекрыты; открытым оставался только главный подъезд. Вестибюль был битком набит матросами и солдатами, которые проверяли депутатские мандаты и развлекались, громко перекидываясь между собой шутками такого рода: а не повесить ли, а может, лучше — проткнуть штыком вон этого или вон того депутата? Большевики намеренно нагнетали угрожающую атмосферу. Им уже удалось запугать демонстрантов на улицах. Теперь надо было запугать депутатов.

Еще до открытия Учредительного собрания депутатам было известно, что большевики намерены показать зубы, но такого они не ожидали. Зная, что сессия может затянуться и до утра, они принесли с собой свечи на случай, если большевики выключат во дворце свет. Кто-то запасся бутербродами. «Вот так демократия вступала в бой с диктатурой, как следует вооружившись бутербродами и свечами», — писал Троцкий.

Большинство депутатов были на своих местах к часу дня. Отсутствовали кадеты, так как многие из них были арестованы, а остальные скрывались. Депутаты от партии эсеров явились в полном составе. В просторном зале со стеклянной крышей не было видно депутатов-большевиков, но все знали, что они находятся где-то во дворце. На галерке толпились дипломаты, занявшие места рядом с вооруженными солдатами. Те, поигрывая винтовками, как бы случайно наводили дула на собравшихся внизу депутатов.

Около часа дня Ленин выехал из Смольного. С ним были жена, сестра Мария Ильинична и управделами СНК Бонч-Бруевич. Они добрались до Таврического дворца окольным путем, который привел их к улочке, прилегающей к дворцу. Здесь был боковой

вход, охраняемый солдатами. Ворота были заперты, но шофер дал условленный сигнал, и ворота открылись. Их снова заперли, как только Ленин со своими спутниками оказался внутри. Во дворце для них была приготовлена отдельная комната. А рядом, за стеной, шло собрание большевиков. Председательствовала Варвара Яковлева, та самая, которая была секретарем уже известного читателю совещания большевиков, проходившего на квартире Суханова 23 октября 1917 года. Собрание было бурным. Голоса разделились почти поровну между теми, кто считал, что Учредительное собрание надо разогнать сразу, до того, как начнется сессия, и теми, кто считал, что лучше сделать это после того, как сессия начнется. Но все при этом знали, что окончательное решение будут принимать не они, а Ленин, который пил чай в комнате рядом. Время от времени ведущие члены партии наведывались к нему по каким-то делам, а затем тихо удалялись.

Около четырех часов дня Ленин дал большевикам сигнал, что пора входить в зал. Он собрался было пойти с ними, но по пути вспомнил, что забыл свой пистолет в кармане пальто, и вернулся, чтобы его забрать. К его удивлению, пистолета в пальто не оказалось. Охрана заверила Ленина, что никто в его отсутствие в комнату не входил. Начальником охраны дворца был назначен Дыбенко, нарком по морским делам в советском правительстве. Ленин немедленно призвал его к ответу и хорошенько отчитал за то, что тот допустил хищение оружия. Ленину выдали другой пистолет, и он поспешил в зал.

Ровно в четыре часа встал депутат от партии эсеров и сказал, что, согласно старой парламентской традиции, на первом заседании должен председательствовать старейший член партии из всех присутствующих. Им оказался Сергей Швецов, который тотчас поднялся с места и направился к трибуне. Швецов был ветераном партии эсеров, и его появление на сцене встревожило большевиков. Начался страшный шум. Красногвардейцы стучали прикладами об пол, депутаты-большевики лупили кулаками по столам и топали ногами. Сверху, с галерки, солдаты-большевики хладнокровно целились в несчастного Швецова из ружей, а внизу ему угрожала рвущаяся к нему толпа, готовая смести его с трибуны. Швецов принадлежал к правому крылу партии эсеров и потому был ненавистен как большевикам, так и левым эсерам. Он только и успел произнести: «Объявляю Учредительное собрание открытым!» — и позвонил в колокольчик, но тут кто-то вырвал колокольчик из его рук. Вместо высокого, седовласого, почтенного Швецова на трибуне оказался маленький брюнет с черной бородкой — Яков Свердлов. Не обращая внимание на

раздавшиеся крики «Палач!», «Смой кровь со своих рук!», он заявил, что большевистский Исполнительный комитет, председателем которого он назначен, уполномочил его объявить Учредительное собрание открытым.

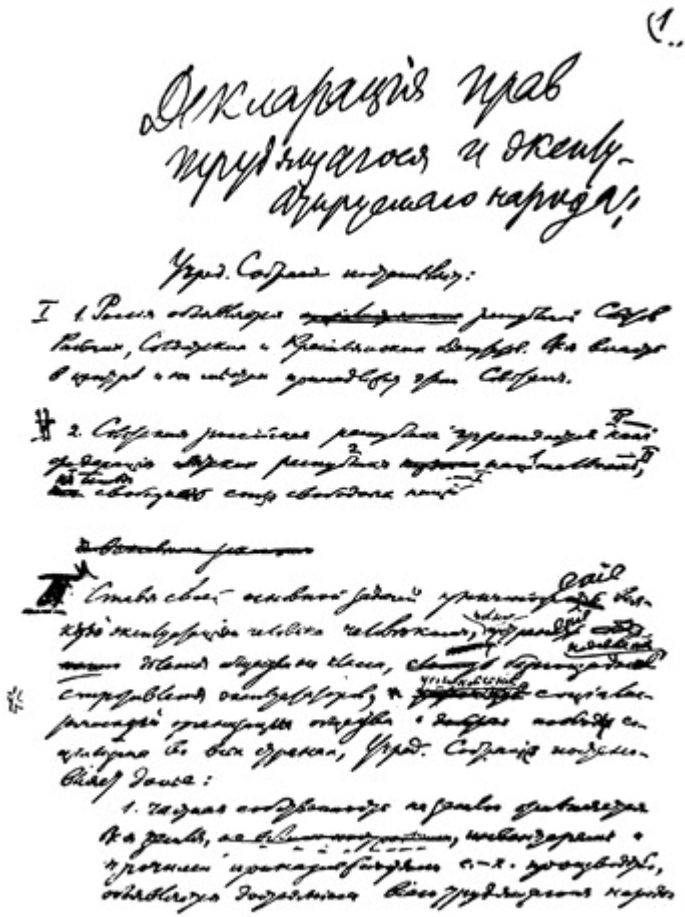
Так начало свою работу Учредительное собрание, которому суждено было просуществовать менее тринадцати часов, оно уподобилось огоньку свечи, который загасил порыв злого ветра.

Свердлов говорил долго. Он заявил, что Октябрьская революция дала толчок социалистической революции, которая должна прокатиться по всему миру. Он потребовал, чтобы Учредительное собрание ратифицировало все декреты советского правительства. Затем, напомнив аудитории, что французские революционеры в свое время провозгласили Декларацию прав человека и гражданина, он зачитал текст декларации, которая должна была прийти на смену французской предшественнице и в которой о правах человека уже ничего не говорилось. В новой «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» Россия объявлялась Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; вся власть в центре и на местах вверялась Советам. Частная собственность отменялась; заводы, фабрики, банки, рудники, железные дороги переходили в собственность государства.

Чтобы охранять трудящихся страны от вторжения эксплуататоров создавалась социалистическая Красная Армия. Срочно вводилась трудовая повинность. Хотя в этой декларации Учредительное собрание упоминалось не менее десяти раз, но оно отныне должно было стать органом, единственной функцией которого была бы ратификация уже принятых большевиками решений, иными словами, оно должно было только кивать головой в знак согласия. «Поддерживая Советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное собрание считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества», — было записано в этой декларации. Так депутаты узнали, что все полномочия у них отобраны.

Декларацию озвучил Свердлов, но слова были, конечно, ленинские. Ленин сочинил текст декларации за два дня до открытия Учредительного собрания. Она была одобрена ВЦИК и напечатана в газетах «Правда» и «Известия ЦИК». Ленин писал ее в спешке, несколько раз переписывал. Документ получился нечетким, неясным, как многие, им созданные. Он наводит на мысль, что Ленин просто не знал, как ему следует поступить с Учредительным собранием — какое применение ему найти. Он ищет решение, не находит, но тут ему подворачивается общая

фраза, на которой он успокаивается: Учредительное собрание ставит основной задачей «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы». В первоначальном варианте он провозглашает, что Россия должна стать социалистической республикой; затем он вычеркивает слово «социалистической», неизвестно почему. Дальше он пишет, что «…вся земля, со всеми постройками, инвентарем и прочими принадлежностями сельскохозяйственного производства, объявляется достоянием всего трудящегося народа», но по каким-то причинам вычеркивает «со всеми постройками», а потом восстанавливает эти слова, что обозначено черточками под ними. Примечательно, что третий абзац он начинает словами: «Основная задача…» — и, опять зачеркнув, он начинает уже так: «Ставя своей основной задачей…» Работая над текстом декларации, Ленин явно старался создать исторический документ, по своему значению равный Декларации прав человека и гражданина. Однако складывается впечатление, что писал он ее, импровизируя на ходу, будто еще не до конца продумав, какой тип государства собирается строить. Снова, как и в случае с «Апрельскими тезисами», черновик которых говорит больше,

Ленинский текст «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», озвученный Свердловым во время работы Учредительного собрания в январе 1918 г. чем окончательный их текст, мы являемся свидетелями того, как Ленин спешит обогнать время; лихорадочно записывая свои мысли, он сбивается, зачеркивает, переделывает, вставляет, правит, дополняет…

Свердлов прочитал декларацию до конца, в третий раз сообщил делегатам, что Учредительное собрание считается открытым, а затем, как будто он и впрямь полагал, что оно еще способно на какие-то полезные для общества дела, призвал собравшихся выбрать председательствующего. Но прежде чем эта процедура началась, один из депутатов предложил всем спеть хором «Интернационал». На такую инициативу социалисты всех мастей откликнулись единодушно, и впервые голоса депутатов слились в общем хоре.

Большевики не выдвигали своего кандидата на роль

председателя собрания. Все они голосовали за Марию Спиридонову, худенькую, бледную, нервную женщину, известную тем, что, еще будучи юной революционеркой, она убила усмирителя крестьянских восстаний в Тамбовской губернии Луженовского, после чего была приговорена к вечной каторге в Сибири. Спиридонова была одним из лидеров партии левых эсеров. Правые эсеры выдвинули кандидатуру Виктора Чернова. Это был рослый, красивый мужчина, славившийся своим ораторским искусством. Во Временном правительстве он занимал пост министра земледелия. Троцкий однажды отозвался о нем так: «Эмоциональный, слабый, кокетливый, но главное, отвратительный». Точно такое же определение могло быть применимо и к самому Троцкому, чьи речи грешили не меньше истеричностью и пустозвонством.

К удивлению большевиков, Чернов получил 244 голоса, а Мария Спиридонова 151 голос. Под улюлюканье и выкрики: «Убирайся! Предатель! Контрреволюционер!» — Чернов произнес вступительную речь. Он сказал, что созыв Учредительного собрания является свидетельством наконец-то осуществившейся мечты народа о социализме; теперь все зависит от того, как он будет применен на деле; как будет распределена земля; как будет заключен мир. Мир и земельная реформа, по его словам, были уже делом решенным. Учредительному собранию оставалось только возглавить шествие к социализму. Чернов долго и с увлечением рассуждал о том, какие преобразования ждут Россию при конституционном демократическом правительстве. Ленин слушал его, сидя на затянутых красным ковром ступеньках, ведущих к трибуне.

Учредительное собрание постепенно начало входить в размеренную колею. Большевики еще несколько раз принимались стучать кулаками по столам и топать ногами, но уже не было того духа бешеной непримиримости, как при открытии Учредительного собрания. От большевиков выступил Бухарин. Он критиковал Чернова, за умеренность, по его мнению, имевшую целью увести Учредительное собрание от решения насущных вопросов. Он заключил свою речь призывом ко всем пролетариям мира объединяться. После него на трибуну вышел Церетели. Он говорил меньше десяти минут, но то, что он сказал, поражало смелостью. Церетели признал, что Учредительное собрание проиграло, не состоялось. Он выступал как подлинный оратор и силой убеждения и неопровержимостью доводов заставил зал выслушать все до конца. Он обвинил большевиков в махинациях, назвав их спекулянтами и разрушителями, не имеющими никакого понятия о том, что такое созидательный социализм.

Мир для большевиков, говорил Церетели, означает покорение чужих стран и гражданскую войну внутри своей страны. Когда он говорил, какой-то матрос на галерке, изрыгнув длинное ругательство, взял его под прицел, и жизнь Церетели могла оборваться тут же, на трибуне, но случившийся поблизости комиссар приказал матросу опустить ружье. Церетели закончил тем, что, отвергнув любые компромиссы, потребовал для Учредительного собрания всей полноты власти.

После него выступали другие, но никто не произвел такого впечатления, как Церетели. Ведь он продолжал говорить даже, когда к нему подскочил солдат и стал размахивать револьвером прямо перед лицом. Последующие несколько дней большевики будут в ярости призывать анафему на его голову, — еще бы, он был единственный, кто так сильно их задел.

Около одиннадцати часов вечера большевики потребовали, чтобы Учредительное собрание голосованием одобрило декларацию, зачитанную Свердловым. Опять начались споры. Социалисты-революционеры выдвинули свою программу, и все согласились на том, что будут голосовать за обе и пройдет та, за которую проголосует большинство. К этому времени Ленин переместился в боковую ложу. Он всем видом выражал невыносимую скуку. Заметив это, к нему с галерки спустился Вильямс, молодой американец, который держал речь перед солдатами несколько дней назад. Он спросил Ленина, как он относится к Учредительному собранию, но тот только пожал плечами. Видимо, ему было нечего сказать по поводу Учредительного собрания, да и вообще все это ему было неинтересно. Они заговорили о Бюро пропаганды, в котором работал Вильямс, и лицо Ленина просветлело, когда американец сообщил ему, что они уже отправили в Германию несколько тонн отпечатанных листовок. Внезапно Ленин оживился, очевидно, вспомнив, как американец произносил речь с броневика, и спросил:

— Как идут дела с русским языком? Вы понимаете все, что говорят выступающие?

— В русском языке так много слов, — ответил американец.

— Надо заниматься систематически, — сказал Ленин. — Для начала надо сломать самый хребет языка. Я расскажу вам о своем собственном методе изучения языков.

И он принялся объяснять, как он сначала заучивал наизусть по словарю слова, а потом отдельно усваивал грамматические конструкции; и уже после этого, подчас немилосердно коверкая язык, загонял слова в грамматические рамки. Беседуя с американцем, Ленин разгорячился, глаза его горели, он даже

перегнулся через барьер ложи. Он посоветовал молодому человеку практиковаться повсюду, используя всех подряд, кто подвернется. Ленин объяснял свою методику изучения языка, но все, что он говорил, скорее звучало как его политическое кредо. Практиковаться на всех подряд! Сломать хребет! Немилосердно коверкая язык, загонять слова в грамматические рамки…

Когда подсчитали голоса, большевики испытали еще один удар. За программу эсеров было отдано 237 голосов, и только 136 — за декларацию большевиков. Объявили перерыв. Большевики лихорадочно совещались, решая, как им быть дальше. Ровно в час ночи они вернулись в зал и объявили, что выходят из Учредительного собрания.

Перед тем как отбыть в Смольный, Ленин написал записку, которую передали Анатолию Железнякову, крепкому молодому матросу, начальнику караула. В записке говорилось: «Предписывается товарищам солдатам и матросам, несущим караульную службу в стенах Таврического дворца, не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания и, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)».

Это было началом конца. Следующие несколько часов депутаты, выступая, еще пытались кому-то что-то доказывать. Вскоре из зала ушли и левые эсеры. Чернов продолжал вести собрание, а матросы с солдатами на галерке продолжали забавляться, целясь в него сверху из револьверов и ружей. В четыре тридцать утра Железняков влез на трибуну, похлопал Чернова по плечу и сказал:

— Пора заканчивать. Приказ от народного комиссара!

— Какого народного комиссара? — спросил Чернов.

— Больше здесь оставаться нельзя. Через минуту погасят свет. И кроме того, караул устал.

Чернову не так просто было заткнуть рот. Он крикнул в лицо матросу:

— Депутаты тоже устали, но они не могут отдыхать, пока не выполнят обязанностей, возложенных на них народом. Они еще должны обсудить земельную реформу и устройство будущего государственного правления.

Затем очень быстро, зная, что время на исходе, он прочел проект новой земельной реформы, который мало чем отличался от советского декрета о земле, обнародованного Лениным сразу после Октябрьской революции. В нем также отменялась частная собственность на землю и вся земля объявлялась достоянием

государства. Матросы орали: «Хватит! Убирайтесь отсюда!» Чернов предложил еще одну, последнюю резолюцию: монархия должна быть упразднена, и в России необходимо ввести республиканскую форму правления. Резолюция была принята единогласно. В 4.42 утра Железняков снова похлопал Чернова по плечу, давая понять, что его терпение истощилось. Через мгновение погас свет. Жалкая горстка людей, освещая себе дорогу то и дело гаснувшими от сквозняка свечами, боязливо пробиралась гулкими коридорами к выходу из дворца, принадлежавшего когда-то князю Г. А. Потемкину-Таврическому. Оказавшись на холодной, сырой улице, затянутой ночной дымкой, многие ожидали, что тут же будут расстреляны охраной, — но время репрессий и массовых кровавых расправ еще было впереди.

Так закончилась история с Учредительным собранием.

В ту ночь или на следующее утро Ленин записал свои впечатления об Учредительном собрании. Оно представлялось ему как сборище мертвецов, передвигавшихся наподобие сомнамбул в полумраке зала; их губы шевелились, произнося слова, давно потерявшие всякий смысл. Никто из них не понимал, считал Ленин, что самое главное было защитить революцию пролетариата, получившего власть с оружием в руках. Чернов заявил, что не должно быть гражданской войны и саботажа, но революция, возражает ему Ленин, невозможна без гражданской войны, а если говорить о саботаже, то можно смело предположить, что такие, как Чернов и Церетели, пойдут на все, чтобы саботировать революцию. Так было во времена всех великих революций прошлого: в XVII веке — в Англии, в XVIII — во Франции и в XIX — в Германии. «Я потерял понапрасну день, мои друзья», — писал Ленин, цитируя известное латинское изречение. Чувствовалось, как он огорчен и обеспокоен; возможно, он догадывался, что потерял больше, чем один день.

В течение тринадцати часов — целых тринадцати часов! — в долгожданном российском парламенте звучали свободные речи, а Ленин сидел, тихонечко слушал и наблюдал. Больше он никогда такого не допустит. Никаких вольных разговорчиков, отныне и навсегда. А если вдруг кто-то и вздумает возразить, его голос потонет в дружном осуждении большевиков за несогласие с линией партии. Старая монархическая власть канула в вечность, но родилась новая, куда более суровая и жестокая.

Ленину оставалась лишь формальность — подписать акт о роспуске Учредительного собрания, то есть единым росчерком пера приговорить его к смерти и привести приговор в исполнение. На следующий день ближе к полуночи в Смольном

состоялось заседание ВЦИК. Не все его члены были большевиками. Едва собравшись, они стали выяснять: кто дал приказ стрелять в безоружных демонстрантов? Почему было распущено Учредительное собрание? Когда Ленин шел по проходу, чтобы занять место в президиуме, старый эсер депутат Крамеров встал и с высоты своего двухметрового роста на весь зал крикнул: «Да здравствует диктатор!» Крамеров очень рисковал. Ленин хладнокровно наблюдал, чем все кончится. Наконец зал начал успокаиваться. Ленин стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на людей. В его карих глазах горел недобрый огонек, — он оценивал происходившее.

То, что он затем сказал, он говорил уже много раз, но впервые как победитель. Прежде всего он сделал экскурс в 1905 год, когда Советы возникли; затем перешел к Октябрьской революции, когда они возродились и взяли власть, не оставив места для Учредительного собрания, которое всего лишь продолжило дело Временного правительства. «Российская революция, свергнув царизм, должна была неизменно идти дальше, не ограничиваясь торжеством буржуазной революции, ибо война и созданные ею неслыханные бедствия изнуренных народов создали почву для вспышки социальной революции. И поэтому нет ничего смехотворнее, когда говорят, что дальнейшее развитие революции, дальнейшее возмущение масс вызвано какой-либо отдельной партией, отдельной личностью или, как они кричат, волей «диктатора»». Чернов сказал, что Советы развяжут гражданскую войну и саботаж. Ленин, продолжая свою речь, ответил на это, что то и другое неизбежно; он как будто даже радовался, что без этого не обойдется. «…Социалистическая революция не может сразу быть преподнесенной народу в чистеньком, гладеньком, безукоризненном виде, не может не сопровождаться гражданской войной и проявлением саботажа и сопротивлением».

Дальше он заговорил об Учредительном собрании, избегая касаться главных вопросов. «Народ хотел созвать Учредительное собрание — и мы созвали его. Но он сейчас же почувствовал, что из себя представляет это пресловутое Учредительное собрание. И теперь мы исполнили волю народа, волю, которая гласит: вся власть Советам». Если он пытался таким образом оправдаться, то это было слабое оправдание, поскольку народу вовсе не дали возможности почувствовать, «что из себя представляет это пресловутое Учредительное собрание», хотя народ так его хотел: миллионы голосовали за него.

Несколько раньше Ленин сформулировал проект декрета о роспуске Учредительного собрания. Он и был принят ВЦИК. С

того дня и поныне в России власть осуществляет диктатура.[50]

Но временами призрак почившего Учредительного собрания тревожил душу Ленина. Возвращаясь мыслью к нему, он рассуждал о нем как о чем-то давно минувшем, из доисторической эпохи; и тут же принимался горячо доказывать, что только диктатура является высшей формой демократии и что Учредительное собрание необходимо было запретить, иначе эта высшая форма, диктатура, была бы невозможна. Когда Каутский, немецкий марксист, написал книгу, в которой обвинял диктатуру пролетариата в том, что она уничтожила истинно представительную власть, Ленин разразился в его адрес уничтожающей критикой, называя Каутского прихвостнем буржуазии, ожидающим от нее подачки за свою верную службу. Неужели Каутский забыл простой закон Маркса, в котором говорится, что с развитием демократии буржуазный парламент все больше попадает в зависимость от биржи и банкиров? Или он уже не помнит, как борются с забастовщиками, как линчуют негров? Всякий раз, когда Ленин пытался оправдывать роспуск Учредительного собрания, он почему-то впадал в скандальный тон.

Троцкому Ленин признался, что совершил ошибку: было гораздо разумнее отложить созыв Учредительного собрания на неопределенный срок. «С нашей стороны это было очень неосторожно не отложить его, — сказал он. — Но в конце концов все вышло даже к лучшему. Роспуск Учредительного собрания является открытой и полной ликвидацией формальной демократии во имя революционной диктатуры». Троцкий прокомментировал это так: «Теоретические обобщения шли рука об руку с использованием латышских стрелков».

По-видимому, Ленин. все-таки сознавал необоснованность своих доводов. Порой он вдруг начинал рыться в малоизвестных текстах Маркса и Энгельса, ища там оправдания своих поступков. Он отыскивал прецеденты то в Парижской Коммуне, то в английской истории времен Кромвеля. Как пишет Крупская, он окончательно утешился, вспомнив латинское изречение, к которому прибегнул Плеханов в своей речи на II съезде социал-демократической партии в 1903 году. «Salus revolutionis suprema lex» (Успех революции — высший закон), — сказал тогда Плеханов, из чего следовало, что «если бы ради успеха потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться».

Это изречение очень пригодилось и потом, потому что не было такого преступления, совершаемого большевиками, которое

не оправдывалось бы этим «высшим законом».

Мир с Германией

Для жителей Петрограда январь 1918 года был месяцем сплошных бедствий. Таких морозов, какие стояли той зимой, давно никто не помнил. Тучи низко ползли над городом, улицы утопали в снегу. Половина столицы была лишена электрического освещения. Ночами по улицам с грохотом разъезжали грузовики, выполняя непонятно чьи секретные задания, и временами слышались короткие пулеметные очереди. А в Смольном ярко горели огни.

Из просторной комнаты на втором этаже Смольного один за другим сыпались ленинские декреты и распоряжения, имевшие силу закона и подлежащие немедленному исполнению. В комнате почти не было мебели. Тут стояли железная кровать, кушетка, небольшой стол, три или четыре стула. Ветер с Невы бился в окна. Иногда лампочки начинали мигать и свет в здании мерк. Наркомы, спасаясь от холода, стоявшего в Смольном, кутались в пальто и грелись у печек-буржуек. Зима длилась бесконечно долго, людям казалось, что она никогда не кончится.

Но для кого-то она вовсе не была помехой — ЧК вовсю делала свое дело, вылавливая врагов нового режима. Организовать ЧК было поручено Феликсу Дзержинскому, поляку, происходившему из семьи мелких помещиков. Это был высокий, ладно сложенный человек с узким лицом, высокими скулами и влажными глазами; ноздри его тонкого носа были изящно очерчены, губы постоянно растягивались в вынужденную улыбочку. Мальчиком он мечтал быть священником, позже — поэтом. Он и теперь под вдохновение мог сочинить стишок на польском языке. В нем было что-то аристократическое, — это впечатление создавали его темная бородка клинышком и худощавая, подтянутая фигура. Он отличался отменными манерами, говорил тихим голосом. Его основными помощниками были два латыша, Петерс и Лацис, — хладнокровные, исполнительные служаки. Оба преклонялись перед Дзержинским, как он, в свою очередь, преклонялся перед Лениным. Красный террор уже был развязан, но еще не принял того массового характера, какого он достигнет в конце лета и осенью 1918 года.

А пока что Ленин старался сохранять видимость законности. Хотя большевики пользовались полной свободой экспроприировать частную собственность буржуазии в любое время дня и ночи. Для этого требовался только очередной декрет

из Смольного. Но можно с определенностью сказать, что, например, никакого декрета, санкционировавшего казнь на месте, без суда и следствия, бывших министров Временного правительства, не было. Просто-напросто, несколько часов спустя после того, как Ленин особым декретом объявил о роспуске Учредительного собрания, были убиты два представителя кабинета Керенского. Одним из них был министр Андрей Шингарев, другой — известный юрист, публицист Федор Кокошкин. Они были застрелены в Мариинской больнице, куда их перевели из Петропавловской крепости, так как оба они были больны. Ночью в больницу ворвались два матроса и направились прямо в палату, где спали «бывшие». Кокошкин, проснувшись, сел, но тут же был застрелен. Шингарева сначала придушили, а потом застрелили. Матросы скрылись. Медицинские сестры запомнили только, что на одном из матросов была бескозырка, на которой золотыми буквами было написано: «Чайка». Так назывался один из кораблей Балтийского флота.

На следующее утро, когда Ленин узнал об убийстве, он разыграл страшную озабоченность и вызвал к себе Исаака Штейнберга, левого эсера, занимавшего пост наркома юстиции. Был уже заготовлен декрет о немедленном расследовании преступления и аресте матросов, совершивших убийство. Декрет был подписан Лениным, и Штейнберг заметил, что там было оставлено место для подписи наркома юстиции. Это его слегка озадачило. Ленин, однако, настоял на том, чтобы Штейнберг тоже подписал декрет, хотя обычно одной подписи Ленина было достаточно. Штейнберг хотел было обсудить вопрос, каким образом убийцы будут схвачены, но Ленин его подгонял. При сем присутствовал Бонч-Бруевич. Оба они были настроены очень серьезно. Было решено вызвать Дыбенко. По телефону были разосланы сообщения о совершившемся преступлении во все государственные учреждения Петрограда и в его округе. Чтобы поднять всех на ноги, каждые два часа в Смольный должны были докладывать о результатах поиска преступников. Появился Дыбенко. Узнав о происшедшем, он спокойно сказал: «Я напишу обращение к матросам, чтобы они больше таких вещей не делали и чтобы виновники были привлечены к ответу». Немного подумав, он прибавил: «Конечно, них это всего лишь акт политического террора». Так Штейнберг впервые узнал, что большевиков слова «политический террор» имели магическое значение — ими прикрывались любые преступления.

Была сформирована комиссия по расследованию, в которую вошли Дыбенко, Бонч-Бруевич, Штейнберг и один представитель от матросов. Шаг за шагом они восстановили все подробности

преступления. Были допрошены сторожа, санитары, сестры и врачи больницы. Когда выяснили имена убийц, Штейнберг был в полной уверенности, что преступники предстанут перед судом. Но на заседании Совета Народных Комиссаров Ленин показал ему пачку телеграмм от матросов Балтийского флота, в которых говорилось, что они спокойно относятся к совершенному убийству, поскольку это был случай политического террора, и притом вполне оправданный.

— Вы что, хотите, чтобы мы пошли против матросов? — спросил Ленин.

— Да, — ответил Штейнберг. — Если мы не сделаем это сейчас, в дальнейшем нам будет трудно умерить их кровожадность. Это было убийство, и никакой не акт политического террора.

Положение было щекотливое. Никто из комиссаров не осмеливался высказать свое мнение. Как всегда, ждали, что скажет Ленин.

— Я не думаю, что народ могут интересовать такие вещи, — наконец вымолвил Ленин. — Спросите любого рабочего или крестьянина и вы обнаружите, что никто из них не слышал о Шингареве.

Среди наркомов, помимо. Штейнберга, было еще несколько левых эсеров. Они возразили Ленину, сказав, что арестовать матросов не так-то сложно — они расквартированы в береговых казармах. Разве нарком юстиции не обладает достаточной властью, чтобы их арестовать? Если разрешить убивать безнаказанно, — то что же это будет? К чему мы придем?

— Я смогу арестовать их, если мне дадут воспользоваться всеми полномочиями, — сказал Штейнберг. — Мне потребуется отряд красногвардейцев с пулеметами, чтобы окружить казармы и силой захватить преступников.

Никакого отряда ему не дали, и преступники арестованы не были. Через три недели после того, как Ленин подписал Брест-Литовский мир с Германией, левые эсеры вышли из состава правительства. Штейнберг оказался не у дел.

Отношение Ленина к немцам складывалось так, как у игрока за шахматной доской, который потерял почти все свои фигуры, но еще надеется выиграть с помощью хитроумного хода. Кони, слоны, пешки были проиграны. Но на доске оставались пока значительные пространства, где еще можно было ходить королевой. В случае чего он перенес бы свой штаб из Петрограда в Москву или на Урал, или даже во Владивосток, и послушная ему королева, коммунистическая партия, подобно молнии, носилась бы, рассекая пространство, смешивая ряды противника,

внезапно возникая там, где о ней не ведали — и всегда тихой сапой, в чужих облачениях, так что ее сразу и не признаешь, а признаешь — уже поздно. Ленин великолепно знал заключительные ходы в этой игре, а всякие коллизии где-то в середине его мало занимали. Его правила никак не совпадали с правилами германского Верховного командования.

Троцкий вернулся из Брест-Литовска с формулировкой: «ни мира, ни войны». Эта формулировка почти ничего не значила, потому что преимущество было на стороне германской армии; германскому Верховному командованию было дано решать, навязывать ли русским мир или настаивать на продолжении войны. Мир России достался бы дорогой ценой: немцы требовали аннексии Польши, Литвы, большую часть Украины и Белоруссии, а также военную контрибуцию в размере трех биллионов рублей.

Ленин был готов принять условия мирного договора на том основании, что главным для него было при любых условиях сохранить социалистическую революцию. Он надеялся и ждал, что пламя революции охватит всю Европу. Его пропагандистская машина работала в окопах немецкой армии во всю свою взрывную мощь. Его волшебным словом, которое он не уставал повторять, было «братанье». Оно означало, что солдаты любых национальностей должны, позабыв про линию фронта, слиться в братских объятиях, побрататься, и все вместе встать под красный флаг. Ленин верил, что через каких-нибудь несколько дней, или на худой конец месяцев, над Берлином, Веной, Будапештом, Лондоном и Парижем взовьется красный флаг.

20 января, сразу после возвращения Троцкого из Брест-Литовска, Ленин написал «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». В них он в своей обычной манере проанализировал расстановку сил на текущий момент. Это по-своему блестящая его работа — сумбурная и не в струю, поскольку, как это уже не раз бывало, он выдаает желаемое за действительное, а многие реальные факторы на политической арене сбрасываются им со счетов как не имеющие никакого отношения к делу. Все его аргументы сводятся к одному: к революции в Европе. Вот что он пишет: «Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на окончательную победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении. Наша пропагандистская деятельность вообще и организация братанья в особенности должны быть усилены и развиты. Но было бы ошибкой построить тактику социалистического правительства России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская

социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный краткий срок) или не наступит. Так как определить этого нельзя никоим образом, то все подобные попытки, объективно, свелись бы к слепой азартной игре».

Но на самом деле это была азартная игра, и он ее принимал с готовностью. Заключая сепаратный мир, утверждал он, мы помогаем осуществиться назревшим революциям, вдохновленным диктатурой пролетариата в России. Наша социалистическая республика станет моделью для всех других народов. Но эта республика не может окрепнуть, если не получит несколько месяцев мира, необходимого того, чтобы осуществить в стране коренные преобразования. Конечно, ошибочно предполагать, что европейская революция произойдет сегодня-завтра. Немцы будут еще долго воевать с Англией и Америкой. Буржуазия будет еще долго, пуская в ход все силы, противостоять надвигающейся революции.

Ленин, этот двуликий Янус, и тут сумел слить два противоположных тезиса в один: одними глазами он видел непрекращающуюся империалистическую войну, другими — повсеместную победу социалистической революции. В его сознании эти два несовместимых процесса происходили одновременно, потому что желание опережало трезвую мысль. Но и от реальности он не мог отмахнуться. Он знал, что Россия не способна вести революционную войну. Крестьянская беднота не желала воевать, военная машина разваливалась, иссякали запасы боеприпасов и продовольствия, не хватало лошадей для перевозки пушек и снарядов. Артиллерия была, по его же словам, в состоянии «безнадежного хаоса». Россия не могла защитить свою береговую линию от Ревеля до Риги — там не было укреплений против германских войск. «Мы… расторгли тайные договоры, предложили всем народам справедливый мир, оттягивали всячески и несколько раз мирные переговоры, чтобы дать время присоединиться другим народам». Но другие народы отказывались принять мир на условиях, предложенных им Советами.

И все-таки окончательные выводы он построит не на реальной оценке сложившейся ситуации и даже не на законах марксистской науки, — нет, он просто уйдет в сторону от проблемы. Оставляя без внимания всю сложную и тонкую конфигурацию действующих политических сил, он возвращается к своей изначальной аксиоме: он построит социализм в одной стране, а империалисты пусть как хотят, так и выкручиваются. Он национализирует промышленность и банки и организует «натуральный продуктообмен» между городом и деревней. Под

«натуральным продуктообменом» он имел в виду, что сельскохозяйственные продукты будут у крестьян экспроприироваться по декрету. Он писал: «Заключая сепаратный мир, мы в наибольшей, возможной для данного момента, степени освобождаемся от обеих враждующих империалистических групп, используя их вражду и войну, — затрудняющую им сделку против нас, — используем, получая известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции. Реорганизация России на основе диктатуры пролетариата, на основе национализации банков и крупной промышленности, при натуральном продуктообмене города с деревенскими потребительными обществами мелких крестьян, экономически вполне возможна, при условии обеспечения нескольких месяцев мирной работы. А такая реорганизация сделает социализм непобедимым и в России и во всем мире, создавая вместе с тем прочную экономическую базу для могучей рабоче-крестьянской Красной Армии».

Опять общие фразы, в которых проблемы растворялись, превращаясь в сплошную глобальщину. Отметим, что в «Тезисах…» нет ни единого слова о том, что мирный договор с Германией был чреват разрывом между большевиками и левыми эсерами. Когда Троцкий стал доказывать Ленину, что единственно верным решением была бы его формулировка «ни мира, ни войны», тот ответил:

— В настоящий момент стоит вопрос о судьбе революции. Мы можем восстановить стабильность в партии. Но прежде всего мы должны спасти революцию, а спасти ее мы можем только подписав условия мирного договора. Лучше раскол, чем военное подавление революции. Левые перестанут злобствовать — даже если дело дойдет до раскола, а он не так неизбежен, — и вернутся в партию. С другой стороны, если немцы нас покорят, ни один из нас никуда не вернется. Очень хорошо, предположим, что ваш план принят. Мы отказываемся подписывать мирный договор. И немцы сейчас же нас атакуют. Что вы тогда будете делать?

— Мы подпишем мирный договор только под штыками, — ответил Троцкий. — Тогда рабочим всего мира картина будет очевидна.

Доводы Троцкого Ленина не убедили. У него не было оснований надеяться на то, что немцы позволят русским позже подписать мирный договор. «Хищник прыгает внезапно», — повторял он все время, а так как сам был мастером внезапных прыжков и знал, насколько они бывают эффективны, то стал раздумывать, чего можно добиться, если вообще не подписывать мира. Хотя он был всецело за мир, мир любой ценой, пусть с

аннексиями и контрибуциями, потому что платить контрибуции он вовсе не собирался; а что касается аннексий, то, как он считал, они могут оказаться бессмысленными, ведь границы — понятие расплывчатое, а германская революция их вообще отменит.

Ленин прочел свои тезисы на совещании ЦК РСДРП(б) с партийными работниками. было проведено голосование. Ленинское предложение заключить немедленный мир с Германией провалилось. За него проголосовали пятнадцать человек, за формулировку Троцкого «ни мира, ни войны» — шестнадцать, а предложение Бухарина за продолжение революционной войны с Германией, поддержанное Дзержинским, Урицким и другими, получило тридцать два голоса. Но такая незадача, как провал при голосовании, Ленина никогда не обескураживала. Он возобновил бой на следующий день, на заседании Центрального Комитета. На этом заседании предложение о продолжении революционной войны с Германией потерпело поражение: за него проголосовали только двое, одиннадцать были против. Предложение о продолжении переговоров получило поддержку двенадцати голосующих против одного. За формулировку Троцкого «ни мира, ни войны» проголосовали девять против одного. В конечном итоге договорились, что переговоры следует затянуть на возможно более длительный срок, чтобы таким образом как можно дольше не подписывать мирный договор. Троцкий возвращался в «Брест-Литовск, совсем неуверенный в успехе возложенной на него миссии.

Дебаты вокруг вопроса о мире, в которых принимали участие ведущие деятели коммунистической партии, вылились в яростные распри между ними. Однажды Радек, вскочив со своего места, крикнул Ленину:

— Если бы у нас нашлось пять сотен смелых людей, мы посадили бы вас в тюрьму!

Ленин ответил:

— Кое-кто, наверное, и попадет в тюрьму, но если реально посмотреть на вещи, то скорее я вас посажу в тюрьму, а не вы меня!

Острые разногласия были у Ленина и с Бухариным. Мало кто разделял точку зрения Ленина. Когда его первоначальное предложение о заключении мира с Германией было отвергнуто, было решено опробовать его на уровне местных Советов, а их было около двухсот. Только Петроград безоговорочно проголосовал за мир; из Москвы, Екатеринбурга, Харькова, Кронштадта и всех других городов поступили громкие призывы продолжать революционную войну. Люди верили, что

революционная война с Германией разожжет искру революции в Европе. Ленин же, для которого вера в мировую революцию была равносильна вере в Бога, тем не менее вынужден был больше доверять фактам. «Не стоит слишком полагаться на немецкий пролетариат, — как-то осторожно заметил он. — Германия пока только беременна революцией. Но нельзя путать второй месяц с девятым. Здесь, в России, у нас уже есть здоровый, крепкий ребенок. Начав войну, мы можем погубить его». Бухарину он сказал: «Ничто не помешает немцам взять Петроград голыми руками».

Ленину опять ничего не оставалось, кроме как цепляться за соломинку. Перед публикацией «Тезисов…» в феврале 1918 года в газете «Правда» и он к имевшимся двадцати одному тезису прибавил двадцать второй, в котором, в отличие от предыдущих, звучали победные нотки. Итак, читаем:

«Массовые стачки в Австрии и в Германии, затем образование Советов рабочих депутатов в Берлине и в Вене, наконец начало 18–20 января вооруженных столкновений и уличных столкновений в Берлине, все это заставляет признать, как факт, что революция в Германии началась.

Из этого факта вытекает возможность для нас еще в течение известного периода оттягивать и затягивать мирные переговоры».

На самом деле никакая революция в Германии не началась; ни в Берлине, ни в Вене Советов не было и в помине; все уличные выступления и забастовки были подавлены полицией, а зачинщики арестованы. Германская военщина прибрала к рукам всю тяжелую промышленность страны, и причем с той же целью, что и Ленин, проделавший то же самое в России, а именно, — чтобы заставить ее работать на себя. Коммунистам нечего было рассчитывать на вооруженное восстание в тылу германской армии.

10 февраля Троцкий к великому изумлению немцев объявил, что Россия прекращает состояние войны с Германией, не подписывая мирного договора. «Нами отданы приказы о полной демобилизации всех войск, противостоящих армиям Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии». И в оправдание такого жеста Троцкий далее заявил: «Русская революция не может подписаться под условиями договора, который несет угнетение, скорбь и страдания миллионам человеческих существ». Генерал Хоффман охарактеризовал подобные действия со стороны большевиков как «что-то неслыханное», и совершенно правильно. Такого еще не было, чтобы воюющая армия просто разбежалась с поля боя, заявив, что считает войну оконченной. Шесть дней немцы пребывали в замешательстве, не зная, что им делать. Затем

они заявили, что если русские немедленно не подпишут мирный договор, то ровно в полдень 18 февраля немецкая сторона будет вынуждена прервать перемирие.

Затягивать решение дальше было невозможно, вопрос встал ребром. Русские ничего от проволочки не выигрывали, а немецкие самолеты тем временем свободно летали над позициями русских войск. Споры внутри партии разгорелись еще пуще. Формулировка Троцкого провалилась. А влияние Ленина возросло настолько, что он мог уже с уверенностью проводить свою линию. «Медлить нельзя, — сказал Ленин. — Мы должны немедленно подписать мир. Хищник прыгает внезапно».

Но и немцы умели испытывать терпение. Они не спешили с договором, ужесточая условия мира, а пока шло время, они развернули наступление. За пять дней они значительно продвинулись в глубь страны, захватив немалое количество боеприпасов противника. Казалось, остановить их уже было невозможно, — вот-вот они возьмут Петроград. Ленин прекрасно понимал, в какой опасности оказалась революция. «Еще вчера мы прочно сидели в седле, — заметил он, обращаясь к Троцкому. — А сегодня мы уже цепляемся за гриву. Но это послужит хорошим уроком для нас, если только немцы с белогвардейцами нас не одолеют».

Ленин спешил подписать мир, иначе ему пришлось бы бежать. Это были не пустые слова, когда он рассуждал о том, что неплохо было бы установить советскую власть на Уране. «Кузнецкий бассейн богат углем, — говорил он. — Мы образуем Уральско-Кузнецкую республику на основе промышленности Урала и угля Кузнецкого бассейна, уральского пролетариата и рабочих Москвы и Петрограда, которых мы возьмем с собой. Нужда будет — пойдем и дальше на восток, за Урал. До Камчатки дойдем, но удержимся!»

Ища ответного грозного оружия против немцев, Ленин надумал использовать Англию и Францию. В Питере еще оставались французские и английские агенты, которых можно было бы задействовать. Обратились к ним. Надо было выяснить, смогут ли правительства их стран помочь России с вооружением и припасами, чтобы предотвратить германскую оккупацию всей западной России. К Ленину в Смольный прибыл Брюс Локарт, английский агент. Локарт был почти уверен, что увидит перед собой настоящего супермена, но вместо этого его встретил человек, на первый взгляд, похожий больше на владельца бакалейной лавки из провинциального городка, с короткой, толстой шеей, широкими плечами, круглым, красным лицом. У него был лоб интеллектуала, немного вздернутый нос, рыжеватые

усики и щетинистая бородка. Глаза смотрели проницательно, с чуть насмешливой и чуть презрительной улыбкой. Ленин был сдержан, спокоен, полон самообладания; в нем чувствовалась непреклонная воля. Локарт тут же представил себе, как трепетали перед ним комиссары, когда он требовал от них самостоятельных решений.

Ленин заговорил о наступлении германской армии, сказал, что большевики готовы отступить к Волге и Уралу, если им вовремя не будет оказана помощь. Он был склонен пойти на компромисс с капиталистами.

— Я готов рискнуть и пойти на сотрудничество с союзниками, — сказал он. — Это могло бы на какое-то время быть на руку и нам, и вам. Ввиду германской агрессии я бы даже охотно принял военную помощь. Вместе с тем я вполне убежден в том, что ваше правительство истолкует все иначе. Это реакционное правительство. Оно будет сотрудничать с русскими реакционерами.

В ответ Локарт заметил, что если большевики заключат мир с Германией, немцы смогут перебросить все свои силы на западный фронт. И тогда они, вероятно, сокрушат союзников, а затем, развернувшись на сто восемьдесят градусов, с удовольствием уничтожат большевиков. Разделавшись с большевиками, они накормят изголодавшийся народ своей страны зерном, отнятым у России. Ленин улыбнулся. Эти аргументы ему были знакомы; несколько дней назад он сделал в блокноте такую запись: «Ясно, чего хотят от нас немцы: им нужен только наш хлеб». Но были и другие неоспоримые факты, о которых Локарт промолчал.

— Вы не учитываете психологических факторов, — сказал Ленин. — Исход войны будет решаться в тылу, а не в окопах. Но даже если посмотреть с вашей точки зрения, вы все равно не правы. Германия уже давно вывела свои лучшие войска с восточного фронта. В результате грабительского мира она будет вынуждена оставить на востоке больше военной силы, а не меньше. А что касается обильных поступлений продовольствия из России — на этот счет можете не беспокоиться. Пассивное сопротивление — а это понятие происходит из вашей страны — гораздо более мощное оружие, чем недееспособная армия.

Нет, Ленин вовсе не собирался прибегнуть к тактике пассивного сопротивления. Он держал ее на крайний случай. Остановить наступление немцев — такова была первоочередная задача. В рабочих районах зрело недовольство большевиками. Кто-то пустил слушок, что Ленин сбежал в Финляндию, прихватив с собой тридцать миллионов рублей из Государственного банка, и что великий князь Николай

Николаевич, оставив Крым, приближается с двухсоттысячной армией к Петрограду, чтобы спасти Россию от большевистских предателей. Рабочие снова взялись за оружие. Две длинные колонны вооруженных рабочих подошли к Смольному, Ленин в это время находился в своем кабинете на втором этаже; он принимал телефонограммы с фронта. К Ленину прибежали люди из охраны и попросили дать команду стрелять. Ленин вскочил в смятении. Он ничего не знал о приближавшейся к Смольному демонстрации вооруженного народа.

— Нет, не стреляйте! — сказал он. — Мы поговорим с ними. Пропустите сюда их вожаков!

К нему в кабинет вошли люди с ружьями и пистолетами за поясами. Они были злы, глядели сурово. Это был тот самый вооруженный пролетариат, костяк будущей Красной Армии, но на этот раз они шли против Ленина. Свидетелем описываемого эпизода был полковник Рэймонд Робинс, американский агент. Он рассказывал потом, что Ленин, спокойно обратившись к рабочим, заверил их в том, что он не только не сбежал в Финляндию, а напротив, остается на месте и трудится на благо революции; что он трудился на благо революции задолго до того, как некоторые из них родились, и продолжит трудиться на благо революции после того, как некоторых из них уже не будет в живых. «Моя жизнь всегда в опасности, — сказал он. — Но ваша жизнь в еще большей опасности… Вы хотите воевать с немцами?» — спросил он. В принципе он ничего против этого не имеет, но гораздо важнее воевать за революцию. Какой толк погибать от немецких пуль? Ну, убьют их немцы, революция будет задушена, вернется царь, и все пойдет по-старому. Что касается мирного договора…

— Вам говорят, что я готов пойти на подписание позорного мира, — продолжал он. — Да, я заключу позорный мир. Вам говорят, что я сдам Петроград, столицу империи. Да. Я сдам Петроград, столицу империи. Вам говорят, что я сдам Москву, святой град. Я его сдам. Я отступлю к Волге и за Волгу, к Екатеринбургу; но я спасу солдат революции и я спасу революцию. Товарищи, какие будут пожелания?

Как всегда в такие моменты, Ленин превзошел самого себя. Он был убедителен, отважен, полон решимости. Он прекрасно владел ситуацией. Вооруженные рабочие представляли собой силу, и в их власти было поднять восстание против большевиков и положить конец большевизму. Но они, завороженные его речью, усмиренные, покинули Смольный.

В начале марта Ленин перевел свое правительство в Москву. Брест-Литовский мир был подписан 3 марта, но ратификация его была отложена до 4-го Всероссийского съезда Советов, который

открывался 14 марта в зале бывшего дворянского Благородного собрания в Москве. Там был Робинс. Он подошел к Ленину, и тот сразу же его спросил, что слышно от его правительства.

— Ответа пока нет, — сказал Робинс.

— А Локарт получил известия из Лондона?

— Пока ничего, — сказал Робинс. — Не могли бы вы затянуть дебаты? — предложил он, надеясь, что получит ответ от своего правительства до ратификации договора.

— Нет, — сказал Ленин. — Дебаты займут ровно столько времени, сколько полагается.

Споры были жестокие, — дебаты длились два дня. Левые эсеры выдвигали требование революционной войны, войны до последнего. Бухарин и Мартов умоляли собравшихся делегатов не совершать роковой ошибки, не голосовать за ратификацию мирного договора с Германией. Ленин дал им отпор, сказав, что их выступления являют собой смесь отчаяния с пустословием; они не способны хладнокровно оценить всю серьезность сложившегося положения. Да, им предлагали заключить неслыханно тяжкий, унизительный мир, но разве не был унизителен Тильзитский мир, навязанный Наполеоном Александру I? Но тот мирный договор, как и многие другие в истории, действовал недолго. «… Мы начинаем тактику отступления… — заявил он, — и мы сумеем не только героически наступать, а и героически отступать и подождем, когда международный социалистический пролетариат придет на помощь, и начнем вторую социалистическую революцию уже в мировом масштабе».

15 марта поздно вечером Ленин произносил свое заключительное слово на съезде. Он заранее ее заготовил, но все-таки у него еще оставалась некоторая надежда на то, что в последний момент союзники скажут свое слово. Рэймонд Робинс сидел на ступеньках, ведущих на сцену. Ленин обратился к нему:

— Есть что-нибудь от вашего правительства?

— Ничего. А какие новости у Локарта?

— Никаких, — ответил Ленин и затем, после паузы, произнес: — Я буду выступать за мирный договор. Он будет ратифицирован.

Ленин говорил долго. Он обрушился на своих противников, немилосердно понося их; он сравнивал их со школьниками, которые плохо усвоили основные законы истории. Особенно досталось Мартову, который, по словам Ленина, хотел повернуть назад колесо истории, стереть из памяти уроки Октябрьской революции. Но самой яростной критике он подверг левых эсеров; на них он излил весь яд своего сарказма за то, что они видели в

нем предателя, позорящего флаг революционной войны. «Таких революционеров фразы, — заявил он, — много видели все истории революции, и ничего, кроме смрада и дыма, от них не осталось».

И он одолел съезд. Резолюция о ратификации договора была принята 724 голосами против 276. Теперь ему оставалось укрепить свою диктатуру в стране, лишившейся по договору с Германией четвертой части принадлежавших ей земель и почти половины российского населения.

Загнивание власти

Ленин переезжал в Москву в обстановке исключительной секретности. При нем была усиленная охрана. Ленин покинул Смольный в темноте. Машина ехала окольными путями. Приготовления к отъезду были задолго до этого возложены на Бонч-Бруевича. Тот целыми днями просиживал над картами, вызывал к себе поочередно начальников железнодорожной службы и задавал им разные вопросы. В Москву переезжало все правительство. И, наконец, решающий момент настал — по безлюдному перрону в 1 О часов вечера заскользили тени… Лишь изредка в кромешной темноте вспыхивал луч карманного фонарика, или кто-то чиркал спичкой, или мелькал огонек в фонаре железнодорожника. Они были, как воры, уносившие ноги под покровом ночи.

Причин для тайного отбытия было немало. И дело было не только в угрозе со стороны приверженцев старого режима; правительство опасалось саботажа рабочих Петрограда, почуявших, что их бросают на произвол судьбы в час страшного испытания, когда, по всем имевшимся сведениям, немцы могли в любой момент захватить столицу. Несмотря на то, что приготовления к отъезду держались в строжайшей тайне, слух об этом каким-то образом проник в рабочую среду. В народе стали поговаривать о том, что Ленина стоит оставить в городе заложником. И если столицей хотят сделать Москву, то что тогда будет с Петроградом? С городом, где начиналась революция? Рабочие были возмущены, смущены, растеряны; они стали опасными. Бонч-Бруевич счел нужным сообщить Ленину о настроениях среди рабочих, особенно тех из них, кто примыкал к партии левых эсеров.

— У меня единственный вопрос, — сказал Ленин. — Вы можете дать гарантию, что мы доберемся до Москвы целыми и невредимыми?

— Да, я это гарантирую, — ответил Бонч-Бруевич.

Это было все, что интересовало Ленина. Других вопросов, так или иначе связанных с отъездом из Питера, не последовало.

Сверх всяких ожиданий путешествие оказалось долгим.

По распоряжению Ленина поезд должен был следовать с предельной скоростью, но путь был забит составами, которые везли с фронта демобилизованных солдат, и приходилось часто останавливаться. Обычно это расстояние поезд преодолевал за двенадцать часов. На этот раз путешествие длилось вдвое дольше.

Радиосвязи в поезде не было, не было и телеграфа. Так что почти сутки Ленин вынужден был провести в вагоне первого класса в обществе жены, сестры Марии и стопочки книг — полностью отрезанный от внешнего мира. Правда, и это время он провел не без толка, написав статью «Главная задача наших дней». Созерцательность в ней сочеталась с взволнованностью чувств, некоторой приподнятостью стиля. Ленин, как никто другой, прекрасно знал, что сам стал историей, и потому статья получилась своеобразным документом, запечатлевшим личность самого Ленина. Примечательно, что заключительные слова статьи являются чем-то вроде хвалебной песни дисциплинированному немецкому разуму. Истинно русский человек, в жилах которого течет русская кровь, такого бы себе не позволил. Еще бы, немцы только что заставили русских подписать невыносимый, позорный мир, а Ленин с восхищением глядит на них. Невольно на ум приходит сравнение с покоренной женщиной, склонившейся перед усмирившим ее врагом.

Думаю, что вполне уместно было бы привести довольно большой отрывок из статьи «Главная задача наших дней», так как в этом отрывке со всей ясностью читается внутреннее смятение человека, осознавшего свое роковое предназначение, Ленин словно разглядывает себя в зеркале истории. Он пишет:

«История человечества проделывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение. От войны к миру; от войны между хищниками, посылающими на бойню миллионы эксплуатируемых и трудящихся ради того, чтобы установить новый порядок раздела награбленной сильнейшими из разбойников добычи, к войне угнетенных против угнетателей, за освобождение от ига капитала; из бездны страданий, мучений, голода, одичания к светлому будущему коммунистического общества, всеобщего благосостояния и прочного мира; — неудивительно, что на самых крутых пунктах столь крутого поворота, когда кругом со страшным шумом и треском надламывается и разваливается

старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние, кое-кто ищет спасения от слишком горькой подчас действительности под сенью красивой, увлекательной фразы.

России пришлось особенно отчетливо наблюдать, особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из крутых изломов истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции. Мы в несколько дней разрушили одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. Мы в несколько месяцев прошли рад этапов соглашательства с буржуазией, изживания мелкобуржуазных иллюзий, на что другие страны тратили десятилетия. Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны. Мы подняли к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую республику, новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик».

Этот хвастливый, пассаж он сочинил всего за четыре дня до ратификации сокрушительного договора о мире с Германией, следствием которого стало то, что от прежнего величия России осталось лишь воспоминание. Многие из его заявлений в этой статье не соответствовали истине. «Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны» — неправда, потому что оставались еще огромные пространства в России, не охваченные большевиками. Неправда и то, что Советская республика явилась типом государства неизмеримо более высоким и демократическим, «чем лучшие из буржуазнопарламентарных республик», — хотя бы потому, что диктатура по природе своей абсолютно чужда демократии. Он видел себя как личность, спроецированную на фоне мировой истории, властвующую над целым миром «на самых крутых пунктах столь крутого поворота»; он упивался этой мыслью.

Тем не менее в каких-то своих высказываниях он был абсолютно прав. Он видел чудовищную отсталость и беспомощность России и не мог в этом не признаться. Он мечтал о времени, когда Россия станет другой, желал, чтобы «Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной». Он думал, что это возможно, стоит только России воспрянуть духом, преодолеть апатию.

«Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и

всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул, если поймет, что спасение возможно только на том пути международной социалистической революции, на который мы вступили. Идти вперед по этому пути, не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов — таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической».

От возвышенных мечтаний Ленин неизменно скатывался к привычным штампам. В начале статьи он толкует нам о могучих исторических силах, двигающих общество к осуществлению определенных целей. Теперь же оказывается, что все сводится просто к дисциплине, централизованной экономике, гармонии, твердой уверенности и отчетности. Он опять возвращается к своему старому заблуждению, будто спрос и предложение в экономике государства могут регулироваться неким государственным органом, типа бюро, состоящим из квалифицированных бухгалтеров. Он не имел ни малейшего представления о том, насколько сложны были механизмы, управлявшие современной ему промышленной цивилизацией. По его разумению, единственное, что требовалось, это укрепление «везде и всюду организованности, порядка, деловитости». Сама фраза отдает неметчиной, а заключительные слова и тем паче — разве это не бальзам на душу любого немецкого солдафона или хозяина фабрички:

««Ненависть к немцу, бей немца» — таков был и остался лозунг обычного, т. е. буржуазного, патриотизма. А мы скажем: «Ненависть к империалистическим хищникам, ненависть к капитализму, смерть капитализму» и вместе с тем: «Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими. Они запоздали прийти на помощь к нам. Мы выиграем время, мы дождемся их, и они придут на помощь к нам».

Да, учись у немца! История идет зигзагами и кружными путями. Вышло так, что именно немец воплощает теперь, наряду с зверским империализмом, начало дисциплины, организации, стройного сотрудничества на основе новейшей машинной индустрии, строжайшего учета и контроля.

А это как раз то, чего нам недостает. Это как раз то, чему нам надо учиться. Это как раз то, чего не хватает нашей великой революции, чтобы от победоносного начала прийти, через ряд

тяжелых испытаний, к победному концу. Это как раз то, что требуется Российской Советской Социалистической Республике, чтобы перестать быть убогой и бессильной, чтобы бесповоротно стать могучей и обильной».

Так писал Ленин, пока ехал в поезде, а когда около десяти вечера на следующий день очутился в Москве, перед ним предстала наглядная картина российской разрухи. В городе стояла кладбищенская тишина, и повсюду были следы ожесточенных боев, вспыхнувших в ноябре прошлого года между большевиками и их оппонентами, не желавшими, чтобы Россией правили большевики. Поначалу Ленин вместе со всем правительством обосновался в гостинице «Националь". С продуктами было плохо, и он питался английскими мясными консервами из военных запасов. Теоретически Россия была в состоянии мира. На деле же война или уже началась, или вот-вот должна была начаться одновременно на восьми-девяти фронтах. Ленин мрачно размышлял о том, что если он с соратниками будет и дальше поглощать мясные консервы из военных запасов, то что же тогда останется солдатам на фронтах?

В «Национале» он прожил недолго, всего несколько дней. Он рассудил так, что сердце государственной машины, правительство, должно размещаться не иначе как в Кремле, древнем оплоте власти, и, не долго думая, отправился вместе со Свердловым и Бонч-Бруевичем осматривать славную древнюю крепость, которая вскоре должна была стать ему родным домом. Он не хотел жить ни в одном из дворцов Кремля и остановил свой выбор на квартире, которую раньше занимал верховный прокурор, в бывшем здании судебных установлений. Там было пять комнат, из них три спальни, тесная столовая и просторная кухня. Квартира помещалась на третьем этаже. Помимо личных жилых комнат, на том же этаже через площадку располагались служебные помещения, где Ленин работал, — здесь были его кабинет и зал заседаний, в котором собирался Совет Народных Комиссаров. Но тогда, когда Ленин впервые оказался в Кремле, в помещениях царили запустение и хаос. Потолки были в трещинах, печи сломаны. Только через две недели он смог перебраться сюда. Выехав из «Националя», он еще девять дней жил в маленькой квартире в Кавалерском корпусе, в другой части здания; там провел свое детство Петр Великий.

Через коридор от Ленина поселился Троцкий. Добрая половина советского правительства нашла временный приют в этом здании, напоминавшем муравейник. До них в нем жила многочисленная царская прислуга. Новых жильцов повсюду окружало прошлое. Хотя знаменитые кремлевские куранты уже не

исполняли мелодию гимна «Боже, царя храни», но кресты над куполами соборов все еще сверкали золотом в лучах весеннего солнца, и двуглавые орлы над кремлевскими воротами зорким оком озирали окрестности, — правда, им уже успели обломать короны. Троцкий подал мысль, что орлов можно было бы увенчать вместо корон серпом и молотом, но его предложением пренебрегли. Не до этого было.

Ленин неустанно твердил, что молодой Советской республике грозит смертельная опасность. Ценой потерь и позора война с Германией как будто окончилась, но Ленину казалось, что весь мир ополчился против России. В начале апреля британские и японские войска высадились во Владивостоке; Харьков был занят немцами, которые продвигались к Одессе, намереваясь захватить Крым; чехословаки наступали на Волге; в двухстах километрах от Москвы действовали отряды белогвардейцев, а в Эстонии и Финляндии стояли контрреволюционные армии, готовые идти на Петроград.

Ленин ставил себе задачей ликвидировать хаос, навести порядок, деловитость и организованность. Верный себе, он принялся разрабатывать программу «очередных задач советской власти», в которой начертал планы экономической реконструкции страны с упором на безусловную эффективность и высокую производительность труда, не указав только, каким образом это будет достигнуто. Но это в теории. На практике все решалось просто. Прежде всего к работе стали привлекать специалистов, им платили жалованье, во много раз превосходящее заработки ведущих деятелей партии. Выступая перед товарищами, Ленин называл размеры жалованья специалистов, как бы в шутку доводя их до астрономических цифр, а затем неизменно добавлял: «Все равно, это того стоит, товарищи». Щедро вознаграждая буржуазных специалистов, советская власть экспроприировала собственность у кулаков, богатых крестьян; экспроприировалось все, что только можно было экспроприировать. Трудовая дисциплина приравнивалась к дисциплине в армии. «Труд, дисциплина и порядок спасут Советскую республику», — провозгласил Троцкий. Те, кто не работал и не чтил дисциплину и порядок, подлежали суровому наказанию и всяким принудительным мерам. При царе подобное обращение с людьми неминуемо вызвало бы буйное недовольство, но теперь приходилось смиряться, объяснялось все суровой необходимостью революционного времени. Ленин проявлял особый, какой-то прокурорский интерес к всевозможным мерам взыскания; он беспрестанно строчил коротенькие записочки, которые фактически имели силу смертных приговоров, что означало

переход к массовым репрессиям. В мае он писал: «Важно ввести немедленно и с наглядной быстротой закон, предусматривающий наказание за взяточничество (ложное показание, подкуп судей, тайный сговор между судом и ответчиком и т. д.) тюремным заключением сроком на десять лет с последующими десятью годами каторжных работ». Последние слова, как может показаться при изучении архивов, были дописаны позже, после некоторых раздумий.

Тогда же, в мае, он наложил запрет на все газеты, враждебные его режиму, в результате чего политическая жизнь в стране в том смысле, в каком ее надлежит понимать, сразу же прекратилась. Но окончательно изжить дух свободы еще не удалось. Где-то еще раздавались голоса рабочих, требовавших покончить с диктатурой, создать правительство народных представителей; люди желали новых выборов, восстановления демократических организаций. Лозунг «Вся власть Учредительному собранию!» все еще звучал, хотя уже не так громко. В начале мая в Саратове взбунтовались рекруты нового набора в Красную Армию. Мятеж был подавлен с неслыханной жестокостью. То тут, то там в оккупированной Советами России вспыхивали очаги волнений; каждый из них мог разгореться в пожар, способный уничтожить еще совсем неокрепшую, полугодовалую республику, не будь он вовремя потушен. Троцкому, председателю Реввоенсовета Республики, была поручена ответственная задача сломить сопротивление, погасить очаги недовольства в стране, упрочив таким образом авторитарную власть. Достойным помощником в этом ему был двадцатишестилетний студент-медик по фамилии Склянский, исполнявший обязанности его заместителя. Он успешно заменял Троцкого, когда тот уезжал из Москвы.

С наступлением лета накал борьбы принял поистине угрожающий характер. До сих пор были отдельные вспышки недовольства. Теперь же поднялось настоящее народное восстание — в древнем русском городе Ярославле. Во главе антисоветского мятежа стоял Борис Савинков, террорист, фигура легендарная. Битва шла 16 дней. В боях были задействованы тяжелая артиллерия, авиация. Мятеж в Ярославле начался в тот день, когда в Москве сотрудником ЧК был убит граф Вильгельм Мирбах, германский посол.

До сих пор неизвестно, что на самом деле послужило поводом к его убийству. На этот счет нет единого мнения. Большевики отстаивали версию, что убийство германского посланника должно было стать прелюдией к выступлению левых эсеров, не признававших мирный договор с Германией. Несколько месяцев спустя, выступая на судебном процессе, обвиняемая

Мария Спиридонова призналась в том, что была причастна к организации покушения, однако ее слова звучали не слишком убедительно. Исполнителем был Яков Блюмкин, который в свои двадцать лет успел дослужиться до высокого чина в ЧК и состоял при Дзержинском. Это был рослый, крепкий детина, черноглазый, чернобородый — на вид сущий молодой еврейский боевик. В нем безошибочно угадывался надежный подручный в любом щекотливом дельце — все исполнит, как надо, комар носа не подточит.

А дело было так. 6 июля около трех часов дня Блюмкин и его сообщник Андреев, тоже сотрудник ЧК, подъехали к германскому посольству в Денежном переулке, показали охране пропуск, подписанный Дзержинским, и попросились на прием к послу якобы по срочному делу. Посол вышел к ним, но, к своему удивлению, обнаружил, что повод для посещения его был не столь значителен; он касался некоего графа Роберта Мирбаха, попавшего в плен к русским и удерживаемого в ЧК. Граф Роберт Мирбах принадлежал к австро-венгерской ветви рода Мирбахов и являлся очень дальним родственником послу, если вообще между ними существовала родственная связь. Разговор продолжался минут десять, и вдруг Блюмкин сунул руку В портфель, вытащил пистолет и несколько раз в упор выстрелил в посла и в двух его помощников, сидевших рядом с ним напротив Блюмкина за круглым столом. Ни один из выстрелов не достиг цели. Помощники посла рухнули на пол, а Мирбах попытался скрыться в соседней комнате. Блюмкин погнался за ним, стреляя на ходу. Одна из пуль попала Мирбаху в затылок, он упал. Смерть была мгновенной. Блюмкин метнул в распростертое тело посла бомбу. Раздался страшный взрыв, от которого вылетели стекла и с потолка упала люстра, разбившись на мелкие осколки. Воспользовавшись общим переполохом, Блюмкин с Андреевым бежали, выпрыгнув из окна в сад, а там перемахнули через высокую чугунную ограду. Их ожидал автомобиль с заведенным мотором, в течение многих месяцев о них не было ни слуху ни духу.

Это было на редкость странное убийство, совершенное, казалось бы, при отсутствии какого бы то ни было мотива преступления. Посол всаживал миллионы золотых рублей в большевистскую казну, только чтобы большевики вышли из войны, а всего за месяц до своей смерти написал Диего Бергену, прося его регулярно высылать минимум три миллиона рублей в месяц для поддержания «приличных» отношений с большевиками. Он не слишком доверял большевикам, считая их хамами и разбойниками, которым удается держаться у власти

лишь с помощью террора. «Людей потихоньку убивают сотнями, — писал Мирбах. — Все это не так уж плохо, но нет сомнений в том, что физические меры, помогающие большевикам удерживать власть, не могут служить постоянной опорой их правления». На тот момент немцы были готовы помогать большевикам по мере всех своих возможностей — им нужен был мир на восточном фронте.

Большевики выдвинули версию, что убийство германского посла было плодом тщательно спланированного заговора левых эсеров, имевшего целью развязать войну с Германией. Распространялись всякие небылицы, будто бы левые эсеры попытались даже арестовать Дзержинского и Лациса, затеявших расследование убийства Мирбаха, но тем каким-то чудом удалось спастись. Однако доподлинно известен следующий факт: в те минуты, когда совершалось убийство, Мария Спиридонова и многие другие левые эсеры находились в Большом театре, где проходил 5-й Всероссийский съезд Советов. Вдруг, по заранее условленному сигналу, большевики тихо покинули Большой театр, здание было окружено военными, а члены фракции левых эсеров были арестованы. На следующее утро казармы, в которых были расквартированы гвардейцы, состоявшие в партии эсеров, были подвергнуты артиллерийскому обстрелу, но большинство из них спаслось, отступив к Курскому вокзалу.

Несмотря на признания левых эсеров в причастности к убийству (наверняка, пытками вырванные у них), слишком многое говорит за то, что Мирбах был убит по приказу Ленина.

Кому, как не ему, убийство посла было очень на руку — ведь вину можно было свалить на левых эсеров, и таким образом убить сразу двух зайцев. Хотя, чего греха таить, Мирбах подкармливал большевиков немецким золотом, его надолго не хватило бы. Он уже колебался, с нетерпением ожидая времени, когда большевики исчерпают свои возможности и уступят власть другому правительству, в которое войдут люди более умеренных взглядов. «В случае, если здесь произойдет смена ориентации, — писал он Диего Бергену 25 июня, — нам даже не надо будет прилагать слишком больших усилий, до самого последнего момента сохраняя видимость приличных отношений с большевиками. Постоянные ошибки в руководстве страной и акты грубого попрания наших интересов должны послужить подходящим поводом для развязывания военных действий в любое удобное для нас время». Можно почти с уверенностью сказать, что послания такого рода, разумеется, зашифрованные, тем не менее доходили до большевистской верхушки. Даже если предположить, что в германском посольстве не было большевистских агентов и

телефоны не прослушивались (хотя есть серьезные основания считать, что большевики имели своих агентов в посольстве Германии и телефоны все-таки прослушивались), — большевистской верхушке и без того был ясен ход мыслей посланника просто потому, что они были в постоянном и тесном с ним контакте. Убив его, большевики избавлялись от врага. Они правильно рассчитали, что правительство Германии проявит понимание, если им сообщат, будто это неспровоцированное убийство было совершено левыми эсерами, вожди которые уже схвачены и понесут за это преступление заслуженную кару. Так большевики и убили двух зайцев: они избавились и от Мирбаха, и от левых эсеров; более того, они дали понять немецкому пролетариату, что не испытывают никакой робости перед германской аристократией.[51]

Троцкий рассказывает, как Ленин собирался в германское посольство, чтобы выразить немцам свое соболезнование. Но перед этим он со своими соратниками обсудил ситуацию. Троцкий тогда заметил: «Кажется, левые эсеры могут оказаться той самой вишневой косточкой, на которой нам суждено поскользнуться». На что Ленин ответил: «Я и сам об этом подумал. Судьба колеблющейся буржуазии в точности это подтверждает. Они оказались вишневой косточкой белогвардейцев. Нам надо во что бы то ни стало повлиять на характер доклада германского посольства в Берлин. Возник достаточно веский повод для немецкой интервенции, особенно если принять во внимание, что Мирбах постоянно доносил Берлину, что мы слабы и можем быть уничтожены всего одним ударом».

По словам Троцкого, сначала в Кремль поступило сообщение, что Мирбах только ранен. Но потом стало известно, что он убит. С Лениным в посольство должны были ехать Свердлов и Чичерин. Ленин никак не мог сообразить, какое ему следовало употребить слово, приличествующее случаю. «Я уже обсуждал это с Радеком, — объяснял он. — Я хотел сказать: mitgefihl, сочувствие, но, вероятно, должен сказать: beileid — соболезнование». Он сел в машину и отбыл в посольство. Троцкий так описывает эти несколько мгновений перед отбытием Ленина к немцам: «Он слегка рассмеялся, надел пальто и твердо сказал Свердлову: «Пошли». Его лицо изменилось, стало серого цвета, окаменело. Это путешествие в посольство гогенцоллернов для выражения соболезнования по поводу смерти графа Мирбаха было не таким легким делом для Ильича. С точки зрения внутреннего переживания, возможно, это был один из самых трудных моментов в его жизни».

Троцкий, конечно, многое умалчивает, однако то, как он описывает эту сцену, дает повод для целого ряда догадок. Ленин наверняка читал секретные донесения Мирбаха в Берлин, и ему доставляла удовольствие мысль, что вину можно возложить на левых эсеров, ту самую «вишневую косточку». Он был в хорошем настроении, лукаво посмеивался вплоть до самого последнего момента, когда уже надо было ехать. Тут-то он и осознал, что ему предстоит побывать на месте, где было совершено убийство, и лицо его стало серым, как камень. По сути дела, вспоминая этот эпизод, Троцкий, как нам кажется, рассказывает о том, как сошлись три заговорщика, чтобы поздравить друг друга с успехом обтяпанного ими дельца.

Прежде чем отправиться в посольство, Ленин послал циркулярную телеграмму во все районные комитеты партии и совдепы, всем штабам Красной Армии. Вот ее текст: «Около 3-х часов дня брошены две бомбы в немецком посольстве, тяжело ранившие Мирбаха. Это явное дело монархистов или тех провокаторов, которые хотят втянуть Россию в войну в интересах англо-французских капиталистов, подкупивших и чехословаков. Мобилизовать все силы, поднять на ноги все немедленно для поимки преступников. Задерживать все автомобили и держать до тройной проверки».

Телеграмма облетела всю страну, но Блюмкина задержать так и не удалось ни тогда, ни впоследствии. Сам он потом рассказывал, что несколько дней после инцидента находился в одной из московских больниц, где ему залечивали царапину, полученную, когда он перелезал через ограду.

Дальнейшая карьера Блюмкина разъясняет многое в деле об убийстве германского посла. Он остался офицером ЧК, участвовал в Гражданской войне, в 1921 году был принят в партию большевиков. За убийство Мирбаха он так и не понес никакого наказания, напротив, с тех пор он постоянно занимал высокие должности. Он был одним из организаторов Красной Армии в Монголии. По его словам, именно он должен был возглавить военный поход на Тегеран, но в последний момент этот план не состоялся. Он ездил с важными поручениями в Индию, Египет и Турцию. Он был в таком фаворе, что его служебный кабинет располагался рядом с кабинетом Чичерина в гостинице «Метрополь», когда Чичерин был наркомом иностранных дел. Блюмкин пользовался привилегиями, какие предоставлялись лишь высшим сановникам коммунистической партии: у него были машина, шикарно обставленная квартира на Арбате, он постоянно менял любовниц. Об убийстве Мирбаха он говорил совершенно открыто. Однажды он даже рассказал своему

приятелю, молодому коммунисту, звали которого Виктор Серж, историю убийства посла со всеми подробностями: «Я беседовал с ним и смотрел ему прямо в глаза, а сам все время думал: я должен убить этого человека. У меня в портфеле среди бумаг был спрятан браунинг…» Он описал, как помощники посла попадали на пол, и как Мирбах побежал к танцевальному залу, и как он, Блюмкин, метнул бомбу на мраморный пол. Приятель спросил его, был ли смысл убивать Мирбаха, и Блюмкин ответил: «Мы, конечно, знали, что Германия разваливается и вряд ли будет в состоянии начать новую войну с Россией. Мы хотели оскорбить Германию. Мы рассчитывали на эффект, который это должно было произвести в самой Германии». И дальше он рассказал, что большевики абсолютно всерьез вынашивали план убийства кайзера, но заговор провалился из-за того, что русским не удалось найти ни одного немца, кто бы взял на себя выполнение такого трудного дела.

Итак, ключом к загадке убийства Мирбаха могут служить слова Блюмкина: «Мы хотели оскорбить Германию». Уж Ленин-то знал, как оглушительно воздействует точно рассчитанное оскорбление на намеченную жертву: он уничтожил немало противников массированным огнем своих оскорблений. Результатом убийства Мирбаха стало то, что Германия сделалась на удивление сговорчивой с большевиками, и. через несколько недель в Москву прибыл новый посол.

По прошествии не которого времени в российском посольстве в Берлине состоялась беседа между Леонидом Красиным и Георгием Соломоном, тогда первым секретарем посольства. Оба они были потрясены произошедшим недавно событием. Красин давно знал Ленина и объяснял убийство Мирбаха тем, что Ленину понадобился повод расправиться с левыми эсерами. Из его слов вытекало, что в среде революционеров были свои, «внутренние заложники», которых при удобном случае можно было «сдать», списав на них долги. «Я знал Ленина хорошо, — сказал Красин, — но никогда прежде не замечал в нем такого злого цинизма. Он рассказывал мне о том безжалостном решении, принятом правительством, и как оно было осуществлено: в тюрьме отобрали несколько десятков контрреволюционеров и расстреляли как сообщников в убийстве Мирбаха, «…чтобы немцы были довольны, — прибавил Ленин с улыбкой. — Таким образом, — продолжил Ленин, — мы ублажим наших социалистических товарищей и одновременно докажем свою невиновность, не нанеся никакого вреда нашему народу».

Такое объяснение этой истории предложил Красин, но это была не единственная версия преступления. Слишком много

нитей было завязано в самом сюжете — целый клубок противоречий и политических интриг. Но ясно одно: убийство Мирбаха было задумано с определенной целью — разрешить целый ряд сложных и противоречивых задач, и цель эта была достигнута.

А через десять дней было совершено еще одно убийство. На сей раз его жертвой стала фигура, куда более значительная, чем граф Мирбах, — был убит Николай II, царь всея Руси.

Решение о его физическом уничтожении принимал Ленин вместе со Свердловым, вероятно, без всякого согласования с другими членами ЦК. И снова та же цель — «оскорбить» и тем самым нанести врагу непоправимый психологический удар. Император, императрица, великие княжны — Ольга, Татьяна, Мария. и Анастасия, юный цесаревич Алексей, его личный врач, горничная царицы, камердинер царя и повар содержались под строгим арестом в доме Ипатьева в Екатеринбурге. В ночь на 17 июля «все вышеназванные» были расстреляны, забиты прикладами и проколоты штыками. Не пощадили даже прислугу и врача. Несколько дней спустя в Екатеринбург вошли белогвардейцы и чехословаки. Поначалу о судьбе царской семьи ничего не было известно. Но постепенно выявлялись новые и новые улики преступления, и, наконец, их собралось достаточно, чтобы картина произошедшего была восстановлена до мельчайших деталей. На дне глубокой заброшенной шахты близ деревни Коптяки, в двадцати с лишним километрах от Екатеринбурга, были обнаружены останки несчастных жертв кровавого злодеяния. Среди документов, брошенных бежавшими большевиками, нашлась и зашифрованная телеграмма, подписанная Белобородовым, председателем Уральского областного исполкома. Она гласила: «Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации. Белобородов».

Царская семья перешла к большевикам «по наследству» от Временного правительства. Арестованный сразу после Февральской революции, император смирился со своей участью, словно уже давно ожидал подобной развязки. Он даже с каким-то облегчением воспринял перемену — теперь ему не надо было править народом, с которым ему всегда так было трудно. Тихий, безобидный, задумчивый, богобоязненный, совершенно неспособный ни на гнев, ни на проявление твердой воли — таков был царь. Создается впечатление, что он с той же покорностью, с какой взошел на царство, отдался в руки своим гонителям и палачам. За миг до смерти его последним жестом было заслонить собою сына, но он тут же был сражен выстрелом в лицо, в упор.

Царицу, великих княжен Ольгу, Татьяну и Марию, доктора, камердинера и повара изрешетили пулями, и они скончались сразу. По каким-то причинам с великой княжной Анастасией и горничной императрицы Анной Демидовой расправились иначе — обе они были заколоты штыками и забиты прикладами ружей. Инструкция была — истребить, а уж каким способом, предоставлялось решать исполнителям.

В своих дневниках Троцкий передает разговор со Свердловым, который произошел после захвата Екатеринбурга белогвардейцами. Он спросил Свердлова, что сталось с царем, и тот сообщил ему, что царь убит вместе со всем семейством.

«— Все? — спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.

— Все! — ответил Свердлов. — А что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

— А кто решал? — спросил я.

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять белым их живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях».

Троцкий был осторожен и не выдал своего внутреннего смятения, но главный вопрос все-таки задал: «Кто решал?» Больше он вопросов не задавал. Он выразил согласие с принятым решением, хотя до того с нетерпением ждал, когда царь будет доставлен в Москву, чтобы можно было предать его открытому пролетарскому суду. Ленин более реально смотрел на дело: он сомневался в эффективности показательного процесса. Окончательное решение было за ним. И вот что пишет Крупская в своих мемуарах: «Чехословаки стали подходить к Екатеринбургу, где сидел в заключении Николай II. 16 июля он и его семья были нами расстреляны, чехословакам не удалось спасти его, они взяли Екатеринбург лишь 23 июля». Для нее тут все было просто, наверняка и для Ленина тоже.

В действительности все было совсем не так уж просто. Проблемы были, и серьезные. Пройдет много лет, и Троцкий в своих дневниках, выражая мнение большевистских вождей, даст объяснение мотивов расправы над царем, которых было два, и совершенно обособленных. Он писал: «Казнь царской семьи была нужна не только для того, чтобы запугать, ужаснуть и лишить воли противника, но и для того, чтобы вызвать потрясение в собственных рядах, показать им, что назад дороги нет, что впереди либо полная победа, либо полное поражение. В интеллигентских партийных кругах многие не ждали от этого ничего хорошего и качали головами. Но рабочие и солдатские массы не знали ни минуты сомнений. Любое другое решение для них было бы непонятно и неприемлемо. Это Ленин хорошо

понимал. Способность думать и чувствовать вместе с массами была свойственна ему в высшей степени, особенно во время поворотных пунктов истории».

Если придерживаться этой точки зрения, то уничтожение царя явилось по сути дела террористическим актом, целью которого было посеять панический страх в сердцах врагов, но также, и возможно, для Ленина это было гораздо важнее — посеять страх в рядах людей, сражавшихся на стороне большевиков. Этим актом он рассчитывал внушить им, что назад пути нет, что теперь они стали соучастниками преступления, и если им не удастся истребить белых, их ждет погибель, смерть. Снова, как в случае с Мирбахом, мы видим хитросплетение интересов и мотивировок, ставших в итоге поводом для убийства. Только план этот не сработал. По свидетельству современников и очевидцев событий, смерть царя не произвела на массы никакого впечатления. Да и большевистские приспешники не прибавили рвения в борьбе с белыми из-за того, что был казнен царь. Для них всех монарх, совсем недавно еще правящий Россией, успел отойти в область преданий.

Сначала большевики объявили, что казнен только царь. Через несколько дней они сообщили, что остальные члены семьи были убиты во время эвакуации, когда белые и чехи были у ворот Екатеринбурга. И по сей день большевики не признались в том, что вместе с царской семьей прикончили еще несколько ни в чем неповинных людей: доктора Боткина, повара Харитонова, камердинера Труппа и горничную царицы Анну Демидову.[52] Для Ленина уже достаточно было того, что они служили царской семье и посему вполне заслуженно понесли кару. Он не видел в них невинных жертв, но вместе с тем не позволял, чтобы сведения об их гибели стали известны широкой публике. Ему было неудобно не объявить о смерти царя — возобладали остатки порядочности, что ли, но почему-то расправа над простой служанкой должна была оставаться в тайне.

Кровавые преступления 1918 года в немалой степени определили дальнейший путь народа к коммунизму, доказали, насколько близка была коммунистам философия Нечаева. Они также показали, как преуспели большевики в ремесле террора, доведя его, можно сказать, до искусства — такими изощренными и многообразными методами они пользовались. Это было оружие, которое успешно применялось как против врагов, так и против колеблющихся в собственных рядах. И в руках Сталина террор достигнет такого уничтожающего размаха, что все население страны будет жить в постоянном страхе. Да и сам Сталин будет обитать под его грозной сенью.

Недели, последовавшие за казнью царя, принесли Ленину жесточайшие испытания. Казалось, все вокруг рушилось. Враг был повсюду, он поднял голову, оправившись после поражений зимнего времени. Но даже в той отчаянной обстановке Ленин не терял надежду. Письмо, написанное им Кларе Цеткин, в какой-то степени отражает настроение, в котором он тогда находился: «Мы теперь переживаем здесь, может быть, самые трудные недели за всю революцию. Классовая борьба и гражданская война проникли в глубь населения: всюду в деревнях раскол — беднота за нас, кулаки яростно против нас. Антанта купила чехословаков, бушует контрреволюционное восстание, вся буржуазия прилагает все усилия, чтобы нас свергнуть. Тем не менее, мы твердо верим, что избегнем этого «обычного» (как в 1794 и 1849 п.) хода революции и победим буржуазию».

Как раз в тот момент, когда он заканчивал это письмо, ему принесли образец новой государственной печати, и он решил, что Кларе Цеткин будет интересно полюбоваться ею. Ленин сам ее придумал и очень этим гордился. В постскриптуме он приписал: «Мне только что принесли новую государственную печать. Вот отпечаток. Надпись гласит: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Ленин был как ребенок, играющий с новой игрушкой. Он сам создал новое государство, и теперь надо было найти для него подходящее название. Странное это было название. Никогда до этого ни одно государство не именовалось хоть чуточку похоже на то, как окрестил свою страну Ленин. Тут описательные прилагательные громоздились одно на другое, и казалось, вся структура того гляди посыпется, превратясь в бессмыслицу. Ленину, похоже, и в голову не приходило, что на самом деле государство, созданное им, не было ни социалистическим, ни федеративным, ни республиканским; к тому же поскольку Советы лишены были реальной власти, то вряд ли было уместно именовать его советским. Со временем кое-какие из прилагательных выпадут, и даже слово «Российская» исчезнет, поглощенное анонимным понятием «Союз Советских Социалистических Республик». Но в ту пору Ленина гораздо больше тешил лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Этот лозунг укреплял его дух в трудные часы испытаний, он веровал в него и ждал, когда же начнется всемирная революция. Все то лето он напряженно следил за событиями в Германии, где, по его прогнозам, должна была вспыхнуть революция, которой тем не менее так и не суждено было состояться.

Комната в Кремле

Вся активная жизнь и деятельность Ленина-революционера были пронизаны исключительно одной идеей — идеей власти. Природа власти, то, как ею можно пользоваться, ее особые свойства, границы возможного и невозможного; как порой власть скрывает свою истинную суть, притворяясь скромницей или пялит на себя мантии, ей по праву не принадлежащие, — все это для Ленина составляло предмет неиссякаемого интереса, тщательного и скрупулезного изучения. Что его совершенно не интересовало, так это внешние атрибуты власти. Придворные церемонии мало занимали его, разве что как ушедшая в прошлое история. Он воспринимал их как спектакли, как зрелищные средства воздействия старой власти на верноподданных. И уж никогда он не испытывал ни малейшего желания, облачившись в пышные одежды, проследовать со свитой в триумфальной процессии. Его мысли поглощало другое — абсолютная точка приложения власти как точного хирургического инструмента, без всяких декоративных выдумок и прикрас. Он хотел только такой власти, и он ее получил — власть в чистом виде, полную, безграничную, во всем ее величии.

Придя к власти, Ленин никак не изменил привычный для него образ жизни. В изгнании Ленин чрезвычайно много читал. Теперь, когда он в Кремле, почти всегда в распорядке его дня три или четыре часа отводились для чтения. В ссылке Ленин не расставался с книгой даже во время еды. На кухню, где хозяйничала Крупская, он обязательно приходил с книгами. Тогда же были заведены занятия иностранными языками. Для них ежедневно отводилось определенное время. Ровно час каждый день, отложив все дела, Ленин занимался гимнастикой. Еще час посвящался просмотру корреспонденции и ответам на письма. Его жизнь в Кремле мало чем отличалась от жизни в Лондоне, Париже или Цюрихе. До конца своих дней он оставался человеком привычки.

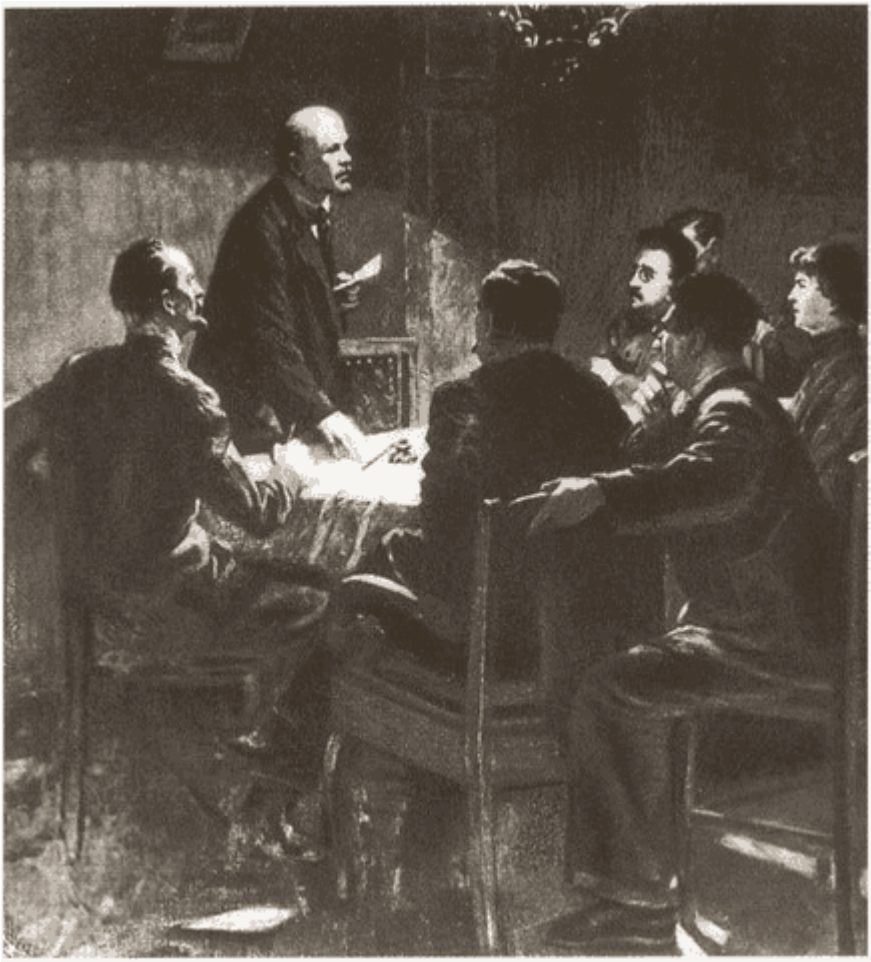
Власть не изменила его. Ведь он пользовался ею большую часть своей зрелой жизни. Как вождь революционного движения он испытывал силу власти на своих соратниках и прибегал к ней для борьбы с противниками. Власть над небольшой кучкой людей тешит так же, как власть над целой империей. Он давно уже знал, что такое держать власть в своих руках.

Посетители, которым доводилось бывать тогда в Кремле, удивлялись тому, что не видели нигде знаков величия, а ведь Кремль был сердцем огромной империи. Никаких камергеров, возвещавших, что такому-то дозволено предстать пред Светлые

Очи; ни кавалергардов на часах, ни трона. Они попадали в небольшую комнату, где в одном углу стояла пальма в кадке, в другом — книжные шкафы, и на стене висели географические карты. Пол был покрыт потертым ковром, а на окнах не было портьер. Письменный стол, небольшой стол для совещаний, покрытый зеленой хлопчатобумажной тканью, и вокруг него четыре обитых кожей кресла. И почти ничего, что внесло бы оживление в убранство этой комнаты, которая вполне могла сойти за кабинет директора училища в каком-нибудь заштатном городишке. При первом беглом осмотре только и приходило в голову, что хозяин кабинета имеет пристрастие к географии и общественным наукам и является противником легкомыслия и вольнодумства в любых проявлениях.

На штурм Зимнего! 1917 г., 7 ноября.

«Заседание ЦК партии 22 октября 1917 г.», Худ. Ю. Белов,

Последняя конспиративная квартира В. И. Ленина (у М. В. Фофановой)

Отряд красногвардейцев на одной из улиц Петрограда. 1917 г., октябрь.

Проверка документов у Смольного. Петроград, 1917 г., октябрь.

Зимний дворец. Приемная Александра III, в окно которой попал один из двух снарядов, выпущенных по дворцу из Петропавловской крепости.

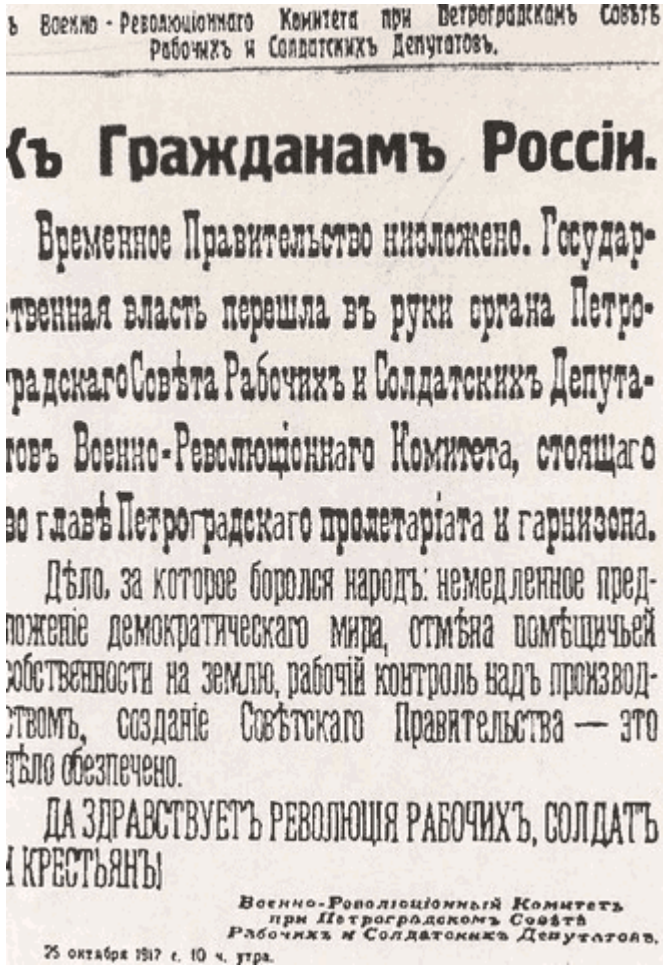
1917 г., октябрь.

Военные телефонисты Центральной телефонной станции после ее занятия больше пиками. Петроград, 1917 г., 7 ноября.

«В. И. Ленин», Худ. В. Цыплаков

ъ Военно-Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

къ Гражданамъ Россіи.

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла въ руки органа Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Военно-Революціоннаго Комитета, стоящаго во главѣ Петроградскаго пролетаріата и гарнизона.

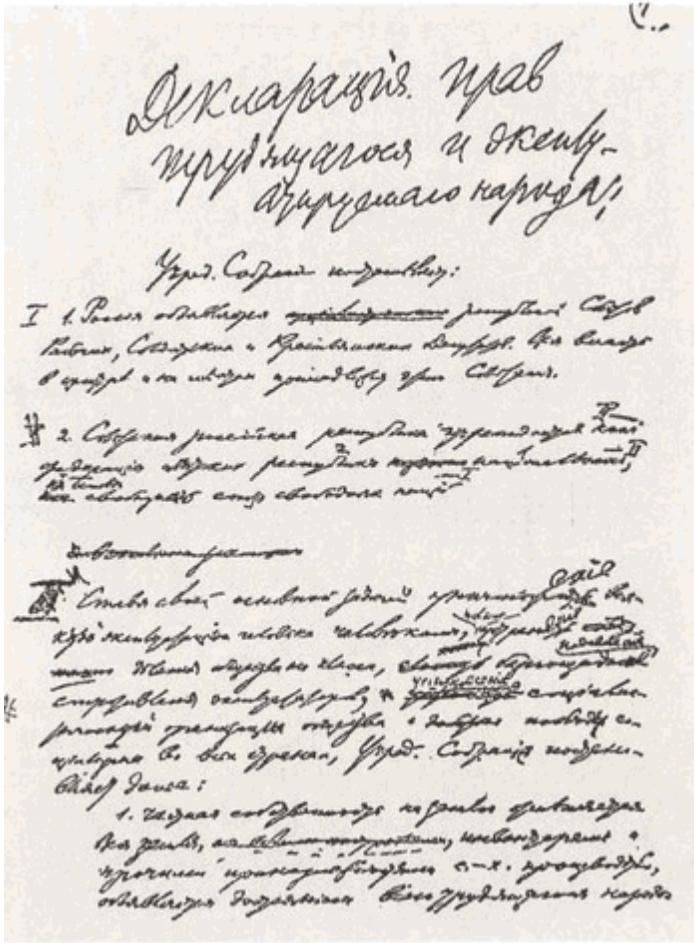
Дѣло, за которое боролся народъ: немедленное предложеніе демократическаго мира, отмѣна помѣщичьей собственности на землю, рабочій контроль надъ производствомъ, созданіе Совѣтскаго Правительства — это дѣло обезпечено.

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТЪ И КРЕСТЬЯНЪ!

Военно-Революціонный Комитетъ при Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

25 октября 1917 г. 10 ч. утра.

Декларация «К гражданам России», написанная Лениным в ночь на 8 ноября 1917 г., — эпитафия старому режиму

Первая страница рукописи Ленина «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». 1918 г., январь, не позднее 3-го.

В. И. Ленин в Смольном на заседании Совета Народных Комиссаров. 1918 г.

Смольный, первый рабочий кабинет В. И. Ленина — главы Советского государства.

Бронзовая статуэтка — подарок американского концессионера А. Хаммера.

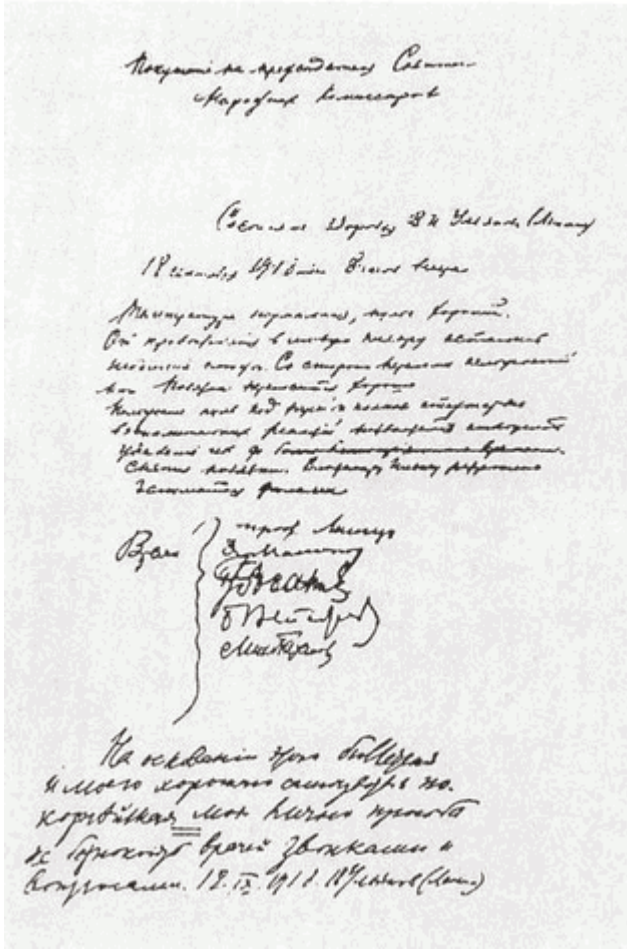
Рабочий кабинет Ленина в Кремле.

Во главе Страны Советов.

В. И. Ленин после заседания 1 Всероссийского съезда по просвещению. Москва, 1918 г., 28 августа.

Бюллетень о состоянии здоровья В. И. Ленина после ранения.

1918 г., 18 сентября.

Фотографии следственного эксперимента, проведенного 2 сентября 1918 г. на заводе Михельсона: момент, предшествовавший выстрелу; «Каплан» стреляет; «совершённое» покушение.

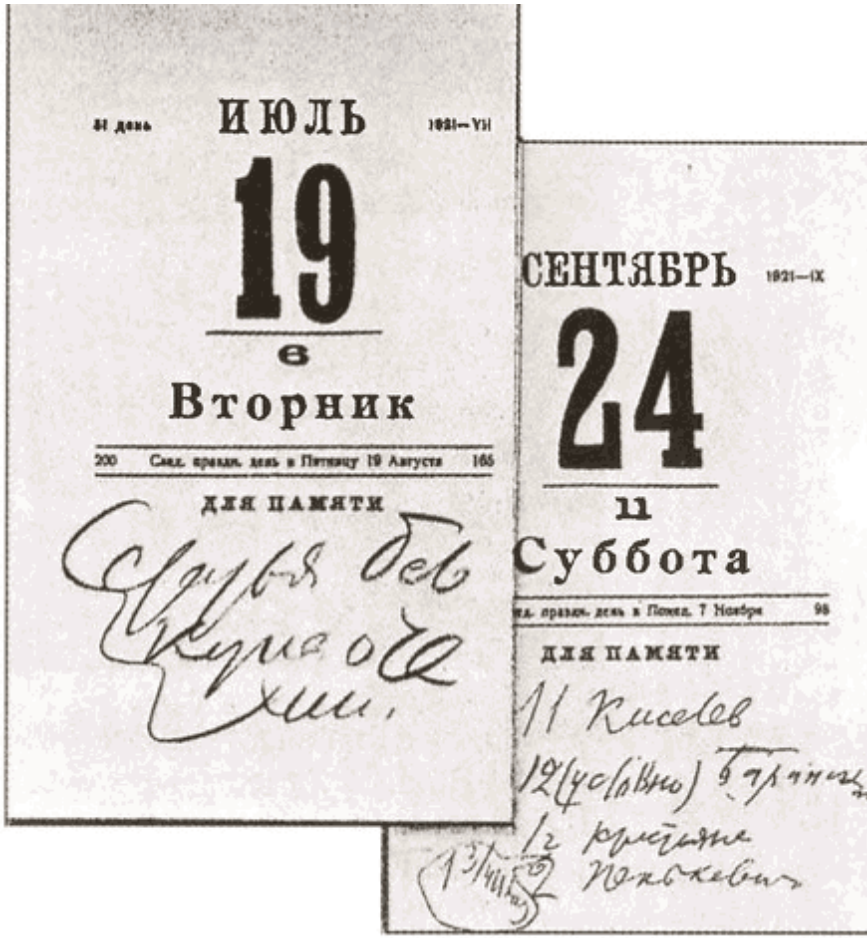

В. И. Ленин среди родных в кремлевской квартире.1920 г., осень.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская в окрестностях Горок.

1922 г., август—сентябрь.

Листки настольного календаря с записями Ленина 19 июля и 24 сентября 1921 г.

Ленин в Горках. 1923 г.

Претенденты на власть после смерти В. И. Ленина:

Л. Д. Троцкий, Н И. Бухарин, И. В. Сталин, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

О СМЕРТИ

Владимира Ильича

ТЕЛЕГРАММА.

Москва. Правительственное сообщение. 21 января в 6 час. вечер в Горках, близ Москвы скоропостижно скончался Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Ничто не указывало на близость смертельного исхода. Последние время в состоянии здоровья Владимира Ильича наступило значительное улучшение. Все заставляло думать, что здоровье его будет восстанавливаться совершенно неожиданно вчера в состоянии здоровья Владимира Ильича наступило резкое ухудшение и несколько часов спустя Владимира Ильича не стало. Заседающий в Москве Всероссийский Съезд Советов, а также открывающийся на днях Всесоюзный Съезд примут необходимое решение для обеспечения дальнейшей непрерывной работы Совет. правительства. Самый тяжелый удар, постигший трудящихся Союза, глубоко потрясет рабочего и крестьянина не только нашей республики, но также и во всех странах широкие массы трудящихся будут оплакивать смерть своего вождя. Его больше нет среди нас, но дело его останется незыблемо. Выражающие волю трудящихся масс Советское Правительство продолжит работу Владимира Ильича, твердо идя по его пути.

Москва, Кремль, 22 января 1924 года.

Правительственное сообщение о смерти В. И. Ленина.

В траурные дни у Дома Союзов. Москва, 1924 г., январь.

«В. И. Ленин в гробу». Скульптор И. Шадр.

Получше приглядевшись, посетитель замечал нечто, свидетельствовавшее о том, что «директору» когда-то не чуждо было своеобразное романтическое отношение к жизни и, кроме того, он обнаруживал наличие красноречивых знаков власти, а именно — телефонов, которых было не менее пяти. Романтический аспект выдавал горельеф, висевший на стене напротив стола; к этому предмету мы еще вернемся, так как о нем следует поговорить подробнее. А сейчас займемся телефонами. Это важно, потому что в руке Ленина телефон превратился в непосредственный инструмент власти.

Когда телефон только входил в широкое употребление, те из русских, которые могли себе позволить телефон, приветствовали это замечательное нововведение. Но не Лев Толстой — телефон приводил его в ужас. Толстой предупреждал: «Берегитесь, вот придет Чингисхан и будет управлять по телефону». Сбылось, но в

распоряжении «Чингисхана» был уже не один телефон, а целая батарея.

Три телефона стояли на столах, один висел на стене и еще один пристроился на подоконнике. В коридоре за дверью служба связи установила также телеграф. Ленинские телефоны не звонили, как все телефоны. Вместо звонка раздавался странный звук, что-то вроде жужжания. Когда Ленину звонили по телефону, которым он чаще всего пользовался, загоралась лампочка. Его телефоны работали прекрасно, а надо сказать, в России исправных телефонов было совсем мало. Ленинские телефоны часто осматривали и держали в надлежащем порядке. Ленин был довольно равнодушен ко всякого рода механизмам, но телефон приводил его в восхищение. Часы меньше интересовали его. Настенные часы в его кабинете редко показывали правильное время, несмотря на то, что часовщика вызывали постоянно; этот часовщик заводил и ремонтировал все часы, находившиеся в Кремле.

Итак, телефон и телеграф были теми средствами, с помощью которых Ленин правил. В то время пользовались так называемыми телеграфными машинками Хьюза, еще примитивной конструкции. Вдоль коридора, соединявшего жилые комнаты с кабинетом, было установлено в ряд множество таких аппаратов. Сюда приходили вести с фронтов, где шли бои, а также из всех городов, завоеванных большевиками. Полученные по телеграфу сообщения доставлялись Ленину на письменный стол, после чего он диктовал свои решения и приказы по телефону секретарю; и они тут же передавались по телеграфу. По оси: кабинет Ленина — коридор проходил главный нерв, обеспечивавший жизнедеятельность государства.

Несмотря на то, что большая часть распоряжений рассылалась телеграфом, Ленин обожал междугородные переговоры. Он испытывал почти личную симпатию к своей семейке телефонов, как к живым существам. Подметили, что, когда Ленин говорил по телефону, он чуть склонял голову набок, в сторону телефона, и искоса на него поглядывал. Так он обычно делал, когда беседовал с сидевшим рядом с ним человеком. Бывало, он скажет про телефон: «Сегодня не дурит», или: «Только что слышал вас прилично, а теперь звук куда-то исчезает». Если что-то случалось на линии, срочно вызывались инженеры, которые посылали монтеров устранять неполадки. Во время Гражданской войны то и дело выходила из строя линия, соединявшая Кремль с Харьковом. Ленин яростно кричал в трубку — беспомощность приводила его в бешенство. Он даже требовал, чтобы ЧК проверила, нет ли тут саботажа, и без конца посылал

наркому почт и телеграфов записки, содержавшие приказы немедленно принять меры и исправить линию. Хотя у Ленина были установлены самые лучшие в России телефоны, но революция, война и зимние метели играли с проводами, как хотели.

За столом, где сидел Ленин, телефоны помещались справа от него; именно они первыми принимали его команды, а следовательно, являлись наглядным свидетельством того, что это и есть командный пост страны. На остальном пространстве стола царил непринужденный беспорядок. Здесь вперемешку лежали документы самого разного содержания и степени важности. На краю копились папки и газеты; постепенно все это превращалось в гору, и наступал момент, когда эта гора рушилась, погребая под собой все, что лежало на столе. Тогда газеты и лишние бумаги связывали в пачки и переносили на пол или на стул. После чего история вскоре повторялась. Принято считать, что Ленин обладал холодным, четким и логическим умом. Но на работе с документами это никак не сказывалось. У него постоянно пропадали бумаги. Однажды случилось так. Ему на стол положили отчеты о состоянии дел в сельском хозяйстве. Часом позже они загадочным образом пропали, точно их ветром сдуло. Они были найдены три недели спустя в папке с документами, предназначенными для ЧК. Однажды он сказал своему секретарю: «Вот у Икс все бумаги в порядке. Почему бы нам не взять с него пример?» Он был всерьез настроен внести разумный порядок в работу с документацией. Беспрестанно придумывались все новые системы, целью которых было усовершенствование процесса обработки бумаг, но безрезультатно. В конце концов было решено сортировать их в зависимости от степени их важности. Но и эта система была обречена на провал. Выяснилось, что работа с папкой, помеченной «самое срочное и важное», отнимала все его время. До других просто не доходили руки. Папка с документами «очень срочными и важными» так и лежала неоткрытая, а на папку со «срочными и важными» делами он мог едва глянуть. Однако беспорядок на столе и бумажные завалы общему делу не вредили. Главным в его работе было общение с людьми, в личной беседе или по телефону.

Даже если со стола убирались лишние газеты и документы, свободного места на нем оставалось мало. Поражало огромное количество ручек и карандашей, усердно отточенных и острых, как пики. Были тут два перекидных календаря, две пары больших ножниц, перламутровый нож для разрезания бумаги, клей в пузырьках с резиновыми пробками, чернильница затейливой работы и пепельница в форме морской раковины. И кроме того,

коллекция разнообразных подарков, которые подносили Ленину. Среди них заслуживает упоминания большая статуэтка чугунного литья, изображающая обезьяну, сидящую на груде книг, которая сосредоточенно разглядывает человеческий череп. Эта композиция стояла на самом видном месте, преобладая над прочими вещицами, и производит жутковатое впечатление.

Когда Ленин, отрываясь от работы, поднимал глаза, он видел прямо перед собой дверь, географические карты на стене напротив, диван, которым он редко пользовался. На полке дивана стоял большой портрет Карла Маркса. Над портретом Маркса висели часы, те самые, что всегда врали. А слева от Маркса помещался бронзовый горельеф с изображением Степана Халтурина. Странное соседство Халтурина с Марксом было не случайным. Ленин таким образом хотел показать свое особое отношение к молодому революционеру, казненному в 1882 году за убийство военного прокурора Юга России Стрельникова. Скульптор выбил имя Халтурина внизу, но надпись была плохо видна. Ленин испробовал несколько способов выделить буквы, для начала обведя их мелом. В конце концов их выделили, покрасив золотой краской.

Степан Халтурин удостоился такой чести — в бронзовом изображении украшать кабинет Ленина — не за то, что он расправился с прокурором Стрельниковым. Этот молодой рабочий из крестьян пленил сердце Ленина. Красивый, умный, с тонкими чертами лица, отличавшийся невероятной храбростью, он поклялся убить царя и был почти у цели. Под именем Батышков он был принят на работу в Зимний дворец плотником. Постепенно заслужил репутацию отличного мастера. Начальство, коему было вверено содержание и ремонтные работы Зимнего дворца, отнеслось к нему благосклонно, вскоре он уже работал столяром и краснодеревщиком. Товарищи по работе его любили. Он прикидывался этаким неповоротливым, медлительным увальнем, слегка глуповатым, и начальство иногда делало ему выговор за его привычку тупо пялиться и чесать в затылке. Актер он был прекрасный и роль свою играл с таким блеском, что Петроцкий, жандармский капрал, отвечавший за весь штат дворцовой обслуги, собирался посватать за него свою дочку. Он воображал, что когда-нибудь этот честный малый станет главным мастером. А Халтурин тем временем тайно носил во дворец динамит. У него в подвале была койка, на которой он спал. Взрывчатку он складывал под подушку.

Внести динамит во дворец было не так сложно. Трудно было жить рядом с этим грузом: от его испарений у Халтурина ужасно болела голова. Кроме того, по ночам охрана совершала обход. В

конце концов ему пришлось сложить динамит в ящик, где он хранил новую рубаху и другие личные вещи. Халтурин продолжал прикидываться простофилей, задавая «дурацкие» вопросы; так он узнал много важного, например, каковы маршруты внутри дворца царя и других членов царской семьи. Халтурин планировал поставить детонатор в подвальном помещении, расположенном под комнатой охраны; этажом выше находилась царская столовая. Взрыв разнес бы подвал, комнату охраны и неминуемо столовую, где всегда обедала царская семья. По обыкновению царь обедал между половиной шестого и шестью часами вечера. Халтурин рассудил, что если взорвать динамит чуть позже шести, то наверняка царь с ближайшими родственниками взлетит на воздух.

Он все еще продолжал таскать взрывчатку во дворец, но тут как раз полиция арестовала какого-то революционера и нашла у него план Зимнего дворца. На том плане царская столовая была помечена зловещим красным крестом. С той поры подвалы стали патрулировать усерднее. В нескольких шагах от ящика со взрывчаткой был выставлен жандармский пост. Однажды даже сам царь нежданно-негаданно пожаловал в подвалы с обходом. Он прошел так близко от Халтурина, что тот потом с досадой говорил: «Эх, был бы молоток под рукой, убил бы, не задумываясь!» С невероятным хладнокровием он продолжал разрабатывать план взрыва. Вдоль стены подвала шла железная труба. Халтурин протянул шнур так, что за трубой его не было видно. 17 февраля 1880 года приблизительно в шесть часов пятнадцать минут вечера он с помощью свечного огарка запалил шнур и, не спеша, вышел из дворца. Прогремел чудовищный взрыв. Все огни во дворце погасли. В темноте слышались душераздирающие крики, и вскоре забегали санитары с носилками, вынося тела убитых и изувеченных. За каких-то полчаса по Петербургу разнесся слух, что царь убит. Но царь был жив и здоров, потому что по непредвиденным обстоятельствам обед августейших особ задержался. Царь в этот день давал личную аудиенцию прибывшему Гессенскому принцу Александру, но тот задержался с визитом, и время обеда отодвинулось. В результате взрыва погибли десять солдат и один человек из гражданских. Еще шестьдесят человек были серьезно ранены. Заговор провалился, но Исполнительный комитет «Народной воли» не унывал. Им удалось, как считали они, показать всем, что даже в своем дворце царь не может быть в полной безопасности.

Нечаев, находившийся в мрачной тесной камере в Петропавловской крепости, был вне себя от счастья. «Не получилось сейчас, — сказал он стражникам, — увидите,

получится в другой раз!» И правда, прошло немногим более года, и царь действительно был убит в результате взрыва мины, подложенной революционерами из той же «Народной воли».

Ленин особенно ценил в Халтурине его напор, простой взгляд на вещи и безоглядную решимость во что бы то ни стало уничтожить монархию. Это был человек, имевший смелость взять на себя всю тяжесть террористического акта. Ленин, например, глубоко уважал Желябова и даже как-то назвал его «революционером-бойцом», но Желябов руководил группой революционеров, ему подчинялись и выполняли его приказы. Халтурин же в одиночку хотел убить царя и взорвать Зимний дворец. В этом страшном, разрушительном акте, бесшабашном, грозившем непредсказуемыми последствиями, Ленин усматривал некую красоту: он словно любовался удачным математическим решением.

Продолжим. Отрываясь от бумаг, Ленин всегда мог видеть эти два портрета. Они связывали его с прошлым. В кабинете не было портретов ни его отца, ни старшего брата.

Ленин не заблуждался на свой счет. Он прекрасно знал, какое место ему уготовано в истории. При этом он совершенно не выносил своих портретов в газетах. Они его ужасали. Да, гордыня в нем была, огромная, непомерная, но вот чего не было, так это мелочного честолюбия.

Вообще он во многом был сходен с отцом, строгим и педантичным инспектором училищ, который сумел выбиться из самых низов общества и дослужиться до высокого чина. Ленин оставался этаким директором провинциального училища до конца своих дней. В нем сидел безжалостный и суровый педагог. Кто не выдерживал его экзамена, отправлялся под расстрел.

Отсюда, из этой комнаты в Кремле, во все концы России, преодолевая бескрайние просторы, неслись приказы на поля сражений, на заводы, комиссарам. С какой бы новой инициативой он ни выступил — все обретало силу закона. Стоило ему чего-то захотеть — и его желание мгновенно исполнялось. Как по мановению волшебной палочки из-под земли вырастали армии. Одна его речь — и экономика огромной страны, покорная его воле, сворачивала совсем в иное русло. Он был как новоявленный Моисей, чьи слова почитались, как ниспосланные свыше и потому заключали в себе конечную истину.

Надо сказать, эту роль он играл с поразительным мастерством. Внешне он производил впечатление человека мягкого, более того, великодушного. Он был чутким товарищем по отношению к своим соратникам и близким знакомым. Он умел очаровывать. Троцкий как-то заметил, что у Ленина была черта —

он «влюблялся» в людей. Вне всякого сомнения, он был сильно привязан к некоторым из своих сподвижников. Может быть, даже любил их. Он был неизменно вежлив со всеми, кто был у него в услужении, всегда благодарил истопницу, которая приходила разжигать ему печь; секретарей, которым диктовал свои решения; охранников, несущих вахту у его кабинета. Предметом особого его беспокойства было состояние здоровья его товарищей. Когда во время всеобщего голода Цюрупа, возглавлявший Наркомат продовольствия, упал при Ленине в голодный обморок, Ленин приложил немало усилий к тому, чтобы рацион питания его товарищей был, по крайней мере, приближен к норме, получаемой рабочими. И тогда в Кремле была организована кухня для сотрудников. Цюрупа работал по восемнадцать часов в сутки, и Ленин, бывало, погрозив ему пальцем, говорил: «Не будьте расточительны! Вы не бережете государственное достояние!»

Когда к нему приходили посетители, он весь обращался в слух; просто сгорал от нетерпения немедленно выслушать, с чем к нему пришли. Вячеслав Карпинский, хороший знакомый Ленина, вспоминал, как однажды он стал свидетелем такой сцены. К Ленину пришла делегация крестьян. Едва они появились на пороге, Ленин вышел из-за стола и, подавшись корпусом чуть вперед, поспешил им навстречу, уже на ходу протягивая руку. Он долго здоровался с каждым из них, с приветливой улыбкой заглядывая в глаза. Спросил, откуда они. И тут же захлопотал, рассаживая гостей, чтобы им всем было удобно. Пока суетились, разговор не начинался. Но вот люди уселись, освоились. Только тогда Ленин начал разговор. Он хорошо запомнил их имена и фамилии и обращался к ним по имени и отчеству и на «вы». Но иногда, разговаривая с крестьянином в годах, мог как бы случайно вдруг перейти на «ты» — по-свойски, так сказать, по-стариковски. Он был любезный хозяин и умел расположить к себе, даже если, как не раз бывало, люди приходили к нему с обидой такой, что терпеть ее было уже невмоготу.

Карпинский рассказывает, как один из крестьян, не совладав с собой, вдруг вскочил и закричал, обращаясь к Ленину:

— Послушайте, товарищ Ленин! Да у нас в деревне такое творится! Разве можно это вынести? Голова кругом идет!

Ленин, похоже, был очень озадачен.

— Успокойтесь, Иван Родионович, — сказал он. — Ну-ка, расскажите, в чем дело? Что вас так огорчает?

— Что меня огорчает? Наш сельский Совет, вот что меня огорчает, и всех остальных тоже. Они всё у нас отнимают!

— А кто выбирал сельский Совет?

— Ну, наверное, мы и выбирали..

— Конечно, вы сами, и сами можете их отозвать.

Крестьянин оторопел. Ему и в голову не приходило, что можно так просто разогнать сельсовет, освободить деревню.

— Неужто вправду мы можем так сделать?

— Не только можете, вы должны это сделать. По советскому закону любой депутат, не оправдавший доверия народа, может быть отозван из состава Совета до истечения срока его избрания. Надеюсь, вы поняли, что надо делать, Иван Родионович?

Вот так, в приятном, задушевном разговоре Ленин ловко обошел собеседника. Крестьянин был совершенно обезоружен.

Тем же приемом Ленин пользовался, когда к нему наведывались зарубежные знаменитости. Осенью 1920 года его гостем в Кремле был Герберт Уэллс. Писатель ожидал, что ему придется сразиться с закостенелым марксистом-догматиком. Кто-то предупредил его, что Ленин имеет привычку говорить за всех, не давая никому высказаться, и не терпит противоположных мнений. Но все было не так. Они беседовали довольно долго. Это был спор, который больше был похож на приятную беседу. Ленин уверенно и тонко отстаивал свою точку зрения, почти совсем не жестикулировал и ни разу не повысил голос. Уэллс писал, что по манере говорить Ленин скорее напоминал ученого хорошего толка. У писателя остался в памяти ворох бумаг на столе, и еще — когда Ленин садился на край стула, его короткие ноги едва доставали до пола. Комната была хорошо освещена, а из окна открывался вид на кремлевскую площадь.

До этого Уэллс побывал в Петрограде, который ему показался мертвым. Запустение, которое он там увидел, привело его к мысли, что городу необходимы свободная торговля и свободные рыночные отношения, ведь только так в городе может сохраниться нормальная жизнь. Свобода торговли приводит в движение все механизмы города. Запрет на нее парализует городскую жизнь. В Петрограде прекрасные, большие дома стояли заброшенные, пустые. Но эти доводы не показались Ленину убедительными. В его понимании «стирание» городов должно было явиться логическим завершением преобразований в коммунистическом обществе.

— Города очень сильно уменьшатся, — рассуждал Ленин. — Они станут совсем другие. Да, совсем другие.

Уэллс, продолжая говорить о великолепных произведениях архитектуры, высказал мысль о том, что при коммунизме они должны быть сохранены как реликвии, наподобие храмов в Пестуме. Ленин охотно поддержал его. Однако судьба городов его ничуть не волновала. Наверное, так же слепы к красоте великих городов были бы его далекие предки, чуваши, жившие в избушках

в сельской глуши. Да они и не ведали об их существовании.

В веселом, жизнеутверждающем тоне Ленин развивал тему преобразований. Он говорил о том, что следовало перестроить города, чтобы в них было удобно жить и работать членам нового коммунистического общества. Тем же законам должна подчиниться и деревня. Деревенские хозяйства изменятся по сути и расширятся. Этот процесс неизбежен.

На предприятиях нового типа по-иному будет организовано управление. Работать на них будут не крестьяне, а рабочие; новые крестьянские хозяйства разрастутся.

— Уже и сейчас, — сказал Ленин, — у нас не всю сельскохозяйственную продукцию дает крестьянин. Кое-где существует крупное сельскохозяйственное производство. Там, где позволяют условия, правительство уже взяло в свои руки крупные поместья, в которых работают не крестьяне, а рабочие. Такая практика может расшириться, внедряясь сначала в одной губернии, потом в другой. Крестьяне других губерний, неграмотные и эгоистичные, не будут знать, что происходит, пока не придет их черед…

Уэллс пишет, что, когда речь зашла о крестьянах, Ленин заговорщицки придвинулся поближе к нему и снизил голос, как будто боялся, что крестьяне могут его услышать.

Эти два человека пытались пробиться друг к другу, понять намерения другого, как капитаны кораблей, разделенных непреодолимым потоком. Оба они стараются разгадать в сигналах, посылаемых с той стороны, знакомый язык и, бывает, улавливают какие-то отдельные слова, но так и не могут договориться. Слишком велика бездна, разделяющая их. Так случилось и в разговоре Ленина с Уэллсом. Каждый из них остался загадкой для другого. Уэллс был потрясен неожиданным для себя открытием. Он увидел, что Ленин, окончательно отбросив красивые фразы, уже не скрывал того, что русская революция была не чем иным, как наступлением эпохи эксперимента без конца и без края.

Ленин, со своей стороны, тоже был крайне озадачен. Он никак не мог понять, почему социалистическая революция до сих пор не докатилась до Европы. «Почему в Англии не начинается социальная революция? — допытывался он. — Почему вы ничего не делаете, чтобы подготовить ее? Почему вы не уничтожаете капитализм и не создаете коммунистическое государство?» Эта незадача отравляла ему жизнь, и до конца дней своих он совершенно недоумевал: как так? Не кто иной, как он, проложил для Западной Европы столь славный путь, а она, Европа, отказалась по нему следовать.

Судя по тому, что пишет Уэллс, во время их встречи Ленин был абсолютно раскован, оживлен, много говорил, улыбался. Это был человек, который прекрасно сознавал силу своей власти. И знал, на что способна эта власть в любой момент. Он мечтал, и в его мечтаниях ему виделись исчезающие города, деревни, села… Странно, но при этом он производил впечатление серьезного, здравомыслящего человека и даже вполне практичного хозяина.

Такое впечатление Ленин оставлял у всех, кто встречался с ним в период его могущества. Он казался человеком, отлично владевшим собой, не позволявшим давать волю своим чувствам. Он никогда ни в чем не сомневался, во всем был тверд. Но под внешней оболочкой спокойствия и невозмутимости бушевали бури.

Ленину были чужды обычные человеческие грешки, свойственные всем смертным. Он был одержим грехом гордыни, а это такой грех, который губит душу человека, поселившись в ней. В своей гордыне он считал себя единственным воспреемником и хранителем «священных» догматов Маркса. В себе он видел творца нового общественного строя; с себя начинал новый отсчет времени, новую эру человечества, эпоху разрушения старого. Те, кто не желал признавать этого, подлежали уничтожению — немедленному, беспощадному, безоговорочному, любой ценой. Так он писал Григорию Сокольникову[53] в мае 1919 года.

Сидя в тишине своего кабинета, в окружении книг, за столом, заваленным документами государственной важности, он вдруг находил повод для гнева: ему не подчинялись; допустили какой-то промах; снова проволочка с выполнением приказа… И тут же разражалась гроза, сверкали молнии, и еще долго потом громыхал гром. Раз как-то к Ленину обратился некто Булатов. Он жаловался на руководителей местных Советов в Новгороде. Спустя несколько дней Ленин узнал, что Булатов арестован. Он счел его арест недопустимым актом злоупотребления властью. Ему было ясно, что Булатов оказался в тюрьме, потому что посмел дойти до самого Председателя Совета Народных Комиссаров. Недолго думая, Ленин посылает телеграмму в Исполнительный комитет Новгородской губернии:

> «По-видимому, Булатов арестован за жалобу мне. Предупреждаю, что за это председателей губисполкома, Чека и членов исполкома буду арестовывать и добиваться их расстрела. Почему не ответили на мой запрос?
>
> *Предсовнаркома Ленин».*

Ленин готов был приговорить к расстрелу всю верхушку Новгородской губернии, а поводом был арест одного человека. В своих воспоминаниях Крупская приводит эту телеграмму. Она считает ее очень характерной для Ленина.

Зачем ему понадобилось посылать такую телеграмму? Скорее всего, Ленин просто намеревался запугать местные власти, вселить в них смертельный страх. А велика ли разница — убить или запугать до смерти, особенно если учесть, что его властью приговор мог быть приведен в исполнение в любой момент.

Среди писем, написанных им в тихом кремлевском кабинете, попадаются такие, в которых каждая строчка буквально вопиет, требуя развязать террор как средство обороны. В то же время это вопль ужаса и отчаяния — так кричит человек, доведенный до предела своих сил. Были моменты, когда его охватывал смертельный ужас. Ему казалось, что рушатся все его мечты. Тогда, в остром приступе одиночества, он метался в тоске, как герой из рассказа Чехова «Палата N!! 6», ожидая неминуемой беды и понимая, что только чудо может его спасти. Когда-то Энгельс сказал, что террор есть не что иное, как диктатура терроризированных собственным страхом людей. Возможно, Ленин не знал об этом высказывании Энгельса. Однако паническое нетерпение, с которым Ленин взывал к террору, говорит о том, что он был в большей степени жертвой, нежели палачом. Самый страшный террор оправдывался формулировкой: «назрел момент». Расстреливали не одного из десяти, чтобы другим было неповадно, а шестерых, семерых, да всех подряд, до полного истребления. Ленин применял террор вполне в духе древних римлян. Один римский император, Галлиен, как-то выкрикнул: «Терзайте, бейте, истребляйте!» Разве не к тому же призывал Ленин, повелев уничтожать людей «немедленно, беспощадно, безоговорочно, любой ценой»?

Ленин — Зиновьеву (июнь, 1918):

> «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услыхали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты и пекисты) удержали.
>
> Протестую решительно!
>
> Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.
>
> Это не-воз-мож-но!
>
> Террористы будут считать нас тряпками. Время

архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает.

Привет! Ленин».

Ленин — Е. Б. Бош[54] (август, 1918):

«Получил Вашу телеграмму. Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, что Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков.

Предсовнаркома Ленин».

Ленин — Г. Ф. федорову[55] (август, 1918):

«В Нижнем, явно, готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.

Ни минуты промедления…

Надо действовать вовсю: массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных…

Ваш Ленин».

Вот такие послания Ленин без устали метал во все концы России из своего мирного уголка в Кремле. Слово «расстрелять» стало для него таким привычным, что почти потеряло свой смысл. Расстрелять всех или таких-то — было для него все равно, что отдать распоряжение перебить мух. Сам он до ужаса боялся смерти, процесса тления, причем настолько, что не велел ставить цветы в своем кабинете — не хотел видеть их увядания. Но смерть абстрактная, где-то далеко, на другом конце телеграфных проводов могла его даже порадовать. Он так лихо выводил: «расстрелять и выслать», не задумываясь над тем, что получалась бессмыслица: кого выслать? Расстрелянных? Но главное, что вызывает у нас особое омерзение, когда мы читаем его смертоносные телеграммы, — это их хамский тон.

Любые войны и революции чреваты излишней жестокостью,

пролитием невинной крови; их оправдывают необходимостью. Ленин не нуждался в оправданиях. Он считал массовый террор единственным действенным средством борьбы, а потому наиболее подходящим. Казни одиночек не воодушевляли его. И лишь когда красный террор достигал апогея, становился стихией масс — вот тогда ликовала его душа. Его пульс ощущается в каждой строчке приказов, выдавая его азарт, нетерпение и его жестокость. Маркс славил Парижскую Коммуну, снимая с нее вину за пролитую кровь: всякая революция есть насилие. Ленин восславил насилие. Оно было для него лекарством, без которого невозможно двигаться дальше; а может, бичом, который подхлестывал его самого; или оно было для него чем-то вроде кровопускания, дававшего выход его неукротимому темпераменту.

В разные периоды жизни Ленину доводилось писать о терроре. Он отвергал террор, называл его «неправильным путем», — но то было на словах. На деле же он всегда приветствовал террор. «В принципе мы никогда не отказывались от террора, и не можем от него отказаться», — писал он в газете «Искра» в 1901 году, и затем добавлял: «Это боевой прием, без которого невозможно обойтись на определенном этапе борьбы». Но эти «определенные этапы» все удлинялись и стало очевидным, что Ленин стремится установить вечное царство террора, без времени и границ. Так рождалась новая теория государства. Террор объявлялся главным инструментом государственной власти. К своему собственному удивлению, Ленин обнаружил, что террор является настолько надежной защитой власти, что никаких других защитных средств ей не требуется.

Конечно, теория перманентного террора была детищем не одного Ленина. Немалую лепту в нее внесли Нечаев и Бакунин, не говоря уже о Троцком, который расцветил ее иными красками и даже написал трактат на эту тему. Что и говорить, террор и в самом деле бывает отличным подспорьем в руках диктатора, стремящегося удержаться у власти. Однако он имеет и свои неизбежные недостатки. Это не обычное оружие, которое стреляет только тогда, когда спускают курок; его нельзя по желанию включить и выключить. У террора есть особое свойство самовоспроизведения: террор рождает террор, новый террор — новый виток террора, и так далее, и без конца. Он, как рак, разрастаясь, принимает все более чудовищные, неожиданные формы; его тлетворные микробы захватывают здоровые ткани… Террор губительно действует на всех, кто становится к нему причастен. И уж никак не избежит этой участи тот, кто первый запустил его.

Прощай, книжка
Книжка скорее
и слабее игрок

Ленинская резолюция на одном из поступивших к нему документов: «Прочтите, вникните, двиньте скорее…» — так пытался бороться Ленин с нарождавшимся советским бюрократизмом.

Ленин никогда не присутствовал при расстрелах, никогда не видел, какие страшные следы оставляет взлелеянное им чудовище. Почти все время он проводил в своем кабинете, где поглощенно работал, изучая бумаги, составляя тексты телеграмм. Лишь изредка, когда в комнату входила его секретарь, горбатенькая женщина, чтобы положить ему на стол новую стопку бумаг, он поднимал голову, улыбался ей и снова погружался в работу. Он вел жизнь настоящего подвижника и отшельника. Впрочем, в конце дня его уединение нарушалось. Обычно поздно вечером в соседней комнате собирался Совет Народных Комиссаров. Считалось, что такие заседания проводились того, чтобы обсудить наиболее важные проблемы дня, но со временем они превратились в своего рода летучки, на которых Ленин диктовал свои решения. Выглядело все это так: наркомы собирались, разговаривали между собой, обсуждали дела, спорили. В это время Ленин что-то записывал, делал пометки или читал книгу. Он мог даже работать над очередной статьей, вполуха слушая, о чем идет речь. Наконец кто-нибудь говорил: «А что по этому поводу думает Владимир Ильич?» И тогда очень кратко, в нескольких сжатых фразах, Ленин излагал свое личное мнение. И, как правило, то, что он диктовал, становилось руководством к действию.

Сидя в своем кремлевском кабинете, Ленин сосредоточил в своих руках абсолютную власть над страной. Мало кому из диктаторов в мировой истории удавалось захватить такие бразды правления. Из небольшой, убогой комнаты с грязновато-голубыми обоями и пальмой в кадке Ленин правил Россией с размахом, о котором ни один из ее царей и мечтать не мог. Ни Иван Грозный, ни Петр Первый не обладали его могуществом. Отсюда, из этого надежного оплота власти, Ленин насаждал свою волю, и в конце концов стало ясно, что все в России подчинено только ему и за всем присматривает его недремлющее око. Велик был страх, который внушало одно его имя.

Ленин ранен

30 августа 1918 года в 11 часов утра председатель Петроградской ЧК Моисей Урицкий, выйдя из здания, где находилось его ведомство, увидел невдалеке молодого человека интеллигентной наружности. Урицкий уловил недоброе в его взгляде и что-то сказал охранникам, но не успел он занести ногу, чтобы сесть в автомобиль, как прогремел выстрел. Урицкий вскрикнул и упал. Пуля попала ему в левый глаз.

Между охранниками Урицкого и молодым человеком завязалась бестолковая перестрелка — все стреляли одновременно и куда попало; никто не пострадал, за исключением молодого красноармейца, которому пуля поцарапала ногу. Охранники, продолжая стрелять, подняли умирающего Урицкого и положили его в машину. Двое из них повезли его в больницу. В суматохе молодой человек сел на велосипед и скрылся. Урицкий скончался час спустя, не приходя в сознание.

Смерть Урицкого стала скорбным событием для большевиков. Урицкий был способным, не знавшим пощады организатором, близким другом Ленина, пользовавшимся его полным доверием. Кроме того, он являлся второй по значению фигурой в ЧК после Дзержинского. Кстати, он находился в числе тех, кто участвовал в тайном совещании на квартире у Суханова как раз перед захватом власти большевиками. В проком Урицкий входил во фракцию меньшевиков, но ему это простили, считая, что он вполне доказал свою преданность большевикам. Все в один голос прочили ему большое будущее.

Как только Дзержинский узнал об убийстве Урицкого, он немедленно поспешил в Петроград, дабы лично возглавить расследование. В тот же вечер убийца по фамилии Каннегиссер был схвачен. На перекрестном допросе он был невозмутим и отвечал спокойно. Он признался в содеянном и предъявил орудие преступления — автоматический револьвер «кольт». Он поверг следователей в изумление, когда, расхохотавшись, сказал, что выпустил восемнадцать пуль и только одна из них попала в цель. Каннегиссер объяснил, что у него было три мотива, по которым он совершил убийство Урицкого. Он не мог простить большевикам смерти его друга офицера Перлцвейга; не мог простить им Брест-Литовский мир; не мог пережить тот факт, что среди большевиков так много евреев. Сам он тоже был еврей, армейский офицер и поэт, уже достигший некоторой известности.

Ленину сразу же сообщили о гибели Урицкого. Крупская в это время была на митинге, а Ленин обедал в обществе Бухарина и Марии Ильиничны, которые очень просили его никуда в тот день не выходить. Свердлов, повидавший Ленина вскоре после обеда,

строго-настрого запретил ему показываться на публике, боясь, что Ленин может стать следующей жертвой в списке. Свердлов предполагал, что убийство Урицкого явится сигналом к контрреволюционному мятежу. Но Ленин только посмеивался над его страхами. В тот день он должен был выступать в двух местах и менять что-либо в своих планах не собирался. До пяти он работал в своем кабинете, а после обеда, распорядившись, чтобы ему подали машину, зашел попрощаться с Марией Ильиничной. Ей нездоровилось уже несколько дней, и поэтому он был удивлен, увидев, что она одета так, как будто собирается куда-то выйти. Мария Ильинична была перепугана последним событием и твердила, что хочет ехать с ним. «Ни под каким видом, — сказал он, — сиди дома». Высокий, дюжий шофер, которого звали Степан Гиль, отвез его на митинг рабочих, проходивший в здании Хлебной биржи, в Басманном районе, к северу от Кремля. Темой выступления Ленин выбрал борьбу советской власти с «капиталистическими заговорщиками», которые разворачивали новое наступление на Кавказе, Украине, на Волге и в Сибири. С фронтов шли неважные вести. Своими речами Ленин хотел разжечь трудовой энтузиазм в рабочих, чтобы они как следует постарались и в самые сжатые сроки отлили как можно больше снарядов и патронов для фронта.

На Хлебной бирже он говорил около часа. Не желая скрывать реальной картины, он описывал тяжелое положение на фронтах и в стране. Положение действительно было серьезное. Незадолго до этого белогвардейцы с белочехами отбили у Советов значительные территории.

«— И что же мы видим… на развалинах Советов? — задавал Ленин вопрос рабочим. — Полное торжество капиталистов и помещиков, стон и проклятия в среде рабочих и крестьян. Земля отдана дворянам, фабрики и заводы их прежним владельцам. Восьмичасовой рабочий день уничтожен, рабочие и крестьянские организации упразднены, а на их место восстановлены царские земства и старая полицейская власть.

Пусть каждый рабочий и крестьянин, кто еще колеблется в вопросе о власти, посмотрит на Волгу, на Сибирь, на Украину, и тогда ответ сам собой придет — ясный и определенный».

Как всегда, он закончил свою речь под гром аплодисментов и примерно в четверть седьмого отбыл на следующий митинг, на завод Михельсона, что находился в южной части Москвы.

Обычно он сидел на заднем сиденье, а за рулем был Гиль. Разъезжая с выступлениями по разным собраниям и митингам, о которых, между прочим, публику заранее широко оповещали, он никогда не брал с собой охрану, и никто его не сопровождал.

Митинги проходили по пятницам вечером. Когда Ленин приехал на огромный завод Михельсона, у ворот его не встречали; члены рабочего комитета знали, что он не любит церемоний. Ленин прошел в здание завода, поднялся на трибуну и сразу начал выступать.

Говорил он приблизительно то же, что и на Хлебной бирже, клеймил силы реакции и особенно обрушился на Соединенные Штаты Америки.

«— Возьмем Америку, самую свободную и цивилизованную, — говорил он. — Там демократическая республика. И что же? Нагло господствует кучка не миллионеров, а миллиардеров, а весь народ — в рабстве и неволе. Если фабрики, заводы, банки и все богатства страны принадлежат капиталистам, а рядом с демократической республикой мы видим крепостное рабство миллионов трудящихся и беспросветную нищету, то спрашивается: где тут ваше хваленое равенство и братство?»

«Отхлестав» как следует Соединенные Штаты, он перешел к теме тайных договоров между воюющими странами и интриг, которые союзники плели за спиной России с целью втянуть ее в войну с Германией, войну, развязанную капиталистами исключительно ради своей выгоды. Ленин говорил все это с трибуны в механическом цехе завода, где вплоть до самого его появления рабочие трудились не покладая рук над изготовлением ручных гранат.

Гиль в это время сидел в машине в опустевшем заводском дворе. Он терпеливо ждал, когда выйдет Ленин. Прошло минут пятнадцать, и вдруг, неизвестно откуда, появилась женщина. На ней было старенькое, выцветшее платье, и она крепко прижимала к себе сумку. У нее были явно еврейские черты лица, а в общем ничего примечательного в ней не было — таких невзрачных женщин полно было на улицах Москвы. Она подошла к Гилю и спросила, приехал ли Ленин.

— Не знаю, кто приехал, — ответил Гиль.

— Вы же его шофер, — сказала она. — Как это вы не знаете, кто приехал?

Гиль отлично знал, что надо отвечать таким, как она.

— Чего меня-то спрашивать? — сработал он под простачка. — Сейчас развелось столько охотников поговорить, да разве всех упомнишь?

Прижимая к груди сумку, женщина вошла в здание завода. Она легко нашла механический цех и присела у стола недалеко от трибуны. Позже свидетели показывали, что она беспрерывно курила и что у нее были темные круги под глазами.

Ленин призывал рабочих мобилизовать все силы против контрреволюции, направить основной удар против белочехов, которые, лицемерно воспользовавшись лозунгами свободы и равенства, хотят уничтожить Советы, расстреливая сотни тысяч рабочих и крестьян. Он говорил, что революция совершилась не для того, чтобы позволить помещикам снова вернуться на свои земли; эти паразиты, которые так долго сосали народную кровь, должны знать, что ни свобода, ни равенство не вернут им назад утраченные богатства — теперь их богатства находятся прочно в руках рабочих. «Все — рабочим, все — трудящимся! — крикнул он и закончил свою речь на пронзительно высокой ноте: — У нас один выход: победа или смерть!»

Прошел час, как Ленин вошел в здание завода. Гиль догадался, что речь подошла к концу, потому что рабочие запели «Интернационал». Из дверей повалили участники митинга, а Ленина все не было. Он всегда задерживался, отвечая на вопросы и выслушивая просьбы людей. Но вот он появился; он шел в окружении толпы рабочих и что-то горячо им втолковывал. Медленно продвигаясь к машине, он на ходу еще немного задержался, беседуя с двумя женщинами, которых интересовало снабжение населения продуктами. Гиль слышал, как Ленин сказал: «Совершенно верно, люди, отвечавшие за распределение продуктов, часто поступали незаконно, но теперь это будет исправлено». Еще две женщины стояли сбоку, совсем близко к нему. Разговор о продовольствии длился минуты две-три. Закончив его, Ленин повернулся к машине. Кто-то уже успел открыть перед ним дверцу. Гиль внимательно следил, как Ленин садится в машину. И тут раздался выстрел. Гиль сразу же увидел ту самую женщину, которая спрашивала его, не Ленин ли приехал, когда он ждал его в заводском дворе. Она стояла в двух шагах от Ленина с браунингом в руке и продолжала целиться. Прогремели еще два выстрела. Ленин упал на землю. Гиль выхватил свой пистолет, выскочил из машины и побежал за женщиной. Он целился ей в голову, но стрелять не мог — кругом была толпа. Люди в ужасе метались, не зная, что делать. Обязанностью Гиля было находиться при Ленине, и он решил вернуться к машине. Когда он быстрым шагом направился назад, он поразился страшной тишине, которая вдруг наступила. Но в следующий момент раздался душераздирающий крик: «Его убили! Убили!» Казалось, эти слова кричали все, кто был вокруг. А затем, к пущему изумлению Гиля, двор мгновенно опустел. Люди в панике устремились к воротам, а там, оказавшись уже на Серпуховке, разбежались кто куда.

Гиль склонился над Лениным, чтобы посмотреть, дышит он

или нет. Глаза у Ленина были открыты, он был в сознании.

— Его поймали? — спросил Ленин, еле выговаривая слова.

Он не предполагал, что на его жизнь могла покушаться женщина.

— Вам нельзя разговаривать, — сказал Гиль. — Вы еще больше ослабеете.

Вдруг из здания завода появился человек в матросской бескозырке. Одну руку он держал, засунув глубоко в карман, а другой рукой бешено махал над головой. Он выглядел, как ненормальный, лицо его было искажено. Гиль решил, что он собирается пристрелить Ленина, чтобы облегчить его страдания. Он закрыл Ленина своим телом и крикнул тому: «Стой!» — но человек приближался.

— Стой, или я буду стрелять! — закричал Гиль, но человек как будто не слышал.

Гиль навел на него дуло пистолета. Человек обогнул машину слева, пересек двор и исчез за воротами.

Гилю полегчало, и он занялся Лениным. Во двор выскочила какая-то женщина с воплем: «Не стреляйте!» Потом появились еще три человека. Гиль взял их под прицел.

— Кто вы? Стойте, а то буду стрелять! — предупредил он.

— Мы из заводского комитета, — ответил один из них, и Гиль, вспомнив, что уже видел его, решил этим трем довериться.

— Вам надо отвезти его в ближайшую больницу, — сказал кто-то из них.

— Нет, я отвезу его домой, — ответил Гиль и услышал, как Ленин шепчет: «Домой, домой».

Они подняли Ленина и усадили его в машину. Он привалился к углу заднего сиденья. Один из рабочих сел рядом с ним, другой — рядом с Гилем. Машина со всей скоростью помчалась в Кремль. Гиль не снимал ногу с педали газа. Обычно у Троицких ворот он останавливался, чтобы предъявить документы, но на этот раз он только крикнул часовым: «Ленин!» — и на полной скорости въехал в Кремль. Остановился он только у самого подъезда.

Ленину помогли выбраться из машины, но он ни за что не хотел, чтобы его несли в квартиру на руках. Он был смертельно бледен и слаб. Они всё уговаривали его, чтобы он позволил им понести его на руках, но он упрямо повторял: «Я сам». Все же им удавалось поддерживать его, чтобы ему не было так трудно подниматься. Он попросил их: «Мне будет легче, если вы снимете с меня пиджак». Они осторожно стянули с него пиджак, и он остался в рубашке.

Надо было преодолеть несколько лестничных пролетов, и

Гиль впоследствии вспоминал, что Ленин ни разу не застонал, хорошо владел собой и был в полном сознании. Дверь открыла прислуга, и Гиль почти внес Ленина в спальню. По рубашке стекала кровь. Гиль нашел ножницы и разрезал ворот. В этот момент в комнату вошла Мария Ильинична. Она спросила, что случилось, и Ленин с трудом пробормотал в ответ, что его слегка ранили в руку. Мария Ильинична велела Гилю вызвать врачей и подождать внизу, чтобы предупредить о случившемся Крупскую, как только она вернется.

В Ленина стреляли примерно в семь тридцать вечера, а в Кремле он был уже в самом начале девятого. Один за другим начали прибывать врачи и сразу спешили наверх. За Крупской была послана машина, и Гилю пришлось недолго ждать ее приезда. Осторожно подбирая слова, он стал рассказывать ей, что произошло во дворе завода Михельсона: в Ленина стреляла женщина, слегка его ранила… Крупской достаточно было посмотреть ему в глаза, чтобы понять, что дело обстояло гораздо серьезней.

— Вы скажите только, жив Ильич или нет? — спросила она.

— Честное слово, Владимир Ильич жив, только легко ранен, — ответил Гиль.

Крупская тут же поспешила наверх. В комнате Ленина она увидела толпу неизвестных ей людей. Все двери были открыты настежь, и на вешалке висели пальто, судя по виду не принадлежавшие никому из обычных посетителей Ленина. В коридоре стоял Свердлов. Лицо его было серым и выражало тревогу, что подтвердило самые худшие ее опасения. Она подошла к нему и беспомощно прошептала:

— Как же теперь будет?

Не задумываясь над своими словами, он ей ответил:

— У нас с Ильичом все сговорено.

Это окончательно убедило Крупскую в том, что он умер. Она подумала, что под словом «все» Свердлов имел в виду, что уже вызваны работники похоронной службы. Как громом пораженная, но спокойная внешне, она прошла в спальню. Кровать Ленина была отодвинута от стены, чтобы врачам было удобнее его осматривать. В это время вокруг него хлопотали пять-шесть врачей. Ленин был смертельно бледен, но в сознании. Долгим взглядом посмотрев на Крупскую, он произнес слабым голосом, звучавшим как будто издалека: «Ты приехала, устала. Пойди ля г». Но она почти не слышала его слов, потому что глаза его в тот момент говорили совсем другое. В них она прочла: «Это конец».

Крупская отошла от него и встала у двери так, чтобы незаметно для него наблюдать за ним. У постели Ленина застыл

потрясенный Луначарский. Она слышала, как Ленин сказал ему: «Ну, чего уж тут смотреть».

Квартира превратилась в полевой госпиталь. Постоянно входили и выходили какие-то люди. В небольшой смежной комнате оборудовали перевязочную: натащили операционных масок, марли, бинтов, всяких пузырьков и склянок в таком количестве, что спальня стала похожа на операционную в больнице. Все это и незнакомые люди, снующие вокруг, навели на Крупскую страху, да и не только на нее. У прислуги-прислуги-латышкине выдержали нервы, она ушла к себе в комнату и заперлась там. В кухне кто-то разжег керосинку. Оказалось, что врачи привезли недостаточное количество перевязочного материала, и пришлось кипятить запачканные кровью бинты, чтобы снова пустить их в ход. Врачи установили, что Ленин был ранен двумя пулями, а третья благополучно прошла сквозь пальто. Одна пуля прошила шею справа налево, едва не повредив аорту, до которой оставались какие-то миллиметры, а затем, задев легкое, засела над правой ключицей. Другая пуля застряла в левом плече. Первая пуля была опаснее, потому что кровь переполнила полость плевры и изменила положение сердца, из-за чего было затруднено дыхание и пульс едва прощупывался. Видимо, Ленин отпрянул от стрелявшей в него женщины, и это невольное движение спасло ему жизнь.

Врачи опасались делать ему операцию, да ив самом деле они мало чем могли ему помочь. Проходили часы, а они все выжидали, наблюдая за ним; шепотом переговаривались между собой, меняли бинты, щупали пульс, измеряли температуру. Иногда Ленин начинал тихо стонать.

А в это время в другом конце коридора Свердлов и другие видные государственные деятели не смыкая глаз стойко несли свою партийную вахту. Около 11 часов вечера, когда еще не был ясен исход ранения, Свердлов подписал документ, равносильный по значению декрету, в котором как цена расплаты за покушение на жизнь Ленина объявлялся массовый и безграничный террор. Документ гласил:

«ВСЕМ СОВЕТАМ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ, ВСЕМ АРМИЯМ, ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ

Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина… На покушения,

направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции».

Текст декрета многократно передавали по радио; он был отстрочен на бессчетном количестве телеграфных аппаратов по всей стране. Как того и хотел Свердлов, немедленно начались массовые кровавые расправы, и огромное число людей пало жертвами. В одной Петроградской ЧК были срочно расстреляны 512 человек и в течение следующего месяца еще 300. В Нижнем Новгороде за один день казнили 46 узников. По всей России палачи из ЧК хватали эсеров, бывших офицеров царской армии и бывших представителей буржуазии, — всех их тут же расстреливали. Людей брали прямо на улицах и сразу же ставили к стенке. В Кронштадте моряки удерживали в своей внутренней крепостной тюрьме около 500 человек из буржуазии. На следующий день после покушения на жизнь Ленина в крепости не осталось ни одного заключенного — их пристрелили всех до одного.

Волна кровавого террора, прокатившаяся тогда по России, превосходила все предыдущие по своему размаху и жестокости. Террор был подобен разбушевавшейся неуправляемой стихии, тупой и бессмысленной, жертвой которой мог быть всякий. Никто не чувствовал себя в безопасности, и менее всего большевики. Ослепленные яростью, они крушили налево и направо. Повсюду им чудились враги. И вот разразился террор, как ураган, сметавший все на своем пути. Надо сказать, еще в начале августа появились его предвестники. Именно тогда в газете «Правда», от 4 августа, появилась публикация, озаглавленная «Катехизис классово-сознательного пролетария». По всей видимости, образцом для этого свода новых «заповедей» послужил нечаевский «Катехизис революционера». Ниже приводятся два постулата из этого «шедевра», пожалуй, наиболее кровожадных; мороз идет по коже, когда их читаешь. Вот они:

«Рабочие и бедняки, возьмите винтовки в свои руки. Научитесь хорошо стрелять. Будьте готовы к восстаниям кулаков и белогвардейцев. К стенке всех, кто агитирует против Советской власти. Десяток пуль каждому, кто поднимет на нее руку.

Буржуазия — неусыпный наш враг. Власть капитала исчезнет только тогда, когда умрет последний капиталист, последний помещик, поп, офицер царской армии».

Так, воспользовавшись покушением на жизнь Ленина, ЧК развязала кровавый террор и теперь собирала обильный урожай. На фронтах чекисты и политкомиссары, соревнуясь между собой, хватали заложников и расстреливали их без суда и следствия, спеша отрапортовать о своих «успехах» Свердлову, исполнявшему обязанности председателя ВЦИК. Из Царицына Свердлову телеграфировал Сталин. В его телеграмме говорилось, что Военный совет Северного Кавказа, узнав о подлой попытке капиталистических наемников убить товарища Ленина, величайшего революционера, испытанного вождя и учителя пролетариата, клянется ответить на эту «трусливую провокацию» открытым, систематическим, массовым террором против буржуазии и ее агентов. Тогда со всех фронтов поступали подобные телеграммы. Сталинское послание дышало откровенной злобой. Кроме того, обращают на себя внимание цветистые эпитеты, которыми Сталин уснащал имя Ленина, словно тот почил в бозе и Сталин ему уже отвел определенное место в истории. Вряд ли Ленину пришлось бы по душе, услышь он, что его называют «величайшим революционером». Он, наверно, повторил бы слова Томаса Манна, который однажды сказал, что славословие умаляет достоинство и того, кто возвеличивает, и того, кого возвеличивают.

Пока в России свирепствовал террор и умирали тысячи и тысячи заложников, Ленин упорно боролся за жизнь и мало-помалу поправлялся. Несколько раз в день выпускались бюллетени, оповещавшие о состоянии его здоровья. В бюллетене, выпущенном 31 августа в девять часов утра, сообщалось, что температура больного на данное время была 36,3; пульс — 110–120; самочувствие улучшилось, приток крови к плевре не увеличился. Следующий бюллетень, напечатанный три часа спустя, сообщал: «Температура 37,2; пульс 112». В семь вечера: «Температура 36,9; пульс 102». За почти две недели болезни Ленина вышло тридцать шесть таких бюллетеней, но уже после первых нескольких дней стало ясно, что его крепкий организм успешно справляется с потрясением и с нарушениями в его физическом состоянии, вызванными пулевыми ранениями.

Фанни Каплан, стрелявшая в Ленина, была абсолютно заурядная женщина. Но такие нередко появляются на историческом фоне, — как правило, на излете революции. Она была преданной делу эсеркой и провела одиннадцать лет на каторге за попытку покушения на жизнь царского чиновника. Это было в Киеве. Во время всеобщей амнистии, объявленной вскоре после Февральской революции, она была освобождена, после чего вернулась в Москву и, чтобы как-то прокормиться, стала работать

на фабрике. Маленькая, смуглая, упрямая, въедливая, с внешностью скорее отталкивающей, чем неприметной, она посвятила свою жизнь революционной деятельности. Считая Ленина предателем революции за то, что он разогнал Учредительное собрание, она без колебаний решила его убить. Большевики рассматривали убийство Урицкого и покушение на жизнь Ленина как звенья одной цепи в заговоре эсеров, поставивших себе целью свержение большевистского правительства. В действительности же между этими событиями никакой связи не было.

Фанни Каплан была арестована и доставлена на Лубянку, где находился штаб Московской ЧК. Там ее мельком увидел Брюс Локарт, представитель Британской миссии, арестованный в тот же день. В ее лице не было ни кровинки, глаза напряженно смотрели в одну точку. Этот неподвижный взгляд, возможно, объяснялся ее очень плохим зрением, которое она почти потеряла, сидя в тюрьме. Ленин уцелел только потому, что она плохо видела.

Долго ее на Лубянке держать не стали — слишком важная она была арестантка — и вскоре перевели в Кремль, в подземелье, в камеру, находившуюся как раз под рабочим кабинетом Свердлова. Ее подвергали бесконечным допросам и пытались выяснить, где она добыла пистолет, но она отказалась отвечать на этот вопрос. Она рассказала чекистам, что ее родители живут в Соединенных Штатах, что у нее четыре брата и две сестры и все они рабочие. По ее словам, она давно задумала убить Ленина и на допросах твердила, что сообщников у нее не было. Когда стало ясно, что от нее больше ничего не добьешься, было принято решение расстрелять ее. 3 сентября молодой чекист Павел Мальков вывел Фанни Каплан из подземной камеры и выстрелил ей в затылок. Еще многие годы ходили слухи, будто бы за нее заступилась Крупская и она была перевезена в Сибирь, где отбывала пожизненное заключение. Но эти слухи были необоснованными.

Через неделю после ранения Ленин уже мог, сидя в постели, читать горы телеграмм, присланных ему. 7 сентября врачи объявили, что жизнь его вне опасности. В тот день Ленин нетвердой еще рукой написал записку С. П. Середе, наркому земледелия: «Тов. Середа! Очень жалею, что Вы не зашли, — писал он. — Напрасно послушались «переусердствовавших докторов». Дальше Ленин интересуется, почему нет отчетов о том, как ведется сбор хлеба. И, что очень важно отметить, прибавляет: «Из 19 волостей с комитетами бедноты ни одного ясного, точного отчета!.. Нигде нет данных, чтобы работа

кипела!» Физические страдания не сделали его мягче, и на следующий день он так отвечает на телеграмму из штаба 5-й армии, в которой ему желали скорейшего выздоровления:

> «Благодарю. Выздоровление идет превосходно. Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживающих их кулаков-кровопийцев будет образцово-беспощадное.
>
> *Лучшие приветы. Ленин».*

Эта телеграмма была адресована Троцкому, принимавшему участие в битве за Казань — битве, которую Троцкий всегда считал поворотным пунктом в Гражданской войне. «Это была первая великая победа, — писал он позднее. — В тот серьезный и страшный момент мы понимали, что спасаем молодую республику от полного уничтожения». За Казанью последовали и другие победы. 5-я армия стремительно наступала, подходя к Симбирску, городу, где родился Ленин. 12 сентября Ленин шлет Троцкому еще одну телеграмму: «Приветствую с взятием Симбирска. По-моему, надо напрячь максимальные силы для ускорения очистки Сибири.

Не жалейте денег на премии». Успехи Красной Армии воодушевляли Ленина, и несколько дней спустя он уже, как прежде, занимал главное место на заседании Центрального Комитета и принимал советников по государственным делам.

Как раз в то время навестить Ленина приехал Горький. После Октябрьской революции они ни разу не виделись. Ленин все еще был слаб, с трудом поворачивал голову, у него плохо работали пальцы на левой руке. Он не мог забыть Горькому его статей на первых страницах газеты «Новая Жизнь» и встретил его угрюмо. Когда Горький выразил свое возмущение по поводу покушения на его жизнь, Ленин ответил таким тоном, как будто произошедшее не произвело на него сильного впечатления:

— Драка. Что делать? Каждый действует как умеет.

Горький, отстаивая уже однажды высказанную мысль, попытался мягко внушить ему, что ничего хорошего не будет, если пойти по пути упрощения идей, упрощения жизни. И это снова огорчило Ленина. Задолго до того Горький назвал Ленина «великим упрощенцем». Теперь, в разговоре с Горьким, Ленин отверг это обвинение, хотя, приводя в доказательство довод за доводом, он все больше и больше впадал в упрощенчество. Он с азартом заявил: «Кто не с нами, тот против нас. Люди, независимые от истории, — фантазия. Если допустить, что когда-то такие люди были, то сейчас их — нет, не может быть. Они

никому не нужны. Все, до последнего человека, втянуты в круговорот действительности, запутанной, как она еще никогда не запутывалась. Вы говорите, что я слишком упрощаю жизнь? Что это упрощение грозит гибелью культуре?. Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках — не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка справилась бы с их анархизмом? Вы, который так много шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу. Русской массе надо показать нечто очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и коммунизм — просто».

Эти два титана мысли «бодались» друг с другом, как два неисправимых упрямца; оба не желали уступать своих позиций, с таким трудом завоеванных. Горький не уставал уличать коммунистов в чудовищной бесчеловечности и жестокости, а Ленин постоянно твердил, что быть жестокими и беспощадными их, коммунистов, вынуждают враги. И хотя Горького восхищали в Ленине его неукротимая воля и некоторые человеческие качества, которые неизменно пленяли людей, он не выносил в нем доктринера, донельзя упрощавшего все сложнейшие проблемы, человека, который все видел только в белом или только в черном цвете. Как-то Горький заметил, что слова Ленина напоминают ему «холодный блеск железных стружек», правда, развивая свою мысль дальше, он утверждал, что «из-за этих слов возникала художественно выточенная фигура правды», чувствуется, однако, что «стружки» эти ранили Горького, вызывали болезненное ощущение.

Беседуя с Лениным, Горький как-то высказал мнение, что неплохо было бы привлечь интеллигенцию к управлению государством. Все-таки именно интеллигенция всегда служила интересам истины, справедливости и милосердия. Представители ее, несомненно, пригодились бы на службе у государства. На это Ленин отозвался так:

— Союз рабочих с интеллигенцией, да? Это — не плохо, нет. Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам. Ведь, по-вашему, она искренне служит интересам справедливости? В чем же дело? Пожалуйте к нам: это именно мы взяли на себя колоссальный труд поднять народ на ноги, сказать миру всю правду о жизни, мы указываем народам прямой путь человеческой жизни, путь из рабства, нищеты, унижения.

Ленин засмеялся и, как показалось Горькому, беззлобно произнес:

— За это мне от интеллигенции и попала пуля.

Беда была в том, что Ленин не доверял интеллигенции и относился к ней враждебно. Возможно, по той же причине, по

которой он не доверял крестьянам, он был не из них. Область научных идей, в сущности, ему была чужда. Как Нечаев, он был одержим одной единственной идеей — пролетариат должен унаследовать все. Его мысли были сосредоточены исключительно на этой идее, и занимать голову посторонними теоретическими предметами он не желал и не мог. Так что в научном мышлении он ушел недалеко, но зато достиг величайших побед в практическом применении своей власти. Поэтому, когда он говорил: «Это именно мы взяли на себя колоссальный труд поднять народ на ноги, сказать миру всю правду о жизни…», он вовсе не вторгался в мир высоких идей и не формулировал какое-то новое научное мировоззрение; он просто заявлял, что имеет право повелевать людьми.

Горький, проявляя изумительное бесстрашие, высказывал Ленину все, что у него было на душе. Он говорил, что уничтожение интеллигенции пагубно для России и что ничего этим коммунисты не добьются. Интеллигенция всегда нужна, причем любому правительству, кто бы Россией ни управлял. Сила его доводов в той беседе подействовала на Ленина. Горький пишет:

«…А когда температура беседы приблизилась к нормальной, он проговорил с досадой и печалью:

— Разве я спорю против того, что интеллигенция необходима нам? Но вы же видите, как враждебно она настроена, как плохо понимает требования момента? И не видит, что без нас она бессильна, не дойдет к массам. Это — ее вина будет, если мы разобьем слишком много горшков».

Разговор Горького с раненым Лениным принес свои плоды. Кое-кто из интеллигенции и ученых избежал печальной участи и не был расстрелян — их пощадили. На какое-то время Горький взял на себя роль посредника между человеческим разумом и кровожадным зверством коммунистов. И эту роль он играл честно, со всей страстностью своей натуры, но в августе 1921 года Ленин поставил на этом точку — ему надоели заступничество и бесконечные ходатайства Горького, и он велел писателю уехать из страны под тем предлогом, что тому было необходимо лечение за границей. До конца дней Горького мучила мысль, что, если бы Ленин не выслал его из России, сколько еще жизней он мог бы спасти.

Раненый Ленин был словно лев, загнанный в клетку. И как он ни острил по поводу бюллетеней, сообщавших о состоянии его здоровья, — на одном из них, напечатанном в газете «Известия», он сделал такую приписку: «…Покорнейшая моя личная просьба не беспокоить врачей звонками и вопросами», как бы давая

понять, что он здоров. Но раны оставили глубокий след в его душе. Ему всегда были свойственны беспощадность и жестокосердие, теперь же эти черты его усугубились. Троцкий писал, что именно тогда что-то нарушилось в сердце революции. Она начала терять свою «доброту и терпимость». Здесь было бы уместно добавить, что революция стала утрачивать и свой смысл, потому что ее предавали на каждом шагу.

Как Ленин ни настаивал на том, что он здоров и полностью поправился, врачам было виднее. было решено отправить его на отдых в Горки, бывшее имение Рейнбота, в прошлом градоначальника Москвы, находившееся в тридцати с лишним километрах от Москвы. Имение оправдывало свое название. Роскошный дом Рейнбота стоял на одном из высоких холмов среди холмистой местности, а внизу, подальше, были леса, в которых росли ели, березы, липы, дубы. Вокруг дома был парк с ухоженными цветочными клумбами. Аллеями парка можно было выйти в лес, где среди деревьев вились тропинки, уводившие в самую глубь его. Дом, который можно было бы назвать дворцом, поражал обилием предметов роскоши. Ленин с Крупской, привыкшие за всю свою жизнь к условиям быта, типичного мелкобуржуазного сословия, поначалу были подавлены пышностью интерьера, который украшали колонны, люстры, большие зеркала в резных белых рамах с позолотой. Со временем Ленин привык к роскоши этого дома. Особенно ему нравились огромные зеркальные окна, из которых открывался вид на необозримые пространства вокруг, на леса и поля. И все-таки ему всегда здесь было чуть-чуть не по себе.

Нижний этаж дома был отдан охране. Ленин с Крупской занимали часть второго этажа. В конце сентября, когда Ленин приехал в Горки, охрана уже была там. При виде Ленина и Крупской солдаты встали по стойке «смирно», отсалютовали им и преподнесли громадный букет. Кто-то произнес приветственную речь. Ленин скомкал свой ответ, сказав лишь несколько слов. Он терпеть не мог церемоний и был рад, когда оказался у себя на втором этаже, куда охрана не допускалась. Он выбрал для себя не такую просторную комнату, как остальные, но с чудесным видом в парк. Портьеры, ковры и живопись на стенах были выдержаны в светлых, радостных тонах. В высокие окна лился свет. Все вокруг говорило о милых добрых традициях, царивших здесь в пору, когда в усадьбе жили ее бывшие владельцы.

Происходило какое-то странное перераспределение ценностей. Суровый, неумолимый диктатор, по повелению которого пролетариат истреблял своего классового врага — всех богатых, жил, как вельможа, во дворце. Происходя сам из дворян,

он теперь впервые в жизни оказался окруженным роскошью, какую раньше могли себе позволить представители его класса.

В начале октября в Москву приехала Анжелика Балабанова, секретарь Международной социалистической комиссии. У поезда ее встретил человек от Ленина и передал ей, что тот хочет видеть ее немедленно. На приличной скорости она была доставлена в автомобиле к Ленину. Когда она появилась, Ленин сидел на балконе. Она молча обняла его, пронзенная мыслью, насколько близок он был от гибели. Он еще не окреп, гулять ему пока не позволяли, но выглядел неплохо. Не то что Крупская, Сразу было видно, как тяжко ей пришлось за эти месяцы, — так сильно она постарела.

Ленин был в прекрасном настроении. Большая война подходила к концу, великие страны непременно должны были потерпеть поражение, и он мечтал о том времени, — а оно, по его предположениям, было не за горами, — когда всю Европу охватит пламя коммунизма. Ленин всегда гордился тем, что был реалистом, и никогда не предавался иллюзиям. Он и теперь в разговоре с Анжеликой Балабановой заблуждался на сей счет. Как математик, строил он «точные» выкладки, доказывая, что все европейские страны, одна за другой, за неимением другого выхода будут вынуждены последовать примеру России. Когда она, не без колебаний, решилась ему возразить, заметив, что, по ее мнению, только в Италии нашлось бы немало сторонников большевизма, он проигнорировал ее слова, передернув плечами. В конце концов, он же читал «Огонь» Барбюса, где его особенно потрясла сцена братания между французскими и немецкими солдатами. Он уверял Балабанову, что так оно и будет — границы перестанут существовать, война закончится, а конец ей положит всеобщее братание между солдатами. Слово «братание» не сходило с его языка. И после того как солдаты побратаются, провозгласят всеобщее братство, преисполнятся братской любовью и доверием друг к другу, — вот тогда-то они повернут штыки против своих хозяев-капиталистов и установят повсюду социализм. Ленин говорил так, словно воочию видел, как это все произойдет, и упивался картиной, рожденной его воображением. Он будто парил в небесах. Как просто и хорошо все получалось! Подождите, пройдет месяц-другой, и красное знамя социализма будет реять повсюду, от Петрограда до Пиренеев!

Анжелика Балабанова пыталась мягко ему возражать, обеспокоенная его завышенной оценкой коммунистического влияния на рабочее движение западных стран. Она сказала ему, что для пользы дела ей было бы лучше вернуться в Швейцарию, но он и слышать об этом не хотел. Относительно нее у него были

свои планы, и очень важные. Он собирался сделать ее секретарем Коммунистического Интернационала, который задумал создать сразу же после того, как над Германией взовьется красный флаг. Правда, он сказал, что эти планы он пока держал в тайне. У Балабановой было чувство, что он все больше и больше теряет ощущение реальности, плохо представляя себе, что делается в мире. Затем разговор перешел на другую тему — немного поговорили о Фанни Каплан и ее расстреле. Как ни странно, он признался, что ему было бы легче, если бы решение о приговоре взял бы на себя кто-то другой, а не он сам. Видно было, что у него после истории с Каплан остался на душе тяжелый осадок. Но гораздо сильнее переживала Крупская, которая даже всплакнула. Причина слез была понятна — ее мучила совесть от сознания того, что революционеры шли на казнь, приговоренные своей же, революционной, властью.

Когда к вечеру был подан «роллс-ройс», чтобы отвезти Балабанову в Москву, Ленин отослал шофера и заставил ее сесть вместе с ними за стол и поужинать. Он поделился с ней своим усиленным рационом, выделенным ему на период выздоровления.

— Видите, этот хлеб мне прислали из Ярославля, — сказал он. — А этот сахар от товарищей с Украины. И мясо тоже. Они хотят, чтобы я, пока поправляюсь, ел мясо.

Его слова звучали так, как будто от него требовали чего-то невозможного.

Немного позже Балабанова затронула тему расправы над группой меньшевиков, приговоренных к смертной казни за контрреволюционную деятельность. Она сочувственно относилась к приговоренным, не скрывая этого.

— Неужели вы не понимаете, — ответил он, — что, если мы не расстреляем несколько меньшевистских вожаков, мы в будущем окажемся перед необходимостью расстрелять десять тысяч рабочих?

Она обратила внимание на то, что он говорил это без тени личной неприязни к тем несчастным людям. В нем не было никакой к ним ненависти, но и равнодушия тоже. Для него уничтожение врагов как бы являлось трагической необходимостью. Но у Балабановой возникло подозрение, что это, скорее, стало для него привычкой, рефлексом, срабатывающим всякий раз, когда на его пути возникало препятствие.

И пока «роллс-ройс» вез ее обратно в Москву, она все думала и думала о том, что где-то произошел сбой, а дальше все пошло совсем не так, как надо.

Слабый, страдающий от боли, большую часть дня прикованный к постели, Ленин и тут не давал себе покоя. Он не умел отдыхать. По общей договоренности Центральный Комитет решил не посылать Ленину в Горки документы политического характера, но даже Центральный Комитет не мог помешать ему работать.

Карл Каутский написал небольшую брошюру «Диктатура пролетариата». В ней он сделал попытку показать, что диктатура, не будучи неизбежной и логически обоснованной формой государства после того, как от власти отстраняется буржуазия, есть по сути отжившая форма правления, противоречащая принципам марксизма. Подобрав соответствующие цитаты из Маркса, он сумел на свой лад доказать, что русская революция была антимарксистской, еретической и происходила в изоляции, на периферии общеевропейского революционного движения. Ленин тоже запасся цитатами из того же классика и обрушился на Каутского с критикой в своей новой работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский», которую он написал в период своего выздоровления. Тон работы жесткий, а местами, где автор особо распаляется, слышатся скандальные нотки. Ленин не пытается скрыть своего отношения к «ренегату», которого считает предателем марксизма, продавшимся врагу.

Видимо, брошюра Каутского очень сильно задела его за живое, и это болезненно сказалось на его сочинении. Формулировки, приводимые Каутским, считает Ленин, неверны, он заблуждается и слишком узко понимает теорию Маркса, а если ему и удается что-то в ней постичь и извлечь, дабы употребить в качестве аргумента, то и это малое тонет в море несусветной путаницы. Каутский, пишет Ленин, словно слепой щенок, который тычется в разные стороны носом, да вдруг и находит что-нибудь съедобненькое; именно так Каутский читает Маркса и иногда нет-нет да и наткнется на понятную для него и при годную для полемики мысль. Например, Каутский пишет, что Маркс отнюдь не предрекал появления диктатора с властью; не ограниченной никакими законами, поскольку диктатура такого рода никак не отличалась бы от тех, что существовали еще в Древней Греции и Риме. Каутский твердо заявляет, что в европейском социалистическом движении не должно быть места для тирании отдельной личности. Ленин парирует этот довод и уклончиво дает понять, что вопрос о тирании отдельной личности как бы излишен, не имеет оснований, а все отсылки к Древней Греции и Риму свидетельствуют лишь о том, что Каутский

достаточно неплохо усвоил курс исторических наук, чтобы блистать своими знаниями античного мира перед гимназистами на поприще школьного учителя. Выступать же от имени европейского социалистического движения он не имеет права. «Диктатура, — продолжает Ленин, — есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами». Это факт, и тут не может быть двух мнений, но Каутский должен уразуметь, что диктатура пролетариата есть нечто новое, в корне отличающееся от всех ранее существовавших диктатур. Она не имеет ничего общего с тиранией отдельной личности. Диктатура пролетариата есть проявление незыблемого общественного-исторического закона, утверждает Ленин.

Стиль ленинской полемики и тут проявился во всей полноте. Выдумывая собственные определения, он пользуется ими, чтобы заткнуть рот своему оппоненту, будучи при этом в полной уверенности, что никто не посмеет ему противоречить. В его споре с Каутским, например, такие слова, как «диктатура» и «демократия», по-видимому, представляют собой взаимозаменяемые понятия. Он может сказать: «Пролетарская демократия, одной из форм которой является Советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии». В ответ на рассуждения Каутского о демократии Ленин ему указывает, что тот, судя по всему, имеет в виду другую демократию, а именно — «смердящий труп» демократии, форму ее, практикуемую на Западе, которая не имеет ничего общего с «настоящей и чистой» демократией, осуществленной Советами. Нам снова и снова напоминают, что «пролетарская демократия в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики».

Ленина как-то особенно раздражает упорство Каутского, когда тот без устали повторяет, что без основных свобод не может быть социализма, а поскольку русская революция отрицает право граждан пользоваться основными свободами, то она не социалистическая. Ленин ему возражает — не может быть, например, свободы печати, если пресса находится в руках буржуазии, мол, только при Советах возможна истинная свобода слова, потому что буржуазия лишена власти. Каутский требует свободы собраний. В ответ Ленин пускает в ход весьма странный аргумент, что, дескать, свобода собраний и так гарантируется Советским государством, потому что «многие тысячи лучших зданий» отобраны у эксплуататоров, и в силу этого право на свободу собраний, без которого демократия немыслима, становится в миллион раз демократичнее. Какое отношение имеет свобода собраний к экспроприации жилья, объяснить он не

удосужился. Вообще получалось, что в его социалистическом раю все в миллион раз лучше, чем в любой другой стране, а следовательно, пытался внушить добрым людям Ленин, какое дело Каутскому до того, как происходит революция в России?

Вот так, не выдвигая сколько-нибудь серьезных опровержений, отделываясь голословными утверждениями, в которых претензии Ленина на лидерство в мировом социалистическом движении становились все более и более явными и неуемными, на каждом шагу искажая Маркса и историю, то и дело припечатывая своего оппонента обидными словечками вроде: «пошлый мещанин», «дурачок», «лакей», «ренегат», «иудушка»… — о, у него богатейший запас уничтожающих слов, ими испещрена вся работа — Ленин расправляется с Каутским, буквально стирая его в порошок. Но вот беда: Каутского, такого-сякого, оказывается, не так-то просто уничтожить. Он снова и снова не дает покоя оппоненту. В работе Ленина восемь глав, и в каждой из них читается откровенное намерение автора добить несносного врага, разделаться с ним раз и навсегда. Интересно, что в этой ленинской книге есть очень выразительные места, где, можно сказать, слышится крик раненого самолюбия.

Небольшая брошюра Каутского, напротив, выдержана в вежливом, корректном тоне, логически выстроена. Это своего рода мягкое внушение, а на большее ее автор и не претендует. Признаваясь в том, что он всего лишь теоретик, не сведущий в вопросах революционной практики, Каутский безошибочно называет пять смертных грехов, допущенных русской революцией. Вот они:

1. Советское государство с самого начала своего существования по природе своей могло функционировать лишь как тирания одного человека или небольшой группы людей.

2. Разгон Учредительного собрания был акцией, имевшей целью укрепить власть тиранов, а заодно и покончить с последними ростками демократии.

3. Ленин использовал вооруженное крестьянство, чтобы оно защитило правительство, состоящее из интеллигенции, но называющее себя «диктатурой пролетариата». По природе своей такое правительство не может быть прочным; оно не представляет населения страны; у него не может быть ясных, четких задач, понятных народу.

4. Государство, проводящее экспроприации, не может считаться социалистическим. «Экспроприируя экспроприаторов», Ленин спровоцировал гражданскую войну, и как раз в то время, когда стране так необходим был мир, чтобы оправиться от

нанесенных ей ран.

5. Ленин поставил все на карту, ожидая революцию в Европе, тогда как нет никаких оснований ожидать, что она произойдет сейчас или в ближайшем будущем.

На первые четыре пункта Ленин ответил рассуждениями о чистоте намерений большевиков и очевидности успеха их политической линии. Диктатура, по Ленину, есть самая истинная форма демократии. Разгон Учредительного собрания для того и был осуществлен, чтобы раздвинуть рамки демократии. Вооруженное крестьянство является основной частью рабочего авангарда, а экспроприации были необходимым и неизбежным оружием в борьбе Советского государства с буржуазией. Что касается пункта пятого, в котором его упрекают в чрезмерных надеждах на европейскую революцию, то он этот упрек отметает. Наоборот, говорит он, его расчет трезв. Он точно рассчитал научно-историческую неизбежность европейской революции. Нет ни малейшего сомнения в том, что революция в Европе про изойдет, и если Каутский, писавший свою работу в августе 1918-го, не услышал нарастающего гула революционных событий в Германии, то он просто туг на ухо. На последней странице своей книги Ленин, торжествуя над своим противником, выдаёт следующий пассаж:

> «Предыдущие строки были написаны 9 ноября 1918 г. В ночь с 9 на 10 получены известия из Германии о начавшейся победоносной революции сначала в Киле и других северных и при морских городах, где власть перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, затем в Берлине, где власть тоже перешла в руки Совета.
>
> Заключение, которое мне осталось написать к брошюре о Каутском и о пролетарской революции, становится излишним».

Для Ленина это был момент наивысшего триумфа. Слова словами, но ведь сбылось же то, о чем он говорил; неоспоримая железная логика событий доказала, как неправ был Каутский. Вот-вот пламя революции охватит всю Европу, а это значит, что все его прорицания, основанные на тщательном изучении марксистской теории, оказались верными. Крупская рассказывает, что Ленин в те дни был на вершине блаженства, он сиял, улыбался, разъезжал с митинга на митинг по всей Москве с речами, в которых приветствовал германскую революцию. «Те дни были самыми счастливыми в его жизни», — писала Крупская.

Он столько времени мечтал об этой революции, по его мнению, неминуемой. Она должна была защитить и вместе с тем

упрочить его собственную, российскую революцию. И, по правде говоря, для германской революции он сделал не так уж мало. В своей замечательной записке Свердлову и Троцкому в октябре он уверял их в том, что Россия образует братский союз с революционной Германией. Он был готов послать в Германию хлеб и военную помощь, чтобы поддержать там революцию. «Все умрем за то, чтобы помочь немецким рабочим…» — объявил Ленин. В Германии сложилась революционная ситуация, а значит, — во-первых, надо собрать в десять раз больше зерна для своей страны, ну и для немецких рабочих; во-вторых, по всей стране надо призвать в армию в десять раз больше новобранцев. «Армия в 3 миллиона должна быть у нас к весне для помощи международной рабочей революции». Все в этой записке Ленина выдаает его крайнее возбуждение. Дрожащей рукой он подчеркивает наиболее важные, с его точки зрения, слова, а заканчивает свое послание требованием, чтобы эта «резолюция» была передана по телеграфу всему миру, «всем», «всем», «всем».

Увы, он жестоко ошибся. Действительно, моряки германского флота взбунтовались, но, разоружив офицеров и водрузив красный флаг над своими кораблями, они не знали, что им делать дальше. Революционный пыл угас, мятеж захлебнулся. То же самое произошло и в Берлине, где полиция тихонько перехватала всех вожаков. Да, был, пожалуй, момент, когда казалось, что недовольство, вспыхнувшее на военных кораблях «Тюринген» и «Гельголанд», разожжет революционное пламя по всей Германии, но пламени не получилось, разве что искра, да и та потухла.

В последующие несколько недель Ленин жадно просматривал все газеты, ища новых признаков долгожданной революции, и когда в январе 1919 года в Берлине спартаковцы во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург восстали, он снова объявил о европейской революции. Спартаковцы продержались десять дней, восстание было подавлено германскими войсками. Вожди немецких рабочих, Карл Либкнехт и Роза Люксембург, были растерзаны в полицейском участке. Ленин скорбел о смерти Либкнехта и не слишком огорчался, что погибла Роза Люксембург. Еще бы, ведь она осмелилась критиковать его за развязанный им кровавый террор, за его диктаторский нрав и нежелание считаться с мнением других, даже если оно не так уж сильно расходилось с его собственным. Это она говорила, что жизнь при Ленине превратилась в «жалкое подобие жизни» и что люди под его гнетом превратились в скотов, не способных самостоятельно мыслить, подчинились власти «кучки партийных начальников, обуянных неукротимой волей и неограниченной

жаждой эксперимента». Как и педантичный Каутский, она считала, что революция в России поражена смертельным недугом, порожденным страшными ошибками вождя.

Еще до того как Роза Люксембург возглавила движение спартаковцев, в одном из своих трогательных и печальных писем из тюрьмы она писала: «Wir sind aHe Todten auf Urlaub» — «Мы все смертники, только нам дана временная отсрочка». На протяжении всей своей профессиональной революционной деятельности она придерживалась твердого убеждения, что революции должны быть чужды зверство и насилие. Да, во время революции бывают жертвы, люди гибнут, и каждый революционер должен быть готов к смерти. Но главное в революционере — его гуманность, его сочувственное отношение к людям. Через собственные страдания он должен научиться понимать страдания других. Ленин и Роза Люксембург были абсолютно полярны во всем: Ленин — не знавший чувства жалости, сухой и высокомерный раб собственных теорий; Роза Люксембург — человек с горячим и щедрым сердцем, так любившая людей, что у нее порой слезы навертывались на глаза, когда она смотрела на прохожих на улице. Ей чудилось в них что-то ангельское, а разве можно истязать ангелов, проверяя на них свои теории? Это не укладывалось в ее голове.

В ту зиму Ленину пришлось вынести немало испытаний. Он страдал от ран, которые нанесла ему Фанни Каплан. К физическим страданиям прибавилась и душевная мука. Радужные надежды, связанные с революцией в Германии, рухнули. В России начинал свирепствовать голод. В его письмах и речах того времени звучит необычная для него неуверенность.

Крупская, выхаживавшая его, слегла сама — сказалось страшное переутомление, она просто измучилась. У Крупской была базедова болезнь. Ей удалили часть щитовидной железы, приостановив ее развитие, но тут ее симптомы проявились с новой силой. Вдобавок врачи установили, что у нее больное сердце. Лицо ее страшно отекало, распухали лодыжки; она превратилась в уродливое подобие самой себя. Было решено послать ее отдохнуть в школу для детей, которая находилась в Сокольниках. Крупская обожала детей. Рассудили так, что в тиши парка, окруженная детишками, вдали от беспокойной жизни, где только и говорят о политике, она окрепнет и поправится. В лесной школе в Сокольниках Крупская провела конец декабря и январь.

Ленин скучал по жене, ему не хватало ее, и он каждый вечер ездил к ней в школу. 19 января, в Крещение по православному календарю, Ленин приехал к ней позднее обычного. В дороге его

и спутников задержало приключение. Москва утопала в снегу, темнело. Как всегда, машину вел Гиль. Позади него сидели Ленин, Мария Ильинична и Чербанов, телохранитель Ленина, у которого на коленях стоял кувшин с молоком — подарок Ленина Крупской. Чербанов держал его очень бережно. Они уже были недалеко от Каланчевской площади, когда человек в военной форме, неизвестно откуда взявшийся, скомандовал им: «Стой!» Гиль нажал на педаль газа, вильнул в сторону, и человек остался позади. Ленин обеспокоенно спросил, в чем дело. Гиль, не придавая значения эпизоду, сказал, что, наверное, это был пьяный. Но, как оказалось позже, это был не пьяный. Когда они въезжали в Сокольники, им снова преградили дорогу — на этот раз шесть или семь вооруженных людей. Как передает эту историю Гиль, инстинкт ему подсказывал, что надо ехать вперед, прямо на них, не останавливаясь. Но Ленин, приняв преградивших им путь людей за военный патруль, велел ему остановиться. Однако уже в следующий момент он понял, что оказался в руках бандитов. Один из них дернул его с силой за рукав и грубо вытащил из машины. Марии Ильиничне и Чербанову тоже было приказано вылезти из машины, но почему-то бандиты не обратили внимания на шофера. Гиль был вооружен, но он не мог сообразить — стрелять или не стрелять. Выстрелив, он мог подвергнуть опасности жизнь Ленина. Два бандита стояли рядом с Лениным, а третий его обыскивал. Он нашел в карманах его пальто небольшой браунинг, который Ленин по привычке всегда носил с собой, и бумажник, где было удостоверение на его имя. Мария Ильинична, не выдержав, закричала:

— Да как вы смеете его обыскивать?! Вы что, не узнаете Ленина? Где ваш ордер на обыск?

— Нам не нужны ордера! — сурово ответил ей один из бандитов. — Мы имеем на это право!

«Мы имеем на это право!» — слова, которые должны были зловещим эхом отозваться в сознании Ленина. Сколько раз он сам произносил их в прошлом, и еще не раз произнесет потом.

Тут бандюги обратили внимание на шофера и приказали ему вылезти из машины. Едва Гиль вылез, бандиты прыгнули в машину и укатили, оставив всю компанию в полном замешательстве. Ленин начал было сердито выговаривать Гилю за то, что тот не применил оружия, но тот спокойно объяснил, что был готов стрелять в любой момент — только тогда Ленина уж точно ранили бы или убили. В результате пострадавшие успокоились тем, что хоть живы остались, а это самое главное, решили они. Тут они все, не сговариваясь, посмотрели на

Чербанова, который стоял, нежно прижимая к себе кувшин с молоком, — и разразились смехом.

Однако на этом их приключения не закончились. Они дошли пешком до районного Совета, но внутрь их не впустили. У Ленина не было удостоверения личности, его украли бандиты вместе с бумажником. В конце концов они дождались, когда явился председатель Сокольнического райсовета, который сразу узнал Ленина и с ходу получил от него нагоняй за то, что позволяет бандитам орудовать в районе. Позвонили в ВЧК Петерсу; тот немедленно осведомился, не усматривают ли они в нападении политических мотивов.

— Никаких политических мотивов, — ответил Ленин, — иначе они меня прикончили бы.

Крупская вспоминает, что когда они, наконец, приехали, она заметила какую-то в них странность. Сначала Ленин ничего не рассказывал ей о встрече с бандитами, не желая расстраивать, но потом все-таки выложил все, как было, и пошел к детям, которые собрались вокруг елки. Дети остались без подарков — Ленин вез их с собой в машине; так они и уехали вместе с машиной.

Бандитам, задержавшим Ленина, была назначена самая жестокая кара. Кроме того, был принят ряд грозных законов против бандитизма. В ту ночь недалеко от Крымского моста машина была обнаружена. Возле нее лежали убитые молодой милиционер и красноармеец. По-видимому, они приказали бандитам остановиться, и те расстреляли их, чтобы не попасть в руки властям.

Для Ленина весь 1919 год был годом сплошных испытаний. Денно и нощно он жил мыслями о том, что страна в блокаде, что война продолжается, повсюду свирепствуют голод, тиф, людьми владеют усталость и апатия. На необозримых пространствах России воевали армии Деникина, Колчака и Юденича, занявшие девять десятых ее территории, и только небольшая, замкнутая в кольцо, часть страны с Москвой в центре, диаметром в тысячу с лишним километров, оставалась незыблемым оплотом большевиков. За пределами этого кольца упорно наступали три армии, которых поддерживали Соединенные Штаты, Великобритания, Франция и Япония.

А большевики продолжали жить мечтами о всеевропейском пожаре революции. Ленин буквально зачитывал до дыр те редкие иностранные газеты, что случайно попадали в Москву из-за рубежа. Вот началась забастовка во Франции, а вот — в Италии; для него это были ласточки, предвещавшие надвигающуюся революцию. В марте 1919 года в Венгрии была провозглашена Советская республика. За Венгрией последовала Бавария. Ленин

воспрял духом. Он снова заговорил о победе социалистической революции во всем мире. Зиновьев торжественно объявил, что отныне в Европе существуют три Советские республики, и не успеют высохнуть чернила на бумаге, куда он заносит эти слова, как возникнут еще три. «Старушка Европа с головокружительной скоростью несется навстречу революции», — писал он. Но Европа и не думала нестись навстречу революции. Европейцам было совсем не по нраву перекраивать свою привычную жизнь на ленинский манер, чтобы оправдать его теории.

Те, кому довелось побывать в Москве в начале 1919 года, наблюдали город, в котором жизнь полностью замерла. Люди страдали от холода и голода. Часто отключалось электричество. Горожане были страшно истощены — ведь они терпели нужду, голод, холод уже годами; людей косил тиф и, что еще страшнее, — царивший вокруг террор. От тифа лекарств не было. Покойников свозили на кладбища и сваливали прямо в снег рядами, как бревна. Окоченевшие от мороза тела опасности распространения тифа не представляли, а земля так застыла, что рыть могилы не было никаких сил. Это был город подлинных страстотерпцев, по которому гуляли смерть и террор. Такого размаха террор еще не достигал никогда, теперь он стал государственной политикой. В ответ на убийства «своих» на территории врага большевики хватали заложников и расстреливали их; часто расстреливали и без всякого повода. Даже в среде большевиков многие начали побаиваться, что скоро и до них доберутся.

В феврале 1919 года в Москву приехал Артур Рансом, английский писатель и фольклорист. Он побывал у Ленина и потом рассказывал, что во время их встречи Ленин держался бодро, был в отличном настроении, все его смешило; он от души хохотал, раскачиваясь в кресле, и засыпал своих гостей вопросами. Его уверенность в скорой победе революции в Европе была непоколебима. Он с воодушевлением говорил о забастовках во Франции, об уже очевидной и неотвратимой революции в Англии. Это были, по его словам, симптомы грядущей общеевропейской революции. Рансом взялся терпеливо ему объяснять, что по своему характеру Англия не расположена к революциям, но если такое и случится, то бунтари тотчас же будут наказаны — деревни перестанут поставить им продовольствие, и начнется голод. В Англии никогда ничего подобного не происходило, и вряд ли произойдет, потому что Англия — страна, где уважают во всем умеренность, и кровавое восстание не по нутру англичанам. Довод, касавшийся любви англичан к умеренности, Ленин отмел как совершенно

несостоятельный. Он заявил, что абсурдно утверждать, будто в Англии не разгорелась классовая вражда. Пролетариат Англии ведет ожесточенную борьбу со своей буржуазией, и эта борьба должна закончиться победой пролетариата; подождите, пройдет еще несколько дней, и король будет низложен, а над зданием парламента взовьется красный флаг.

Ленин был из тех, кто мог отстаивать одновременно две противоположные идеи, причем он верил в истинность и той, и другой. Заявив Рансому, что революция в Англии неизбежна, он через минуту повел речь о том, что Англия является оплотом реакции и, возможно, будет последней страной, которой придется принять социализм. Он даже предположил, что против Англии пойдут социалисты всех стран, и тогда, наконец, социализм восторжествует во всем мире. Правда, иногда он переставал парить в эмпиреях, где ему так сладко мечталось, и, спустившись на грешную землю, начинал говорить на простом, доступном, человеческом языке такие, например, очевидные вещи: «Россия единственная страна, в которой была возможна революция»; «Нас спасли расстояния. Немцы испугались их, а ведь они могли с легкостью проглотить нас и получить мир, и союзники дали бы им его в благодарность за то, что они нас уничтожили»; «Для революции в Англии нет реальной почвы». Но уже в следующий момент его взоры снова устремлялись в заоблачную даль, где все проблемы так легко снимались волшебными словами: «все», «повсюду», «всемирная». Рассуждая о Советах, он сказал: «Я думал, что они были и останутся чисто российской формой правления, но теперь абсолютно ясно, что как бы они ни назывались, они повсюду должны стать инструментами революции».

«Теперь абсолютно ясно»… «должны стать»… «повсюду»… — вот те очень удобные формулы, которые он в числе прочих заповедей оставил России и которые, возможно, оказались самыми опасными из всего его учения, завещанного потомкам. Потому что обладали способностью разрушать не только реальность, но и само человеческое сознание.

Рансом еще оставался в России, когда Ленин вздумал осуществить свою идею создания Третьего Интернационала, который он в типичном для него категорическом стиле определил как «великое историческое событие мирового значения».

В отличие от Ленина Ран сом, и не только он, без должной патетики отнесся к этому рождаемому в муках творению ленинской воли. «Во всем этом деле было много фальшивого», — писал Рансом. Анжелика Балабанова, которая принимала участие в работе 1-го конгресса Коминтерна, полностью поддержала его

мнение в своем рассказе об этом мероприятии. Оно проходило в Кремле, в бывшем здании судебных установлений, где теперь была квартира Ленина, — собственно, рядом с ней.

Всего присутствовало 52 делегата; все они были специально подобраны. Мало кто из них представлял какие-либо реальные общественные силы. Японских коммунистов, например, представлял американец голландского происхождения по фамилии Рутгерс, проведший до этого некоторое время в Японии. От Англии выступал русский эмигрант Фейнберг, работавший в штате Чичерина. От Венгрии фигурировал бывший военнопленный, который вернулся потом в Триест в качестве агента Коминтерна и тут же спустил все доверенные ему деньги в борделях. От Франции — Жак Садуль, прибывший в Россию еще в 1918 году в качестве члена военной миссии, от Соединенных Штатов — Борис Рейнштейн, когда-то член американской Социалистической рабочей партии. Бывшие военнопленные, военные радикалы, которым в ту пору случилось быть в России, служащие российского Наркомата иностранных дел — все они случайно оказались в списках делегатов 1-го конгресса Коминтерна; их просто туда заманили, и они «клюнули», прельщенные перспективой стать основателями нового Интернационала. Единственно полноправным делегатом здесь был Гуго Эберлейн, представлявший Коммунистическую партию Германии. Его по всем правилам выдвинули товарищи по партии, и при нем были документы, подтверждавшие, что он является гражданином другой страны.

Вся большевистская верхушка присутствовала в полном составе. Тут были: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Чичерин, Бухарин, Карахан и Литвинов. Все они произносили речи, в той или иной степени не имевшие ничего общего с действительностью. Например, Ленин, который выступал на открытии конгресса, заявил: «Советская система победила не только в отсталой России, но и в наиболее развитой стране Европы — в Германии, а также и в самой старой капиталистической стране — в Англии». Это была неправда, и он знал, что это неправда, но его занесло, и он уже не мог остановиться. «…Победа всемирной коммунистической революции обеспечена», — провозгласил он, но в глубине души наверняка понимал, насколько это спорно.

Однако справиться с собранием наемных делегатов, сидевших в маленьком зале, увешанном кроваво-красными знаменами, для него было легким делом — на своем веку он «обломал» не одну компанию, подобную этой. Только один Эберлейн, сидевший рядом с Лениным в президиуме, стал резко

возражать, когда Ленин предложил считать собрание делегатов первым конгрессом Третьего Интернационала. Он заявил, что не может дать на это согласие, не посоветовавшись со своей партией. Представители от России, и особенно Ленин, пришли в смятение от этого справедливого требования соблюсти нормальную демократическую процедуру. КПГ была единственной коммунистической партией за границей, и образы покойных Карла Либкнехта и Розы Люксембург были еще свежи в памяти людей, — кстати, в самом начале заседания Ленин предложил почтить их память минутой молчания. Поэтому решили пойти навстречу Эберлейну и согласились «заседать в качестве международной коммунистической конференцию).

Но за ночь официальное решение было пересмотрено. Ленин потребовал, чтобы на следующем заседании определенно и твердо объявили, что первый конгресс Третьего Интернационала начал свою работу. Он поручил своим ставленникам обработать Эберлейна, сломить его сопротивление и обеспечить перевес голосов в свою пользу. Анжелика Балабанова в мемуарах рассказывает, как это было устроено.

В самом начале одного из заседаний на сцене появился бывший австрийский военнопленный, который до возвращения на родину провел несколько месяцев в России. Он задыхался от волнения и попросил слово, ему его дали. Он сообщил, что только что из Западной Европы, и во всех странах, в которых он побывал с тех пор, как уехал из России, он видел, как рушится капитализм и народные массы готовятся к восстанию. Особенно в Австрии и Германии, где революция на пороге. Повсюду русская революция служит источником восхищения и вдохновления для масс, и они с надеждой смотрят на Москву, которая должна показать им путь.

Собрание было мгновенно наэлектризовано этим сверх-оптимистическим, хотя, возможно, и искренним сообщением. После него выступили четыре делегата и предложили принять резолюцию о немедленном учреждении Третьего Интернационала и выработке его программы. Эберлейн продолжал выражать протест от своей партии, но его не слушали. Резолюция была принята.

Так родился Третий Интернационал, и Ленин был чрезвычайно доволен тем, как горстке старательно подобранных им «делегатов» удалось увязать его правление с двумя действительно историческими Интернационалами предыдущей эпохи. Его режиссура, хоть и не всегда убедительная, свою задачу выполнила. Отныне Ленин владел оружием, которое могло быть использовано против всех коммунистических партий мира. Они

должны были подчиняться решениям Третьего Интернационала, служившего интересам ленинского государства.

Довольны, однако, были не все. Эберлейн до самого конца был против, да и Троцкий, который выглядел шикарно в кожаном пальто и меховой шапке с пятиконечной звездой, был как-то странно тих и безразличен. Анжелика Балабанова, поддавшись общему порыву, с энтузиазмом отнеслась к тому, что Третий Интернационал наконец состоялся, но когда Ленин передал ей записочку, где говорилось: «Пожалуйста, выступите и объявите, что Итальянская социалистическая партия присоединяется к Третьему Интернационалу», — она на оборотной стороне той же записочки ему ответила: «Я не могу этого сделать. Не имею с ними связи. Их лояльность вне подозрений, но они должны говорить сами за себя».

Артур Рансом сипьно сомневался в том, что «делегаты» от Великобритании и Америки имели какой-либо контакт со своими партиями.

Манипуляции, к которым Ленин прибег, создавая свой Третий Интернационал, были абсолютно в его духе. Он всегда считал, и не раз открыто заявлял об этом, что для того, кто действует во имя высших интересов человечества, все средства хороши, и было бы непростительно ими не воспользоваться, если в том была необходимость. Но, по правде говоря, эта сцена с появлением загадочной фигуры австрийского солдата, бывшего военнопленного в России, с его легендой о том, как прямо на его глазах рушился капитализм, отдает Средневековьем. Так, наверно, мог «обламывать» своих бояр Иван Грозный, когда ему надо было им внушить, что царев враг на последнем издыхании.

А враг вовсе и не был на последнем издыхании. Сколько раз Ленин вещал, что капитализм того гляди будет задушен собственными противоречиями, а он все жил. Но, с другой стороны, Ленин предупреждал своих последователей, что им предстоит долгая и отчаянно тяжелая борьба, которую необходимо вести до победного конца. В своей длинной речи, обращенной к участникам 1-го конгресса Коминтерна и состоявшей из двадцати двух тезисов, он уже в который раз попытался дать историческое обоснование своему утверждению, что именно Советское государство являет собой высшую форму правления, какого еще не знало человечество. Но почему-то вместе с тем он как бы защищал саму законность существования своего государства. И тут снова в ход пошла давно забытая теория отмирания государства; здесь она оказалась кстати. «Уничтожение государственной власти есть цель, которую ставили себе все социалисты, Маркс в том числе и во главе, —

заявил он. — Без осуществления этой цели истинный демократизм, т. е. равенство и свобода, неосуществимы». Естественно, за этим последовало заключение, что советская демократия постоянно стремится к этой цели и вдет по пути полного уничтожения государства.

Ленин был в таком упоении от успеха своего плана: Третий Интернационал получил-таки жизнь! — хотя на конгрессе присутствовало менее 60 делегатов, — что сразу после того, как он был официально учрежден, направил в газету «Правда» несколько строк, представлявших собой настоящий панегирик собственной победе:

> «Лед тронулся.
>
> Советы победили во всем мире.
>
> Они победили прежде всего и больше всего в том отношении, что завоевали себе сочувствие пролетарских масс. Это — самое главное. Этого завоевания никакие зверства империалистической буржуазии, никакие преследования и убийства большевиков не в силах отнять у масс. Чем больше будет свирепствовать «демократическая» буржуазия, тем прочнее будут эти завоевания в душе пролетарских масс, в их настроении, в их сознании, в их героической готовности к борьбе.
>
> *Лед тронулся».*

Было бы точнее сказать, что лед не тронулся, а на нем только появились небольшие трещинки. Говорить о победе было еще очень и очень рано. Белые армии собирались сомкнуть свое кольцо и захватить Петроград и Москву. Деникин стягивал войска, чтобы развернуть наступление на Тулу. К лету 1919 года почти весь юг России был в его руках. Один за другим ему сдавались большие, города. 25 июня пал Харьков, за ним Царицын, Полтава, Одесса, Киев. Смешав свои ряды, Красная Армия в беспорядке бежала. Ленин, выступая в марте на VIII съезде партии, сказал, что задача формирования Красной Армии до конца еще не выполнена даже в теории. Ленин не занимался вопросами формирования Красной Армии, и, когда Троцкий сообщил ему, что ею командуют тридцать тысяч бывших офицеров царской армии, он пришел в негодование. Но это был факт, и Ленин, сменив гнев на милость, с радостным удовлетворением заметил, что это только служит доказательством силы новой власти, которая знает, как построить коммунизм из кирпичей, оставшихся ей после капиталистов. Итак, на Троцкого легла основная тяжесть организации. Красной

Армии, и он взялся за это с большим рвением, целеустремленностью и мастерством. А пока он отсутствовал, уехав на фронт, его противники вовсю боролись за местечки у «трона» и, надо сказать, неплохо в этом преуспевали.

Отношения Ленина с Троцким нельзя считать простыми и ясными. Ленин признавал, и не мог не признавать, что победа Октябрьской революции была в большой степени заслугой Троцкого. Вместе с тем он не мог ему простить его заблуждений и того факта, что Троцкий был в оппозиции к нему в годы, когда они оба были в эмиграции. Их многое разделяло — Ленин был подозрительный, догматик; сферой его интересов в значительной степени была теория, его ум терялся в ее нескончаемых закоулках и тупиках. Троцкий был лишен подозрительности, не был он и догматиком и не очень-то доверял теориям. Ленин видел мир черно-белым, Троцкий — ярким, многоцветным. Ленин воспринимал себя как двигателя истории, Троцкий себя — как вожака масс, который всегда впереди, который ведет свою армию в бой. Оба они знали, что зависят друг от друга, но была в их отношениях и доля презрения друг к другу. Оставшись вдвоем, с глазу на глаз, они оба испытывали чувство неловкости. Троцкий рассказывает историю, проливающую некоторый свет на «придворные» нравы и свои взаимоотношения с Лениным. Однажды к нему на фронт приехал Менжинский и предупредил, что Сталин за его, Троцкого, спиной плетет в Кремле интриги. Когда Троцкий в очередной раз по делу был в Москве, он попытался заставить Ленина «разговориться». Вот как это было.

«Я рассказал ему о приезде Менжинского на южный фронт. «Неужели возможно, что это правда?» — спросил я. Я заметил, что Ленин сразу же взволновался, и кровь прилила к его лицу. «Все это чушь, пустяки», — все время повторял он, но как-то не очень убедительно.

— Меня интересует только одна вещь, — сказал я. — Неужели у вас могла появиться хоть на минуту такая чудовищная мысль, что я подбираю людей, чтобы выступить против вас?

— Пустяки, — ответил Ленин, но на этот раз с твердостью, которая сразу же меня убедила.

Тучка, нависшая над нами, казалось, рассеялась, и мы расстались, как всегда, друзьями. Но я понял, что Менжинский говорил мне не зря. Если Ленин отрицал, не рассказывая мне всего, то это только потому, что хотел избежать конфликта, личной ссоры».

Итак, Ленин, судя по словам Троцкого, ничего не отрицал, но в то же время и не собирался давать прямой ответ. Семена катастрофы, которая позже грянет над Троцким, были посеяны

уже тогда, летом 1919-го, когда Сталин, засев в Кремле, плел интриги, а Троцкий спасал от гибели советское правительство на фронте.

Осенью белые армии начали откатываться назад, в беспорядке отступая. Троцкий выковал Красную Армию, сделал ее крепкой. Она превратилась в настоящее, действенное оружие ленинской политики. Бронепоезд Троцкого возникал как из-под земли в самые решающие моменты боя на любом участке фронта. Поезд был оборудован радиосвязью, типографией; он вез агитаторов, еду и одежду для солдат, а также тысячи чистых бланков для приказов, уже с подписью Ленина. Это подкрепляло силу распоряжений, которые отдавал Троцкий. Бланки для приказов были в числе чудо-изобретений ленинского ума, они-то и помогли Троцкому выиграть войну, Лениным почти проигранную.

Это была война неожиданных, обманных маневров с обеих сторон. Побеждал тот, кто был хитрее. Она велась с неслыханной свирепостью. Линия фронта постоянно менялась, и никто не желал уступать ни пяди земли. В октябре Деникин все еще упорно продолжал наступление в глубь России, Юденич подходил к Петрограду. Ленин строил планы эвакуации вместе со всем правительством на Урал. «Надо кончить с Юденичем скоро; тогда мы повернем в с е против Деникина», — летела на фронт телеграмма, очень характерная для Ленина. Он приказывал защищать Петроград «до последней капли крови»; каждый дом должен был стать крепостью, каждая улица полем сражения. Но до битвы на улицах города дело не дошло. Юденич с английскими танками подступил к окраинам Петрограда, где его армия была встречена танками Красной Армии. Это было чистой импровизацией Троцкого: по его приказу обыкновенные автомобили срочно заковали в корабельную обшивку, и получились танки. Армия Юденича откатилась, армия Деникина разваливалась, Колчак нес потери в Сибири. К декабрю уже никто не сомневался в исходе Гражданской войны.

В своей речи; которую Ленин произнес 5 декабря, он задал вопрос: как случилось, что в отсталой, нищей, измученной войной стране, превратившейся в огромное поле сражения, советская власть сумела все-таки удержаться в течение двух лет? И он сам ответил на этот вопрос. Нетрудно догадаться, что, по его мнению, это было исключительно заслугой диктатуры пролетариата.

Отождествляя себя ничтоже сумняшеся с диктатурой пролетариата, Ленин, повторим, фактически являлся диктатором России. Всем руководил он, и никто не смел оспаривать его самодержавную роль в государстве. Наркомы собирались и обсуждали важные дела государственного значения, но чаще всего это были просто разговоры, носившие чисто теоретический характер, они служили чем-то вроде шумового оформления, способствовавшего работе его мысли. Только двое из комиссаров правительства заслужили его настоящее уважение — Троцкий и Дзержинский. Первый — потому что был, безусловно, наделен редкими «революционными» талантами; второй — за то, что это был человек, исключительно преданный служению революции. Рассказывали, будто, сидя в заключении в польской тюрьме, Дзержинский попросил разрешения мыть параши за другими узниками, наложив на себя этакую «епитимью)», дабы искупить страдания, выпавшие на их долю. Высокий, худой, всегда в простой, грубой солдатской шинели, он словно сошел со страниц романа Достоевского. Когда его назначили руководителем ЧК, он проявил себя как человек, совершенно лишенный чувства жалости. Он, не задумываясь, с каким-то даже азартом подписывал смертные приговоры, — с таким же исступленным наслаждением ребенок рвет и терзает книжку, испачканную собственной мазней. Не то чтобы ему сильно нравилось убивать людей, вовсе нет. Скорее наоборот: он так страстно их любил, что был не в состоянии прощать им их грехи. Казни и расстрелы были для него вроде священных жертв; для него самого это тоже был своего рода акт самопожертвования, как мытье чужих параш в польской тюрьме.

Ленин публично оправдывал террор, но предпочитал говорить о нем отвлеченно, как будто он лично не имел никакого отношения к широко известным случаям кровавой расправы над людьми в застенках и подземельях Лубянки, в тюремных узилищах и просто в подвалах по всей стране. Удовольствия он от этого не испытывал. Другое дело Троцкий — тот всякий раз поздравлял себя, узнав об очередной партии казненных. Для него расправы над людьми были актами революционного возмездия. Что касается Дзержинского, то, истребляя людей, он с гордостью сознавал, что искореняет «сорняки», мешающие «цвести саду».

Ленинское отношение к массовым убийствам — момент, очень важный для нас, поскольку оно объясняет основную загадку

— почему он выбрал именно такую форму коммунистического государства и внедрил ее в России. Террор был оружием, которое он применял с виртуозным мастерством и полным пренебрежением к общечеловеческим ценностям. Если перед ним возникало препятствие или сложная проблема, он первым делом пускал в ход террор. Террор был хорош во все времена; при помощи него легко и безболезненно решались любые вопросы, важные и мелкие. Для Ленина он был таким удобным и простым средством потому, что он не хотел морочить себе голову, придумывая какой-нибудь другой выход из положения. А выходы между тем были. Ленин с недоверием относился к буржуазной интеллигенции, и если эти люди отказывались, сбиваясь с ног, кидаться немедленно выполнять его приказы, он, не колеблясь, применял против них террор. А сам потом удивлялся, почему они так его боятся.

Ленин очень умело делал вид, что держится в стороне от террора, и в результате распространилась легенда, будто он был совершенно ни при чем, а все решал один Дзержинский. Это маловероятно, потому что по своему характеру Ленин был не такой человек, чтобы уступить решение того или иного важного вопроса кому-то другому, даже заслужившему его доверие. На деле он часто сам принимал решения о казнях и отдавал приказы к их исполнению. По вполне понятным причинам в печать просочилось не так много фактов, свидетельствующих о его непосредственном участии в принятии решений о массовых расправах с населением. Одна из наиболее убедительных историй на эту тему была рассказана меньшевиком Симоном Либерманом, которому была доверена руководящая работа в Комитете лесного хозяйства. Он был одним из очень немногих, кто был удостоен чести достаточно регулярно видеться с Лениным и даже изредка присутствовать на заседаниях Совета труда и обороны. Раз он был на заседании СТО вскоре после того, как был выпущен декрет советского правительства, обязывавший крестьян, живших около леса, поставлять дрова на ближайшие железнодорожные станции. На совещании по поводу этого декрета шли ожесточенные споры: крестьяне не выполняли его, и государству не удавалось реквизировать у них нужное количество дров. Дзержинский долго слушал и наконец выступил со своим предложением, которое, с его точки зрения, должно было решить проблему. Он предложил возложить ответственность за поставку требуемого количества дров на лесников. Кроме того, и сами лесники обязаны были поставить точно такое же количество дров, какое требовалось с каждого крестьянина, то есть дюжину кубов. Вот такое он предложил простое и «безобидное» решение. Симон Либерман

рассказывает, чем все это закончилось:

«Некоторые из членов Совета стали высказывать свои возражения. Они отметили, что лесники принадлежали к интеллигенции и не привыкли выполнять тяжелые физические работы. На это Дзержинский ответил, что пора покончить с вековым неравенством между крестьянами и лесниками.

— Более того, — сказал в заключение председатель ЧК, — если крестьяне не смогут поставить требуемое количество дров, лесники, отвечающие за них, должны быть поголовно расстреляны. Когда мы расстреляем из них десяток-другой, остальные будут серьезнее относиться к своим обязанностям.

Было известно, что большинство лесников не питали симпатий к коммунистам. И все же чувствовалось, что присутствующие пришли в замешательство. В комнате настала тишина. Вдруг я услышал резкий голос: «Кто против этого предложения?»

Это был Ленин, который в своей неподражаемой манере решил положить конец спорам. Естественно, никто не отважился голосовать против Ленина и Дзержинского. И вдогонку, как запоздавшую мысль, Ленин высказал пожелание не вносить решение, касавшееся лесников, в официальную стенограмму заседания. И это было исполнено».

Вот так без всякого, казалось бы, дурного умысла, в атмосфере полной секретности было принято решение, в результате которого сотни и сотни лесников были обречены на смерть. Похоже, Ленину никогда не приходило в голову, что террор, возможно, вполне эффективное средство на войне, пагубен, будучи применен в хозяйственной жизни страны, — тут от него мало проку, а больше вреда. Приговаривая к расстрелу целый слой специалистов-лесников, он фактически уничтожал накопленный веками человеческий опыт в области лесоводства.

Вообще проблема дров и то, как она решалась, были овеяны духом смертоносного эксперимента, импровизации.

Импровизации, порой самые дикие, были тогда в порядке вещей. Хватались за любую примитивную затею, за любое нелепое «изобретение» и внимательнейшим образом его изучали в надежде, что из него можно будет «выжать» топливо или энергию, необходимую для скудеющей военной машины. Симон Либерман рассказывает об одном красноармейце, пришедшем к нему со своим «изобретением». Он придумал машинку, с помощью которой, по его разумению, можно было бы аккумулировать энергию падающего дерева. Эту машинку с моторчиком привязывали к шее лесоруба. Либерман вынужден был совершенно серьезно выслушать проект молодого

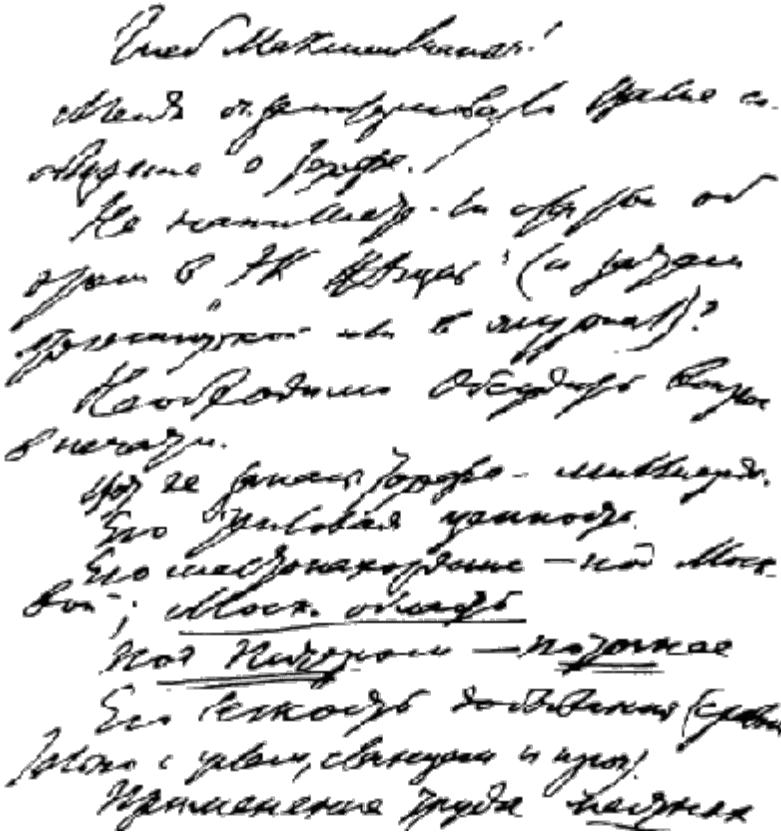
красноармейца, потому что его идея произвела сильнейшее впечатление на Дзержинского. Сам Ленин был потрясен идеей, выдвинутой одним зубным врачом, которая в представлении ее автора должна была покончить с топливной проблемой. Надо было только приказать, чтобы по всей России срубили верхушки сосен, и только-то. Либерман этому начинанию воспротивился, сказав, что дело того не стоит — слишком уж велики будут материальные затраты. Надо будет срубленные верхушки собирать, транспортировать, где-то хранить; кроме того, он объяснил, что даже в Швеции, где сосен было более чем достаточно, никому и в голову не приходило развивать на этой основе целую отрасль национального топливного хозяйства. Ленин вынес Либерману публичное порицание, указав ему на беспомощность его аргументации. Через час, когда Либерман вернулся с совещания домой, у него в квартире раздался телефонный звонок. «Товарищ Либерман, — сказал Ленин. — Я заметил, что резолюция, принятая Советом, вас огорчила. Эх, вы, мягкотелый интеллигент! Правительство всегда право. Продолжайте работать, как и прежде!»

Либерман еще легко отделался. Уличенным в беспомощности доводов, бывало, всаживали пулю в затылок.

Ленин без устали искал новые источники энергии. Он подолгу беседовал с Глебом Кржижановским, старым большевиком. Вместе они обдумывали, увлекаясь самыми безрассудными проектами, какие природные ресурсы в стране могут решить проблему топлива. Как-то в декабре 1919 года Кржижановский в беседе с Лениным предложил идею разработки залежей торфа, который с успехом мог быть использован как топливо для электростанций. Через какое-то время, когда он уже был дома, ему принесли вдогонку записку следующего содержания:

Т-щу Крыбанвскому.

Нельзя ли развить
(Это сейчас в тех. отдела Нк
Стр. об, но тогда)
практический план кам-
пании по дефекту:
Ева:
1) в каждом уезде создать
срочно не менее 1 инстр. стан-
ции;
2) обязать Ор. Центр создать
центрами обучения, (секций, демон.-
страций и пр. и путевсеры через
эти курсы все население (начав с недо-
дебр, или по выборам и т. д.)
3) развернуть Горчас среди
населения Ур, что любой сейчас начать
топливо (нужно надо 24 млн. пуд. - разве-
сдать Горчас 25 млн. пуд. пусть соби-
рают добровольн. колхозы, ручки и пр.);

Письма Ленина Кржижановскому.

«Глеб Максимилианович!

Меня очень заинтересовало Ваше сообщение о торфе.

Не напишете ли статьи об этом в «Экономическую Жизнь» (и затем брошюркой или в журнал)?

Необходимо обсудить вопрос в печати.

Вот-де запасы торфа — миллиарды.

Его тепловая ценность.

Его месторождение — под Москвой; Московская область. Под Питером — поточнее.

Его легкость добывания (сравнительно с углем, сланцем и проч.).

Применение труда местных рабочих и крестьян (хотя бы по 4 часа в сутки для начала)».

Заметьте: не успел Ленин как следует вникнуть в дело, как уже вычислил объем работ, прикинул, какие человеческие ресурсы можно было бы привлечь для воплощения данной идеи.

Сохранилось несколько писем Ленина Кржижановскому все по тому же поводу. Они испещрены пометками; какие-то слова он подчеркивает как особо важные по смыслу; много восклицательных знаков; часто бывает непонятно, почему то или иное слово выделено заглавными буквами. Все это свидетельствует о том, как волновала его топливная проблема. У Кржижановского есть воспоминание о долгой беседе с Лениным, во время которой они говорили об электроэнергии и как прекрасно оснащены ею, например, Соединенные Штаты, где электричество стало «поистине демократическим», доступным самым низшим слоям населения. Они вместе мечтали о том, что вот пройдут первые, самые тяжелые десять лет существования советской власти, и тогда они смогут «популяризировать» электричество в России, и причем в масштабах, какие Америке и не снились. А через несколько дней после этого разговора Ленин в порыве бурного вдохновения вернулся к этой теме и в своем письме к Кржижановскому начертал свою известную провидческую программу электрофикации России. В ней налицо его страстное увлечение гигантскими цифрами и конкретика перспектив; местным Советам и деревенским библиотекам, например, выделяется по две лампочки! И еще, обратите внимание, — он уже знает, откуда взять медную проволоку для проводов: очень просто — надо перелить церковные колокола. Он писал:

> «Г. М.! Мне пришла в голову такая мысль.
>
> Электричество надо пропагандировать. Как? Не только словом, но и примером.
>
> Что это значит? Самое важное — популяризировать его. Для этого надо теперь же выработать план освещения электричеством каждого дома в РСФСР.
>
> Это надолго, ибо ни 20 000 000 (— 40 000 000?) лампочек, ни проводов и проч. у нас долго не хватит.
>
> Но план все же нужен тотчас, хотя бы и на ряд лет.
>
> Это во-1-х.
>
> А во-2-х, надо сокращенный план выработать тотчас и затем, это в 3-х, — и это самое главное — надо уметь вызвать и соревнование и самодеятельность масс для того, чтобы они тотчас принялись за дело.
>
> Нельзя ли для этого тотчас разработать такой план (примерно):

1) все волости (10–15 тыс.) снабжаются электрическим освещением в о дин год;

2) все поселки (1/2–1 миллион, вероятно, не более 3/4 миллиона) в два года;

3) в первую очередь — изба-читальня и совдеп (2 лампочки);

4) столбы тотчас готовьте так-то;

5) изоляторы тотчас готовьте сами (керамические заводы, кажись, местные и маленькие?). Готовьте так-то;

6) медь на провода? Собирайте сами по уезду и волостям (тонкий намек на колокола и проч.);

7) обучение электричеству ставьте так-то.

Нельзя ли подобную вещь обдумать, разработать и декретировать!

Ваш Ленин».

Ошибкой было бы думать, что Ленин взял на себя роль покровителя наук. Отнюдь нет. Скорее, он, как ребенок, играл с новой игрушкой. А как ребенок с ней играет? Смотрит на нее, вертит и так и сяк, тянет к носу, любуется, а сам не знает, как она устроена и что с ней делать, и того гляди сломает. Так и Ленин. В данном случае, захваченный своей идеей, он выдвигает еще и лозунг: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Как видим, Ленин был волен давать коммунизму любое определение, какое ему заблагорассудится.

На 8-м Всероссийском съезде Советов, состоявшемся в декабре 1920 года, Ленин в своей речи заявил, что недалек тот день, когда вся Россия покроется густой сетью электростанций. Участники съезда позже вспоминали, что в зале стоял пронизывающий холод и под потолком еле-еле светились лампочки. А сам Ленин любил рассказывать историю, как он посетил крестьян Волоколамского уезда в отдаленном уголке Московской губернии. Деревенская улица была освещена электрическими лампочками. Один из крестьян сказал: «Мы, крестьяне, были темны, и вот теперь у нас появился свет, неестественный свет, который будет освещать нашу крестьянскую темноту». Ленин потом заметил, что его ничуть не удивили слова крестьянина. С тех пор в обойму пропагандистских ленинских фраз вошло выражение — «обучение масс электричеству».

Ленин до конца сохранил странное, неоднозначное отношение к науке. Те из наук, что могли быть поставлены на службу у коммунистов, считались им нужными и полезными. Остальные были не в счет, потому что наука, как и искусство, не вписывалась в догматические рамки понятия классовой

структуры и марксистской диалектики. Когда кто-нибудь ему — в который раз! — напоминал, что ученые-математики умирают от голода, он в притворном ужасе всплескивал руками и выдавал тираду, что, дескать, Советы прекрасно обойдутся без этих буржуазных профессоров с их сушеными мозгами. Он ненавидел университеты. Верно, он отлично помнил, как сам был исключен из Казанского университета, и потому, видимо, будучи у власти, не предпринимал никаких мер, чтобы как-то поддержать ученых в темные годы лишений и голода. Однако к 1920 году в его отношении к науке намечается перемена. Пока еще смутно, сквозь дым пожарищ и разруху Гражданской войны, ему видится будущее, и в этом будущем уже находится некоторое место и для науки: она должна служить коммунистическому обществу.

Его неожиданно проснувшийся жадный интерес к науке был продиктован не праздным любопытством или прагматизмом. Да, он любил свести сложную проблему к нехитрой бухгалтерской арифметике; не понимал основных научных законов и принципов; он вводил по отношению к научным работникам суровые дисциплинарные меры — так, например, требовал, чтобы члены только что созданного научного совета работали по четырнадцать часов в сутки, и ни минутой меньше. Пусть при виде математической формулы он грустно качал головой как человек, оказавшийся бессильным решить загадку мироздания, но что касается электричества… Он сразу же интуитивно почуял и ухватился за возможности, которые таились в нем. Всю свою жизнь он посвятил изучению энергетических законов власти. Теперь его познания в этой области расширились. Он понял, что электрическая энергия — это тоже власть.

Однако основным предметом его исследований всегда была советская власть, это странное образование, возникшее во время революции 1905 года. Ленин постоянно изучал и развивал идею советской власти, пытался вместить ее в новые теоретические рамки, предрекая ей все новые и совершенно не вообразимые перспективы. В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», написанной весной 1920 года, он заявлял следующее: «Идея Советской власти теперь возникает во всем мире, распространяясь с невероятной быстротой среди пролетариата всех стран». Но вот что интересно: он никогда не мог дать точное определение советской власти. Что это? Советы рабочих? Или диктатура пролетариата? Или слова, за которыми скрывался факт его личной диктатуры? В своих статьях и речах он пытается решить эту проблему, подходит к ней и так и этак, бьется, без конца выдумывая все новые определения, по сути — слова-заменители. «Совет», «диктатура», «пролетариат»,

«коммунизм» — все в одном контексте, и он жонглирует ими, как хочет. А однажды на съезде Советов в 1921 году в своей речи он признал, что, с точки зрения теории Маркса, пролетариат в России еще не сформировался как класс. Шляпников, тот самый, что организовал встречу Ленина на Финляндском вокзале, сильно рискуя впасть в немилость, на это заметил: «Тогда разрешите вас поздравить с тем, что вы являетесь авангардом несуществующего класса». Разумеется, его реплика предназначал ась не для ленинских ушей.

Снова и снова в своих работах Ленин возвращается к теме Советов, объясняя, как Советы, возникшие в 1905 году, превратились в 1917 году в государственную власть. В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» он заявляет, что в этом есть определенная закономерность. В 1905 году, пишет он, Советы были органами, которые руководили стачечным движением, по своему размаху и силе беспрецедентному для всего мира. В марте 1917 года была создана буржуазно-демократическая республика, которая была свободнее любой другой страны в мире. А затем последовала Октябрьская революция, в результате которой «рабочие взяли власть впервые во всем мире». Как бы ни были подобные утверждения близки сердцу Ленина, они не дают теоретического обоснования закономерности возникновения коммунистического государства. Зато он становится убедительнее, когда подходит в этой работе к рассуждениям о том, что революция может победить только в стране, расшатанной национальным кризисом, когда «низы», воспользовавшись этим, отнимают власть у «верхов»; при этом дело упрощается тем, что «верхи» уже сами не могут управлять, они бессильны. Здесь его голос звучит уверенно, авторитетно. Но уже в следующий момент, когда он переходит к так называемой «детской болезни «левизны» в коммунизме», то есть неспособности коммунистических партий других стран захватить власть в своих государствах, появляется сомнение. По его словам, некоторые революционеры боятся победы и тратят время на бесконечные жаркие споры, пытаясь определить, какого типа коммунистическое государство они собираются строить, как будто победа русского коммунизма не является для них примером. Они лишены понимания момента и умения идти на компромисс. Ленин объясняет, что именно компромисс составляет суть борьбы за власть. Компромисс есть умение сосуществовать с союзниками до той поры, пока не возникнет необходимость их уничтожить. И тут, вспоминая, как он чудом спасся, когда на него напали бандиты, он для убедительности приводит пример: «Представьте себе, что ваш автомобиль

остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо»: лучше потерять автомобиль, чем жизнь. Искусство революции есть искусство компромисса, утверждал Ленин.

Интересно и такое его заявление. Ленин пишет: «Нападки на «диктатуру вождей» в нашей партии были всегда: первый раз я вспоминаю такие нападки в 1895 году, когда формально еще не было партии, но центральная группа в Питере начала складываться и должна была брать на себя руководство районными группами. На IX съезде нашей партии (IV. 1920) была небольшая оппозиция, тоже говорившая против «диктатуры вождей», «олигархии» и т. п.». Это был один из тех редких случаев, когда Ленин вынужден был признать, что проблема надпартийной верхушки на самом деле существовала.

«Детская болезнь «левизны» в коммунизме» — наименее выразительная из ленинских работ. Она многословна, расплывчата; автор постоянно отвлекается, отходит от основной темы, но зато не забывает то и дело возносить хвалу себе и доказывать правоту своего, ленинского, курса. При этом он никак не объясняет главных проблем, лежащих в самой сути коммунизма и составляющих его загадку, возможно, непостижимую и для него самого. Например, для чего была нужна диктатура пролетариата, и так ли она была необходима? А если по каким-то законам, ниспосланным свыше, она и впрямь была нужна, то как мог пролетариат осуществлять свою диктатуру на практике, не передоверив власть тирану? И почему все-таки долгожданная европейская революция так и не совершилась?

В течение лета и осени того же года Ленину не раз пришлось задумываться над этим вопросом.

Спровоцированная Антантой польская армия в апреле вторглась в Россию, заняла Киев и грозила оккупировать всю Украину. Целый месяц армия Пилсудского удерживала Киев, но в результате контрнаступления Красной Армии вынуждена была отступить. Ленин недоумевал: как могло случиться, что польские рабочие и крестьяне, из которых состояла армия Пилсудского, посмели вторгнуться в страну, являющуюся родиной социализма? Он считал, что он в курсе всех событий, что у него прекрасные источники информации. Говорили же ему, что польские рабочие активно создают Советы! Да и сам он получал из Польши заверения в том, что поляки считают его вождем мировой социалистической революции. Его работы переводили на польский язык. Как всегда, Ленин нашел простую и удобную для

себя формулировку: польских помещиков и капиталистов подкупили немецкими деньгами, и те в отчаянии и паническом страхе перед социализмом накинулись на Россию.

Ленин решил, что настал час проучить капиталистов. Вопреки мнению Троцкого, Ленин приказал Красной Армии идти походом на Варшаву, чтобы освободить польских рабочих и крестьян от угнетателей. Представляется, что он с легким сердцем отдавал этот приказ. Прежде чем выступили войска, вперед была выслана целая армия агитаторов; аэропланы разбрасывали над польской территорией листовки. Казалось, испытанные методы убеждения с помощью пропаганды и террор сработают и тут, в Польше, как они сработали в России. Для Ленина Польша была «мостиком» между Россией и его любимой, несравненной Германией. Ему грезилось, что, когда этот «мостик» будет преодолен, российские и германские Советы, взявшись за руки, явят собой неоспоримое свидетельство реальности советской власти, и остальной Европе, пусть нехотя, но придется это признать. Вот тогда-то она и займется пламенем революции, и сбудется его надежда, та самая, что поддерживала его в часы грозных испытаний. Он свято верил в то, что победа коммунизма в Германии будет означать победу коммунизма во всем мире.

Пока Красная Армия шла на Варшаву, Ленин жил в предвкушении своего триумфа. Уже заранее в Москве было сформировано польское революционное правительство. Ленин послал в Польшу телеграмму за телеграммой, подчеркивая необходимость как можно скорее установить революционную власть. В распоряжение нового польского правительства предоставлялись огромные денежные средства, и между ним и правительством Ленина уже были заключены договоры.

Ленин не сомневался в том, что молодые талантливые военачальники Тухачевский и Егоров завоюют Польшу. Особенно большие надежды он возлагал на Буденного. Молодой, горячий кавалерист со знаменитыми развевающимися усами как будто сошел со страниц «Тараса Бульбы» Гоголя. Троцкий не верил в успех операции, упорно повторяя, что поляки за свою землю будут биться до последнего. Ленин к опасениям Троцкого относился со странным, смешанным чувством: он отметал страхи, которые внушали ему слова Троцкого, но не прислушиваться к его словам не мог. Он подозревал, что Троцкий не очень разбирается в польском менталитете, и тем не менее беспрестанно обращался к нему за советами — какая-то неуверенность все же у него была, и он ждал, что тот внесет ясность в сложившуюся ситуацию. Но ясности быть не могло. Отсутствовал точный план операции. Егоров, которому было

приказано идти на Варшаву, последовав совету Сталина, своего политкомиссара, свернул на юг и пошел на крупный промышленный город Львов в надежде, что львовские рабочие с энтузиазмом присоединятся к его армии и пойдут вместе с Красной Армией на Варшаву. Честолюбивому Сталину хотелось войти с победой во Львов. Поляки, выждав, когда Красная Армия подойдет к Варшаве, дали ей решительный бой. Русские растерялись. Атака со стороны поляков была неожиданностью для них, ведь они думали, что в Варшаве их встретят с распростертыми объятиями. Разгром был полный, армия Тухачевского бежала. Отступление удалось остановить только в Минске, но к тому времени от армии Тухачевского мало что осталось.

Ярость Ленина не знала границ. В то время когда Тухачевский наступал на Варшаву, в Москве проходил 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Водя указкой по огромной карте, висевшей на стене, Ленин сообщал делегатам, как идет продвижение войск. Эти краткие сообщения он устраивал ежедневно, и они всегда сопровождались дружными аплодисментами и хором поздравлений. Судя по воспоминаниям некоторых делегатов, Ленин тогда в своих речах и статьях любил подчеркнуть, что в отличие от наполеоновской стратегии революцию нельзя ввозить в страну на остриях штыков. Но когда пришли известия о поражении Красной Армии, он собрал Военный совет, на котором грозил Егорову и Сталину трибуналом, обвиняя в провале операции всех, кроме себя. Но в глубине души он знал, что это его вина.

В своих публичных выступлениях он заявлял, что никогда не желал войны с Польшей, что он сделал все возможное, чтобы вновь не взваливать на плечи измученного войной народа новые тяготы. Он говорил, что Советы вынуждены были прибегнуть к военным действиям под давлением обстоятельств, когда мирные переговоры окончательно провалились. Но с Кларой Цеткин, немецкой коммунисткой, ветераном Социал-демократической партии Германии, он был более откровенен. В то время она находилась в Москве и лежала в больнице. Он сидел у постели Клары Цеткин, усталый, больной человек, и временами надолго умолкал, погружаясь в задумчивость. Он говорил ей: «…В Польше случилось то, что должно было, пожалуй, случиться. Ведь вы знаете все те обстоятельства, которые привели к тому, что наш безумно смелый, победоносный авангард не мог получить никакого подкрепления со стороны пехоты, не мог получить ни снаряжения, ни даже черствого хлеба в достаточном количестве и поэтому должен был реквизировать хлеб и другие предметы

первой необходимости у польских крестьян и мелкой буржуазии; последние же, под влиянием этого, готовы были видеть в красноармейцах врагов, а не братьев-освободителей. Конечно, нет нужды говорить, что они чувствовали, думали и действовали при этом отнюдь не социалистически, не революционно, а националистически, шовинистически, империалистические. Крестьяне и рабочие, одураченные сторонниками Пилсудского и Дашинского, защищали своих классовых врагов, давали умирать с голоду нашим храбрым красноармейцам, завлекали их в засаду и убивали».

Ленину хотелось свести все к классовой борьбе, и он пытался представить дело так, будто польские рабочие и крестьяне были совращены и обмануты своими реакционными вождями. Но он прекрасно знал, какие зверства чинила Красная Армия, продвигаясь по территории Польши. Красноармейцы поджигали целые деревни, насиловали и убивали на каждом шагу.

Вряд ли Ленин мог быть до конца откровенен и с Кларой Цеткин, скорее всего в пределах, возможных для человека его склада. Он рассказал ей, что Радек был с самого начала против вторжения в Польшу, и даже намекнул на то, что между ними были жестокие споры, кончившиеся полным разрывом отношений. Но, продолжал он, некоторое время назад они помирились в процессе долгого разговора, происходившего между ними по телефону поздней ночью, даже ближе к утру. Вряд ли Радек осмелился бы звонить Ленину, да еще «ближе к утру». Видимо, Ленина очень тревожило происшедшее и он сам позвонил Радеку. Тот всегда ходил у Ленина в политических дурачках. Тем неприятнее было сознавать Ленину, что Радек, а не он, оказался прав.

По всей видимости, разговор Ленина с Кларой Цеткин происходил в начале октября, когда Ленин все еще тяжело переживал утрату: смерть Инессы Арманд, скончавшейся от холеры на Кавказе. Ее тело было привезено в Москву.

Ленин хоронил ее, и сам у ее гроба выглядел, как тень. Он так похудел, что его трудно было узнать. Он любил ее больше всех женщин, какие у него были, преданно и бесконечно. Крупская была для него няней, товарищем, соратником, спутницей жизни, которой он во всем доверялся. Она ухаживала за ним, когда он болел, следила, чтобы он вовремя ел, подстригала ему волосы, когда они отрастали. Но только Инесса Арманд, полуфранцуженка-полушотландка, дочь актеров, была той женщиной, которая умела зажечь в нем радость жизни. Ее смерть, последовавшая вскоре после поражения Красной Армии в Польше, стала для него ударом, от которого он так и не

оправился. С тех пор он начал стремительно стареть. Как пишет Клара Цеткин, во время их встречи его лицо, покрытое глубокими морщинами, выражало такое горе и страдание, что ей невольно захотелось сравнить его с образом распятого Христа: «Пока Ленин говорил, лицо его у меня на глазах как-то съежилось. Бесчисленные большие и мелкие морщины глубоко бороздили его. Каждая из них была проведена тяжелой заботой или же разъедающей болью. Выражение затаенного страдания, которое невозможно передать словами, было на его лице. Меня охватило чувство жалости к нему, я была потрясена. В моей памяти возник образ распятого Христа, работы средневекового мастера Матиаса Грюневальда. Кажется, это распятие имеет свое название: «Муж скорбей». Христос на кресте Грюневальда совсем не похож на знаменитый образ распятого Христа, выполненного Гвидо Рэни, — на сладчайшего, всепрощающего мученика, «жениха небесного», утешителя старых дев и несчастных в браке женщин. Христос Грюневальда истинно мученик, истерзанный страданиями человек, человек глубоко скорбящий, переживающий смертную муку, — ведь он взял на себя все грехи мира. Вот таким, «мужем скорбей», и явился мне Ленин, раздавленным горем, сломленным, тяжко переживающим невзгоды и боль, доставшиеся русскому трудовому народу».

Возможно, далеко не всякому придется по вкусу то, что Клара Цеткин сравнивает лицо Ленина с ликом распятого Христа. Ленин и сам не одобрил бы подобное сравнение и даже был бы, возможно, раздражен им, хотя иногда и ронял такую фразу, что он, мол, несет на своих плечах непосильный крест. Убежденный атеист, одержимый мыслью разрушить институт Церкви и упразднить религию как таковую вне зависимости от конфессий, он заявлял, что во все века поклонение Христу было инструментом угнетения народных масс. И все-таки, при всей неуместности этого сравнения К. Цеткин, отдаленное сходство было — в выражении лица: Ленин был измученным, больным человеком, крайне истощенным перегрузками в работе. и ответственностью, которую он сам взвалил на себя. Его хронически терзала бессонница, он страдал от чудовищных головных болей, причиной которых могла быть пуля, засевшая в его теле и, как предполагали врачи, пропитанная ядом кураре, хотя точно этого никто не знал. Крупская вспоминала, что в конце 1919 года он выглядел ужасно, как тяжело больной человек. В тот период он мог подолгу сидеть, застыв в неподвижной позе, глядя перед собой в одну точку пустыми глазами, не в состоянии что-либо делать. На фотографии, сделанной в июле

1920 года, мы видим его глаза, сосредоточенные, в

тревожном ожидании, под глазами — темные круги, рот крепко сжат, как будто он превозмогает боль; на лбу пролегли глубокие продольные морщины; их пересекают поперечные борозды, которые расходятся от переносицы наподобие ветвей дерева — такие исполосованные напряженными морщинами лбы иногда наблюдаются у людей безумных. Это лицо человека, снедаемого тревогами и скорбями, человека, молчаливо взывающего о помощи и знающего, что помощи ждать неоткуда.

В трудные дни 1919 года, осенью и зимой, Инесса часто заходила к нему и иногда приводила с собой свою младшую дочь, Варвару. Они сидели на кухне, и в этой тесной компании Ленин давал волю своему воображению. Он мечтал вслух, описывая, какая прекрасная жизнь будет при коммунизме, когда настанут мир и изобилие. Девочка слушала, и глаза у нее сияли. В те редкие минуты он снова радовался жизни. И вот Инессы больше нет, она умерла, а с ней умерло что-то и внутри у него. Впереди был долгий, изнурительный путь к безрадостному будущему. «Трудна и беспощадна задача коммунистов», — сказал он когда-то, но эта задача оказалась во сто крат труднее и беспощаднее, чем он мог тогда предположить.

Машина приходит в негодность

1921 год принес России долгожданный мир. Белые армии прошли почти до самой Москвы и Петрограда, оставив позади себя разруху и опустошение. Несколько лет непрерывных войн в России принесли только поражения, и ни одной победы. Позже Ленин будет утверждать, что большевики одержали верх над своими врагами, потому что их стратегия была мудрее и, кроме того, потому что весь мир признал правильность политики советской власти. Но по сути дела большевики завоевали власть в стране, облапошив народ. Генералы Белой армии не умели или не хотели путем умеренной революции ввести в государстве преобразования, которые требовало население. Ленинский экстремальный коммунизм заполнил вакуум. Это было не то, чего хотели народные массы, но их никто и не спрашивал.

Ленин был хозяином России. Только он обладал престижем и авторитетом, дававшими ему полное право изобретать любые правила и порядки, по которым должна была жить вся страна. Центральный Комитет мог заседать сколько угодно, наркомы могли как угодно спорить, обсуждая животрепещущие вопросы, выносить решения на голосование, но эти ночные бдения, похоже, они устраивали для того, чтобы составить Ленину компанию,

чтобы он не скучал в одиночестве. Фактически он и только он единолично издавал декреты и сам же проверял их исполнение. Он раздавал их щедрой рукой направо и налево.

Однако установленный Лениным режим был сопряжен с постоянными возмущениями в народных слоях, покоя в стране не было. Весной 1919 года по улицам Петрограда прошла демонстрация рабочих Путиловского завода. Они несли плакаты, на которых было написано:

Долой Ленина с кониной,
Дайте царя со свининой.

Люди были возбуждены и недовольны — уж слишком велики были жертвы, которых от них требовали. Большинство фабрик и заводов было закрыто из-за того, что не было сырья. Крестьяне уничтожали зерно и скот, чтобы они не попали в руки продотрядов. Хозяйство было парализовано. Ленин знал, в каком отчаянном положении находится страна. В своем письме к Кржижановскому в феврале 1921 года он писал:

«Самая большая опасность, это — забюрократизировать дело с планом государственного хозяйства.

Это опасность великая…

Очень боюсь, что, иначе подходя к делу, и Вы не видите ее.

Мы нищие. Голодные, разоренные нищие».

Сподвижники пытались подсказать Ленину, что неплохо было бы чуть ограничить власть Центрального Комитета, например, передав функции руководства заводами и фабриками профсоюзам. Ленин яростно этому воспротивился. Он резко им возразил, сказав, что подобные заявления граничат с изменой революции и являются анархо-синдикалистским уклоном. Во главе группы, потребовавшей большей самостоятельности для рабочих профсоюзов, стояли Шляпников и Коллонтай. Ленин заклеймил их как еретиков. Шляпников в прошлом был рабочим-металлистом, а Коллонтай — журналисткой. Они, конечно, не дотягивали в интеллектуальном отношении до уровня Ленина и были бессильны в споре с ним. Он буквально забивал их аргументами и, как всегда, не церемонясь, жалил ядовитыми словечками. Тем не менее движение, известное как «рабочая оппозиция», существовало, и это свидетельствовало о растущем недовольстве рабочих. Ради чего Россия должна была терпеть

семь лет беспрерывной войны? — задавались они вопросом. Не для того ли, чтобы теперь ими правила горстка засевших в Кремле чиновников, которые даже не желали выслушать справедливые требования народа?

Ленин продолжал рассматривать власть как нечто единое и неделимое. Он и помыслить не мог, — да и вообще это было с его точки зрения абсолютно недопустимо, — что в каких-то случаях этот монолит, партийная власть, может быть потеснена или разделена. Надо было во что бы то ни стало отстаивать авторитет власти; те, кто смел противиться этому, подлежали уничтожению. По иронии судьбы первыми, кто воспротивился авторитету ленинской власти, оказались моряки Кронштадта. Троцкий называл их гордостью и славой революции. Ленин, сам же Ленин, давал им еще более высокую оценку, когда в минуты опасности говорил: «Мы не можем проиграть, потому что с нами матросы».

Но моряки Кронштадта уже не были с ним. Они выступали против деспотичного правления одного человека и желали, чтобы их протест был услышан. Они выдвинули лозунг: «За Советы, но без коммунистов». Ленин понимал, что, если этот лозунг подхватит вся Россия, его партии придет конец.

1 марта 1921 года в Кронштадте на центральной площади состоялся огромный митинг. На митинге собрались 16 тысяч моряков. Он был организован моряками боевых кораблей «Петропавловск» и «Севастополь»; митингующие составили резолюцию, в которой выражали протест против злоупотреблений правящей власти. Уже первые строки резолюции вскрывали всю фальшивую сущность советского руководства. В них говорилось: «Поскольку теперешние Советы не представляют волю рабочих и крестьян, немедленно должны быть проведены тайным голосованием новые выборы, а перед выборами среди рабочих и крестьян должна быть проведена свободная избирательная кампания».

Далее следовали четырнадцать пунктов с требованиями свободы слова, печати и собраний, права крестьян держать скот для своего пользования, уравнивания рационов питания, запрета политического контроля со стороны одной партии и освобождения заключенных, арестованных за участие в рабочих и крестьянских волнениях против большевиков. Кроме того, в резолюции содержались требования упразднить специальные отряды коммунистов в армии и распустить коммунистические ударные бригады, которые контролировали заводы и фабрики. В заключительном пункте кронштадтские моряки требовали, чтобы в стране было разрешено мелкое предпринимательство.

По сути дела резолюция кронштадтских моряков была

призывом к введению более гибкой формы социализма, без тирании и чудовищных зверств ЧК. Моряки требовали вернуть рабочим их права и привилегии. Участники митинга открыто и ясно заявляли, что моряки устали от гнета догматического правления партийного аппарата, творящего свое злое дело в Москве, и желают немедленных перемен.

Выдвигая свою программу, кронштадтские моряки заверяли, что в их резолюции нет ничего бунтарского. Однако было очевидно, что, по существу, они замахивались на советскую власть; это был настоящий акт противления советскому режиму. Вот почему Михаил Калинин, представлявший на митинге советское правительство, возвращался в Москву с тяжелым чувством. Он отдавал себе отчет в том, что правительству теперь придется выбирать между двух огней — либо пойти на уступки морякам, а значит, утратить авторитарную власть, либо силой подавить восстание.

Морские офицеры советовали матросам не колеблясь захватить Петроград, но те отказались. Они слишком горячо верили в победу правого дела. Они полагали, что стоит только огласить на всю Россию их требования, как сразу же все поднимутся против правительства, которое, по их определению, было «оторвано от масс и неспособно владеть ситуацией». Моряки захватили местную типографию, и 3 марта появился первый номер газеты «Известия», органа повстанцев Кронштадта. На первой странице номера было помещено обращение к жителям Кронштадта, призывавшее сохранять спокойствие. Оно гласило: «Товарищи и граждане! Революционный Комитет не желает, чтобы пролилась хотя бы капля крови. Комитет прикладывает все усилия к тому, чтобы поддерживать революционный порядок в городе, в крепости и на фортификационных сооружениях. Не прекращайте работу! Рабочие, оставайтесь у своих станков! Матросы и солдаты, оставайтесь на своих постах. Все советские служащие и учреждения должны продолжать свою службу. Революционный Комитет призывает вас, товарищи и граждане, соблюдать порядок и не прекращать работу, чтобы создать все условия для проведения честных и справедливых выборов в новый Совет».

Моряки Кронштадта были храбрые люди, но неискушенные политики. Ими как будто овладела странная «высокая» болезнь, симптомами которой были надежда и прекраснодушие, и они собирались заразить этой болезнью всю Россию. Откуда им было знать, что Ленин, человек крутого нрава, подпишет им, славным кронштадтским морякам, смертный приговор с той же легкостью, с какой он отправлял на расстрел представителей буржуазии.

Ленин отдал приказ уничтожить Кронштадт, если моряки не сдадутся. «В России может быть только две формы правления — самодержавие или Советы», — писал он. Свободные Советы, с требованием которых выступали моряки, являли собой третий вариант правления, совершенно с его точки зрения недопустимый. Но больше всего его обеспокоило то, что моряки заговорили о возрождении Учредительного собрания.

Троцкому была дана полная свобода действий. Он волен был как угодно расправиться с восставшей крепостью. 5 марта он прибыл в Петроград и сразу же от имени правительства направил мятежным морякам ультиматум. Он заявил, что, если они не сдадутся, он перестреляет их, как «куропаток». Рабочие Петрограда бурлили, но ЧК была настороже, и Зиновьев, занимавший в городе положение, равносильное власти генерал-губернатора, крепко держал рабочих в узде. По его приказу рабочие, объявившие забастовку в поддержку моряков Кронштадта, были расстреляны. Но даже тогда, когда стало ясно, что советское правительство готово бросить против Кронштадта все силы, моряки продолжали бездействовать. А ведь они могли сравнять с землей артиллерийские батареи под Сестрорецком и в Лисьем Носу; они без труда могли захватить Ораниенбаум; они могли пройти по Неве на военных кораблях и взять штурмом Петроград. В конце концов, они могли ледоколами взломать в заливе лед, чтобы не дать войскам возможности атаковать их с моря. И если бы они знали, что произойдет, возможно, повременили бы с восстанием до той поры, пока не растает лед и крепость станет неприступной. Они сами накликали на себя беду. Семь дней подряд кронштадтские «Известия» занимались тем, что проповедовали пассивную революцию. А на восьмой день Троцкий нанес первый удар.

Открыли огонь береговые батареи. Одновременно с этим по льду Финского залива начали наступление отборные бойцы-коммунисты, одетые в белые маскхалаты с капюшонами. Волна за волной шли на приступ Кронштадта в разгар страшной пурги в своих белых облачениях штурмовые отряды, но их атаки захлебывались под огнем защитников крепости. 8 марта газета «Известия», этот поразительный печатный орган, писала с горечью и болью:

«К вашим невзгодам прибавилась еще и страшная пурга, а темная ночь погрузила все во мрак. И тем не менее коммунистические палачи, которых было не счесть, шли на вас по льду, а с тылу коммунистические бригады грозили пулеметным огнем.

Многие из вас пали в ту ночь на ледяных просторах Финского

залива. Когда настал день и буря стихла, от вас осталась лишь жалкая кучка людей, измученных и голодных, которые едва были в состоянии передвигаться; и они брели к нам в своих белых саванах».

День за днем новые и новые войска направлялись на штурм крепости, но моряки сражались с отчаянной храбростью. Коммунисты бросили в бой все свои силы — тут были курсанты-красноармейцы, отряды бойцов из Средней Азии, латышские стрелки, чекисты и войска из всех гарнизонов вокруг Петрограда. Моряки даже не потрудились запастись продовольствием, заранее послав за ним в Ораниенбаум. Они слишком были уверены в победе справедливости и полагались на волю Провидения. Они сражались, как герои, но враг значительно превосходил их силой и был хитрее, а Провидение не смогло защитить тех, кто не побеспокоился о своей судьбе заранее. 16 марта по Кронштадту был нанесен окончательный удар одновременно с трех сторон — с севера, юга и востока. К утру битва была завершена, оставалось только добить недобитых.

Тухачевский, который руководил последней атакой, был поражен отчаянной решимостью защитников крепости драться до последней капли крови, осознавая при этом свою обреченность. «Это был не бой, а ад, — писал он. — Моряки дрались, как дикие звери. Я не могу понять, откуда в них взялась такая бешеная ярость. Каждый дом надо было брать штурмом».

Почти все моряки, уцелевшие в последнем бою, были расстреляны. И лишь немногие, которых едва ли набралось около сотни, спаслись, уйди по льду Финского залива. Кронштадт превратился в пустыню.

Приказ об уничтожении Кронштадта был отдан Лениным. Не терпя полумер, он предложил затопить корабли Балтийского флота — за ненадобностью, поскольку они создавали лишние хлопоты для его государства. Он пояснил, что от моряков все равно было мало толку, что они поглощали огромное количество продуктов и обмундирования, в то время как страна ощущала в этом острую нехватку. Ленин убедил себя в том, что все они были реакционерами, анархистами, меньшевиками и белогвардейцами; что в Кронштадт перекачивали деньги иностранные капиталисты; что мятеж возглавил царский генерал. И все это было неправда. На X съезде партии, происходившем как раз в тот момент, когда Кронштадт был под огнем, он сам неосторожно проговорился: «Они не хотят белогвардейцев, но и не хотят нашей власти». В результате он утешился тем, что в той битве погибли «всего» тридцать пять тысяч человек. В «Петроградской Правде» Ленин написал, что это был лишь «совершенно ничтожный инцидент»,

представлявший гораздо меньшую угрозу для советской власти, чем, например, известное восстание ирландцев против Британской империи.

Наверное, доля истины тут была, но только обстоятельства были совсем другие. Моряки были русские, и сражались они на своей земле за свободные Советы, эту своеобразную форму правления, которая могла быть органичной на российской почве. Они не были этническими врагами большевизму, и за их плечами не стояла многовековая история национальной розни. Кронштадтский мятеж, равно как и Ирландское восстание, не были «абсолютно незначительными инцидентами». И то и другое было бы правильнее считать большими национальными трагедиями.

Ленин винил в произошедшем всех, но только не себя. Он винил иностранных интервентов, хотя там и следа их не было. Многие моряки были выходцами из крестьян, и Ленин усматривал тут связь с крестьянскими волнениями. Он говорил, что за всем стояли эсеры, вошедшие в сговор с белогвардейцами, но подтвердить это голословное обвинение никто не мог, потому что ни эсеры, ни белогвардейцы в районе мятежа замечены не были. Виноваты у него были все, а на самом деле получалось, что никто. Ленин знал, что виноват только он один, и потому отнюдь не случайно он вдруг круто меняет курс развития Советского государства и вводит новую экономическую политику (нэп), даровав задавленному гнетом советской власти народу некоторые свободы.

Новая экономическая политика означала резкий отход от теории коммунизма, изложенной Лениным в его работе «Государство и революция». Отменяя государственную монополию на торговлю зерном, заменяя принудительные реквизиции продовольствия натуральным или денежным налогом, Ленин прекрасно понимал, что это означает: а именно введение видоизмененной формы капитализма. Да, это был капитализм, но капитализм государственный. Вся крупная промышленность и внешняя торговля остались монополией государства. Мелкие предприятия, в которых было занято не более семидесяти человек, отошли в сектор частного предпринимательства. Крестьянам было разрешено продавать излишки хлеба на свободном рынке. Выходило, что торговля с целью извлечения выгоды, считавшаяся до этого преступлением, теперь официально поощрялась.

Конечно, эти изменения затронули лишь незначительный сектор экономики страны, но психологический эффект был поразительный. С приходом большевизма экономическая машина

встала, замерла, и никакими усилиями государство не могло оживить ее, заставить работать. Чего не удалось государству, удалось частной инициативе, которая подействовала на чахлую экономику страны как свежая кровь, перелитая умирающему, — в ней снова запульсировала жизнь. Машина ожила, задышала и с новыми силами двинулась вперед.

Ленин объяснял НЭП как некий тактический маневр, как своего рода отступление, продиктованное суровой необходимостью. Но, как всякая военная операция, введение нэпа требовало железной дисциплины. Он говорил:

«И в этом громадная опасность: отступать после победоносного великого наступления страшно трудно; тут имеются совершенно иные отношения; там дисциплину если и не поддерживаешь, все сами собой прут и летят вперед; тут и дисциплина должна быть сознательней и во сто раз нужнее, потому что, когда вся армия отступает, ей не ясно, она не видит, где остановиться, а видит лишь отступление, — тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали. Тут опасность громадная. Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы, и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: «Стреляй!» И правильно.

Если люди вносят панику, хотя бы и руководствуясь лучшими побуждениями, в такой момент, когда мы ведем неслыханно трудное отступление и когда все дело в том, чтобы сохранить хороший порядок, — в этот момент необходимо карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины…»

Ленин не строил никаких иллюзий и хорошо осознавал всю сложность положения. Уж очень несовместимой была уступка капитализму с победным шествием к социализму. Поэтому когда он призывал «карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины», это были не пустые слова. Он знал, что говорил. Новая экономическая политика хоть и являлась государственным капитализмом, но сильно урезанным. Новые экономические свободы шли рука об руку с ужесточением идеологии. Если в конце ноября 1917 года Ленин говорил, что свободная критика есть обязанность революционера, то теперь критика в любом виде была запрещена, объявлена вне закона. Прежде всего революционер обязан был беспрекословно подчиняться партии.

На X съезде партии подчинение решениям Центрального Комитета было провозглашено официальной доктриной коммунистов. Конечно, и в прошлом слово Ленина было законом для членов партии, так же как и решения Центрального Комитета.

Но тогда еще допускался некоторый свободный обмен мнениями, правда, в определенных пределах и в границах дозволенных тем; можно было немного поспорить, причем не только до того, как было принято решение, но и после. Кронштадтский мятеж стал уроком для Ленина, который понял, что существующая форма социализма не годилась, в ней надо было что-то менять. Но он также понял, что далеко не все в России безропотно подчинились его режиму и его власть над страной не так уж незыблема. Как следствие этого, ЧК еще раз было строго-настрого приказано истреблять под корень врагов советской власти. «Свободное содружество независимых, критически мыслящих и смелых революционеров» рухнуло, приказало долго жить. Остатки фракций меньшевиков и эсеров в течение весны 1921 года либо сгинули в застенках ЧК, либо погибли в массовых расстрелах под пулями карателей-чекистов; кому-то удалось спастись, бежав за границу.

Ленин по-прежнему цепко держал бразды правления в своем государстве. А между тем в России постоянно то тут, то там вспыхивали восстания и бунты. Наиболее серьезный мятеж произошел в Тамбовской губернии, где поднялись крестьяне под предводительством Антонова. Он был жестоко подавлен Тухачевским. Но кровавые расправы, которые чинили большевистские карательные отряды, были лишь одним из худших испытаний, выпавших на долю многострадального народа. В столицу стали поступать сведения о засухе, песчаных бурях и нашествии саранчи на плодородные земли Поволжья. В том году голод охватил еще больше губерний, чем в запомнившемся всем страшном 1891 году, когда Поволжье было охвачено голодом. Крестьяне покидали свои хозяйства в поисках прибежища в городах, где их не могли ни прокормить, ни обеспечить кровом. А крестьяне все шли и шли в города, как та саранча, поедающая все на своем пути. Люди умирали миллионами. Точного подсчета количества умерших от голода никто не вел, да и вряд ли это было тогда возможно. Однако по прикидке Свердлова голод в 1921 году унес двадцать семь миллионов человеческих жизней.

Это было чудовищное бедствие, рядом с которым бледнели ужасы двух пройденных войн — четырехлетней мировой войны и трех лет Гражданской. На помощь России пришли столь ненавистные Ленину капиталистические страны, которые он так мечтал уничтожить. Советское правительство разрешило нансеновскому Красному Кресту и Американскому комитету помощи голодающим, возглавляемому Гербертом Гувером, оказать помощь по спасению гибнущих от голода крестьян,

однако, как того и следовало ожидать, условия помощи были строго оговорены и ограничены, чтобы Америка не «проглотила» Россию. Ленин дал инструкцию принимать помощь только для детей, которые, по его разумению, еще были невосприимчивы к капиталистической заразе. Этот его приказ выполняли приблизительно около года, но в конце концов было решено, что бессмысленно кормить детей, в то же время обрекая на голодную смерть их родителей. Американцы стали потихоньку кормить и взрослых, нарушив таким образом ленинский запрет. К слову сказать, позже чуть ли не половина россиян, работавших в Американском комитете помощи голодающим, была арестована. Все они подозревались в том, что близкий контакт с американцами должен был неминуемо превратить их в «контрреволюционные элементы».

Ленин к голоду относился со странным равнодушием — это его как будто не очень касалось, почти не трогало. Представляется, что он воспринимал это несчастье просто как еще одну трудность в ряду прочих, постоянно возникавших на его пути с тех пор, как он стал диктатором России. Он избегал участия в переговорах и только один-единственный раз обратился с просьбой о помощи. И опять-таки, что очень типично для него, он адресовал свое обращение, напечатанное 6 августа в газете «Правда», международному пролетариату, как бы желая строго ограничить размеры благотворительности, дабы не принимать ее от врагов. Он и тут не упустил случая обрушиться на капиталистов, обвиняя их в разжигании двух войн, империалистической и гражданской, и предрекал новые попытки интервенции и заговоров с их стороны против Советской России. Вот что он писал в этом своем обращении:

> «В России в нескольких губерниях голод, который, по-видимому, лишь немногим меньше, чем бедствие 1891 года.
>
> Это — тяжелое последствие отсталости России и семилетней войны, сначала империалистической, потом гражданской, которую навязали рабочим и крестьянам помещики и капиталисты всех стран.
>
> Требуется помощь. Советская республика рабочих и крестьян ждет этой помощи от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких земледельцев.
>
> Массы тех и других сами угнетены капитализмом и империализмом повсюду, но мы уверены, что, несмотря на их собственное тяжелое положение, вызванное безработицей и ростом дороговизны, они откликнутся на

наш призыв.

Те, кто испытал на себе всю жизнь гнет капитала, поймут положение рабочих и крестьян России, — поймут или почувствуют инстинктом человека трудящегося и эксплуатируемого необходимость помочь Советской республике, которой пришлось первой взять на себя благодарную, но тяжелую задачу свержения капитализма. За это мстят Советской республике капиталисты- всех стран. За это готовят они на нее новые планы похода, интервенции, контрреволюционных заговоров.

С тем большей энергией, мы уверены, с тем большим самопожертвованием придут на помощь к нам рабочие и мелкие, живущие своим трудом, земледельцы всех стран.

Н. Ленин»

Патриарх Русской Православной Церкви, разумеется, предварительно испросив у Ленина разрешение, тоже обратился (в более человечной и мягкой форме) к христианам всего мира с просьбой помочь голодающим женщинам и детям России. Но ни ленинское, ни патриаршее обращения не возымели такого мгновенного эффекта, как телеграмма Горького. лично Герберту Гуверу, в которой он просил всех честных мужчин и женщин в Европе и Америке оказать помощь русскому народу хлебом и медикаментами. На свою телеграмму Горький получил в тот же день положительный ответ. Представитель Гувера встретился в Риге с Литвиновым, чтобы обсудить, на каких условиях будет распределяться продовольствие, присланное в Россию, среди голодающего населения. Литвинов, казалось, был больше озабочен тонкостями в составлении договора, а не тем, что помощь необходима срочно. Американец выразил ему свое неудовольствие, потому что договор получался слишком длинным, запутанным и сложным, он сказал: «В конце концов, мистер Литвинов, вы должны помнить, что единственное, чего мы хотим, — это дать хлеб России». На что Литвинов, крупный специалист в области социалистической диалектики, ему ответил: «Хлеб тоже может быть оружием».

Хлеб действительно мог быть оружием, и Ленин понимал это лучше, чем кто-либо. Именно поэтому он так противился «нашествию» американских походных кухонь, раздававших голодным бесплатный суп. Для него это было равносильно посягательству на его власть.

Были и другие проблемы, которые выводили его из терпения. Государство, созданное им, могло функционировать только с

помощью огромной армии чиновников. С наступлением. мира идеологических работников стали повсюду вытеснять административные работники. Идеалисты революционной эпохи потихоньку исчезали, и теперь в бесчисленных комитетах заседали армии чиновников и партийных функционеров. Новый государственный аппарат был ничуть не лучше того, что существовал при царе — чиновники работали так же спустя рукава, процветали взяточничество и коррупция. Словом, все пороки старого капиталистического режима постепенно становились спутниками новой, социалистической, республики. До предела обюрократившийся государственный аппарат погряз в бумажной волоките. Наблюдая, что творится, Ленин приходил в бешенство. Он рассылал чиновникам письма, призывая их помнить, что они служат народу и потому должны вести себя, как его слуги, а не как хозяева. Он отдал приказ, обязывавший все учреждения вывесить расписание приемных дней и часов работы, причем не только внутри здания, но и снаружи, чтобы людям не надо было терять время, стоя в очереди за пропусками только ради того, чтобы пройти в здание и прочесть эту информацию. Людям отныне разрешалось беспрепятственно входить в любое государственное учреждение и там записываться в книге для посетителей, указывая, по какому делу они пришли. Но чиновники среднего уровня по-прежнему с привычным равнодушием относились к потребностям общества, чиновники высшего ранга вели себя ничуть не лучше. Такой пример: трем важным чиновникам из высшего эшелона власти — Цюрупе, Курскому[56] и Авенесову[57] было поручено наладить производство электроплугов. Последовали месяцы долгих обсуждений, составления документации, выработки и утверждения планов; было написано множество писем, исписаны груды бумаг. Наконец работа увенчалась «успехом» — было выпущено пять экспериментальных электроплугов, тогда как требовалось две тысячи. В длинном письме Богданову[58] Ленин излил всю свою ярость по этому поводу. Он писал, что виновники такой проволочки должны быть привлечены к суду, пусть даже наказанием будет легкая трепка, — ведь все-таки это люди, сыгравшие важную роль в революции, и крайние меры наказания к ним, понятно, неприменимы. Ленин предлагает свой вариант текста выговора и затем прибавляет:

> «Что, ежели такое примерно решение будет вынесено, можете Вы отрицать его пользу? его общественное значение, в 1000 раз большее, чем келейно-партийно-цекистски-идиотское притушение

поганого дела о поганой волоките без гласности?

Вы архиправы принципиально. Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Наркомюст сугубо надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что нас когда-нибудь за это поделом повесят».

Письмо было написано Лениным в конце декабря. Ему предшествовал целый год сплошного отчаяния, полной растерянности и растущего чувства собственной вины за то чудовище, которое он создал. Кронштадтский мятеж, крестьянское восстание, возглавленное Антоновым, новая экономическая политика, массовый голод лета и осени 1921 года — все эти беды обрушивались на него, как дьявольское наваждение. А он-то надеялся осчастливить население земного шара всемирной социалистической революцией. Он так мечтал узреть Европу и Америку догорающими в пламени революционного пожара, а вместо этого Европа и Америка кормили теперь его деревни.

Он все больше и больше отдалялся от народа и терял с ним связь; он не чувствовал его нужд и настроений. Моряки Кронштадта назвали жизнь под его тиранией серой и пустой, но и он страдал от серости и беспросветности жизни, существуя в режиме, во главе которого стоял сам. Он не умел черпать утешение ни в поэзии, ни в искусстве, редко выбирался в театр. Как-то в начале года он пришел в совершенное неистовство, когда узнал, что книга стихов Маяковского была напечатана в количестве пяти тысяч экземпляров. Он устроил разнос тем, кто дал на это разрешение, и отпустил по поводу творчества поэта, которое он считал заумью и пустозвонством, ряд весьма нелестных эпитетов.

Его мучили обмороки, бессонница, тошнота. Он стал меньше работать и больше отдыхать и вообще подумывал о том, что ему необходим длительный отдых. 6 декабря, подчиняясь настоятельным требованиям врачей, он оставляет Кремль и переезжает в Горки. В тот день он пишет Молотову:

> «Уезжаю сегодня.
>
> Несмотря на уменьшение мной порции работы и увеличение порций отдыха за последние дни, бессонница чертовски усилилась. Боюсь, не смогу докладывать ни на партконференции, ни на съезде Советов».

Машина приходила в негодность.

Долгая агония

Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России…

В. И. Ленин. К вопросу о национальностях или об «автономизации»

Самый тяжкий удар

Потеря работоспособности в тот момент, когда, как он сам понимал, в нем больше всего нуждались, явилась для Ленина самым тяжким ударом. Машину государственного управления заклинило, она встала. Ленин знал, что только он один мог вывести ее из бездействия.

Ярость и отчаяние переполняли его. Видя все это, он даже не пытался скрывать, как ему горько. Он, который правил страной, издавая декрет за декретом, он, придумавший сотни новых всевозможных административных учреждений, теперь готов был одним махом вышвырнуть все это на помойку истории. 21 февраля 1922 года он писал Цюрупе: «Все вокруг нас тонет в ужасающем болоте бюрократического «администрирования». Понадобится огромный авторитет и сила, чтобы преодолеть это. Административные органы — какое безумие! Декреты — сумасшествие! Найдите дельных людей, проследите, чтобы работа выполнялась как следует, вот и все, что требуется!» Неделю спустя он писал председателю Государственного банка: «Госбанк теперь = игра в бюрократическую переписку бумажек. Вот Вам правда, если хотите знать не сладенькое чиновно-коммунистическое вранье (коим Вас все кормят, как сановника), а правду». Ленин видел, что коммунисты-бюрократы погрязли во лжи и, спасая бюрократию, выстроили «потемкинские» деревни. Государственный банк, по его мнению, был просто нуль, даже меньше, чем нуль.

Его мучили страшные головные боли, которые порой доводили его до исступления. В конце марта Ленин выступил перед XI съездом коммунистической партии. В то время он уже был очень серьезно болен. Ленин выступал пять раз.

Показательно, что все его речи отличались резким, непримиримым тоном. Сохранился оригинал конспекта его речи, произнесенной 27 марта. Короткие, сжатые до предела фразы, как пули, бьют точно в цель. Ленин не оставляет надежду на то, что Советская страна служит образцом для всех остальных стран мира. Однако то и дело он критикует коммунистов, занимающих руководящие посты, обвиняя их в чудовищной безграмотности. Вот пункты конспекта, которые Ленину предстояло по ходу выступления развить подробнее. Читаем:

«Государственный капитализм. Государство — это «мы».

Конец отступления. Не в смысле «мы уже научились», а в смысле: не нервничая, ничего не изобретая, но усваивая определенные уроки, заняться «перегруппировкой сил и накапливанием новых сил» — таков лозунг дня.

Лозунг — быть готовым к наступлению на частный капитал.

Сравните победителя и побежденного — кто из нас культурней? Из 4700 коммунистов, занимающих ответственные посты в Москве, и московской бюрократии.

У нас достаточно сил, чтобы выиграть в борьбе за новую экономическую политику, политически и экономически. «Единственный» вопрос — культура.

Белогвардейцы (включая меньшевиков и социалистов-революционеров и К°) усматривают в этом нечто, что им на руку! Как они ошибаются! Полезно подвести итоги того, что уже сделано, и что еще предстоит сделать.

Советское государство. Первое в мире. Новый век: хуже, чем первый паровоз!!

Суть дела состоит не в администрировании и не в реорганизациях, и не в декретах, но в людях, и в контроле за тем, как они выполняют свои обязанности.

Решающий вопрос (звено в цепи) — разрыв между необъятностью наших задач и нашей бедностью не только в материальных средствах, но и в культуре.

Мы должны быть во главе масс, иначе мы только капля в океане.

Время пропаганды с помощью декретов прошло. Массы понимают и ценят только эффективную, практическую деятельность, успех в экономической и культурной работе на практике.

Что касается меньшевиков и социалистов-революционеров: их надо расстреливать как предателей».

По мере того как Ленин говорил, каждая из заготовленных им пуль превращалась в пулеметную очередь. Никогда до этого он не выражал свою ненависть к врагу в такой открытой, резкой форме.

Вот что он говорит о меньшевиках. Сейчас они твердят: «Революция зашла далеко. Мы всегда говорили то, что ты сейчас говоришь. Позволь нам еще раз это повторить». А мы на это отвечаем: «Позвольте поставить вас за это к стенке», потому что за открытую пропаганду идей меньшевизма «наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает что такое».

Пришло время покончить с новой экономической политикой, или, по крайней мере, ввести строгие ограничения на свободную торговлю. По этому поводу он говорит: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил».

Ленин с презрением обрушивается на коммунистических бюрократов, считавших, что достаточно только называться коммунистами, чтобы ощущать свое превосходство над капиталистами. «Рядом действует капиталист, действует грабительски, берет прибыли, но он умеет. А вы — вы по-новому пробуете: прибылей у вас нет, принципы коммунистические, идеалы хорошие, — ну, расписаны так, что святые люди, в рай живыми проситесь, — а дело делать умеете?»

Он громил государственных чиновников за безграмотность, тупость, несоответствие занимаемым должностям; за злоупотребление властью, неповоротливость административных органов, за горы бумажной волокиты. Он говорил обо всем этом со знанием дела, еще бы, ведь он сам был создателем этого государства. Но как бы уважительно он ни отзывался о культуре старой, западной цивилизации и как бы ни клеймил Советы за бескультурье, он постоянно подчеркивал, что только избранный им путь развития является единственным, наиболее правильным, а следовательно, неизбежным. И порой в его речах едкая критика чередовалась с прямыми угрозами, направленными не только в адрес меньшевиков и эсеров, но также и любого члена партии, буде он не согласен с его курсом.

Во вступительной части к конспекту ленинской речи есть любопытная фраза: «Советское государство. Первое в мире.

Новый век: хуже, чем первый паровоз!!» Вот как он развивает эту мысль в своем выступлении: «Наша машина плоха, но говорят, что первый паровоз тоже был никуда не годный. Государственная машина может быть какой угодно никудышной, и все же она существует; завершено величайшее из всех приобретений: создано пролетарское государство». Да, он произвел на свет дитя из стали, но был недоволен своим творением. Усталый, больной,

запутавшийся человек бичевал и разносил бюрократию, которой еще предстояло расцвести пышным цветом. И не было противоядия, способного вытравить эту нечисть.

Сразу после съезда было принято решение, ставшее судьбоносным для России на много поколений вперед. Генеральным секретарем Центрального Комитета партии стал Сталин Совершенно непонятно, как такое могло случиться. До этого очень долго Сталин занимал сравнительно скромный пост наркома по делам национальностей, а его дальнейшее выдвижение в Рабоче-крестьянскую инспекцию вряд ли могло считаться ступенью, открывающей для него новые высоты. Ленину он нравился потому, что тот умел работать. Сталин был трудоспособным, честолюбивым. Он являл собой редкое сочетание грузина с немецким организаторским талантом. Но способности Сталина были отнюдь не из ряда вон выходящими. Как, с помощью каких ухищрений ему удалось добиться расположения Ленина, и тот своею собственной рукой возвел его на столь высокий пост? А в том, что Сталин был назначен Лениным, сомнений нет.

По-видимому, решение о назначении Сталина на пост генерального секретаря Центрального Комитета партии было принято 3 апреля, то есть на следующий день после закрытия съезда. А еще день спустя об этом сообщила газета «Правда». Через неделю Ленин предлагает назначить на пост заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Троцкого. Это значило, что Троцкий должен был стать наследником Ленина. Это был поистине королевский дар, но Троцкий его отверг по соображениям, весьма характерным для его острого, рефлексирующего ума. Его отказ был в равной степени продиктован гордостью и сознанием своего несоответствия. Он знал, что не достоин венца. И в то же время понимал, что нет такого человека, кто мог бы быть достоин столь высокой чести. Троцкий высоко оценивал собственные таланты, но всегда помнил, что это всего лишь таланты, и не более. В Ленине он видел гения и прекрасно чувствовал это, находясь в его обществе. Дело еще было в том, что большинство членов Центрального Комитета были евреями, а Троцкий болезненно относился к своему еврейскому происхождению. Он считал ненормальным, что маленькая горстка людей еврейской национальности правит страной, в которой евреи так и не смогли ассимилироваться с основным населением. Он был твердо убежден, что во главе России не должен стоять еврей, как, впрочем, и грузин. Поэтому на сей раз молчали его обычная заносчивость и самомнение. Не исключено, что Троцкий, отрекаясь от престолонаследия, смутно

сознавал, что тем самым выносит себе смертный приговор.

После съезда, очень уставший, Ленин вернулся в Горки. Головные боли усилились. Немецкий врач высказал предположение, что они были результатом отравления свинцом двух засевших в теле Ленина пуль. Обратились за консультацией к доктору Розанову. Он сказал, что ему не приходилось слышать об отравлении свинцом при пулевых ранениях; он категорически был против операции и считал, что пули извлекать не следует. В крайнем случае, можно было бы удалить только одну пулю, засевшую в шее. «Очень хорошо, — сказал Ленин. — Удалите ту, которая осталась в шее».

Сделали рентгеновский снимок, а на следующий день, 23 апреля, прооперировали. Применяли только местную анестезию. Ленин перенес операцию спокойно; боли, по-видимому, он не ощутил. По свидетельству Марии Ильиничны, пуля имела поперечную насечку, как пули типа «дум-дум», и была пропитана ядом кураре. «Мы не потеряли его (Ленина. — О. Н) благодаря чистой случайности, — писала она. — Взрывная пуля не взорвалась, и по какой-то причине яд утратил свое действие». Но доктор Розанов в своем обстоятельном отчете о ходе операции ничего не говорит ни о яде, ни о том, что это была пуля «дум-дум». Операция была легкая, и он предполагал, что Ленину можно будет вернуться в Кремль уже через полчаса. Вообще-то оперировал Ленина не доктор Розанов, а немецкий специалист доктор Борхардт, которому Розанов ассистировал.

Ленин оставался в больнице под наблюдением врачей еще день и ночь. Его навещали Крупская и Мария Ильинична, чтобы проследить, хорошо ли за ним ухаживают. Он занимал палату в женском отделении и не возражал, когда врачи выражали желание его осмотреть. Никаких настораживающих симптомов у него обнаружено не было, за исключением того, что он испытывал нервное переутомление, явившееся следствием чрезмерной рабочей нагрузки. Он жаловался на головные боли, бессонницу и вялость, но внешне производил впечатление человека крепкого и бодрого. Он смеялся, шутил и старался с врачами держаться запросто, чтобы они не чувствовали себя с ним скованно. Он спросил доктора Розанова, есть ли у того какое-нибудь желание, которое он, Ленин, мог бы помочь ему осуществить. Розанов ответил, что хотел бы отдохнуть в Риге.

— А почему бы вам не поехать на отдых в Германию? — спросил Ленин.

— Если я поеду в Германию, я там забегаюсь по больницам и клиникам, — ответил Розанов.

— Очень хорошо, вы поедете в Ригу. Я это устрою.

Необъяснимые головные боли продолжали его мучить, но он гораздо больше был обеспокоен состоянием здоровья Крупской, которую лечил доктор Гетье. Ленин попросил Розанова проследить за тем, чтобы Крупская не пренебрегала советами своего врача.

— Даже когда она болеет, — пожаловался ему Ленин, — она говорит, что хорошо себя чувствует.

— Вы делаете то же самое, — сказал Розанов.

Ленин засмеялся и сказал:

— А что я могу поделать? Мне надо выполнять мою работу.

Ленин провел в Кремле некоторое время, после чего, 15 мая, вернулся в Горки.

Он действительно был всецело поглощен работой — созданием новых статей законов, предусматривающих суровые меры наказания в случае их нарушения. Особенно он любил работать над статьями Уголовного кодекса. И как раз теперь пришло время сформулировать так называемую расстрельную статью Уголовного кодекса, которая должна была окончательно покончить с меньшевиками и эсерами. Ленин полагал, что отныне вся тяжесть террора должна быть направлена именно против меньшевиков и эсеров. Как он объяснял в письме к Курскому, наркому юстиции, время полумер прошло, давно пора было пересмотреть существующие законы. Придерживаясь стиля юридических документов, он начертал в этом письме проект будущей статьи Уголовного кодекса, в которой сформулировал состав преступления и соответствующую меру наказания; точно в таком виде он желал видеть ее в дальнейшем во всех учебниках по праву. Вот ее текст: «Пропаганда, или агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. под. средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу».

Это была весьма своеобразная статья закона, и применялась она тоже своеобразно. Сталин прибегал к ней всякий раз, когда ему приспичивало разделаться с очередными соратниками Ленина, возможными претендентами на власть, а следовательно, его соперниками. Правда, вынося приговор, Сталин крайне редко учитывал смягчающие вину обстоятельства.

Это совершенно бесчеловечное письмо Курскому было

написано Лениным 17 мая. А спустя девять дней после этого в кабинете доктора Розанова раздался телефонный звонок. Из Горок звонила Мария Ильинична: «Пожалуйста, приезжайте немедленно. Володе что-то плохо, какие-то боли в животе, рвота».

В определенных обстоятельствах ни один врач не рискнет самостоятельно, в одиночку, осматривать больного, даже если он является его пациентом. И доктор Розанов, во избежание возможных обвинений в контрреволюционной деятельности при неблагоприятном исходе заболевания, вызывает других врачей. Машина, направлявшаяся в Горки, помимо Розанова, везла еще несколько врачей, в том числе Дмитрия Ульянова, брата Ленина, Семашко, Авербаха и Левина, расстрелянного впоследствии по обвинению в отравлении Максима Горького. Помещичий дом, в котором до того Ленин, ремонтировался. Ленина временно переселили в дом поменьше, находившийся там же, на территории усадьбы. Оказалось, что накануне больной ел рыбу; домашние подозревали, что она была не очень свежая, и этим, возможно, объяснялась его рвота. Он плохо спал, ночью гулял по саду, а утром испытывал острые рези в животе и головную боль. Но врачей гораздо больше обеспокоило то, что у него была затруднена речь и проявились признаки частичного паралича правой стороны. Одно дело установить диагноз и выяснить причину заболевания, писал доктор Розанов, и совсем другое дело неожиданно вдруг признать, что человек поражен неизлечимой болезнью. Впервые врачи вынуждены были констатировать факт, что Ленин страдал серьезным заболеванием, связанным с нарушением деятельности головного мозга. Он еще мог говорить; мог изобретать статьи законов; был еще в состоянии управлять государством. Но они знали, что он перенес первый удар.

Мария Ильинична продолжала с надеждой твердить, что виной всему рыба, однако, когда ее спросили, было ли еще кому-нибудь плохо из тех, кто ел- рыбу, она замолчала. Все чувствовали себя хорошо, ни у кого рвоты не было.

Врачи прописали Ленину покой, велели максимально ограничить рабочее время и не принимать посетителей. Большую часть дня он должен был проводить в постели. Доктора приготовились к долгой возне с трудным и строптивым пациентом.

Через три недели после первого удара Ленин стал протестовать против больничного режима, заявляя, что он вполне здоров, и требовал, чтобы ему разрешили писать и читать письма и принимать посетителей. Но врачи были неумолимы. Они настаивали на том, что ему вообще нельзя работать, а когда он

спрашивал у них, чем он болен, отвечали уклончиво. У него было что-то с глазами. Вызван был доктор Михаил Авербах. Когда он приехал, Ленин после осмотра тихонько подозвал его к себе: «Говорят, вы человек смелый; скажите правду, это ведь паралич, и он прогрессирует, да? — Его голос дрогнул, и он продолжал: — Если это паралич, какой от меня будет толк и кому я буду нужен?» Доктору Авербаху повезло, потому что в этот момент в комнату вошла медицинская сестра, и вопрос больного повис в воздухе.

Но к середине июля Ленин настолько подавил врачей своей волей, что ему было позволено читать, заказывать книги из его библиотеки в Кремле и иногда даже принимать посетителей. Однако читать газеты ему все еще запрещали. В Горки привезли погостить маленького Виктора, пятилетнего сына Дмитрия Ульянова, и Ленин с мальчиком после обеда ходил в лес по ягоды. Навещала брата и Анна Елизарова. В то время основными его посетителями были родственники. Но однажды приехал Сталин. Ленин в Горках напоминал ему утомленного после жарких боев служивого, находящегося на временном отдыхе в военном лагере за линией фронта. В то же время Сталину показалось, что Ленин хорошо выглядит, несмотря на болезнь, в его глазах по-прежнему вспыхивали знакомые насмешливые огоньки.

— Мне нельзя читать газеты, — иронически заметил Ленин. — Мне нельзя говорить о политике, я старательно обхожу каждый клочок бумаги, валяющийся у меня на столе, боясь, как бы он не оказался газетой и как бы не вышло из этого нарушения дисциплины — так передавал слова Ленина Сталин.

Они рассмеялись и в нарушение всех запретов принялись говорить о политике.

Через месяц Сталин вновь побывал у Ленина. Он нашел, что тот изменился к лучшему, прошла его нервозность, он был совершенно спокоен. Осенью впервые за все годы советской власти выдался хороший урожай зерна.

— Положение тяжелое. Но самые тяжелые дни остались позади, — сказал Сталину Ленин. — Урожай в корне облегчает дело. Улучшение промышленности и финансов должно прийти вслед за урожаем. Дело теперь в том, чтобы освободить государство от ненужных расходов, сократив наши учреждения и предприятия и улучшив их качество. В этом деле нужна особая твердость, и тогда вылезем, наверняка вылезем.

О капиталистических державах Ленин отозвался так:

— Жадные они и глубоко друг друга ненавидят и раздерутся. Нам торопиться некуда. Наш путь верен: мы за мир и соглашение,

но мы против кабалы и кабальных условий соглашения. Нужно крепко держать руль и идти своим путем, не поддаваясь ни лести, ни запугиванию.

Судя по словам Сталина, опубликовавшего свой отчет о встрече с Лениным в сентябре, Ленин был, как всегда, беспощаден и непримирим к меньшевикам и эсерам.

— Да, они задались целью развенчать Советскую Россию. Они облегчают империалистам борьбу с Советской Россией, — сказал он. — Попали в тину капитализма и катятся в пропасть. Пусть барахтаются. Они давно умерли для рабочего класса.

Сталин поведал Ленину о бесчисленных слухах и легендах, появившихся в иностранной и эмигрантской печати, будто Ленин скончался. На это Ленин рассмеялся и сказал:

— Пусть их лгут и утешаются. Не нужно отнимать у умирающих последнее утешение.

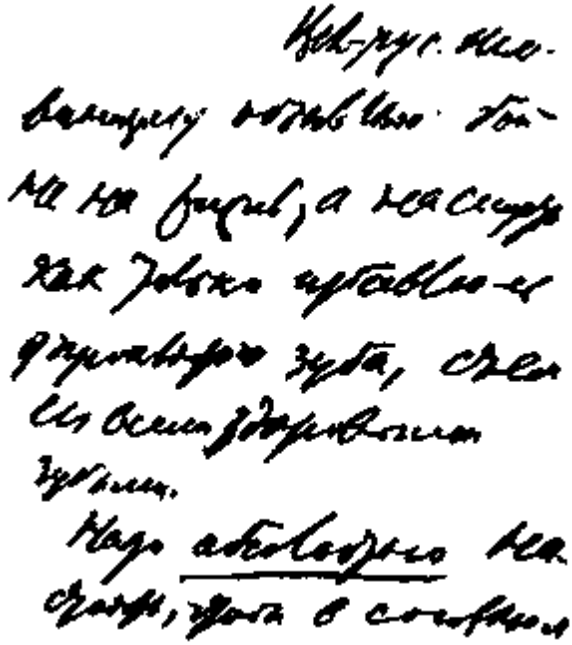
Болезнь не сделала Ленина добрее, ничуть его не смягчила, о чем свидетельствует со всей очевидностью, например, следующий эпизод. Так случилось, что председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, то есть российского парламента, состоявшего из депутатов от городских и сельских Советов, был русский — М. И. Калинин. ВЦИК собирался нерегулярно, и в его функции входило автоматически и беспрекословно одобрять все решения, уже принятые Центральным Комитетом партии. Ленину пришло в голову, что настало самое время ударить по русскому великодержавному шовинизму, издавна ненавистному ему. В записке, адресованной Каменеву, он пишет:

> «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.
>
> Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе председательствовали по очереди русский украинец грузин и т. д.
>
> Абсолютно!»

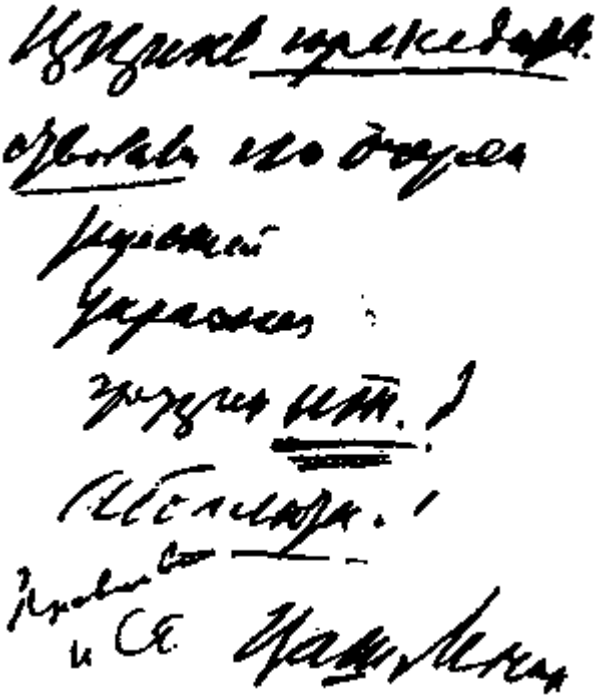
Эта записка была датирована 6 октября. Примерно в то же время приглашенный в Горки фотограф сделал около двадцати портретов Ленина. На этих фотографиях мы видим вождя во время его выздоровления. Вот он сидит, откинувшись в кресле, в своем кабинете; гуляет под соснами в парке — все в той же привычной рабочей кепке, в военном френче, застегнутом на все пуговицы до подбородка, и в зашнурованных ботинках на толстых каблуках, чуть-чуть прибавлявших ему росту. Создается впечатление, что ему нравилось, когда его фотографировали, —

вид у него вполне благодушный. Мы замечаем, что лицо его округлилось; у вождя появилось брюшко; усы и густая борода аккуратно подстрижены, на губах играет легкая улыбка. На одной из фотографий он изображен сидящим на белой садовой скамейке, в одиночестве. Он одет в пальто, руки сложены на коленях, на лице застыло выражение чрезвычайного самодовольства и сознания собственной значимости. Такой Ленин не привычен нам. Кажется, что он надел чужую маску, а его подлинное лицо под ней скрыто. И такая новая деталь — разрез глаз совсем сделался монгольским, а ведь раньше это не так сильно выделялось. Губы сомкнуты плотнее, чем обычно… Запечатленный фотографом образ покоя не внушает. Благодаря этому снимку нам в первый и в последний раз было дано узреть, как изменила Ленина сразившая его болезнь.

К середине сентября врачи стали посговорчивей. Правда, Ленин еще не совсем окреп, речь была слегка затруднена, и оставались некоторые признаки паралича правой стороны. Однако четыре месяца полного отдыха сделали свое дело, и врачи решили, что он достаточно поправился и что ему можно разрешить вернуться к работе в Кремле, но только в щадящем режиме, без перегрузок. Ему было предписано работать не более пяти часов в день и только пять дней в неделю. Вопреки их советам Ленин стал работать не по пять, а по десять часов в день, а в два свободных от работы дня, рекомендованные ему врачами, он устраивал у себя дома всевозможные совещания и конференции.

Ленин вернулся в Москву 2 октября. Накануне он уведомил сотрудников своего аппарата запиской: «Приезжаю завтра. Приготовьте протоколы заседаний, книги». Его сотрудники уже давно были с ним в заговоре против врачей и охотно водили их за нос. Однажды, когда кто-то из врачей застал его погруженным в работу, а в это время надо было отдыхать, он тут же соврал, что не работает, а просто читает. Как и прежде, Ленин проводил заседания Центрального Комитета, но теперь позволял себе роскошь не засиживаться допоздна и отпускал «товарищей» пораньше. Он знал, что врачам нравится, когда он рано ложится спать. Снова с его рабочего стола полетели во все направления тучи приказов и циркулярных писем. Ленин снова впрягся в свою лямку.

«Великорусскому шовинизму объявляю бой…» — пишет Ленин в записке Каменеву 6 октября 1922 г.

На записке «резолюция» Сталина: «Правильно. И. Ст.».

Первое публичное выступление Ленина после болезни состоялось 31 октября 1922 года на заседании IV сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва. Заседание проходило в огромном Андреевском зале Кремлевского дворца, в бывшем Тронном зале. Покрытые росписью своды зала опирались на массивные колонны, украшенные золоченым орнаментом. Трон все еще стоял на своем прежнем месте, но был невидим из-за затянутого в красное высокого экрана для отражения звука, воздвигнутого на сцене позади президиума. Присутствовало около трехсот делегатов. Они кутались в тулупы — дело шло к зиме, Москва-река начала затягиваться льдом. Ленин появился в зале в тот момент, когда Крыленко монотонным голосом зачитывал тексты новых законов. Он тихо прошел по боковому проходу, миновал стол, за которым сидели журналисты, и был уже в нескольких шагах от президиума, когда его узнали. Зал разразился громом

приветствий. Джордж Селдес, бывший при этом, позже вспоминал, что на Ленине была простая полувоенная форма и темно-серые залоснившиеся брюки из плохой шерсти. Ворот был открыт, и видна была сорочка с синим, свободно повязанным галстуком. И вообще он весь был какой-то маленький, неприметный. Не было в нем того, былого магнетизма. Крыленко поспешил закончить свою речь, и снова зал разразился овациями, длившимися, как подсчитал Селдес, сорок пять секунд. Ленин поднял руку, и овации смолкли.

Обращаясь к залу, Ленин сказал, что врачи разрешили ему говорить только пятнадцать минут, и он действительно говорил пятнадцать минут, и ни минутой больше. Селдес, сидевший очень близко к трибуне, писал, что голос Ленина звучал хрипло, гортанно и не чисто, но в его глазах искрилась улыбка. Ленин придумал ловкое движение — во время своей речи он взмахивал перед собой левой рукой, чтобы незаметно поглядывать на часы на запястье. Иногда он держал обе руки так, что выставленные кверху указательные пальцы оказывались на уровне плеч, — жест, напоминавший характерную позу исполнителей традиционного китайского танца. В своей речи Ленин сделал беглый обзор побед Советского государства на международной арене и положения внутри страны. Он говорил о борьбе с бюрократией, о попытках сокращения армии чиновников: после четырех лет усилий выяснилось в ходе проведенной повторной переписи аппарата, что аппарат, наоборот, вырос на двенадцать тысяч должностных единиц.

После заседания по заведенному обычаю полагалось фотографироваться. В примыкавшем к залу помещении собрались журналисты и фотокорреспонденты. Ленина окружили американцы. В беседе с ними он выказал интерес к книге Петгигрю «Плутократическая демократия» и к выступлениям сенатора Бора. Пользуясь случаем, художник из какой-то нью-йоркской газеты быстро набросал его портрет, польстив ему словами: «Весь мир говорит, что вы большой человек». На это Ленин ему ответил: «Какой же я большой человек, взгляните на меня».

Две недели спустя он вновь выступал в этом зале. На этот раз он обращался к 4-му конгрессу Коммунистического Интернационала. Ленин целых три дня готовился к своему выступлению. Врачи разрешили ему выступать в течение часа. Тема его речи, которую он произнес по-немецки, была такая: «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». О мировой революции он сказал очень мало, а когда заговорил о российской революции, он как бы оправдывался, —

что было неожиданно. Он впервые признал тот факт, что Советы пришли к власти не потому, что большевики пользовались неслыханной популярностью у народа; они пришли к власти потому, что враг потерял голову. «Во время революции всегда бывают такие моменты, когда противник теряет голову, и если мы на него в такой момент нападем, то можем легко победить» — так он выразил свою мысль. Он говорил о введении государственного капитализма, но при этом подчеркнул, что при социализме государственный капитализм не может иметь никакой твердой опоры. Затем он перешел к разговору о российском рубле, сказав, что «количество этих рублей превышает теперь квадриллион»; однако он тут же прибавил, что нули можно и зачеркнуть, на что аудитория ответила дружным смехом. Но когда он заговорил о политике Советского государства в отношении крестьянства, зал притих. Ленин отметил, что с 1921 года крестьянских волнений в стране не наблюдалось. О крестьянах он отзывался с уважением. «…Крестьянство было за нас. Трудно быть более за нас, чем было крестьянство. Оно понимало, что за белыми стоят помещики, которых оно ненавидит больше всего на свете. И поэтому крестьянство со всем энтузиазмом, со всей преданностью стояло за нас. Не трудно было достигнуть того, чтобы крестьянство нас защищало от белых. Крестьяне, ненавидевшие ранее войну, делали все возможное для войны против белых, для гражданской войны против помещиков. Тем не менее это было еще не все, потому что в сущности здесь дело шло только о том, останется ли власть в руках помещиков или в руках крестьян. Для нас это было недостаточно. Крестьяне понимают, что мы захватили власть для рабочих и имеем перед собой цель — создать социалистический порядок при помощи этой власти».

Итак, он признал, что крестьян принудили защищать совсем не то, что они желали. Им была обещана земля, но теперь земля принадлежала государству. «… Мы имеем в своих руках землю, она принадлежит государству», — объявил Ленин. Получалось, что возник новый землевладелец, во сто крат гораздо более суровый. Во всей России вряд ли нашелся бы хоть один-единственный крестьянин, кому был бы по душе такой поворот дела, кто пошел бы воевать за большевиков, знай он, что наградой за эту его жертву будет тотальное уничтожение крестьянства.

Ленин в этой речи снова и снова возвращается к крестьянскому вопросу, как будто это была рана, беспокоящая его. Его тяготит вина, и ему хочется выговориться. Хотя он признает, что «крестьянство было за нас», однако тут же заявляет нечто совсем иное: «В 1921 году… мы наткнулись на большой, —

я полагаю, на самый большой, — внутренний политический кризис… Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас». Если разобраться, то это два совершенно противоположных утверждения. Но Ленин был убежден в правильности и того и другого. Так было всегда. Он над такими вещами не задумывался, и во что хотел, в то и верил.

В приступе самобичевания он вдруг говорит: «…Мы сделали… огромное количество глупостей. Никто не может судить об этом лучше и видеть это нагляднее, чем я». Рассуждая таким образом, он походил на старика, который, оглядываясь на прожитую жизнь, не без удовольствия вспоминает грешки своей непутевой молодости. Его несколько утешало то, что и противники его — а своими противниками он считал не только капиталистов, но и социалистов Второго Интернационала, не разделявших его взглядов, — тоже совершали глупости. Он особенно упрекал Соединенные Штаты, Великобританию, Францию и Японию за то, что они поддерживали Колчака. Он так об этом высказался: «Это было фиаско, которое, по-моему, трудно даже понять с точки зрения человеческого рассудка». И выходило, что он сознательно умалял ошибки, сделанные большевиками, и до предела раздувал просчеты, допущенные капиталистами и сторонниками Второго Интернационала. В этой части его выступления слабых мест полно. Но к концу речь зазвучала более вдумчиво и весомо. Здесь он критиковал форму, в какой зарубежные социалисты информировались о том, что происходило на конгрессах и заседаниях Третьего Интернационала. Он находил резолюции Коминтерна далекими от понимания иностранцами. «Резолюция слишком русская: она отражает российский опыт, поэтому она иностранцам совершенно непонятна, и они не могут удовлетвориться тем, что повесят ее, как икону, в угол и будут на нее молиться». Действительно, эти резолюции обычно оформлялись в типично русском стиле и касались сугубо российских проблем. Создавалось впечатление, что Ленин наконец-то начал сомневаться в необходимости для других стран следовать российскому образцу и уже не видел в этом какой-то неизбежности.

Ленин выступал час. После него трибуну занял Троцкий, речь которого продолжалась семь с половиной часов. Сначала он говорил по-русски, затем перешел на немецкий, с немецкого на французский… Слова, слова, слова, и вот уже всем стало казаться, что самой революционной идее суждено утонуть в море слов.

Около недели спустя Ленин произнес еще одну речь, на очередном пленарном заседании Московского Совета. Это было его последнее публичное выступление.

На этом заседании Ленин объявил, кто будет его преемниками. Он поручал Цюрупе, Рыкову и Каменеву в будущем выполнять его работу. Он с уверенностью назвал их имена в самом начале выступления, объяснив, что «в силу уменьшения работоспособности» он теперь вынужден «присматриваться к делам в гораздо более значительный срок…». Его речь была краткой, и в ней не было прежнего огня. О Втором Интернационале он и не вспомнил, и даже ни разу не обругал капиталистов. Напротив, он похвалил их за сметливость и умение доводить дело до конца. Он как будто хотел сказать, что прежние дни романтического радикализма прошли и настало время позабыть свою ненависть и найти с врагом общий язык. Теперь он учил: «Раньше коммунист говорил: «Я отдаю жизнь», и это казалось ему очень просто, хотя это не всякий раз было так просто. Теперь же перед нами, коммунистами, стоит совершенно другая задача. Мы теперь должны все рассчитывать, и каждый из вас должен научиться быть расчетливым. Мы должны рассчитать в обстановке капиталистической, как мы свое существование обеспечим, как мы получим выгоду от наших противников, которые, конечно, будут торговаться, которые торговаться никогда и не разучивались и которые будут торговаться за наш счет. Этого мы тоже не забываем и вовсе не представляем себе, чтобы где-нибудь представители торговли превратились в агнцев и, превратившись в агнцев, предоставили нам всяческие блага задаром. Этого не бывает, и мы на это не надеемся, а рассчитываем на то, что мы, привыкши оказывать отпор, и тут, вывернувшись, окажемся способными и торговать, и наживаться, и выходить из трудных экономических положений. Вот эта задача очень трудная. Вот над этой задачей мы работаем».

Ленин рассказал, как нарком Леонид Красин вел в Англии переговоры о торговле с британским промышленником и финансистом Уркартом, «этим главой и опорой всей интервенции». Позабыв прошлое, они сели обсуждать деловые проблемы без каких-либо теоретических дискуссий. Уркарт просто спрашивал: «А почем? А сколько? А на сколько лет?» В стенографическом отчете пленума Моссовета записано, что в этом месте раздались аплодисменты. Казалось, аудитория только того и ждала, чтобы от слов перейти к делу.

Ленинская последняя речь была призывом к сосуществованию с капиталистическими державами. Однако в ней не содержалось ни малейшего намека на то, что линия жесткого социализма

будет как-то смягчена. «Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-либо отвлеченной картины, или какой-либо иконы. Насчет икон мы остались мнения старого, весьма плохого» — вот что он сказал. Для такого выступления это был слабый финал. Бурные и продолжительные аплодисменты, завершившие его речь, были скорее данью уважения лично ему, а не тому, что он говорил.

Во время его речи какие-то слова звучали неразборчиво, и несколько раз он замолкал, как будто терял нить повествования. Он выглядел усталым, ослабшим. 25 ноября, через пять дней после его выступления на заседании Московского Совета, врачи велели ему полностью прекратить работать и неделю отдыхать. Первое время он выполнял их рекомендации, никуда не выходил из своей квартиры и только немного читал. Затем он стал проводить время поочередно в Кремле, то в Горках, потихоньку работал, злился на то, что бездействует, и иногда писал по старой привычке записки, в которых грозил строго наказать того или иного товарища, если, например, ему (Ленину) срочно не представят неискаженные цифры.

В тот период встал вопрос о государственной монополии на внешнюю торговлю. Бухарин и многие другие были против. Как и следовало ожидать, Ленин выразил мнение, что без абсолютной государственной монополии на торговлю с другими странами не может быть Советского государства. Его точка зрения была принята.

Тогда же Ленин прослышал, что без его ведома известному профессору Рожкову, меньшевику, было разрешено остаться жить в Москве. Ленин впал в неистовство. Он писал, что меньшевики придумали новый лозунг: «Ври, уходи из партии, оставайся в России». Наконец он с удовлетворением узнал, что Центральным Комитетом было принято решение о высылке профессора Рожкова из Москвы.

В тот день он дважды ощущал дурноту, сопровождавшуюся приступами рвоты. Вызвали врачей. Когда они на этот раз уже категорически потребовали, чтобы он прекратил всякую работу, он ответил, что совершенно с ними согласен, но ему понадобится еще несколько дней, чтобы привести в порядок бумаги. Следующие два дня он интенсивно работал, развивая бешеные темпы; диктовал бесконечные письма, — боясь, как бы болезнь не застала его врасплох. На него вновь напала бессонница, мучили головные боли. В ночь на 16 декабря он перенес еще один приступ. Но тут врачи решили, что нечего им играть в кошки-мышки, и строго-настрого приказали ему держаться постельного режима. Они предполагали, что за первым ударом непременно

последует второй. В течение трех дней приступы рвоты повторялись, и, в конце концов, стали очевидны явные признаки паралича правой стороны тела. И вот теперь, лежа в полной беспомощности в окружении врачей, он сознавал, что обречен, но сдаваться не собирался. Он решил, что будет бороться до конца.

Последний завет

Тот декабрьский день, когда Ленин перенес второй удар, был последним днем его власти, власти, за которую он всегда так неистово боролся. Он уже никогда больше не станет вершить судьбами России как полновластный ее хозяин. Власть выхватили у него из рук мелкие людишки, какие во все времена жмутся вблизи диктаторов. Поделив ее между собой, они слабо представляли себе, что с ней делать. Настал период междуцарствия.

Ленин понимал, что он серьезно болен, возможно, даже смертельно. Но зная это, он изо всех своих последних сил боролся за жизнь. Его беспокойный ум постоянно был в работе, без конца придумывая, как перехитрить врачей. «Если это паралич, какой от меня будет толк и кому я буду нужен?;) — этот вопрос, заданный доктору Авербаху, не давал ему покоя. Он не желал смиряться. Из диктатора, обладавшего безграничной властью, превратиться в ничтожество? Сама эта мысль была ему невыносима. Власть стала его второй натурой, он так с ней сжился, что даже на одре болезни не желал выпускать ее из рук и отчаянно за нее сражался.

Крупская читала ему вслух, к нему приходили секретари, и он диктовал им статьи и письма, но уже не председательствовал в правительстве. Все его работы последних месяцев перед смертью проникнуты острым сознанием собственной беспомощности. Прикованный болезнью к постели, он испытывал душевные муки; им попеременно овладевал то гнев, то ужас; душила ярость. Бывали моменты, когда он как будто смирялся, притихал, но тут же ярость охватывала его с новой силой. Суть в том, что уж очень долго он был диктатором. Целых двадцать лет он вершил политикой партии, а это означало. двадцать лет неустанного труда и невероятной концентрации всех интеллектуальных сил и способностей. А какие в нем были заложены способности и что он мог благодаря им свершить — это он отлично знал и не забывал никогда, ни на минуту. И вдруг… Деспоту, диктатору, внезапно превратившемуся в жалкое, беспомощное существо, оставался только один выход — тихо сходить с ума.

Вообще говоря, в самом явлении диктатуры есть какая-то неразгаданная тайна. Еще никому не удалось толком объяснить, почему люди вдруг начинают жаждать неограниченной власти над себе подобными и какая им от этого радость. Обладатель абсолютной власти лишает себя возможности вести прямой,

непосредственный диалог со своими соотечественниками. Он беспрерывно слышит лишь собственный голос, свое бормотание, свой бесконечный монолог. Он говорит, говорит, говорит, и вот уже его слова утрачивают всякий смысл, звучат вне связи с окружающей жизнью, выпадая из контекста нормального человеческого бытия. Так, видно, и Гитлер все долбил одно и то же своим подпевалам, и наверняка даже самые верные из них начинали одуревать от этого бульканья в ушах. А Ленин? — кто знает, возможно, некоторые из его самых горячих почитателей со временем стали с большой натугой воспринимать типичные для него штампы, его слова-заклинания: «уничтожение», «беспощадно», «диктатура»… Эти его слова всегда укладывались в определенный контекст, в определенную схему, привычно чередуясь и постоянно повторяясь и звуча, увы, как перепевы того, что ушло. Всю свою жизнь Ленин посвятил поиску архипростейших решений для неимоверно сложных проблем. Теперь перед ним была последняя, для которой простого решения не существует, — он смотрел в глаза собственной смерти.

Ленин был никуда не годным пациентом. Если врачи разрешали ему читать час в день, он читал два часа. Его опыт конспиратора помогал ему водить врачей за нос.

Заметили, что он стал добрее к своим друзьям и знакомым. Кому-то из них он предлагал походить в его теплом пальто, без дела висевшем на стене, — ведь холодно, можно простудиться и заболеть. А посетители, конечно же, приходили в пальтишках потертых, поношенных. Прежде Ленин, казалось, людей вовсе не слушал, а если слушал, то вполуха, одновременно в мыслях формулируя ответ. Теперь же он ловил каждое слово прибывшего к нему гостя. Правда, к нему мало кого пускали, все-таки второй удар!

Ленин испытывал смертельную усталость, и его грызла совесть. Весь предыдущий год его терзало чувство вины перед рабочими России. Государство, которое он, Ленин, построил ценой такой крови, в надежде, что создает рай земной для трудящихся, увы, этих надежд не оправдало. «Могучие обстоятельства заставили Советское государство свернуть с правильного пути», — говорил он на съезде партии весной, а в течение лета и осени эти «могучие обстоятельства» стали еще серьезней и опасней, их гнет стал еще ощутимей. Ленин, размышляя над этим, наконец-то нашел решение, которое, как ему казалось, должно было положить конец всем напастям, свалившимся на страну. Центральный Комитет, движущая сила государственной власти, состоял из горстки избранных партийцев, в числе которых были интеллигенты и люди из

органов; рабочих там не было. А что, если расширить состав Центрального Комитета, ввести в него пятьдесят, а то и сотню представителей рабочего класса? Когда он был в силе, подобное нововведение было бы просто немыслимо — он сам такого не потерпел бы. Но теперь он видел в этом единственный способ сохранить жизнедеятельность Советского государства.

Но были и другие проблемы, не дававшие ему покоя. Он боялся, что страна попадет в руки более ненасытного и деспотичного диктатора, чем он сам. Коррупция среди высших чинов коммунистической партии, бессмысленные зверства, творимые в Грузии, необходимость контролировать деятельность партийных руководителей, давно назревшее требование времени произвести перемены в Госплане — вот перечень проблем, тяготивших его в то время. 23 декабря он попросил врача позволить ему кое-что подиктовать секретарю в течение минут пяти, не более. Сначала врач ему не позволил, но вынужден был согласиться, поняв, что тот все равно сделает по-своему. Ленин был в страшном волнении, и врач счел, что несколько минут диктовки снимут напряжение и больной успокоится.

— Если я не сделаю этого сейчас, я, возможно, уже никогда этого не сделаю, — объяснил ему Ленин. Своей жене он сказал, что ему хотелось бы, чтобы записи, которые он будет диктовать, были оглашены на следующем съезде партии, после его смерти.

После восьми часов вечера в тот же день к нему в комнату вошла Мария Володичева, одна из его секретарей. Для нее был приготовлен рядом с постелью больного небольшой столик. Ленин выглядел изможденным и слабым. Его вид привел Володичеву в ужас. Наверно, Ленин уже знал наизусть, что он хотел сказать, потому что он диктовал без пауз целых четыре минуты и закончил на минуту раньше дозволенного ему времени. Текст был такой:

«Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными.

В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни. Мне думается, что нашему Центральному Комитету грозили бы большие опасности на случай, если бы течение событий не было бы вполне благоприятно для нас (а на это мы рассчитывать не можем), — если бы мы не предприняли такой реформы.

Затем, я думаю предложить вниманию съезда придать законодательный характер на известных условиях решениям Госплана, идя в этом отношении навстречу тов. Троцкому, до известной степени и на известных условиях.

Что касается до первого пункта, т. е. до увеличения числа

членов ЦК, то я думаю, что такая вещь нужна и поднятия авторитета ЦК, и серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии.

Мне думается, что 50–100 членов ЦК наша партия вправе требовать от рабочего класса и может получить от него без чрезмерного напряжения его сил.

Такая реформа значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нее борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы. Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз».

После того как Мария Володичева прочитала ему записанный ею текст, он спросил ее, какое было в тот день число, и начал расспрашивать о здоровье, потому что она тоже неважно выглядела, была бледная, истощенная. Он погрозил ей пальцем и сказал: «Смотрите, а то…» Он не закончил фразы, но она догадалась, что он хотел сказать: «…отстраню от диктовки, чтобы не затруднять».

На следующий день вечером он продолжил диктовать, но уже не пять, а десять минут. Врачи потребовали, чтобы он отдохнул, но он пригрозил им, что вообще откажется от лечения, если ему не позволят диктовать его «дневник». Назвав то, что он диктовал, «дневником», он слукавил, ибо никто не должен был догадываться о характере записей, которые секретарь заносила на бумагу. Накануне он спал плохо, у него болела голова. Но в тот вечер он продиктовал наиболее драматичный. по своей силе отрывок из всех, которые он успел донести до нас в письменном виде до момента полной потери речи. Этот документ вместе с двумя дополнениями к нему, продиктованными 25 декабря и 4 января, станет впоследствии известен как «Завещание Ленина». Начал он с того, что констатировал факт раскола в Центральном Комитете, произошедший, главным образом, по причине несовместимости двух столь противоположных политических фигур, как Сталин и Троцкий. Он снова подчеркивал необходимость расширения Центрального Комитета за счет представителей рабочего класса. По его мнению, это укрепило бы государственную власть и предотвратило бы назревший конфликт между двумя соперничавшими претендентами на роль главы государства. Вот что он тогда продиктовал:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой

стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики».

На этом месте в тот вечер Ленин остановился, у него кончились силы. Но главное он уже сказал. Он сформулировал простой план — как избавиться от диктатуры, а также дал точную оценку вождям партии, ясно показав, что из всех них он предпочитает видеть на вершине партийной власти Троцкого и Бухарина. И еще он сказал, что окончательно простил Зиновьева и Каменева за их «предательство» в 1917 году.

На следующий день Володичева была снова призвана к больному, и он продиктовал ей небольшой постскриптум, касавшийся Пятакова: «…Человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе». В заключение он воздавал общую хвалу Бухарину и Пятакову, характеризуя их как выдающихся и преданных делу партии работников, которые, вооружившись опытом и знаниями и избавившись от свойственной им односторонности, могли бы еще с большей пользой послужить партии.

Ленин, по всей видимости, понимал, какой взрывной эффект могут иметь эти записи. Он несколько раз предупреждал Володичеву, чтобы она никому ни в коем случае не раскрывала

содержание документов, которые он ей диктовал. Обычно, застенографировав текст, она расшифровывала его и прочитывала Ленину весь продиктованный кусок с начала до конца. После этого она печатала его в пяти экземплярах. Один экземпляр оставался у нее, три передавали Крупской; пятый должен был храниться отдельно, в папке для секретных документов, которая лежала в столе в ленинском кремлевском кабинете. Секретарь потом рассказывала, что, диктуя, Ленин делал паузы между предложениями, но никогда не спотыкался, подбирая нужное слово. Лежа долгими часами, он все тщательно обдумывал и старался точно формулировать свои мысли. Каждая фраза была отточена, и каждое слово было на месте.

На запечатанном конверте, в который были вложены листки с его «Завещанием», он велел секретарю сделать такую надпись: «Вскрыть может только В. И. Ленин, или в случае его смерти Надежда Константиновна». Володичевой пришлось сделать над собой усилие, чтобы заставить себя написать эти слова.

Так проходили дни. Ленин лежал, и каждый вечер ровно в восемь, регулярно, как часы, к нему в спальню входила секретарь, чтобы сделать очередную запись в его «дневник» — то есть в готовившийся проект политических изменений, эту мину замедленного действия, которая, по его замыслу, должна была сработать в точно намеченное время. А пока — надо было все скрывать и прятать. Парализованный, лежавший почти без движения, он снова был страстным агитатором и снова давал бой своим врагам. Он отчетливо понимал, какая драма разворачивается в его маленькой, скупо освещенной комнате: здесь, ни больше ни меньше, шла речь о судьбе России и выживании Коммунистического Интернационала. Но он тогда и не догадывался, да и как он мог такое предвидеть, что его «Завещание» обречено, оно попадет в руки его врага.

24 декабря состоялось заседание Политбюро, на которое были вызваны лечившие Ленина врачи. На заседании присутствовал Сталин. Было решено ввести строгий больничный режим. Ленину было категорически запрещено принимать посетителей; его окружению не разрешалось передавать ему письма; ограничивался список лиц, с которыми он мог общаться. Это были только врачи — в первую очередь; затем — ближайшие родственники; допускались также секретари, но всего на несколько минут по вечерам. Теперь Ленин был почти полностью изолирован от людей и внешнего мира, как узник в Петропавловской крепости.

Наиболее суровым ограничением был запрет сообщать ему какую-либо политическую информацию. Этому запрету должны

были следовать как секретари, так и члены его семьи. Но по молчаливому соглашению ни Крупская, ни Мария Ильинична, обе в прошлом опытные революционерки-конспираторши, вовсе не собирались подчиняться приказам врачей и Политбюро. Небольшими дозами они передавали ему сведения о том, что происходило в партийных сферах. Крупская особенно пристально следила за Сталиным, поставив на ноги весь четко действующий ленинский секретариат. Пока Ленин лежал, немощный и больной, она превратилась в его глаза и уши, став для него мощным звеном связи с внешним миром.

Сначала каждый вечер он диктовал по пять минут; потом эти пять минут превратились в десять, а там и в пятнадцать. К Новому году Ленин сумел убедить врачей, что для улучшения работы его головного мозга и общего самочувствия ему просто необходимо работать над «дневником» ежедневно по двадцать минут утром и двадцать минут вечером. Ленин был непреклонен и стоял на своем. Он обещал врачам, что сразу же по истечении двадцати минут будет прекращать диктовку, даже если в тот момент он будет на середине фразы. Конечно, это обещание он не выполнял. Три дня подряд он диктовал документ, содержавший указания, касавшиеся Госплана. Он считал, что Госплан следует наделить отчасти законодательными функциями. Первоначально это была идея Троцкого, но тогда Ленин возражал на тех основаниях, что, мол, многочисленные научные и технические специалисты, привлеченные для работы в Государственную плановую комиссию, заражены буржуазной идеологией и среди них было совсем мало активных членов партии. Председателем Госплана был Кржижановский, а его заместителем — Пятаков. Ленин упрекал их обоих: первого за то, что тот был слишком снисходителен по отношению к антикоммунистам, а второго за то, что он был излишне жестким с учеными и совершенно ничего не понимал в научных делах. Теперь Ленин предлагал поставить во главе Государственного планового комитета ученого с широким научным кругозором и опытом, вне зависимости от того, коммунист он или нет. При этом он считал, что в составе учреждения должно быть создано небольшое ядро из преданных партийцев, чтобы они не давали беспартийным специалистам отклоняться от линии партии. Ленин предлагал наделить Госплан, возглавляемый «буржуазным умником» (правда, под соответствующим присмотром), невиданными доселе полномочиями в управлении хозяйством страны.

Все чаще и чаще Ленину приходила мысль о необходимости контролировать руководящих товарищей. Политический контроль не работал, приказы надлежащим образом не выполнялись.

Завоевав власть, Ленин все силы положил на то, чтобы создать такую систему государственного управления, которая обеспечила бы четкое и самое скорое выполнение всех издаваемых его правительством приказов. И вот этот карточный домик, построенный им с таким старанием и страстью, рассыпался у него на глазах. Правительство не умело и не могло управлять; у него еще не было головы, а конечности уже пожирала гангрена. Ленин снова выдвигает предложение расширить Центральный Комитет, довести его состав до ста членов и задействовать еще пятьсот инспекторов, которые следили бы за тем, чтобы решения Центрального Комитета выполнялись.

Эти указания, изложенные сухим, казенным языком, характерным для стилистики партийных докладов, на самом деле отражали глубокую драму в душе вождя. Он переживал моральный кризис, из которого был единственный выход — радикальные перемены в государстве. Годами он твердил о диктатуре пролетариата, прекрасно понимая, что по сути это была вооруженная диктатура кучки интеллигентов-марксистов. Доживая свои последние дни, он думал, что государство можно спасти только одним путем — вернув наконец-то власть рабочим и крестьянам. Потому он и хотел расширить Центральный Комитет; тогда рабочие и крестьяне в нем были бы в большинстве, и им помогали бы еще полтысячи членов Рабоче-крестьянской инспекции. И все же он не мог не понимать, что уже поздно. Сама природа коммунистической революции такова, что государство, ею созданное, не может быть ничем иным, как диктатурой одной личности, и как таковое обречено быть невыносимой тиранией для всех остальных.

Перебирая в уме все эти проблемы, он все больше убеждался в том, что, несмотря на все жертвы, которые принес народ, чтобы сделать коммунистическое государство реальностью, в жизни его мало что изменилось по сравнению с царским временем. В ужасе и смятении, с запоздалым чувством раскаяния он вынужден был признать, что Советское государство совершило так много ошибок, что искупить их уже нельзя.

30 декабря в продиктованном им тексте он разоблачал Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского, каждого поименно, однако за обвинениями в их адрес подразумевалось все советское правительство. Непосредственным поводом для подобной атаки послужили ошибки Орджоникидзе в переговорах с грузинскими националистами из группы Мдивани. Дзержинский был послан в Грузию, чтобы разобраться в этом деле на месте. Вернувшись, он доложил, что «некоторые злоупотребления» действительно были допущены, но все обошлось. Политическую ответственность за

«грузинский конфликт» Ленин возлагал в первую очередь на Сталина как генерального секретаря ЦК, имея в виду то, что он хотел силой заставить Грузинскую республику войти в состав СССР, хотя по конституции Союз являлся добровольным сообществом республик. Как человек, полностью признававший свою вину, Ленин просит записать такие слова:

«Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик.

Летом, когда этот вопрос возникал, я был болен, а затем, осенью, я возложил чрезмерные надежды на свое выздоровление и на то, что октябрьский и декабрьский пленумы дадут мне возможность вмешаться в этот вопрос. Но, между тем, ни на октябрьском пленуме (по этому вопросу), ни на декабрьском мне не удалось быть, и таким образом вопрос миновал меня почти совершенно.

Я успел только побеседовать с тов. Дзержинским, который приехал с Кавказа и рассказал мне о том, как стоит этот вопрос в Грузии. Я успел также обменяться парой слов с тов. Зиновьевым и выразить ему свои опасения по поводу этого вопроса. Из того, что сообщил тов. Дзержинский, стоявший во главе комиссии, посланной Центральным Комитетом «расследования» грузинского инцидента, я мог вынести только самые большие опасения. Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия, о чем мне сообщил тов. Дзержинский, то можно себе представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна.

Говорят, что требовалось единство аппарата. Но откуда исходили эти уверения? Не от того ли самого российского аппарата, который, как я указал уже в одном из предыдущих номеров своего дневника, заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром».

Далее он обрушивался на великодержавный шовинизм, насаждавшийся бюрократами — «подлецами и насильниками», которые испокон веков правили в России, занимая высокие государственные посты и имея чины генералов полиции. Теперь над громадным населением страны стояла горстка коммунистов, и Ленин предвидел, что «ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке». Здесь он к. месту вспоминает Держиморду, полицейского из

пьесы Гоголя «Ревизор», — персонаж, ставший символом тупого насилия, — и без всякого перехода заводит речь о Сталине, который продемонстрировал «торопливость и администраторское увлечение». Судя по всему, он мысленно ставил знак равенства между этими двумя фигурами.

Это исполненное боли и досады письмо Ленин продолжал диктовать и на следующий день, 31 декабря. Он опять громил великорусский шовинизм, упрекая русских националистов в презрительном отношении к полякам, украинцам, грузинам. Для Орджоникидзе он требовал примерного наказания, а всю вину за раздувание великорусского шовинизма он возлагал на Дзержинского и Сталина. Правда, их он избавлял от наказания. Ленин считал, что национальные языки должны иметь равный статус с государственным, русским. В той же связи он говорил, что расписание поездов, например, по всей стране следовало печатать не только на русском языке, но и на всех других национальных языках.

Нелепость была в том, что главными великодержавными шовинистами в данном случае являлись совсем не русские люди по национальности. Дзержинский был поляк, а Сталин — грузин. Ленина особенно огорчали имперские проявления потому, что в тот момент он уже предвидел огромные перемены в жизни сотен миллионов людей, населявших Азию. По этому поводу он размышлял: «Было бы непростительным оппортунизмом, если бы мы накануне этого выступления Востока и в начале его пробуждения подрывали свой авторитет среди него малейшей хотя бы грубостью и несправедливостью по отношению к нашим собственным инородцам». Ленин имел основания говорить о советском империализме. В ряду прочих и этот факт был на поверхности.

Выход, если таковой вообще существовал, был, как Ленину казалось, один — надо было учиться. Все решало образование. Через день он продиктовал небольшую статью, в которой говорил о печальном состоянии грамотности и культурной отсталости населения при диктатуре пролетариата. Разумеется, не обошлось без «превосходной степени», — вот пример: «…Нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас; нигде, ни в одной стране, государственная власть не находится в руках рабочего класса… «Констатировав невиданный подъем российской культуры, какого будто бы не знает ни одна другая страна, он в той же статье признается: «В то время, как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят

нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо. Оказалось, что, как и следовало ожидать, от всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно, и даже прогресс нашло сравнению с царскими временами (1897 годом) оказался слишком медленным».

Он сетует на то, что культура в России развивается слишком замедленными темпами; и поныне народное образование охватывает далеко не все население, а первоначальное образование вообще находится в плачевном состоянии. Издательства выпускают горы книг, но правительство забывает, что сначала надо научить детей читать. Особенно низкий культурный уровень в сельской местности. Ленин предлагает грамотным рабочим при содействии партийных профсоюзных органов идти в деревни и обучать крестьян грамоте. Видно, Ленин начинает понимать, что народники, которых он всегда недолюбливал, были все-таки правы, когда в 70-х и 80-х годах прошлого столетия шли в народ, дабы нести ему просвещение. Теперь он находился на краю могилы, и перед ним представало все его прошлое.

В последующие дни он диктовал «Странички из дневника», а затем статью «О кооперации». На этот раз он размышляет о том, что все население должно стать цивилизованным и преодолеть целую полосу культурного развития. Каждый должен сделаться грамотным, толковым, научиться культурно торговать — научиться быть «культурным торгашом», выражаясь словами Ленина. «Под уменьем быть торгашом я понимаю уменье быть культурным торгашом. Это пусть намотают себе на ус русские люди или просто крестьяне… Он (крестьянин. — Ред.) торгует, но от этого до уменья быть культурным торгашом еще очень далеко. Он торгует сейчас по-азиатски, а для того, чтобы уметь быть торгашом, надо торговать по-европейски. От этого его отделяет целая эпоха». Но ведь ранее он почти полностью запретил свободную торговлю, установив на нее государственную монополию; при нэпе он разрешил развитие частного сектора, но в строгих границах. Поэтому теперешняя его мечта о «строе цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства» выглядела как нечто неосуществимое, крайне далекое от реальности. Он так и не объяснил, что он имеет в виду под словом «культура». Это слово было еще одним магическим словечком в обойме его пропагандистских средств, которое могло по его желанию принимать любое значение. По его мнению, для окончательной победы социализма в России осталось лишь одно: осуществить в ней культурную революцию. Он мечтал о том времени, когда все русские люди будут

увлеченно читать книги и усвоят отменные манеры.

«Странички из дневника» и статья «О кооперации» были напечатаны в газете «Правда». Они по тону выпадают из всего написанного им ранее. В них уже нет большой едкости, напора. И вдруг неожиданно 4 января 1923 года Ленин решает продиктовать секретарю Лидии Фотиевой фрагмент, который должен был стать постскриптумом к декабрьской записи минувшего года, в которой он давал характеристики руководителям большевистской партии. Мы вновь ощущаем всю силу переполняющего его гнева.

Впоследствии этот постскриптум станет широко известен, и вполне заслуженно. Он проникнут горечью и болью, но самое главное — он звучит как прорицание. Говоря: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России…», Ленин каялся в своих личных грехах. Но что было, то было, прошлого не воротишь, казалось, хотел он сказать, — людей уже нет. Сейчас он говорил о том, что может быть в будущем, если вовремя не принять меры. С необычайной прозорливостью он осознал, что из всех ошибок, совершенных им, самой грозной и страшной с точки зрения ее последствий для страны было назначение Сталина генеральным секретарем ЦК партии. Он диктовал: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Словно какое-то шестое чувство подсказывало Ленину, что его «престол» перейдет не к кому-нибудь, а к Сталину, и в эти последние месяцы, дни, часы, пока мозг его еще не отключился, он с ужасом думал о том, как бездарно было бы отдать Россию в руки человека столь грубого, совершенно некультурного и беспринципного. Грубость Сталина проявлялась не только в том, что он мог обхамить, оскорбить словами, — весь стиль его работы был таков. Он грубо попирал человеческое достоинство, третировал, угнетал зависимых от него людей.

Отношение Ленина к Сталину мало определить как просто неприязнь. Вернувшись в Кремль из Горок после первого удара,

Ленин сразу заметил, что Сталин ведет себя, как хозяин, этакий сам себе голова, все больше укрепляя свои позиции в Кремле. Он начал вторгаться в дела не подведомственных ему ветвей власти. Не было никаких сомнений в том, что он бешено рвется к управлению страной и ждет часа, когда Ленин уже не будет стоять на его пути. Но Ленин упорно не желал отправляться на тот свет. Он снова впрягся в государственные дела, внимательно наблюдая за хитроумными маневрами Сталина. Но тут последовал новый удар. Это поначалу не разглашали, но когда Сталин узнал о случившемся, видимо, именно в тот момент он ясно осознал стоявшую перед ним задачу: надо было немедленно брать власть, а для этого необходимо было как можно скорее избавиться от Ленина.

Однако убить Ленина было не так просто. Его надежно охраняли, врачи были неподкупны, а секретари ему верны.[59] Но в этой цепочке было еще одно звено — Крупская…

22 декабря Ленин пожелал продиктовать небольшое послание Сталину. Он очень плохо себя чувствовал. В тот день врачи запретили ему заниматься диктовкой, но им пришлось смириться, потому что они видели, что у того действительно накипело на душе и пока он не освободится от этого, он не успокоится. Ленин обещал им, что послание будет кратким. Ему было так худо, что и на следующий день ему было позволено работать не более пяти минут.

Содержание записки неизвестно, но нетрудно догадаться, что он мог написать Сталину. Ленин наверняка упрекал Сталина за что-то и предупреждал на будущее. Внизу стояла подпись Крупской — по заведенному Лениным правилу в конце очередной записи обязательно стояла подпись того, кто заносил на бумагу продиктованный им текст.

Как только Сталин получил это послание, он тут же позвонил Крупской. Он был в бешенстве или притворялся, что был в бешенстве. Возможно, он был пьян, но это тоже могла быть игра. Скорее всего, он хладнокровно продумал, как ему следовало реагировать. Он накинулся на Крупскую с руганью и отчитал ее в самых оскорбительных выражениях за то, что она занимается не своим делом; она, дескать, не имела никакого права передавать Ленину какую-либо информацию или обсуждать с ним партийные дела, в которых сама ничего не смыслит. В его тоне слышалась угроза — и это тоже было просчитано, — что не могло не подействовать на ее слабые нервы. В полном расстройстве Крупская обратилась к Каменеву, написав ему на следующий же день жалобное письмо, в котором убедительно просила его защитить ее от Сталина.

«Лев Борисович! Из-за короткого письма, которое я написала под диктовку Владимира Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе совершить вчера по отношению ко мне необычайно грубую выходку. Я не первый день в партии. В течение этих всех тридцати лет я никогда не слышала ни от кого из товарищей ни единого грубого слова. Дело партии и Ильича является для меня не менее дорогим, чем для Сталина. В настоящее время я нуждаюсь более, чем когда бы то ни было, в контроле над собой. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичом, я знаю лучше, чем какой-либо врач, так как я знаю, что его волнует и что нет. Во всяком случае, я знаю это лучше Сталина. Я обращаюсь к вам и к Григорию (Зиновьеву. — О. н.), как к близким товарищам В. И., и прошу вас защитить меня от грубых вмешательств в мою личную жизнь, а также от скверных ругательств и угроз. У меня нет никаких сомнений в том, каким будет единогласное решение Контрольной комиссии, которой Сталину, по всей вероятности, нравится грозить мне. Однако у меня нет ни силы, ни времени, которые мне было бы необходимо затратить в связи с этой ссорой. Кроме того, я живой человек, и сейчас мои нервы напряжены до предела».

Крупская сделала то, что и должна была сделать, — она объявила Сталину войну, не оповещая о том Ленина. Он был плох, его нельзя было беспокоить. Два с лишним месяца он ничего об этом не знал. Каменев и Зиновьев не были сильными личностями. Когда Каменев все-таки пошел к Сталину с письмом Крупской, желая, видимо, выслушать его объяснения, дело кончилось тем, что он оказался втянутым в тайный заговор. Ему было предложено войти в некий триумвират в составе Сталина, Зиновьева и его самого, который якобы должен был прийти к власти после смерти Ленина. А по прогнозам Сталина кончина Ленина была не за горами.

Неизвестно, жаловалась ли Крупская Троцкому, — никаких на то письменных подтверждений нет, к тому же в своих воспоминаниях он непременно зафиксировал бы этот факт. Впечатление такое, что она полагалась на политический вес Каменева, влияние которого ограничивалось Москвой, и на авторитет Зиновьева, правившего в Петрограде. Она не знала, что за пределами главных городов России Сталин уже повсюду распространял свое влияние и активно готовил своих ставленников к следующему съезду, который должен был состояться ближе к лету.

25 января 1923 года газета «Правда» опубликовала статью Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин», с подзаголовком «Предложение XII съезду партии». Ленин понимал важность

предстоящего съезда и надеялся, что грозящую государству катастрофу можно предотвратить, если увеличить Центральную контрольную комиссию, введя в нее от семидесяти до ста рабочих, одновременно понизив число служащих Рабоче-крестьянской инспекции до трехсот-четырехсот человек, которые должны были выполнять чисто технические функции. Этот несложный арифметический расчет как будто ничего особенного в себе не заключал. Но для будущего России предложенные Лениным перемены могли оказаться кстати. В них заключался большой смысл. Дело в том, что инспекцией еще совсем недавно руководил Сталин. Ленин надеялся, что, сократив количество чиновников, служивших под руководством Сталина, он урежет его власть. В своей статье Ленин не скупится на уничтожающие слова в адрес правящего аппарата, который, с его точки зрения, недееспособен и сохраняется «в том же до невозможности, до неприличия дореволюционном виде». Он пишет: «Наш госаппарат… в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху…» И о Рабкрине: «Несомненно, что Рабкрин представляет для нас громадную трудность и что трудность эта до сих пор не решена». Имя Сталина в статье не упоминается, но было абсолютно ясно, против кого статья была направлена.

Ленин был намерен нанести еще более серьезный удар по Сталину в своей следующей статье — о событиях в Грузии. Он даже запросил соответствующие материалы и документы, касавшиеся этого дела. Когда Сталина попросили подготовить эти документы для передачи Ленину, он отказался выдать их Ленину без санкции Политбюро, заметив при этом Фотиевой, секретарю Ленина, что недоволен тем, как она выполняет свои обязанности. Он уже ознакомился со статьей Ленина о Рабкрине, и ему стало ясно, что Ленин знает гораздо больше, чем ему положено, — наверно, он читал газеты, или ему их читали, нарушая запреты врачей. Фотиева ответила Сталину, что лично она ничего Ленину не сообщала, а лишь исполняла свои секретарские обязанности. Исходя из ее слов, Сталин должен был догадаться, что запугать Крупскую ему не удалось и что именно она подсказывает Ленину, в каком направлении ему следует действовать.

«Грузинский вопрос» был сложным и запутанным, и Ленин поручил своим секретарям подробно изучить все связанные с ним материалы. Политбюро разрешило Ленину ознакомиться с документами по «грузинскому делу», но в тот момент наиболее важной проблемой ему представлялось преобразование Рабкрина. 1 февраля он начинает диктовать длинную статью под названием

«Лучше меньше, да лучше». Здоровье как будто возвращается к нему, он снова в отличном настроении. В новой своей статье он высказывает все то же нелицеприятное мнение о государственном аппарате. «Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его…» — диктует он. Вывод такой: необходимо поменять всю систему управления. Подобное положение с госаппаратом объяснимо: перемены в стране происходили с такой невероятной скоростью, что институты государственной власти не успевали применяться к изменявшимся обстоятельствам. Но из всех институтов советской власти Рабкрин был самым неспособным, тупым, неповоротливым, — словом, никуда не годным. «Будем говорить прямо. Наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать». Итак, перчатка была брошена. Это был открытый выпад против Сталина. Это означало бой не на жизнь, а на смерть.

Ближе к концу статьи идет текст, который можно по праву отнести к лучшим образцам журналистики, вышедшим из-под ленинского пера. Заставив себя примириться с мыслью, что в самой идее коммунизма коренятся огромные внутренние противоречия, он наконец-то понял, какая страшная пропасть разделяет голую революционную идею и искусство управления государством. Теория постоянно расходилась с практикой, а почему так получалось — этого он никогда не мог уяснить. И вот в последней своей статье — больше он уже ничего не напишет — Ленин находит ответ на вопрос, мучивший его с той самой поры, как он получил власть в свои руки. Он диктует:

«Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чинопочитания, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством. Тут не раз можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями.

Это и понятно, потому что самые смелые шаги вперед лежали в области, которая составляла издавна удел теории, лежали в области, которая культивировалась главным образом и даже почти исключительно теоретически. Русский человек отводил душу от постылой чиновничьей действительности дома за необычайно смелыми теоретическими построениями, и поэтому

эти необычайно смелые теоретические построения приобретали у нас необыкновенно односторонний характер. У нас уживались рядом теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе. Какая-нибудь величайшая всемирная земельная революция разрабатывалась с неслыханной в иных государствах смелостью, а рядом не хватало фантазии на какую-нибудь десятистепенную канцелярскую реформу; не хватало фантазии или не хватало терпения применить к этой реформе те же общие положения, которые давали такие «блестящие» результаты, будучи применяемы к вопросам общим.

И поэтому наш теперешний быт соединяет в себе в поразительной степени черты отчаянно смелого с робостью мысли перед самыми мельчайшими изменениями.

Я думаю, что иначе и не бывало ни при одной действительно великой революции, потому что действительно великие революции рождаются из противоречий между старым, между направленным на разработку старого и абстрактнейшим стремлением к новому, которое должно уже быть так ново, чтобы ни одного грана старины в нем не было.

И чем круче эта революция, тем дольше будет длиться то время, когда целый ряд таких противоречий будет держаться».

Таков был его окончательный приговор «внезапной» революции, которую Ленин осуществил в России, и заключительный абзац этого отрывка, уже не такой острый, как предшествующая ему часть, право, служил плохим утешением для потомков.

И все же приведенные выше рассуждения не были главным в его статье. Основной целью статьи было развенчание Сталина. Ленин хотел подорвать авторитет Сталина и лишить его влияния. На заседании Политбюро, где эта статья обсуждалась, Сталин предложил не печатать ее вовсе. Куйбышев пошел дальше, придумав такой ход: напечатать один-единственный экземпляр «Правды» со статьей Ленина и отослать ему для удовлетворения. Но Троцкий и другие выступили против, и 4 марта газета «Правда» вышла со статьей Ленина на первой странице.

На следующий день около полудня Ленин вызвал к себе секретаря Володичеву и продиктовал ей два письма. Опасаясь за его здоровье, врачи полюбопытствовали, что это за письма. Он ответил, что письма самые обыкновенные, чисто делового характера. Но это были совсем не деловые письма. Одно письмо предназначалось Сталину, и в нем Ленин грозил ему разрывом всех товарищеских отношений. В другом просил Троцкого

продолжать отстаивать ленинскую позицию в вопросе о Грузии. В них он писал:

«Строго секретно.
Лично.
Копия тт. Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением Ленин

5-го марта 23 года».

«Строго секретно.
Лично.

Уважаемый тов. Троцкий!

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия.

С наилучшим товарищеским приветом Ленин».

Диктовка писем заняла примерно четверть часа. Ленин попросил Володичеву напечатать их, как всегда, в пяти экземплярах и принести готовые на следующий день. Эта диктовка подорвала его силы, у него поднялась температура.

Но позже в тот же день Ленин вызвал к себе Фотиеву. В своем дневнике Фотиева записала, что он дал ей несколько поручений, но не раскрыла, какого свойства. Возможно, помимо других поручений, он просил ее позвонить Троцкому и передать на словах суть дела в подкрепление того, что было написано в письме, — чтобы лучше подготовить его к предстоящей ему

задаче. Троцкий в то время жил в Кремле, в двух шагах от квартиры Ленина. Он страдал радикулитом и лежал в постели. Врачи не разрешали ему выходить из дома. Каменев в это время собирался на Кавказ для расследования так называемого «грузинского дела». Сталин жил на своей подмосковной даче. Так что борьбу вели люди, которые друг с другом почти не встречались и не разговаривали. Все было шито-крыто, но в глубине клокотал вулкан, который временами извергался, и тогда из Горок устремлялся поток кратких посланий, от которых зависело будущее России на много поколений вперед.

Запись в дневнике Фотиевой от 6 марта сообщает нам следующее:

«Утром Владимир Ильич вызывал меня и М. А. Володичеву, которой продиктовал всего полторы строчки.

Перечитал свое письмо и. В. Сталину, продиктованное накануне. Поручил передать письмо и. В. Сталину из рук в руки и получить ответ.

Ответа и. В. Сталина Владимир Ильич прочесть не смог, так как в день получения ответа у него был сильный приступ болезни. С этого дня началось общее резкое ухудшение здоровья Владимира Ильича».

Сталин не захотел сразу отвечать на письмо Ленина, отказался. Он уже имел в окружении Ленина своего платного агента, — ну, по крайней мере одного, — и потому рассчитывал на то, что Ленин вот-вот умрет и приносить письменные извинения просто не понадобится. Он опасался, что документ такого рода мог впоследствии быть использован против него, мог бросить на него тень. Он тянул с ответом, выжидал, но к 7 или к 8 марта, то есть к тому дню, когда Сталина посетил Каменев, письмо с извинениями было уже написано. Крупская наконец получила хоть какое-то слабое удовлетворение, уже позже читая его.

Фотиева не упоминает в своем дневнике, что 6 марта Ленин продиктовал Володичевой еще одно письмо. В этом письме, переданном на следующий день Троцкому, говорилось:

> **«Строго секретно**
>
> тт. Мдивани, Махарадзе и др.
>
> Копия — тт. Троцкому и Каменеву.
>
> Уважаемые товарищи!
>
> Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь.
>
> *С уважением Ленин*

6-го марта 23 г.»

Это было последнее письмо, продиктованное Лениным. В нем он выразил свой последний протест против трех людей, которых он сам когда-то выдвинул и, назначив на высокие посты, наделил огромной властью и влиянием. Здесь нет слов раскаяния, он не пытается еще раз повиниться перед рабочими России, но чувствуется, как глубоко он сознает свою вину.

У него оставалось не так уж много времени на войну со Сталиным. 7 марта он поручил Фотиевой и Марии Гляссер, секретарю при Совнаркоме, срочно увидеться с Троцким. Ему они передали папку с документами, касавшимися «грузинского дела», вместе со всей соответствующей перепиской. Ленин как бы давал понять, что он вручает Троцкому все свои козыри, какими он сам располагал, и что отныне он рассчитывает исключительно на его помощь. «Владимир Ильич готовит для Сталина бомбу на съезде», — сказала, волнуясь, Фотиева, и Троцкий вдруг понял, насколько это все серьезно. Он просил Фотиеву и Гляссер, разрешит ли ему Ленин обсудить это дело с Каменевым, который в отсутствие Ленина исполнял обязанности заместителя Председателя СНК СССР, то есть теоретически был самой могущественной фигурой в России. Фотиева засомневалась. Согласно полученным инструкциям они должны были передать весь материал в руки Троцкому, ему лично. Больше никого ставить об этом в известность не дозволялось. Фотиева решила быстро сбегать в квартиру Ленина и оттуда запросить его окончательное решение. Через четверть часа она вернулась, запыхавшаяся, и сказала, что говорила с Лениным и его решение такое: он поручает дело одному Троцкому. «Каменев тут же передаст все Сталину, — сказал Ленин. — А Сталин заключит гнилой компромисс, а потом обманет».

Разговор с Троцким продолжался еще целый час. Троцкий был в неуверенности. Как он потом объяснял, у него не было никакого желания ни смещать Сталина и Орджоникидзе с их постов, ни исключать Орджоникидзе из партии. Как свидетельствовала Фотиева, Ленин собирался исключить его из партии «по крайней мере на два года». Троцкому же хотелось чего-то вроде «джентльменского соглашения», «честного сотрудничества между высшими партийными сферами». Троцкий считал, что надо просто навести порядок в их «общем доме» и положить конец склокам и дрязгам между руководителями государства. По его мнению, требовалась лишь небольшая «уборка», и Фотиева ушла от Троцкого в отчаянии; ей предстояло сообщить Ленину, что Троцкий не желает в одиночку поднимать

голос против Сталина.

И вот она снова у Троцкого, на этот раз с письмом к Мдивани и Махарадзе. Она указала Троцкому на слова: «Копия — тт. Троцкому и Каменеву».

— …И Каменеву? — Троцкого это удивило. — Значит, Владимир Ильич передумал? — спросил он.

— Да, — ответила Фотиева, и в ее ответе заключался весь смысл того, что произошло: Ленин, потеряв надежду на поддержку Троцкого и поняв, что тот никогда не рискнет в одиночку выступить против Сталина, передумал; другого выхода у него не было.

Они заговорили о здоровье Ленина.

— Его самочувствие ухудшается с каждым часом, — сказала она. — Не стоит верить обнадеживающим заявлениям врачей. Он разговаривает с трудом… Его ужасно беспокоит «грузинское дело». Он боится, что впадет в беспамятство, прежде чем, сумеет что-то предпринять. Вручая мне это письмо, он сказал: «Пока не поздно… Я обязан открыто выступить — время не терпит!»

— Это значит, что я могу поговорить с Каменевым? — поспешил перебить ее Троцкий.

— Очевидно.

— Попросите его зайти ко мне.

Через час к нему явился Каменев. Он был взволнован и бледен. Каменев только что был в квартире Ленина и беседовал с Крупской, все еще ожидавшей покаянного письма от Сталина. Она довела до его сведения намерение Ленина политически уничтожить Сталина. Каменев как раз собирался зайти к Сталину за письмом, но по дороге заглянул к Троцкому и признался, что видеть Сталина у него нет никакой охоты.

На том дело и кончилось. Битва двух титанов, грозившая всеобщим столпотворением и далеко идущими последствиями, не была завершена. По воле судьбы в тот момент, когда Сталин сел писать покаянное письмо, Ленин стал стремительно терять силы.

Три дня спустя, 10 марта, в результате переживаний, связанных с борьбой со Сталиным, Ленин испытал новый приступ болезни, приведший к усилению паралича правой половины тела и к потере речи. Состояние осложнялось очень высокой температурой, опасной для жизни. Только 12 марта появился первый бюллетень, сообщавший о «значительном ухудшению) в здоровье Ленина; отмечалось «некоторое ослабление двигательных функций правой руки и правой ноги». Но бюллетень явно не давал реальной картины болезни. И хотя доктор Гетье строил оптимистические прогнозы, обещая, что Ленин поправится, мало кто из врачей разделял его надежды.

Они были склонны считать, что жить ему осталось всего несколько недель, в лучшем случае месяц-другой. Но он прожил еще целых десять месяцев.

Еще до того, как Ленина сразил последний удар, он иногда заговаривал на тему о смерти с близкими людьми, которым удавалось, минуя заслоны, воздвигнутые Крупской, проникнуть к больному. Однажды он произнес: «Говорят, Мартов тоже умирает…» Своему другу Кржижановскому он сказал: «Да, кажется, я взвалил на свои плечи непосильный груз». Еще одному приятелю, Владимирову, он сказал: «Я еще не умер, а они во главе со Сталиным меня хоронят».

11 марта к нему приехал доктор Розанов. Ленин был в сознании, он понимал, что делается вокруг, но уже смутно. Своей действующей левой рукой он пожал доктору Розанову руку, а потом вдруг как-то по-детски трогательно начал ее гладить.

За несколько лет до этого случилось так, что Бухарин и Свердлов оказались в оппозиции к ленинской политик? и выразили свое несогласие с его взглядами. Ленин тогда отозвал в сторону Троцкого и спросил его:

— А что… если нас с вами белогвардейцы убьют, смогут Свердлов с Бухариным справиться?

— Авось, не убьют, — отвечал Троцкий.

— А черт их знает, — сказал Ленин и рассмеялся.

Живой труп

Тихо катились дни. Он лежал в своей постели в Горках, лишившийся дара речи, парализованный, и не спал. Его глаза были постоянно открыты — всем своим существом он денно и нощно боролся с болезнью. Два месяца он находился на грани между жизнью и смертью. Но потихоньку силы стали возвращаться к нему, и к концу июля он уже мог немного ходить. Сон восстановился. Казалось, Ленин несокрушим.

В сентябре он преподнес врачам сюрприз — самостоятельно, держась за перила, спустился вниз по лестнице. Он понимал, что ему говорили, но не мог отвечать. Симптомы паралича левой стороны исчезли, цвет лица улучшился. Крупская учила его разговаривать. Он ходил, опираясь на палочку, подволакивая правую ногу. Он гулял в лесу и собирал грибы, его катали в автомобиле по окрестностям. В парке у него была любимая аллея, и ему нравилось сидеть там на скамейке, молча глядя перед собой в пространство. Он уже мог читать газеты, но предпочитал, чтобы ему их читали вслух. Он даже снова учился писать, но

левой рукой. Шли дни. Ленин со своей загадочной полуулыбкой на лице упрямо продолжал выкарабкиваться из болезни, жадно цепляясь за жизнь.

В начале октября все говорило за то, что он на пути к выздоровлению. 9 октября Молотов объявил, что врачи, все лето избегавшие давать окончательное заключение, теперь твердо заявляют — Ленин идет на поправку; но пока затруднена речь, оставляющая желать лучшего. Под этим подразумевалось, что Ленин умел произносить всего несколько односложных слов, но и это, по мнению врачей, превосходило все их ожидания. Он даже мог — правда, с большим трудом — составить короткое предложение, помогая себе жестами и мимикой. С каждым днем его словарный запас расширялся. Он учился говорить с невероятным рвением, тренируясь часами, и иногда так переутомлялся, что Мария Ильинична попросила врачей, чтобы за больным поглядывали и не допускали перегрузок с занятиями.

Он, как прежде, разражался резким, раскатистым хохотом и в разговоре жадно впивался в собеседника глазами, по старой своей привычке чуть склонив голову набок. Казалось, в тот момент все его внимание сосредоточено было на этом человеке и никого другого для него не существовало. Он великолепно понимал, что ему говорят, но вот беда: сам он не мог свободно выражать свои мысли.

Однажды Ленин с доктором Розановым пошел в лес собирать грибы. Как большинство горожан, Розанов очень плохо искал грибы, не замечал их в траве. А Ленин распознавал гриб с нескольких метров и с громким хохотом накидывался на каждый пропущенный Розановым подосиновик или подберезовик.

Розанов описывал Ленина как на редкость мягкого и послушного пациента. За время его болезни в нем появилась какая-то тихая доброта. Но уже осенью к нему заметно стала возвращаться воля, он начал проявлять нетерпение, случались вспышки гнева. Ленин ясно дал понять, что желает есть за столом вместе со всеми: Он невзлюбил доктора Ферстера, которого раньше весьма ценил, и немецкому доктору было запрещено показываться ему на глаза. Но тот тем не менее остался в доме, и другие врачи продолжали с ним консультироваться. Ленина раздражала бесконечная вереница медицинских сестер и нянечек, и им тоже было велено, по возможности, не мозолить ему глаза. Двигательная способность правой ноги настолько улучшилась, что для него были заказаны ортопедические ботинки. Примерив их, Ленин стал носить их с удовольствием, а от всех лекарств, за исключением хинина, отказался. Доктор Розанов вспоминал, как Ленин, указывая на пузырек с хинином, бывало, говорил: «Яд!» —

и выпивал это лекарство, не поморщившись. Слово «яд» он произносил четко и без всякого усилия.

К осени здоровье Ленина настолько улучшилось, что врачи начали подумывать, а не отправить ли его на отдых в Крым. День ото дня он становился крепче, у него все яснее работала голова. Зиновьев предрекал, что еще недолго — и они будут посылать ему в Горки государственные документы для его рассмотрения, и правительство будет ждать от него указаний. «Не врачи назначают ему лечение, а он сам», — сказал Зиновьев, и так оно и было. Врачи продолжали давать больному свои рекомендации, но тайно, через Крупскую. Вскоре Ленин мог формулировать даже сложные мысли. 19 октября он объявил, что желает посетить сельскохозяйственную выставку, открывшуюся в то время в Москве.

Крупская и Мария Ильинична употребили все усилия, чтобы отговорить его от этой затеи, но он был непреклонен. Он только посмеялся над их страхами и твердо сказал, что решил ехать и ничто его не остановит. И в самом деле поехал, укутанный в теплое пальто, с Крупской и Марией Ильиничной по бокам и с шофером за рулем. Настроение у него было приподнятое. Когда они въехали в Москву, он стал здоровой рукой указывать на городские достопримечательности и, сняв кепку и размахивая ею в воздухе, приветствовал прохожих. Поездка на выставку сельского хозяйства была больше похожа на триумфальное шествие героя. Все его узнавали. После осмотра выставки Ленин попросил шофера отвезти его в Кремль, к нему на квартиру. У ворот Кремля ошеломленная охрана взяла на караул. Он улыбнулся и в ответ помахал им рукой. Он зашел в свой кабинет и зал заседаний, а потом отправился гулять по Кремлю. Есть свидетельства, что Ленин в своем кабинете обнаружил потайной ящик письменного стола вскрытым. Он сразу понял, что в его личных, секретных бумагах рылись. Это его сразило. В тот же вечер он вернулся в Горки. Окружавшие заметили, что следующие несколько дней он был необыкновенно подавлен и задумчив. Больше в Москве он не появлялся.

Некоторое время спустя, в конце ноября; Ленина навестил его старинный друг Пятницкий, ветеран революционных битв. С ним приехала небольшая группа людей, в том числе старый большевик доктор Вейсброд, лечивший Ленина, и Иван Скворцов, ученый и публицист. Пятницкий прочел в иностранных газетах, что от Ленина осталась одна тень, но вот что он увидел:

«В конце ноября 1923 г. я был в Горках у Владимира Ильича. Как-то в субботу мне позвонила Мария Ильинична, что в воскресенье можно будет поехать к Ильичу.

С нетерпением, когда придет машина за мной, я ждал. Когда она пришла, в ней уже находился Иван Иванович Скворцов (Степанов), который тоже направлялся к Ильичу.

Вместе мы заехали к Анне Ильиничне и Вейсброду, после чего направились в Горки.

В огромном парке-лесу стояла старая усадьба с двухэтажным домом, обставленным старой мебелью. По стенам были развешаны старинные портреты, очевидно, предков последних хозяев усадьбы Горок, и старинная живопись.

С нетерпением я ожидал момента, когда можно будет пойти наверх к В. И. Наконец меня и тов. Скворцова позвали наверх. Мы вошли в просторную, плохо освещенную комнату, где находились товарищи Анна и Мария Ульяновы.

Сейчас же, как мы вошли, в дверях показался Владимир Ильич, который направился к нам твердым шагом, опираясь на палку левой рукой. За ним вошла в комнату Надежда Константиновна.

Ильич поздоровался с нами очень тепло левой рукой и своей улыбкой, которой он всегда встречал старых друзей и знакомых.

В заграничной белогвардейской печати и среди обывателей распространились слухи, что Ильич сильно исхудал и совершенно не похож на прежнего Ильича.

Когда я увидел Ильича, я был сильно поражен: я увидел прежнее лицо Ильича, его умные, прекрасные глаза. Выражение его глаз, улыбка, которая играла на его лице, были такие же, какие я видел десятки и сотни раз на протяжении двадцати лет, когда мне приходилось бывать у Ильича по партийным делам.

Не очень было заметно вначале и то, что Ильич не владел речью. Ильич обыкновенно мало говорил, когда он кого-либо принимал у себя. Он заставлял говорить товарища, который приходил к нему. Слушая рассказы товарищей, он обыкновенно реагировал замечаниями и вопросами. Товарищи, которые хорошо знали Ильича, видели его отношение к вопросу, о котором шла речь, по выражению лица Ильича, по вниманию, которое он уделял этому вопросу, слушая товарищей. То же самое было, когда я и тов. Скворцов были у него.

Тов. Скворцов стал рассказывать Ильичу о ходе выборов в Московский Совет. Владимир Ильич невнимательно слушал. Во время рассказа тов. Скворцова он одним глазом смотрел на рассказчика, а другим просматривал заглавия книг, лежавших на столе, вокруг которого мы сидели. Но когда тов. Скворцов стал перечислять те поправки к наказу МК, которые вносились рабочими фабрик и заводов, — об освещении слободок, где живут рабочие и городская беднота, о продлении трамвайных линий к

предместьям, где живут рабочие и крестьяне, о закрытии пивных и пр., Ильич стал слушать внимательно и своим единственным словом, которым он хорошо владел, «вот-вот» стал делать замечания во время рассказа с такими интонациями, что нам вполне стало ясно и понятно, так же как это бывало раньше, до болезни Ильича, что поправки к наказу деловые, правильные и что нужно принять все меры, чтобы их осуществить.

После тов. Скворцова я не без волнения стал рассказывать Ильичу о моей работе в Исполкоме Коминтерна и о положении нескольких секций Коммунистического Интернационала. Я рассказывал ему о процессе Бордига в Италии, о положении в Коммунистической партии Италии, сообщил Ильичу о предстоящей выборной кампании в Англии, и что Коммунистическая партия Британии будет поддерживать — за исключением нескольких округов, где будут выставлены самостоятельные кандидаты, — Британскую рабочую партию.

Он слушал все мои сообщения не очень внимательно. Но когда я перешел к Германии и сообщил о распаде социал-демократии, об ужасном экономическом положении немецких рабочих, о массовом выходе рабочих из профсоюзов, о роли фабзавкомов, росте влияния Коммунистической партии Германии на рабочих Германии, Ильич оживился и слушал очень внимательно. Во время моего рассказа о Германии он не отводил глаз от меня. Движением головы и своим «вот-вот» он выразил свой живейший интерес к событиям в Германии.

Я забыл, что я нахожусь у больного Ильича и что его нельзя волновать. М не казалось, что я нахожусь в его рабочем кабинете, и он выслушивает рассказ о положении германского рабочего класса и выражением своего лица, своими замечаниями и своим вниманием дает понять собеседнику, что он, Ильич, очень заинтересовался сообщаемым.

Надежда Константиновна спросила меня, как в ИККИ относятся к Леви и левым социал-демократам, которые выступали тогда как организованная группа внутри германской социал-демократии.

Когда я ответил, что левых социал-демократов рассматривают как еще худших изменников рабочему классу, чем правых социал-демократов, ибо они сеют иллюзии среди рабочих своими левыми фразами, на самом же деле они проводят социал-демократическую политику против рабочего класса, Владимир Ильич своим «вот-вот» дал ясно понять, что так именно нужно рассматривать левых социал-демократов и что он давно предсказывал роль Леви и К°.

Мы ушли от Владимира Ильича в полной уверенности, что

скоро-скоро Ильич вернется к работе.

Возвращаясь обратно из Горок, мы еще говорили между собой, что когда Ильич вернется к работе, надо будет настоять, чтобы он не так много работал, как до болезни».

Возможно, это была последняя политическая дискуссия, в которой Ленин принимал участие. Время от времени Крупская задавала вопрос, который мог бы возникнуть у Ленина, и тогда больной утвердительно кивал головой или говорил: «Вот-вот!» — и интонация, с какой он это произносил, как бы предполагала целую законченную фразу. Пятницкий и Скворцов уезжали от Ленина потрясенные тем, в каком состоянии они застали больного. Его мыслительные способности стремительно восстанавливались, и это наблюдение дало им повод полагать, что со временем он сможет вернуться к своей деятельности; оставался вопрос — когда?

А 2 ноября к Ленину приехала делегация рабочих. Это была его последняя встреча с рабочими. Гости привезли с собой восемнадцать саженцев вишни, чтобы их посадили в теплице усадьбы. Одна из работниц, Холодова, потом вспоминала, как Мария Ильинична, войдя к Ленину, за закрытой дверью сказала: «Володя, к тебе друзья». Дверь открылась, и к ним вышел улыбающийся Ленин. Он снял кепку левой рукой и переместил ее в правую, а затем левой рукой обменялся со всеми рукопожатием. Гости преподнесли ему приветственные адреса, кто-то произнес краткую речь, и все прослезились. Шестидесятилетний рабочий обхватил Ленина и прижал к себе. «Я старый рабочий, я кузнец, — твердил он сквозь слезы; его фамилия была Кузнецов, и сам он был кузнец. — Да, Владимир Ильич, я старый кузнец и до сих пор работаю… Мы выкуем все, что ты наметил». Ленин и старый кузнец долго обнимались, их не сразу оторвали друг от друга. Мария Ильинична предупредила заранее, что рабочие могут побыть с Лениным не более пяти минут, и спустя некоторое время делегация собралась уходить. Каждый на прощание поцеловал Ленина. Рабочих было всего пять человек, ехали люди в Горки издалека, поэтому им предложили заночевать. За ужином Мария Ильинична подробно их расспрашивала об условиях труда на текстильных фабриках, очевидно, с тем, чтобы передать все ими сказанное Ленину. На следующее утро она сообщила им, что накануне Ленин долго не ложился спать — читал и перечитывал адреса, которые они ему вручили.

В рассказе Холодовой о встрече с Лениным настораживает одна деталь. Она писала, что, выйдя из комнаты к ним навстречу, он четко и разборчиво произнес: «Как я рад, что вы приехали». Она заверяла, будто слышала эти слова. Крупская позже писала,

что рабочие, посещавшие Ленина во время его болезни, всегда слышали, как Ленин произносил целые предложения, и, публикуя в газетах свои рассказы о встрече с ним, приводили эти якобы сказанные им фразы. На самом же деле он только улыбался, а если и говорил что-нибудь, то это были отдельные слова, не связанные между собой.

…И снова тянулись дни. Над Горками завывали зимние метели. Ленин постепенно поправлялся, к нему прибывали силы, лучше работала голова. Крупская продолжала читать ему газетные статьи, которые Ленина интересовали, и зная, что он любит Горького, принялась читать ему «Мои университеты» — автобиографическую повесть писателя. А еще у Ленина была слабость к стихам Демьяна Бедного — ему нравились примитивные вирши этого автора, он любил их послушать. Помимо чтения, Ленин упорно, до изнеможения, учился говорить, и каждый день выучивал три-четыре новых слова.

7 января 1924 года М. И. Ульянова вздумала устроить для детей рабочих и служащих совхоза и санатория «Горки» новогоднюю елку. Для этого в лесу срубили высокую ель и установили ее в большой гостиной. На ней укрепили свечки, а внизу, под елку, положили подарки. Гостиную заполнили крестьянские ребятишки и дети из рабочих семей. Они танцевали вокруг елки, и, когда вошел Ленин, они окружили его. Кто-то даже взобрался к нему на колени. Крупская и Мария Ильиничня пытались освободить его от них, но безуспешно. Ему самому хотелось побыть среди детишек.

Через неделю в Горки с коротким визитом явились Зиновьев, Каменев и Бухарин. Они нашли Ленина в заснеженном парке, где он в это время гулял. Он улыбнулся им. Зиновьева особенно поразило, сколько теплоты было в этой его улыбке. Ленин снял шапку, пожал им руки, но, видимо, беседы у них не получилось — говорить он не мог. Они вернулись в дом, где обменялись впечатлениями с Крупской. «У нас все хорошо, — сказала им она. — Он ходил на охоту, но меня с собой не взял, не хотел, чтобы я была как нянька при нем. Занятия и чтение у нас хорошо продвигаются. Он в хорошем настроении, шутит, громко хохочет. Все врачи в один голос уверяют, что к лету он уже будет разговаривать…»

19 января Крупская читала Ленину очень впечатляющий рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни». Непонятно, почему из тридцати тысяч томов произведений различных авторов, находившихся в библиотеке в Горках, Крупская выбрала для чтения вслух больному человеку именно этот рассказ. Может быть, он сам ее попросил. Ведь известно, что Джек Лондон был

его любимым писателем.

Это мрачная, совершенно беспросветная и тягостная история, в которой описываются чуткие злоключения человека, идущего через бескрайние пространства арктической тундры к берегу. Вокруг никого — безмолвие. Весь его мучительный путь больше похож на кошмарный сон. Человека бросил друг. Он бредет один, не зная куда, — он заблудился. Его терзает голод, кровоточат ноги, болит сердце. У него есть ружье, но нет пуль. Он начинает преследовать куропатку, хочет ее схватить, но как только он приближается к стае, куропатки улетают. Один день он жует перышко лука; в другой день ему попадается гнездо куропатки с птенцами, и он съедает их. Однажды он натыкается на обглоданные волками кости оленя и жадно вгрызается в них. И вот он видит в луже пескаря и начинает его ловить, но рыбка уворачивается, а когда человек с невероятными усилиями вычерпывает воду, чтобы поймать несчастного пескарика, тот уходит в щель на дне. Минуют дни. Временами сгущается туман, и тогда ничего не видно, а иногда появляется тусклое арктическое солнце, и взору человека открывается безмолвное пространство на много миль вокруг. То, что он видит, не приносит ему облегчения — ни единой человеческой души, лишь волки да олени, и однажды медведь. Он набредает на останки своего товарища, того самого, который его бросил. Его розовые, дочиста обглоданные волками кости сверкают на солнце.

Это тягучее, безрадостное повествование, рисующее жестокие страдания умирающего, оставляет сильное, болезненное впечатление. Автор не щадит своего читателя; он натуралистически, крупным планом, во всех подробностях изображает терзания своего безвестного героя. Несчастный почти теряет человеческий облик, и все внимание сосредоточено на этом полуживом существе в его последней схватке со смертью. Вот он теряет охотничий нож и ружье, и теперь у него ничего нет, кроме часов, которые он не забывает заводить каждый день. Идти он не может, он ползет, опираясь на локти и колени, оставляя за собой кровавый след. Чуя кровь, за ним тащится больной волк и слизывает кровь со следа. Ночами волк следит за ним, ждет его смерти, и человек видит его плотоядный оскал и свешивающийся набок язык. Покашливание, фырканье волка, его косой взгляд сводят человека с ума. Наконец в приступе отчаяния собрав все свои последние силы, он кидается на волка, душит его, а потом напивается его крови.

Он вслепую продвигается к берегу океана. И в какой-то момент члены научной экспедиции с борта китобойного судна замечают странное существо, ползущее по берегу. Они спускают

шлюпку и плывут за ним. Автор так описывает этот эпизод: «Они увидели живое существо, но вряд ли его можно было назвать человеком. Оно ничего не слышало, ничего не понимало и корчилось на песке, словно гигантский червяк. Ему почти не удавалось продвинуться вперед, но оно не отступало и, корчась и извиваясь, продвигалось вперед шагов на двадцать в час».

По словам Крупской, Ленин был в восторге от этого рассказа и на следующий день попросил ее прочесть еще один рассказ Джека Лондона. На этот раз она читала ему о капитане судна, который обещал нанявшему его торговцу продать его зерно по хорошей цене, но для того, чтобы сдержать слово, ему пришлось пожертвовать своей жизнью. Крупская считала Джека Лондона превосходным писателем, но иногда, к сожалению, подверженным буржуазной морали. Ленин, по-видимому, был с ней согласен, потому что, когда она высказала ему свое мнение, он залился смехом и здоровой левой рукой сделал смешной жест в воздухе. Рассказ о капитане был последний, который она ему прочла.

В то утро, проснувшись, Ленин ощутил слабость и усталость. Он пожаловался на головную боль и завтракать не стал. К вечеру он сказал Крупской, что у него болят глаза.

Были вызваны все врачи, жившие в усадьбе и не жившие в ней, но, поскольку Ленин боялся и не доверял врачам, было ясно, что он откажется им показываться. Тут Крупская вспомнила об известном глазном враче, докторе Михаиле Авербахе. Она спросила Ленина, примет ли он окулиста, и он с готовностью согласился. Мария Ильинична срочно позвонила доктору Авербаху — это было в восемь часов вечера — и около десяти он уже был в Горках. В доме собралось множество врачей, и среди них Авербах узнал Ферстера, Гетье, Розанова, Крамера, Осипова. Никого из них больной не пожелал допустить к себе для осмотра, и Крупская передавала им на словах, на что жалуется Ленин, а они, посоветовавшись друг с другом, говорили ей, что, по их мнению, следует предпринять.

Ленин уже два года читал в очках, но не хотел в этом признаваться из какой-то вполне человеческой ложной гордости. Очки ему рекомендовал доктор Авербах, и Ленин еще тогда отметил блестящий ум и манеры молодого врача, уже известного в Европе.

Доктора Авербаха немедленно провели к Ленину, и, к своему удивлению, тот нашел его в бодром состоянии духа. По обыкновению, Ленин благосклонно отнесся к молодому врачу. Тот осмотрел его глаза и ничего дурного не обнаружил. Врач предположил, что больной неловким движением правой руки,

которая не слушалась, задел глаз и легко травмировал глазное яблоко. Он провел с пациентом три четверти часа, а затем вышел к Крупской и Марии Ильиничне, дожидавшимся его в соседней комнате. Он сказал им, что не нашел никаких отклонений, и сел с ними пить чай.

Вдруг дверь отворилась, и вошел Ленин. Он побыл с ними несколько минут, поговорил и ушел, но через полчаса вернулся. Он хотел удостовериться в том, что врача накормили, и велел, чтобы ему дали накинуть на себя что-нибудь теплое, а то он будет мерзнуть в машине по дороге в Москву. Доктор Авербах решил, что Ленин намеренно вышел к ним — он хотел показать, что чувствует себя прилично и глаза его больше не беспокоят. Он даже предложил врачу остаться на ночь в Горках, но это было невозможно: с утра у доктора Авербаха был назначен прием больных.

В тот же вечер случился казус, показавший, как легко умел Ленин ввергать в панику свое окружение. После того как доктор Авербах осмотрел Ленина и отпил чай с его домочадцами, он спустился вниз, в гостиную, чтобы сообщить остальным врачам о результатах осмотра. Внезапно в гостиную вбежал студент-медик, стоявший «на часах» под дверью больного, и предупредил собравшихся, что приближается Ленин — он уже на пути в гостиную. Это была ложная тревога, Ленин не собирался спускаться вниз, но все врачи, как зайцы, тут же разбежались, за исключением Авербаха.

Из всех доступных для ознакомления медицинских отчетов, пожалуй, только записи, оставленные Розановым и Авербахом, внушают полное доверие. К тому же они проникнуты большой человеческой симпатией к больному. Тут безошибочно чувствуется искреннее сочувствие к нему как к человеку. Доктор Авербах, описывая состояние здоровья Ленина, предпочитает употреблять простые человеческие слова вместо медицинских терминов. Например, никак нельзя отнести к последним такие слова, как «бодро», «радушно». Он говорит, что они с Лениным «побеседовали», тогда как обычно врач сухо фиксирует, что больной на его вопросы ответил то-то и то-то. Можно догадаться, что беседа их была дружеской и приятной. И — что важно — Авербах видит в своем пациенте человека выздоравливающего, преодолевшего болезнь.

…Около полуночи доктор Авербах проводил Ленина до двери его спальни и сказал ему: «Вы, наверное, очень устали, Владимир Ильич. Вам пора ложиться спать». Они попрощались. Впоследствии он вспоминал, что Ленин крепко пожал ему руку. Когда машина увозила доктора Авербаха из Горок в Москву, было

уже 21 января. Вокруг бушевала снежная вьюга.

Ленину оставалось жить всего несколько часов.

16 января в Москве открылась 13-я партийная конференция. Ее целью было заложить основы решений, которые должен был принять XIII съезд партии, намеченный на весну того же года. В данном случае «заложить основы» звучит как эвфемизм. Обычно решения заранее принимала небольшая группа руководящих партийцев, а потом они безоговорочно одобрялись съездом. Ленин всегда заблаговременно готовил сценарий очередной конференции. В его отсутствие эта практика продолжалась: роли были заранее распределены и отрепетирована вся процедура.

13-я партийная конференция. резко отличалась от всех предыдущих хотя бы уже тем, что на ней не было ни Ленина, ни Троцкого. За несколько дней до ее открытия кремлевские врачи настоятельно посоветовали Троцкому выехать на курорт полечиться. Теперь, когда эти два человека, усилиями которых осуществилась революция, отсутствовали, поле битвы за престолонаследие было расчищено.

В сущности, очевидный победитель в этой схватке уже наметился — это был Сталин. Большинство участников 13-й партийной конференции были его людьми, специально им подобранными. Каменева с Зиновьевым потеснили: им отводились совсем второстепенные роли, так, для видимости. Каменев председательствовал, то есть его роль ограничивалась формальными речами при открытии и закрытии конференции. Зиновьеву было позволено обрисовать международное положение. Безликому Рыкову, давно превратившемуся в ленинскую тень, а теперь и вовсе потерявшемуся, было поручено зачитать резолюции по экономическому вопросу. За собой Сталин оставил право произнести основные речи, касавшиеся государственной политики. Боевые позиции были свободны, и главный претендент смело приближался к заветной цели — к верховной власти в стране.

Читая стенограммы отчетов 13-й партийной конференции, невольно проникаешься ощущением происходившей на ней жуткой драмы. Это просто не может ускользнуть от внимания. Сталин предстает перед нами во всей своей «красе» как человек поразительной наглости и грубого натиска, который ни перед чем не остановится для достижения своей цели. Он мягко журит своих противников, сладко им улыбается, предостерегая от ошибок, и же одним ударом повергает их. В его речах присутствует что-то механическое, тупое; при всем том он подкрепляет свои аргументы ссылками на ранние, давно забытые работы Ленина, Впечатление такое, как будто в зал заседаний прорвался тяжелый

примитивный агрегат чудовищной разрушительной силы, и таранит, и давит, и стирает в порошок все на своем пути. В двух речах, произнесенных им на 13-й конференции, проявился весь Сталин, каким его еще предстояло узнать.

Расчет Сталина был точен. Между ним и верховной властью стояли всего два человека. Под Ленина он мог копать, но исподтишка. А Троцкого свалить было легко, — недаром Сталин тщательно изучил все его слабости, — надо было только посильнее ударить.

Против Троцкого у него уже был заточен острый топорик, и удары по сопернику он начал наносить на 13-й партийной конференции. В это время Троцкий безмятежно ехал в пассажирском поезде, направляясь на отдых на Кавказ, и, естественно, отражать эти удары было некому. Сталин приписал ему шесть крупных ошибок. Между прочим, только одной из них хватило бы, чтобы отправить его на смертную казнь через повешение. Сталин обвинял его в высокомерии; кроме того, по словам Сталина, Троцкий не подчинялся дисциплине Центрального Комитета. Троцкий требовал, чтобы партия прислушивалась к голосам студенчества, то есть для него молодежь значила больше, чем старая гвардия. Он настраивал интеллигенцию против партии. Он противопоставлял партии государственный аппарат, как будто партийная работа могла вестись сама по себе, без участия аппарата. Сталин заявлял: «Ошибка Троцкого в том и состоит, что он противопоставил себя ЦК и возомнил себя сверхчеловеком, стоящим над ЦК, над его законами, над его решениями, дав тем самым повод известной части партии повести работу в сторону подрыва доверия к этому ЦК». По мнению Сталина, все это было больше, чем ошибки. В совокупности они тянули на обвинение в государственной измене.

Но это было только начало. Западня захлопнулась, когда Сталин напомнил о формулировке, предложенной Лениным и принятой X съездом РКП (б), дававшей право совместному заседанию ЦК и ЦКК двумя третями голосов перевести из членов в кандидаты или даже исключить из партии любого члена ЦК в случае нарушения партийной дисциплины или допущения фракционности. До сих пор этой формулировкой избегали пользоваться. Сталин нашел-таки оружие для расправы с оппозицией и теперь с удовольствием натачивал его.

Когда делегат Врачев, выступавший от оппозиции, сказал: «Мне кажется, нам осталось пользоваться полной демократией всего несколько часов и давайте не терять это время», он был абсолютно прав. Кончалось то время, когда делегатам

конференций отпускалось хоть несколько часов на свободные дебаты. А позже, когда тот же Врачев громко поинтересовался, что преподнесет им генеральный секретарь на следующей конференции, сталинский приспешник Ломидзе крикнул ему: «Вы не услышите — вас здесь уже не будет!» Против Сталина выступил Евгений Преображенский,[60] обвинив его в том, что он запугивает партию и травит Троцкого. Понятно, что это были не голословные обвинения. На это Сталин ответил какими-то сбивчивыми историями о якобы оскорбительном поведении Троцкого, из чего вытекало само собой, что Троцкий заслуживал такого же к себе отношения. «Это неправда, что я запугиваю партию, — сказал Сталин. — Но я надеюсь, что я запугиваю фракционеров». На конференции присутствовал студент Казарьян, член партии. Набравшись смелости, он задал вопрос: «Что у нас? Диктатура пролетариата или диктатура компартии над пролетариатом?» На что Сталин ответил так: «…Разница между Троцким и Казарьяном в том, что, по Троцкому, кадры перерождаются, а по Казарьяну, нужно прогнать кадры, ибо они сидят, по его мнению, на шее у пролетариата». Даже Радек поднял голос против Сталина, бросив ему упрек, что в составе Центрального Комитета образовалась своеобразная Директория. Сталин это обвинение в свой адрес проигнорировал. Он грубо заткнул Радеку рот, сказав, что у того язык без костей, что он невесть чего болтает и только дураки его слушают.

О Ленине Сталин говорил с уважением, но как-то кисло, с затаенным раздражением. «Оппозиция взяла себе за правило превозносить товарища Ленина гениальнейшим из гениальных людей. Боюсь, что похвала эта неискренняя, и тут тоже кроется стратегическая хитрость: хотят шумом о гениальности товарища Ленина прикрыть свой отход от Ленина и подчеркнуть одновременно слабость его учеников. Конечно, нам ли, ученикам товарища Ленина, не понимать, что товарищ Ленин гениальнейший из гениальных и что такие люди рождаются только столетиями».

Человек, возносивший сию хвалу, воистину затаил «стратегическую хитрость», и немалую.

13-я партийная конференция проходила в течение трех дней, с 16 по 18 января 1924 года. На ней царила атмосфера угроз и запугивания. Над собравшимися довлела зловещая фигура грузинского интригана и заговорщика, «железного человека», который твердо гнул свою линию, впервые открыто заявлял о своем праве на абсолютную власть в России. Вырвав власть из рук своих соперников, он станет полновластным правителем страны и будет грозным ее властелином в течение следующих тридцати

кровавых лет. Ореол его величия померкнет только с его смертью. Но даже и после этого отзвуки его голоса будут доноситься из его могилы.

Ни Крупская, ни Мария Ильинична в своих воспоминаниях не обмолвились ни словом о том, был ли Ленин осведомлен о происходивших событиях. Мы не найдем в их записях ни строчки, из которой можно было бы заключить, что Ленин знал о том, что на вершину государственной власти взошел человек, с которым он собственной волей порвал все товарищеские отношения. Однако есть основания считать, что он был в курсе дела, — ведь ему регулярно читали газеты. Вряд ли его радовал тот факт, что именно Сталин занимал теперь высший пост и безраздельно правил огромной коммунистической империей.

Ленин ненавидел, презирал и боялся Сталина. В свою очередь, Сталин ненавидел, боялся и презирал Ленина. Что касается Троцкого, то Сталин его раскусил и знал, с чем его едят. Избавиться от него Сталину ничего не стоило. Но с Лениным все обстояло иначе. С ним расправиться было не так просто; к тому же он мог еще и поправиться. Поездка Зиновьева, Каменева и Бухарина в Горки подтвердила его опасения. Все врачи в один голос заверяли, что к лету Ленин будет в состоянии вернуться к своей работе.

Смерть Ленина как раз в тот момент была бы Сталину очень на руку.

Убийство Ленина

Утром 21 января домашняя работница семьи Ленина, которую звали Евдокия Смирнова, принесла больному поднос с завтраком и поставила его на стол в кабинете. Затем она постучала в дверь спальни. Когда Ленин вышел, в его внешности она не заметила ничего такого, что могло бы указать на перемену к худшему по сравнению с предыдущим днем. Как всегда, он приветливо с ней поздоровался. Обычно он садился лицом к окну, которое выходило в парк. Так было заведено, что домашняя работница оставалась с ним в кабинете, прислуживая во время завтрака: наливала кофе, подавала тарелку или ложку, если она вдруг падала. Короче говоря, составляла ему компанию, чтобы не было скучно. На этот раз Ленин подошел к столу, но почему-то завтракать не стал. Вернулся в спальню и лег.

Домашняя работница была смышленая женщина, лет тридцати трех; до того, как ее взяли прислуживать в Горки в марте 1923 года, она работала на одной из московских фабрик.

Однако ухаживать за больными она не умела. Ее наняли в домработницы из тех соображений, что она была умная, честная и способная. Кроме того, ходили разговоры, что она приходилась дальней родственницей Ленину.

Евдокия Смирнова ждала все утро, то и дело подогревая кофейник, чтобы он не остывал. Время от времени наведывались Крупская и Мария Ильинична. Тихонько приоткрыв дверь, они смотрели, что делается в спальне. Ленин сказал Марии Ильиничне, что неважно себя чувствует. Но женщины решили, что не стоит понапрасну беспокоиться. Врачи предупреждали, что возможно временное ухудшение в состоянии здоровья больного, особенно в зимний период. Больной дремал. Чтобы его не беспокоить, прислуге было велено передвигаться по дому как можно тише. Скинув туфли, ходили в чулках. А между тем без конца звонили телефоны. Из Центрального Комитета партии, из Совнаркома, из ЧК. Все спрашивали, как здоровье Ленина. Мария Ильинична ворчала, что от звонков нет покоя, но с этим ничего нельзя было поделать.

Как раз в тот день у Алексея Преображенского, старого приятеля Ленина, жившего неподалеку от главного дома усадьбы, был в гостях Владимир Сорин, один из видных деятелей московской партийной организации. Он часто бывал в Горках. В свое время, если Ленину надоедал его огромный дом, он на несколько дней переселялся к Преображенскому. Они знали друг друга с той поры, когда вместе работали в Самаре, еще в 1890-х годах. Здесь, в Горках, Преображенский был директором местного совхоза.

Сорин прибыл в усадьбу около полудня. Преображенский сказал ему, что еще утром приходила Мария Ильинична и сообщила, что Ленин чувствует себя неважно, но серьезного ухудшения в состоянии его здоровья не наблюдается. Вскоре после появления Сорина к Преображенскому зашел один из врачей, лечивших Ленина. Надо сказать, что сообщение Марии Ильиничны немного встревожило друзей, и они решили расспросить врача поподробнее, как здоровье Ильича. «Ну, сейчас он спит, — сказал врач. — Ясно одно: к лету он совсем поправится».

В общем, если не считать беспрерывных телефонных звонков, день проходил спокойно. Ленин спал или, может быть, дремал. Утром он выпил чая, но так ничего и не съел. Поел немного за обедом, после чего сразу вернулся в спальню, лег и заснул. Временами он просыпался, открывал глаза и, увидев у постели жену или сестру, осмысленно смотрел на них и снова засыпал. Была самая середина зимы, темнело рано.

Около шести часов вечера кто-то из прислуги, находившейся в тот момент у постели Ленина, заметил, что больной тяжело дышит. Крупская и Мария Ильинична кинулись к Ленину в спальню. Немедленно был вызван дежуривший в тот день доктор Ферстер. Всем было известно, что больной не выносил врачей. Поэтому, чтобы не растревожить его и тем самым не навредить здоровью, домашние прибегли к небольшой хитрости. У кровати поставили ширму, за которой устроился доктор Ферстер. Отсюда он Ленину не был виден, но зато мог слушать его дыхание и по ходу дела советовать, какие необходимо принять меры. Постепенно дыхание наладилось, больной стал дышать спокойно. Доктор вышел из комнаты.

Но не успел врач отойти от двери, как дыхание снова стало затрудненным. Теперь больной дышал медленно, с усилием. Он задыхался, а не просто тяжело дышал, как до этого. Так дышит человек в агонии, жадно ловя последние глотки воздуха. Вскоре начались конвульсии, сильно повысилась температура, и стало ясно, что жить ему осталось совсем немного.

А в это время Владимир Сорин коротал тихий вечерок в домике напротив. Внезапно распахнулась дверь, и он услышал, как прислуга из большого дома, которую прислала Мария Ильинична, взволнованным голосом спрашивает, нет ли камфары. «Зачем нужна камфара?» — спросил Сорин. Ему ответили, что камфара стимулирует работу сердца. Выйдя на улицу, он сразу обратил внимание на то, что все комнаты верхнего этажа были ярко освещены. Такого раньше не бывало. Тогда он решил обратиться к охраннику и спросил, что происходит в доме. «Там сейчас товарищ Пакалн», — ответил тот. Сорин сразу понял, что случилось самое худшее. Все прекрасно знали, что этому Пакалну Ленин строго-настрого запретил появляться в его доме. Разве что в случае крайней необходимости.

Врач сделал все, что от него зависело, но с той минуты, когда начались конвульсии, он уже знал, что надежды мало. Скоро к нему присоединились другие врачи, Елистратов и Осипов. Все трое не отходили от постели Ленина. Больной задыхался сильнее, конвульсии участились, а затем уже не прекращались. Они были такой силы, что его исхудавшее тело швыряло с одного края постели на другой. Наконец дыхание стало прерываться, и в шесть часов пятьдесят минут вечера врачи констатировали смерть. Ленин умер.

Через некоторое время его тело было перенесено вниз, в большую гостиную. По русскому обычаю его положили на стол. Известие о смерти Ленина распространилось мгновенно.

Крупская сидела рядом с покойным и держала его за руку. Внешне она была спокойна. Но все-таки иногда горе прорывалось наружу, и у нее начинали дрожать губы.

Владимир Сорин, не осмеливаясь войти в дом, наблюдал за происходившим издали. Вдруг распахнулась дверь, и Сорин увидел на пороге женщину. Она стояла в дверном проеме и страшно плакала.

На столе Ленин лежал совсем как живой. Смерть не исказила его черт, бледность еще не покрыла его лицо. Казалось, что он полон сил. Его руки были вытянуты вдоль тела, кулаки сжаты. «Сегодня он хороший», — сказал какой-то крестьянин и тут же умолк. Владимир Сорин наконец сделал над собой усилие и вошел в большой дом. Он был потрясен силой, которая, казалось бы, исходила от мертвого тела Ленина. «У меня было чувство, — писал он позже, — что еще немного, и Ленин напряжется всеми своими мышцами и встанет со стола».

Мария Ильинична в отчаянии металась по комнате и горько плакала. Плакали и врачи. Только Крупская держалась и как будто была спокойна. А ведь, пожалуй, горе ударило ее покрепче, чем остальных.

Когда весть о смерти Ленина долетела до Кремля, Зиновьев сообразил, какой для него наступил исторический момент и, проникшись торжественностью случая, немедленно взялся за перо и бумагу. В своей обычной отстраненной манере, без тени каких-либо переживаний, он принялся отражать свои впечатления. Он делал эти заметки в течение шести дней. Вполне может быть, что это не такой уж важный документ, поскольку слишком явно свидетельствует об убогости его мышления. Но стоит при этом учесть, что Зиновьев занимал очень высокий пост и был в числе тех, кто мог реально претендовать на верховную власть в качестве наследника Ленина. Вот как он описывает эпизод, когда, узнав о смерти Ленина, шесть членов. ЦК отправились в Горки:

«Минуту назад позвонили и сообщили, что Ленин скончался. Через час мы поедем в Горки к мертвому Ильичу. Бухарин, Томский, Калинин, Сталин, Каменев и я. (Рыков болен.) Мы поедем в автосанях. И совсем как раньше, когда он еще был жив и вызывал нас к себе, мы ехали к нему в Горки, опять мы полетим к нему на крышьях. Но на этот раз…

Мы глядим на звезды и стараемся поддерживать друг с другом разговор. Ильич мертв. Что теперь будет, думаем мы. Поездка длится долго, целые два часа. Горки. Мы входим в дом. Ленин лежит на столе. На него уже надели двубортный пиджак. Цветы. Сосновые ветви. Он лежит в большой комнате. Ее окна выходят на веранду. Мороз. На этой веранде летом 1920 года мы

пили чай, и тогда же приняли решение занять Варшаву. Он там лежит как живой. Он просто отдыхает, он дышит. Конечно же, даже видно, как поднимается и опускается его грудь. Его лицо спокойно и умиротворенно. Он сейчас лучше выглядит, чем в прошлый раз, когда мы его видели. Разгладились морщинки. Остались складки кожи в нижней части лица у самых щек. Его недавно подстригли. Он выгладит молодо. У него такой отличный, свежий вид. Вот только «старик», кажется, чем-то недоволен, и вот почему мы так долго на него глядим, и слезы застилают нам глаза. Целуем его в лоб, в его несравненный лоб. Его лоб холоден, как мрамор. Мысль о том, что этот момент войдет в века, останется в вечности, пронзает сердце.

Заранее было решено, что в два часа ночи должен собраться пленум Центрального Комитета. Мы возвращались на поезде. Опоздали на час. Никто из нас никогда не забудет момент, когда мы вошли в зал. Там сидели пятьдесят человек, погруженные в молчание. Тихо, как в могиле. Очевидно, они сидели так безмолвно уже долгое время, фактически с того момента, как сюда пришли. Все они были бесстрашными ленинцами, отборными бойцами из рядов всей нашей партии, которым часто приходилось смотреть в лицо смерти. Они сидели, и губы их были крепко сжаты. Не было слов. Но наконец они начали говорить. Они сидели тут до утра. Осиротевшие. В эти часы они были так близки друг другу, как никогда раньше».

В том, как Зиновьев излагает события, не ощущается скорби; но есть интерес журналиста к самому факту смерти. Документ уснащен расхожими клише типа: «холоден, как мрамор» или: «останется в вечности». Ясно, что Зиновьев претендовал на монументальность, историчность, когда сочинял свои записки. Немногое же он смог вспомнить из своих встреч с Лениным. Только как однажды они вместе пили чай на веранде и он «посодействовал» Ленину в принятии важного решения.

Когда вышеупомянутые члены ЦК уехали в Москву, к делу приступил скульптор Меркуров. За одну ночь он снял с лица Ленина посмертную маску. На следующее утро в 11.10 приступили к вскрытию и закончили только часов через шесть. Вскрытие производили десять врачей. Во внутренних органах тела никаких признаков заболеваний обнаружено не было: сердце, легкие и прочие жизненно важные органы были в норме, какими они должны быть у вполне здорового человека его возраста. Они нашли пулю, засевшую в плечевом суставе; отметив, что пуля деформирована, врачи пришли к заключению о неправильности предположения, будто это была пуля «дум-дум»; кроме того, они не нашли следов яда кураре. На одном легком

был заметен шрам от пули. Желудок был свободен, стенки желудка расслаблены. Полость кишечника была в норме. Это очень редкий случай, когда у покойного желудок пуст, не заполнен. Химический анализ содержимого желудка делать не стали. Видимо, в намерения врачей не входило искать в теле следы яда. А если они побоялись, что он мог там оказаться?

Вскрытие черепной коробки подтвердило, что незадолго до смерти Ленин перенес удар. Нарком здравоохранения Семашко, присутствовавший в числе врачей, позже рассказывал о потрясении, испытанном ими при виде сосудов головного мозга. Они были так заизвесткованы, что, когда до них дотрагивались металлическими медицинскими инструментами, раздавался звенящий звук. Однако в заключении о результатах вскрытия врачи сочли нужным ограничиться фразой, что средняя артерия головного мозга сильно сужена и уплотнена, а в верхней части замечена небольшая, узкая ранка. Впоследствии смерть Ленина обросла легендами. Например, ходили слухи, что мозг его иссох до такой степени, что стал величиной с яблоко. Но в отчете патологоанатомов говорится, что мозг Ленина был обычного размера и веса, как у всех людей. Таким образом, зафиксированные ими повреждения головного мозга стали достаточным основанием, чтобы заключить, что причиной смерти Ленина явился артериосклероз. После чего были составлены подробное, длинное заключение, очень тщательно сформулированное, и краткий бюллетень для печати. Он гласил: «21 января в состоянии здоровья Владимира Ильича Ленина внезапно произошло резкое ухудшение: в $5^1/_2$ час. дня дыхание стало прерывистым, наступило бессознательное состояние, появились общие судороги, и в 6 час. 50 мин. Владимир Ильич скончался при явлениях паралича дыхательного центра. Произведенное 22 января в 2 часа дня вскрытие тела обнаружило резкие изменения кровеносных сосудов головного мозга и свежее кровоизлияние из сосудов мягкой мозговой оболочки в области четверохолмия, что и послужило ближайшей причиной смерти».

Бюллетень был подписан врачами: Абрикосовым, Ферстером, Осиповым, Бунаком, Дишиным, Вейсбродом, Обухом, Елистратовым, Розановым, Семашко и Гетье. По каким-то неизвестным причинам Гетье, который был личным врачом Ленина и Троцкого, своей подписи под заключением о результатах вскрытия не поставил.

Было еще одно загадочное и необъяснимое обстоятельство, связанное с процедурой вскрытия: его начали через шестнадцать часов двадцать минут после того, как была зафиксирована смерть, то есть с большим опозданием. Единственное, чем это

можно объяснить: врачи ждали разрешения из Кремля. Оно было получено, но уже вовсю шел процесс распада. По правилам вскрытие, произведенное сразу после кончины, дает наиболее точную картину причины летального исхода. И совсем другое дело, если тело анатомируют по прошествии какого-то времени. Будь там, например, яд, за шестнадцать часов от него не осталось бы и следа. Также по непонятной причине в кратком официальном бюллетене указывается такое «точное» время вскрытия: 2 часа пополудни следующего дня после смерти. А в большом, обстоятельном заключении, составленном патологоанатомами, говорится, что к процедуре вскрытия приступили немногим позже одиннадцати часов утра и закончили немногим позже четырех часов дня. Возможно, эти несовпадения не так существенны, но они дают основание предположить, что тут была допущена определенная небрежность в изложении фактов. Но мы можем пойти дальше и задать вопрос: а нет ли еще каких-нибудь несоответствий?

Смерть наступила внезапно, в тот момент ее никто не ожидал. Зато для Сталина момент был во всех отношениях выигрышный. Настолько выигрышный, что среди партийцев пополз слушок, будто бы он отравил Ленина, «чтобы избавить его от агонии». А между тем все источники сходятся в одном: не было никакой агонии, вплоть до самой смерти; да, она была, но перед самым концом.

Все свидетели убеждены в том, что смерть была неожиданной. Официальное коммюнике, переданное по радио 22 января, подтверждало, что здоровье Ленина шло на поправку. «Не было ничего такого, что предвещало бы летальный исход. За эти дни здоровье Владимира Ильича заметно улучшилось, и были все основания считать, что он и дальше будет поправляться. Но вчера вечером в состоянии его здоровья внезапно наступило резкое ухудшение». Свидетельства врачей подкрепляют вышесказанное. «В день своей смерти, — пишет доктор Елистратов, — Владимир Ильич ощущал большую слабость, чем обычно, и был апатичнее, чем всегда. Он чаще ложился отдыхать. Но не было никаких признаков того, что может разразиться серьезный приступ». Доктор Ферстер согласен с ним в том, что «в роковой день, в понедельник 21 января, у Владимира Ильича состояние было стабильное, и не было никаких опасений, что может случиться приступ. Но он случился. Внезапно, совершенно неожиданно всех, в шесть часов вечера у него начался приступ, который продолжался пятьдесят минут и закончился смертью». Оба врача до конца были у постели умирающего и знали, о чем говорят.

Когда великий человек умирает неожиданно, редко кто

верит, что он умер естественной смертью. Распространяются всякие слухи, истории и легенды о загадочных обстоятельствах ухода из жизни той или иной выдающейся личности. И немудрено. Многие из правителей России умерли не своей смертью: их взрывали, травили, в них стреляли, их закалывали ножами, душили веревкой или подушкой. Вот что убивало русских царей подчас, а не болезни. И наконец умирает Ленин, тоже неожиданно.

Мы располагаем множеством свидетельств, описывающих последние дни жизни Ленина. Наблюдения эти охватывают длительный период времени. Это впечатления многих очевидцев событий, предшествовавших его смерти. Разумеется, кое-кто из авторов позже переписал свои воспоминания, сократив или дополнив их в ущерб первым свежим впечатлениям. Но оставалось немало свидетельств, которые были напечатаны сразу вслед за кончиной. Во-первых, отчеты врачей. Они появились в газете «Правда» 31 января. Во-вторых, журналистам Борису Волину и Михаилу Кольцову удалось в поразительно короткий срок выпустить брошюру, которая называлась «Как Ленин умер». Они были ее редакторами и составителями. Книга вышла из печати 26 января. Она содержала отчеты врачей, высказывания очевидцев и полный текст заключения о результатах вскрытия. А в марте 1924 года в журнале «Пролетарская революция» были опубликованы все на тот момент материалы исследования обстоятельств смерти Ленина. Впоследствии было предпринято многотомное издание воспоминаний о Ленине. Его печатали с перерывами в течение сорока лет. Там опубликованы воспоминания разных людей: его жены, сестры, врачей, которые его лечили, охранников, несших службу на территории усадьбы, домашней работницы, той самой, что принесла ему утренний кофе в день, когда он умер, видных членов правительства и ведущих деятелей коммунистической партии. За редким исключением вся эта информация содержит одинаковые сведения. Конечно, есть незначительные расхождения. Но есть и очень серьезные несоответствия.

Все врачи без исключения единодушны во мнении, что здоровье Ленина со временем улучшалось. Трое из них, доктор Розанов, доктор Ферстер и доктор Авербах прогнозировали полное выздоровление к лету. Они отмечали, что у него появился здоровый румянец, он ходит и уже увереннее пытается разговаривать. Крупская и Мария Ильинична (а обе они находились при нем неотлучно) также обратили внимание на весьма ощутимые сдвиги к лучшему. С каждым днем силы его прибывали. Он употреблял больше слов, острее на все

реагировал, и они были уверены, что он понимал абсолютно все, когда с ним говорили.

Есть еще одно наблюдение, в котором все врачи сходились. Было замечено, что начиная с лета, всю осень и последние дни перед смертью больной старался избегать врачей. Похоже, он по каким-то неясным причинам их боялся, некоторых из них особенно. Он их не терпел и редко пускал к себе, подчиняясь уговорам жены и сестры. Точно так же не терпел он охранников, несших караульную службу на территории усадьбы. Им было дано распоряжение не попадаться ему на глаза, когда он выходил на прогулку и в доме. Охранники Пакалн и Белмас, оба из ЧК, постоянно докладывали в Москву, как обстоят дела в Горках. Но сами они Ленина видели крайне редко и информацию в основном получали из разговоров с Крупской, Марией Ильиничной или от обслуживающего персонала, которому было просто приказано докладывать чекистам, что происходит в комнатах у Ленина. Таким образом, все то время, что Ленин в Горках, оттуда ежедневно направлялись в Кремль донесения, фиксировавшие каждый его шаг.

Итак, если предположить, что Ленин был в здравом уме, то его нетерпимость по отношению к врачам и охране была скорее продиктована соображениями осторожности, а вовсе не неосознанным страхом, сопутствующим болезни. Доктор Розанов почти открыто говорит в своих воспоминаниях, что Ленин боялся быть отравленным. Например, он вспоминает, что Ленин хотел есть за столом вместе со всеми, и туг же рассказывает историю, как однажды Ленин, держа в руке пузырек с хинином, показал на него и произнес: «Яд!» А потом засмеялся. Легко можно догадаться, что смех был невеселый.

А что делать со свидетельством Троцкого, согласно которому Ленин якобы просил Сталина передать ему яд. Этот эпизод как будто бы происходил в феврале 1923 года. Создается впечатление, что Троцкий и сам не вполне этому верил, что для него это было равносильно кошмару, которому трудно найти объяснение. В том, как Троцкий об этом повествует, чувствуется, что эпизод ему представляется маловероятным: уж слишком он несовместим с личностью Ленина. Да и Сталин в данном случае выступает в совершенно чуждой для него роли этакого радетеля о жизни Ленина. Вот запись в дневнике Троцкого, датированная 1935 годом. Сделана она уже в ссылке, одиннадцать лет спустя после смерти Ленина: «Когда Ленин в феврале или в начале марта 1923 года снова плохо себя почувствовал, он вызвал, к себе Сталина и обратился к нему с настоятельной просьбой привезти ему яд. Он боялся, что опять лишится речи и станет игрушкой в

руках врачей. Ленин пожелал остаться хозяином своей судьбы. Не случайно он как-то одобрил мысль Лафарга, который считал, что достойнее самому уйти из жизни, «примкнув к большинству», чем жить инвалидом».

Дальше Троцкий рассказывает, что будто бы Сталин отказался привезти яд в Горки, но предварительно вынес этот вопрос на рассмотрение Политбюро. Кто знает, может, он подумал, что Ленин и не собирается принимать яд, а таким образом хочет проверить, насколько Сталин лоялен по отношению к нему. Хотя, возможно, тут было множество мотивов, так считает Троцкий. Например, такой: Ленин и в самом деле хотел отравиться; и он принимает зелье из рук своего смертельного врага, потому что не мог обойтись без издевки. Да, с такой просьбой, пожалуй, можно было обратиться лишь к железному, несгибаемому революционеру. «Бесспорно, — пишет Троцкий, — Ленин считал Сталина несгибаемым революционером». Заканчивая свой рассказ, Троцкий вспоминает, что сказала Крупская по поводу Сталина в 1926 году. Она назвала его человеком без стыда и совести, если он осмеливается утверждать, что такие слова говорил о нем. Ленин.

Эта запись в дневнике Троцкого была никому не известна до тех пор, пока дневник не оказался в Гарвардском университете. Полностью он был напечатан в 1958 году, почти через двадцать лет после смерти Троцкого. Надо сказать, это был не единственный случай, когда Троцкий писал, что Ленин пал от руки Сталина; за десять дней до смерти Троцкого в Мексике в журнале «Либерти» была помещена его статья, где он как-то расплывчато намекал на то, что Ленин был отравлен. При этом он не приводил никаких доказательств и не вдавался в подробности.

Вообще вся эта история в устах Троцкого звучит на редкость неубедительно, даже если принять во внимание дневниковый, почти случайный характер записи. Троцкий как будто не слишком вдумывался в то, что набросал в дневнике. Напрашивается мысль, что Крупская или Фотиева могли поделиться с ним своими страхами: мол, они боятся, что Сталин вот-вот отравит Ленина. И на этом скудном основании Троцкий нафантазировал страшную историю о том, как Ленин умоляет своего заклятого врага помочь ему уйти из жизни с помощью яда. Допустим, что все было именно так и Троцкий ошибся. А с другой стороны, если Сталин не отравил Ленина в 1923 году, что помешало бы ему сделать это спустя одиннадцать месяцев?

Через почти тридцать лет после смерти Ленина, в 1955 году, появилась книга, в которой впервые подробно излагалась версия смерти Ленина в результате отравления ядом. Речь идет об

автобиографической книге Елизаветы Лермоло «Лицо жертвы». Она проливает свет на обстоятельства, позволяющие считать, что доля истины тут есть. Автор рассказывает о том, как в 1934 году, вскоре после убийства Кирова, она была арестована и отправлена в тюрьму. Поводом для ареста послужило то, что она была знакома с Леонидом Николаевым, убийцей Кирова. И хотя это было случайное, короткое знакомство, ее тут же «взяли» как соучастницу преступления. Последующие восемь лет она провела в заключении, сменяя один «изолятор» на другой. «Изоляторами» назывались тюрьмы, в которые упрятывали важных политических заключенных, чтобы наглухо отсечь их от внешнего мира.

Иногда политических заключенных, содержавшихся в «изоляторах», выводили из камер на гимнастику, объединяя в небольшие группы, и тогда они получали возможность встретить хоть кого-нибудь из знакомых и поговорить. И однажды таким образом Елизавета Лермоло встретила Гавриила Волкова, старого большевика, участника революции 1917 года. Волков рассказал ей, что до 1923 года он работал в Кремле, выполняя обязанности директора столовой для высокопоставленных членов партии, а затем был направлен в Горки, где служил личным поваром Ленина. Крупская хорошо его знала и считала, что он человек абсолютно надежный. Около года он лично готовил все блюда для Ленина.

Со слов Волкова Елизавете Лермоло стало известно следующее. В течение всей зимы 1923/24 года Крупскую несколько раз вызывали по каким-то срочным делам в Москву, где ей приходилось задерживаться, как правило, на день-два. Когда она вернулась после первой отлучки, оказалось, что без нее состояние здоровья Ленина неожиданно ухудшилось. было назначено особое лечение, и скоро больному стало лучше.

Через десять дней Крупскую снова вызвали в Кремль. На этот раз она отлучилась на более долгий срок. И опять в ее отсутствие здоровье Ленина пошатнулось. Кроме того, он, видимо, пережил сильный испуг. Когда Волков принес ему утром чай, он не мог понять, что с Лениным, почему тот так взволнован. Наконец он понял, чего от него хотел Ленин.

Он просил Волкова связаться с Крупской, сообщить ей, что он хуже себя чувствует, и передать, чтобы она оставила все дела и немедленно вернулась в Горки. Ленин запретил ему пользоваться телефоном и просил его передать все это Крупской лично. Но в тот день поднялась сильная метель, и в Москву Волков попасть не смог. Вдобавок пришло распоряжение от Сталина, обязывающее весь обслуживающий персонал и всех врачей, живущих в Горках, не отлучаться со своих постов до тех пор, пока здоровье «нашего

горячо любимого товарища Ленина» не пойдет на поправку. Ленину между тем стало хуже. А Крупская вернулась из Москвы лишь через несколько дней.

Волков также поведал Елизавете Лермоло о последнем дне жизни Ленина. Вот что он ей рассказал.

21 января 1924 года… В одиннадцать часов утра, как обычно, Волков понес Ленину второй завтрак. В комнате никого не было. Как только Волков появился на пороге, Ленин сделал попытку приподняться на постели и встать на ноги. Протягивая Волкову обе руки, он силился что-то сказать, но получалось только невнятное бормотание. Волков подбежал к нему, и Ленин сунул ему в руку записку.

Волков спрятал ее и оглянулся. Он увидел, как в комнату вбежал доктор Елистратов. Очевидно, его привлек шум. Они оба помогли Ленину лечь в постель, и врач сделал больному инъекцию, которая должна была его успокоить. Ленин лежал тихо, полузакрыв глаза.

Записка была написана неровным почерком. Ленин был явно взволнован, когда ее писал. Волков прочел: «Гаврилушка, меня отравили… Сейчас же позови Надю… Скажи Троцкому… Скажи всем, кому сможешь…»

Волков говорил, что все те годы его мучили два вопроса: видел ли Елистратов, как Ленин передавал ему записку? А если видел, донес ли он об этом Сталину?

«— Эти вопросы лишили меня покоя, отравили все существование, — рассказывал Волков. — Каждую минуту я ощущал, что жизнь моя висит на волоске.

— Какой ужас! — воскликнула я.

— Уже позже я несколько раз сталкивался с доктором Елистратовым, но мы с ним не обмолвились ни словом. Только смотрели друг другу в глаза, и все. Мне показалось, что я прочел в его глазах ту же муку, муку человека, обреченного хранить страшную тайну. Возможно, я ошибаюсь, но мне показалось, что он такой же заложник нашей общей тайны. Не знаю, что с ним было дальше. Вскоре он исчез и в Горках больше не появлялся».

Елизавета Лермоло описывает свою встречу с Гавриилом Волковым, ничего не приукрашивая. Интонация ее повествования монотонна. Свои мыканья по «изоляторам» она излагает бесстрастно, так, как будто это описание прогулки по знакомым местам. Рассказ ее до того безыскусен, что, читая ее книгу, поневоле веришь каждому ее слову. Тут возникает вопрос: а можем ли мы верить Волкову? Да и кто поверит свидетельству, не подкрепленному никакими доказательствами?

Когда совершается преступление, в процессе его

расследования полиция, как правило, допрашивает всех и каждого, хотя бы мало-мальски причастного к преступлению. Потом все показания, собственноручно подписанные свидетелями, сводятся вместе, сопоставляются, изучаются. К слухам отношение соответствующее, их особенно на веру не берут. Главное, на что обращает внимание следствие, это любопытные расхождения, которые иногда возникают в показаниях свидетелей. Это уже зацепка, и она может вывести на след преступника. Среди множества свидетельств, описывающих последние дни жизни Ленина, есть один отчет, который очень резко отличается от всех прочих свидетельств. Настораживает также тот факт, что он был написан сотрудником ЧК, несшим караульную службу в Горках.

Александр Белмас по национальности был латышом. В личную охрану Ленина его назначил сам Дзержинский. Было это осенью 1923 года. Белмас прошел Гражданскую войну и слыл проверенным кадром ОГПУ. Его отчет о последних днях жизни Ленина краток:

«19 января, 1924 г. Ночью нес вахту у Владимира Ильича. Утром, когда моя смена кончилась, Ильич к завтраку не вышел. Потом Петр Петрович (Пакалн. — Р. П.) подошел ко мне и грустно сказал: «Ильич сегодня плохо себя чувствует, на прогулку не пойдет». Через некоторое время Мария Ильинична послала меня позвонить по телефону доктору Ферстеру, в Боткинскую больницу. Опять в доме все приуныли. Ходили мрачные. Надежда Константиновна и Мария Ильинична бессменно дежурили у постели Ильича. Все время звонил телефон. Звонили из Центрального Комитета, из Совнаркома и из ОГПУ, и все спрашивали, как здоровье Ленина. Мы очень тревожились за Ильича, молча переживали. Только Мария Ильинична ходила и всех ругала за то, что шумят. Она жаловалась, что звонит телефон и что мы сильно топаем ногами, когда ходим. Я снял валенки, чтобы не топать.

20 января. Около часа ночи Ленин потерял сознание. Все очень расстроились. Приехали из Центрального Комитета, и с ними все врачи Ленина. Крамер, Ферстер, Розанов, Обух, Гетье, Семашко, — все тут были. Пока они обсуждали, что делать, приступ кончился, но Ленин еще был слабый. Он ничего не ел со вчерашнего дня.

21 января. Телефон без конца звонит, все ужасно беспокоятся, спрашивают, как здоровье Ленина. При нем врачи и еще двое, жена и сестра, которые дежурят у постели уже третий день.

Вдруг Мария Ильинична подбежала к телефону и страшным голосом закричала: «Ленин умер». Она бросила трубку и опять

побежала в комнату к Ленину. Я спокойно повесил трубку на место. Не мог поверить, что такое случилось. Быть этого не могло. Ленин жив. Это, может быть, какая-нибудь ошибка врачей. Телефон все звонил. «Как Ленин?» Я отвечал: «Ленин жив». А телефон все звонил и звонил. Как будто вся Москва разделяла с нами скорбь. И они все спрашивали: «Как Ленин?» И я им отвечал: «Ленин жив».

Немного погодя товарищ Пакалн, начальник охраны, подошел ко мне и говорит: «Пойди скажи ребятам, что Ленин умер». Я пошел выполнить этот последний долг. Я вышел к людям, которые собрались вокруг дома и ждали. Все они повторяли: «Скажи нам… Говори скорей…» И я сказал: «Ленин умер»».

Будучи сотрудником ОГПУ, Белмас наверняка знал, как составлять точные и исчерпывающие отчеты обо всем, что видел. Их этому учили. Он умел ясно излагать свои мысли, его крестьянское происхождение не было тому помехой. Поражает в его отчете то, что он слишком заметно отличается от всех других свидетельств, передающих события тех дней. Только у Белмаса мы находим запись о том, что ночью

20 января у Ленина был приступ. Он пишет, что в это время там был Розанов. Но Розанов, согласно его собственному свидетельству, к тому времени уже уехал из Горок. Белмас заявляет, что утром 19 января Ленин уже был плох и что его жена и сестра все эти три дня дежурили у его постели. Он пишет о бесконечных звонках из Центрального Комитета, из Совнаркома, из ОГПУ — якобы всех интересовало, как здоровье Ленина. Но в тот день, если верить свидетельствам всех остальных очевидцев, состояние здоровья Ленина не внушало никаких опасений. Кроме того, настораживает обилие звонков, назойливых и как будто нетерпеливых. Всем вдруг понадобилось справляться о здоровье человека, который ни на что не жаловался. Вероятно, Белмас перепутал все на свете, для него все смешалось. До о быть, ему привиделось то, чего не было на самом деле. Из отчета становится понятно, что сам Белмас никогда в комнате Ленина не бывал, он дежурил у двери. Но вот эпизод с Марией Ильиничной, когда она, выбежав из комнаты Ленина, бросилась к телефону, произнесла- в трубку: «Ленин умер» — и убежала, оставив трубку болтаться на шнуре, похож на правду. Такой реакции можно было от нее ожидать. Не вызывает сомнения и рассказ о том, как начальник охраны Пакалн послал его к «ребятам» сообщить о смерти Ленина: «Пойди скажи ребятам, что Ленин умер». Слово «ребята» звучит вполне естественно в устах сотрудника ОГПУ. Подтекст такой: сообщи охране, кто еще не в курсе. Это тоже

похоже на правду. Все остальное в отчете Белмаса отдает фальшивкой. Такое впечатление, будто перед кончиной Ленина Белмаса в доме вообще не было, или он описывает кончину совсем другого человека.

Итак, события, которые излагает Белмас, никак не согласуются с тем, как их описывают другие очевидцы. Тут можно усмотреть только одно: намеренное искажение фактов. Белмас как бы пытается навязать нам мысль о том, что все три дня Ленин уже находился на смертном одре, что при нем было установлено круглосуточное дежурство, что начиная с 19 января он ничего не брал в рот, так как именно в тот день его здоровье резко ухудшил ось. Он также старается нам внушить, что 20 января поздно ночью у Ленина случился тяжелый приступ. Однако этот факт никем не был засвидетельствован.

А теперь, если предположить, что покушение на жизнь Ленина имело место и ему в течение тех трех дней вводили яд, постепенно увеличивая дозу, то все это укладывается в схему нарастающих симптомов болезни, в точности, как докладывает Белмас. Мгновенная смерть не устраивала Сталина, на ней нельзя было бы сыграть. Но три дня волнений за жизнь Ленина, его постепенное умирание дали бы ему отличную фору. Надо было успеть сочинить бюллетени, оповещающие о тяжелом состоянии, в котором якобы находится Ленин; подготовить почву для всенародного плача, взрыва вселенской скорби, а они неминуемо бы последовали после того, как народу сообщили бы, что Ленин умер. И тогда Сталин, умело направляя народную скорбь, смог бы решить любую задуманную им политическую задачу. Чем дольше ожидают чьей-то смерти, тем она меньше потом вызывает подозрений.

Когда мы читаем отчет Белмаса, у нас возникает ощущение, что он был заготовлен в расчете на преступный план, который не вполне удался. Иначе трудно объяснить, почему отличник секретной службы, работник ОГПУ, мог так неверно отразить факты. Единственное объяснение этому: 19 и 20 января его просто не было в Горках, а появился он только 21-го, когда ему пришлось выступать в роли вестника смерти: «Пойди скажи ребятам, что Ленин умер».

У Сталина были все возможности совершить это преступление. Охрану в Горках несли двадцать человек, все они были сотрудниками ОГПУ. Садовники, шоферы, дровосеки, даже прачки и повара, все, служившие в любом качестве в усадьбе, где находился Ленин, были агентами ОГПУ. Похоже, только Евдокия Смирнова не имела к ОГПУ никакого отношения, поскольку ее наняла в домработницы сама Крупская. Возможно, она была

дальней родственницей семьи. Ведь фамилия бабушки Ленина была Смирнова. Следует также учесть, что к тому времени заместителем председателя ОГПУ стал Менжинский, преданный человек Сталина. Несмотря на резкие замечания Ленина в адрес Дзержинского в его последних письмах, тот вряд ли поступился бы своей преданностью Ленину. Но через Менжинского Сталин мог как угодно вмешиваться в жизнь Ленина и всего его окружения в Горках. И если ему надо было отравить Ленина, он мог осуществить это без хлопот.

Почти никого из людей, кто оказался в то время в Горках, уже нет в живых.[61] Мария Ильинична и Крупская давным-давно умерли. Врачи, которые лечили Ленина, тоже отошли в мир иной. Владимир Сорин, оставивший нам одно из самых ярких повествований о последнем дне Ленина (из числа дошедших до нас документов), был репрессирован по указанию Сталина в 1944 году. Впоследствии он был посмертно реабилитирован, и теперь его казнь объясняют тем, что он был «оклеветан врагами». Волков, Пакалн и Белмас исчезли из поля зрения. За прошедшие с тех пор сорок лет многие умерли, унеся с собой в могилы и свои тайны.

У нас нет точной улики, позволяющей с определенностью назвать имя убийцы. Да, это так. Но зато есть бесчисленное множество косвенных улик, которые не позволяют нам абсолютно верить тому, что Ленин умер естественной смертью. И пусть не подкрепленные доказательствами рассказы таких очевидцев, как Волков и Троцкий, который почти накануне своей смерти говорил о том, что постепенно утверждается в мысли о насильственном отравлении Ленина, не дают нам достаточных оснований для окончательных выводов, но есть и другие свидетельства и свидетели. Среди них врачи, которые честно, сами того не ведая, положили свои веские аргументы на чашу весов правосудия. И мы обязаны принимать их доводы всерьез. Розанов не зря вспоминает, как бы обмолвившись, что Ленин хотел есть за одним столом вместе со всеми, и тот случай, когда он принял, не поморщившись, хинин и сказал: «Яд!» Мы вправе верить Розанову. Ленин, по-видимому, прекрасно сознавал такую возможность, что ему могут дать с пищей яд, и очень этого боялся. Авербах пишет, что вечером накануне 21 января Ленин был в прекрасном настроении и шутил. А в то же время сотрудник ОГПУ докладывает, что в доме царил мрак, потому что у Ленина был приступ. Так неужели мы поверим человеку из ОГПУ? Белмас выстраивает версию, которая рушится на глазах. Он доказал лишь то, что ОГПУ видит все всегда не так. Например, он докладывает о каких-то посетителях, членах Центрального Комитета, будто бы приезжавших к Ленину 20 января. Но кроме него, их никто не

видел. А если они и вправду приехали бы, то это было бы крайне подозрительно. Но еще большее подозрение вызывает то, что Белмас докладывает об их посещении Горок, тогда как они вовсе там не появлялись.[62]

Можно предположить, что решение избавиться от Ленина было принято числа 15 января, когда стало известно, что Троцкий собирается уехать из Москвы. И действительно, на следующий день он уехал. Вернемся в Горки. Одно время было принято: когда Ленин ел, при нем находилась Крупская или Мария Ильинична. Но постепенно они перестали придерживаться этого правила. Вместо них еду приносила домашняя работница или еще кто-нибудь из прислуги, кто имел на это разрешение. Поскольку, согласно отчету Белмаса, первые симптомы ухудшения в здоровье Ленина проявились 19 января, можно догадаться, что в тот день была предпринята первая попытка его отравить: ему ввели первую дозу яда. Однако что-то не сработало. Ленин, возможно, отраву не принял, а если она и попала в его организм вместе с пищей, то он, будучи человеком крепкого здоровья, этот удар выдержал. И тем не менее чекист счел, что дело сделано, и рапортовал своему начальству. И на второй день, судя по всему, попытка не удалась. Ленин ощутил острую боль в глазах, и больше никаких других признаков отравления. Мы вполне доверяем такому авторитетному источнику, как доктор Семашко, который свидетельствует: утром 21 января Ленин выпил чай, потом еще раз выпил чай незадолго до обеда и немного поел за обедом. По всей вероятности, в одной из чашек чая или в пище, поданной ему на обед. и была та смертельная доза яда. После этой дозы он уже не оправился.

Представляется, что так оно примерно и было. Редко когда при расследовании убийства удается выяснить мельчайшие детали. А в случаях отравления ядом почти всегда затрудняются определить, каким способом он был введен в организм жертвы. Если в человека стреляли, мы знаем, отчего он умер. В расследовании случаев убийства путем отравления всегда есть элемент догадки. Мы имеем гору улик, и пусть каждая из них, взятая в отдельности, не так уж важна сама по себе, в совокупности это серьезное свидетельство. Но главную улику оставил нам Белмас. Его нелепый отчет о смерти Ленина был впервые опубликован в 1960 году. О дальнейшей судьбе самого Белмаса мало что известно. Пожалуй, только то, что спустя какое-то время он вышел в отставку и сам Сталин назначил ему пенсию.

Апофеоз божества

22 января в 11 часов утра, когда председатель ЦИК СССР Калинин открыл XI Всероссийский съезд Советов, он начал с того, что попросил всех встать. Слезы катились по его лицу. Он стоял перед собравшимися делегатами съезда и молчал, не в силах вымолвить ни слова. Вдруг, нарушая тишину, полились звуки траурного марша — включили фонограф. Затем музыка так же внезапно оборвалась. И тогда Калинин, превозмогая душившие его рыдания, сдавленным голосом произнес:

— Я принес вам страшную весть о нашем дорогом товарище, Владимире Ильиче…

Он умолк, не закончив фразы. Где-то наверху, на галерке, ахнула женщина, застигнутая врасплох страшной догадкой. И сразу в нескольких местах зала послышались всхлипывания и стоны.

— Вчера, — продолжал Калинин срывающимся голосом, — вчера он перенес еще один удар, который парализовал его, и… — он опять смолк. Несколько секунд он беспомощно смотрел в зал, словно перед ним была пропасть. Так он и стоял в оцепенении; произнести последнее слово было для него все равно что решиться сделать шаг в бездну. Но наконец он словно исторг его из себя, со стоном почти выкрикнув: — …и умер.

И тут же в глубине зала раздался вопль скорби и боли. Рыдания становились все громче, они потрясали своды и, усиленные акустикой, заполняли все пространство зала. Людское горе грозило вылиться в массовую истерику. Все на разные лады исступленно повторяли имя Ленина, будто произносили заклинания, способные вернуть его к жизни. Калинин в растерянности смотрел на делегатов съезда, не в силах прекратить нарастающую истерику. Наоборот, весь его облик невольно провоцировал людей на столь буйное изъявление чувств: на трибуне, у всех на виду, содрогающаяся от рыданий тщедушная фигурка с залитым слезами лицом и трясущейся бородкой; при ярком освещении его лицо напоминало античную трагическую маску. Но в это время прогремел густой бас Авеля Енукидзе, секретаря Президиума ЦИК СССР, который перекрыл все остальные голоса. Он потребовал тишины в зале. После чего Калинин, хоть и с трудом, смог зачитать официальный бюллетень-некролог.

Документ этот производил странное впечатление. Прежде всего, в нем объявлялось о внезапной кончине Ленина,

наступившей накануне вечером вопреки всем ожиданиям и надеждам на выздоровление, признаки которого он так явно обнаруживал все последнее время. Далее в бюллетене выражалась уверенность в том, что 11 съезд Советов СССР «примет все необходимые решения, чтобы обеспечить бесперебойный шаг в работе Советского государства». Получалось, будто Ленин передавал всю власть в руки делегатов съезда. На самом же деле всем было известно, что власть в стране с грехом пополам осуществляется триумвиратом в лице Сталина, Зиновьева и Каменева. Далее следовали стандартные фразы на официально-бюрократическом языке госчиновников, в которых они заверяли народ в том, что советское правительство, выражающее волю трудящихся масс, будет и впредь вести страну по пути, намеченному Лениным.

Позже в тот же день появился еще один некролог, более велеречивый и пространный. По стилю в нем безошибочно угадывалась рука Зиновьева. «Смерть унесла от нас основателя Коммунистического Интернационала, вождя мирового коммунизма, гордость и славу международного пролетариата, знамя порабощенных народов Востока, руководителя диктатуры пролетариата в России». Он писал, что после Маркса Ленину не было равных, что он был единственным, кто посмел заглянуть в грядущее и, сорвав завесы истории, построить общество будущего. Это был человек, одаренный неограниченным, сверхчеловеческим умом и невероятной работоспособностью. Он внес значительный вклад в бесценное наследие марксизма. Еще ни один человек на свете не взваливал на свои плечи столь непомерный груз ответственности за судьбу рабочих в стране Советов и мирового пролетариата в целом. Теперь, после его ухода, партия еще неуклонней и ревностней будет следовать по пути, начертанному Лениным, «высоко над головой неся в своих руках оставленный нам Лениным завет».

Можно было бы заподозрить Зиновьева в том, что в последней его фразе содержится некая скрытая ирония. Конечно, если он имел в виду то самое ленинское завещание на трех страничках, надиктованное им незадолго до смерти. Ведь там он Зиновьева пощадил. Зато Сталина он в своем завещании буквально стер в порошок. Но скорее всего Зиновьев употребил это слово, «завет», в переносном смысле. Ведь завещание Ленина, его «завет», должен был быть озвучен в мае на очередном партийном съезде. Однако есть основание считать, что стоявший у власти триумвират имел своих агентов в секретариате Ленина и потому ему было известно о существовании этого документа задолго до того, как Крупская, в порядке партийной дисциплины,

должна была довести его текст до сведения товарищей.

Из всех пигмеев, состоявших при Ленине, Зиновьев, пожалуй, был самым бездарным и бездеятельным. Но иногда он мог выдать эффектную, запоминающуюся фразу. В его нескладном, претенциозном некрологе, а точнее, в страшно затянутом вступлении к нему, есть один пассаж всего в четыре строчки, который резко выделяется на общем фоне немногословностью, простотой и силой чувства:

> «Ленин жив в сердце каждого порядочного рабочего.
> Ленин жив в сердце каждого крестьянина-бедняка.
> Ленин жив в миллионах колониальных рабов.
> Ленин в в лагере наших врагов, в их ненависти к ленинизму, коммунизму и большевизму».

Россия словно окаменела от горя. Люди давно знали, что Ленин может умереть, и боялись этого. И вот случилось, и событие это настолько пришибло, что многие не могли опомниться. Пока он был жив, еще жива была надежда на то, что революцию можно направить в соответствующее русло, внести кое-какие изменения, и тогда реформы наконец-то начнут приносить желаемые плоды. Ленин был безжалостным прорабом преобразований, молотом, разбивающим оковы, творцом всего нового. Можно сказать, что он один, своей головой и собственными руками, осуществил социальную революцию. Остальные только участвовали, как фигурки на шахматной доске, послушные ленинской воле. Многие из них нутром чувствовали, какой тяжестью ложились неправые дела на совесть Ленина, но только по прошествии многих, многих лет они узнали, как жестоко он страдал в последний год своей жизни. Теперь, когда он ушел, они смотрели в будущее с отчаянием и безнадежностью. В ту суровую, горькую зиму со всех концов утонувшей в снегах России в Кремль неслись послания, проникнутые скорбью и болью. Часто в них слышались истерически-истошные нотки. Газеты «Известия» и «Правда» в провинциальных городах выходили с врезками местных журналистов. Тут они давали волю неуемной фантазии и гневу, не стесняясь в выражениях. Например, смоленская «Правда» под заголовком «Проклятие изменникам» опубликовала нижеследующее заявление рабочих одного из городских кооперативов: «Все собрание трудящихся и руководящего состава кооператива проклинает тех, кто предал интересы трудящихся классов и от чьей руки погиб Ленин. Пусть эти свиньи знают, что убито только тело Ленина, но его святые заветы живут». Многие думали, что Ленин был убит иностранными агентами. А многие притворялись, что так думают.

Люди не знали и даже представить себе не могли, что за гибелью Ленина стоит Сталин.

Троцкий был одним из тех, кто считал, что Сталин действительно замешан в убийстве Ленина. По дороге в Сухуми, куда Троцкий ехал, чтобы лечиться от давно мучившей его непонятной болезни, его поезд сделал остановку в Тифлисе. Там ему была вручена расшифрованная телеграмма. Даже не заглядывая в нее, по выражению лица своего секретаря он понял, что произошло нечто ужасное. Он прочел телеграмму и передал ее жене, которая уже обо всем догадалась. Телеграмма была короткая; в ней лаконично сообщалось, что скончался Ленин. Она была от Сталина.

Когда на людей обрушивается огромное горе, каждый волен переживать его по-своему. Некоторые находят утешение в слезах, а кто-то в ярости ищет виноватого или вообще любой повод для выхода чувств, как те рабочие смоленского кооператива. А есть такие, кого горе пронзает до самой глубины души, и они живут с ним, и лелеют его, но переживают его молча. Чувства гнева Троцкий не испытывал, возмущения тоже. Он был просто оглушен, раздавлен. Тут же по прямой линии он связался с Кремлем, и ему сообщили, что похороны состоятся на следующий день, так что он вряд ли успеет вернуться к этому времени в Москву. Потому ему рекомендовали продолжить свой путь на лечение. Троцкий безвольно, бездумно покорился. Может быть, он смутно сознавал, что его отсутствие на похоронах Ленина будет еще одним шагом к его собственной гибели.

В автобиографии Троцкий вспоминает, как тогда, в Тифлисе, уступая настойчивым просьбам тифлисских товарищей, он стал сочинять для местных газет небольшую статью на смерть Ленина. Ему не хватило времени, и для того, чтобы он смог закончить ее, поезд пришлось задержать на полчаса. Эта статья была позже перепечатана всеми российскими газетами. Писал он ее против воли. «Я не мог протянуть руку, чтобы взяться за перо», — признался он в автобиографии. И действительно, получилось нечто сбивчивое, невнятное, изобилующее повторами и вялое. Такое впечатление, что он сам себя уговаривает, что Ленина нет, и все никак не может привыкнуть к этой мысли. Он пытается рисовать образы: гигантские, обрушивающиеся в море скалы; пронзающий насквозь укол иглы. Но образы не работают. Он ищет слов и не находит их, они какие-то плоские, не те. Вообще, похоже, ему было все равно, что писать, лишь бы заполнить словами чистый лист бумаги. И потому перед нашим мысленным взором предстает такая картина: над гробом великого вождя революции склонился сломленный горем другой великий

революционер; слезы застилают ему глаза, его душат рыдания, он пытается произнести прощальные слова, а вместо этого раздаются всхлипывания. Вот что он пишет:

«Ленина нет. Нет больше Ленина. Непонятные законы, которые руководят работой артерий, лишили его жизни. Медицина оказалась бессильной сотворить то, на что так горячо надеялись, чего так желали миллионы человеческих сердец.

Сколько нашлось бы людей, которые без колебаний пожертвовали бы своей собственной кровью, всей, до последней капли, чтобы оживить и обновить артерии великого вождя Ленина-Ильича, единственного, незаменимого. Но чуда не случилось, наука оказалась бессильной.

И вот нет Ленина. Подобно тому, как гигантские скалы, обрушиваясь, падают в море, так эти слова падают в наше сознание. Это не поддается пониманию, не поддается осмыслению.

В сознании трудящихся всего мира этот факт никак не укладывается: ведь враг еще очень силен, путь долог, и великое дело, величайшее в истории, остается незавершенным; потому что трудящимся классам всего мира так нужен был Ленин, как, возможно, никто в мировой истории еще не был нужен.

Второй его приступ, еще более жестокий, чем первый, продолжался более десяти месяцев. Артерии постоянно «играли с ним дурные шутки», как сказали врачи с горечью. Они и вправду сыграли ужасную шутку с жизнью Ленина. Мы могли ожидать улучшения его здоровья, но и катастрофы. Мы могли ожидать полного выздоровления, вместо этого нам — предстояла катастрофа. Центр головного мозга, управляющий дыханием, отказался функционировать, и мозг великого гения отключился.

Нет Владимира Ильича. Партия осиротела. Осиротел рабочий класс. Такое чувство мы испытываем, узнав о смерти нашего учителя и вождя.

Как нам идти вперед, как нам найти дорогу, не сбиться с нашего пути? Потому что, товарищи, нет больше Ленина.

Ленина нет, но ленинизм живет. Бессмертны в Ленине — его доктрина, его работа, его метод, его пример, — это все живет в нас, в партии, которую он создал, в первом государстве рабочих, чьей главой он был и которым он управлял.

Теперь наши сердца так переполнены скорбью, потому что мы были современниками Ленина, потому что мы работали с ним и учились у него, и все это было нам дано милостью истории. Наша партия — ленинизм в действии, наша партия сама — коллективный вождь трудящихся классов. В каждом из нас живет частичка Ленина, и она лучшее, что в нас есть.

Как нам идти вперед? Со светом Ленина в наших руках. Найдем ли мы путь? С помощью коллективного ума, коллективной воли партии мы его найдем.

Завтра и послезавтра, и еще целые недели и месяцы, что у нас впереди, мы будем ловить себя на том, что до сих пор задаем себе вопрос: неужели Ленин и в самом деле умер? Еще долго его смерть будет нам казаться невероятной и невозможной, ужасным деспотизмом природы.

И пусть наши сердца всякий раз пронзает острая боль, словно укол иглы, если мы посмеем забыть, что такое для каждого из нас Ленин: указующий перст, предупреждение, призыв.

Ваша ответственность сейчас возросла. Будьте достойны дела, которому вас учил ваш вождь. В горе, печали и беде мы еще теснее сплотим свои ряды и наши сердца, объединившись для предстоящих битв.

Товарищи, братья, Ленина больше нет с нами.

Прощай, Ильич! Прощай, наш вождь!

Тифлис, вокзал, 22 января 1924 г.».

В автобиографии Троцкий не приводит текста этой статьи. Возможно, ему было за нее неудобно; понимал, что так всхлипывать и причитать простительно ребенку, потерявшему родного отца. И только однажды, в том месте, где Троцкий говорит об «уколе иглы», он, казалось бы, сквозь всю свою скорбь прозревает и с помощью этого образа дает нам что-то понять. Что? А нет ли тут мысленной связи со смертоносной иглой, вспрыснувшей яд в кровь Ленина?

Закончив статью, Троцкий дал команду, и поезд двинулся дальше. В Москве бушевали страсти, вовсю шла борьба за власть. А Троцкий в это время пребывал в Сухуми и грелся на солнышке.

В Москве солнце не показывалось. Над столицей нависли свинцовые тучи, без конца валил снег, и по улицам гулял пронзительный, ледяной ветер. Такой суровой зимы не помнили давно. И вот в один из тех дней в Москву в пурпурно-красном гробу было доставлено тело Ленина. В крышке гроба были сделаны три окошка, одно наверху и два по бокам, чтобы было видно его лицо. Несколько километров от Горок до ближайшей железнодорожной станции люди несли гроб на своих плечах. Было это утром, 23 января. И потом, уже в Москве, в самую пургу, его гроб снова несли на плечах от Павелецкого вокзала к Дому союзов, бывшему дворянскому Благородному собранию.

По распоряжению Дзержинского на всех домах были вывешены красные флаги с черной траурной каймой, и по всему пути следования траурной процессии были выстроены плечом к

плечу две шеренги солдат. Поначалу солдаты кремлевского гарнизона вызвались, посчитав, что заслужили такое право, доставить гроб Ленина на лафете пушки с впряженной в нее шестеркой белых лошадей. Но им было отказано. Весь этот путь гроб несли на плечах по заметенным снегом улицам видные партийные деятели. Временами они останавливались, чтобы сменить друг друга. И процессия возобновляла свой неспешный путь. Не палили пушки в честь покойного. Это будет позже, когда гроб с его телом поместят в небольшую усыпальницу, построенную на Красной площади.

Из всех окон тысячи москвичей молча наблюдали печальное шествие. Бешеные порывы ветра трепали траурные флаги. Снежные вихри иногда застилали окна, и траурный кортеж на время скрывался из вида. Чтобы защитить гроб от снега, его покрыли тяжелой портьерой с вышивкой и кистями.

Наконец гроб с телом Ленина был установлен в Колонном зале Дома союзов на постаменте, специально сооруженном для такого случая. Плакат над гробом гласил: «Ленин умер, но его дело живет». Знаменательно, что годы спустя в этом зале по воле Сталина большинство из соратников Ленина предстанут перед судом, и им будет зачитан здесь смертельный приговор.

По углам гроба возвышались колонки, из-за чего все сооружение, на котором лежало его тело, напоминало старомодную кровать с пологом. Ленин был укрыт кумачовым покрывалом. Люди, видевшие его в тот день, вспоминали потом, что лицо его было желтовато-белого цвета, как воск, и без единой морщинки. Глаза были закрыты. И все равно создавалось впечатление, что он просто спит: такая поразительная сила исходила от него, даже мертвого. По всем четырем углам гроба в почетном карауле стояли члены Центрального Комитета и Совета Народных Комиссаров. Каждые десять минут они сменялись. Здесь, в Колонном зале, телу вождя предстояло находиться на обозрении в течение четырех дней.

Со всех концов России несметными тысячами в Москву стекался народ. Людские потоки устремились к Колонному залу. Утопая по колено в снегу, в двадцатиградусный мороз паломники выстраивались в длинные очереди. На улицах горели огромные костры, так люди пытались хоть немного согреться. Но это не спасало. В те дни над Москвой бушевали снежные бури. Очень многие не выдерживали холода и толчеи в этом бесконечном человеческом море и теряли сознание. На ноги были подняты все врачи, по городу сновали кареты «скорой помощи». Иногда в измученной, но покорной судьбе толпе кто-нибудь затягивал революционную песню, и народ ее подхватывал.

Поначалу было решено, что каждую ночь двери, через которые в Дом союзов текла очередь, будут закрываться. Но они оставались открытыми днем и ночью вплоть до вечера 26 января. Люди, попадавшие в Колонный зал, двигались, как автоматы, словно они оказывались под воздействием гипноза. С каменными лицами, не отрывая глаз от мертвого тела, они молча шли мимо гроба и, даже находясь почти у выхода, повернув головы назад, продолжали смотреть, как завороженные, на восковой лик, покоящийся на подушке. С мороза их дыхание поднималось вверх облачками теплого пара, и иногда эти пары так сгущались, что сквозь них было трудно разглядеть тело Ленина. Чтобы народ следовал цепочкой, не сбиваясь, пол застелили красной ковровой дорожкой. И тем не менее, как потом рассказывали очевидцы, находилось немало людей, которые, позабыв про красную дорожку, двигались вперед и натыкались на стену, как загипнотизированные.

Большинство из тех, кто пришел взглянуть на почившего вождя, никогда до этого его не видели. Они в безмолвии входили и так же в безмолвии выходили. Поэт Маяковский, вспоминая траурную процессию, тянувшуюся к Колонному залу, отмечал, что люди вели себя неестественно тихо, были вежливы друг с другом и преисполнены благоговения. Они не делали лишних движений, хотя бы для того, чтобы согреться. В поэме «Владимир Ильич Ленин» Маяковский описал чувства, которые он сам испытал, проходя через Колонный зал:

Мы
 хороним
  самого земного
изо всех
  прошедших
     по земле людей.
Он земной,
   но не из тех,
     кто глазом
упирается
   в свое корыто.
Землю,
   всю
     охватывая разом,
видел то,
   что временем закрыто.
Он, как вы
  и я,

совсем такой же,
только,
может быть,
у самых глаз
мысли
больше нашего
морщинят кожей,
да насмешливей
и тверже губы,
чем у нас.
……..
Кто
сейчас
оплакал бы
мою смертишку
в трауре
вот этой
безграничной смерти!
Со знаменами идут,
и так.
Похоже —
стала
вновь
Россия кочевой.
И Колонный зал
дрожит
насквозь прохожен.
Почему?
Зачем
и отчего?
Телеграф
охрип
от траурного гуда.
Слезы снега
с флажьих
покрасневших век.
Что он сделал,
кто он
и откуда —
этот
самый человечный человек?

Так они шли, час за часом, день за днем, и было такое

впечатление, что они могли бы так идти месяцами, бесконечно. Прорвалось глубокое религиозное чувство, еще живое в народной душе. Как будто была, наконец, удовлетворена ее потребность в священной жертве: Ленин почил, и народ обожествил его за это. За гробом они чтили его больше, чем при жизни. Пройдут многие годы, а люди все так же будут тянуться в мавзолей, чтобы поклониться своему божеству.

Надо сказать, большевистские вожди не ожидали столь могучего взрыва чувств у народа. По всей вероятности, они планировали захоронить тело Ленина 25 января. Во всяком случае, в провинциальных газетах сообщали, что похороны Ленина состоятся 25 января в четыре часа дня. Но число скорбящих не убывало. Их привозили в Москву поезда, и захлопнуть перед ними двери Дома союзов было просто немыслимо. Позакрывались фабрики и заводы: рабочие считали своим долгом отдать последнюю дань покойному. Время как будто остановилось в те суровые дни, когда дул пронизывающий ледяной ветер, свирепствовала пурга и на углах занесенных снегом улиц горели костры. Казалось, в том, что он умер зимой, в самое темное, самое тяжкое время года, был свой, таинственный смысл.

Крупская не отходила от гроба. В ее горестном молчании, отрешенности и неподвижности было что-то от надгробного изваяния. И те, кто нес почетный караул у гроба, тоже молчали, подавленные торжественной тишиной смерти. На их глазах около тела Ленина происходило рождение нового культа со всеми необходимыми ритуальными действами. Под сводами Колонного зала приглушенно слышались звуки революционных песен, которые доносились снаружи. Их пели многотысячные толпы, ожидавшие в очередях на улице.

26 января последние потоки траурной процессии прошли через Колонный зал. В тот день открылся 11 Всесоюзный съезд Советов. Прежде всего он официально воздал последние почести покойному вождю. С прощальными словами выступили Калинин, Крупская, Зиновьев, Сталин и другие. Когда Калинин закончил свою речь, заиграли «Траурный марш» Шопена. После этого выступила Крупская. Она говорила тихо, но отчетливо. Речь ее была коротка и трогала своей неподдельной искренностью:

«Товарищи, за эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумала всю его жизнь, и вот, что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого он не говорил сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную, минуту. Я говорю об этом потому, что это чувство он получил в

наследие от русского героического революционного движения. Это чувство заставило его страстно, горячо искать ответа на вопрос — каковы должны быть пути освобождения трудящихся? Ответы на свои вопросы он получил у Маркса. Не как книжник подошел он к Марксу. Он подошел к Марксу, как человек, ищущий ответа на мучительные настоятельные вопросы. И он нашел там эти ответы. С ними пошел он к рабочим.

Это были 90-е годы. Тогда он не мог говорить на митингах. Он пошел в Петроград в рабочие кружки. Пошел рассказывать то, что он сам узнал у Маркса, рассказать о тех ответах, которые он у него нашел. Пришел он к рабочим не как надменный учитель, а как товарищ. И он не только говорил и рассказывал, он внимательно слушал, что говорили ему рабочие. И питерские рабочие говорили ему не только о порядках на фабриках, не только об угнетении рабочих. Они говорили ему о своей деревне.

…Мы вот теперь много говорим о смычке между рабочими и крестьянами. Эта смычка, товарищи, дана самой историей. Русский рабочий одной стороной своей — рабочий, а другой стороной — крестьянин. Работа среди питерских рабочих, разговоры с ними, внимательное прислушивание к речам дало Владимиру Ильичу понимание великой мысли Маркса, той мысли, что рабочий класс является передовым отрядом всех трудящихся и что за ним идут далее трудящиеся массы, все угнетенные, что в этом его сила и его залог победы».

Панегирики Зиновьева и Калинина были выдержаны в рамках традиционного стандартного большевистского красноречия. Они, как водится, были длинны и пусты по содержанию. И вот выступил Сталин. Его речь поразительно отличалась от того, с чем выступили предыдущие ораторы. Сталин многое подметил и понял. Он увидел, что в покойном вожде народ обрел новое божество. И понял, что Богу — богово, а он свое возьмет, если будет играть роль смиренного ученика и последователя святого, который в ином мире возымел еще большую власть над душами простого народа, чем при жизни. Речь Сталина по стилю напоминала подражание библейским текстам; несомненно, сказались годы его юности, которые он провел в духовной семинарии. Он придумал нечто вроде молитвы с провозглашением основных постулатов-заповедей, с рефренами и ответствиями, как это делается во время литургии. Позже, когда речь Сталина печаталась в собрании его сочинений, он велел эти «заповеди» и ответные слова «хора», которые шли через определенные интервалы, выделить из общего фона цветистых славословий Ленину шрифтом:

«УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ

ДЕРЖАТЬ ВЫСОКО И ХРАНИТЬ В ЧИСТОТЕ ВЕЛИКОЕ ЗВАНИЕ ЧЛЕНА ПАРТИИ. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ХРАНИТЬ ЕДИНСТВО НАШЕЙ ПАРТИИ, КАК ЗЕНИЦУ ОКА. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ХРАНИТЬ И УКРЕПЛЯТЬ ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ НЕ ПОЩАДИМ СВОИХ СИЛ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫПОЛНИТЬ С ЧЕСТЬЮ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ УКРЕПЛЯТЬ ВСЕМИ СИЛАМИ СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ УКРЕПЛЯТЬ И РАСШИРЯТЬ СОЮЗ РЕСПУБЛИК. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ ВЫПОЛНИМ С ЧЕСТЬЮ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ВЕРНОСТЬ ПРИНЦИПАМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ НЕ ПОЩАДИМ СВОЕЙ ЖИЗНИ для ТОГО, ЧТОБЫ УКРЕПЛЯТЬ И РАСШИРЯТЬ СОЮЗ ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕГО МИРА — КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ!»

Так Сталин объявил себя верховным жрецом культа Ленина, пастырем всех правоверных ленинцев. Много еще времени пройдет, прежде чем народ узнает, что, «уходя от нас», Ленин провозгласил вечную анафему Сталину. Но совесть не дым, глаза не ест. И сочиненная Сталиным пародия на молитвенное богослужение стала прелюдией к его восшествию на трон. В ней воплотилась вся мера его наглости, лицемерия и цинизма.

На II Всесоюзном съезде Советов были приняты решения, которые, по сути, возводили Ленина в статус божества. Посмертно он был осыпан всеми мыслимыми и немыслимыми почестями, абсолютно неприемлемыми для него при жизни. Но это было единодушным пожеланием делегатов съезда. Колыбель революции, Петроград, названный так в честь святого Петра, отныне переименовывался в Ленинград. Каждая годовщина смерти Ленина должна была стать днем национального траура. Было решено воздвигнуть памятники Ленину во всех наиболее крупных городах страны. Все его выступления и речи, которые он когда-либо писал или произносил по какому-либо поводу, должны были войти в солидно изданное полное собрание его

сочинений. Его тело должны были забальзамировать и поместить в мавзолей, чтобы все могли увидеть, что Ленин и после смерти не утратил своего величия. Создавая нетленный образ вождя, устроители погребальных торжеств вплели в церемониал захоронения элементы обрядов Древнего Египта, где почти аналогичным образом поступали с покойными фараонами; не забыли и римских кесарей; было тут что-то и от традиций диких племен, некогда кочевавших в степях России. По сравнению с пышностью, которой отличался церемониал похорон вождя революции, похороны царей в соборе Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге были куда скромнее.

Из всех делегатов съезда нашелся только один человек, выступивший против обожествления Ленина. Это была Крупская. Честно выполняя его волю, она возражала против всех этих почестей, посмертно сыпавшихся на покойного, против возвеличивания его до статуса божества, против поклонения ему. Но к ней не прислушались. Несколько дней спустя в верхнем правом углу газеты «Правда» было помещено ее обращение к рабочим и крестьянам, горячо откликнувшимся на смерть Ленина. Она писала:

«Товарищи рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки!

Большая у меня просьба к Вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д. — всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим. Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране. Хотите почтить имя Владимира Ильича — устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т. д., и самое главное — давайте во всем проводить в жизнь его заветы».

Крупская молила, настаивала, но безрезультатно. Спокойно, но твердо она выступала против переименования Петрограда, мумификации тела Ленина, против возведения мавзолея на Красной площади. Все было тщетно. В ней больше не нуждались, она лишилась своего положения в партии.

В воскресенье, 27 января, пурга, целую неделю бушевавшая над Москвой, внезапно стихла. Погода разгулялась, и дым костров, горевших на улицах, тянулся вверх, в морозное, ясное небо. И снова у гроба с восьми часов утра стал сменяться почетный караул. История хранит имена деятелей, стоявших в почетном карауле у гроба Ленина еще и потому, что порядок их чередования отражает ту острую борьбу за власть, которая разгорелась между членами Центрального Комитета. Первыми у

гроба Ленина выстроились: Зиновьев, Сталин, Калинин и Каменев. Очевидно, эти товарищи считали себя достойными претендентами на место Ленина. Когда через десять минут произошла смена караула, они ушли, и появились, так сказать, претенденты второго ранга: Бухарин, Рыков, Молотов и Томский. Затем их места заняли претенденты третьего ранга: Дзержинский, Чичерин, Петровский и Сокольников. А дальше уже и Куйбышев, Орджоникидзе, Пятаков, Енукидзе. Все происходило согласно тщательно продуманному протоколу, в котором были учтены даже мало-мальские детали. Каждому участнику траурной церемонии отводилась определенная роль, точно соответствовавшая его положению и степени влияния в высших сферах власти. Когда в девять часов утра пришло время перенести гроб с телом Ленина из Дома союзов на Красную площадь, все увидели, что он плывет на плечах Зиновьева и Сталина и еще шести «символических» рабочих. И это было отмечено очевидцами событий. После товарищей «первого ряда» гроб перешел на плечи Калинина, Каменева, Курского, четырех рабочих и одного крестьянина. Среди всех, удостоенных чести нести гроб с телом Ленина, крестьянство было представлено одним-единственным человеком. И это тоже было плодом дотошных калькуляций устроителей погребальных торжеств, а именно, Зиновьева и Сталина, которые являлись главными авторами всего сценария.

Все утро, а затем и день затянутый в красное гроб с телом вождя стоял на специально сооруженном деревянном помосте на Красной площади. Она представляла собой сплошное море алых флагов. У всех на рукавах были черные повязки, окаймленные алой лентой. Оркестры играли траурные марши, и вокруг красного гроба постепенно росла гора венков, увитых алыми лентами. На площади шел траурный митинг. В течение нескольких часов подряд здесь выступали с речами работники профсоюзов, железнодорожники, рабочие, коммунисты из зарубежных стран. Все они на разные лады превозносили Ленина и перечисляли его заслуги. Эти выступления почти не стенографировались, потому что главные действующие лица свои речи уже произнесли. Для того митинг и был задуман, чтобы дать возможность рядовым товарищам выговориться на прощание.

Ровно в четыре часа дня к голосам митингующих присоединился хор автомобильных гудков. Это был прощальный салют вождю. Целых пять минут по всей России раздавались автомобильные гудки, ревели сирены тысяч фабрик и заводов, свистели локомотивы в сотни и сотни свистков, трубили горны и завывали пароходы, палили пушки береговых батарей, им

вторила рокотом артиллерия морских судов, ухали, рвались снаряды — воздух наполнился оглушительным ревом и грохотом. В тот момент казалось — все, что могло реветь, грохотать, завывать, — ревело, грохотало, завывало. Это была самая настоящая перекличка гарнизонов, батарей, заводов, станков, автомобилей, поездов… Такого еще не бывало, — чтобы страна вдруг раскололась от оглушительных звуков, потому что в ней сразу, одновременно включили во всю мощь все, что могло производить страшный шум. Но это тоже входило в сценарий: машины, как и люди, должны были отдать последние почести покойному вождю, наполнив эфир надгробным воем.

В эти пять минут на Красной площади происходило следующее. В тесную усыпальницу — временный мавзолей, приготовленный для Ленина, преодолев четыре ступеньки вниз, спустились восемь человек: Каменев, Зиновьев, Сталин, Молотов, Бухарин, Томский, Дзержинский, Рудзутак. (Последний был из профсоюзных деятелей, которого Сталин продвигал на высокий пост.) Они внесли в усыпальницу красный гроб. Потом вышли, сели в машину и укатили в Кремль. В морозной дымке над закованным в снега городом взошла молодая луна. Всю ночь в лютый мороз на заснеженной площади толпились люди. К утру народ стал растекаться по домам, но ненадолго. С рассветом площадь снова была запружена людьми. Около могилы вождя стоял караул со штыками наголо. Начал падать снег, и скоро она совсем исчезла из вида под белым покровом.

По странному стечению обстоятельств могила Ленина находилась недалеко от возвышения, сложенного из камня, известного как Лобное место. Здесь во времена правления Ивана Грозного казнили государственных преступников. А царь наблюдал за казнью с высокой кремлевской башни. На Лобном месте был обезглавлен казачий атаман Стенька Разин, предводитель крестьянского восстания. С этого возвышения читались царские указы. В старину московский люд верил, что быть Москве Третьим Римом и что станет она владычествовать над всей Землей. И тогда с Лобного места будут читать указы, писанные для всего честного люда. Представлялось, что здесь как раз и находится «пуп земли», а в нем — неиссякаемый источник вечной жизни, из которого расходятся лучи во все четыре стороны света.

В резолюции 11 Всесоюзного съезда Советов было записано, что над могилой Ленина будет возведен «достойный мавзолей». Только спустя несколько лет он принял свой нынешний вид. Мавзолей был сложен из крупных монолитных блоков, облицован мрамором, гранитом, лабрадором и порфиром.

Но начали с того, что над усыпальницей соорудили куб, отделанный тесом. Он поднимался над землей примерно на три метра. Это была святая святых, куда в течение четырех с половиной месяцев доступ был разрешен только врачам и охране. Врачи бальзамировали тело. Оно было все обложено льдом, чтобы замедлить процесс распада. Доктора уверяли, что ими найден способ бальзамирования, с помощью которого тело может храниться тысячу лет. Несколько раз они докладывали, что работа почти завершена. Однако официально, для публики, мавзолей открыли только летом. Неизвестно, что это был за чудодейственный метод бальзамирования, примененный врачами, но он не дал желаемых результатов. Ленина после смерти постигла та же участь, что и старца Зосиму в «Братьях Карамазовых». Он оказался таким же смертным, как все, и, как все смертные, подверженным тлену.

За время бальзамирования временный мавзолей был расширен, его покрасили, настелили деревянные полы, стены задрапировали, положили ковры. И все же вид был убогий. Гроб стоял на деревянных балках, затянутых красным шелком. Он и крышка от него, выставленная отдельно, у стены, тоже были забраны в красный шелк. Тут же, у стены, красовались два знамени. Говорили, что это знамена Парижской Коммуны. Одно было алое с черным, другое — алое с золотом. На черном потолке красной краской изобразили серп и молот. Были включены мощные электрические лампы, и свисающие с потолка ярко-алые драпировки горели огнем, слепя глаза.

Ленин лежал, покрытый полотном красного цвета, доходившим ему до груди. Его лицо было под стеклом. За четыре с половиной месяца в его внешности произошла разительная перемена: лицо приняло серовато-восковой оттенок, сморщилось, страшно опало. Воск и формалин, сделав свое дело, изменили его. Но несомненно одно: это было его тело, тело покойного человека. Ему удалили все внутренности, а мозг отправили в Институт мозга, где он был в научных целях расчленен на двадцать тысяч микроскопических кусочков и подвергнут исследованиям. В первые часы после кончины Ленин выглядел спокойным. Теперь же он казался недовольным и мрачным, как будто за гробом его мучило чувство вины.

В первое время доступ к телу Ленина был ограничен, пускали только по специальным пропускам. Считалось, что в помещение, где покоилось мертвое тело, нельзя одновременно входить большими партиями. На стенах были укреплены градусники. Посетители успевали только кинуть быстрый взгляд на покойного, и их тотчас же выпроваживали. Отвечавшие за

сохранность тела Ленина опасались того, что излучаемое живыми людьми тепло и их теплое дыхание могут вызвать повышение температуры в усыпальнице.

Но постепенно ограничения были сняты, и через всю Красную площадь потянулась вьющейся змейкой очередь в мавзолей. Среди людей, шедших взглянуть на покойного Ленина, были и крестьяне. Преимущественно это были женщины. Прежде чем войти в мавзолей, они неизменно осеняли себя крестом, что приводило в смущение красноармейцев, стоявших на карауле. Им приходилось делать женщинам замечания, напоминая, что те идут не в церковь, не на поклон к святым мощам. Выходя из мавзолея, крестьяне озадаченно помалкивали, будто не могли взять в толк, что же такое они там видели.

Время от времени мавзолей закрывали. Но не было секретом, по какой причине: бальзамирование не очень-то удалось. Тление постоянно брало верх над усилиями врачей. И понятно, ведь для их работы не были созданы соответствующие условия. Ни вентиляции, ни воздушных кондиционеров в помещении, ни приспособлений, обеспечивающих герметичность гроба, — ничего этого не было. На подкрепление были вызваны новые специалисты, но и это не дало результатов. Процесс распада был необратим. Первые два года врачам приходилось периодически вручную укреплять воском ткани лица, чтобы оно окончательно не потеряло форму.

И вдруг весной 1926 года случилось чудо: лицо разгладилось, морщины исчезли, цвет лица стал натуральным, не серым. Глубокий старик превратился в мужчину средних лет с острым, аскетическим профилем. Считалось, что это было достижением Бориса Збарского, применившего новый способ бальзамирования. Збарский заявил, что открыл тайну точного химического состава снадобий, которые употребляли в Древнем Египте при мумификации фараонов, благодаря чему и удалось усовершенствовать процесс бальзамирования. Но поползли слухи, что тайна мумификации египетских царей, якобы открытая Збарским, вздор и что сам он наконец понял тщетность всех усилий. Говорили, что на самом деле тело было кремировано, пепел замурован в урну, а урна спущена в Волгу недалеко от Симбирска, переименованного уже к тому времени в Ульяновск; в мавзолее же лежит восковая кукла.

Власти решили произвести официальную экспертизу. К ней был даже привлечен немецкий доктор, которому в ту пору случилось путешествовать по Советскому Союзу. Он должен был дать заключение о состоянии тела. По правде говоря, ему позволили сделать весьма поверхностный осмотр, и только. В

отчете он написал, что на коже покойного им были замечены следы замораживания; что он собственной рукой ощупал щеки и приподнял руку Ленина. Из этого следовал вывод, что Ленин был замечательным образом сохранен и скорее производил впечатление спящего человека, а не покойника. Немецкий доктор захотел узнать, каковы были методы, примененные в процессе бальзамирования, и получил ответ, что это пока держится в тайне. Но через три-четыре года, когда подтвердится, что эксперимент удался, эти методы будут рассекречены. С тех пор о загадке египетского снадобья никто не вспоминал.

Наконец в 1930 году на Красной площади был сооружен внушительный мавзолей. Но тело Ленина целых восемь месяцев никому не показывали, словно оно куда-то исчезло. Причина была в том, что в Кремле прорвало канализационные трубы и сточные воды хлынули в мавзолей. Все было затоплено. Конечно, пришлось приложить немало усилий, чтобы устранить повреждения. И теперь Ленин из мужчины средних лет неожиданно превратился в молодого человека. Мало того, что разгладились последние морщинки, даже кожа сделалась на вид более упругой, и появился заметный румянец. Получился лик со старинной иконы: тонкие линии лица, удлиненный овал, высокий, крутой лоб, небольшая бородка. И куда делось выражение упрямой решимости, столь привычное на этом лице, от природы широкоскулом, явно монгольского типа, грубо слепленном? Это был уже совсем иной образ, исполненный тепла и милосердия, с отпечатком неземного; словом, почти абстрактный. Его левая рука покоилась на груди поверх френча цвета хаки, наглухо застегнутого до самого подбородка. Рука больше не была сжата в кулак. Ее выхолили, ногтям придали миндалевидную форму и покрыли розовым лаком. Теперь он лежал в стеклянном саркофаге, и на его лицо падал зловещий огненно-красный свет; остальное пространство усыпальницы утопало во мраке.

Огромный мавзолей напоминал гробницу какого-нибудь древнего короля. Сама усыпальница находилась внизу, к ней вела лестница ступенек в тридцать. В сумрачном освещении все это походило на пещерное захоронение. Итак, беспощадный к себе и людям истый революционер посмертно удостоился самых настоящих королевских почестей. И пусть остался от него всего-то лишь череп, обтянутый в несколько слоев воском пополам с краской, как тогда многие считали, — тем не менее живое присутствие ощущалось. Профессор Збарский, которому часто приходилось давать интервью, неизменно с гордостью подчеркивал, что ему удалось «восстановить» живые черты

Ленина, настолько живые, что он кажется спящим и вовсе не покойником. Такого поклонения за гробом не заслужил ни один смертный ни в одной стране на свете. Но казалось, что все эти бесчисленные миллионы людей, стремившиеся увидеть Ленина, лежащего в прозрачном саркофаге, испытывали особую потребность в таком преклонении.

Гробница Ленина, помимо своего ритуального назначения как храма всенародного поклонения дорогим останкам, могла бы выполнять и другие функции. Громадный мавзолей, напоминающий бомбоубежище, например, легко мог быть расширен, и освободилось бы пространство для других выдающихся революционных деятелей. Тогда он уподобился бы Пантеону в Париже. Но было решено использовать его как правительственную трибуну, своего рода смотровую площадку, с которой высокопоставленные лица должны были взирать на проходящие мимо мавзолея огромные демонстрации трудящихся. Такие демонстрации на Красной площади устраивали по праздникам. В том, как выстраивались и какое место на мавзолее занимал каждый из высоких правительственных чиновников, был четкий смысл: то было показателем его силы и влияния в структуре власти. На трибуне случались перестановки, появлялись новые лица. Иностранцы, да и сами русские, напряженно следили за малейшими передвижками в рядах выстроившихся на мавзолее членов правительства, пытаясь вникнуть в тайну новой власти, в хитроумную логику нового правящего класса. И в этом тоже была определенная функция мавзолея, отведенная ему руководителями государства.

В годы войны забальзамированное тело Ленина было эвакуировано сначала в Куйбышев, а потом в Казань. Боялись, что оно попадет в руки немцам. В 1945 году его вернули в Москву.

В течение почти тридцати лет, исключая период Великой Отечественной войны, Ленин одиноко покоился в мавзолее на Красной площади. После войны паломничество к его телу возобновилось с новой силой. Теперь ему поклонялись даже еще истовей, чем прежде. Возникло поверье, что Ленин каким-то мистическим образом способствовал победе русского оружия. Распространялись байки, будто бы Сталин в самые темные ночи приходил в мавзолей и совещался там с духом человека, которого в свое время свел в могилу.

Когда, наконец, умер Сталин, поцарствовав в России в свое удовольствие на манер средневекового тирана, было решено, что его надо положить рядом с Лениным. Считали, что он заслужил равную с Лениным честь. И опять в Колонном зале были с размахом затеяны похороны. И снова потянулась через Красную

площадь траурная процессия, и, как прежде, избранные лица государства несли на своих плечах гроб, причем порядок их чередования строго соответствовал их должностной иерархии. И точно так же, как после ухода Ленина, когда были казнены почти все его соратники, несшие гроб вождя на своих плечах, так и тут не обошлось без казни. Правда, из числа тех, кто нес гроб с телом Сталина, к насильственной смерти был приговорен всего один человек — Берия. Кстати говоря, среди них был один персонаж, которому особо посчастливилось: он был среди тех, кто нес гроб Ленина, и позже среди тех, кто провожал Сталина. Этим человеком был Молотов.

Даже в то время уже находились смельчаки, выступавшие против того, чтобы Сталин был помещен в мавзолее рядом с Лениным. Они мотивировали свой протест тем, что ни в коем случае нельзя приравнивать почти тридцатилетнее правление Сталина к тем пяти годам, когда у власти был Ленин. Но, невзирая на их протесты, тяжелый монолит лабрадора с именем Ленина был вынут, и на нем была сделана новая надпись, правда, буквами помельче: Сталин. Второе имя было выбито под первым. Вот так случилось, что и за гробом Ленин был потеснен своим заклятым врагом.

Но прошло всего три года, и было принято решение о развенчании культа Сталина. Настал его черед потесниться. В январе 1962 года мавзолей был закрыт. Вокруг него возвели высокую ограду, чтобы скрыть от любопытных глаз то, что происходило у его входа. А там происходило следующее: монолит с именами обоих вождей был извлечен во второй раз. Пустое место временно закрыты брезентом. Когда, наконец, брезент сняли, оказалось, что Ленин снова покоится один в своем мавзолее и над входом снова сияет его имя, а другое имя исчезло.

Мы-то знаем, как отнесся бы Ленин к идее мавзолея и к культу личности, раздутому после его смерти. Вот что он писал в начальных строках своей работы «Государство и революция»: «Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его».

Обезьяна и череп

> … Приверженец нового катехизиса выступал с такого рода заявлением: «Нет ничего кроме материи и силы; борьба за существование произвела сначала птеродактилей, а потом плешивую обезьяну, из которой выродились люди: итак, всякий да полагает душу свою за други своя».
>
> *Вл. Соловьев*

Почти все время, что Ленин работал в Кремле, на его письменном столе позади чернильницы стояла диковинная бронзовая скульптура, изображавшая обезьяну, которая с недоумением завороженно глазеет на громадный человеческий череп. Скульптура возвышалась над поверхностью стола примерно на тридцать сантиметров и как бы преобладала над прочими предметами. Мартышка сидела, ссутулившись и раскорячив нижние конечности, и всей своей посадкой как будто передразнивала позу «Мыслителя» Родена, являясь его отвратительной пародией, выполненной в гротескном стиле. Ничего забавного или же привлекательного в обезьяне не было, — напротив, это было безобразное существо премерзкой наружности. Но и человеческий череп, скажем прямо, не радовал глаз: его пустые глазницы и оскаленная челюсть производили еще более гнусное впечатление. Примат оторопело уставился на череп, а череп из пустых глазниц отвечал ему тем же. Каждому вольно представить, о чем был их безмолвный диалог.

Ленин не скрывал своего нежного отношения к бронзовой обезьяне — недаром он поместил ее на самое видное место на своем рабочем столе. Больше никаких статуэток или других произведений художественного литья там не было — это была единственная вещица подобного рода. Когда он работал, она была постоянно перед ним. Всякий раз, отрывая глаза от бумаг, он неизменно задерживал свой взгляд на обезьяне. И в том, какое исключительное, особое место занимала фигурка этого существа по сравнению с другими предметами, находившимися в кабинете Ленина, есть определенный смысл.

Спустя много времени после смерти Ленина его кабинет в Кремле был превращен в музей. Тогда все вещи, которыми он пользовался, сидя за своим письменным столом, были снова расставлены в точности так же, как при его жизни: телефоны, ножницы, ножи для разрезания бумаги, зажигалка, которую он пускал в ход, когда надо было сжечь лишние бумаги; не забыли и про обезьяну. Она тоже заняла свое законное место. Верные последователи Ленина хорошенько постарались воссоздать его кабинет точно в таком виде, в каком он его оставил. Даже

обезьяну водворили туда, где ей и полагалось быть.

В сущности, это уродливое и пошлое произведение мелкой пластики вовсе не было изваяно специально по заказу Ленина. В конце XIX века такие статуэтки тиражировались массовым производством на потребу общественному вкусу. Их можно было встретить во множестве домов — во Франции, в Германии, Скандинавии, России, где они служили своеобразным украшением типично буржуазного интерьера и стимулировали дам и господ на модные тогда разговоры; причем уродливость этой скульптуры даже как-то усиливала ее притягательность. В ней содержался намек, точнее, некое шутливое «послесловие» к дарвиновской теории происхождения человека от обезьяны. Дескать, смотрите: человека уж давно на свете нет, перевелся род человеческий, а обезьяна живет себе и живет и, глядя на то, что осталось от человека, мучительно гадает — а был ли он вообще на Земле?

Ленин был из тех людей, кто точно знал, что ему следует любить, а что не следует, что ему должно нравиться, а что не должно. В его кабинете не было ни одного случайного предмета. Каждый предмет имел свое определенное значение и назначение. Например, кусок войлока, лежавший на полу под письменным столом, был туда положен, чтобы у Ленина зимой не застывали от холода ноги. Однажды его секретари решили заменить войлок ковриком из белой медвежьей шкуры. Немедленно разразился скандал. Ленин требовал всех к ответу, допытывался, кому это пришла в голову мысль, что он должен жить в комфорте и утопать в роскоши, как какой-нибудь капиталист. Его секретари деликатно возразили ему, указав на то, что другие высокопоставленные государственные чиновники, но гораздо ниже его рангом, позволяли себе роскошь подстелить под ноги коврики из медвежьей шкуры. Но Ленин так и не смог привыкнуть к этому «изыску». В его рабочем кабинете, где он трудился целый день, подобный коврик, в его представлении, был как-то не к месту.

Стоит немного поговорить о пальме, той самой высокой пальме с блестящими зелеными листьями, которая стояла в кадке у окна. И с ней у Ленина была большая внутренняя связь. Каждый божий день он собственноручно промывал водой ее листья и следил за тем, чтобы на них не появилось ни единого больного пятнышка. Пальма в его кабинете была единственным предметом, олицетворявшим живую природу, и Ленину почему-то надо было, чтобы она росла сильной и красивой. Еще раз подчеркнем любопытную деталь: он совершенно не терпел букетов из срезанных цветов, и в его кабинете их никогда не было. Ему

невыносимо было зрелище опадающих лепестков и прочих признаков увядания. А пальма нисколько не менялась, увядание ей не грозило, и ее листья всегда сохраняли сочность, глянцевый блеск. Многие удивлялись, наблюдая, как Ленин- бережно ухаживает за пальмой, тратя на это свое драгоценное время. Все объяснялось очень просто. Давно, еще когда семья Ленина жила в Симбирске, в Казани, да и после, когда они переехали в Санкт-Петербург, в их доме всегда стояли пальмы в кадках — мать Ленина коллекционировала разновидности этого растения, любила их, разводила и выращивала. С самого детства и до той поры, когда он стал молодым человеком, в его домашние обязанности входило ухаживать за пальмами его матери, промывать их листья и следить за ними. Так что пальма в кадке, о которой сейчас идет речь, стояла в ленинском простом рабочем кабинете вовсе не «для мебели». Она служила наглядным и красноречивым свидетельством его немеркнущей любви и привязанности к своему семейству.

И поскольку, как мы уже сказали, любой предмет в обстановке этой комнаты для Ленина имел свой скрытый смысл, пришло время разгадать, какой же смысл него таился в фигурке человекообразной обезьяны, так явно бросавшейся в глаза любому, кто попадал в его кабинет. Верующий человек, несомненно, водрузил бы на это место Распятие, или статуэтку Будды, или еще какой-нибудь священный символ, в зависимости от конфессии. У Ленина на «святом» месте сидела человекообразная обезьяна. Почему?

Судя по всему, объяснение следует искать в том поклонении, с каким интеллигенция XIX века относилась к науке. Наука для нее стала своего рода идолом. Монархическое государство в России выродилось во что-то абсурдное и уже не отвечало интересам и потребностям своих верноподданных. Царская власть явно устарела, погрязла в коррупции, не справлялась со страной. Люди отвернулись от нее, а заодно и от Православной Церкви, которая тоже все больше отдалялась от своей паствы, и нашли себе другую религию — науку. По их представлению, только наука владела ключом к лучшему будущему. Для русского интеллигента сомнение в теории Дарвина или в любой другой подобной научной теории было просто немыслимо: это было бы ересью, ретроградством. Наука, при всей ее механистичности, порой и вредоносности, да и вообще спорности, заменяла людям веру в Бога. Великий русский философ Владимир Соловьев видел в этом «грехопадение» русской интеллигенции. Он писал: «… Приверженец нового катехизиса выступал с такого рода заявлением: «Нет ничего кроме материи и силы; борьба за

существование произвела сначала птеродактилей, а потом плешивую обезьяну, из которой выродились и люди: итак, всякий да полагает душу свою за други своя»». Говоря это, он имел в виду, что культурное российское общество видело в науке силу, способную создать на Земле царство всеобщей любви и гармонии. Ленин, который вопреки всем очевидным фактам отстаивал идею научности и правоты марксовой теории, твердо верил, что мир и счастье на Земле настанут только тогда, когда будет построено государство, воплотившее в себе теорию Маркса.

Но наука по природе своей антигуманна и она не может охватить все сферы человеческого бытия с его постоянной изменчивостью. Она может подытоживать, вести статистику, определять тенденции и направления в развитии человечества, выявлять факторы, которые опровергают те или иные научные законы или препятствуют их осуществлению. Для Ленина род человеческий был чем-то вроде статистического материала; он с полной уверенностью оперировал людьми, как цифрами и направлениями; и так же без всяких колебаний выявлял в человеческой массе факторы, препятствующие осуществлению его «научно обоснованной» диктатуры. Выявив их, он приступал к безжалостному уничтожению целых общественных классов во имя торжества «научных» законов. Ради победы диктатуры пролетариата дворянство, буржуазия, крестьянство, духовенство Русской Православной Церкви должны были исчезнуть с лица земли. Это была чудовищная, головокружительная затея, смысл которой заключался в том, что девять десятых всего населения России либо истреблялось, либо превращалось во что-то совершенно противоречащее своей природе.

Невзирая на то, что эксперимент этот был в корне абсурдным и все подкрепляющие его «научные» теории не имели к науке никакого отношения, Ленин упрямо проводил его в жизнь. Вот и получилось, что люди сделались для него чистой статистикой, цифирьками или костяшками на счетах, которые можно было гонять туда-сюда. При этом совсем необязательно, что он их ненавидел или намеревался унизить, вовсе нет. Ну как можно унизить статистику? Просто он рассматривал их не как живые существа, а как значки, напечатанные на белой странице. Они были ноликами, не имеющими самостоятельного значения до тех пор, пока он сам не наделял их цифровым значением. А что ему стоило взять и вырвать несколько страниц из собственного блокнота статистических выкладок и подсчетов? Так было даже лучше, и блокнот получался потоньше, и подсчеты попроще, покомпактнее данные, — словом, это только облегчало дело.

За всеми его деяниями и творениями встает, повторяем,

фигура настоящего нигилиста, которому были чужды человеческие чаяния и помыслы, обыкновенная людская жизнь. Это был фанатик, одержимый слепой верой в непогрешимость созданной им «науки», постигший все тайны ремесла разрушения. Как и Нечаев, он был предан идее «страшного, полного, повсеместного и беспощадного разрушения». Это был человек, глубоко убежденный в том, что само по себе человеческое существование не представляет никакой ценности, и оправдание собственного существования видел лишь в том, чтобы оставить след в истории, ну, по крайней мере, на тысячу лет вперед. Он был начисто лишен чувства страха, потому что для него ничто не имело значения, кроме торжества его драгоценной псевдонауки, а ценой каких страданий и человечески жертв оно могло быть достигнуто — это его не волновало. Он требовал по отношению к себе абсолютной лояльности, а сам не был лоялен ни к кому, даже к своим самым верным последователям, с которыми он мог расправиться в мгновение ока без всякого сожаления; он был способен манипулировать ими абсолютно бездушно, как будто и они были параграфом в его статистике власти. Ленин был барином по своему характеру — он был надменен, умел держать дистанцию с людьми, к которым обычно относился с иронией, даже с оттенком презрения. Кончилось тем, что вся Россия была обращена в его личные владения, коими он правил единолично, сначала восседая в Кремле, а позже из своей роскошной резиденции в Горках.

И вот теперь, когда мы ясно представляем себе его характер, взгляды и убеждения, можно еще раз взглянуть на ту самую скульптуру из бронзы, украшавшую его рабочий стол, которая изображала человекообразную обезьяну с человеческим черепом. Наконец-то эта композиция приобрела для нас смысл, зловещий смысл. Нам кажется, она выражает упадок, деградацию человеческого духа. Эти два персонажа — мартышка и череп — олицетворяют собой те пласты стихийного анархического мира, в который Ленин нес свой «порядок». По Ленину, мир состоял из человекообразных, которые должны были подчиняться его воле и повторять за ним все его уроки, как дрессированные мартышки повторяют жесты своего укротителя. А нет — так превращайтесь в человеческие останки, в череп — другого выбора нет. Людей надлежало пасти, сгонять в стада, — в школы, где суровый учитель преподносил им урок. Никто не смел противоречить ему, так же как и его последователям, — им не было даровано право свободно выражать свои мысли. Зачем? Все, что от них требовалось, — это покорное, бездумное подчинение власти. Иной участи они и не заслуживали. Потому что — кто они?

Безмозглые обезьяны, мартышки, и больше никто.

На совести у Ленина было немало грехов, но самым тяжким из них было его безграничное презрение к человечеству. А с Карлом Марксом его роднило то, что оба они относились к крестьянству как к существам низшего порядка. У Маркса, например, есть известные строки, где он проходится по поводу «идиотизма деревенской жизни» и все сословие французских крестьян сравнивает с мешком картошки, бесформенным и тяжким на подъем. Хуже, он уподобляет крестьянство разлагающемуся трупу, — да, такое омерзение вызывали у него сельские труженики. Ленин пошел дальше. В его глазах анафему заслуживали не только крестьяне, но и все другие сословия, за исключением пролетариата, с которым, впрочем, он почти не имел близкого контакта. Окружив себя представителями интеллигенции и всякими теоретиками, он и их презирал в той же степени, что и крестьян, потому что не мог среди них найти себе равного по интеллекту — таковых вокруг него не оказалось. Его трагедия заключалась в том, что ему не довелось на своем жизненном пути встретить личность, превосходящую его не только по интеллекту, человека высоких моральных качеств, общение с которым просветило бы его, расширило бы его кругозор. У ног его барахтались мелкие людишки. Зиновьев, Радек, Каменев, Бухарин и все прочие были пигмеями рядом с ним. Они были его тенями, слугами и, как та обезьяна, подражали ему, не будучи одарены ни его могучим интеллектом, ни беспощадной волей к осуществлению задуманного им торжества идеи.

Это торжество выношенных Лениным идей обернулось самым страшным испытанием, какое только выпадало на долю человечества. На деле оно воплотилось в рабское поклонение идее, требовавшей отказа от своего «я», самоуничтожения личности, безропотного служения злому гению власти, Великому Инквизитору, жестокому властелину, коему единственному из всех сущих на Земле будто бы принадлежал ключ к разгадке мироздания. В романе Достоевского «Братья Карамазовы» есть сцена, где Великий Инквизитор ведет разговор с Христом. Автор вкладывает в уста Великого Инквизитора следующие слова: «О, мы убедим их, что они тогда только станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся… И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими… Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне и авторитете». Но Великий Инквизитор, говоря о «чуде, тайне и авторитете», вовсе не относил эти слова к Христу, а вкладывал в них свой собственный смысл. Он опирался

исключительно на созданную им теорию, по которой люди не достойны свободы, их удел — рабство.

Что и говорить, Ленин действительно был великий упрощенец, а простых решений, как известно, не бывает. Он мечтал построить идеальное общество — нет ни малейшего сомнения в том, что помыслы его были чисты и страсть возвышенна, но идеалы, которым он поклонялся, предали его, как и всякого, кто им служил. В конце жизни, осознав, что пришлось претерпеть русскому народу и на какие невыносимые жертвы он обрек людей, утверждая свою диктатуру над ними, Ленин вынужден был признать свою ошибку: оказалось, он вел народ неверным путем. «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России…» — произнес он; более честной эпитафии не придумаешь. Мало кто из властителей, оставивших свой след в истории, способен произнести покаянные слова такой силы.

И то, что его преемником сделался не кто иной, как Сталин, можно объяснить лишь жуткой иронией судьбы. Неотесанный, грубый тиран, параноик и деспот, он не только был начисто лишен интеллектуальных способностей, какими обладал Ленин, он не мог путем связать на бумаге несколько слов, чтобы получилась грамотная фраза, — так безобразно он коверкал русский язык. При нем коммунизм превратился в безграничную деспотическую власть, какую доселе не знала мировая история. Ленин с его блестящим умом и интеллектом, при всем его эгоцентризме, феноменальной энергии и воле, направленной на свершение деяний весьма сомнительного свойства, со всеми его заблуждениями был, если присмотреться внимательнее, человеком. Сталин же был чудовищем. Вместе с тем важно отметить, что если бы не было Ленина, не было бы и Сталина. Ленин породил Сталина. Ленин, который ненавидел Сталина, презирал и боялся, собственными руками возвел его на трон — вот на ком вина за случившееся. Виноват он, и только он.

Решив однажды, что все средства хороши для завоевания диктатуры пролетариата, от имени которого должен был править он, и только он, Ленин обрек Россию на бесправное существование, лишив ее народ элементарных свобод. Это была деспотия без прикрас; ее оружием было истребление; ее целью были упрочение и незыблемость его собственной диктатуры. Он мог повелеть предать Европу революционному огню, не вникая в страшный смысл брошенных им слов. Подписывая декреты, он посылал на казнь тысячи и тысячи людей, и их смерть была для него абстракцией, потому что он воспринимал их как цифирки в своей статистике, которые просто были не на месте, и их следовало стереть, убрать, чтобы они не путались под ногами в

победном марше его теории. Кровавые расправы, мясорубка, что смалывала тысячи людей в подвалах Лубянки, — все это его как бы не касалось. Обуздав русского революцию и подмяв ее под себя, он ее затем предал; вот как раз в тот момент и замаячила фигура Сталина. Это было неизбежно.

Беззаконие коммунистического режима было сотворено Лениным, исключительно им. Общечеловеческого понятия морали для Ленина не существовало. С самого начала своей политической карьеры он с такой легкостью бросался словами «уничтожение», «нещадное», «истребить», как будто они были из детской считалочки, просто невинная игра. Его декреты обретали силу закона; тот, кто им сопротивлялся, объявлялся вне закона: человека лишали всех прав, в том числе права дышать. И все же порой он мог, беспристрастно взглянув на плоды своих усилий, понять бессмысленность изданных им же декретов. Новая экономическая политика по сути дела означала признание ошибочности избранного им пути. Сталин, не будучи, в отличие от Ленина, человеком большого ума, был неспособен объективно и трезво оценивать свои поступки и никогда не признавал своих ошибок. Насаждая собственный культ, он убивал, убивал и убивал, словно так называемый «научный марксизм» только для того и возник и был развит, чтобы утолить неуемную жажду Сталина к власти. Ленин тоже был крайне охоч до власти, но у него хватало нормального благоразумия и простой человеческой скромности, чтобы не потворствовать раздуванию его культа; подобные попытки вызывали у него отвращение.

«Ленин совершенно лишен честолюбия, — писал Луначарский. — Я думаю, он никогда не задумывается о том, как он выгладит в зеркале истории, и не интересуется тем, что скажут о нем потомки, — он просто делает свое дело». Луначарский писал это, когда Ленин был еще жив и его труды не были целиком изданы. Однако даже из ранних его работ, относящихся к начальному этапу ленинской деятельности, более чем очевидно вытекает, что уже тогда он рассматривал себя как историческую личность. Он твердо верил, — просто знал, что является вестником новой эры. Без всякой ложной скромности он видел в себе поборника новой веры, «Мессию», посетившего этот мир, чтобы положить конец угнетению, несправедливости и нищете.

Мы, пришедшие в этот мир уже после него, вольны по-своему оценивать роль Ленина в истории. Созданное им государство оказалось гораздо более несправедливым и во сто крат более деспотичным, чем низвергнутый им царизм. Ленин провозгласил, что в своем государстве он все построит заново. Увы, ничего нового он не создал, кроме новых названий. Все деспотические

царства одинаковы, отличаются они лишь степенью деспотичности самого правителя. ЧК — это та же царская охранка, по-другому названная, но несравнимо более бесчеловечная, жестокая и кровожадная настолько, что уничтожала несогласных классами, сословиями, всех, всех, до последнего человечка, и, надо сказать, сильно в этом преуспела. При Сталине ЧК (НКВД) еще больше обагрилась кровью, чем когда бы то ни было; более того, она превратилась в реальную власть в стране. И бывшие вожди, соратники Ленина, один за другим последовали на эшафот, повторив скорбный путь жертв созданного ими режима.

В любой стране, где к власти приходит тайная полиция, происходит следующее: по самой природе вещей эта страна теряет свою человеческую сущность, утрачивает свое место среди цивилизованных стран, выпадая из общего исторического процесса, и понятно — ведь нескончаемая череда преступлений, творящихся в ней, не есть история. Государство, которое создал Ленин, веря в то, что оно новое, было на самом деле старо, как мир. Тирании были всегда, сколько живет на земле человек. И испокон веков их девизом было: «Обезьяна и череп».

Ленин был одним из тех людей, кто считал, что причину человеческих несчастий следует искать не в законах природы, а в несовершенстве общественных институтов; человек должен научиться, как их изменить, улучшить. И Ленин действительно изменил их. Трагедия, однако, заключалась в том, что изменились они только внешне. Автократия осталась автократией, а свобода слова, которая еще со времен Клисфена считается основополагающей характеристикой любого цивилизованного общества, была категорически запрещена. Самодержец нового типа диктовал философам, что им следует осмысливать, поэтам — что воспевать, художникам — что изображать, рабочим — когда, сколько и как работать. И все они подчинялись ему, потому что у него была власть, которой нельзя было ослушаться. И что самое парадоксальное — тиран при этом должен был пребывать в уверенности, что он является истинным благодетелем рода человеческого.

В своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Карл Маркс в емком отрывке повествует, как революции, победно совершившись, оказываются в плену тяготеющего над человечеством, казалось бы, отжившего прошлого. Он пишет: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений

тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789–1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 год, то революционные традиции 1793–1795 годов».

Так и Ленин, который, выстраивая грандиозные планы преобразования России, обновления всех сторон жизни ее граждан, и представить себе не мог, что бдениями своими вызывает забытых духов прошлого. Повторяя Писарева, он сказал: «Мы все уничтожим и на уничтоженном воздвигнем наш храм!» И правда, он разрушил все, что мог, и построил новый «храм». Только это был старый «храм», но с подновленным фасадом. В наше время подобные «храмы» уже считаются анахронизмом. Человечество осуществит свою мечту, но воплотят ее в жизнь отнюдь не примитивные теории недоучек-доктринеров и фанатичных схоластов. Она осуществится с помощью свободы слова и умения терпеливо и мирно отстаивать истину. Мы не желаем больше любоваться на мартышку с черепом. Мы усвоили, что всякие доктрины — яд для нашего сознания, а любые диктатуры — вызов человеческому достоинству. И еще мы поняли, что когда страну правители ее превращают в концентрационный лагерь, то и сами они неминуемо оказываются за той же колючей проволокой.

Еще какое-то время призрак Ленина побродит, побродит по Земле, призрак этого неисправимого доктринера-догма-тика, который по сию пору не дает покоя праху миллионов его почивших современников. Но придет час, и он канет в Лету, приложившись к теням давно истлевших во тьме завоевателей и деспотов глубокой древности, так же, как и он, грешный, провозглашавших себя единственными истинными поборниками правды на этом свете, ниспосланными свыше спасителями человечества. Как и они, он превратится в анахронизм. Ленин был человеком, не ведавшим страха. Его дух метался, то воспаряя ввысь, то погружаясь в бездну мрака. Он мог быть человечным — и бесчеловечным. Вот такой он был, рожденный наполовину чувашем, отпрыском этого древнего племени, и наполовину

немцем, с его характером сухого буквоеда-профессора, посвятившего всю свою жизнь одной науке — науке разрушения. По странной прихоти истории он не только завоевал Россию, но и навис угрозой над всем миром. Отныне имя его пребудет в ряду таких имен, как Навуходоносор, Чингисхан, Тамерлан, и своим чередом отойдет в область преданий.

Основные даты жизни и деятельности В. И. Ленина [63]

1870, 22 апреля — в Симбирске в семье инспектора народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова и его жены Марии Александровны (урожденной Бланк) родился сын Владимир.

1886, 24 января — скоропостижно скончался И. Н. Ульянов.

1887, 20 мая — казнь Александра Ульянова в Шлиссельбургской тюрьме.

1887, 25 августа — Ленин принят в Казанский университет.

1887, 17 декабря — Ленин арестован за участие в студенческих волнениях и исключен из университета.

1891, сентябрь — ноябрь — Ленин сдает экстерном экзамены за юридический факультет в Санкт-Петербургском университете и получает диплом 1 степени.

1894, весна-лето — Ленин пишет книгу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

1894 — знакомство Ленина с Н. К. Крупской.

1895, 7 мая — по поручению петербургских марксистов Ленин едет за границу, чтобы установить связь с группой «Освобождение труда» и ознакомиться с западноевропейским рабочим движением.

1895, 21 декабря — арест Ленина в Петербурге.

1897, 10 февраля — Ленину объявляют приговор о высылке его в Восточную Сибирь на три года.

1897, 20 мая — Ленин прибывает в село Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии.

1898, 13–15 марта — в Минске состоялся 1 съезд РСДРП, провозгласивший основание Российской социал-демократической рабочей партии.

1898, 22 июля — Ленин вступает в брак с Н. К. Крупской.

1899, июнь — выходит в свет книга Ленина «Развитие капитализма в России».

1900, 10 февраля — Ленин покидает Шушенское в связи с окончанием срока ссылки.

1900, март — встреча Ленина с нелегально приехавшей в Россию Верой Засулич в Петербурге.

1900, 3 июня — арест Ленина в Петербурге. Освобождение через 10 дней.

1900, 20 июня — Ленин выезжает в Уфу к Крупской.

1900, 29 июля — Ленин уезжает в Швейцарию. Начало первой эмиграции, длившейся 5 лет.

1901–1902, осень—зима — Ленин работает над книгой «Что делать?».

1902, 12 апреля — Ленин переезжает в Лондон.

1903, май — Ленин переезжает из Лондона в Женеву.

1903, 30 июля — 23 августа — в Брюсселе—Лондоне проходил 11 съезд РСДРП.

1903, 18 ноября — выход Ленина из состава редакции газеты «Искра».

1904, 14 марта — Ленин пишет заявление председателю Совета партии Г. В. Плеханову, в котором сообщает о своем выходе из состава Совета партии.

1904, май — издана книга Ленина «Шаг вперед, два шага назад».

1905, 6 января — в Женеве выходит первый номер газеты «Вперед» под редакцией Ленина.

1905, 22 января — «Кровавое воскресенье» в Петербурге.

1905, 25 апреля — 10 мая — III съезд РСДРП (Лондон).

1905, 26–27 июня — мятеж на броненосце «Князь Потемкин Таврический».

1905, 21 ноября — Ленин возвращается из эмиграции в Петербург.

1906, 22 мая — Ленин под фамилией Карпов выступает с речью на трехтысячном митинге в доме графини Паниной («Народный дом»).

1906, сентябрь — 1907, декабрь — Ленин скрывается в подполье в Финляндии.

1907, февраль — по настоянию меньшевиков Ленин предстал перед судом партии.

1907, 13 мая — 1 июни — V съезд РСДРП в Лондоне.

1908, январь — скрываясь от полицейского преследования, Ленин поселяется в Швейцарии.

1908, апрель — визит Ленина на Капри по приглашению Горького.

1908, октябрь — завершение работы над книгой «Материализм и эмпириокритицизм».

1908, 14 декабря — Ленин покидает Женеву и переезжает в Париж.

1910, весна — Ленин увлекается И. Арманд.

1910, ноябрь — учреждение нелегальной популярной большевистской «Рабочей Газеты».

1911, май — Ленин организует партийную школу для

российских рабочих в Лонжюмо под Парижем.

1912, январь — 6-я (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП.

1912, 17 июня — переезд Ленина из Парижа в Польшу.

1914, 8 августа — арест Ленина в Польше.

1914, 19 августа — освобождение Ленина из тюрьмы в Новом Тарге.

1914, 3 сентября — отъезд Ленина в Швейцарию.

1915, 5–8 сентября — Первая международная социалистическая конференция в Циммервальде.

1916, 24–30 апреля — Вторая международная социалистическая конференция в Кинтале.

1916, 25 июля — смерть М. А. Ульяновой.

1917, 8 марта — начало Февральской революции в России.

1917, 15 марта — отречение Николая 11.

1917, 16 апреля — Ленин прибывает в Петроград, на Финляндский вокзал.

1917, 17 апреля — Ленин провозглашает «Апрельские тезисы».

1917, 16–17 июля — «Июльские дни» в Петрограде — массовые политические демонстрации против Временного правительства.

1917, 22 июля — Ленин уходит в подполье, скрывается в районе Сестрорецка под Петроградом.

1917, лето—осень — Ленин скрывается в Финляндии. Пишет книгу «Государство и революция».

1917, 23 октября — конспиративное заседание ЦК РСДРП(б) в квартире Суханова на Карповке, 32. «…Вооруженное восстание неизбежно и вполне созрело», — считает Ленин.

1917, 6 ноября — Ленин покидает конспиративную квартиру М. Фофановой и поздно вечером отправляется в Смольный.

1917, 8 ноября — Зимний дворец пал. Декреты о мире и земле.

1917, 20 декабря — учреждение ЧК.

1918, 18–19 января — разгон Учредительного собрания.

19/8, 20 января — Ленин пишет «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира».

1918, 10 марта — Ленин покидает Петроград. Советское правительство переезжает в Москву.

1918, 17 июля — расстрел царской семьи в Екатеринбурге.

1918, 30 августа — убийство председателя Петроградской ЧК М. Урицкого. Покушение Ф. Каплан на Ленина.

1918, сентябрь — развязывание красного и белого террора.

1918, 16 сентября — Ленин возвращается к работе после ранения.

1918, /0 ноября — Ленин заканчивает работу над книгой «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

1919, 2–6 марта — I-й конгресс Коммунистического Интернационала.

1919, октябрь — армия Деникина подходит к Орлу, а Юденича - к Петрограду.

1920, апрель — май — Ленин работает над книгой «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

1920, 19 июля—17 августа — 2-й конгресс Коммунистического Интернационала.

1920, 17 августа — Красная Армия отступает из Польши.

1920, 17 ноября — взятие Красной Армией Крыма.

1921, 28 февраля—18 марта — кронштадтский мятеж.

1921, 10 августа — Ленин подписывает «Наказ СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики».

1922, 25–27, мая — первый острый приступ болезни Ленина на почве склероза сосудов мозга, приведший к ослаблению движений правой руки и правой ноги и некоторому расстройству речи.

1922, лето — Ленин проводит большую часть времени в Горках.

1922, 11 сентября — консилиум врачей разрешает Ленину приступить к работе с I октября.

1922, в ночь с 15 на 16 декабря — резкое ухудшение в состоянии здоровья Ленина.

1922, в ночь с 22 на 23 декабря — дальнейшее ухудшение в состоянии здоровья Ленина: наступает паралич правой руки и правой ноги.

1922, 24–25 декабря — Ленин диктует свое «Завещание».

1923, 10 марта — у Ленина развивается новый приступ болезни, приведший к усилению паралича правой половины тела и к потере речи. Конец публичной деятельности Ленина.

1923, 17–25 апреля — XII съезд РКП(б): впервые без Ленина.

1923, 18–19 октября — Ленин приезжает из Горок в Москву.

1924, 16–18 января — 13-я конференция РКП(б). Сталин впервые открыто заявляет о своем праве на абсолютную масть.

1924, 21 января — смерть Ленина.

1924, 27 января — похороны Ленина.

Литература

На русском языке

Ленин В. И. Собр. соч. — М. -Л., 1920–1926. — Т. 1–20.

Ленин В.И. Соч. — 2-е изд. — М. -Л., 1925–1932. — Т. 1–30.

Ленин В.И. Соч. — 3-е изд. М. — Л., 1925–1932. — Т. 1–30.

Ленин В.И. Соч. — 4-е изд. — М., 1941–1967. — Т. 1–45.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. — 5-е изд. — М., 1958–1965. —Т. 1–55.

Ленин В.И. Биографическая хроника. — М., 1970–1982. -Т. 1–12.

Ленин В.И. Неизвестные документы: 1891–1922 гг. — М., 1999.

Ленинский сборник. — М.—Л., 1924–1985. — Т. 1–40.

Арутюнов А. Феномен Владимира Ульянова (Ленина). — М., 1992.

Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990.

Валентинов Н. Недорисованный портрет… — М., 1993.

Вернадский Г. Ленин — красный диктатор. — М., 1998.

Волкогонов Д. Ленин: Политический портрет. — М., 1997. — Кн. I-2.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. — М., 1991. — Т. 1–8.

Воспоминания о В. И. Ленине: Аннотированный указатель книг и журнальных статей 1954–1961 гг. — М., 1963.

Зиновьев Г. Соч. — М.-П., 1923–1929. — Т. 1–8, 15, 16.

Зиновьев Г. История РКП(б): Популярный очерк. — 7-е изд. — Л., 1925.

Капустин М. Конец утопии?: Прошлое и будущее социализма. — М., 1990.

Колодный Л. Ленин без грима. — М., 2000.

Котеленец Е. В. И. Ленин как предмет исторического исследования. — М., 1999.

Крупская Н. Октябрьские дни. — М., 1957.

Крупская Н. Воспоминания о Ленине. — 3-е изд. — М., 1989.

Крупская Н. Моя жизнь. — М., 1925.

Крупская Н. О Ленине: Сб. статей и выступлений. — 5-е изд. — М., 1983.

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина: Сб. документов и материалов. — М., 1970.

Ленин В. И. Биография. — 8-е изд. — М., 1987. — Т. 1–2.

Ленин: Историко-биографический атлас. — М., 1970.

Ленин: Собрание фотографий и кинокадров. — М., 1970–1972.— Т. 1–2.

Ленин и теперь живее всех живых: Рекомендательный указатель мемуарной и биографической литературы о Ленине. — М., 1968.

Лениниана: Библиография произведений В. И. Ленина и литературы о нем. — М., 1971–1990. — Т. 1–10.

Ленинизм и диалектика общественного развития. — М., 1970.

Лопухин Ю. Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина: Правда и мифы. — М., 1997.

Лукач Д. Ленин: Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. — М., 1990.

Пайп с Р. Россия при большевиках. — М., 1997.

Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. — М., 1987.

Скоробогацкий В. По ту сторону марксизма. — Свердловск, 1991.

Сталин И. Об основах ленинизма. — М., 1924.

Сталин И. К вопросам ленинизма. — М., 1926.

Сталин И. Вопросы ленинизма. — ll-е изд. — М., 1952.

Троцкий Л. История русской революции. — Н.-Й., 1976.

Троцкий Л. К истории русской революции. — М., 1990.

Троцкий Л. Моя жизнь. — М., 1991.

Троцкий Л. О Ленине. — М., 1925.

Троцкий Л. Портреты революционеров. — М., 1991.

Троцкий Л. Преданная революция. — М., 1991.

Троцкий Л. Преступления Сталина. — М., 1994.

Троцкий Л. Сталин. — М., 1990.

Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. — М., 1990. Троцкий Л. Уроки Октября. — М., 1924.

Фишер Л. Жизнь Ленина. — М., 1997. — Т. 1–2.

Шагинян М. Лениниана: Семья Ульяновых. Очерки и статьи. -2-е изд. — М., 1980.

Ярославский Е. Биография В. И. Ленина. — М.—Л., 1942.

На английском языке

Balabanoff A. My Life as a Rebel. - N.Y., 1938.

Випуап J., Fisher H. The Bolshevik Revo1ution 1917–1918. - L., 1934.

Carr E. A History of Soviet Russia. - N.Y., 1951.

Deutscher 1. The Prophet Arrned: Trotsky 1879–1921.— N.Y.,

1954.
Duranty W. 1 Write as Please. - N.Y., 1935.
Fox R. Lenin: A. Biography. — N.Y., 1934.
Hill C. Lenin and the Russian Revolution. - L., 1957.
The Impact of the Russian Revolution: 1917–1967. - L., 1967.
Кеппап G. Russia and the West under Lenin and Stalin. — Boston, 1960.
Kerensky A. The Crucifixion of Liberty. - N.Y., 1934. Kerzhentsev P. Life of Lenin. - N.Y., 1939.
Lawton L. The Russian Revolution (1917–1926). — L., 1927.
Levine 1. The Maп Lenin. - N.Y., 1924.
Lewin M. Lenin's Last Struggle. - N.Y., 1968.
Liberman S. Building Lenin's Russia. — Chicago, 1945.
Lockhart B. British Agent. - N.Y., 1933.
Marcu V. Lenin. - L., 1928.
Maxton J. Lenin. - L., 1932.
Moorehead A. The Russian Revo1ution. — N.Y., 1958.
Pollack E. The Kronstadt Rebellion. — N.Y., 1959.
Shub D. Lenin. - N.Y., 1950.
Sorokin P. Leaves from a Russian Diary. — N.Y., 1924.
Sukhanov N. The Russian Revolution: 1917. — N.Y., 1955.
Treadgold D. Lenin and His Rivals. — N.Y., 1955.
Trotsky L. Terrorism and Communism. — Michigan, 1961.
White W. Lenin. — N.Y., 1936.
Wolfe B. Krushchev and Stalin's Ghost. — N.Y., 1957.
Wolfe B. Three Who Made a Revolution. — N.Y., 1948.

На французском языке

Beucler A., Alexinsky G. Les amours secretes de Unine. — P., 1937.
Freville J. Inessa Armand. — P., 1957.
Walter G. Unine. — P., 1950.

notes

Примечания

1

Литературная газ. 2002. № 17. 24–30 апреля.

2

См. далее. Автор приводит доказательства именно этой версии ухода В. и. Ленина из жизни. — Прим. ред.

3

Страшное. — Примеч. пер.

Орфография С. Г. Нечаева. — Примеч. пер.

5

Дан в орфографии автора. — Примеч. ред.

Вероятно: «верою». — Примеч. пер.

Следует читать: «нет». — Прим. пер.

8

Ц.С. Бобровская (урожд. Зеликсон) (1876–1960) — член КПСС с 1898 г. Агент «Искры». С 1920 г. в Истпарте ЦК РКП(б), Коминтерне, ИМЛ. — Прим. ред.

9

В скором будущем один из первых российских марксистов-теоретиков. — Примеч. ред.

10

Согласно Биографической хронике В. И. Ленина (М., 1970, т. 1, с. 40) Ленин вступил в кружок Н. Е. Федосеева осенью 1888 г. — Примеч. ред.

11

Согласно Биографической хронике В. И. Ленина (т. 1, с. 41) М. А. Ульянова приобрела зимой 1889 г. небольшой хутор в Симбирской губернии. — Прим. ред.

12

Ревизские сказки — именные списки населения России XVIII — I-й пол. XIX в., составлявшиеся во время ревизий. — Примеч. ред.

13

Врач (нем.).

14

Курсив употребляю во всех случаях, где он имеется в оригинале. По всей вероятности, ЛеииН придавал особое значение выделенным курсивом словам. Стоит заметить, что он служит не только для усиления смысла, но часто означает иронию. — Примеч. авт.

15

В. В. Старко в — один из организаторов и руководителей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». — Примеч. ред.

16

Вот фамилии делегатов съезда, отцов-основателей большевистской партии: П. Струве, С. Радченко (московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»); А. Ванновский (екатеринославский «Союз борьбы…»); К. Петрусевич (киевский «Союз борьбы…»); П. Тучапский, Б. Эйдельман и И. Вигдорчик (последние два представляли киевскую «Рабочую Газету»); три делегата от Бунда — А. Крамер, А. Мутник и С. Кац. Только Струве и Эйдельман достигли впоследствии некоторой известности: Струве как видный экономист и философ, а Эйдельман на посту председателя украинской ЧК в 1919–1921 гг. — Прим. авт.

17

М. Ожье — французский журналист, автор статей по экономическим вопросам. — Прим. ред.

«Общество любителей чтения» (фр.).

19

К. фон Клаузевиц (1780–1831) — немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии. — Прим. ред.

20

Слово написано неразборчивым почерком. — Прмеч. авт.

21

«Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является». Это была любимая цитата Ленина из работы Маркса и Энгельса «Святое семейство…». — Примеч. авт.

22

Е. Чириков (1864–1932) — известный в свое время автор сентиментальных романов и пьес. — Примеч. авт.

23

М.Н. Покровский (1868–1932) — автор «Русской истории с древнейших времен» (т. 1–5, 1910–1913), «Русской истории в самом сжатом очерке» (ч. 1–2, 1920), трудов по истории внешней политики, революционного движения, историографии. — Примеч. ред.

М.Н.Лядов (Мандельштам) (1872–1947) — автор первых работ по истории РСДРП (1906–1907). — Прим. ред.

24

М.М. Литвинов (Макс Валлах) (1876–1951) — с 1918 по 1943 г. занимал видные посты в Наркоминделе. — Прим. ред..

25

А. И. Балабанова — участница русского и итальянского социалистического движения. До 1917 г., когда она приехала в Россию и вступила в партию большевиков, занимала меньшевистские позиции. В 1924 г. была исключена из рядов РКП(б). — Примеч. ред.

26

Ленин и был у Горького на Капри два раза: в апреле 1908 г. ив июне — июле 1910 г. — Примеч. ред.

27

Понятно (ит.).

«Я мыслю, следовательно, существую» (лат.).

29

С. П. Белецкий (1873–1918) — директор департамента полиции. — Прим. ред.

30

Солдат-фронтовик Первой мировой войны (фр.).

31

Е. С. Созонов (1879–1910) — русский революционер, эсер. В 1904 г. убил министра внутренних дел В. К. Плеве. — Прим. ред.

32

Разоблачение (нем.).

33

В этой главе автор излагает одну из существующих в научном обороте версий возвращения В. И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 г. — Примеч. ред.

34

1. Первый этап первой революции.

2. Не последняя революция, не последний этап.

3. В три дня свержение монархического правительства, державшегося веками и пережившего тяжелые бои 1905–1907 годов?

4. Чудо.

35

На немецком языке.

36

Тоже на немецком языке.

37

До сих пор существует неясность относительно количества людей, ехавших в опечатанном вагоне. Миха Цхакая в своих воспоминаниях говорит, что их было тридцать три человека. Ленин называет цифру тридцать два. Брокдорф-Рантцау, германский посланник в Копенгагене, в своей телеграмме на Вильгельмштрассе доносил о прибытии в Мальмё тридцати трех человек. Фриц Платтен повторяет то же число. В списке Крупской значатся следующие лица: Ленин, Крупская, чета Зиновьевых, Усиевичи, Инесса Арманд, Сафаровы, Ольга Равич, Абрамович, Гребельская, Харитонов, Линде, Розенблюм, Бойцов, Миха Цхакая, Мариенгофы, Сокольников, Радек под вымышленным именем, Роберт (сын женщины — члена Бунда) и, наконец, Фриц Платтен. Дэвид Шуб в биографической книге о Ленине пишет: «В группу входило около двадцати человек, которые не были большевиками. Ленин настоял на том, чтобы они ехали вместе с ним, чтобы сгладить неблагоприятное впечатление, вызванное тем обстоятельством, что путешествие было предпринято под покровительством германских властей». Но вряд ли сейчас сыщется достаточно осведомленный источник, способный подтвердить подобное заявление. — Примеч. авт.

38

И. Г. Церетели (1881–1959) — один из лидеров меньшевизма. После Февральской революции — член Исполкома Петроградекого Совета. — Прим. ред..

39

На этом рукопись обрывается.

В. М. Чернов (1873–1952) — один из основателей партии эсеров, ее теоретик. — Прим. ред.

41

Между нами (фр.).

42

Слова «во всей Европе» были вписаны позже. — Прим авт.

По старому стилю. — Прˆшеч. ред.

44

24 октября по старому стилю соответствует 6 ноября по новому стилю, принятому в этой книге. — Примеч. ред.

45

Генерал Александр Верховский, военный министр, вышедший в отставку 1 ноября (19 октября) после заявления о том, что война далее невозможна, русская армия воевать не в состоянии и следует срочно заключить мир с Германией. — Прим авт.

46

История этого письма загадочна. Сохранилась только его копия, напечатанная на машинке в 1924 г. В официальной биографии Ленина, изданной Институтом марксизма-ленинизма, сообщается, что это письмо было передано Крупской в ЦК вечером того же дня. Но если верить Крупской, то она добралась до Смольного — она приехала туда в грузовике — уже после того, как туда прибыл Ленин. О письме она сама не упоминает, лишь объясняет, что поехала в Смольный проверить, благополучно ли туда добрался Ленин. В официальной двухтомной «Истории гражданской войны», составителями которой были Сталин, Молотов, Горький и другие, говорится, что около 9.30 вечера Ленин написал какую-то записку, не имевшую особого значения, и отправил с ней Фофанову в Смольный. Фофанова помнит другое: он отправил ее не в Смольный, а к Крупской. Неясность остается, и нет уверенности даже в том, что письмо вообще было доставлено по назначению. — Прим. авт.

С. С. Пестковский (1882–1937) — член РСДРП с 1902 г. Участник Октябрьской революции. — Примеч. ред.

Κτῆμα ἐς ἀεί Приобретение навсегда.

49

Добровольно поступать на военную службу.

Напомним читателю, что автор выпустил книгу в 1964 г. — Прим. ред.

51

В авторской версии событий 6 июля есть очевидные неточности. — Прим. ред.

52

Напоминаем читателю, что книга Р. Пейна вышла в свет в 1964 г. — Прим. ред.

53

Г. Я. Сокольников (Бриллиант) (1888–1939) — состоял в партии с 1905 г. После Октябрьской революции находился на дипломатической (в т. ч. был членом советской делегации по заключению Брестского мира), военной (в 1919 г. — член Реввоенсовета Южного фронта) и хозяйственной работе. Будучи наркомом финансов, сумел укрепить в 1920-е гг. советский рубль, сделав его «золотым». — Прим. ред.

54

Е. Б. Бош — член партии с 1901 г. После Октябрьской революции входила в первое советское правительство Украины. В 1918–1922 гг. находилась на партийной, военной и советской работе в Пензе, Астрахани, Закавказье, Белоруссии и Украине. Выступала против заключения Брестского мира. — Прим. ред.

55

Г. Ф. Федоров — член партии с 1907 г. В 1918 г. — председатель Нижегородского губисполкома, затем Саратовского. — Прим. ред.

56

Д. И. Курский (1874–1932) — член партии с 1904 г. С 1918 по 1928 г. — нарком юстиции, с 1921 г. — член Президиума ВЦИК. — Прим. ред.

57

В.А.Аванесов (1884–1930) — член партии с 1903 г. В 1919-м — нач. 1920 г. — член коллегии Госконтроля. С 1920 по 1924 г. — зам. наркома РКИ, член коллегии ВЧК, с 1924 по 1925 г. — зам. наркома внешней торговли. — Примеч. ред.

58

П.А. Богданов (1882–1939) — член партии с 1905 г. С 1921 по 1925 г. — председатель ВСНХ и член СНК РСФСР. — Прим. ред.

59

Далее автор излагает одну из существующих в научном обороте версий ухода В. И. Ленина из жизни. — Примеч. ред.

60

Е.А. Преображенский (1886–1937) — член партии с 1903 г. Участник революций 1905 г., Февральской, Октябрьской. В 1918 г. — «левый коммунист»; в профсоюзной дискуссии (1920–1921) — сторонник платформы Троцкого. После X съезда партии — председатель финансового комитета ЦК и СНК, затем председатель Главпрофобра, один из редакторов «Правды». С 1923 г. — активный деятель троцкистской оппозиции. — Примеч. ред.

61

Обращаем внимание читателя, что книга Р. Пейна издана в 1964 г. — Примеч. ред.

С показаниями Белмаса расходится и официальная Биографическая хроника В. И. Ленина, подготовленная в свое время Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (М., 1982. Т. 12). — Примеч. ред.

63

Даны по новому стилю.